П. Милюковъ

37

ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРІИ

РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

ТОМЪ ВТОРОЙ
Вѣра. Творчество. Образованіе
ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Искусство. Школа. Просвѣщеніе

Юбилейное изданіе

ПАРИЖЪ
Изд-во „Современныя Записки"
1931

92-7
867-2-2

П. Милюковъ

ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРІИ

РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

ТОМЪ ВТОРОЙ
Вѣра. Творчество. Образованіе
ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Искусство. Школа. Просвѣщеніе

Юбилейное изданіе

ПАРИЖЪ
Изд-во „Современныя Записки“
106, rue de la Tour. Paris (16e)
1931

Vēstures krātuves
bibliotēka Nr. 10390
ПОГАШЕНО

Всѣ права сохранены за авторомъ.

Copyright 1931 by the author.

Tous droits réservés pour tous pays.

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Ленинград
О 1969 акт РК-1859
~~139632~~ 3

LATVIJAS VĒSTURES INSTITŪTS
ПОГАШЕНО

Вп 92-5368/5

Latvijas PSR
ZA Vēstures un materiālās kultūras
institūts
ПОГАШЕНО

II

СЕКУЛЯРИЗАЦІЯ ИСКУССТВА И ЕГО САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ РАЗВИТІЕ: АРХИТЕКТУРА И ЖИВОПИСЬ.

Церковь и искусство на Западѣ. — Ходъ развитія западнаго искусства. — Состояніе византійскаго искусства въ моментъ воспріятія его Западомъ и Россіей; вопросъ о его развитіи. — Дальнѣйшая судьба его на Руси. — Архитектура. — Измѣненіе византійскаго типа каменныхъ построекъ въ Новгородѣ и въ Суздалѣ. — Развитіе русской луковицы и ея деревянныя параллели: бочка и кубъ. — Примѣненіе деревянныхъ формъ въ національной архитектурѣ XVI вѣка: конструктивное значеніе «бочки». — Шатровый верхъ. — Отношеніе церкви къ національному стилю и его упадокъ. Ярославскій стиль. — Періодъ заимствованій: эксперименты на петербургскихъ «пустыряхъ». — Украинское барокко въ Москвѣ. — Архитектура времени Петра, Елизаветы и Екатерины: рококо, Палладіо и ампиръ. — Русскій орнаментъ. — Отсутствіе скульптуры. — Живопись. — Новыя изслѣдованія въ области иконописи. — Руссификація византійскихъ типовъ. Возрожденіе иконописи въ Византіи и въ Россіи въ XIV и XV в. — Національзація иконописи въ Новгородѣ и Суздалѣ. — Школа Рублева. — Традиція Діонисія. — Начало западнаго вліянія. — Сомнѣнія Вискова таго. — Дидактическія и символическія иконы. — Мѣры, принятыя Стоглавомъ, и составленіе «Подлинника». — Сложныя иконы. — Царская школа иконописи. — Измѣненіе самыхъ пріемовъ иконописанія и борьба противъ «живописнаго» письма. — Появленіе свѣтской живописи при московскомъ дворѣ. — Новыя западныя вліянія къ концу XVII вѣка и настроеніе художниковъ-иконописцевъ. — Новаторство сѣверныхъ росписей. — Сійскій подлинникъ. — Разрывъ съ прошлымъ. — Періодъ подражанія. — Сходство и различіе въ положеніи литературы и живописи XVIII в. — Портретная и пейзажная живопись VIII в. — Первое появленіе публики, заинтересованной искусствомъ, и первый шагъ живописи отъ классицизма къ жизненности (Брюлловъ). — Реалистическія стремленія Иванова. — Переходъ русскаго жанра отъ сентиментализма къ реальности и соціальнымъ темамъ (Венеціановъ и Ѳедотовъ). Шестидесятые годы въ искусствѣ и рѣшительная побѣда жанра. — Обличительная и реалисти-

ческая живопись (Перовъ и Рѣпинъ). Реакція противъ «передвижничества». Переходный періодъ къ 90-мъ годамъ. — Васнецовъ, Нестеровъ, Врубель, Сѣровъ, Суриковъ. — Группа «Міра Искусства». Ея роль въ изученіи исторіи искусства. — Импрессіонизмъ, нео-импрессіонизмъ, пост-импрессіонизмъ, экспрессіонизмъ, кубизмъ, футуризмъ. — Русскія лѣвыя теченія. — Мусатовъ, Ларіоновъ и Гончарова. — Эмиграція художниковъ при большевикахъ. — Футуризмъ. — Централизація искусства при военномъ коммунизмѣ. — Нэпъ и возвращеніе старыхъ школъ. — «Ахровскій» реализмъ. — Другія школы. — Компромиссъ «Оста». — Требованіе классовой живописи. — Появленіе новыхъ группъ. — Реакція въ «Ост'ѣ» и среди старыхъ художниковъ. — «Искусство вещи». Гравюры и плакаты. — Новыя задачи архитектуры. — Поиски стиля. — Совѣтскій театръ.

Кому случалось заглянуть въ одинъ изъ грандіозныхъ готическихъ соборовъ католической Европы во время торжественнаго богослуженія, тотъ могъ наглядно представить себѣ, какими чарами искусства западная церковь постаралась обставить удовлетвореніе религіозной потребности вѣрующихъ. Ряды массивныхъ столбовъ, какъ будто связанныхъ пучками изъ тонкихъ стройныхъ колонокъ, смѣло несутъ въ высь свои стройныя линіи и у самаго свода вдругъ разбѣгаются во всѣ стороны, навстрѣчу такимъ же колонкамъ сосѣднихъ столбовъ, переплетаясь съ ними, словно вѣтви какихъ-то гигантскихъ пальмъ. Необъятное пространство воздуха погружено въ таинственный полусвѣтъ, среди котораго тѣмъ отчетливѣе выдѣляются разноцвѣтные рисунки исполинскихъ оконъ. Густые аккорды органа неизвѣстно откуда наполняютъ все это пространство глубокими, торжественными звуками; потомъ вдругъ болѣе рѣзкая, болѣе опредѣленная мелодія струннаго оркестра прорѣжетъ неожиданно эти дрожащія въ воздухѣ волны звуковъ, и, наконецъ, среди наступившаго затишья, раздастся звучный голосъ солиста. Вы пришли взглянуть на знаменитые памятники искусства, но, смотря на распростертыя по скамьямъ фигуры молящихся, прислушиваясь къ отдаленнымъ возгласамъ священника, сопровождаемымъ частыми ударами звонка, вы на нѣкоторое время забываете, что возлѣ васъ по стѣнамъ тѣснится цѣлый лѣсъ замѣчательныхъ скульптурныхъ надгробій, а въ многочисленныхъ алтарныхъ нишахъ ждутъ васъ иконы, изъ которыхъ каждая представляетъ какой-нибудь достопамятный моментъ въ исторіи христіанской живописи: вы забываете о цѣли своего прихода и невольно поддаетесь общему настроенію.

И вы ничего не потеряете для вашихъ цѣлей наблюдателя-ту-

риста, перечувствовавъ это настроеніе. Вы находитесь въ самомъ фокусѣ средневѣковаго міровоззрѣнія, изъ котораго органически выросло западное искусство. Для искусства еще въ большей степени, чѣмъ для литературы, церковь была той лабораторіей, въ которой оно возникло, развилось и достигло полнаго развитія. И еще больше, чѣмъ отъ литературы, церковь не думала отказываться отъ вскормленнаго ею дѣтища; еще охотнѣе, чѣмъ въ области науки и философіи, церковь сдѣлала въ области искусства самыя широкія уступки новому міровоззрѣнію, только бы удержать въ своей оградѣ созданія новаго періода творчества, а при ихъ посредствѣ удержать за собою и власть надъ душой новаго человѣка. Поэтому свѣтскій элементъ здѣсь очень постепенно и медленно вытѣснялъ духовный. Чимабуэ и Джотто разрушили, при восторженномъ одобреніи паствы, символизмъ и условность формъ византійскаго стиля, оставаясь строго въ предѣлахъ религіознаго заданія. Потомъ предшественники Рафаэля замѣнили Чимабуэ, а Рафаэль замѣнилъ прерафаэлитовъ, все еще не разрывая съ религіозными сюжетами, хотя и вливая въ нихъ совершенно свѣтское содержаніе. Точно такъ же и въ музыкѣ переходъ отъ церковнаго къ свѣтскому совершился постепенно. Сперва Палестрина преобразовалъ традиціонный стиль церковной музыки; потомъ Палестрину смѣнили Бахъ и Гендель, Гайднъ и Моцартъ. Уступая требованіямъ живого мірского чувства, западная религія зато надолго сохранила способность будить вдохновеніе художника и давать пищу для новыхъ и новыхъ великихъ произведеній искусства. На Востокѣ вовсе не было на лицо этихъ условій жизненности и органическаго развитія религіознаго искусства.

Восточное искусство, правда, имѣло одинъ общій источникъ съ западнымъ. То и другое развилось изъ искусства первыхъ вѣковъ христіанства,—эллинскаго искусства, которое впервые разрѣшило художественныя задачи новой религіи съ помощью техническихъ средствъ и пріемовъ, завѣщанныхъ искусствомъ классическаго міра. Это были, правда, уже послѣдніе моменты жизни классическаго искусства. Первоначальное христіанство поставило этому искусству новыя, совершенно непривычныя задачи, потребовало замѣны реализма — символикой мистическихъ тайнъ — и тѣмъ еще ускорило его разложеніе. Не нуждаясь въ натурализмѣ античнаго искусства, христіанство могло обойтись и безъ его техники; всѣ свои наиболѣе отвлеченныя идеи оно изображало въ рядѣ условныхъ знаковъ, болѣе или менѣе упрощенныхъ. Создать такой кругъ символическихъ изображеній, который бы наглядно изображалъ наименѣе доступныя на-

глядному изображенію христіанскія идеи и въ то же время скрывалъ бы на первыхъ порахъ истинный смыслъ этихъ символовъ отъ непосвященныхъ — такова, собственно, была главная задача изобразительнаго искусства первыхъ вѣковъ христіанства.

При такомъ направленіи, условность скоро заняла мѣсто правдоподобія въ художественныхъ изображеніяхъ. Живопись быстро упала съ той высоты, на которой стояла въ древности. За нею послѣдовала и скульптура. Только въ области архитектуры христіанское искусство сразу пошло не назадъ, а впередъ. Здѣсь съ самаго начала ему пришлось самостоятельно рѣшать самую трудную задачу: создать формы новаго зданія, не предусмотрѣннаго классической древностью, — обширнаго христіанскаго храма. Эту свою задачу христіанское искусство разрѣшило блестяще и даже дало для нея нѣсколько послѣдовательныхъ разрѣшеній, все болѣе и болѣе совершенныхъ. Оно создало сперва стройную христіанскую базилику, покрытую крышей на деревянныхъ стропилахъ, потомъ византійскій храмъ съ его куполомъ въ видѣ полушарія, потомъ крестовые своды и массивныя стѣны романскаго храма, и, наконецъ, само воплощеніе архитектурной легкости и изящества — готическій храмъ съ его остроконечными арками и сводами, съ его массивными столбами и легкими стѣнами изъ стекла и каменныхъ кружевъ. Поднявшись сама на ноги, архитектура подняла и скульптуру. Сперва для архитектурныхъ цѣлей — для простого украшенія стѣнъ, а потомъ и для самостоятельныхъ цѣлей художникъ принялся за подражаніе древнимъ скульпторамъ и попытался достигнуть ихъ мастерства въ лѣпкѣ человѣческой фигуры. Это требовало знанія натуры, изученія живого человѣческаго тѣла; скульптура направляла, стало быть, христіанское искусство на тотъ же путь правдоподобія, на которомъ стояло древнее искусство и съ котораго уклонилось средневѣковое. Пріучивъ глазъ и набивъ руку на осязательныхъ, округлыхъ фигурахъ, художникъ не могъ не перенести привычки къ правдоподобію и на живопись. Какъ развитіе архитектуры дало толчокъ скульптурѣ, такъ развитіе скульптуры вывело и рисованіе изъ средневѣковаго младенчества. Поставивъ своею цѣлью — подражаніе жизни, дѣйствительности, оба изобразительныхъ искусства мало-по-малу вышли за первоначальные предѣлы. Если вначалѣ правдоподобіе было только *средствомъ* для того, чтобы произвести религіозное впечатлѣніе, то впослѣдствіи вѣрность натурѣ сдѣлалась цѣлью сама для себя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, искусство перестало преслѣдовать религіозныя цѣли и сдѣлалось свѣтскимъ. Не стѣсняемое внѣшними принужденіями, западное искусство продѣлало весь этотъ переходъ отъ

религіознаго воодушевленія къ преклоненію передъ природой и жизнью — постепенно, незамѣтно для самого себя. Такимъ образомъ, между искусствомъ христіанскимъ и свѣтскимъ, церковнымъ и секуляризованнымъ, не было никакого насильственнаго перерыва. Одно само собою выросло изъ другого.

Судьба христіанскаго искусства на православномъ Востокѣ и въ Россіи сложилась иначе. Къ намъ, какъ и на Западъ, это искусство перешло вмѣстѣ съ принятіемъ крещенія. Но уже тутъ надо замѣтить, что крещеніе у насъ и на Западѣ совпало съ очень различными моментами въ исторіи самого древне-христіанскаго искусства. Германская Европа крестилась въ VI-VII вѣкѣ по Р. Х. Въ это время древнехристіанское искусство переживало еще первый блестящій періодъ своего существованія. Подготовительный періодъ (IV-VI в.) только что закончился. Христіанскій художникъ только что овладѣлъ большею частью художественныхъ темъ, какія задавала ему новая вѣра. Это новое содержаніе было воплощено въ изящныя античныя формы, такъ что христіанское искусство казалось на первыхъ порахъ какъ бы прямымъ продолженіемъ классическаго. Художникъ не думалъ отказываться не только отъ техническихъ пріемовъ, но даже и отъ художественныхъ типовъ, выработанныхъ античнымъ искусствомъ. Съ другой стороны, онъ еще не успѣлъ отвыкнуть отъ той самостоятельности, какая необходима была при первоначальныхъ творческихъ попыткахъ изображенія христіанскихъ сюжетовъ. Разные способы разрѣшенія однѣхъ и тѣхъ же художественныхъ задачъ не были еще согласованы между собою: христіанское искусство еще не выработало окончательно своихъ постоянныхъ типовъ. Это обстоятельство оставляло большую свободу фантазіи и личному вкусу художника. Такимъ образомъ, полное жизни и движенія, перешло христіанское искусство Востока въ руки западныхъ художниковъ и только побѣда германскаго варварства надъ древней цивилизаціей погрузила его на нѣсколько столѣтій въ дремоту. Въ XII столѣтіи этотъ временный застой рѣшительно оканчивается; жизнь и движеніе снова наполняютъ христіанское искусство Западной Европы. «Художникамъ, какъ и поэтамъ», говорилось словами Горація въ служебникѣ ученаго схоластика Дурандуса (до 1285 г.), «всегда предоставлялось нѣкоторое право дерзанія».

Не такъ шло дѣло на Руси. Къ концу десятаго вѣка, когда и къ намъ пришла новая вѣра, древнехристіанское искусство успѣло окончательно сдѣлаться византійскимъ. Періодъ свободнаго творчества для него закончился. Оно разработало всѣ свои темы и установило вполнѣ всѣ типы. Уже на седьмомъ вселенскомъ соборѣ, во

исполненіе заповѣди «не сотвори себѣ кумира», и для избѣжанія упрековъ со стороны иконоборцевъ, воспрещено было употребленіе скульптурныхъ изображеній. На томъ же соборѣ нѣкіимъ Епифаніемъ высказано было мнѣніе, что въ писаніи иконъ не надо давать свободы художникамъ, такъ какъ «иконы создаются не творчествомъ художника, а закономъ и преданіемъ православной церкви; изобрѣтеніе и установленіе (типовъ) принадлежитъ святымъ отцамъ, а художнику остается только техника». Правда, соборъ не принялъ мнѣнія Епифанія въ число своихъ постановленій. Но и не получившее оффиціальной санкціи, оно, тѣмъ не менѣе, характеризуетъ духъ византійскаго искусства. Къ X-му вѣку роспись крестоваго храма, съ пантократоромъ въ куполѣ, съ Божіей Матерью въ апсидѣ, съ изображеніями праздниковъ въ средней части храма и съ страшнымъ судомъ на стѣнѣ, противоположной алтарю, все это въ строго установленныхъ формахъ — пріобрѣла почти каноническое значеніе. «Изображенію, какъ и писанію въ книгахъ, присуща божественная благодать», говорилось въ «Діалогѣ противъ еретиковъ» Симеона Солунскаго.

Изъ этого, однако, вовсе не слѣдуетъ, чтобы на всемъ протяженіи своей исторіи византійское искусство не проявило никакого внутренняго движенія и развитія. Старое мнѣніе о полной неподвижности византійскаго искусства послѣ блестящихъ изслѣдованій Millet, Diehl'я и Dalton'a, къ которымъ примкнули и наши русскіе изслѣдователи, Н. П. Кондаковъ, Муратовъ и др., должно считаться теперь окончательно опровергнутымъ. Напротивъ, византійское искусство, послѣ первой поры расцвѣта, уже отмѣченной выше, пережило еще два «золотыхъ вѣка» — въ эпоху Комненовъ (IX-X) и въ эпоху Палеологовъ (XIII-XIV в.). Такъ какъ зависимость Россіи отъ Византіи продолжалась все это время, то заранѣе можно ожидать, что и русское искусство, слѣдуя этимъ измѣненіямъ, пережило и отразило въ себѣ разныя византійскія вліянія и, такимъ образомъ, приняло участіе въ его эволюціи. Надо прибавить, что разнообразіе вносилось не только послѣдовательностью развитія восточнаго искусства *во времени*, но также и его развѣтвленіями въ *пространствѣ*. Константинополь вовсе не былъ единственнымъ центромъ восточно-христіанскаго искусства. Египетъ и Сирія, Малая Азія и Персія, Балканскія страны вложили свою долю въ его развитіе. На это обстоятельство особенно указалъ Н. П. Кондаковъ. Но его реалистическая трактовка, чуждая преувеличеній, встрѣтила возраженія со стороны энтузіастовъ, защищавшихъ автономное развитіе византійскаго искусства. Въ особенности они отрицали вліяніе Запада,

въ лицѣ Италіи, на это искусство, утверждая, что оно имѣло достаточно внутренней силы, чтобы развиться независимо отъ западнаго и, подобно ему, явить міровые образцы эстетическихъ достиженій. Послѣднее мнѣніе, благодаря энергической и компетентной защитѣ его вышеупомянутыми изслѣдователями, возобладало, вмѣстѣ съ терминологіей «ренессанса Палеологовъ». Но въ послѣднее время замѣчается, какъ увидимъ дальше, стремленіе примирить мнѣніе о независимомъ развитіи византійскаго искусства съ наличностью раннихъ (до-ренессансныхъ) итальянскихъ и даже восточныхъ вліяній.

Указывая на эти новые и чрезвычайно цѣнные результаты изученія восточно-христіанскаго искусства, мы, однако, не видимъ въ нихъ основанія измѣнять общую характеристику восточной православной культуры, не вышедшей изъ опредѣленныхъ и очень тѣсныхъ рамокъ, предуказанныхъ ей восточной формой религіи. Черты архаизма, пріобрѣтенныя въ періодъ паденія античной техники и античнаго искусства, остаются въ этомъ искусствѣ, какъ обязательная принадлежность стиля. И секуляризація этого искусства придетъ, поэтому, не извнутри и не органически, какъ на Западѣ, а извнѣ, какъ насильственный перерывъ, — въ результатѣ запоздалаго воздѣйствія новѣйшихъ западныхъ достиженій.

Всѣ упомянутые споры ведутся по поводу развитія византійскаго искусства и его вліянія въ странахъ болѣе старой культуры. Что касается Россіи, она вступила послѣдней въ этотъ православный міръ — и болѣе или менѣе пассивно восприняла византійское искусство такимъ, какимъ она его находила въ разные періоды его вліянія. Долгое время она даже получала свои произведенія искусства непосредственно изъ рукъ мастеровъ православнаго Востока. Греческіе архитекторы построили древнѣйшія каменныя церкви и соборы Кіева, Новгорода и Суздаля; греческіе же художники или ихъ добросовѣстные ученики изъ русскихъ, часто подъ ихъ руководствомъ, наполнили эти храмы стѣнной живописью, мозаикой и древнѣйшими иконами. Только постепенно, хотя и очень рано, въ заимствованный съ Востока стиль начали проникать самостоятельныя русскія черты. На первыхъ порахъ эти нововведенія совершались вопреки волѣ художника, — такъ же безсознательно, какъ перемѣны въ русской церковной практикѣ. Какъ бы то ни было, въ этихъ мѣстныхъ особенностяхъ заключались начатки національнаго русскаго искусства, и мы должны теперь остановиться на ихъ судьбѣ.

Какъ вездѣ, наиболѣе способной къ самостоятельному развитію оказалась и у насъ, на Руси, архитектура. Причину этого понять не трудно. Изъ всѣхъ видовъ художественнаго творчества архитекту-

ра есть наиболѣе матеріальный, наиболѣе тѣсно связанный съ данной житейской обстановкой. Зодчество какой бы то ни было страны всегда находится въ самой сильной зависимости отъ мѣстныхъ условій, напр., климата, почвы, наличныхъ строительныхъ матеріаловъ, привычекъ и потребностей и т. д. Крестьянинъ, приспособляя къ этимъ мѣстнымъ условіямъ устройство своей деревенской избы, конечно, вовсе не думаетъ о томъ, что создаетъ этимъ особый національный типъ постройки. А между тѣмъ, не безъ основанія, эта самая деревенская изба считается нѣкоторыми изслѣдователями за прототипъ русскаго національнаго зодчества. Прежде всего, въ странѣ лѣсовъ самобытный архитектурный стиль долженъ былъ, очевидно, создаться въ сферѣ деревянныхъ построекъ, тогда какъ каменныя постройки надолго должны были остаться подъ иноземнымъ вліяніемъ. Про каменныя постройки кіевской Руси мы очень мало знаемъ. Новѣйшія работы предполагаютъ тутъ разнаго рода вліянія, помимо византійскаго: армянское, грузинское и даже скандинавское. Во всякомъ случаѣ, національнаго русскаго вліянія тутъ еще прослѣдить нельзя: строятъ южно-русскіе соборы иностранные мастера.

Иначе стоитъ вопросъ объ архитектурѣ Новгорода и Пскова. Тутъ также предполагается иностранное вліяніе, идущее съ Запада и приносившее въ Россію отголоски романскаго стиля. Но въ приземистой, низенькой формѣ новгородскихъ церквей, въ ихъ покрытіи двускатной крышей на каждой изъ четырехъ сторонъ куба, замѣнившемъ фронтонное покрытіе южнаго храма, нельзя не видѣть вліянія мѣстнаго климата и деревянной архитектуры. Такимъ образомъ, здѣсь уже даютъ себя знать черты, пріобрѣтенныя церковнымъ зодчествомъ въ Россіи. Переходя къ владиміро-суздальской архитектурѣ, мы стоимъ на болѣе твердой почвѣ. Здѣсь романскія — и именно итальянскія вліянія — уже несомнѣнны. Отличительная черта владимиро-суздальской церкви сравнительно съ новгородской — ея стройность, стремленіе въ высь, — и все увеличивающіяся украшенія стѣнъ, простыхъ и голыхъ въ Новгородѣ. Здѣсь онѣ украшаются пояскомъ изъ арочекъ и колонками на высотѣ второго этажа, романскимъ порталомъ, — и лѣпными украшеніями (Покровская церковь, Дмитріевскій и Георгіевскій соборы). Конечно, нельзя выводить эти суздальскія особенности изъ національной архитектуры. Даже самые горячіе защитники самобытности русской архитектуры пытались лишь доказать происхожденіе ихъ изъ Азіи, чтобы не быть принужденными выводить ихъ изъ Западной Европы. Очень вѣроятно, что это — просто продуктъ *новыхъ* русскихъ заимствованій изъ

Византіи, гдѣ къ тому времени успѣли сложиться новыя формы архитектуры и орнамента. *Тамъ,* въ Византіи, эти новыя формы, несомнѣнно, отчасти соединили въ себѣ восточныя и западныя (итальянскія) вліянія, отчасти послужили передаточнымъ звеномъ при воздѣйствіи востока на западъ. *У насъ,* въ суздальской Руси, новыя особенности опять явились лишь болѣе или менѣе удачными копіями готовыхъ образцовъ. Какъ бы то ни было, имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ романскимъ или индійскимъ или вообще восточнымъ стилемъ, пришелъ ли онъ на Русь черезъ Новгородъ, или черезъ Византію, или, наконецъ, черезъ южныя степи, — во всякомъ случаѣ, это не былъ тотъ стиль, выработанный на мѣстѣ, черты котораго мы хотимъ прослѣдить въ русской архитектурѣ.

Московская архитектура является вначалѣ простой подражательницей суздальской. Призывая знаменитыхъ итальянскихъ мастеровъ для возведенія кремлевскихъ церквей, Иванъ III прямо ставить имъ въ обязанность руководиться древними типами каменнаго зодчества. Такимъ образомъ, московскій Успенскій соборъ, построенный въ 1475-79 гг. Родольфо Фіораванти (прозваннымъ Аристотелемъ) по наружности явился только легкой варіаціей на темы той же суздальской архитектуры*).

Въ это же время, однако (1490), другой кремлевскій соборъ (Благовѣщенскій) отстраивается русскими мастерами изъ Пскова. При этомъ случаѣ едва ли не впервые проникаетъ въ московскую каменную архитектуру новый элементъ, происхожденіе котораго приходится искать уже не на Востокѣ и не на Западѣ, а въ строительныхъ формахъ *мѣстнаго* деревяннаго стиля. Къ серединѣ XVI вѣка новыя каменныя формы, составляющія подражаніе деревяннымъ, уже примѣняются русскими мастерами съ той свободой, о которой свидѣтельствуетъ самый замѣчательный памятникъ этого новаго національнаго стиля — соборъ Василія Блаженнаго.

Чтобы наглядно показать, какъ проникали новыя русскія формы въ старый византійскій стиль, мы остановимся на одномъ, но зато самомъ яркомъ примѣрѣ: на исторіи покрытія русской церкви.

Вопросъ о томъ, какъ свести крышу надъ постройкой, всегда оставался въ исторіи архитектуры однимъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ, отъ разрѣшенія котораго зависѣлъ тотъ или другой стиль постройки. Византійское искусство цвѣтущей поры (VI—VII в.) сво-

*) Надо замѣтить, однако, что, ознакомившись съ Владимирскимъ соборомъ, Фіораванти призналъ въ немъ также твореніе «нашихъ» (т. е. итальянскихъ) мастеровъ.

дило сводъ надъ храмомъ въ формѣ опрокинутаго полушарія, непосредственно опирающагося на «плечи» храма (см. рис. № 1: куполъ св. Софіи въ Константинополѣ). Византійская архитектура эпохи второго расцвѣта, IX и X вѣка, подвела подъ этотъ полукруглый куполъ «шею» или «барабанъ», что придало покрытію характеръ большей стройности и легкости (рис. № 2: куполъ церкви Теотокосъ въ Константинополѣ). Въ послѣдующіе вѣка третьяго расцвѣта — мѣстныхъ греко-славянскихъ національныхъ стилей (XIII — XV) — барабанъ сталъ еще тоньше и стройнѣе, соотвѣтственно большей расчлененности остальныхъ частей храма. Въ этихъ двухъ послѣднихъ видахъ византійское покрытіе перешло въ Россію. Правда, покрытія старѣйшихъ храмовъ кіевской Руси, большей частью, не сохранились, и ихъ только гадательно возстановляютъ по образцу рисунка № 2. Но еще въ суздальской архитектурѣ покрытіе сохраняло тотъ же плоскій характеръ, вызывавшій сравненіе церковной главы со «лбомъ» (рис. № 3: Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ). Однако, на рисункахъ древнихъ русскихъ рукописей уже въ XII — XIV вѣкахъ мы видимъ иную форму купола, — ту, которая господствуетъ и теперь (см. рис. № 4, рисунокъ рукописи 1100 года). Византійскій куполъ превратился въ русскую «луковицу»: къ полушарію въ средней части была прибавлена выпуклость (такъ наз. «пучина»), а въ верхней части куполъ сведенъ былъ въ остріе (рис. № 5). Несомнѣнно, подобныя формы существуютъ въ восточномъ искусствѣ; надо прибавить, что ихъ можно найти и въ мусульманскомъ и даже, въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ западномъ искусствѣ. Но для той же формы, съ другой стороны, можно найти параллель и въ мѣстной деревянной архитектурѣ древней Руси. Деревянныя продолговатыя зданія крылись у насъ встарину такъ называемой «бочкой», нижняя треть которой отсѣкалась, средняя треть дополнялася «пучиной», а верхняя сводилась острымъ ребромъ. Иногда продольная бочкообразная крыша пересѣкалась поперечною (рис. № 6, взятъ, какъ и слѣдующій, изъ деталей извѣстнаго Коломенскаго дворца). Иногда, — именно надъ квадратнымъ пространствомъ, — четыре обрѣза такой бочкообразной крыши непосредственно соединялись между собой, сгибаясь при этомъ по линіямъ обрѣза, и принимали форму такъ наз. «куба». Въ этомъ видѣ крыша пріобрѣтала уже большое сходство съ церковной луковицей (рис. № 7). Сходство это становилось еще болѣе значительнымъ, когда крыша сводилась не надъ квадратомъ, а надъ многоугольникомъ, какими часто строились «барабаны» церквей. Въ этомъ случаѣ покрытіе пріобрѣтало многогранную форму, сохраняя въ то же время черты «бочки» и «куба» (рис. № 8).

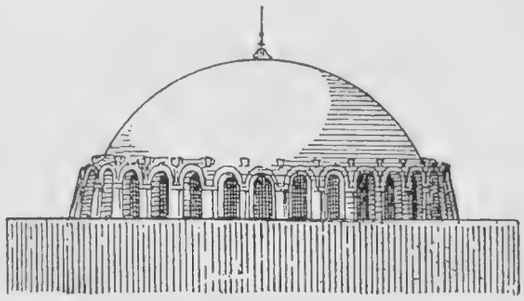


Рис. № 1.

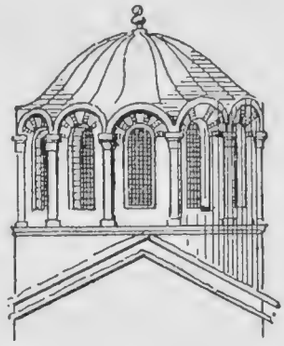


Рис. № 2

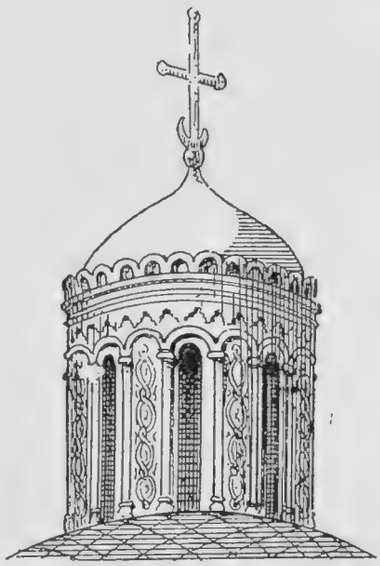


Рис. № 3.

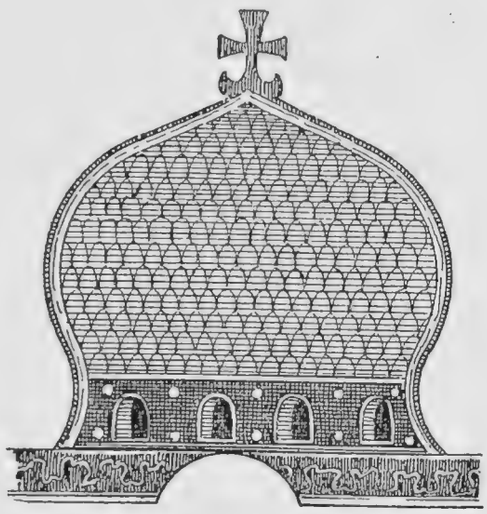


Рис. № 4.

Рис. № 5.

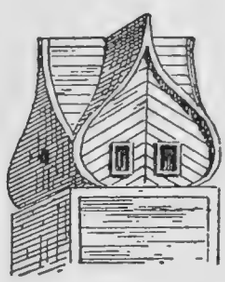


Рис. № 6.

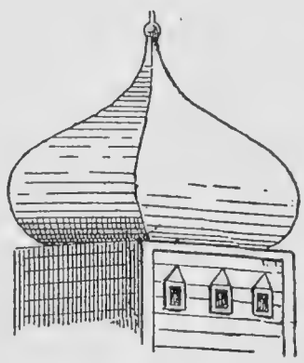


Рис. № 7.

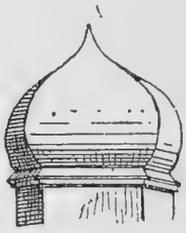


Рис. № 8.

Рис. № 11.

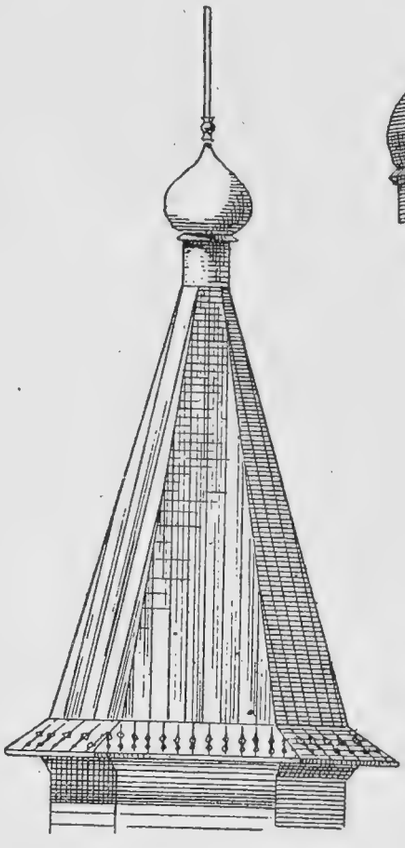


Рис. № 9.

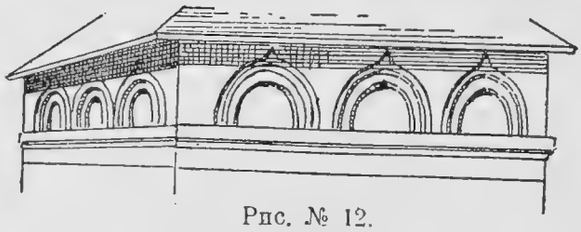


Рис. № 12.

Рис. № 10.

Явилась ли русская церковная глава «луковицей» именно такимъ путемъ, изъ покрытія деревянныхъ церквей, или какимъ-либо инымъ — объ этомъ спеціалисты много спорили. Но дальнѣйшее проникновеніе деревянныхъ формъ въ каменную архитектуру совершается уже на нашихъ глазахъ. Именно оно-то и создаетъ типичныя черты московской архитектуры XVI вѣка.

«Бочка» есть уже фигурное покрытіе крыши. Чаще, конечно, крыша крылась обыкновенными гладкими скатами, съ той только разницей отъ современныхъ, что скаты были круче и вся крыша поднималась выше. Крутой скатъ и значительная высота крыши должны были способствовать быстрому скатыванію влаги и, такимъ образомъ, предохранять крышу отъ гніенія. Тѣмъ же приспособленіемъ къ климатическимъ условіямъ объясняется плоскій карнизъ или «оболомъ», «полица», которыми кончалась крыша. Этотъ карнизъ, обыкновенно очень широкій и выступавшій надъ стѣнами, долженъ былъ защищать стѣны отъ сильнаго стока воды. Надъ квадратнымъ пространствомъ высокая и крутая русская крыша съ обломами принимала видъ пирамиды, покоящейся на широкомъ основаніи (см. рис. № 9: деревянная церковь въ Олонецкой губ.). Такъ крылись обыкновенно колокольни старинныхъ деревянныхъ церквей. Это покрытіе называлось «шатромъ». Оба способа покрытія, «шатеръ» и «бочка», могли соединяться вмѣстѣ: такимъ образомъ получалась новая, очень красивая форма покрытія (рис. № 10: колокольня деревянной церкви въ Геѳсиманскомъ скиту).

И въ этомъ видѣ, и въ видѣ простого шатра русское покрытіе перенесено было въ XVI вѣкѣ съ дерева на камень. При такомъ перенесеніи «бочка» получила новое, весьма важное значеніе: она стала служить средствомъ для сведенія каменнаго свода. Надъ пространствомъ, которое надо было покрыть, сводились въ нѣсколько рядовъ другъ надъ другомъ арочки; каждый высшій рядъ опирался на предыдущій и постепенно сужалъ срединное пространство, пока, наконецъ, надъ оставшимся въ срединѣ отверстіемъ получалась возможность поставить шатеръ или «шею» купола (рис. № 11: Покровская церковь въ Москвѣ). Снаружи эти арочки или «закомары» образовали рядъ «кокошниковъ», то совершенно закругленныхъ, то съ остріемъ въ верхней части, то снабженныхъ еще, кромѣ острія, и «пучиной», т. е. совершенно сходныхъ съ обрѣзомъ деревянной бочки. Благодаря этимъ рядамъ кокошниковъ, наружный видъ покрытія получался очень живописный.

Мы указали на конецъ XV столѣтія, какъ на время перваго проникновенія въ московскую архитектуру чисто русскихъ формъ по-

крытія (Благовѣщенскій соборъ). Псковскіе мастера впервые примѣнили здѣсь въ камнѣ бочкообразное покрытіе, выведенное наружу въ формѣ «кокошниковъ» съ заостреннымъ верхомъ. Но въ украшеніяхъ и входа и наличниковъ оконъ они воспользовались итальянскими мотивами. Это было время, когда русскія посольства, одно за другимъ, вывозили изъ сѣверной Италіи строителей кремлевскихъ соборовъ и стѣнъ (1484, 1488, 1493, 1499-1504, 1527). Миланецъ Алевизіо Нови построилъ Архангельскій соборъ (1505-9) и нижній этажъ теремовъ (1508). Антоній Соларіо, его землякъ, вмѣстѣ съ Марко Руффо построилъ Грановитую палату, по образцу Palazzo Bevilacqua въ Болоньѣ, и вмѣстѣ съ Руффо соорудилъ стѣны Кремля съ нижними этажами ихъ башенъ, по образцу Castello Sforzesco въ Миланѣ.

Однако, непосредственно послѣ постройки итальянскаго Кремля, русскіе мастера берутъ свой реваншъ. Усвоивъ заграничную технику, они смѣло переносятъ деревянныя формы національной архитектуры на камень. Съ 20-хъ годовъ XVI вѣка примѣненіе этихъ формъ совершается все чаще и смѣлѣе. Надъ кокошниками поднимается высокій каменный «шатеръ», придавая церкви видъ стройной башни (№ 13: церковь с. Коломенскаго подъ Москвой, 1521). Эту центральную башню окружаютъ боковыя башенки поменьше размѣромъ, но той же конструкціи. Формы кокошниковъ и барабановъ причудливо измѣняются (№ 14: сосѣдняя съ предыдущей церковь с. Дьякова, 1529). Такимъ образомъ подготовляется почва для оригинальнѣйшаго созданія русской архитектуры, собора Василія Блаженнаго (1555). Соборъ этотъ былъ построенъ *русскими* мастерами, Постникомъ и Бармой, «премудрыми и удобными къ такому чудному дѣлу», какъ характеризуетъ ихъ лѣтописная замѣтка о построеніи собора. Этимъ рѣшается окончательно длинный споръ о стилѣ Покровскаго собора. Не Востокъ и не Индія дали начало этому стилю; всѣ существенныя его особенности происходятъ по прямой линіи отъ архитектурныхъ мотивовъ русскаго деревяннаго зодчества.

Такимъ образомъ, къ срединѣ XVI вѣка вполнѣ выработались основные элементы русскаго самобытнаго архитектурнаго стиля. По отношенію къ традиціонному византійскому стилю введеніе этихъ элементовъ было непростительнымъ новшествомъ, котораго не могла допустить русская церковь. Все, что выходило изъ рамокъ установленнаго издревле византійскаго образца, не могло быть терпимо. Чтобы остаться вѣрнымъ этому образцу, Иванъ III велѣлъ Аристотелю Фіораванти подражать суздальскимъ образцамъ. Съ тою же самою цѣлью правительство XVII вѣка многократно предписывало подра-

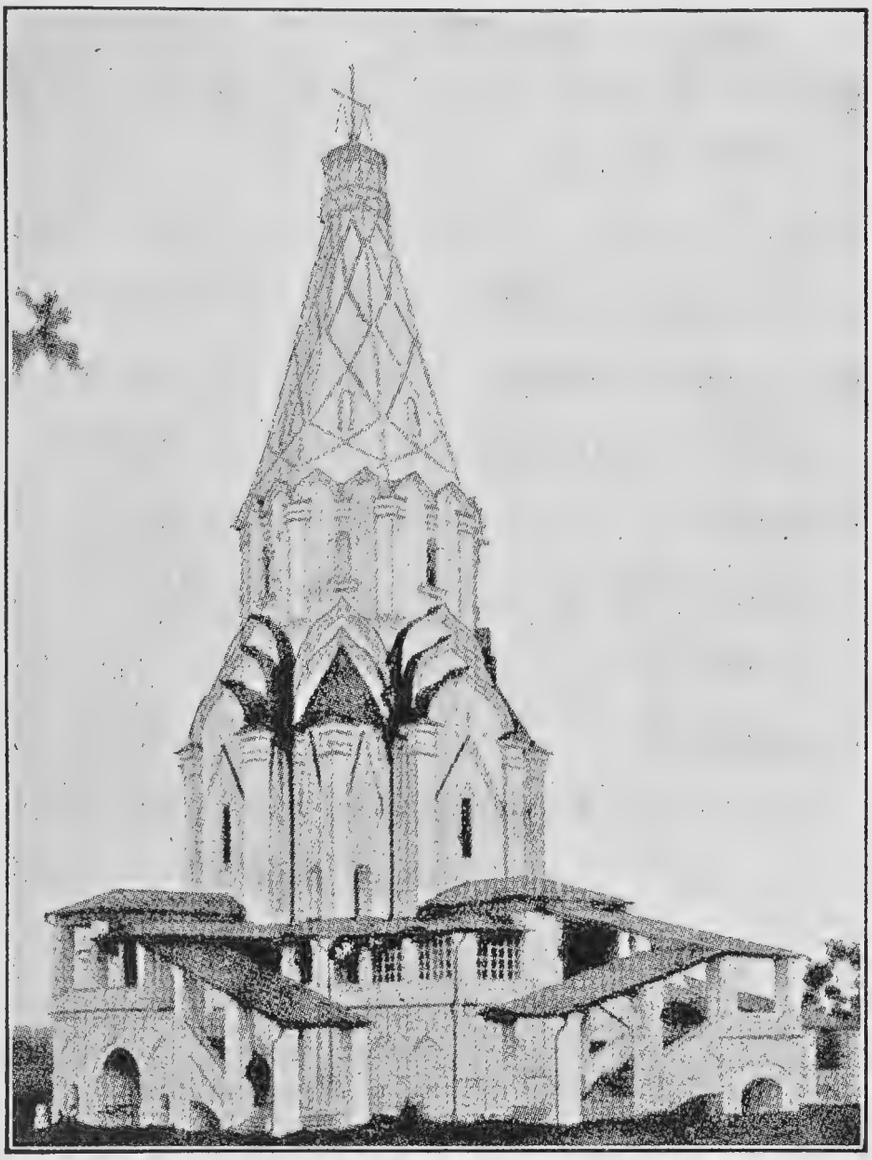


Рис. № 13.

Церковь с. Коломенскаго подъ Москвой, 1521 года.

Рис. № 14.

Церковь с. Дьякова подъ Москвой; 1529 года.

жать Успенскому собору Ивана III и «ничего не претворять по своему замышленію». «Церковь Божію» повелѣвалось «строити по правиламъ св. апостолъ и отецъ, чтобы была о пяти верхахъ, *а не шатромъ*»...; «строить по чину правильнаго и уставнаго законоположенія, какъ о семъ правила и уставъ церковный повелѣваютъ, — о единой, о трехъ или о пяти главахъ, — а шатровой церкви отнюдь не строить»... «а глава на церкви была бы не шатровая». Какъ видимъ, національныя особенности церковной архитектуры раздѣлили судьбу національныхъ особенностей русской церковной практики. Тѣ и другія особенности процвѣтали и выдвигались на первый планъ въ XVI вѣкѣ, а въ XVII-мъ были осуждены, какъ измѣна византійской старинѣ. И безъ того бѣдная духовнымъ содержаніемъ національная жизнь была еще болѣе обезсилена болѣзненной операціей — отсѣченія всего національнаго, какъ ложнаго.

Нѣкоторое сопротивленіе московскимъ приказамъ было оказано не въ столицѣ, а въ верхнемъ Поволжьѣ. Ярославль сдѣлался во второй половинѣ XVII вѣка богатымъ торговымъ городомъ, благодаря своему положенію на пересѣченіи волжскаго пути съ оживленной торговой дорогой, соединяющей Москву съ единственной приморской гаванью, Архангельскомъ. Разбогатѣвшіе купцы увѣковѣчиваютъ свои имена построеніемъ обширныхъ храмовъ, окруженныхъ широкими галлереями. Отъ пятиглаваго типа и ярославцы не смѣютъ отступить, но они вознаграждаютъ себя, окружая центральный кубъ роскошными переходами и порталами, шатровыми колокольнями, декоративной отдѣлкой стѣнъ кирпичными и фаянсовыми узорами и богатой внутренней росписью, къ которой мы еще вернемся. Ярославскій стиль распространяется также на Ростовъ, Борисоглѣбскъ и Угличъ: вмѣстѣ взятые эти образцы сѣверной архитектуры составляютъ особую главу въ исторіи русскаго искусства.

Однако же, въ общемъ, задатки національной архитектуры не устояли противъ гоненія. Шатровый верхъ продолжалъ употребляться только для колокольни. Столь любимые русскимъ зодчествомъ кокошники потеряли мало-по-малу свое прежнее строительное значеніе и пріютились подъ церковной крышей въ качествѣ простого орнамента (рис. № 12: церковь Благовѣщенія въ с. Тайнинскомъ, близъ Москвы). Такимъ образомъ русская архитектура уже не много сохраняла своего собственнаго содержанія, когда началось усиленное вліяніе на нее Запада. Трудно сказать, къ чему привело бы это вліяніе, если бы у русскихъ зодчихъ было что ему противопоставить; но такъ, какъ стояло дѣло, заимствованіе привело къ забвенію націо-

нальныхъ задатковъ и къ копированію готовыхъ иностранныхъ образцовъ.

Со времени Петра новый потокъ иностранныхъ вліяній, нѣмецкихъ, французскихъ, итальянскихъ, англійскихъ, устремляется въ область архитектуры, какъ и въ другія области русской культурной жизни. Въ архитектурѣ эти вліянія оставили особенно замѣтные слѣды, такъ какъ новая столица представляла широкій просторъ для зодчества въ новыхъ стиляхъ, а неистощимыя средства, какими располагалъ расточительнѣйшій изъ европейскихъ дворовъ того времени, петербургскій, давали возможность выписывать изъ-за границы лучшихъ мастеровъ, давать въ ихъ руки грандіознѣйшія заданія и снабжать ихъ всѣми необходимыми для осуществленія данными. Вслѣдъ за правительственными заказами шли заказы очередныхъ дворцовыхъ фаворитовъ и придворныхъ сановниковъ, а усвоенныя въ столицѣ архитектурныя формы воспроизводились на пространствѣ всей Россіи не столько въ городахъ, сколько въ помѣстьяхъ владѣльцевъ десятковъ и сотенъ тысячъ крѣпостныхъ душъ.

Конечно, это искусство, еще болѣе чѣмъ искусство другихъ эпохъ, стояло очень высоко надъ уровнемъ пониманія и потребностей массы. И конечно, нельзя говорить по его поводу о какомъ либо «національномъ» стилѣ. Но все же и относиться къ нему только какъ къ подражательному и потому не заслуживающему вниманія, послѣ работъ Игоря Грабаря, А. Бенуа и др., не представляется возможности. Что касается подражательности, необходимо замѣтить, во-первыхъ, что, какъ это было и въ періодъ византійскаго вліянія, самый источникъ заимствованій не оставался неизмѣннымъ. Стили архитектуры мѣнялись, — и русскіе заказчики или строители съ нѣкоторымъ опозданіемъ слѣдовали за очередной модой въ Европѣ. За стилемъ барокко тамъ уже въ первой половинѣ XVIII вѣка послѣдовалъ стиль Палладіо, смѣненный во второй половинѣ вѣка болѣе чистымъ античнымъ стилемъ, перешедшимъ, въ свою очередь, въ началѣ XIX вѣка въ строгій «эллинскій» стиль «ампиръ». Всѣ эти ступени были пройдены и въ Россіи. Во-вторыхъ, какъ увидимъ, архитектурныя заданія во всѣхъ этихъ стиляхъ осуществлялись не одними только иностранными мастерами. Имъ сопутствовали русскіе, выучившіеся ихъ искусству на ихъ же родинѣ. Въ Россію они привезли не только пріобрѣтенныя за границей знанія, но и свои таланты, поставившіе нѣкоторыхъ изъ нихъ наряду съ европейцами. Такимъ образомъ, и въ подражательный періодъ XVIII вѣка, строительное искусство въ Россіи не только не умирало, но и оставило по себѣ новыя, небывалыя прежде достиженія. Вся каменная архитектура, какъ церковная, такъ и почти совершенно новая въ русской исторіи

свѣтская, — правительственная и частная развивалась въ XVIII и въ первой четверти XIX в. подъ знаменемъ космополитизма, какъ и все русское образованіе того времени. Но она развивалась на мѣстной почвѣ и, естественно, отразила на себѣ всѣ мѣстныя особенности.

На протяженіи болѣе столѣтія Петербургъ остался при этомъ главнымъ поприщемъ для архитектурныхъ экспериментовъ. Отъ Петра до Николая сѣверная столица продолжала быть тѣмъ «городомъ дворцовъ, окруженныхъ пустырями», какой нашелъ ее Дидро въ 1773 году (т. III, стр. 335). И правительственная власть одинаково сохранила самый непосредственный контроль надъ столичнымъ строительствомъ и тогда, когда петровская «Канцелярія Строеній» (1719 г.) предписывала обывателямъ строить «непремѣнно изъ камня или хоть съ разрисовкой стѣнъ подъ кирпичи», «образцовые» дома по планамъ итальянца Трезини «для подлыхъ», зажиточныхъ и «зѣло именитыхъ», — и тогда, когда Архитектурный Комитетъ Александра I утверждалъ или отвергалъ планы и фасады строеній и регулировалъ улицы и площади по указанію Государя*). При этомъ надо помнить, что и Петръ, и Екатерина, и Александръ были одержимы настоящимъ ражемъ строительства. Извѣстна спѣшка, съ которой Петербургъ строился Петромъ, запретившимъ «во всемъ государствѣ, понеже каменное строеніе здѣсь зѣло медленно строится, всякое каменное строеніе, подъ разореніемъ всего имѣнія и ссылкою» (ср. т. III, стр. 194). Уже Петръ непремѣнно хотѣлъ, чтобы его столица сравнялась съ «резиденціями чужихъ государей». Въ 1779 году, Екатерина такъ характеризовала свое строительство въ письмѣ Гримму: «Строительное неистовство у насъ сейчасъ свирѣпствуетъ больше, чѣмъ когда ни было, и едва ли землетрясеніе разрушало столько зданій, сколько мы ихъ воздвигаемъ... Это прямо болѣзнь, нѣчто вродѣ запоя». Александръ раздѣлялъ эту страсть. Проекты построекъ слѣдовали за нимъ во время скитаній по Европѣ; по словамъ Вигеля, онъ «хотѣлъ сдѣлать Петербургъ красивѣе всѣхъ посѣщенныхъ имъ столицъ Европы».

И дѣйствительно, «пустыри» Петербурга дали иностраннымъ, а за ними и русскимъ, архитекторамъ такой просторъ для осуществленія самыхъ необузданныхъ по размаху проектовъ, какой не могла дать никакая другая столица. Въ результатѣ, Петербургъ за эти сто лѣтъ превратился изъ города «пустырей» въ городъ монументальныхъ зданій для правительственныхъ и общественныхъ надобностей,

*) О «Высочайше утвержденныхъ для обывателей фасадахъ» Николая I см. ниже, стр. 489.

но не для частнаго жилья. Правда, Кюстинъ въ извѣстной своей книгѣ «La Russie en 1839» находилъ, что всѣ эти постройки, перенесенныя изъ подъ безоблачнаго неба Италіи и Эллады въ болото туманнаго и дождливаго Петербурга, нарушаютъ гармонію пейзажа своими колоннадами и горизонтальными линіями. Но тѣмъ ярче характеризуетъ эта архитектура эпоху просвѣщеннаго абсолютизма, разорвавшаго съ традиціей, но не нащупавшаго еще собственной національной почвы подъ ногами и въ получившейся пустотѣ безпрепятственно окружившаго себя атмосферой чужеземныхъ культуръ, обстановкой галантности и нѣги.

Переходомъ отъ допетровской эпохи національнаго зодчества къ подражательной петровской, служитъ своеобразное усвоеніе Москвой стиля поздняго ренессанса, распространившагося въ теченіе XVII вѣка по всей Европѣ и извѣстнаго подъ названіемъ «барокко». Стиль этотъ отличается отступленіемъ отъ художественной простоты ренессанса и перевѣсомъ декоративныхъ мотивовъ надъ конструктивными. Прямая линія въ немъ замѣняется кривой, фронтоны разрываются въ серединѣ, принимаютъ формы изогнутой линіи и замѣняются «щитами», независимыми отъ покрытія. Стѣны, такъ же, какъ капители колоннъ, наличники оконъ и т. п., все болѣе заполняются лѣпными украшеніями. Вопреки пренебрежительному смыслу самаго названія («барокко» значитъ кривое, странное, неправильное), стиль барокко имѣетъ свои достоинства и даетъ просторъ новому оригинальному творчеству. Въ московскую Русь этотъ стиль перешелъ, какъ и всѣ новинки послѣдней трети XVII вѣка, съ Запада, именно изъ Польши черезъ Украину. Барокко имѣло здѣсь свой періодъ развитія и оставило рядъ замѣчательныхъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о вліяніи мѣстной деревянной архитектуры, которая сама заимствовала предварительно черты этого стиля. Наибольшій расцвѣтъ украинскаго періода барокко связанъ съ именами Петра Могилы въ серединѣ и гетмана Мазепы въ концѣ XVII столѣтія. Интересно отмѣтить, что къ концу вѣка малороссы начинаютъ обмѣниваться съ Москвой строителями въ этомъ стилѣ. (Янко — а не «Ивашко» — Бухвостовъ въ Москвѣ; великороссъ Осипъ Старцевъ, вызванный Мазепой изъ Москвы на Украину).

Въ Москвѣ польско-украинское барокко вызываетъ въ концѣ XVII в. созданіе особой разновидности этого стиля. Церковная традиція удерживаетъ форму пятиглавнаго храма на крестовомъ планѣ, и строители воздерживаются нѣкоторое время отъ формы базилики. Затѣмъ, въ Москвѣ сохраняются «подклѣти», террасы кругомъ церкви и т. п. Но луковичная форма главы уступаетъ мѣсто фигурной западной, съ перехватами; боковыя главы уменьшаются

въ размѣрахъ сравнительно съ центральной и ставятся надъ особыми башенками, исчезая иногда совершенно и уступая мѣсто одноглавой или, по-украински, трехглавой формѣ. Шатеръ пересталъ употребляться для колокольни, замѣняясь многоярусной башней, вытягивающейся кверху посредствомъ уменьшающихся кверху двухъ, трехъ, четырехъ и даже пяти осьмигранныхъ барабановъ. Фронтоны оконъ принимаютъ форму «пѣтушьихъ гребешковъ». и т. д. Наиболѣе извѣстными образцами этого типа московскаго барокко являются московскія церкви Новодѣвичьяго монастыря, узорная церковь Николы Большого Креста и церковь Владимірской Божьей Матери — обѣ въ Китай-городѣ, церковь Успенія на Покровкѣ, и въ особенности подмосковная церковь Покрова Богородицы въ Филяхъ. Руководящая роль при введеніи новаго стиля принадлежитъ московскимъ боярамъ, приближеннымъ царей, и самый стиль пробовали назвать «нарышкинскимъ»: Нарышкинымъ и Софьѣ принадлежатъ изъ названныхъ церквей церкви въ Филяхъ и въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Одновременно В. В. Голицынъ вводитъ тотъ же стиль въ гражданскую архитектуру (его «палаты», Посольскій приказъ, Грановитая Палата), и появляется особый типъ «вотчинныхъ» церквей въ боярскихъ усадьбахъ. Изъ нихъ особое мѣсто занимаетъ церковь-игрушка Бориса Голицына (см. о немъ III, стр. 174) въ селѣ Дубровицахъ, — вся точно рѣзная, изъ камня съ стройно поднимающейся одной главой, французскими окошками («люкарнами») и впервые здѣсь введенной въ церковныя украшенія, хотя и грубо исполненной, скульптурой. Болѣе скромное подражаніе ей можно видѣть въ церкви с. Уборы (Звен. у.), построенной для П. Ф. Шереметева; на этотъ разъ извѣстенъ и западно-русскій архитекторъ, упомянутый выше, Янко Бухвостовъ съ его русскими «товарищами» Мишкой Тимофеевымъ и Митрошкой Семеновымъ. Уменьшительныя имена указываютъ на низкое происхожденіе этихъ мастеровъ (въ другомъ своемъ имѣніи, Марфинѣ, Б. Голицынъ засѣкъ крѣпостного архитектора до смерти). Эта черта будетъ насъ сопровождать и въ слѣдующемъ столѣтіи.

Дальнѣйшее развитіе «нарышкинскаго» стиля было круто оборвано вышеупомянутымъ указомъ 1714 года, запретившимъ всякое каменное строительство въ Россіи внѣ Петербурга. Правда, это не помѣшало старой столицѣ сохранить свою капризную своеобразность, а всему сѣверу продолжать развивать деревянное строительство путемъ нагроможденія старыхъ формъ*). Но слѣдующая глава

*) См. напримѣръ, знаменитую деревянную церковь въ Кижахъ, Петрозаводскаго уѣзда, Олон. губ. о 21 главѣ (начало XVIII вѣка).

русскаго зодчества развертывается на просторѣ новой столицы, подъ лозунгомъ: чтобы не было похоже на старое.

Отойдя отъ стараго московскаго стиля, Петръ, однако же, не могъ вполнѣ уйти отъ новаго, взятаго изъ того же Запада. Его постройки принадлежатъ тому же стилю барокко, но только взятому не отъ посредниковъ, а непосредственно изъ источника: точнѣе говоря, изъ нѣсколькихъ источниковъ. Это лишаетъ возможности говорить о петровскомъ стилѣ, какъ объ особенномъ русскомъ варіантѣ барокко. Общій характеръ петровской архитектуры — сѣверно-нѣмецкій и голландскій, не только потому что самъ онъ былъ ближе всего знакомъ съ Голландіей, но потому что его главный архитекторъ Доменико Трезини, выходецъ изъ итальянской Швейцаріи, вынесъ привычку къ сѣверному барокко изъ своей долговременной службы при дворѣ датскаго короля. Ему принадлежатъ первыя монументальныя зданія Петербурга — Петропавловскій соборъ и крѣпость, зданіе двѣнадцати коллегій (петербургскій университетъ) и частью Александро-Невская Лавра. Отъ него идутъ знаменитые петербургскіе шпицы. Петръ, правда, привлекъ было на службу прославленнаго архитектора берлинскаго дворца Шлютера, но Шлютеръ умеръ въ слѣдующемъ году по пріѣздѣ (1714). Только три года прожилъ до своей смерти (1719) и принявшій приглашеніе Петра французъ Леблонъ. Потерпѣвъ неудачу въ своемъ фантастическомъ планѣ разбить петербургскій пустырь по подобію французскаго сада, съ венеціанскими каналами вмѣсто проспектовъ, Леблонъ распланировалъ сады Лѣтній, Петергофа и Стрѣльны. Его постройки сохранились только въ чертежахъ. Больше осталось отъ нѣмца Шеделя, построившаго Меньшикову два дворца: на Васильевскомъ островѣ (Кадетскій корпусъ) и въ Ораніенбаумѣ, и работавшаго также въ Кіевѣ. Съ Леблономъ пріѣхали скульпторъ Растрелли (отецъ) и декораторъ въ стилѣ «регентства» Николай Пино — болѣе знаменитый, — а также художникъ Каравакъ, оказавшій большое вліяніе на созданіе школы русскихъ портретистовъ (см. ниже, стр. 514).

Общее впечатлѣніе, производимое новой столицей, оставалось прежнимъ вплоть до воцаренія Елизаветы. Итальянецъ Альгаротти въ 1739 г. свидѣтельствуетъ, что «въ этой столицѣ господствуетъ родъ смѣшанной архитектуры, напоминающей итальянскую, французскую и голландскую, съ преобладаніемъ голландской». Только Елизаветѣ, съ ея любовью къ великолѣпію и пышности, пришлось дать новый толчокъ петербургскому строительству. При ней барокко получилъ тотъ оттѣнокъ — отмѣченный названіемъ «рококо» (стиль Регентства и Людовика XV), — который въ Россіи связанъ съ громкимъ именемъ Растрелли (сына). Свои образцы Растрелли взялъ не

только изъ Франціи, гдѣ онъ учился въ школѣ де Котта и Боффрана, но и изъ южной Германіи (Мюнхенъ, Дрезденъ, Вѣна), гдѣ стиль рококо отличается особенной перегруженностью декоративными элементами. Постройки Растрелли чрезвычайно многочисленны; онъ работалъ и для царицы, и для ея окружающихъ, и чуть не каждый состоятельный помѣщикъ хвалился подражаніями стилю Растрелли въ своей усадьбѣ. Наиболѣе извѣстны перестроенные Растрелли Петергофскій (1747) и Царскосельскій (1749) дворцы, вновь выстроенный Зимній дворецъ (1754-1762), хорошо извѣстный петербуржцамъ, ибо сохранился до нашего времени. Изъ церквей, кромѣ придворныхъ, отмѣтимъ знаменитый соборъ Смольнаго монастыря — часть грандіознаго, но неосуществившагося проекта — и граціозный Андреевскій соборъ въ Кіевѣ, эффектно поставленный на скатѣ горы, надъ Подоломъ. Изъ дворцовъ, построенныхъ для вельможъ, назовемъ Аничковъ дворецъ (для Разумовскаго) и хорошо сохранившіеся дворцы гр. М. И. Воронцова (потомъ Пажескій корпусъ) и гр. С. Г. Строганова — оба замѣчательные по благородству пропорцій и искусству расчлененія фасада выступами и колоннами. Не отстаетъ Растрелли и въ роскошномъ внутреннемъ убранствѣ комнатъ отъ требованій пышнаго стиля рококо.

Наряду съ иностранными мастерами роль русскихъ строителей вплоть до Екатерины II, была ничтожна. Первымъ изъ нихъ былъ Михаилъ Земцовъ, привезенный изъ Москвы мальчикомъ въ только что основанный Петербургъ для обученія итальянскому языку, чтобы служить переводчикомъ при иностранныхъ мастерахъ. Обучившись у Трезини архитектурѣ, Земцовъ работалъ съ замѣстителемъ Леблона Микетти, и послѣ его отъѣзда (1724) былъ удостоенъ званія «полнаго архитектора» (раньше онъ былъ только «архитектуріи гезелемъ»). Сверхъ того Петръ отправилъ за границу до дюжины молодыхъ людей учиться искусству. Но изъ нихъ выдвинулся потомъ только Еропкинъ, казненный вмѣстѣ съ Волынскимъ. Отъ Земцова осталась церковь Симеона и Анны на Моховой — подражаніе Петропавловскому собору Трезини — и со вкусомъ построенный павильонъ ботика Петра Великаго. Въ работахъ надъ дворцами онъ былъ замѣненъ Растрелли (умеръ въ 1743 г.).

Настоящимъ разсадникомъ русскихъ художниковъ сдѣлалась только Академія Художествъ, основанная Елизаветой въ 1758 году. Свое окончательное устройство она получила при Екатеринѣ въ 1774 году, когда былъ составленъ Бецкимъ ея уставъ, почти буквально списанный съ Парижской Академіи. Профессорами архитектуры, скульптуры и живописи были французы, придавшіе преподаванію чисто французскій характеръ. Окончившіе курсъ ученики посыла-

лись въ командировки — тоже преимущественно въ Парижъ. Но они были отодвинуты на второй планъ крупными мастерами, которыхъ Екатерина продолжала выписывать непосредственно изъ-за границы. Въ результатѣ этихъ вызововъ, во второй половинѣ XVIII вѣка были воспроизведены въ Россіи — съ меньшимъ опозданіемъ, чѣмъ прежде — всѣ тѣ стили, которые за это время смѣнились въ Европѣ, преимущественно во Франціи.

Было справедливо отмѣчено, что очередная перемѣна — переходъ отъ орнаментальной перегруженности рококо къ классическому стилю Палладіо — совпала съ перемѣной вкуса на престолѣ. Екатерина предпочитала простоту и уютъ показной роскоши Елизаветы. На первыхъ порахъ она воспользовалась для своихъ построекъ въ этомъ вкусѣ присутствіемъ въ Петербургѣ профессора Академіи Валленъ де Ла Мота, послѣдователя знаменитаго Габріэля, строителя Ecole Militaire, зданій на Place de la Concorde и реставратора колоннады Лувра. До своего отъѣзда въ 1775 г. де Ла Мотъ успѣлъ построить (при содѣйствіи русскаго архитектора Кокоринова) образцовое зданіе Академіи Художествъ и «Старый Эрмитажъ» (возлѣ Зимняго Дворца). Отъ Ла Мота сохранился также закругленный уголъ Гостинаго Двора (уголъ Невскаго и Садовой).

Одновременно съ Ла Мотомъ работалъ Антоніо Ринальди, вывезенный изъ Рима гетманомъ Разумовскимъ (1752) и назначенный архитекторомъ наслѣдника Петра Федоровича. Ему принадлежатъ увеселительныя постройки въ Ораніенбаумѣ, изъ которыхъ сохранился роскошно декорированный внутри «Китайскій Домикъ». Гораздо крупнѣе слѣдующіе заказы, исполненные Ринальди: Мраморный дворецъ (1768) и дворецъ въ Гатчинѣ (1766) — оба предназначенные для Григорія Орлова.

Въ промежуткѣ между описаннымъ періодомъ увлеченія иностранцами и послѣдовавшимъ за нимъ, Екатерина обратилась съ заказами къ русскимъ ученикамъ иностранныхъ знаменитостей: къ обрусѣвшему Фельтену, сыну петровскаго «оберъ-кюхенмейстера» и къ двумъ ученикамъ де Ла Мота, первымъ пенсіонерамъ Академіи, отправленнымъ въ Парижъ: Баженову и Старову. Фельтену, доучивавшемуся въ Германіи и получившему званіе архитектора въ 1760 году, была поручена скромная на видъ задача — облицевать гранитомъ лѣвый берегъ Невы «отъ Лѣтняго дому до Галернаго двора». Онъ выполнилъ эту задачу въ теченіе двадцати лѣтъ (1762-1784) съ выдающимся талантомъ и далъ Петербургу одно изъ лучшихъ его украшеній. Фельтенъ закончилъ эту работу знаменитой рѣшеткой Лѣтняго Сада, соединившей классическую простоту съ импонирующей серьезностью. Ему принадлежитъ также «второй Эрмитажъ», вы-

строенный «въ линію» съ Ла Мотовскимъ — болѣе простой — и семь церквей Петербурга съ колоннадами и ротондами. Баженовъ, ученикъ de Wailly и членъ трехъ итальянскихъ академій, вернулся въ Петербургъ (1765) тріумфаторомъ и сразу получилъ крупный заказъ на постройку Каменноостровскаго дворца. Такъ же, какъ и «Старый арсеналъ», заказанный ему Орловымъ (1769), это зданіе выстроено въ сдержанно-классическомъ вкусѣ, безъ послѣднихъ парижскихъ новшествъ. Но Баженова ожидали болѣе грандіозныя заданія — и связанныя съ ними тяжелыя неудачи. Во вкусѣ новой французской школы (Пейра, Леду, Гондуэна) онъ мечталъ о покрытіи обширныхъ площадей классическими зданіями. Однако, оба его проекта въ этомъ родѣ — проектъ института при Смольномъ и громаднаго Кремлевскаго дворца, который долженъ былъ охватить всю гору и включить внутрь всѣ кремлевскія зданія, остались безъ выполненія. Изъ-за этой неудачи, Кремль сохранилъ свою историческую физіономію XV - XVII вѣковъ. Въ Петербургѣ Баженовъ принялъ лишь участіе, вмѣстѣ съ Бренна, въ постройкѣ Михайловскаго замка (потомъ Инженерное училище), въ которомъ былъ убитъ Павелъ I. Болѣе прочную память о себѣ суждено было оставить Старову, попавшему въ Парижъ позднѣе Баженова и использовавшему свое пребываніе тамъ гораздо производительнѣе (вернулся въ 1768 году). Старову принадлежитъ Троицкій соборъ въ Александро-Невской Лаврѣ, построенный въ формѣ базилики. Но его главное произведеніе, закрѣпившее имя Старова въ потомствѣ, — Таврическій дворецъ, построенный для Потемкина (1788), которому Екатерина устроила въ этомъ дворцѣ знаменитый феерическій праздникъ. Таврическій дворецъ, пріобрѣвшій громкую извѣстность, какъ помѣщеніе Государственной Думы, послужилъ въ свое время образцомъ для многочисленныхъ дворянскихъ усадебъ: всѣ хотѣли имѣть у себя копію дворца великолѣпнаго князя Тавриды, съ такимъ же классическимъ фронтономъ и колоннадой въ центрѣ фасада, съ куполомъ, боковыми флигелями, театромъ и церковью. Только противоположный фронтъ, къ саду, обыкновенно принималъ въ барскихъ усадьбахъ видъ другой колоннады съ лѣстницей, непремѣнно спускавшейся къ искусственно выкопанному пруду, если близко не было рѣки. Позднѣйшія передѣлки лишили, впрочемъ, Таврическій дворецъ всего того великолѣпія, которое извѣстно намъ изъ описанія Державина. Но колоннада Екатерининскаго зала, вызывавшая удивленіе иностранцевъ, памятна всѣмъ посѣтителямъ перваго русскаго парламента, какъ свидѣтельница другого рода историческихъ сценъ.

Старовъ опередилъ свое время, проведя въ своихъ твореніяхъ тотъ болѣе чистый эллинскій стиль, который оставался еще предме-

томъ стремленій Екатерины и окончательно введенъ только при Александрѣ. Въ 1779 г. Екатерина пишетъ Гримму, что «французы строятъ негодные дома, потому что слишкомъ много знаютъ». Эта острота означала, что ей надоѣли пережитки стараго стиля и что отъ подражателей классикамъ она хочетъ перейти къ первоисточникамъ. Она нетерпѣливо ждетъ «двухъ итальянцевъ», которыхъ заказала Гримму. Одинъ изъ этихъ двухъ, желанный «римлянинъ», прибывшій въ Россію въ 1780 г., есть тотъ знаменитый Джакомо Кваренги, имя котораго, для царствованія Екатерины, сдѣлалось тѣмъ, чѣмъ было имя Растрелли для эпохи Елизаветинскаго рококо.

Но до Кваренги Екатеринѣ предстояло пройти еще черезъ одно увлеченіе. Вмѣсто римлянина въ 1779 г. пріѣхалъ шотландецъ, Чарльзъ Камеронъ. Камеронъ заинтересовалъ Екатерину, прежде всего, тоже своими познаніями въ античныхъ — на этотъ разъ римскихъ — памятникахъ. Она цѣнила его, какъ издателя книги Палладіо о римскихъ термахъ. За Камерономъ для нея стоялъ его вдохновитель, Клериссо, знаменитый поклонникъ помпеянскаго внутренняго убранства, изъ книги котораго и самъ Камеронъ черпалъ свои вдохновенія. «Эта кипучая голова», пишетъ Екатерину Гримму въ 1781 г. — «великій поклонникъ Клериссо; его картоны служатъ Камерону для украшенія моихъ новыхъ апартаментовъ». Испытавъ Камерона на «античномъ домикѣ» въ паркѣ, императрица поручила ему постройку интимныхъ комнатъ въ холодномъ, парадномъ Царскосельскомъ дворцѣ Елизаветы (1780-85), а затѣмъ и дворца въ Павловскѣ для путешествовавшей четы графа и графини Сѣверныхъ (1782-85). Оба порученія Камеронъ выполнилъ блестяще. Висячій садъ съ богато убранными внутри «агатовыми комнатами», построенный надъ купальней, безконечная застекленная галлерея съ колоннадой для прогулокъ императрицы, выведенная на той же высотѣ, на высокомъ цоколѣ, и, наконецъ, гигантскій спускъ, по которому старѣющая Екатерина могла въѣзжать и спускаться въ колясочкѣ, — все это было спеціально приспособлено для ея личныхъ потребностей. Павловскій дворецъ Камерона, построенный при участіи младшаго архитектора Бренна, со своими полукружіями боковыхъ галлерей, напоминающихъ виллы Палладіо въ сѣверной Италіи, сдѣлался образцомъ для Москвы и для богатыхъ помѣщичьихъ усадебъ. Въ утонченномъ внутреннемъ убранствѣ интерьеровъ у Камерона продолжало царить барокко XVIII в., въ противоположность классической внѣшности фасадовъ.

Итальянецъ Кваренги, изучившій въ натурѣ памятники древности, дѣлаетъ слѣдующій шагъ въ направленіи къ чистому классицизму и скоро затмеваетъ славу Камерона. Въ этомъ строгомъ стилѣ по-

строенъ Англійскій дворецъ въ Петергофѣ (1781-89) и зданіе Академіи Наукъ (1783-87). Менѣе суровъ и болѣе живописенъ фасадъ послѣдняго Эрмитажнаго зданія по Дворцовой набережной, эрмитажнаго театра (1782-85). Внушительно зданіе Ассигнаціоннаго Банка (1783-88). Но наибольшаго успѣха въ достиженіи впечатлѣнія живописности одними только архитектурными средствами — гармоніей чистыхъ линій и благородствомъ пропорцій — Кваренги достигъ въ своемъ Александровскомъ Царскосельскомъ дворцѣ съ его знаменитыми колоннадами (1792-96).

Продолжая работать при Павлѣ и Александрѣ, Кваренги примѣнялъ свое искусство ко вкусамъ каждаго — и оставался самъ собою. Для Павла онъ выстроилъ Конногвардейскій манежъ и Мальтійскую церковь; для Александра — Смольный и Екатерининскіе институты. Но казармы, банкъ или школа — классическія колоннады оставались такими же красивыми и одинаково нехарактерными для спеціальнаго назначенія зданій. Классическій стиль покрывалъ все, какъ бы подчеркивая этимъ оффиціальный характеръ заказовъ.

При Александрѣ стиль «Людовика XVI» уступаетъ мѣсто стилю «Имперіи». Это есть послѣдній шагъ въ развитіи классическаго стиля. Увлеченіе Римомъ смѣняется энтузіастическимъ преклоненіемъ передъ Элладой. Пантеонъ сохраняетъ обаяніе, но рядомъ съ нимъ идеаломъ художника становятся развалины дорическаго храма въ Пестумѣ. Стремленіе къ крайней простотѣ линій соединяется со страстью къ колоссальнымъ размѣрамъ. Имена Пиранези и Леду характеризуютъ этотъ стиль и время его возникновенія во Франціи. Съ опозданіемъ лѣтъ на 30 онъ приходитъ и въ Александровскую Россію. Въ Западной Европѣ самая грандіозность премированныхъ проектовъ помѣшала ихъ осуществленію, даже при Наполеонѣ. Напротивъ, Россія, съ ея императорскими заказами — и при томъ спеціально Петербургъ — оказалась для новаго направленія самой подходящей ареной.

Первое монументальное зданіе времени Александра, Казанскій соборъ (1801-11) русскаго архитектора Воронихина, крѣпостного гр. Строганова, доучивавшагося въ Парижѣ, еще не знаменуетъ наступленія новой эпохи. Явное подражаніе храму Св. Петра съ его Бернініевской колоннадой, и зависимость Казанскаго собора отъ чертежа Пейра старшаго, строителя Одеона, не мѣшаетъ, конечно, наслаждаться красотой Воронихинскаго храма. Но говорить объ оригинальности и новаторствѣ здѣсь еще нельзя. Интереснѣе въ этомъ отношеніи дорическая колоннада Воронихинскаго Горнаго Института (1806-11).

Настоящимъ представителемъ новаго русскаго стиля является эмигрантъ Тома де Томонъ, строитель Большого Театра (1802-05) и петербургской Биржи (заимствованной, вмѣстѣ съ ростральными колоннами, изъ премированнаго проекта (1782) нѣкоего Пьера Бернара). Силу и монументальность даетъ этой постройкѣ ея выгодное положеніе на носу острова, среди открытаго пространства Невы, гдѣ Биржа довершаетъ панораму Петербурга. Съ Томономъ соперничаетъ и въ этомъ отношеніи, и въ отношеніи стиля, русскій послѣдователь Леду и Шальгрена, Захаровъ своимъ зданіемъ петербургскаго Адмиралтейства (1806-15). Ансамбль постройки Захарова, къ сожалѣнію, совершенно затемненъ выстроенными въ промежуткѣ между двумя павильонами со стороны Невы частными зданіями, а со стороны Невскаго разведеннымъ тамъ садомъ. Грандіозность всей композиціи видна только на старыхъ гравюрахъ. Изъ другихъ русскихъ мастеровъ того времени упомянемъ еще Стасова (казармы Павловскаго полка (1817-18); императорскія конюшни (1817-23); Тріумфальныя Ворота у Московской заставы (1833-38); Преображенскій (1826-28) и Троицкій (1827-35) соборы).

Но истиннымъ завершителемъ александровскаго стиля — и всего петербургскаго періода архитектуры — является Карлъ Росси, незаконный сынъ итальянской танцовщицы времени Екатерины, обучавшійся во Флоренціи и выдвинувшійся по смерти трехъ вышеупомянутыхъ иностранныхъ архитекторовъ (1811-14). Пользуясь диктатурой «Комитета для строеній» надъ всѣмъ строительствомъ Петербурга, Росси могъ безпрепятственно выполнить грандіозные планы Леду. Своими постройками онъ придалъ монументальному Петербургу окончательный теперешній видъ. Росси работалъ не только надъ зданіями, но и надъ улицами и площадями. Такой характеръ имѣютъ всѣ четыре главныя работы Росси: Михайловскій дворецъ съ его площадью (1819-23), полукружіе передъ Зимнимъ дворцомъ со знаменитой аркой посрединѣ (1819-29), площадь и окружающія улицы около Александринскаго театра, наконецъ, два соединенныхъ зданія Сената и Синода. Если спорятъ о достоинствахъ величественнаго зданія, въ которомъ помѣстился музей Александра III, то зданіе Главнаго Штаба и министерствъ Иностранныхъ Дѣлъ и Юстиціи съ «вратами побѣды», раздѣляющими ихъ полукругъ, вызываетъ общее восхищеніе получившимся ансамбемъ. Другой ансамбль, менѣе видный сразу, но поражающій еще большей смѣлостью, созданъ Росси въ связи съ постройкой Александринскаго театра. Зданіе самого театра стушевывается передъ окруженіями изъ дорическихъ колоннъ и аттиковъ, замѣнившихъ фронтоны. Они тянутся по Театральной улицѣ съ перекрытымъ аркой выходомъ на Чернышеву площадь, гдѣ

помѣщались министерство Народнаго Просвѣщенія съ цензурнымъ вѣдомствомъ. Впечатлѣніе цѣлаго дополнено еще перестройкой выходящаго на площадь фасада Публичной Библіотеки. Также чуть не цѣлый кварталъ Росси заполнилъ корпусами Сената и Синода, соединенными парадной аркой, перекинутой надъ Галерной улицей. Надо прибавить, что проекты Росси были еще грандіознѣе, чѣмъ ихъ выполненіе.

Къ тому же грандіозному стилю примыкаетъ Исаакіевскій соборъ, порученный, совершенно случайно, учившемуся въ той же французской школѣ Перье и Фонтена, «рисовальщику» французу Монферрану. Соборъ значительно отяжелѣлъ при выполненіи, которое затянулось на цѣлыхъ сорокъ лѣтъ (1817-57). Петербургская копія пыталась превзойти свои образцы, храмъ Св. Павла въ Лондонѣ и Пантеонъ въ Парижѣ, роскошью мозаикъ и мраморовъ и колоссальностью гранитныхъ колоннъ. Materia superavit opus: громоздкій матеріалъ подавилъ творчество. Также и единственная въ мірѣ по размѣрамъ монолитная Александровская колонна Монферрана, которою Николай I хотѣлъ превзойти «наполеоновскую колонну» (Вандомскую), не достигла красоты своего оригинала.

Эпопеями Росси и гигантскимъ Исаакіемъ кончается петербургская архитектурная феерія. При Николаѣ, не только абсолютизмъ пересталъ быть «просвѣщеннымъ» и охладѣлъ къ тонкостямъ искусства, но и жизненныя потребности населенія, которыя игнорировались монументальными стилями, слишкомъ выступили на первый планъ, чтобы можно было ихъ игнорировать. Петербургъ пересталъ быть «пустыремъ». «Парадное, широкое, грандіозное строительство» перестало быть задачей архитектуры; «повысились требованія относительно удобствъ расположенія помѣщеній, условій свѣта», и т. д., игнорировавшіяся перенесеніемъ типа классическаго храма съ его колоннами, портиками, гладкими стѣнами. Приблизительно съ 1840 г. «обязательность приспособленія къ требованіямъ практической жизни сдѣлала то, что фасады стали носить болѣе раздробленный на этажи характеръ, оконные пролеты стали больше и располагались чаще; гладкой стѣны было меньше, а наличниковъ и карнизовъ больше, — словомъ, явилось общее измельчаніе и неразрывное съ нимъ усложненіе деталями. Наконецъ, повсюду въ Европѣ начало зарождаться то національное движеніе, которое скоро заставило искать мотивовъ для новой архитектуры въ своемъ родномъ искусствѣ» (Фоминъ).

Въ Николаевской Россіи эта перемѣна прежде всего выразилась въ новомъ «приказѣ». Появились оффиціальные сборники «фасадовъ, Е. И. Величествомъ апробованныхъ для частныхъ строеній

въ городахъ Россійской имперіи» или «Высочайше утвержденныхъ для обывательскихъ въ городахъ домовъ». Новый «соціальный заказъ» былъ не на побѣду надъ иностранцами путемъ подражанія имъ, а на созданіе собственнаго «Высочайше утвержденнаго» національнаго стиля.

Въ 30-хъ годахъ XIX вѣка правительство формально потребовало отъ художниковъ этого стиля. Заказъ былъ исполненъ архитекторомъ Тономъ, и русская архитектура обогатилась массой безцвѣтныхъ и механическихъ подражаній старой московской архитектурѣ: квази-византійскій пятиглавый храмъ, побѣдившій въ XVII вѣкѣ русскій національный, сдѣлался теперь самъ образцомъ національнаго стиля.

Правда, на казенныхъ образцахъ Тона дѣло не остановилось. Изученіе образцовъ стариннаго зодчества познакомило художниковъ съ элементами настоящаго національнаго стиля. И строительное искусство съ середины XIX вѣка задалось цѣлью сочетать этотъ стиль съ осуществленіемъ новыхъ архитектурныхъ задачъ. Каменную лѣтопись этихъ усилій можно прочесть на улицахъ Москвы. Тутъ мы увидимъ простую копію старинныхъ русскихъ формъ рядомъ съ формами совсѣмъ не русскими (Историческій музей), отраженіе ученой теоріи о происхожденіи русскаго стиля изъ стиля восточнаго (Политехническій музей), не совсѣмъ удачную попытку приспособить старинныя русскія формы къ потребностямъ современнаго общественнаго зданія (Дума), и тутъ же рядомъ болѣе удачное и свободное рѣшеніе той же самой задачи — создать національный стиль, отвѣчающій современнымъ требованіямъ изящества и удобства (Торговые ряды).

Такимъ образомъ, русская архитектура на короткое время нашла себѣ путь самостоятельнаго развитія — въ возвращеніи къ традиціямъ XVI вѣка. Но эта попытка скоро уступила мѣсто болѣе грандіознымъ задачамъ. Уже Віоле-ле-Дюкъ предсказывалъ наступленіе періода «желѣзной» архитектуры. Въ дѣйствительности, этотъ періодъ оказался, въ зависимости отъ матеріала, «желѣзо-бетоннымъ». Характеръ матеріала, какъ и стиль, на этотъ разъ былъ уже безусловно интернаціональнымъ. Съ этимъ стилемъ мы еще встрѣтимся. Съ опытомъ возсозданія національнаго стиля было, во всякомъ случай, покончено. Его элементы сохранились въ русскомъ искусствѣ исключительно для декоративныхъ цѣлей.

Другія отрасли изобразительныхъ искусствъ находились въ иномъ положеніи: въ ихъ распоряженіи не было такихъ осязательныхъ, объективныхъ и своеобразныхъ формъ, какими располагала

архитектура. Только орнаментъ находился въ положеніи нѣсколько сходномъ, и потому онъ раздѣлилъ судьбу архитектуры. Независимо отъ чисто строительнаго орнамента нашей деревянной, а въ позднѣйшее время и кирпичной архитектуры, русскія древнія рукописи заключали въ себѣ огромныя богатства орнамента, сдѣлавшіяся достояніемъ русской промышленности. Уже въ XIV вѣкѣ у насъ явился своеобразный орнаментъ изъ плетенья съ звѣриными формами, родственными и западному «чудовищному» и восточному стилю. Въ XV вѣкѣ его смѣнилъ иногда очень сложный геометрическій орнаментъ, пригодный, подобно арабеску, для покрытія большихъ площадей многократнымъ повтореніемъ одного и того же мотива. Въ XVI вѣкѣ мы опять встрѣчаемъ новый типъ орнамента: сплошную и нѣсколько тяжелую разрисовку разноцвѣтными тонами съ позолотой. Наряду съ геометрическими формами тутъ являются и растительныя. Къ концу XVI и началу XVII вѣка эти «травы» начинаютъ обводиться контурами и покрываться тѣнями, по образцу заграничныхъ «печатныхъ листовъ».

Ничего подобнаго по законченности и живучести старыхъ формъ мы не найдемъ въ другихъ отдѣлахъ русскаго искусства. Мы видѣли, какія обстоятельства остановили уже въ Византіи развитіе христіанской скульптуры. Въ языческой Россіи это опасеніе, что статую смѣшаютъ съ идоломъ, было, конечно, еще естественнѣе, чѣмъ въ привыкшей къ классическимъ формамъ искусства Византіи. Не только въ церкви въ качествѣ предмета поклоненія, но и въ частномъ домѣ, какъ предметъ простого украшенія, скульптурное произведеніе вызывало большой соблазнъ и строгое осужденіе. Извѣстно, какой переполохъ произвела среди москвичей поставленная самозванцемъ передъ его дворцомъ статуя «Ада». «Надъ вратами домовъ», говорится въ лицевыхъ святцахъ XVII вѣка, «у православныхъ христіанъ — воображаемыхъ звѣрей и зміевъ и никакихъ невѣрныхъ храбрыхъ мужей поставляти не подобаетъ. Ставили бы надъ вратами у своихъ домовъ православные христіане святыя иконы или честные кресты». При такомъ отношеніи къ скульптурѣ, эта отрасль изобразительнаго искусства почти вовсе отсутствовала въ древней Руси. Нѣкоторое исключеніе составляла только Малороссія, куда скульптура пришла изъ Польши, и отдаленный сѣверъ, гдѣ не только инородцы, но и туземцы поклонялись деревяннымъ скульптурнымъ «богамъ», какъ идоламъ, до недавняго времени.

Изученіе древнѣйшаго періода (XII — XV в.) русской религіозной живописи (мозаикъ, фресокъ, иконъ) стало возможно только съ первой четверти XX вѣка. Только въ эти послѣдніе годы (начиная съ 1904) гадательныя соображенія прежнихъ собирателей

иконъ, — начетчиковъ въ русской живописи, — стали уступать мѣсто научнымъ пріемамъ. Въ основу изученія было положено, прежде всего, возстановленіе сохранившихся памятниковъ въ ихъ подлинномъ, первоначальномъ видѣ, освобожденномъ отъ позднѣйшихъ наслоеній, перекрасокъ, перерисовокъ и штукатурокъ. Эта работа особенно успѣшно двинулась впередъ, когда сталъ свободенъ доступъ ученыхъ работниковъ къ церковнымъ святынямъ. Сотрудники «центральныхъ государственныхъ реставраціонныхъ мастерскихъ», — тѣ же самые, которые начали эту работу раньше, — расширили свою дѣятельность, начиная съ 1918 года, на цѣлый рядъ церквей и иконъ, гдѣ можно было ожидать открыть древнѣйшіе памятники византійскаго и русскаго искусства. Въ результатѣ, оказалось возможнымъ привести въ прежній видъ, установить хронологическія даты и сопоставить между собой очень много цѣннѣйшихъ произведеній искусства, недоступныхъ прежнимъ изслѣдователямъ. Всю исторію даннаго періода приходится теперь писать сызнова.

Первымъ результатомъ этой новѣйшей работы нужно считать признаніе того факта, что національзація восточныхъ типовъ церковной живописи началась гораздо раньше, чѣмъ было принято думать до сихъ поръ. Среди чисто-византійскихъ цѣннѣйшихъ фресокъ XI — XII в., написанныхъ греческими мастерами въ Кіевѣ и Владимірѣ, а также привезенныхъ въ Россію иконъ этой эпохи, А. И. Анисимовъ нашелъ возможнымъ отмѣтить новыя черты, особенно отчетливо опредѣлившіяся втеченіе XIII вѣка. Строго сохраняя византійскій типъ, русскій выученикъ греческихъ мастеровъ, однако, сталъ допускать отличія въ моделировкѣ и въ употребленіи красокъ. Первымъ послѣдствіемъ этихъ измѣненій явилась нѣкоторая «опрощенность». Лики, нарисованные, по мнѣнію А. И. Анисимова, — спорному, какъ увидимъ далѣе, — русскимъ иконописцемъ (двѣ Толгскія иконы Богоматери) «лишены не только неисчерпаемо-глубокаго психологизма Владимирской иконы *), но даже той тонкости и внѣшняго аристократизма, которые отличаютъ обѣ богородческія иконы нью-іоркскихъ собраній. Взамѣнъ того, въ нихъ есть искренность непосредственности и вытекающее изъ нея чувство интимности,

*) Эта замѣчательная византійская икона XII вѣка, перенесенная въ 1395 году изъ Владимира въ Московскій Успенскій соборъ, оцѣнена по достоинству только въ послѣднее время. Она дѣйствительно отличается глубиной и сосредоточенностью скорбнаго чувства Богоматери въ ряду другихъ современныхъ ей произведеній византійскаго искусства.

которое сообщаетъ русской иконѣ особый характеръ душевной теплоты». Съ упрощеніемъ лица связано также и упрощеніе фигуры. Складки одежды, падающія на византійскихъ изображеніяхъ волнистыми линіями, вырисовывающими округлости тѣла, замѣняются прямыми линіями, производящими впечатлѣніе плоскаго рисунка. Вмѣстѣ съ рельефомъ исчезаютъ и остатки перспективы. Отмѣтимъ, что эти особенности обнаруживаются, по мнѣнію Анисимова, прежде всего, въ новгородской школѣ иконописи, въ которой лики «опредѣленно руссифицируются, уходя отъ византійскаго каноническаго прототипа ранѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ въ ростово-суздальской школѣ». Въ новгородской же школѣ проявляется впервые и «предпочтеніе яркой и чистой краски» темнымъ краскамъ и полутонамъ византійскихъ изображеній. Суздальская школа «остается болѣе вѣрной древнѣйшимъ традиціямъ и въ области колорита».

Наблюденія Анисимова новы и мѣтки ;но выводы, сдѣланные изъ нихъ, не всегда осторожны. По крайней мѣрѣ, новѣйшій нѣмецкій ученый Швейнфуртъ, сдѣлавшій добросовѣстный сводъ новыхъ русскихъ находокъ, изъ восьми иконъ XII-XIII вв., анализированныхъ Анисимовымъ, только въ одной (святителей Іоанна, Георгія и Власія) рѣшился признать безспорно русскую работу. Толгскую Богоматерь (1-ю) онъ призналъ, согласно своему взгляду на древнѣйшій періодъ византійско-итальянскихъ отношеній, тосканской работой пизанской школы въ Maniera Greca. Сюда же онъ относитъ и двѣ нью-іоркскія иконы, упомянутыя Анисимовымъ. Это показываетъ, какъ нужно быть осторожнымъ съ импрессіонистскими характеристиками, къ которымъ такъ склонны увлеченные своими открытіями изслѣдователи*). Впрочемъ, самъ Анисимовъ въ статьѣ, написанной для англійскаго сборника, высказывается значительно сдержаннѣе. «Иконы XII столѣтія до такой степени византійскія», признаетъ онъ, «что остается открытымъ вопросъ, писаны ли онѣ въ Россіи и русскими. Въ XIII столѣтіи сравнительно легче различить національные признаки формальнаго характера: нѣсколько

*) Связь увлеченія древнерусскими иконами съ новѣйшими модернистскими теченіями въ живописи несомнѣнна. Отсюда и декадентская терминологія, употребляемая иногда новыми изслѣдователями. А. Грищенко прямо указываетъ на Матисса, какъ на «главное лицо въ открытіи и пониманіи древне-русской иконы». «Матиссъ, посѣтившій Россію въ 1911 г..... ошалѣлъ отъ иконъ, по цѣлымъ недѣлямъ не могъ оторваться отъ нихъ, не спалъ ночей отъ неожиданности открытія... Матиссъ... ставилъ ихъ въ уровень съ лучшими достиженіями итальянскихъ примитивовъ. Пріѣхавъ въ Парижъ, онъ, какъ колористъ, ненавидитъ свои кар-

большую динамику, переходъ къ прямой линіи въ связи съ усиленіемъ плоскостности изображенія, и, наконецъ, возрастающую склонность къ употребленію яркихъ чистыхъ красокъ. Но до начала XIV столѣтія эти черты не выражены отчетливо. Закрѣпленіе ихъ знаменуетъ собой начало новаго періода въ исторіи стиля. Окончательно оформленнымъ можно считать національный характеръ иконы въ серединѣ XIV столѣтія».

Новая эпоха иконописи, здѣсь отмѣченная, начинается послѣ перерыва, совпадающаго въ Константинополѣ съ установленіемъ Латинской имперіи крестоносцами четвертаго похода (1204-1261), а въ Россіи (Кіевѣ) съ татарскаго нашествія (1204-1240). Во время этого перерыва церковное строительство и иконописаніе на время замираютъ, чтобы затѣмъ возродиться съ обновленнымъ блескомъ. Къ XIV и XV столѣтіямъ новые русскіе изслѣдователи относятъ высшій расцвѣтъ и кульминаціонную точку развитія національнаго религіознаго искусства въ Россіи. Это мнѣніе не лишено увлеченія и нуждается въ серьезныхъ оговоркахъ. Прежде всего, непосредственнымъ источникомъ русскаго расцвѣта является предварительный расцвѣтъ византійскаго искусства въ тѣ же столѣтія, получившій названіе, данное ему французскими изслѣдователями «третьяго ренессанса эпохи Палеологовъ». Блестящіе памятники этого возрожденія сохранились въ знаменитыхъ мозаикахъ Кахріе-Джами въ Константинополѣ и въ стѣнныхъ росписяхъ церквей Мистры (въ Морѣ) и другихъ мѣстностяхъ Балканъ. Но тутъ мы встрѣчаемся съ упомянутымъ выше споромъ о томъ, насколько самостятельно было возрожденное искусство въ самомъ этомъ источникѣ русскихъ заимствованій, въ Константинополѣ. Уже Ровинскій указалъ на сходство русскихъ иконъ этого періода съ произведеніями итальянскихъ мастеровъ конца XIII и начала XIV столѣтій — Чимабуэ, Дуччо, Джотто. Походъ крестоносцевъ на Константинополь, вмѣсто Палестины, сопровождался распространеніемъ владычества Венеціи на іонические острова и Критъ, остававшійся въ ихъ власти съ 1204 до 1669. Къ этому же времени (1266-1475) относится процвѣтаніе генуэзской колоніи въ Крыму, Кафы, занявшей мѣсто византійскаго Хер-

---

тины, рѣжетъ ихъ, — такъ велико было впечатлѣніе и воздѣйствіе нашихъ древнихъ иконъ». Эстетовъ особенно увлекала въ иконѣ ея стилизація, противоположная «протоколизму» передвижниковъ, и чистыя краски, даже съ дополнительными, — открытыя въ реставрированныхъ иконахъ и росписяхъ новгородской школы (напр., типичныя для этой школы сочетанія краснаго и зеленаго цвѣта). Въ иконѣ они искали не только идеализма, но и скрытаго символическаго смысла (см. стр. 500).

сонеса. Вліяніе Венеціи распространилось въ XIV-XV в. также на Далматинскій берегъ, Сербію и Молдо-Валахію. Нельзя забывать также и о расцвѣтѣ религіознаго искусства въ Тырновѣ, «второмъ Римѣ» болгарской династіи Асѣней, откуда, вмѣстѣ съ литературой, духовными лицами и идеей славянской миссіи новая иконопись могла въ концѣ XV в. проникнуть къ московскому двору., Все это — тѣ пути, которыми новый расцвѣтъ искусства могъ дойти и до Россіи, — съ нѣкоторымъ опозданіемъ, конечно. По наблюденію Муратова, уже въ концѣ XIV в. знаменитый мастеръ Феофанъ Грекъ воспроизводилъ у насъ пріемы «македонскихъ» художниковъ XII и XIII столѣтій. Кондаковъ особенно развилъ взглядъ относительно вліянія на русскую иконопись «итало-критской школы», обосновавъ его появленіемъ у насъ, уже въ XIV в., ряда типовъ Богоматери («Страстная», «Умиленіе», «Млекопитательница») несомнѣнно итальянскаго происхожденія.

Этимъ соображеніямъ французскіе изслѣдователи и Муратовъ (къ нимъ прымыкаетъ и Réau) противопоставили серьезныя возраженія. «Умиленіе» не только не чуждо византійскому ренессансу Палеологовъ, но отъ него и перешло къ итальянцамъ. Всѣ мотивы и особенности стиля, отмѣченныя Кондаковымъ, можно найти или въ самомъ византійскомъ искусствѣ, пли въ томъ древне-эллинскомъ, изъ котораго широко черпалъ ренессансъ Палеологовъ. Такимъ образомъ, по взгляду этихъ изслѣдователей, Византія и въ XIV-XV в. оставалась единственнымъ источникомъ русской иконографіи.

Повидимому, въ наукѣ суждено установиться окончательно мнѣнію компромиссному. Новѣйшія работы Айналова и Швейнфурта точно установили характеръ и время итальянскаго вліянія и этимъ до нѣкоторой степени примирили ученіе византистовъ съ фактами. Несомнѣнно, помимо Константинополя съ его придворнымъ искусствомъ, существовалъ и другой фокусъ, въ которомъ уже въ очень древнее время происходилъ контактъ Востока съ Западомъ. Этимъ фокусомъ была Венеція. Уже въ первой половинѣ XIII в. тутъ замѣтно романское вліяніе, которое во второй половинѣ того же вѣка замѣняется раннимъ готическимъ. Это — та Maniera Greca, которая до Возрожденія была распространена по всей Италіи. Итальянскій ренессансъ XIV в. положилъ конецъ этой «манерѣ», вытѣснивъ ее отовсюду, за исключеніемъ Венеціи. Здѣсь сохранился вкусъ къ византійскимъ иконамъ; Венеція продолжала и послѣ побѣды ренессанса работать «въ старой манерѣ» на заказчиковъ и на вывозъ въ православныя страны. Изъ этого источника и проникли въ Россію, уже въ XVI в., отдѣльныя черты средневѣковаго западнаго искусства. Въ XV и XVI вв. производство византійскихъ иконъ съ бо-

лѣе ясными слѣдами вліянія ренессанса распространяется и на колонію Венеціи, Критъ. Именно эта «итало-критская» школа, какъ замѣтилъ уже Кондаковъ, оказала болѣе значительное вліяніе на русское иконописаніе московскаго періода.

Съ возрожденіемъ иконописи увеличивается и количество свидѣтельствующихъ о немъ историческихъ памятниковъ. Съ именемъ Феофана Грека связана въ Россіи новая серія стѣнныхъ росписей, исполненныхъ Феофаномъ съ русскими товарищами въ 1395-1405 гг. въ московскихъ церквахъ и соборахъ. Эти фрески, правда, не сохранились. Но сохранились росписи Феофана въ новгородскихъ церквахъ (Волотово), хорошо характеризующія новый стиль поздневизантійскаго возрожденія, съ его «иллюзіонизмомъ» (стремленіемъ къ реализму), порывистыми движеніями, рѣзкой графикой, невизантійскими лицами. Здѣсь мы уже, несомнѣнно, находимся на той границѣ упрощенія и эмансипаціи, за которой начинается возможность созданія національнаго стиля.

Сравнительная изоляція Россіи втеченіе XIII-XV в., несомнѣнно, способствуетъ, на почвѣ усвоенной ранѣе византійской традиціи, появленію національнаго русскаго стиля. Вслѣдъ за роскошными византійскими мозаиками XI в., постепенно исчезаютъ и стѣнныя фрески греко-русскихъ росписей XIII-XV в. На смѣну имъ, въ деревянныхъ церквахъ деревянной сѣверной Россіи появляются во все большемъ количествѣ деревянныя иконы. Такъ какъ церковныя изображенія уже не могутъ болѣе размѣщаться на штукатуркѣ куполовъ, барабановъ, крыльевъ, столбовъ и стѣнъ храма, то въ томъ же традиціонномъ порядкѣ и «чинѣ» ихъ начинаютъ замѣнять разставленными въ нѣсколько рядовъ иконами высокаго русскаго «иконостаса», — спеціальный продуктъ сѣвернаго русскаго деревяннаго стиля, перенесенный потомъ и въ каменныя церкви. Къ «деисусу» (греч. «деэсисъ», тройная икона Спасителя, окруженнаго Богоматерью и Іоанномъ Крестителемъ), помѣщающемуся надъ царскими вратами, приставляются, съ обѣихъ сторонъ, архангелы и апостолы; надъ этимъ, «апостольскимъ чиномъ» ставятся на перекладинѣ («тяблѣ») вторымъ рядомъ иконы церковныхъ праздниковъ, надъ ними вытягивается третій рядъ иконъ пророковъ, надъ пророками въ четвертомъ ряду ставятся патріархи; надъ всѣмъ иконостасомъ — Богъ Саваоѳъ. Въ нижнемъ ряду, на уровнѣ и по сторонамъ царскихъ вратъ помѣщаются чтимыя «мѣстныя» иконы (сохраняющія свое «мѣсто», въ противоположность передвигаемымъ иконамъ праздниковъ). По извѣстнымъ уже намъ условіямъ, въ Россіи икона становится предметомъ особаго почитанія и въ томъ суевѣрномъ смыслѣ, который вызвалъ въ Византіи иконоборчество. Ка-

ждый хочетъ имѣть этотъ священный предметъ въ личномъ распоряженіи, причемъ особеннымъ почетомъ пользуются святые, избавляющіе отъ болѣзней, охраняющіе стада и лошадей и т. д. Огромный спросъ на иконы вызываетъ чисто-ремесленную репродукцію установленныхъ типовъ, а это содѣйствуетъ еще большему упрощенію рисунка и окраски, еще большей стилизаціи иконы. «Живописный» стиль иконописи византійскаго ренессанса все болѣе уступаетъ мѣсто «графической» манерѣ, съ ея прямыми линіями и рѣзко очерченными контурами рисунка, принимающаго плоскостный характеръ.

Конечно, наиболѣе священные сюжеты живописи, Христосъ, Б. Матерь, апостолы и т. д. сохраняютъ освященныя вѣками очертанія. Но окраска иконы остается въ распоряженіи художника, и еще раньше, чѣмъ національзируются иконописные лики, измѣняется составъ красокъ, употребляемыхъ «мастерами». По составу красокъ и различаются, прежде всего, мѣстныя школы иконнаго письма. Въ изображеніи второстепенныхъ святыхъ и фигуръ, въ композиціи и трактовкѣ сложныхъ сюжетовъ иконописецъ получаетъ еще больше свободы. Именно въ этой области совершается внутреннее развитіе иконописнаго искусства, — болѣе быстрое на православномъ югѣ, болѣе медленное въ Россіи.

До сихъ поръ остается невыясненной та роль, которую въ этомъ развитіи, втеченіе XIV и XV вѣка, играли два главные центра политической и культурной жизни Россіи послѣ татарскаго нашествія, Новгородъ и Суздаль (Владимиръ — Москва). Въ началѣ этого періода, естественно, Новгородъ сдѣлался главнымъ средоточіемъ религіознаго творчества и иконной продукціи. Здѣсь строилось наибольшее количество церквей, сюда постоянно вызывались греческіе мастера для росписи церквей; здѣсь стали всего ранѣе дополнять и замѣнять ихъ работу мастера «русскіе родомъ, а гречески ученицы». Здѣсь проявилась и наибольшая свобода по отношенію къ византійскимъ образцамъ: мы видѣли слѣды этой ранней національзаціи уже въ XIII вѣкѣ. Естественно, что до послѣдняго времени все оригинальное въ тогдашней религіозной живописи приписывалось «новгородской школѣ». Только въ самое послѣднее время стали выходить изъ мрака безвѣстности особыя черты Суздальскаго иконописанія. Можно было заранѣе предполагать, что эта древняя область русской культуры, оставшаяся болѣе вѣрной первоначальной византійской традиціи, не могла все же на пространствѣ нѣсколькихъ вѣковъ своей исторіи не проявить особыхъ чертъ, спеціально ей свойственныхъ. Дѣйствительно, она очень наглядно проявила ихъ въ церковномъ зодчествѣ, создавъ такіе памятники, какъ Успенскій и

Дмитровскій соборы во Владимирѣ, Покровъ на Нерли и т. д. Историкъ русскаго искусства И. Грабарь характеризуетъ эти суздальскіе памятники въ противоположность «крѣпкимъ, коренастымъ памятникамъ Великаго Новгорода», «простымъ, но крѣпкимъ, лишеннымъ пазойливаго узорочья», какъ «поражающіе своей стройностью, изысканностью и изяществомъ», — какъ «искусство тонкихъ пропорцій, изящныхъ линій и причудливыхъ узорныхъ сплетеній». Онъ ищетъ подобнаго же различія и въ суздальскихъ иконахъ, которыя «не слишкомъ высокаго мастерства, но все же (представляютъ) уклонъ въ сторону большей интимности, изящества, большей округленности формъ и ритмичности — въ противовѣсъ новгородской монументальности, прямолинейности и угловатости», новгородскихъ «прямолинейныхъ плановъ, четкой прочерченности и нарочито энергичныхъ ударовъ» кисти. Въ противоположность новгородской желтовато-золотистой охрѣ, какъ преобладающему тону, суздальская икона отличается «голубовато-серебристой гаммой» цвѣтовъ, болѣе холодной, чѣмъ «горячій тонъ» новгородцевъ, но и болѣе тонкой.

Раннимъ расцвѣтомъ суздальской школы является конецъ XIV и начало XV в. — періодъ, характеризуемый дѣятельностью знаменитаго художника-монаха, Андрея Рублева (род. около 1360-70, умеръ около 1427 - 30). Тотъ же историкъ, И. Грабарь, въ самое послѣднее время собралъ надежные матеріалы для характеристики работы этого выдающагося иконописца, ставшаго «живописцемъ» («изографомъ»). Наиболѣе яркимъ и законченнымъ продуктомъ этой работы остается прославленная гармоничностью красокъ и стройностью композиціи икона Троицы, написанная для Сергіево-Троицкой лавры. Но надо отмѣтить, что начало дѣятельности Рублева и его сотоварища Даніила Чернаго прошло въ сотрудничествѣ съ тѣмъ же упомянутымъ выше Феофаномъ Грекомъ, приглашеннымъ прямо изъ Новгорода (роспись Кремлевскаго Благовѣщенскаго собора въ 1405 г.). Тотъ же изслѣдователь приписываетъ Рублеву ту долю росписи Владимирскаго Успенскаго собора (1408), которая, въ противоположность отживавшему «живописному» письму его старшаго товарища Даніила, отличается стилизованнымъ «графическимъ» письмомъ. Конечно, въ столь исключительномъ произведеніи, какъ икона Троицы Рублева, нельзя не видѣть первое серьезное достиженіе національнаго творчества, такъ же независимое отъ подражаній въ своемъ родѣ, какъ независимо творчество Джотто и Дуччо ди Буонинсенья отъ романской и ново-эллинской школъ, произведенія которыхъ ихъ окружали. Но нельзя также и не отмѣтить разницу между русскимъ и итальянскимъ достиженіемъ. Творчество Андрея Рублева все же ограничено рамками иконописной традиціи,

тогда какъ творчество Джотто и Дуччо впервые вырывается изъ этихъ рамокъ на свободу.

Фрески Кирилловскаго Ферапонтова монастыря (Новгородской области), написанныя иконописцемъ Діонисіемъ въ 1500 - 1501 г., показываютъ, что со времени Даніила Чернаго и Рублева развитіе русскаго иконописанія, если и совершалось, то въ направленіи дальнѣйшей стилизаціи. Уже Рео считалъ преувеличеніемъ сравнивать фрески Ферапонтова монастыря съ фресками Джотто въ Аренѣ въ Падуѣ, какъ это дѣлалъ Муратовъ. Швейнфуртъ идетъ далѣе и говоритъ по поводу росписи Діонисія о дальнѣйшемъ упрощеніи (Rückbildung) византійскаго образца. И немудрено: Діонисій является живымъ продолжителемъ традиціи. Онъ работаетъ въ 1476 г. въ монастырѣ Пафнутія Боровскаго со своимъ старшимъ учителемъ Митрофаномъ, потомъ въ 1482 г. приводитъ своихъ сотрудниковъ, «попа Тимофея, Ярца и Кони» для написанія «деисуса съ праздники и пророки» въ построенномъ Фіораванти Успенскомъ соборѣ. Въ 1484 г. въ монастырѣ Іосифа Волоколамскаго и въ 1500 г. въ Ферапонтовомъ монастырѣ онъ работаетъ уже со своими «чадами», Владимиромъ и Феодосіемъ, а въ 1508 г. Феодосій, за старостью отца, замѣщаетъ его и становится во главѣ его мастерской при работахъ въ Благовѣщенскомъ московскомъ соборѣ. Тутъ цѣлая традиція: Митрофанъ-Діонисій — его помощники, «чада», наконецъ, Феодосій.

Однако же, тому же Благовѣщенскому собору суждено было рѣзко оборвать эту традицію и внести въ исторію русскаго иконописанія новую ноту. При расчисткѣ росписи на паперти этого собора въ 1882 году, художникъ Фартусовъ наткнулся на слѣды столь изумительной итальянщины, что комиссія по реставраціи, предсѣдательствуемая Забѣлинымъ, рѣшительно запретила ему продолжать свои поиски, обвинила въ поддѣлкѣ и распорядилась отдать поновленіе росписи въ руки мастерскаго иконописца Сафонова, который и погубилъ окончательно древнія фрески. Отъ нихъ остались только фотографіи, сдѣланныя Фартусовымъ. Но и эти фотографіи (фреска «О тебѣ радуется, Благодатная») позволили Кондакову опредѣлить стиль фресокъ, какъ «почти итальянскій», а Грищенкѣ — сравнить характерныя лица и особенно движенія рукъ фресокъ съ произведеніями итальянскаго кваттроченто. Холмы, зданія, выраженія лицъ, прическа, способъ носить костюмъ — все это было тутъ полной противоположностью традиціи Діонисія.

Это нарушеніе традиціи не осталось притомъ, одиночнымъ случаемъ. Послѣ московскаго пожара 1547 г. понадобилось написать для Благовѣщенскаго собора новыя иконы и вновь расписать дворецъ. Для этого приглашены были псковскіе мастера. Въ короткое

время иконы были написаны, — однѣ въ Москвѣ, другія въ Псковѣ, — и поставлены на мѣсто старыхъ. Москвичи пришли, однако же, отъ новыхъ иконъ въ соблазнъ, и одинъ изъ очень образованныхъ людей того времени, дьякъ Висковатый, не выдержалъ, доложилъ государю о своихъ сомнѣніяхъ по поводу новаго направленія церковной живописи. Его смущало то, что живописцы пишутъ «по своему разуму, а не по божественному писанію»; одинъ и тотъ же сюжетъ обрабатываютъ различно, такъ что на разныхъ иконахъ одинаковаго содержанія оказывается «то же писано, а не тѣмъ видомъ»; не дѣлаютъ, по старому обычаю, надписей на иконахъ и вводятъ въ живопись свѣтскія изображенія — «кромѣ божественнаго писанія». До насъ дошла одна изъ иконъ, возбудившихъ сомнѣнія Висковатаго: это — «четырехчастная» икона, изображающая дѣйствительно новые для тогдашней Россіи сложные дидактическіе сюжеты: Почи Богъ въ день седьмый; Единородный Сынъ Слово Божіе; Прійдите, поклонимся и Во гробѣ плотски. На православномъ Югѣ и Востокѣ этого рода сюжеты давно не были новостью. Уже въ XIV и XV столѣтіяхъ мы встрѣчаемъ изображенія отвлеченныхъ темъ, иллюстрирующихъ молитвы, догматы, литургію и т. д. и трактуемыхъ символически и даже мистически. Въ Москву эти сюжеты иконъ проникаютъ не раньше XV и въ XVI вѣкѣ. Ихъ происхожденіе — въ греческой монастырской живописи, черпавшей свой матеріалъ изъ богословскихъ трактатовъ и латинской схоластики. Кондаковъ основательно предостерегаетъ русскихъ мистиковъ, пытавшихся строить на этихъ иконахъ свои сужденія о мистическихъ глубинахъ русской души. Какъ мы увидимъ, сложныя иконы удовлетворяли въ Россіи иной, болѣе упрощенной и элементарной религіозной потребности.

Сомнѣнія Висковатаго, во всякомъ случаѣ далеко не заходили; онъ, какъ и самъ царь Иванъ, останавливался лишь на частностяхъ, бросавшихся въ глаза, и его критика имѣла практическую цѣль: задѣть царскаго любимца Сильвестра, священника Благовѣщенскаго собора. Съ этимъ связана и судьба его замѣчаній. Былъ собранъ духовный соборъ (1554 годъ), который постарался доказать Висковатому неосновательность его сомнѣній и заставилъ его покаяться въ своихъ «хульныхъ строкахъ». Конечно, соборъ имѣлъ основанія доказывать, что новыя иконографическія формы нисколько не противорѣчатъ писанію. Но правъ былъ и Висковатый, когда привычнымъ глазомъ москвича сразу отмѣтилъ новизну этихъ формъ на псковскихъ иконахъ. Все, что смущало Висковатаго, на самомъ дѣлѣ, приходило въ Россію вновь изъ итало-греческаго источника. и изображеніе Бога - отца въ видѣ старца, и изображеніе Христа, покрытаго херувимскими крыльями и т. д. Мало того, оказалось,

по наблюденію извѣстнаго знатока русской иконографіи, Ровинскаго, что на одной изъ новыхъ иконъ Благовѣщенскаго собора, писанныхъ псковичами «Останей да Якушкой», одна частность скопирована прямо съ рисунка Чимабуэ, а другая икона цѣликомъ воспроизводитъ рисунокъ Перуджино. Несомнѣнной новинкой была и аллегорическая роспись дворцовыхъ стѣнъ. Но поразившая Висковатаго фигура «женки, которая спустя рукава пляшетъ», — долженствовавшая изображать «блуженіе», въ дѣйствительности была изображеніемъ пляшущей Саломеи, встрѣчающимся въ итало-греческой школѣ уже въ XIV в.

Конечно, эти новаторскія стремленія такъ же мало характеризуютъ русское ходячее иконописаніе начала XVI вѣка, какъ итальянскій Кремль Фіораванти, Соляріо и Алевизіо мало характеризуютъ русскую національную архитектуру. Новаторство было занесено въ Москву иконописцами изъ недобитыхъ республикъ, Новгорода и Пскова. Въ 1547 г. митр. Макарій переселилъ въ царскую столицу административнымъ порядкомъ вообще всѣхъ иконниковъ изъ этихъ городовъ. Москва, какъ мы знаемъ, какъ разъ тогда собирала отовсюду русскія православныя святыни, чтобы возвеличить себя за чужой счетъ. До нѣкоторой степени, особенно въ первое время, она этимъ осуждала себя на эклектизмъ, и въ ея искусствѣ появились «смѣшанныя» манеры. Но въ то же время Москва имѣла свою собственную традицію — Суздальскую, болѣе консервативную, чѣмъ новгородская, и она хотѣла подчинить новыхъ мастеровъ этой старой традиціи. Въ духѣ свойственной ей централизаціи московская власть принимаетъ на Стоглавомъ соборѣ 1551 г. цѣлый рядъ мѣръ для обезпеченія правовѣрія въ искусствѣ, какъ и въ обрядѣ (ср. стр. 34). 43-я глава Стоглава устраиваетъ изъ иконописцевъ своего рода цехи и подчиняетъ ихъ наблюденію духовныхъ властей; та же глава повелѣваетъ «святителямъ великое попеченіе имѣть, каждому въ своей области, чтобы опытные иконники и ихъ ученики писали съ древнихъ образцовъ, а отъ самомышленія бы и своими догадками Божества не описывали: *ибо Христосъ Богъ нашъ описанъ плотью, а Божествомъ не описанъ*». Подчеркнутыя слова для насъ особенно любопытны: это, очевидно, отвѣтъ на одинъ изъ главныхъ доводовъ художническаго «самомышленія» XVI вѣка, — доводъ, который опять намъ встрѣтится въ XVII вѣкѣ. Сторонники новаго направленія живописи, какъ видно изъ этихъ словъ, уже въ XVI столѣтіи опирались на то соображеніе, что живопись имѣетъ право ставить своей задачей — *идеальное*, одухотворенное, небесное изображеніе святыхъ, а не копированіе предполагаемаго земного облика. Но самое большое, что разрѣшалось въ

направленіи нѣкоторой идеализаціи типовъ, это копированіе рублевской манеры. И слѣды ея сохраняются втеченіе XVI вѣка. Ослушникамъ грозила «царская гроза» и даже «преданіе суду».

Постановленіями 43-й главы Стоглава — мѣры противъ «своихъ догадокъ» новыхъ живописцевъ не ограничились. Несомнѣнно, въ прямой связи съ этой 43-й главой возникаетъ во второй половинѣ XVI вѣка такъ называемый «подлинникъ», т. е. сборникъ снимковъ («переводовъ») съ установленныхъ разъ навсегда «образцовъ», по которымъ иконописцы должны были писать иконы. Къ этому «лицевому подлиннику» т. е. сборнику рисунковъ въ контурахъ, присоединялось, по днямъ года, описаніе, кратко характеризовавшее типы святыхъ и перечислявшее нужныя для нихъ изображенія краски. Составленіе подлинника имѣло цѣлью окончательно закрѣпить въ общемъ употребленіи установившіеся типы иконописи и положить конецъ «мудрованію» художниковъ. Этого, однако, не удалось достигнуть. Напротивъ, «самомышленіе» русскихъ иконописцевъ развилось въ XVII в. до небывалыхъ размѣровъ. Подлинникъ уже потому не могъ положить предѣла свободѣ художника, что вполнѣ однообразныхъ типовъ иконографіи и не существовало въ самый моментъ его составленія. Варіанты, все болѣе и болѣе многочисленные, указывались въ самомъ подлинникѣ, и чѣмъ долѣе онъ существовалъ, тѣмъ болѣе становился пестрымъ и сборнымъ. Извѣстная, относительная свобода была, такимъ образомъ, предоставлена художнику уже въ выборѣ варіантовъ. Еще болѣе вызывалъ его на свободное творчество упомянутый выше видъ иконописныхъ изображеній, составляющій особенность московскаго періода, — именно сложныя иконы. Понятно, почему именно этого рода иконы полюбились вѣрующимъ. Въ Россіи еще болѣе, чѣмъ въ средневѣковой Европѣ, икона должна была замѣнять книгу: на общедоступномъ языкѣ условныхъ іератическихъ изображеній она должна была разсказать вѣрующему въ лицахъ то, что его интересовало въ области вѣры — эпизодъ изъ св. Писанія, житіе святого, значеніе праздника, содержаніе церковной пѣсни, даже смыслъ обряда и догмата. Икона становилась своего рода «библіей бѣдныхъ». Закащикъ требовалъ отъ иконы, чтобы изображеніе святого было непремѣнно «съ житіемъ», изображеніе Христа — «съ праздниками», а изображеніе Матери — съ наглядным изображеніемъ 24 стиховъ ея акаѳиста. Всѣ эти картины располагались въ миніатюрѣ, въ видѣ обрамленія, по четыремъ сторонамъ главной фигуры. Конечно, такая икона допускала болѣе или менѣе самостоятельную композицію. Требованія отъ художника были, правда, не велики: измѣнять общепринятыхъ изображеній онъ не могъ, — онъ долженъ былъ только сопоставить ихъ

механически. Изъ такихъ механическихъ сопоставленій и образовались типы нашихъ сложныхъ иконъ. Богатый матеріалъ, — правда, привязывавшій къ прошлому, художникъ нашелъ готовымъ въ миніатюрахъ старинныхъ иллюстрированныхъ рукописей, — т. е. тамъ же, гдѣ находили его иконописцы и въ другихъ странахъ православнаго міра. Но, очевидно, и въ этихъ предѣлахъ — фантазіи художника предоставлялось уже больше свободы, чѣмъ при повтореніи старыхъ, закопченныхъ композицій. Онъ могъ всегда ввести въ икону новыя подробности, извѣстныя ему изъ писанія, изъ церковныхъ пѣсней, наконецъ, изъ апокрифа; онъ могъ стремиться механически сопоставленнымъ частямъ иконы придать больше внутренняго единства или, по крайней мѣрѣ, постараться расположить ихъ искуснѣе на иконной доскѣ. Естественно, что эти иконы явились первымъ общепринятымъ продуктомъ оригинальнаго художественнаго творчества въ области живописи.

Московское иконописаніе XVI и XVII столѣтій составляетъ послѣднюю главу исторіи допетровской живописи. Новые изслѣдователи считаютъ ее періодомъ застоя и упадка. Съ этимъ мнѣніемъ такъ же нельзя цѣликомъ согласиться, какъ и съ преувеличеніемъ достиженій XV вѣка. Но вѣрно, во всякомъ случаѣ то, что Москва — въ особенности въ XVII вѣкѣ — не могла продолжать линіи предыдущихъ вѣковъ. Тутъ былъ тупикъ, выходомъ изъ котораго могъ быть только разрывъ съ прошлымъ. По отношенію къ старому Москва сыграла роль централизатора. Она подчинила себѣ наличный составъ и направленіе Новгородскихъ и Псковскихъ художниковъ. Изъ Новгорода искусство иконописи распространилось въ новгородскихъ владѣніяхъ сѣверовосточной Россіи, вѣроятно, оттуда перешло во владѣнія именитыхъ людей Строгановыхъ — въ Устюгѣ, Сольвычегодскѣ и Перми, гдѣ мастера Строгановыхъ подняли его въ концѣ XVI и началѣ XVII вв. на уровень особаго стиля. Строгановскія иконы славились пышностью рисунка, блескомъ красокъ и детальностью разработки миніатюрныхъ изображеній. Старѣйшій изъ этихъ мастеровъ, Степанъ Арефьевъ извѣстенъ по иконѣ 1596 г., написанной для Никиты Строганова. Москва присвоила искусство и этихъ Строгановскихъ мастеровъ. Такъ, сынъ строгановскаго художника Истомы Савина, Никифоръ, носившій характерное прозвище «мелочника», т. е. миніатюриста, уже работалъ заразъ и для Строгановыхъ и для царя Михаила Федоровича. Другой, еще болѣе извѣстный мастеръ, Прокофій Чиринъ, перешелъ отъ Строгановыхъ на царскую службу. Такимъ образомъ, стиль Строгановыхъ былъ поглощенъ всеуравнивающимъ стилемъ Москвы. Но этого было мало. Когда понадобились усиленныя работы по обновленію росписи

Успенскаго и Архангельскаго соборовъ (1653, 1657, 1660), то московское правительство безъ церемоніи распорядилось и съ оставшимся на сѣверо-востокѣ художниками. Строгими царскими приказами ихъ было велѣно сыскать и выслать къ Москвѣ за крѣпкими поруками. За неисполненіе указовъ Москва грозила «жестокими наказаніями». Тѣ, кому не удалось скрыться, были доставлены въ Москву изъ Костромы, Устюга, Вологды, Осташкова, Ростова и т. д., нищіе и разоренные. Они умоляли начальство установить очереди и не таскать ихъ слишкомъ часто въ Москву. Рядовымъ работникамъ здѣсь платили жалкую поденную плату, отъ 4 до 7 копѣекъ*). «Добрые» мастера получали, правда, постоянную работу и годовой окладъ 10-12 рублей: они становились «жалованными» царскими иконописцами и живописцами. Вѣдала ихъ послѣ смуты Оружейная Палата, наблюдавшая вообще за предметами царскаго обихода., Въ выучку имъ давались ученики. Такъ образовалась ко второй половинѣ XVII столѣтія школа московскихъ «государевыхъ изографовъ».

Московская школа, несомнѣнно, помогла слить въ одно цѣлое и обезличить провинціальныя манеры иконописи, установивъ однообразный эклектическій стиль. Этому содѣйствовало то, что не только изъ провинціи мастера вызывались въ Москву, но и изъ Москвы ѣхали на работу въ провинцію. Слава московской царской школы настолько распространилась, что въ 1641 г. молдавскій ктиторъ Василій Лупу, найдя, что «въ его землѣ нѣтъ хорошихъ и способныхъ мастеровъ», выписалъ изъ Москвы для росписи построенной имъ въ Яссахъ церкви москвичей изъ царской школы Сидора Поспѣева и Якова Гаврилова; по смерти послѣдняго его замѣстили два другіе москвича, Дѣйко Яковлевъ и Пронька Микитинъ. Мы видѣли, что вызывали царскихъ художниковъ и на Украину (стр. 480).

Истинное значеніе московской школы, однако, не въ этомъ унификаціонномъ процессѣ и не въ разработкѣ старыхъ мотивовъ, а въ попыткахъ пойти навстрѣчу художественнымъ требованіямъ текущаго момента. То, что можно было сдѣлать при помощи подражанія, хотя бы и рублевскимъ образцамъ, было уже исчерпано. Новыя вѣянія шли въ Москву не только изъ Византіи и изъ итальяно-греческихъ школъ. Они проникали — и притомъ въ гораздо болѣе полномъ видѣ — непосредственно съ Запада. Къ самой царской школѣ были прикомандированы — правда, для живописныхъ, а не для иконописныхъ задачъ — иноземные художники. Какое значеніе имъ приписывали и какъ ихъ цѣнили, можно видѣть изъ сравненія уплачиваемаго имъ жалованья съ окладами московскихъ мастеровъ, хо-

*) Цѣна денегъ была тогда въ 17 разъ больше довоенной.

тя бы и очень видныхъ. Вышеназванный Прокопій Чиринъ получалъ въ Оружейной Палатѣ въ 1620 г. 20 руб. въ годъ и столько же четвертей ржи и овса. Знаменитый Симонъ Ушаковъ въ 1648 г. довольствовался окладомъ въ 10 р. и 15 четвертей въ годъ. Только въ 1678 г., послѣ тридцатилѣтней службы, онъ получалъ 67 р. и 52 четверти ржи и овса. А иноземцу Анцу Деттерсу платили въ 1643 окладъ въ 240 рублей, Даніилу Вухтерсу въ 1667 г. 156 р., столько же и Ив. Салтанову. Московскій и Коломенскій дворцы Алексѣя Михайловича были наполнены ихъ работами. А завѣдывалъ убранствомъ и ремонтомъ этихъ дворцовъ тотъ же Симонъ Ушаковъ. Кромѣ того, вліяніе западнаго искусства распространялось черезъ посредство иностранныхъ гравюръ. Общій терминъ для означенія этого вліянія былъ «фрязь», «фряжское». Въ XVI в. подъ этимъ терминомъ разумѣлось преимущественно нѣмецкое; въ серединѣ XVII в. присоединилось нидерландско-фламандское. Безпрепятственно господствуя въ области декораціи и портрета, отсюда это вліяніе распространялось и на иконопись. Уже патр. Никонъ, покровительствовавшій, какъ мы знаемъ, греческимъ новизнамъ, замѣтилъ «латинское» вліяніе въ иконописи и пришелъ въ крайнее раздраженіе. Со свойственнымъ ему темпераментомъ, онъ побросалъ не нравившіяся ему иконы на каменныя плиты пола, выкалывалъ у нихъ глаза и, вопреки царской просьбѣ, приказывалъ жечь ихъ, оглашая при этомъ имена владѣльцевъ. Оправдываясь впослѣдствіи передъ москвичами за свое «иконоборство», Никонъ ссылался на то, что «вывезъ тотъ переводъ нѣмчинъ изъ нѣмецкой земли». Павелъ Алеппскій, правда, сообщаетъ, что пострадавшія иконы были писаны московскими иконописцами по «франкскимъ и польскимъ образцамъ», понимая, очевидно, слово «франкскій («фряжскій»)» въ общемъ смыслѣ. Но удареніе, которое Никонъ сдѣлалъ на своемъ опредѣленіи, показываетъ, что рѣчь шла именно о *новомъ,* спеціально выдѣлившемся къ его времени вліяніи. На томъ же настаиваетъ въ своихъ обличеніяхъ и протопопъ Аввакумъ. «По попущенію Божію», пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ посланій, «умножились въ нашей русской землѣ живописцы неподобнаго письма иконнаго... Пишутъ они Спасовъ образъ Еммануила, лицо одутловато, уста червонныя, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надутые, также и у ногъ бедра толстыя, и весь, яко нѣмчинъ, брюхатъ и толстъ учиненъ, только что сабли при бедрѣ не написано... А все то Никонъ врагъ умыслилъ — *будто живыхъ писать;* все устрояетъ по фряжскому, сирѣчь по нѣмецкому».

Конечно, Никонъ обвиненъ тутъ напрасно. Помимо сожженія иконъ, онъ торжественно въ присутствіи восточныхъ патріарховъ

съ церковной каѳедры осудилъ новое направленіе въ живописи и изрекъ анаѳему на его послѣдователей., Тѣ же самыя осужденія противъ западныхъ заимствованій въ иконографіи повторены были и соборомъ 1667 года. Но житейская практика не справлялась съ этими осужденіями и запрещеніями. Самое большее, чего достигла церковь, — это то, что для офиціальныхъ церковныхъ потребностей сохранилось прежнее «иконное» письмо, какого требовалъ старый подлинникъ. Но рядомъ съ нимъ продолжало укрѣпляться и «живописное» письмо. Самые знаменитые мастера, какъ, напр., Симонъ Ушаковъ, работали одновременно на оба манера, смотря по вкусу своихъ заказчиковъ*). Мы уже видѣли, что со времени Михаила Ѳедоровича при московскомъ дворѣ стали появляться иностранные художники, поляки и нѣмцы, поступавшіе на царскую службу и писавшіе картины и «парсуны» (т. е. портреты). Съ сороковыхъ годовъ XVII в. эти художники у насъ не переводи-

*) Противъ обычнаго представленія о Симонѣ Ушаковѣ, какъ о «стародумѣ и новаторѣ» (Сычовъ) объ «уравновѣшенномъ и мягкомъ посредникѣ между старымъ и новымъ» (В. Н. Щепкинъ), сочетавшемъ «иконописный натурализмъ и традицію» (Ю. Олсуфьевъ) и т. д., высказаны были въ послѣднее время два противоположныхъ взгляда. Проф. Н. П. Сычевъ пытался найти въ его произведеніяхъ вліяніе фламандскихъ примитивовъ XV — XVI в., Ванъ-Эйковъ, Рожера ванъ-деръ-Вейдена, Мемлинга и т. д. В. Н. Нечаевъ противопоставилъ этому другое крайнее утвержденіе, что Ушаковъ остался вѣренъ иконописной традиціи, новаторство его не шло далѣе изображенія ликовъ, и это новое могло быть заимствовано, помимо старыхъ образцовъ (Ушаковъ, между прочимъ, далъ варіантъ знаменитой «Троицы» Рублева, см. выше стр. 498) также и у грековъ, которые именно въ 1650-хъ — 60-хъ гг. были въ особенной модѣ въ Москвѣ, благодаря Никону (см. выше, стр. 46). Но дѣло въ томъ, что и греческое иконописаніе успѣло уже заимствовать западную «фрязь» — черезъ посредство Италіи. Какъ разъ подражаніе «Троицѣ» Рублева Ушаковъ написалъ для «гречанина», выходца «изъ Македонской земли», «Миколы Остафьева сына» Николетова, итальянизированная фамилія котораго напоминаетъ объ итальянскихъ вліяніяхъ въ области его родины, Янины, — и подписалъ эту икону греческими подписями. Такъ сошлись въ одной точкѣ русскій ренессансъ XV в. съ новымъ ренессансомъ конца XVII в. Современныя XVII-му столѣтію итало-греческія вліянія, конечно, не могли уже остановить и прямыхъ вліяній съ запада, потому что сами шли, хотя и осторожно, въ томъ же направленіи. Ушаковъ только болѣе сдержанъ въ своихъ заимствованіяхъ, чѣмъ его современники и даже ученики, пошедшіе дальше его особенно въ области архитектурнаго пейзажа.

лись и воспитали не мало русскихъ учениковъ. Естественно, что подготовленные такимъ образомъ, ободренные царскими заказами и царскимъ жалованьемъ, московскіе живописцы царской школы рѣшительно стали вносить пріемы «фряжскаго» письма въ самую иконопись и изъ оборонительнаго положенія перешли въ наступательное. Однажды въ мастерской Симона Ушакова, сидѣлъ его товарищъ и собратъ по направленію, «изуграфъ» Іосифъ (Владиміровъ). Пріятели бесѣдовали о живописи. Въ это время вошелъ къ нимъ сербскій архидіаконъ, Іоаннъ Плѣшковичъ, и вмѣшался въ бесѣду. Увидавъ художественное изображеніе Маріи Магдалины, Плѣшковичъ плюнулъ и сказалъ, что такихъ «свѣтовидныхъ» образовъ у нихъ не принимаютъ. Въ отвѣтъ на это Іосифъ написалъ энергическую отповѣдь въ формѣ посланія къ Ушакову. «Неужели ты скажешь», пишетъ Іосифъ, обращаясь къ своему противнику Плѣшковичу, «что только однимъ русскимъ дано писать иконы и только русскому иконописанію поклоняться, а отъ прочихъ земель не принимать и не почитать?.. Спроси отца своего и старцевъ, пусть скажутъ тебѣ, что во всѣхъ нашихъ христіано-русскихъ церквахъ всѣ утвари священныя, фелони и омофоры, пелены и покровы, и всякая хитроткань, и златоплетенье, и каменье дорогое, и жемчугъ — все это ты отъ иноземцевъ получаешь и въ церковь вносишь и престолъ и иконы тѣмъ украшаешь и ничего сквернымъ и отметнымъ не называешь.... Въ наши времена ты требуешь отъ живописца, чтобы онъ писалъ образы мрачные и неподоболѣпные, и учишь насъ лгать противъ древняго писанія... Гдѣ найдено такое указаніе, чтобъ лица святыхъ писать смугло и темновидно? Развѣ весь родъ человѣческій созданъ въ одно обличье? Развѣ всѣ святые были смуглы и тощи? Если и имѣли они здѣсь на землѣ умерщвленные члены, то тамъ на небесахъ, оживотворенны и просвѣщенны явились своими душами и тѣлами. Какой же бѣсъ позавидовалъ истинѣ и воздвигъ ковы на свѣтообразныя персоны святыхъ? Кто изъ благомыслящихъ не посмѣется такому юродству, будто бы темноту и мракъ паче свѣта предпочитать слѣдуетъ?.. Нѣтъ, не таковъ обычай премудраго художника. *Что онъ видитъ или слышитъ, то и начертываетъ въ образахъ или лицахъ и согласно слуху или видѣнію уподобляетъ.* И каковы были въ древнемъ завѣтѣ, такъ и въ новой благодати — многіе святые мужескаго и женскаго рода были на видъ благообразны». Отъ мысли, что «живописныя» иконы могутъ вызвать соблазнъ, благочестивый художникъ приходитъ въ полное негодованіе. «Какъ не страшишься ты, недостойный», восклицаетъ онъ, «взирать на блаженные лики — и соблазнъ помышлять въ сердцѣ своемъ? Истинному и благочестивому христіанину, и на самихъ блудницъ взирая,

прельщаться не подобаетъ, а не то что на благообразное живописаніе разжигаться. Это — мысль послѣдняго безстрашія и крайняго нечестія, чтобы кому отъ иконъ соблазняться. Тѣлесно, а не духовно эти люди пришли къ такой мысли въ своемъ неразуміи: злоба ихъ ослѣпила».

Какъ видимъ, художникъ-реалистъ конца XVII вѣка еще сохранилъ настроеніе художника-идеалиста XV в., которому пробовалъ подражать. Онъ тоже былъ настроенъ на высокій строй христіанской мысли и чувства. Самая идея, что натурализмъ въ живописи можетъ перейти должныя границы — была ему далека и чужда. Чтобы найти такое настроеніе въ европейскомъ искусствѣ, намъ надо было бы вернуться къ XIV-му вѣку. Тамъ это настроеніе вызвало возрожденіе религіозной живописи, бывшее началомъ возрожденія европейскаго искусства., Естественно, что и у насъ изъ кружка царскихъ живописцевъ могло бы выйти нѣчто подобное. И дѣйствительно, приподнятое настроеніе русскихъ художниковъ второй половины XVII в. даетъ намъ ключъ къ цѣлому ряду новыхъ и любопытныхъ явленій въ русской иконографіи. Дѣло не ограничивается, на этотъ разъ, простымъ накопленіемъ подробностей въ старой композиціи или механической перестановкой старыхъ мотивовъ для изображенія новаго сюжета. Перемѣны проникаютъ въ самый замыселъ старыхъ композицій, и вездѣ христіанскій художникъ старается поставить эти композиціи на высоту своего религіознаго чувства. Старымъ изображеніемъ Благовѣщенія Божіей Матери у колодца или дома за пряжей художникъ остается недоволенъ. Онъ заставляетъ Богородицу въ моментъ Благовѣщенія читать св. писаніе, и русскій святитель вскрываетъ намъ мотивъ, руководившій въ этомъ случаѣ русскимъ художникомъ. Архангелъ долженъ былъ обрѣсти Дѣву, по словамъ Димитрія Ростовскаго, «не внѣ дома, не среди житейскихъ попеченій, но въ молитвѣ, молчаніи и чтеніи книжномъ упражняющуюся». Точно такъ же художника оскорбляло лежачее положеніе Богоматери на византійской иконѣ Рождества Христова, какъ намекъ на ея человѣческую немощь, — и онъ, самъ того не зная, вернулся къ сидячей позѣ древнехристіанскаго искусства. Мотивъ на этотъ разъ излагаетъ намъ самъ художникъ, утверждая, что только «грубые и невѣжды иконописцы» могутъ изображать Божественную Родильницу «на подобіе мірскихъ женъ» лежащей и съ повивальной бабкой; «Пречистая Дѣва... не требоваше бабеннаго служенія...: сама роди, сама и воспелена, благоговѣйно осязаетъ, объемлетъ, лобызаетъ, подаетъ сосецъ: все дѣло радости исполнено, нѣтъ никакія болѣзни, ни немощи въ рожденіи». По тому же религіозному побужденію хлѣвъ, въ которомъ родился Христосъ, замѣненъ былъ пещерой.

Другой характерной особенностью иконописи и стѣнописи XVII столѣтія, свидѣтельствующей о ростѣ западнаго вліянія, является овладѣніе темой «нутровыхъ палатъ», т. е. внутренности зданія, изображающагося на заднемъ планѣ иконы. Уже самое появленіе «палатъ» вмѣсто простого одноцвѣтнаго фона было шагомъ впередъ въ исторіи церковной живописи. Но «палаты» изображались въ одной плоскости, какъ задняя декорація, не связанная съ фигурами. Начиная съ конца XVII в. русскій художникъ стремится, во-первыхъ выдвинуть впередъ боковыя стѣнки «палатъ», окружая ими фигуру, и, во-вторыхъ, раскрыть фасадъ палатъ и углубиться во внутреннее расположеніе комнатъ. Такъ, вмѣсто плоскости, получается представленіе трехмѣрнаго пространства: изображеніе начинаетъ жить реальной жизнью. Надо, однако, прибавить, что почти весь этотъ процессъ проходитъ безъ усвоенія основныхъ законовъ перспективы. Процессъ этой борьбы за «нутро» палатъ недавно изображенъ очень подробно В. Н. Нечаевымъ. На западѣ этотъ успѣхъ, притомъ со знаніемъ перспективы, былъ достигнутъ еще Джотто и его современниками, на рубежѣ XIII и XIV в. У насъ окончательная побѣда этого направленія — но все еще безъ знанія перспективы, достигнута лишь въ послѣдней четверти XVII в. Сійскій иконописный подлинникъ, законченный въ 1666-76 гг., еще стоитъ ниже этого достиженія. Но тотчасъ послѣ этого времени мы имѣемъ доказательства новаго и сильнаго иностраннаго вліянія. Оно прослѣжено въ послѣднее время Е. П. Сачавцемъ-Федоровичемъ. Источникомъ этого вліянія, извѣстнымъ, конечно, и раньше, оказывается т. наз. «Библія Пискатора». А объектомъ вліянія является стѣнная роспись сѣверныхъ церквей, Ярославскихъ, Костромскихъ, Ростовскихъ, Вологодскихъ и т. д. Въ Вологдѣ найденъ и одинъ, сильно захватанный экземпляръ Библіи Пискатора. Другой экземпляръ былъ пріобрѣтенъ для царя Ѳедора Алексѣевича царскимъ мастеромъ Безминымъ въ 1677 г. Вѣроятно, это было одно изъ Амстердамскихъ изданій 1650 или 1674 гг. Памятникъ этотъ, воспроизводившій по большей части произведенія мастеровъ второй половины XVI в., опаздываетъ на цѣлое столѣтіе. Итальянское вліяніе прошло тутъ черезъ призму нидерландскаго «готическаго барокко». Во всякомъ случаѣ, этому искусству уже вполнѣ извѣстны законы линейной и воздушной перспективы. Росписи Ярославля и другихъ городовъ охотно заимствуютъ у Пискатора библейскія темы. Но часто они не понимаютъ рисунка и впадаютъ въ забавныя недоразумѣнія, вродѣ того, напр., что огонь въ жертвоприношеніи Каина и Авеля заставляютъ, вмѣсто жертвенника, горѣть въ корзинѣ. Затѣмъ

общій стиль «остается непобѣжденнымъ», по заключенію г. Сачавца. «Гравюры Пискатора, перешедшія глубину пространства, трактуются плоскостно. Натуралистическія формы стилизованы и схематизованы. Во всякомъ случаѣ, нарождающійся натурализмъ введенъ въ строгіе предѣлы. Стремительныя движенія пріобрѣтаютъ въ большей или меньшей степени иконописную сдержанность. Формы и одежды становятся проще и скромнѣе». Правда, при этомъ наблюдаются два теченія: одно — болѣе ремесленное и отсталое, другое — болѣе художественное и прогрессивное. Второе теченіе допускаетъ больше пластичности въ фигурахъ, больше сложности въ движеніяхъ, въ складкахъ одежды, больше изломовъ въ линіяхъ, плотно охватывающихъ усложненныя формы, больше интенсивности въ тѣняхъ и краскахъ, больше архитектурныхъ элементовъ, больше старанія — соблюсти соотношеніе пейзажа съ размѣрами человѣческой фигуры. Особенно замѣтна связанность русскихъ мастеровъ обоихъ направленій въ пріемахъ композиціи. Они съ трудомъ идутъ на то, чтобы отдѣлить существенное отъ несущественнаго и расположить разные сюжеты въ разныхъ плоскостяхъ. По большей части они держатся стараго пріема непрерывнаго разсказа, въ которомъ всѣ части равны и ритмъ повѣствованія отсутствуетъ. Художникъ еще не знаетъ ни анатоміи, ни перспективы. У нихъ Ной идетъ къ ковчегу ногами впередъ, а туловище поставлено въ фасъ и голова обращена назадъ чистымъ профилемъ. Корова лежитъ на трехъ смежныхъ холмахъ. Ева, стоя впереди, опирается на дерево, помѣщенное за второй плоскостью. Intérieur остается въ зачаточномъ видѣ, дѣйствіе сосредоточено у края картины или даже вытолкнуто впередъ, за края архитектурной рамки. Линій пола и потолка часто не видно. Напомнимъ, что въ оригиналахъ Пискатора все это стоитъ на мѣстѣ: русскій художникъ продолжаетъ трактовать пространство примитивно, на до-джоттовскій манеръ, не только по уваженію къ традиціи, но просто по незнанію элементарныхъ правилъ своего искусства. Пропасть между запоздалымъ нидерландскимъ источникомъ и ярославской копіей остается огромной и незаполненной. Это два разныхъ міропониманія, характеризующихъ двѣ различныя ступени развитія. Одно послѣдствіе этой несоизмѣримости степеней культуры, во всякомъ случаѣ, необходимо подчеркнуть: Великороссія XVII вѣка сохранила свое національное искусство по существу нетронутымъ. Вліяніе барокко, заливавшаго Западную Европу, на Россію XVII в. уже поэтому не могло распространиться.

Какъ бы то ни было, новое направленіе подвергло пересмотру

весь иконографическій матеріалъ: вездѣ сличило установившіеся типы съ текстомъ писанія и, гдѣ только можно было, ввело вмѣсто сухого византійскаго формализма свѣжее чувство и жизненность. Въ результатѣ этого пересмотра явился такъ-называемый «критическій подлинникъ», снабдившій новаго художника темами, взятыми непосредственно изъ памятниковъ церковной письменности, и этимъ самымъ освободившій его отъ иконописной рутины. Мало того, сторонники новаго направленія, разрушая старую традицію, попытались создать новую; съ этою цѣлью собраны были лучшіе новые образцы, выбраны лучшіе изъ старыхъ и все это, съ прибавкой совершенно самостоятельныхъ композицій русскихъ художниковъ, должно было служить руководствомъ для будущихъ иконописцевъ (Сійскій лицевой подлинникъ). Необходимо отмѣтить, что любимыми сюжетами новой церковной живописи сдѣлались тѣ же самые, которые составляли въ это время и любимыя темы для чтенія религіозныхъ людей. Въ послѣдней четверти XVII вѣка, въ эпоху общаго религіознаго оживленія, въ эпоху послѣдней борьбы раскола за преобладаніе, эпоху хлѣбопоклонной ереси и перевода на русскій языкъ Великаго зерцала (165, 189), возникли и чрезвычайно быстро распространились текстъ и иллюстраціи «Страстей Господнихъ», и немедленно же этотъ сюжетъ былъ утилизированъ для росписи стѣнъ въ царскихъ палатахъ. Въ это же время, повидимому, картина страшнаго суда обогатилась детально-разработаннымъ отдѣломъ адскихъ мученій. Нужно ли прибавлять, что внутренній смыслъ всѣхъ перечисленныхъ явленій былъ одинъ и тотъ-же?

Слѣдуя общему подъему религіознаго настроенія, русское искусство, очевидно, стояло наканунѣ новаго расцвѣта христіанской живописи, какимъ ознаменовалось **XIV-XV столѣтіе** западнаго искусства. Предоставленная самой себѣ, наша живопись могла бы двинуться тѣмъ-же путемъ, какъ западная, и, можетъ быть, пережить, тремя-четырьмя вѣками позже, свою классическую эпоху. Но эти вѣка прошли не даромъ. Повторять ихъ теперь было поздно, а при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ очутилась русская религіозность къ началу XVIII вѣка, и вовсе невозможно. Религіозные люди тогдашней Руси въ большинствѣ стояли за церковную старину и не имѣли побужденій поддерживать иконографическія новшества. Религіозные новаторы стояли слишкомъ далеко отъ вопросовъ искусства. А для всѣхъ остальныхъ — вдохновеніе, руководившее христіанскимъ художникомъ, скоро сдѣлалось совершенно непонятно. Вотъ почему скромное движеніе, начавшееся въ московскихъ мастерскихъ царскихъ иконописцевъ, очутилось безъ почвы, раньше

чѣмъ успѣло развить заключавшіеся въ немъ задатки новой жизни. Сердечное умиленіе этихъ художниковъ никого больше не трогало и никому не было нужно. Въ нѣсколько десятковъ лѣтъ наши руководящія сферы перескочили черезъ цѣлыя столѣтія европейскаго развитія и спѣшили примкнуть къ самому послѣднему текущему моменту. А въ этотъ моментъ европейское искусство давно уже пережило періодъ наивнаго юношескаго вдохновенія, успѣло овладѣть всѣми секретами художественной техники, достигло классическаго совершенства и, пресыщенное имъ, впало въ манерность. Догоняя современные европейскіе образцы, русское искусство порвало нить своего органическаго развитія. Оставивъ трудныя и нерѣшительныя попытки найти ощупью собственную дорогу, оно послушно отдалось въ ученье европейскимъ мастерамъ.

По пути механическаго подражанія современному европейскому искусству направлялъ русскаго художника и тотъ соціальный строй, которому онъ былъ призванъ служить. Прежде всего, это былъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, наемникъ, часто даже крѣпостной человѣкъ, у котораго не спрашивали, какого Бога онъ носитъ въ своей душѣ. Его отдавали въ науку въ такіе годы, когда его собственное влеченіе не могло еще сложиться; за него платили дорого хорошимъ учителямъ; отъ него требовали, чтобы онъ научился дѣлать не хуже ихъ, — если можетъ, лучше, но, во всякомъ случаѣ, не иначе, чѣмъ они: въ противномъ случаѣ его работа никому не была нужна. Живопись попала въ ту же зависимость отъ вкуса богатыхъ господъ, въ какой мы видѣли архитектуру. И такъ же, какъ въ области архитектуры, законодателемъ вкуса надолго сдѣлалось государство, — не только, какъ главный закащикъ, но и какъ руководитель художественнаго образованія, ввѣреннаго иностранцамъ и внѣдрявшагося при помощи извѣстной намъ академіи.

При этихъ условіяхъ, въ архитектурѣ поочередно торжествовали, какъ мы знаемъ, господствовавшіе на западѣ художественные вкусы: барокко, рококо, классицизмъ въ римской и греческой формѣ. Живопись, по самому существу, ближе къ литературѣ, чѣмъ къ архитектурѣ. И мы сразу попадаемъ здѣсь въ знакомую по исторіи литературы атмосферу. Въ живописи водворился, при посредствѣ академіи, тотъ же ложно-классицизмъ, съ примѣсью сентиментальности, какой господствовалъ и въ литературѣ прошлаго вѣка. У художниковъ тоже явился свой «высокій» и «низкій» штиль; подобно литераторамъ, мода требовала отъ нихъ говорить условнымъ языкомъ «идеальнаго» искусства и не допускала поэзіи въ прозѣ. Высокій штиль въ живописи — это была живопись религіозная и историческая, съ ея стилизованной, «очищенной» натурой, съ ея общи-

ми мѣстами типа, позы, движеній, складокъ, съ ея предпочтеніемъ голаго тѣла и пренебреженіемъ къ ландшафту, съ цѣлой системой строгихъ запретовъ противъ безъискуственнаго воспроизведенія дѣйствительности. Обязательными темами, какъ при полученіи званія и медали отъ академіи, такъ и при заказахъ высокихъ господъ на роспись дворцовъ, были сюжеты изъ ветхаго и новаго завѣта, изъ миѳологіи и исторіи Греціи и Рима, самое большое изъ древней русской исторіи, а изъ новой — батальныя картины, изображавшія военныя подвиги государей. Низкій штиль живописи — это было изображеніе обыденности, «жанръ»; этотъ видъ терпѣли подъ условіемъ соблюденія тѣхъ же условныхъ правилъ, — но смотрѣли на него, какъ на занятіе ремесленника или, самое большое, какъ на случайную шалость таланта. «Безсмертія» и славы — жанристу такъ же невозможно было добиться, какъ прозаику; только занятіе «высокимъ» родомъ искусства могло свидѣтельствовать о «высокихъ» дарованіяхъ художника.

Однако же, нѣкоторыя области живописи — какъ разъ не тѣ, которыя покровительствовались и государствомъ и академіей, стояли настолько близко къ жизни, что требованія реализма изображенія должны были здѣсь очень рано прорваться сквозь загородки академической условности. Въ реалистической трактовкѣ сюжета нуждались въ этихъ случаяхъ даже и богатые заказчики. Такъ какъ самые предметы требуемаго изображенія были на глазахъ у всѣхъ, то сходство съ натурой рекомендовалось самымъ существомъ заказа. Въ такомъ положеніи находились двѣ области живописи: пейзажъ и портретъ. Именно въ этихъ областяхъ и должны были проявиться первыя попытки самостоятельнаго творчества, болѣе или менѣе независимаго отъ западныхъ образцовъ. Эти раннія попытки смягчаютъ общее сужденіе о подражательномъ періодѣ русской живописи. Слѣдуетъ согласиться съ Буслаевымъ, что «какъ бы искусственно ни сложилось наше образованное общество и какъ бы случайно ни возникла наша академическая школа живописи, но никакія соображенія не могутъ отказать въ заслугахъ молодому на Руси искусству, которое такой смѣлой рукой завладѣло иноземными средствами техники, что вполнѣ умѣло передать мельчайшіе оттѣнки новыхъ на Руси чувствъ и мыслей, навѣянныхъ западной образованностью».

Къ пейзажу, какъ таковому, высокопоставленные заказчики, правда, долго были совсѣмъ нечувствительны. Но ихъ не могло не интересовать—увѣковѣчить на полотнѣ всѣ тѣ монументальныя зданія и французскіе «перспективные» сады, которые они построили. Первой задачей пейзажа и явилась задача чисто топографическая:

вѣрно передать «преоспективнымъ письмомъ», какъ выражался еще Петръ, панораму улицъ, дворцовъ и усадебъ, или запечатлѣть затѣйливые транспаранты, приготовленные для фейерверка въ особо-торжественные дни. На помощь туть явилось искусство гравюры.

Гравюра по самому существу была несравненно доступнѣе массѣ, чѣмъ картина. Въ Россіи гравюра издавна нашла доступъ къ народу въ видѣ лубочной картинки. «Фряжскіе листы» уже во второй половинѣ XVII в. можно было по самой дешевой цѣнѣ купить въ Овощномъ ряду или у Спасскихъ воротъ (см. т. III, стр. 117). Самъ Петръ научился гравировать «иглой и крѣпкой водкой подъ смотрѣніемъ Адріана Шхонебека въ Амстердамѣ», какъ гласитъ сохранившаяся гравюра 1698 г., награвированная его рукой. Въ Петербургѣ граверное искусство процвѣтало. «Лицевыя извѣстія о монстрахъ», «лицевыя объявленія о военныхъ кампаніяхъ» т. д. замѣняли для народа газету. Народныя картинки того времени овладѣли всѣмъ содержаніемъ любимыхъ народныхъ книжекъ и легендъ. Гравюру употребляли и для популяризаціи новаго строительства. Тотъ же Шхонебекъ обучилъ русскихъ граверовъ, Зубова, награвировавшаго петербургскія постройки Петра, и другихъ. При Петрѣ I пріѣхалъ Вортманъ, обучившій русскихъ гравированному портрету и уступившій въ 1745 г. мѣсто лучшему своему ученику, «мастеру грыдорованія портретовъ» Ивану Соколову, главному гравировщику «Описанія коронаціи» Елизаветы. Выдающимся ученикомъ Соколова былъ Махаевъ, «мастеръ ланд-картныхъ дѣлъ и перспективной живописи», награвировавшій серію видовъ Петербурга. Третій иностранный граверъ Шмидтъ стоялъ во главѣ русскаго гравернаго искусства второй половины XVIII в. Лучшимъ изъ его учениковъ считается Чемесовъ, поддерживавшій послѣ отъѣзда Шмидта традиціи учителя. Успѣхъ гравюры, несомнѣнно, послужилъ основой, на которой и живопись постепенно эмансипировалась отъ академической указки въ обоихъ направленіяхъ — пейзажа и портрета.

На первомъ мѣстѣ изъ этихъ двухъ видовъ стоитъ, конечно, портретная живопись XVIII вѣка. Одновременно съ вызовомъ иностранныхъ художниковъ-портретистовъ, Таннауэра (или Дангауэра) и Каравака, Петръ послалъ за-границу русскихъ учиться этой спеціальности. Изъ нихъ пріобрѣли нѣкоторую извѣстность Андрей Матвѣевъ и братья Никитины. Каравакъ нашелъ, что Матвѣевъ «имѣетъ больше силы въ краскахъ, нежели въ рисункахъ», и это какъ бы явилось предзнаменованіемъ той большой роли, которую суждено было сыграть колориту въ русской живописи. По рисункамъ Матвѣева былъ расписанъ Петропавловскій соборъ. И. Никитинъ по-

слѣ выучки въ Италіи и Франціи былъ назначенъ «персонныхъ дѣлъ мастеромъ» и училъ граверовъ писать съ живой натуры. Судьба Никитиныхъ была печальная: за пасквиль на Феофана Прокоповича они биты плетьми и сосланы въ Тобольскъ (1736 - 41).

Новый и окончательный толчокъ къ развитію живописи, какъ и архитектуры, данъ былъ открытіемъ академіи и приглашеніемъ новыхъ иностранныхъ художниковъ. Къ приглашеннымъ при Елизаветѣ выдающимся мастерамъ, графу Ротари, Торелли, де Вейи, Токке, Моро, Лоррену, Лагрене, которые работали по росписи залъ и писали портреты, присоединились при Екатеринѣ болѣе двухъ дюжинъ, преимущественно нѣмецкихъ художниковъ (болѣе выдающіеся Кристинекъ и Риттъ; позднѣе Лампи, Росленъ, Эриксенъ и г-жа Вижe-Лебренъ). Многіе изъ этихъ художниковъ оказали непосредственное или косвенное вліяніе на русскихъ учениковъ. Къ концу XVIII ст. мы имѣемъ уже своихъ мастеровъ, нѣкоторые изъ которыхъ не уступаютъ иностранцамъ. Къ старшему поколѣнію принадлежатъ въ этомъ ряду сынъ солдата Антроповъ, подражавшій знаменитымъ женскимъ головкамъ Ротари; братья Аргуновы, крѣпостные гр. Шереметьева, особенно Рокотовъ, послѣдователь де-Лоррена, Ротари и Токке, едва успѣвавшій удовлетворять заказы на портреты. Слѣдующее поколѣніе, учившееся уже у русскихъ художниковъ, выдвинуло знаменитыя имена: Левицкаго, ученика Антропова, Лосенко, ученика Ивана Аргунова, Боровиковскаго, учившагося у Лосенко и у Лампи. Левицкій и Боровиковскій, наиболѣе знаменитые, тоже создали около себя цѣлую школу. Такимъ образомъ, установилась извѣстная русская традиція. Въ области «высшаго искусства», историческаго и эмблематическаго, эти художники продолжали оставаться подъ ферулой Академіи. Но въ «низшей» области портрета, а затѣмъ и пейзажа — особенно жанра, русскіе художники смогли болѣе или менѣе эмансипироваться отъ академическаго «гипсоваго» и «натурнаго» классовъ, приблизиться къ «живой натурѣ» и создать цѣлый рядъ замѣчательныхъ произведеній. Малоросса Левицкаго (1735 — 1822) художника кокетливыхъ смолянокъ, знатоки сопоставляютъ съ Генсборо. Правда, англичанинъ болѣе глубокъ, сравнительно съ благодушной насмѣшливостью Левицкаго по отношенію къ изображаемому имъ обществу. Боровиковскій (1757 — 1825) болѣе однообразенъ въ своихъ мечтательныхъ, томныхъ и блѣдныхъ женскихъ типахъ, но большой мастеръ въ искусствѣ сопоставленія красокъ. Лосенко отличается точностью рисунка. Необузданный и влюбчивый Кипренскій (1783 — 1836), дѣятельность котораго относится уже къ александровской эпохѣ, представляетъ струю чув-

ствительности и романтизма. Вообще говоря, романтизмъ слабо отразился въ русской живописи; но уже Екатерина отдала дань чувствительности, перейдя отъ вытянутыхъ по линейкѣ, прямыхъ линій французскихъ садовъ къ «кривымъ линіямъ, мягкимъ спускамъ, прудамъ» и т. д. англійской «плантоманіи». Подъ вліяніемъ Руссо въ паркахъ высокихъ особъ тогда же начали появляться «эрмитажи», павильоны «дружбы» и «уединенія», деревенскія фермы и домики въ стилѣ Тріанона. Критики единодушно признаютъ, что Кипренскій погубилъ свой талантъ, проведя послѣдніе 20 лѣтъ жизни въ Римѣ и заразившись тамъ академизмомъ, котораго избѣжалъ въ Петербургѣ. Линію чувствительности, но безъ буйнаго романтизма Кипренскаго и съ уклономъ къ сантиментальности продолжаетъ въ Москвѣ Тропининъ, — такой же крѣпостной по происхожденію. Его «Швея» и «Кружевница», при всей своей слащавости, уже предвѣщаютъ будущую побѣду жанра и реализма въ старой столицѣ.

Реализмъ проникаетъ до нѣкоторой степени и въ пейзажъ конца XVIII и начала XIX вѣка. Михаилъ Ивановъ, ученикъ Ле Пренса. баловавшагося жанромъ., Федоръ Алексѣевъ, ученикъ Белотто (прозваннаго Каналетто), осмѣливаются выйти за предѣлы сухого «перспективизма». А за ними идутъ «поэты Петербурга» — Галактіоновъ, Мартыновъ, особенно мечтательный Воробьевъ, художникъ петербургской луны, закатовъ и восходовъ. Впрочемъ, Воробьевъ скоро сталъ искать красоты пейзажа за-границей, а за нимъ послѣдовалъ самый талантливый изъ пейзажистовъ этого времени, Сильвестръ Щедринъ, влюбившійся въ Сорренто и тамъ умершій.

Наибольшимъ отступленіемъ отъ академическаго стиля и самой «низшей» формой живописи былъ, конечно, жанръ, — и прорывы въ этомъ мѣстѣ поэтому особенно интересны. Писать то, что видишь кругомъ, казалось совершенно дикимъ и недостойнымъ искусства. Все реальное, пройдя сквозь призму академической выучки, должно было явиться облагороженнымъ, т. е. прикрашеннымъ и стилизованнымъ. И характерно, что первымъ представителемъ жанра и карикатуры является такой чудакъ, бродяга и салонный импровизаторъ, какъ обусѣвшій полякъ А. О. Орловскій, сынъ содержателя корчмы, попавшій въ высшее общество. Орловскій (1777 - 1832) рисовалъ не только кистью, но и кончикомъ спичекъ, свѣчной свѣтильней, обмокнутыми въ чернила пальцами и даже носомъ. А выходили изъподъ этихъ инструментовъ шаржи на присутствующихъ, костюмы для маскарадовъ, народныя сценки въ юмористическомъ духѣ. Въ завѣщаніе будущему онъ оставилъ множество набросковъ перомъ, пастелью, углемъ, карандашомъ, и т. д., частью нелѣпыхъ, а частью очень

живыхъ и мѣткихъ. Въ то время (около 1815 г.) только что былъ открытъ повый способъ размноженія рисунковъ при помощи литографіи, — и произведенія Орловскаго распространились въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Тутъ были мужики и торговцы, юнкера и генералы, калмыки и татары, четверки породистыхъ лошадей и обозныя клячи.

Помимо этого примѣра яркаго отступленія отъ принятыхъ рисовальныхъ приличій можно привести нѣсколько именъ художниковъ жанра подражавшихъ Ле Пренсу. Былъ даже въ Академіи открытъ классъ живописи «для домашнихъ упражненій», гдѣ давались темы, вродѣ того, чтобы «представить мѣщанина, который, чувствуя небольшой припадокъ, готовится принять лекарство». Но серьезно на это никто не смотрѣлъ. Картина, подписанная именемъ Лосенко, и датированная 1757 г., изображавшая «живописца», рисующаго у себя въ ателье портретъ ребенка, была до того необычна для этого времени, что пришлось усомниться и въ авторѣ (ея авторъ Иванъ Фирсовъ) и въ датѣ. Нужно было пройти полувѣку послѣ этой даты, чтобы въ Петербургѣ появился истинный отецъ жанра, москвичъ Алексѣй Венеціановъ (1780 — 1847), увлекшійся голландцами и попытавшійся усвоить ихъ завѣтъ — писать картины изъ жизни. Выставленная въ Эрмитажѣ въ 1820 г. картина Гране помогла Венеціанову, опредѣливъ свое призваніе. «Сія картина», говорилъ онъ, «произвела сильное движеніе въ понятіи нашемъ о живописи. Мы въ ней увидѣли совершенно новую часть ея, до того времени не являвшуюся. Увидѣли изображеніе предметовъ, не подобное только или точное только, а живое; не писанье съ натуры, а изобразившуюся самую натуру». Далѣе Венеціановъ излагаетъ свои соображенія о причинахъ произведеннаго картиной эффекта. «Говорили, что фокусъ освѣщенія — причина сего очарованія,... что *полнымъ свѣтомъ* никакъ невозможно произвести сего разительнаго оживотворенія предметовъ. Я рѣшился побѣдить невозможность: уѣхалъ въ деревню и принялся работать. Для успѣха въ этомъ мнѣ надобно было оставить всѣ правила и манеры, двѣнадцатилѣтнимъ копированіемъ въ Эрмитажѣ пріобрѣтенныя. И средства Гранета открылись въ самомъ простомъ видѣ. Дѣло состояло въ томъ, чтобы *ничего не изображать иначе, какъ только въ натурѣ,* что является, и повиноваться ей одной, безъ примѣси манеры какого бы то ни было художника, то-есть не писать картины à la Rembrandt, à la Rubens, но просто, какъ бы сказать, à la натура». Задача, какъ видимъ, была поставлена съ изумительной для того времени опредѣленностью. Венеціановъ опередилъ не только русскихъ реалистовъ 60-хъ и 70-хъ гг., но и фран-

цузскихъ пленеристовъ (plein air), Моне и др. Удивительна и ситематичность, съ которой Венеціановъ осуществилъ свой планъ. Онъ подалъ въ отставку (служилъ землемѣромъ), купилъ маленькое имѣнье, прожилъ тамъ въ полномъ уединеніи три года и, наконецъ, въ 1824 г. поднесъ государю свою картину «Гумно». Чтобы получить «полный свѣтъ» въ темномъ помѣщеніи, онъ вырѣзалъ всю переднюю стѣну гумна и такимъ способомъ освѣтилъ первый планъ уходящаго вглубь сарая, въ которомъ изобразилъ крестьянскія работы. Радикальный способъ получать «полный свѣтъ», т. е. рисовать съ натуры не въ студіи, а среди самой природы, былъ употребленъ, впрочемъ, не однимъ Венеціановымъ. Крыловъ, его ученикъ, чтобы написать зимній пейзажъ въ деревнѣ, построилъ нарочно балаганъ среди поля. Съ легкой руки Венеціанова художники овладѣли также темой освѣщенныхъ интерьеровъ, амфиладъ комнатъ, мастерскихъ живописцевъ, и т. д. (Ѳ. Толстой, Рейтернъ, Зеленко). Но и на Венеціановѣ и на его ученикахъ все же отразились условности его времени. Его фигуры не движутся, а позируютъ въ застывшихъ положеніяхъ. Крестьяне напоминаютъ «пейзанъ» тогдашней театральной пьесы. Художникъ какъ бы конфузится представлять ихъ зрителю въ неумытомъ и нечесанномъ видѣ; онъ предварительно учитъ ихъ хорошимъ манерамъ и одѣваетъ по-праздничному. И все же для своего времени реализмъ Венеціанова поразителенъ. Рановременность его появленія подчеркивается и тѣмъ, что въ то время какъ этотъ скромный художникъ оставался въ тѣни, занимаясь сомнительнымъ видомъ искусства, академизмъ окрѣпъ и бурно праздновалъ свои побѣды въ лицѣ Брюллова и Бруни.

Самоувѣренный и тщеславный Карлъ Брюлловъ, чуть не съ дѣтства готовившій себя въ великіе художники, поддержалъ кредитъ академіи и влилъ въ академическій стиль искусственную жизнь. Послѣ долгой подготовки въ Римѣ и одиннадцати мѣсяцевъ труда Брюлловъ выставилъ свою, претендовавшую на геніальность и широко разрекламированную картину «Послѣдній день Помпеи». Слухи о заграничномъ тріумфѣ Брюллова предшествовали появленію картины въ Петербургѣ; наконецъ, она была выставлена — въ Зимнемъ Дворцѣ и въ Академіи Художествъ. Чисто академическая по пріемамъ, она явилась въ глазахъ публики подъ знакомъ романтизма, и впервые въ Россіи успѣхъ картины принялъ размѣры какого-то общественнаго событія. «Послѣдній день Помпеи» — это была сама жизнь послѣ той «тихой скуки и ледяной неподвижности», какія царили въ произведеніяхъ русскихъ подражателей Менгса и Давида. Бѣгущіе люди, падающія зданія, при яркомъ заревѣ изверженія и пожара,

расточительность красокъ, движеній фигуръ, эффекты свѣта и выраженіе ужаса, отчаянія — все это привело русскую публику въ такой же восторгъ, какой лѣтъ 15-ть раньше испытала французская публика передъ полотномъ Жерико, перваго провозвѣстника романтизма въ живописи *). Русское впечатлѣніе было тѣмъ живѣе, что оно было первое въ этомъ родѣ. Пусть это впечатлѣніе было основано на недоразумѣніи, но того, что оно имѣло мѣсто — именно по указаннымъ мотивамъ, отрицать невозможно. Вспомнимъ, что романтизмъ именно въ срединѣ тридцатыхъ годовъ былъ очереднымъ увлеченіемъ русской интеллигенціи.

Итакъ, первое сильное впечатлѣніе, произведенное живописью на русскую публику, было, вмѣстѣ съ тѣмъ и первой побѣдой надъ условностями академическаго классицизма. Конечно, этого рода побѣда носила временный характеръ. То, что сравнительно съ предыдущимъ застоемъ искусства представилось на первый взглядъ жизненной правдой, само по себѣ очень скоро должно было оказаться реторикой и сплошнымъ общимъ мѣстомъ. Дѣйствующія лица «Послѣдняго дня Помпеи» слишкомъ откровенно позировали передъ зрителемъ въ роляхъ, предоставленныхъ имъ художникомъ; вся сцена слишкомъ напоминала театральное представленіе съ заранѣе обдуманными и заученными эффектами. Положеніе, занятое Брюлловымъ, скоро оказалось промежуточнымъ и временнымъ въ исторіи нашего искусства. Брюлловъ былъ Державинымъ русской живописи. Подобно «Пѣвцу Фелицы», онъ старался вдохнуть жизнь въ отжившія классическія формы; но, продолжая пользоваться этими самыми формами, онъ такъ же быстро устарѣлъ вмѣстѣ съ ними. Его слѣдующая большая картина, вымученная и искусственная «Осада Пскова», претендовавшая положить начало національной живописи, уже не произвела и малой доли прежняго впечатлѣнія. Репутація Брюллова сохранилась только благодаря его замѣчательнымъ портретамъ. Но толчокъ, данный художникамъ и публикѣ, не пропалъ даромъ; только интересъ, возбужденный у тѣхъ и другихъ, скоро направился совсѣмъ въ другую сторону.

Въ самый годъ колоссальнаго успѣха брюлловской картины въ Петербургѣ — Ивановъ началъ писать свою картину въ Римѣ. По замыслу художника, эта картина должна была произвести тотъ переворотъ въ русской живописи, котораго не удалось произвести Брюллову: она должна была сознательно покончить со старымъ на-

*) Разумѣю здѣсь его знаменитую картину «Плотъ фрегата Медузы».

правленіемъ академіи и внести въ русское искусство жизнь и правду. И эта попытка, однако, не удалась и сохранила для насъ только одинъ историческій интересъ. Картина Иванова слишкомъ долго писалась, чтобы попасть въ тонъ современности; зато для насъ ея судьба служитъ лучшимъ показателемъ того, какъ быстро совершалось дальнѣйшее развитіе художниковъ и публики. Жажда правды, стремленіе къ мѣстному колориту было большой новостью, когда картина была задумана (около 1824); эти стремленія оставались еще новостью и тогда, когда Ивановъ, 12 лѣтъ спустя, началъ, наконецъ, писать свою картину (1836). Но когда еще черезъ столько же времени (1848) онъ ее кончилъ, все уже перемѣнилось кругомъ художника: и время, и люди. Перемѣнился, въ концѣ концовъ, и самъ Ивановъ, утратившій свой религіозный идеализмъ. Слишкомъ поздно онъ созналъ, какъ сильно надъ нимъ тяготѣли, по его собственному выраженію, слѣды «татарскаго ига», и притомъ еще не одного, а нѣсколькихъ: ига соціальнаго положенія, ига семейныхъ традицій, ига академическаго воспитанія, ига итальянской школы. Подъ этимъ гнетомъ Ивановъ истратилъ жизнь на то, чтобы разсудкомъ убѣдиться, что русскому обществу нужно не то, что онъ дѣлалъ, а что-то другое. Съ свойственной ему добросовѣстностью, онъ горячо принялся искать этого «другого»; но ему такъ и не удалось до самой смерти вырваться изъ заколдованнаго круга академической пустыни, не пришлось даже и издали взглянуть на обѣтованную землю національнаго искусства. Въ тѣ нѣсколько недѣль жизни, которыя оставались ему послѣ возвращенія изъ Италіи въ Россію (1858), онъ, конечно, не имѣлъ возможности разсмотрѣть, что эта искомая и неизвѣстная ему основа національнаго искусства тутъ, подъ руками, зрѣетъ и пробивается на свѣтъ Божій, только не въ высокой формѣ религіозной живописи, а въ формѣ презрѣннаго въ его глазахъ, хотя и практиковавшагося имъ самимъ, съ его обычнымъ искусствомъ и искренностью, — «жанра».

А между тѣмъ, «жанръ», — эта проза живописи, ея соціальный романъ и повѣсть, — давно уже пустилъ корни въ Россіи и къ срединѣ вѣка успѣлъ дать первые замѣтные побѣги. Мы видѣли, что Венеціановъ (1780-1847) былъ Карамзинымъ русской живописи, съумѣвшимъ облечь подлинный русскій бытъ въ тѣ приличныя, сильно подправленныя и подслащенныя формы, въ которыхъ этотъ бытъ только и могъ тогда стать достояніемъ живописи. «Добрые поселяне» и добродѣтельные помѣщики венеціановскихъ жанровъ никого не могли шокировать; сама академія соглашалась, на этихъ условіяхъ, принять подъ свое покровительство «сей пріятный родъ живописи».

Сорокъ восьмой годъ и тутъ сразу все испортилъ, внеся рѣзкій диссонансъ въ мирное сожительство двухъ «штилей» и навсегда поссоривъ ихъ между собою. Причиной ссоры было неблаговоспитанное поведеніе русскаго жанра. На академической выставкѣ 1848 г. появилось знаменитое оедотовское «Утро чиновника, получившаго первый орденъ», переименованное изъ предосторожности въ скромное «Слѣдствіе пирушки» въ академическомъ каталогѣ. Осторожность оказалась не лишней: при воспроизведеніи картины въ литографіи пришлось пойти еще дальше и снять орденъ съ халата новоиспеченнаго «кавалера». Смыслъ этихъ мѣропріятій понятенъ былъ каждому: впервые русская живопись осмѣлилась задѣть настоящую, неприкрашенную *гоголевскую* дѣйствительность. Къ выставкѣ слѣдующаго 1849 года Ѳедотовъ взялъ тему въ духѣ только что начинавшаго тогда Островскаго: онъ представилъ другую свою знаменитую картину «Сватовство маіора». Русская живопись могла теперь праздновать свое гражданское совершеннолѣтіе.

Публика пошла за Ѳедотовымъ; но въ мірѣ художниковъ до самаго конца царствованія императора Николая I продолжалъ царить Брюлловъ. Попытки Ѳедотова здѣсь не казались серьезными и вызвали осужденіе критики. Самому Ѳедотову и въ голову не могло придти, что его картины окажутся первыми предвѣстниками того широкаго движенія, которое началось въ русской живописи съ вопареніемъ императора Александра II и привело къ образованію самостоятельной русской школы.

На этотъ разъ искусство догнало, наконецъ, литературу и пошло въ своемъ развитіи объ руку съ нею, въ тѣснѣйшей отъ нея зависимости. Русскіе художники, въ своемъ стремленіи къ правдѣ и дѣйствительности, только примкнули къ общему настроенію литературы и вмѣстѣ съ нею бросились въ борьбу противъ общаго врага, — противъ остатковъ ненавистной старины. Старые авторитеты въ мірѣ живописи, какъ и повсюду, должны были быть окончательно низвергнуты. Тотъ же самый литературный критикъ (В. В. Стасовъ), который въ 1852-56 годахъ еще вѣритъ въ величіе Брюллова, въ 1861 году низводитъ его съ пьедестала и подвергаетъ суровой критикѣ его художественные пріемы. То же самое произведеніе, которое только-что казалось критику чуть не безсмертнымъ созданіемъ по богатству художественной фантазіи, теперь вызываетъ съ его стороны одно осужденіе, какъ произведеніе, оскорбительное для человѣческаго достоинства*). Понятно, что и картина Иванова, простоявшая въ мастерской

*) Рѣчь идетъ о послѣднемъ эскизѣ Брюллова «Всесокрушающее

еще десять лѣтъ послѣ того, какъ перестала удовлетворять самого художника, пришлась въ эти годы (1858) совсѣмъ не ко двору. Молодежь спѣшила разорвать всѣ связи съ прошлымъ, съ академіей и съ высокими родами живописи.

Переломъ въ отношеніи къ искусству, какъ и въ отношеніи къ литературѣ, совпалъ съ началомъ царствованія Александра II. Какъ тамъ, такъ и здѣсь общій духъ свободы непосредственно повліялъ на творчество. Отрицательно, это выразилось въ протестѣ противъ всякаго рода казенщины. Положительно — въ усвоеніи искусствомъ идеи служенія народу. Начала реализма, заложенныя въ искусствѣ предыдущей эпохи, укрѣпились и развились. Но, соотвѣтственно настроенію перваго десятилѣтія царствованія, реализмъ сталъ служить прикладной — «обличительной» задачѣ. Въ этомъ выразилась какъ вновь пріобрѣтенная имъ сила, такъ и его временная слабость — поскольку прикладная задача стала въ противорѣчіе съ собственными задачами искусства: съ реализмомъ *художественнымъ*.

Въ области живописи поворотъ былъ подготовленъ двумя спеціальными обстоятельствами. Съ одной стороны, академія художествъ въ началѣ 40-хъ годовъ упразднила «казенокоштныхъ» учениковъ. Молодежь была выпущена на улицу изъ «парниковъ» академіи. Нововведеніе не замедлило сказаться. Почтительная и благовоспитанная академическая молодежь, привыкшая повиноваться начальству и работать на вкусъ высокихъ закащиковъ, смѣнилась художественной богемой. Въ эмансипированную среду гораздо легче было проникнуть новымъ теченіямъ въ искусствѣ. Въ ней развилось и чувство самостоятельности, толкавшее на художественное новаторство. Другимъ новымъ обстоятельствомъ, ослабившимъ идейное вліяніе академіи, было созданіе въ тѣхъ же 40-хъ гг. въ Москвѣ конкуррирующаго учрежденія: «Училища Живописи, Ваянія и Зодчества» .Москва всегда претендовала на самостоятельность; вліяніе петербургской академіи, хотя оффиціально и покровительствовавшей московской школѣ, было далеко. Въ преподаваніи здѣсь царила гораздо большая свобода и даже своеволіе. Въ Москвѣ и появилось въ концѣ 50-хъ гг. то молодое теченіе, которое мечтало преобразовать въ духѣ свободы и самую петербургскую академію. Надо тутъ же прибавить, что въ Москвѣ появился и образованный меценатъ, С. М.

время» Il Tempo Destruttore въ которомъ авторъ хотѣлъ состязаться со «Страшнымъ судомъ» Микель-Анджело и изобразилъ всѣхъ представителей религій, науки и искусства, любви и красоты всѣхъ временъ и народовъ — низвергаемыми старцемъ-Временемъ въ однѣ и тѣ же волны забвенія.

Третьяковъ, который своими покупками, составившими основу Третьяковской галлереи, далъ молодымъ художникамъ матеріальную базу для ихъ творчества.

Не далѣе, какъ въ 1863 г., настроеніе молодого поколѣнія художниковъ находитъ свое выраженіе въ фактѣ, въ высшей степени характерномъ. Тринадцать талантливыхъ учениковъ академіи отказываются изображать «бога Одина въ Валгаллѣ», — очередная тема, заданная академіей на золотую медаль. Они рѣшаютъ, что академія имъ больше не нужна, посылка за-границу тоже; подражанія великимъ образцамъ они бѣгутъ, какъ чумы, всему предпочитаютъ натуру, и притомъ, свою родную, русскую натуру, и въ ней ищутъ пищи для своего вдохновенія. Покинувъ академію, молодежь составляетъ «артель», сдѣлавшуюся потомъ зерномъ «Товарищества передвижныхъ выставокъ». Обращеніе къ большой публикѣ являлось естественнымъ выходомъ для такого направленія, которое не хотѣло больше лицемѣрія и учености, объявляло войну всякой условности и всѣмъ хотѣло быть одинаково понятно. На академической выставкѣ новому направленію скоро становится тѣсно; съ 1871 года является «передвижная», и къ ней переходятъ всѣ симпатіи публики.

Послѣдствія этого движенія шестидесятыхъ годовъ всѣмъ хорошо извѣстны. Вслѣдъ за Перовымъ, — Некрасовымъ русской живописи, — выступила цѣлая фаланга талантливыхъ художниковъ, перенесшихъ на полотно все содержаніе русской дѣйствительности. Городъ и деревня, столица и провинціальная глушь, всѣ классы общества, крестьяне и разночинцы, помѣщики, духовенство бѣлое и черное; люди всякихъ профессій, чиновники и лавочники, доктора и адвокаты, студенты и курсистки; всевозможныя положенія жизни, служба и ссылка, преступленіе, подвигъ и мирная семейная жизнь; вся гамма душевныхъ настроеній, отъ легкой шутки до ужасающей трагедіи, всяческая злоба дня, банковый крахъ, судебный процессъ, — словомъ, все безконечно-разнообразное содержаніе дѣйствительной жизни сразу сдѣлалось содержаніемъ того рода живописи, который такъ еще недавно занималъ въ искусствѣ и на выставкахъ второстепенное положеніе «жанра». Теперь никто ничѣмъ другимъ не интересовался. Религіозная живопись безсильна была вдохновить художника; историческая живопись удавалась рѣдко. Зато вездѣ, гдѣ русскіе художники чувствовали подъ собой почву въ существующей дѣйствительности, гдѣ искусство должно было только быть правдивымъ, — вездѣ новое направленіе быстро добилось блестящихъ успѣховъ. Подобно литературѣ, его обвиняли въ

тенденціозности, въ стремленіи обличать общественное зло, въ томъ, что его реализмъ часто переходилъ въ преувеличеніе и каррикатуру. Нельзя отрицать фактовъ, вызвавшихъ эти обвиненія, и нѣтъ надобности ихъ оправдывать. Искусство только было въ этомъ случаѣ вѣрнымъ выразителемъ настроенія современнаго ему общества. Принципъ реализма, во всякомъ случаѣ, былъ шире тѣхъ примѣненій, которыя изъ него дѣлались на первыхъ порахъ, и глубже коренился въ условіяхъ развитія русскаго творчества. Лишенное живой традиціи и школы, русское искусство должно было на первыхъ шагахъ своего развитія оказаться непосредственнымъ и свѣжимъ, враждебнымъ всякой искусственности. Когда обличительная горячка прошла, искусство все-таки осталось реалистическимъ и, переставъ быть сентенціознымъ, оно отъ этого не сдѣлалось менѣе поучительнымъ. Послѣ Перова мы получили Рѣпина, изобразившаго намъ, безъ сентиментальности и раздраженія, нѣчто болѣе сильное, чѣмъ всѣ инвективы молодого Перова. Рѣпину нѣтъ надобности изображать сельскаго пастыря въ моментъ самаго крайняго униженія, чтобы вызвать въ зрителѣ критическое отношеніе къ нему. Тотъ же «крестный ходъ» онъ изобразитъ, напротивъ, въ моментъ высшаго торжества формальной вѣры, — и впечатлѣніе зрителя будетъ гораздо глубже и сильнѣе. Изъ толпы оборванцевъ («Бурлаки») онъ создастъ художественный символъ русскаго народа, вѣками тянущаго свою тяжелую государственную лямку среди монотонной исторической арены. И, конечно, этотъ «жанръ» будетъ не менѣе «исторической» живописью, чѣмъ изображеніе такой же группы оборванцевъ («Запорожцы»), не умѣстившихся въ рамкахъ государственности и сложившихся въ безшабашное казацкое рыцарство. Какъ видимъ, все доступно этому реализму, не исключая самыхъ глубокихъ историческихъ концепцій. Только въ области религіозной живописи онъ остается безсильнымъ и вмѣсто иконы даетъ ту же историческую картину (Святитель Николай): но это потому, что расцвѣтъ религіозной живописи бываетъ продуктомъ совсѣмъ другихъ временъ и иныхъ общественныхъ настроеній. Получи національная школа живописи свое начало въ исходѣ XVII вѣка, она, конечно, развилась бы на почвѣ религіозной живописи въ духѣ прерафаэлитизма; во второй половинѣ XIX вѣка она только и могла развиться на почвѣ соціальной борьбы и житейскаго реализма.

Однако же, описанному періоду въ исторіи русскаго искусства не суждено было остаться окончательнымъ. Представляя параллель къ классическому періоду литературы XIX в., изобразительное искусство раздѣлило и его судьбу. Эпоха «передвижниковъ» запоз-

дала сравнительно съ началомъ художественнаго реализма въ литературѣ; но кончается она приблизительно въ то же время, въ 80-хъ-90-хъ гг. и передъ тѣмъ же напоромъ новаго поколѣнія. Новый разрывъ традицій и бунтъ молодежи 90-хъ гг. повторяетъ бунтъ самихъ передвижниковъ противъ предшествовавшаго имъ поколѣнія академистовъ. Но то возстаніе взяло своимъ лозунгомъ созданіе русской національной школы. Возстаніе молодежи 90-хъ гг. становится подъ знамя космополитизма. Еще явственнѣе, чѣмъ въ литературѣ, оно воспроизводитъ новыя европейскія вѣянія — съ такимъ же запозданіемъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь новое европейское вліяніе уводитъ русское творчество отъ реализма — и отъ воздѣйствія на большія массы, доступныя только реалистическому искусству. Изобразительныя искусства, какъ и литература, уходятъ въ тѣсные дружескіе кружки, подчиняющіеся вліянію «урбанизма» и покровительствуемые (въ Москвѣ) молодымъ поколѣніемъ купечества, прошедшаго черезъ тѣ-же настроенія конца вѣка. Наконецъ, какъ тамъ, такъ и здѣсь, побѣдѣ новаго направленія предшествуетъ переходный періодъ освобожденія отъ старой школы, дающій на этотъ разъ болѣе положительные результаты.

Такъ какъ мы здѣсь опять вступаемъ въ современный періодъ исторіи творчества, то должны быть готовы къ преувеличеннымъ переоцѣнкамъ прошлаго и настоящаго: къ черезчуръ высокой оцѣнкѣ собственныхъ достиженій и къ чрезмѣрному преуменьшенію заслугъ предшественниковъ. Историкъ долженъ быть насторожѣ противъ того и другого. Исторія еще не произвела окончательной переоцѣнки дѣятельности поколѣнія 90-хъ гг., какъ оно переоцѣнило работу предыдущаго. Но и его собственная дѣятельность, какъ увидимъ, теперь отходитъ уже въ прошлое, отодвигается въ перспективу, благопріятную для историческаго сужденія.

Надо сказать, что сами передвижники значительно облегчили тотъ протестъ противъ себя, который назрѣвалъ въ новомъ поколѣніи. Въ серединѣ 70-хъ годовъ они уже не были тѣми задорными протестантами и бойцами, какими явились организаторы «Артели» 60-хъ гг. Ихъ пылъ утихъ вмѣстѣ съ достигнутымъ ими успѣхомъ. Ихъ художественная техника усовершенствовалась — и тѣмъ самымъ они приблизились къ академіи. Мы увидимъ такое же — и еще болѣе яркое сближеніе въ исторіи музыки. Первоначальный составъ передвижниковъ увеличился новыми пришельцами, жизненный путь которыхъ былъ иной, нежели протестантовъ 1863 года. Съ своей стороны, и академія не осталась вовсе чужда новымъ вѣяніямъ. Въ концѣ вѣка она даже приняла въ свою среду (при И. И. Толстомъ)

нѣкоторыхъ видныхъ передвижниковъ; — прежде всего Рѣпина, занявшаго постъ ректора академіи, Куинджи (правда, скоро вышедшаго), Вл. Маковскаго, Киселева. Наконецъ, — и это всего важнѣе, — произошла въ этихъ смѣшавшихся рядахъ психологическая перемѣна, всегда сопутствующая зрѣлымъ эпохамъ искусства, въ которыхъ полное усвоеніе техники совпадаетъ съ упадкомъ энтузіазма. Въ такія времена средства творчества усваиваются въ совершенствѣ, но цѣли творчества начинаютъ становиться безразличными. При усиленіи интереса къ техникѣ слабѣетъ интересъ и появляется равнодушіе къ содержанію. Нѣчто подобное произошло и у насъ въ половинѣ 70-хъ и 80-хъ годахъ. Появилась группа художниковъ, — изъ поколѣнія, непосредственно слѣдовавшаго за передвижниками и изъ ихъ собственной среды, — давшая поводъ врагамъ академизма говорить о «возрожденіи академизма». Сюда причислялись, какъ выученики академіи — Флавицкій (1830 — 66), К. Маковскій (1839 — 1915), Семирадскій (1842 — 1902), такъ и нѣкоторые передвижники, какъ Владиміръ Маковскій (1846 — 1920), и независимые, какъ Верещагинъ (1842 — 1904) и Полѣновъ (р. 1844). Указывалось на связь ихъ манеры съ придворнымъ искусствомъ Зичи, Макарта и т. д.

Со стороны новаго поколѣнія, родившагося на рубежѣ 60-хъ и 70-хъ годовъ, вся эта группа художниковъ, родившихся 20-ю годами раньше, подверглась особенно сильному нападенію. Исключительный успѣхъ, который всѣ они имѣли у публики, послужилъ лишь къ отягченію ихъ виновности; одобреніе «мѣщанской» толпы только доказывало въ глазахъ молодежи поверхностность и банальность ихъ живописи. Послѣдователь Брюллова, Флавицкій, со своими «Мучениками» и Моллеръ съ «Патмосомъ» — «порожденія ложнаго искусства», «ложны и безжизненны». «Глазъ скользитъ» мимо «хорошенькихъ личиковъ», «гладкихъ тѣлъ», «круглыхъ жестовъ и приторныхъ красокъ». Семирадскій съ ослѣпительной «Фриной» и пышными «Свѣточами» — «угодилъ всѣмъ» «своими театральными позами, всей якобы прекрасной ложью своихъ картинъ, гладкими тѣлами и миловидными лицами». Другой «брюлловецъ», Константинъ Маковскій, «вѣчно удовлетворялъ моднымъ потребностямъ» и постарался «связать въ одно цѣлое національнизмъ, реализмъ, академическій псевдоидеализмъ и по просту великосвѣтское изящество». Полѣновъ — тоже «академическій эпигонъ». «Толпа оцѣнила (въ «Грѣшницѣ») эффектную оперную декорацію съ розовой далью, великолѣпными кипарисами и роскошнымъ храмомъ въ перспективѣ». Владиміръ Маковскій «разбавилъ вѣское, нѣсколько тяжелое искусство своихъ предше-

ственниковъ жиденькимъ, умѣренно подогрѣтымъ бульонцемъ своего острячества, своей якобы объективности». Верещагинъ — «холодный, бездушный и безсердечный протоколистъ, никогда не проникавшій въ самую глубь явленій».

Всѣ эти опредѣленія, взятыя изъ «Исторіи живописи» Бенуа, характеризуютъ настроеніе группы художниковъ и художественныхъ критиковъ, объединившихся около органа «Міръ Искусства», издававшагося въ 1898 — 1902 гг. Положительные взгляды самой этой группы, однородной лишь въ своемъ ядрѣ — петербургскихъ художниковъ — выясняются, прежде всего, изъ характера ея отрицанія. Ее отталкиваетъ академизмъ, въ которомъ она видитъ условность и неискренность, «всегдашнія черты всякаго академизма», усиленныя въ Россіи отсталостью академиковъ отъ современнаго западнаго искусства. Но «Міръ Искусства» отталкивается также не менѣе рѣзко отъ обличительныхъ тенденцій и вообще отъ гражданскихъ идей въ искусствѣ и отъ господствовавшаго въ предыдущемъ поколѣніи реалистическаго и позитивистскаго міровоззрѣнія. Ближайшее средство произвести переворотъ въ русскомъ искусствѣ они видятъ въ сближеніи его съ западнымъ. «Въ 70-хъ и еще 80-хъ гг.», констатируетъ Бенуа, «не существовало никакой связи между нами и истинно-художественнымъ творчествомъ на западѣ.... Мы.... знали только оффиціальныхъ художниковъ, скучныхъ академиковъ, вродѣ Бугеро, Кабанеля, Жерома, Пилоти или салонныхъ кондитеровъ, вродѣ Макарта, Зихеля, Лефевра — также кое-кого изъ забавныхъ анекдотистовъ. Объ англійскихъ прерафаэлитахъ у насъ заговорили только 8 лѣтъ тому назадъ; Беклинъ, Менцель, Уистлеръ и Лебль вовсе не были извѣстны; Милле, Коро и импрессіонисты считались шарлатанами, выдвинутыми парижскими торговцами. Но именно за послѣднія 10 лѣтъ положеніе дѣлъ рѣзко измѣнилось. Частыя выставки иностранныхъ художниковъ, устраиваемыя въ Петербургѣ и въ Москвѣ, общедоступность заграничныхъ путешествій, распространенность иллюстрированныхъ изданій объ искусствѣ — все это сблизило насъ съ Западомъ». Въ результатѣ «мы иначе взглянули на наше родное искусство. Требованія наши къ *живописи* неизмѣримо повысились... Обнаружился низкій *художественный уровень* нашей живописи» (писано въ 1902 г.).

Непосредственнымъ выводомъ отсюда было стремленіе поднять чисто живописную сторону художественнаго произведенія надъ содержаніемъ, — такъ же какъ въ музыкѣ раздавалось одновременно требованіе поднять чисто звуковую сторону надъ «программой» музыкальнаго произведенія. Но «Міръ Искусства» шелъ дальше. Какъ и

въ литературѣ, дѣло не ограничилось преимущественными заботами о формѣ. Нападенія были направлены не только на «плохую живопись» передвижниковъ, но — и главнымъ образомъ — на содержаніе, на тенденціозность ихъ тематики, связанной съ ихъ «позитивнымъ» міровоззрѣніемъ. Поэтому и задачей новой школы становилось — замѣнить это содержаніе другимъ — противоположнымъ. Передвижники занимались злобой дня. Уйти отъ злобы дня становилось задачей новаго направленія.

Собственно, сами организаторы «Міра Искусства» ушли не очень далеко. Бенуа, Сомовъ, Лансере сосредоточились на изученіи недавняго прошлаго, именно, петербургскаго искусства и черезъ него перешли къ художественной реставраціи его первоисточника — французскаго искусства XVIII вѣка. Отъ Царскаго села къ Версалю, отъ русскихъ петиметровъ къ французскимъ маркизамъ, — таковъ кругъ ихъ тематики. Игорь Грабарь пошелъ дальше вглубь, — къ истокамъ русскаго національнаго искусства. Конечно, «Міръ Искуства» знакомилъ своихъ читателей и съ современными мастерами, но преимущественно путемъ переводовъ иностранныхъ статей о нихъ. Новѣйшія теченія остались при этомъ въ тѣни. О нихъ намъ придется говорить ниже, въ связи съ исканіями поколѣнія, еще болѣе молодого. Сравнительная умѣренность организаторовъ «Міра Искусства» дала возможность примкнуть къ ихъ основному ядру художникамъ нѣсколько иного направленія. Примкнулъ къ нимъ на короткое время и Рѣпинъ, находившій въ 1897 г., что «не только импрессіонизмъ, мистицизмъ и символизмъ, но даже такъ называемое декадентство имѣетъ право *быть*» и даже «въ будущемъ увѣнчается лаврами», какъ «проявленіе индивидуальныхъ ощущеній человѣческой души, ощущеній, иногда такихъ странныхъ, тонкихъ и глубокихъ, какія грезятся только поэту». Правда, онъ не долго выдержалъ. По поводу рѣзкихъ отзывовъ «Міра Искусства» объ академіи, ректоромъ которой онъ тогда былъ, и о рядѣ признанныхъ художниковъ, Рѣпинъ вышелъ изъ сотрудниковъ журнала, написавъ при этомъ письмо, въ которомъ называлъ Бенуа и Сомова «недоучками», свергателями «авторитета академическаго преподаванія», «диллетантами», а произведенія ихъ авторитетовъ Милле, Дегаса, Пювиса де Шаванна «посредственными картинками».

Если путь въ будущее былъ для сотрудниковъ «Міра Искусства» еще неясенъ, то съ прошлымъ они рѣшительно порывали. Однако, изъ этого прошлаго въ настоящее тянулись нити, которыя шли параллельно съ ихъ собственными начинаніями и, не порывая съ русскимъ художественнымъ реализмомъ, вносили въ него новыя ноты,

чуждыя передвижникамъ въ старомъ смыслѣ. Общая тенденція представителей этихъ новыхъ настроеній была та же, что и у міроискусниковъ: стремленіе или уйти отъ дѣйствительности, или вычитать въ ней нѣчто такое, таинственное и сверхчувственное, что не давалось непосвященному глазу. Но стремленія эти шли въ иныхъ направленіяхъ, чѣмъ у начинателей «Міра Искусства».

Одинъ изъ этихъ путей былъ уже указанъ «Міромъ Искусства»: путь въ историческое прошлое. Помимо его археологическаго возстановленія, какъ у Грабаря, оставалась еще задача художественнаго воспроизведенія — тѣмъ болѣе интересная, что этими темами, по традиціи, владѣла академія. Тутъ былъ и предшественникъ, для котораго художники «Міра Искусства» дѣлали нѣкоторое исключеніе изъ своего огульнаго осужденія академическаго историческаго жанра «разныхъ» Деларошей, Пилоти и Матейко. Это былъ Шварцъ, рано умершій «художникъ-любитель», выступившій еще въ 50-хъ годахъ. «Благодаря ему мы стали видѣть событія прошлаго въ ихъ настоящемъ обликѣ безъ того безвкуснаго, чисто мишурнаго блеска, которымъ отличается «Осада Пскова» Брюллова». Но исключительное значеніе сторонники новаго направленія признавали только за Суриковымъ, оговариваясь при этомъ, что видятъ это значеніе не въ глубокомъ историческомъ смыслѣ его «Стрѣльцовъ» и «Боярыни Морозовой», а въ чисто-художественной сторонѣ этихъ произведеній. Очень подчеркивались заявленія этого ученика академика Чистякова, учившаго его колориту, что «Стрѣльцы» произошли отъ случайно замѣченнаго отраженія зажженной свѣчи на бѣлой рубахѣ. а «Морозову» породило зрѣлище черной вороны, сидѣвшей съ оттопыренным крыломъ на снѣгу. Обращали также вниманіе на широкую технику письма, на «ритмы» композиціи, на «оркестровку» красокъ Сурикова. Но, конечно, не одни эти живописныя достоинства сдѣлали картины Сурикова настоящими эпопеями, производившими одинаково сильное впечатлѣніе съ эпопеями Рѣпина.

Другими двумя направленіями, выводившими болѣе или менѣе незамѣтно за предѣлы передвижническаго искусства, были все тѣ же извѣстныя намъ области, въ которыхъ русское искусство раньше всего осознало свою самостоятельность: пейзажъ и портретъ. Рѣзко осуждая марины Айвазовскаго, «размѣнявшаго все свое большое дарованіе и свою истинно-художественную душу на продажный вздоръ», міроискусники, однако, готовы были оказать снисхожденіе двумъ изъ передвижниковъ - пейзажистовъ, Клодту и Шишкину. Хотя они и провели нѣсколько лѣтъ въ «пресловутомъ Дюссельдорфѣ», но, тѣмъ не менѣе, академія не совсѣмъ ихъ испортила. Оба эти ху-

дожника признаны «предшественниками нашихъ чудныхъ поэтовъ родного пейзажа». Не по колориту, конечно, а только по рисунку. Вѣдь для «хвойной растительности и сѣрыхъ безцвѣтныхъ дней», удававшихся Шишкину, колоритъ «безразличенъ». Другое дѣло Куинджи, «побывавшій въ Парижѣ». Хотя онъ и «отнесся скорѣе отрицательно къ французскимъ импрессіонистамъ», но все же привезъ оттуда свои краски, «которыхъ не отыскать во всемъ тогдашнемъ русскомъ художествѣ». Но рядомъ съ заслужившей похвалу «правдивостью, доходившей до дерзости», и Куинджи былъ осужденъ за «наклонность къ дешевому эффекту, къ театральнымъ пріемамъ, потворство грубымъ вкусамъ толпы». Начало новаго періода въ исторіи пейзажа міроискусники вели съ картины Саврасова «Грачи прилетѣли» (1871), въ которой находили проявленіе «священнаго дара внимать таинственнымъ голосамъ въ природѣ». Вѣнцомъ достиженій въ этомъ направленіи, конечно, является Левитанъ. Но подозрѣніе проникаетъ и сюда. Въ самомъ названіи «Тихой обители» подчеркнуто намѣреніе художника передать *настроеніе* — и притомъ не посредствомъ красокъ, которымъ негдѣ развернуться въ «тихой, скромной, милой русской природѣ». Левитанъ, по «Міру Искусства», научился разбираться въ самомъ себѣ, только побывавъ на Парижской выставкѣ 1889 г. и оцѣнивъ достиженія барбизонской школы. Впрочемъ, все же «Левитанъ не барбизонецъ, не голландецъ и не импрессіонистъ. Левитанъ — художникъ русскій... родной братъ Кольцову, Тургеневу, Тютчеву». При условіи, однако, что онъ достигаетъ своей цѣли «чисто живописными» пріемами. Это — особый видъ «простого здороваго реализма». Чѣмъ же онъ отличается отъ реализма передвижниковъ? Отсутствіемъ «направленства»? Очевидно, нѣтъ. «Направленство» у Левитана есть, но только оно особаго рода, — не идейное, а эмоціональное. Таково оно и у «Міра Искусства».

Левитану пришлось, поэтому, выдержать большую «душевную борьбу», прежде чѣмъ онъ «разорвалъ съ прошлымъ». Эта борьба «окончательно подточила» его и безъ того уже надломленное здоровье. Безъ борьбы отошелъ и сталъ «первымъ яркимъ русскимъ импрессіонистомъ» Константинъ Коровинъ (р. 1861). И онъ, «сразу ставшій на свои ноги, побывалъ въ Парижѣ и мгновенно впиталъ тамъ въ себя всѣ завоеванія импрессіонистскаго направленія» (В. Никольскій). Колоритъ, «фонтаны цвѣтовъ», «праздники для глазъ» здѣсь уже выдвигаются на первое мѣсто. При этомъ особенно подчеркивается и полемическая цѣль: дать картину «безъ передвижническаго содержанія». Для размаха коровинской кисти рамки картины оказались тѣсны. Онъ началъ собой ту плеяду міроискусственскихъ

декораторовъ (Головинъ, Бакстъ, Бенуа, Билибинъ, Судейкинъ), которая перенесла живопись на подмостки театра. При содѣйствіи такого энергичнаго организатора, какъ Дягилевъ, Европа познакомилась съ русскимъ искусствомъ именно въ этомъ его видѣ. Безъ «направленства», конечно, и здѣсь не обошлось. Такимъ направленствомъ было особенное подчеркиваніе для заграницы нарочно для этого созданнаго національнаго стиля (см. ниже, стр. 560-563).

Особое положеніе въ области пейзажа занимаетъ пошедшій своимъ собственнымъ путемъ Н. Рерихъ. Археологъ по профессіи, онъ ушелъ отъ настоящаго не въ исторію, а въ доисторическую легенду. Тутъ, на полномъ просторѣ онъ развернулъ свой талантъ колориста. Пренебреженіе къ «линіи» ради краски, покрытіе краской цѣлыхъ плоскостей безъ оттѣнковъ — эти пріемы импрессіонизма нашли себѣ въ живописи Рериха широкое примѣненіе. При этомъ особенно подчеркивался и съ теченіемъ времени сталъ доминирующей чертой элементъ таинственнаго. Рерихъ пишетъ свои картины цѣлыми серіями и отъ картины легко переходитъ къ декораціи. Стилизація, прогрессировавшая уже у упомянутыхъ декораторовъ, тутъ становится основнымъ закономъ. Люди начинаютъ походить на явленія природы, облака и камни — на людей. За таинственными скалами и озерами Финляндіи, окрашенными въ цвѣта свѣтопреставленія или сотворенія міра, послѣдовали мистеріи индійскихъ городовъ и поиски священныхъ тайнъ въ Гималаяхъ и Тибетѣ. Экзотика увела Рериха отъ русскаго искусства къ американскимъ небоскребамъ, пріютившимъ его полотна, и этотъ исходъ еще разъ показалъ космополитичность этого вида русскаго національнаго искусства.

Переходя къ новымъ достиженіямъ въ области портрета, мы напомнимъ, что въ этой области всегда господствовалъ реализмъ. Романтическій классикъ Брюлловъ, фальшивый въ своихъ историческихъ и аллегорическихъ композиціяхъ, остался реалистомъ въ портретахъ и далъ произведенія, пережившія его направленіе. То же самое надо сказать о Ге, о Крамскомъ, о Рѣпинѣ и о многихъ другихъ: ихъ портреты превышали достоинствомъ ихъ другія произведенія именно благодаря реалистической трактовкѣ. Періодъ протеста противъ передвижниковъ также далъ замѣчательнаго портретиста, внесшаго въ свои произведенія новую тенденцію міроискусниковъ — и признаннаго ими: Валентина Сѣрова. Ученикъ Рѣпина и участникъ передвижныхъ выставокъ, Сѣровъ не ушелъ отъ реализма и тогда, когда пытался одухотворить его своими не только «живописными» задачами. Всѣ согласны, что одной изъ этихъ задачъ было проникновеніе въ психологію позировавшихъ Сѣрову лицъ и

что въ результатѣ получились «не только чудесные куски живописи, но и очень умныя, очень тонкія, очень вѣскія характеристики» (Бенуа). Извѣстно также, съ какимъ напряженіемъ, какъ мучительно доставались Сѣрову его достиженія. Отъ колорита онъ перешелъ къ поискамъ «линіи», мѣткаго штриха, который бы сразу далъ искомую характеристику. Но во всѣхъ этихъ поискахъ онъ не доходилъ до стилизаціи и оставался реалистомъ. Противникамъ передвижниковъ пришлось для этого рода реализма ввести особый терминъ «неореализма».

Новые духовные токи, прорывавшіеся съ трудомъ въ такихъ реалистическихъ темахъ, какъ пейзажъ и портретъ, искали для себя большаго простора. Они нашли его въ сказочномъ мірѣ русскаго фольклора и въ религіозной живописи. Здѣсь и стилизація, и красочность могли развертываться до любыхъ предѣловъ. Начало, однако, и здѣсь было довольно скромно и не выходило сразу за предѣлы реализма. Это начало положилъ Викторъ Васнецовъ, принадлежавшій къ поколѣнію передвижниковъ (р. 1848) и признанный молодыми только на половину. Его попытка проникнуть въ міръ сказки и былины («Аленушка», «Витязь на распутьи», «Иванъ Царевичъ», «Три царевны подземнаго царства» — всѣ написаны въ 80-хъ годахъ) были признаны неудовлетворительными, потому что Васнецовъ въ нихъ остался слишкомъ реалистомъ. Это были не «видѣнія», а настоящіе, живые люди среди живой природы. Однако, сравнительно съ совершенно уже реалистическими этюдами и картинами Полѣнова и это все-таки былъ шагъ въ сторону «идеализма». Начинаніе Васнецова, столь необычное въ Россіи, не могло не вызвать споровъ и страстей съ противоположныхъ сторонъ. Переходъ Васнецова отъ сказокъ къ росписи Кіевскаго собора (1886) сопровождался слухами, что здѣсь готовится нѣчто «градіозное и святое, какое-то новое откровеніе». Васнецовъ претендовалъ на лавры, которыхъ не добился Ивановъ. Когда черезъ десять лѣтъ работа была исполнена, посѣтителей собора поразила невиданная смѣсь византійской традиціи съ модерной техникой. Знаменитая «Мадонна» съ громадными глазами и въ кокетливой позѣ заслужила Васнецову широкую популярность. Но молодые были на этотъ разъ вполнѣ правы, когда за достигнутымъ эффектомъ распознали западные «трюки» и отказались признать въ Васнецовѣ возродителя національной религіозной живописи. Молодежь противопоставила Васнецову вновь открытую древнюю русскую икону и признала, что онъ все-таки «ближе къ Бруни, чѣмъ къ Иванову». Молодое поколѣніе отдавало предпочтеніе, — правда, тоже съ оговорками, своему сверстнику Нестерову (р. 1862), хотя онъ

и былъ нѣсколько «испорченъ» Васнецовымъ, съ которымъ сотрудничалъ по расписанію Кіевскаго собора. Иконы Нестерова были признаны «ничѣмъ не отличающимися по сладости и искусственности отъ фальшивыхъ созданій Васнецова». Но получила признаніе его «поэзія молитвенныхъ настроеній, тихихъ экстазовъ, чудесныхъ видѣній, откровеній», удивительно гармонировавшая съ пейзажами Нестерова. Сцены монастырской жизни и видѣнія подвижниковъ развертывались на фонѣ той самой бѣдной сѣверной русской природы, среди которой и сложилась эта жизнь и создавались или прививались эти житійныя легенды и сказки.

Гораздо смѣлѣе двигались въ мірѣ легендъ и сказаній болѣе молодые художники: какъ упомянутые выше Рерихъ (р. 1874) и Билибинъ (р. 1876), такъ и стоявшій особнякомъ Врубель. По грандіозности замысловъ, по напряженности исканій — и также по остротѣ болѣзненнаго чувства несоотвѣтствія между исканіями и достиженіями — Врубель превосходитъ Сѣрова и напоминаетъ Скрябина. Его мастерство колорита, достигавшее изумительныхъ результатовъ въ рисовкѣ цвѣтныхъ переливовъ («Жемчужина») и самоцвѣтныхъ камней («Демонъ»), его попытки творческаго перевоплощенія природы, его наибольшее приближеніе къ настроенію истинно-религіознаго живописца — все это только малые осколки того, чего онъ хотѣлъ достигнуть. Помѣшательство и смерть были выходомъ изъ этой непосильной борьбы съ собственнымъ идеаломъ.

Отдѣляя первоначальное ядро міроискусниковъ отъ приставшихъ къ нимъ со стороны и шедшихъ подъ общимъ знаменемъ, мы можемъ спросить теперь себя, что же новаго было внесено въ исторію искусства и въ самое искусство этими задорными начинателями. Искать отвѣта, прежде всего, нужно въ ихъ собственной деклараціи. Такая имѣется, за подписью Сергѣя Дягилева. «Нетрудно *отрицать*», говорится тамъ, «и въ этомъ мы достигли особенно тонкаго совершенства, съ привычнымъ и милымъ намъ скептицизмомъ. Но что *провозгласить,* какъ разобраться въ непроцѣженномъ и хаотическомъ достояніи, полученномъ отъ нашихъ отцовъ, когда одной оцѣнки или лучше переоцѣнки безчисленныхъ унаслѣдованныхъ сокровищъ хватитъ на цѣлую жизнь нашего поколѣнія?». Мы видѣли эти «оцѣнки и переоцѣнки»: они сами, по закону поколѣній, нуждаются въ новыхъ оцѣнкахъ и переоцѣнкахъ. «Развѣ можемъ мы принять на вѣру споры нашихъ предковъ и убѣжденія отцовъ, — мы которые ищемъ только личнаго и вѣримъ только въ свое», спрашиваетъ дальше Дягилевъ. Послѣдняя половина фразы смягчается дальнѣйшей оговоркой. «Мы больше и шире, чѣмъ кто-либо и когда-либо. Любимъ

все, но видимъ все черезъ себя, и въ этомъ, лишь въ этомъ одномъ смыслѣ любимъ себя». Отъ оригинальности здѣсь какъ будто переходъ къ эклектизму, столь ненавистному новой школѣ. Эклектизма, конечно, нѣтъ: есть *свое,* доходящее до страсти самоутвержденіе. Но каково его положительное содержаніе? «Вотъ появились мы, съ нашими новыми требованіями, лишь подтверждая общую правильность хода историческаго развитія. *Правда,* мы отличались чѣмъ то отъ извѣстныхъ изученныхъ формъ, мы сдѣлали нѣсколько *робкихъ и невинныхъ* шаговъ въ сторону отъ большой проѣзжей дороги». И «насъ назвали дѣтьми упадка». Справедливо ли это обвиненіе»? И да, и нѣтъ. «Мы составляемъ еще одну печальную эпоху», отвѣчаетъ Дягилевъ, когда искусство, достигнувъ апогея своей зрѣлости, окидываетъ «прощальными, косыми лучами заходящаго солнца старѣющія цивилизаціи». Въ упадкѣ не мы, — такъ развивается дальше эта мысль. Въ упадкѣ всѣ три теченія, смѣнившіяся въ XIX вѣкѣ: классицизмъ, романтизмъ, реализмъ. «Мы остались скептическими наблюдателями, въ одинаковой степени отрицающими и признающими всѣ до насъ бывшія попытки». Итакъ, опять — эклектизмъ? Нѣтъ, это любовь къ красотѣ, гдѣ бы она ни была, къ красотѣ, открывающей тайну за внѣшнимъ ликомъ природы. Можетъ быть, эта фраза идетъ дальше мысли Дягилева, утверждающаго, что онъ не знаетъ и не хочетъ готовыхъ формулъ. «Конечно», оговаривается онъ, «у дѣтей въ большинствѣ случаевъ является какое то по истинѣ дѣтское желаніе дѣлать все не то, что дѣлали отцы, и самодовольно бравировать допущенными крайностями. Но какъ же объяснить близорукость отцовъ, попадающихся на удочку дѣтскаго задора?.. Какъ... не понять, что каждая эпоха переполнена... всякими крайностями, которыя... откидываются... какъ ненужная шелуха, изъ которой выходитъ настоящее ядро?» Дягилевъ утверждаетъ, — и не напрасно, — что «дѣти» избѣгли этихъ крайностей. «Смѣшно и неразумно дѣлать заключеніе о нашей эпохѣ по живописи Ванъ Гога и Ларошфуко или по литературнымъ произведеніямъ Малларме и Люиса. Эти примѣры комичны и не доказательны. Эпохи можно судить по элементамъ, серьезно ихъ выражающимъ, а не по какому-нибудь набору случайныхъ знаменитостей».

На этихъ фразахъ тоже надо остановиться. «Міръ Искусства», дѣйствительно, отмежевывается отъ такихъ «крайностей», которыя слѣдующимъ «дѣтямъ» покажутся настоящей нормой достигнутаго. Своихъ авторитетовъ міроискусники ищутъ скорѣе въ прошломъ — и притомъ довольно отдаленномъ, чѣмъ въ настоящемъ. Ихъ большая заслуга, какъ мы знаемъ, и заключается прежде всего въ оживленіи памяти объ этомъ прошломъ. Изъ новыхъ — ихъ безспорный авто-

ритетъ только Уистлеръ, и изъ импрессіонистовъ они подробнѣе останавливаются только на одномъ Дегасѣ. Борясь съ русской національной школой во имя новаго сближенія съ Европой, они, однако, очень осторожно относятся къ вопросу о національномъ элементѣ въ искусствѣ. Съ одной стороны, «что можетъ быть губительнѣе для творца, какъ желаніе *стать* національнымъ?» Съ другой стороны, «сама натура должна быть народной, должна невольно, даже, быть можетъ, противъ воли, вѣчно рефлектировать блескомъ коренной національности». «Являются такіе (сознательные) искатели и схватываютъ то, что ихъ поверхностному представленію кажется наиболѣе типичнымъ... Это роковая ошибка». Но когда понадобилось экспортировать за границу русское національное искусство — ибо только такое и могло привлечь интересъ иностранной публики своимъ экзотизмомъ, — Дягилевъ не побоялся выхватить «поверхностныя» черты національности, которыя, по линіи наименьшаго сопротивленія, устанавливали «типичность» русскаго искусства. Русскія декораціи, русскій балетъ, вмѣстѣ съ русской оперной музыкой понравились за границей прежде всего этой экзотичностью, непривычнымъ для европейца сочетаніемъ линій, тѣлодвиженій, мелодій, гармоній. Значитъ ли это, что тутъ былъ созданъ настоящій русскій національный стиль? Это было бы великимъ достиженіемъ, но приписывать его міроискусникамъ — болѣе чѣмъ неосторожно. Несомнѣнной заслугой ихъ является попытка создать русскій стиль въ предметахъ обихода, въ мебели, утвари, вышивкахъ, коврахъ, орнаментѣ и т. д. Но и тутъ національный стиль слишкомъ переполненъ элементами стиля «модернъ» и непереваренными реминисценціями формъ древнерусскаго искусства, чтобы явиться въ законченномъ видѣ. Абрамцевская лабораторія*) дала интересный толчокъ художникамъ, но было бы неосторожно говорить о ея окончательныхъ достиженіяхъ.

Вотъ выводы, которые оставляютъ мѣсто для дальнѣйшаго движенія новаго поколѣнія. Чтобы идти дальше, оно отвергло многое изъ «всего» того, что признавалось міроискусниками, и сдѣлало своей

---

*) Абрамцево — усадьба Саввы Морозова, гдѣ, по свидѣтельству Бенуа, въ 80-хъ г.г. собирались всѣ кто лелѣялъ въ своей душѣ новыя мечты; гдѣ «созидалась очаровательная постановка «Снѣгурочки» Васнецова, работали Полѣновъ, Головинъ, Коровинъ, Врубель, выросли и и воспитались Левитанъ, Сѣровъ, Якунчикова и многіе другіе». «Деспотичнаго, любящаго блескъ и громкую славу» Савву Мамонтова Бенуа ставитъ рядомъ съ Дягилевымъ, какъ рядомъ съ «скромнымъ Третьяковымъ» стоялъ «соціалистъ Крамской».

исходной точкой то, что представлялось «крайностями» и «шелухой» Бенуа и Дягилеву. «Группа «Міра Искусства» пришла къ современности отъ исторіи и старалась все-таки соблюсти извѣстную историческую объективность. Новыя «дѣти» не знали исторіи и вовсе не хотѣли, даже въ Дягилевскомъ смыслѣ, быть объективными.

Разногласія молодого поколѣнія съ міроискусниками проявились довольно скоро. Въ «Золотомъ Руно» за 1906 г. (№ 2) уже встрѣчаемъ статью Бенуа о «Художественныхъ ересяхъ», въ которой споръ съ тенденціями молодежи поставленъ очень остро. «Поколѣніе, зрѣющее намъ на смѣну», говоритъ здѣсь Бенуа, «увлечено индивидуализмомъ, презираетъ каноны, школу, традиціи». По мнѣнію Бенуа, этотъ «индивидуализмъ — ересь», «потому что отрицаетъ *пріобщеніе*». «Настоящее искусство» доживаетъ «лишь въ школахъ», «гдѣ художники группируются вокругъ извѣстной *догмы*». «Отдѣльное я, отрѣшенное отъ всего посторонняго, едва-ли величина цѣнная». А между тѣмъ «художники разбрелись по своимъ угламъ, тѣшатся самовосхищеніемъ... стараются быть только самими собой». Подобный, «строго проведенный индивидуализмъ, есть абсурдъ, ведущій... къ одичанію человѣческой личности». «Положеніе, созданное искусству въ настоящее время», заключалъ Бенуа, «безпримѣрно... (оно) ближе всего къ эпохѣ упадка древняго Рима, къ византинизму».

Статья Бенуа вызвала оговорку редакціи, что эта точка зрѣнія «въ основныхъ пунктахъ расходится съ взглядами редакціи». Она вызвала также рядъ возраженій на страницахъ самого журнала — Шервашидзе (№ 5), С. Маковскаго (1907, № 5), Миліоти (тамъ же), Философова, Волошина (1906, № 6), отчасти Рериха. Шервашидзе отвѣчалъ: «нашествіе варваровъ — обновленіе жизни. Не въ нашей власти остановить его. Жизнь безпрерывно создаетъ новыя формы, и новыя формы жизни требуютъ новаго искусства... Какое оно будетъ, мы не знаемъ, но вѣримъ въ неизсякаемую силу жизни». Миліоти рѣзко нападалъ на «Міръ Искусства», упрекая его въ «салонности», — въ томъ, что міроискусники «надолго изгнали весь драматизмъ душевныхъ переживаній, измельчили задачи искусства сведеніемъ ихъ къ рафинированному эстетизму, размѣнявшему на мелочи стихійно-цѣнныя задачи духа». «Религіозное чувство было забыто», прибавлялъ Миліоти въ другомъ мѣстѣ (1909, № 4), «Христосъ и апостолы... замѣнились боскетами, амурами, манерными господами и дамами... Душа измельчилась, утончилась и ушла въ слишкомъ хрупкую изысканную форму». «Передъ русскимъ искусствомъ», рѣшительно заявлялъ Миліоти, «стоитъ роковой вопросъ: или замкнуться въ себѣ, развивая кругъ эстетически утонченныхъ ощущеній и служа забавой одинаково чувствующему, но ограниченному классу,

или расширить и углубить... наши внутреннія переживанія, не бояться властныхъ запросовъ объективной жизни — и стать реально-нужнымъ». Соціальный мотивъ выдвигалъ и Волошинъ, соединяя его съ формулой, значеніе которой мы увидимъ ниже. «Задача искусства — не въ томъ, чтобы быть зеркальнымъ отраженіемъ жизни, а въ томъ, чтобы въ каждый моментъ *преображать, просвѣтлять и творить окружающую природу*». Искусство есть оправданіе жизни. Для этого живопись должна выдти за предѣлы картины, «которая абсолютно чужда обстановкѣ и архитектурѣ современнаго жилища». Теперь «творчество вещей, окружающихъ человѣка, перешло въ руки фабрики; художники потеряли возможность активнаго и непосредственнаго пересозданія окружающей жизни».

Чтобы дойти до этого вывода отъ позиціи «Міра Искусства», живопись должна была пройти длинный путь. Заграничному искусству для этого понадобилось около полувѣка. Россія опоздала къ началу этой новѣйшей эволюціи. Но затѣмъ она продѣлала ее сокращеннымъ путемъ, въ теченіе 20-25 лѣтъ, пропуская этапы и спѣша догнать послѣдніе «крики». Источникомъ вліянія оставался все время Парижъ. Позднѣе, къ нему присоединились нѣмецкіе «Сецессіоны», тоже опаздывавшіе въ началѣ. Для большей отчетливости дальнѣйшаго изложенія намъ необходимо остановиться, хотя бы вкратцѣ, на этихъ европейскихъ источникахъ русскихъ новѣйшихъ заимствованій.

Смѣна направленій и лозунговъ шла и въ Западной Европѣ тоже ускоряющимся темпомъ по направленію къ XX вѣку. Возроставшій «индивидуализмъ» былъ, несомнѣнно, общей пружиной всего движенія. Послѣдствіемъ роста индивидуальныхъ стремленій, какъ тоже вѣрно указалъ Бенуа, было постепенное дробленіе и измельчаніе художественныхъ кружковъ. Эта дробность дѣлаетъ чрезвычайно трудной классификацію новѣйшихъ теченій. Для нашихъ цѣлей мы можемъ, правда, ограничиться самыми общими чертами. Въ процессѣ освобожденія новѣйшей живописи отъ традиціи — не только академической, но и всяческой, живопись прошла три послѣдовательныхъ этапа.

Первая ступень эмансипаціи отъ традиціи основывается на принципѣ: наибольшее приближеніе къ природѣ путемъ изображенія ее натуральными красками въ неприкрашенномъ видѣ — такъ какъ она представляется художнику въ моментъ, избранный для изображенія («импрессіонизмъ»). На второй ступени художникъ освобождаетъ себя отъ точнаго изображенія природы, употребляя ее, какъ способъ передать собственныя душевныя переживанія («экспрессіонизмъ»). Въ результатѣ получается прогрессирующая деформація изображеній и на мѣсто мертвой природы выдвигается, на фонѣ «ин-

тимнаго пейзажа, носитель «экспрессіи», человѣческая фигура. На третьей ступени художникъ протестуетъ противъ получившейся безформенности изображенія, но, вмѣсто возвращенія къ точному изображенію природы, «творитъ» собственныя чистыя формы, совершенно оторванныя отъ всякой связи съ реальными предметами. На этой ступени живопись становится «безпредметной» и выходитъ за свои естественные предѣлы. Само собой разумѣется, что въ предлагаемую схему никакъ нельзя вмѣстить всего богатства и разнообразія художественныхъ произведеній новѣйшаго періода. Но, чтобы разобраться во внутреннемъ смыслѣ, — такъ сказать, въ логикѣ художественной эволюціи новѣйшаго времени, предлагаемая схема можетъ послужить руководящей нитью. Естественно также, что далеко не всѣ художники, заслуживающіе вниманія — и даже не всегда наиболѣе талантливые, а лишь наиболѣе характерные для историческаго процесса, могутъ быть введены въ послѣдующее изложеніе.

Никто не оспариваетъ, что первой ступенью новѣйшей модернизаціи живописи является теченіе, получившее названіе «импрессіонизма.

Это теченіе, господствовавшее на протяженіи всей послѣдней трети XIX столѣтія, само прошло черезъ три ступени, которыя принято различать названіями «импрессіонизма», «нео-импрессіонизма» и «постъ-импрессіонизма».

При своемъ возникновеніи импрессіонизмъ имѣлъ очень опредѣленный смыслъ. Подготовленное въ смыслѣ колорита англійскими художниками Тернеромъ и Констеблемъ, а въ смыслѣ перехода отъ академизма къ реализму —французскими художниками Домье, Коро, Курбе и др., теченіе импрессіонизма имѣло своимъ признаннымъ родоначальникомъ Эдуарда Мане. Его знаменитыя картины Déjeuner sur l'herbe и Olympia, выставленныя въ 1863 и 1865 гг., вызвали крикъ негодованія, какъ проявленіе грубаго и ужаснаго реализма. Слишкомъ живыя краски и отсутствіе тѣней съ непривычки рѣзали глазъ. Около Мане тогда же собралась небольшая группа послѣдователей Claude Monet, Sisley, Renoir, а въ 1866 Pissaro. Друзья собирались въ 1866-1870 въ кафе Guérbois — и здѣсь, въ постоянномъ общеніи, создали школу. Послѣ войны они разошлись, но продолжали выставлять вмѣстѣ, подвергаясь общимъ насмѣшкамъ. Сперва ихъ просто не замѣчали и замалчивали; потомъ, послѣ ихъ выставокъ 1874-1877 гг. о нихъ составилось мнѣніе, какъ о «пяти-шести сумасшедшихъ» или невѣждъ, отличающихся «полнымъ незнаніемъ рисунка, композиціи и колорита», словомъ, всего того, что составляетъ живопись. «Даже дѣти рисуютъ лучше», говорили о нихъ. Только послѣ послѣдней ихъ выставки 1888 г. мнѣніе о круж-

кѣ стало мѣняться, и не раньше 1895-96 гг. они, наконецъ, добились признанія, и картины ихъ стали продаваться за быстро возраставшія цѣны. Только въ 1897 г. москвичъ С. И. Щукинъ купилъ первую картину Моне и только съ 1903 г. начала составляться другая московская коллекція новаго искусства — Морозова. За это время импрессіонизмъ успѣлъ пережить длинную внутреннюю исторію. Передъ русскими художниками молодого поколѣнія, не имѣвшими возможности путешествовать за-границу, эта исторія сразу предстала въ XX вѣкѣ въ видѣ законченнаго цикла. Этимъ опредѣлились и хронологія, и характеръ заимствованія.

Въ чемъ состояло внутреннее развитіе импрессіонизма въ Западной Европѣ — преимущественно, во Франціи? Исходнымъ принципомъ школы было стремленіе изображать дѣйствительность, какъ она есть, не прикрашивая ея въ студіи, а беря ее въ натурѣ, и притомъ не въ обобщенномъ видѣ, а такой, какой она представляется въ каждый данный моментъ непосредственному *впечатлѣнію* художника. Мы знаемъ, что живопись на воздухѣ (plein air) не была новостью въ Россіи (см. выше, стр. 516-17). Но импрессіонисты явились новаторами въ техникѣ этой живописи. Они стали употреблять только свѣтлыя краски. Они отказались отъ черныхъ тѣней; голубыя и розово-фіолетовыя тѣни Сислея, лиловыя тѣни Ренуара, солнечныя пятна у всѣхъ нихъ поражали публику. Перенеся центръ тяжести съ рисунка на краски, они стали намѣренно пренебрегать рисункомъ. Ихъ контуры стали расплываться. За исключеніемъ Ренуара, главные импрессіонисты были по- преимуществу пейзажистами. Они не арранжировали искусственно своего пейзажа, а брали его во всей простотѣ, какъ находили въ природѣ. Моне подчеркнулъ значеніе красокъ, принявшись писать одинъ и тотъ же пейзажъ въ разномъ освѣщеніи, въ разные часы дня и времена года. Такъ получились его серіи Les Meules, La Cathédrale, Les Nymphées. Съ этого рода картины — Impression, soleil levant, пошло самое названіе «импрессіонизмъ». Писсаро писалъ натуральныхъ, неподправленныхъ крестьянъ, не заботясь о красотѣ фигуры, какъ другіе импрессіонисты не заботились о красотѣ пейзажа. Женское тѣло берется намѣренно некраснвымъ. Въ портретѣ подчеркиваются неправильности и аномаліи.

Но это было только начало. Новое поколѣніе импрессіонистовъ («нео-импрессіонисты») пошло дальше. Они, говоря словами одного изъ нихъ, Синьяка, «ввели и съ 1886 года развили технику division употребляя, какъ средство выраженія, *оптическую* смѣсь красокъ и оттѣнковъ». Seurat выставилъ въ 1886 г. первую картину divisée: Un dimanche à la grande Jatte. Ссылаясь на научныя открытія

Гельмгольца и Шевреля, разложившихъ бѣлый лучъ на составные цвѣта, они отказались отъ употребленія смѣшанныхъ красокъ. Они употребляли только «чистыя» краски спектра*). Чтобы произвести *оптическое* впечатлѣніе смѣшанныхъ красокъ, они дѣлили плоскости красокъ на мелкія точки. Сліяніе точекъ разныхъ цвѣтовъ на разстояніи и должно было производить, какъ въ спектрѣ, впечатлѣніе смѣшаннаго цвѣта. Этотъ методъ получилъ названіе «пуантилизма». Конечно, при такой трактовкѣ, контуры рисунка распустились еще больше и стали еще болѣе туманными. Вмѣстѣ съ тѣмъ, импрессіонисты становились все болѣе равнодушными къ сюжетности картины. Для игры красокъ сюжетъ безразличенъ. Особенно развилось поэтому, наряду съ пейзажемъ, писаніе nature morte.

Наконецъ, третья стадія импрессіонизма, которую не безъ основанія называютъ «послѣ-импрессіонизмомъ», представлена ванъ-Гогомъ и Гогеномъ, а также Сезанномъ, вызвавшимъ особенное раздраженіе современниковъ и наиболѣе повліявшимъ на молодое поколѣніе. Всѣ трое слишкомъ индивидуальны — всѣхъ троихъ считали болѣе или менѣе ненормальными, и обстоятельства ихъ жизни подтверждаютъ это сужденіе. Всѣ трое искали уединенія и отрицали вершины культуры. Ванъ Гогъ кончилъ самоубійствомъ страдальческую жизнь, посвященную непрерывнымъ исканіямъ художественной правды. Гогенъ бѣжалъ отъ цивилизаціи на Таити, Сезаннъ замкнулся отъ Парижа въ своемъ родномъ Эксѣ (Провансъ). Всѣ трое искали спасенія отъ буржуазной культуры въ обращеніи къ дикарямъ, къ городскому дну, или къ простому народу деревни. Ихъ живопись отражаетъ ихъ психологію. Эмансипированные отъ традиціи уже первымъ поколѣніемъ импрессіонистовъ, они довели свободу отъ рисунка до сознательной деформаціи, а простоту изображенія — до примитивизма. Но въ то же время они положили начало протесту противъ прогрессировавшей безформенности и безпредметности импрессіонизма. Они начинаютъ возвращаться къ контуру, къ формѣ, придавая, однако, предмету форму, какую хотятъ, не стѣсняясь природой. «Все, чему я учился въ Парижѣ», пишетъ объ этомъ ванъ Гогъ брату, «ни къ чему не годно, и я опять возвращаюсь къ тому, что мнѣ казалось истиннымъ въ деревнѣ, до знакомства съ импрессіонистами... *Вмѣсто точной передачи того, что я вижу передъ собой, я* распоряжаюсь красками самовольно. Я прежде всего хочу достигнуть полнаго *выраженія*... Публика видитъ въ этомъ преувеличеніи только карикатуру. Но что намъ за дѣло до этого». Мы сейчасъ увидимъ, что, жертвуя сходствомъ ради выразительности, группа постъ-им-

*) Ср. стр. 494, примѣчаніе, — то, что сказано о древнихъ иконахъ.

прессіонистовъ послужила переходной ступенью къ слѣдующей стадіи освобожденія искусства отъ традиціи.

Эту вторую стадію можно назвать стадіей «экспрессіонизма», — употребляя этотъ терминъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, чѣмъ принято. Мы видѣли, что вмѣсто первоначальнаго объективизма и утрированнаго натурализма у импрессіонистовъ возобладалъ, въ результатѣ логическаго развитія ихъ же основной мысли, полный субъективизмъ. Конечно, этотъ субъективизмъ уже потенціально заключался въ основномъ стремленіи школы изображать природу, какъ она *представляется* художнику въ *данный мигъ* — въ ея случайномъ выраженіи, въ ея движеніи, а не въ условномъ покоѣ классицизма. Но на второй стадіи субъективизмъ выступаетъ уже совершенно открыто. Художникъ желаетъ изображать не внѣшніе предметы сами по себѣ, а хочетъ черезъ ихъ посредство передавать собственныя настроенія или впечатлѣнія. Самый терминъ «экспрессіонизма», въ связи съ лозунгомъ «прочь отъ природы», явился на парижской выставкѣ 1901 г. Но особенно отчетливо, какъ опредѣленный логическій моментъ процесса эманципаціи, направленіе «экспрессіонизма» запечатлѣлось въ работахъ германскихъ «сецессіоновъ» съ ихъ подраздѣленіями. Нѣкоторое отставаніе отъ Франціи (менѣе значительное, конечно, чѣмъ въ Россіи) повело за собой потребность — для крупныхъ германскихъ импрессіонистовъ — догонять время и мѣнять манеру. Такъ, сравнивая прежнія произведенія (80-хъ гг.) Либермана, Слефогта, Коринта съ новѣйшими, легко замѣтить, какъ лозунгъ «дальше отъ природы» заставляетъ ихъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, стилизовать свои произведенія*). Главными представителями «экспрессіонизма» являются, конечно, не они, а художники младшаго поколѣнія, начавшіе выдвигаться въ первомъ десятилѣтіи XX вѣка.

Каковы основныя черты «экспрессіонизма», какъ особой (второй) стадіи художнической эмансипаціи отъ классицизма и академизма? Прежде всего, это — уже отмѣченный переходъ отъ изображенія *случайнаго въ природѣ* къ *субъективному въ духѣ*. «Экспрессіонисты въ этомъ отношеніи сознательно противополагаютъ себя «импрессіонистамъ». Съ импрессіонизмомъ, однако же, они имѣютъ много общаго въ своемъ происхожденіи. Особая цѣль экспрессіонизма — углубить впечатлѣнія до «міровыхъ ощущеній» и придать живописи «метафизическій» оттѣнокъ. Экспрессіонисты хотятъ изобра-

*) Подобное же измѣненіе манеры письма можно замѣтить у тѣхъ изъ родоначальниковъ французскаго импрессіонизма, которые дожили до 20-хъ годовъ XX вѣка: именно, у Клода Моне († 1926) и у Ренуара († 1921).

жать «абсолютнаго человѣка» и «міръ чистаго духа». Сообразно этому, человѣческая фигура занимаетъ у нихъ мѣсто пейзажа, преобладающаго у импрессіонистовъ. Передъ выдвигаемой на первый и единственный планъ человѣческой фигурой, задній фонъ картины стушевывается и исчезаетъ. Чтобы получить наиболѣе напряженную экспрессію, выявляющую «духъ» человѣческій, фигура трактуется не натуралистически, а стилизованно, съ подчеркиваніемъ отдѣльныхъ деталей, получающихъ символическій характеръ. Впечатлѣніе «экстаза», за которымъ гонятся эти художники, получается искусственно, путемъ такихъ архаизмовъ, какъ наклоненныя на бокъ головы или средневѣковыя неуклюжія позы. Если первые импрессіонисты искали вдохновенія у японцевъ, а Гогенъ — у таитянъ, то и экспрессіонисты стали прибѣгать, въ поискахъ упрощенія и стилизаціи, къ искусству примитивныхъ народовъ или сознательно подражать простотѣ и наивности дѣтскаго рисунка, въ которомъ всегда выдѣляется, по ихъ мнѣнію, главное и наиболѣе характерное.

Такое направленіе не обѣщало экспрессіонизму большого развитія въ будущемъ. Идя по этому пути, онъ скоро уперся въ тупикъ и разложился послѣ 1922 г. На почвѣ его метафизическихъ порывовъ выросла символика онѣмеченнаго русскаго художника Кандинскаго, который ассоціируетъ вертикальныя, діагональныя и горизонтальныя линіи съ разными цвѣтами и звуками, и «сверхреализмъ» Рауля Клее. Идя дальше, къ полной «свободѣ» и отъ реальности, и отъ искусства вообще, экспрессіонизмъ дошелъ (въ Швейцаріи 1916-22) до другого тупика «дадаизма» и до «мерзизма» нѣмца Швиттерса. То и другое выводило уже за предѣлы живописи — къ техникѣ украшенія жизни (ср. Веймарскій «Баухаузъ» 1919-1924 гг. съ его продолженіемъ въ Дессау) или къ «монтировкамъ», при помощи не кисти, а клея, разныхъ «настоящихъ» (всамдѣлешныхъ) матеріаловъ, вродѣ проволоки, стекла, бумаги, пуговицъ, трамвайныхъ билетовъ и т. п. на холстѣ или на доскѣ. Это тоже признавалось однимъ изъ способовъ «чувствовать бога въ каждомъ явленіи», путемъ примѣненія «экспрессивныхъ средствъ выраженія Сущности».

Третье теченіе или ступень эмансипаціи отъ традиціи также исходитъ изъ протеста противъ импрессіонизма, — но въ направленіи обратномъ экспрессіонизму (почему и ошибочно подводить его подъ одно понятіе съ экспрессіонизмомъ только что охарактеризованнаго типа). Этотъ видъ протеста идетъ уже не въ направленіи углубленнаго субъективизма, космизма и метафизики, а, напротивъ, въ направленіи объективизаціи живописи. Въ противоположность «иллюзіонизму» импрессіонистовъ, здѣсь выдвигается объективное начало *формы*. Внутренняя сущность вещей усматривается въ ихъ формальномъ

строеніи, которое и должно быть выявлено живописью. Обще съ экспрессіонизмомъ здѣсь то, что и это теченіе идетъ «прочь отъ природы». Оно даже совершаетъ этотъ отходъ еще болѣе послѣдовательно. Если экспрессіонисты замѣняютъ наблюденіе природы и подражаніе ей выявленіемъ внутреннихъ настроеній, то это третье теченіе предъявляетъ претензію само *творить* новую природу.

Основнымъ выраженіемъ этой третьей ступени эмансипаціи явился «кубизмъ». У него тоже связь съ импрессіонизмомъ, въ лицѣ Сезанна, провозгласившаго, что «природу надо наблюдать по схемѣ цилиндра, конуса и шара». Промежуточнымъ звеномъ отъ постъ-импрессіонизма къ кубизму послужилъ Матиссъ. Онъ далъ названіе направленію, воскликнувъ, въ шутку, передъ картиной Писсарро: tiens, c'est du cubisme! Непосредственными предшественниками кубизма была группа «дикихъ (les Fauves). Гійомъ Аполинеръ, другъ и бардъ кубистовъ, такъ описываетъ зарожденіе школы. «Эта новая эстетика сложилась сперва въ умѣ Андре Derain, но самыя значительныя и наиболѣе смѣлыя произведенія, ею созданныя, принадлежали великому художнику, который и долженъ считаться основателемъ: Пабло Пикассо (прибавимъ, что самъ Пикассо никогда не теоретизировалъ, а творилъ по наитію. П. М.). Его изобрѣтенія, подкрѣпленныя здравымъ смысломъ Жоржа Braque, выставившаго въ 1908 г. кубистскую картину въ Salon des Indépendants, были формулированы въ этюдахъ Жана Metzinger, который выставилъ первый кубистскій портретъ въ Salon des Indépendants въ 1910 г. и добился у жюри доступа кубистскимъ картинамъ въ Осенній Салонъ того же года. Въ томъ же 1910 г. появились у Indépendants картины Робера Delaunay, Marie Laurencin, Le Fauconnier, принадлежавшія той же школѣ. Первая общая выставка кубизма была въ 1911 г. у Indépendants. Кромѣ названныхъ, тамъ были картины Альбера Gleizes и Фердинанда Léger». Тотъ же дружественный критикъ утверждалъ, что «кто понимаетъ Сезанна, тотъ уже предчувствуетъ кубизмъ», и смѣло проводилъ линію «реализма» отъ Курбе съ его «поверхностной реальностью», черезъ Сезанна съ его «глубокой реальностью», къ кубистамъ, для которыхъ «живопись не есть болѣе искусство подражать предмету помощью линій и красокъ, но способъ придавать нашему инстинкту пластическое осознаніе». Морисъ Рейналь, біографъ Пикассо, углубляетъ это объясненіе, заявляя, что реализмъ кубистовъ есть «высшій реализмъ», который «изъ собственнаго сердца художника точитъ живой источникъ красоты». Но это «не парафразы и не экзегезы» экспрессіонистовъ, а «твореніе», прибавляющее «новые предметы къ существующимъ». Пикассо хотѣлъ уловить «душу вѣчной

формы» вещей, вмѣсто того, чтобы «подражать природѣ, обманывая чувства». Это «безкорыстное» искусство имѣетъ цѣлью «воплощеніе возбужденія, испытываемаго независимо отъ вида предмета, которымъ оно вызвано».

Пикассо еще съ очень большими колебаніями отдѣлялъ картину отъ предмета. Въ первомъ періодѣ существованія (1908-1912) кубизмъ сохраняетъ связь съ предметностью. Картина еще носитъ названіе, расчитанное на угадываніе предмета, который скрытъ въ ней «среди нагроможденныхъ въ видимомъ безпорядкѣ геометрическихъ формъ» («Человѣкъ съ флейтой», пейзажъ, «гитара» и т. д.). Удерживается и пространственность изображенія, причемъ картина строится отъ задняго плана къ переднему, въ обратной перспективѣ, какую мы уже знаемъ изъ византійскихъ иконъ. Но композиція уже отсутствуетъ: ее замѣняетъ расположеніе предметовъ въ порядкѣ полнаго «равноправія». Предметъ показывается «всесторонне», въ разныхъ своихъ частяхъ и съ разныхъ сторонъ заразъ. Предполагается, что свое истинное мѣсто предметы занимаютъ внѣ рамы картины, въ «міровой системѣ», гдѣ они составляютъ «космическое единство». Эта черта и развивается во второмъ періодѣ т. наз. «научнаго» кубизма, строящаго вещи по ихъ «внутреннимъ законамъ». Предметныя заглавія остаются и тутъ, но они уже совершенно не стѣсняютъ художника, всецѣло оторвавшагося отъ реальности въ своихъ геометрическихъ построеніяхъ.

Поставленная такимъ образомъ задача кубизма, очевидно, была невыполнима въ предѣлахъ живописи. Тщетной попыткой «приближенія къ чистѣйшей реальности» въ картинѣ явилось употребленіе въ видѣ приставокъ къ полотну уже упомянутыхъ выше «настоящихъ» матеріаловъ. Пикассо пускаетъ въ ходъ для этого (въ 1912-14 гг.) обрывки бумаги, газеты, картона, металла, проволоки и т. д. Сознавая явную недостаточность, если не карикатурность, такого способа приближенія къ дѣйствительности, кубисты ищутъ контакта съ декоративной живописью и съ архитектурой. Отсюда — направленія «пуризма», строющаго картину, «какъ машину», и «конструктивизма», производящаго безцѣльныя и безполезныя постройки небывалыхъ «вещей». Съ этимъ направленіемъ мы еще встрѣтимся.

Чтобы исчерпать всѣ чудачества начала XX вѣка, намъ остается остановиться на футуристахъ, связь которыхъ съ кубистами засвидѣтельствована, помимо существа дѣла, названіемъ одного изъ ихъ теченій — «кубо-футуризма». Въ своихъ манифестахъ футуристы отвергали начисто все прошлое; но надо сказать, что помимо кубизма, освободившаго ихъ отъ всякаго подчиненія реальности, они опредѣленно возвращаются къ экспрессіонизму, который даетъ имъ

реальный матеріалъ для упражненій въ стилизаціи и деформаціи реальности. Связь обоихъ теченій лучше всего выразилась въ пониманіи *динамики* картины. Маринетти училъ, что «все движется, все быстро измѣняется», но въ то же время серіи измѣняющихся предметовъ оставляютъ ряды слѣдовъ на ретинѣ. Отсюда, напр., «бѣгущая лошадь имѣетъ не четыре ноги, а двадцать». По этому принципу футуристы изображали «Поѣздъ на полномъ ходу» и «Воспоминанія одной ночи» (Руссоло), «Улицу» (Боччони), «Трясущаго извощика» (Карра) и т. д. Зритель представлялся находящимся въ серединѣ картины и самъ переживалъ всѣ смѣняющіяся впечатлѣнія, изображенныя на картинѣ въ обрывкахъ паровоза, лица, дыма или разныхъ моментовъ весело проведенной ночи съ женщиной, — все это на одномъ холстѣ и въ полномъ безпорядкѣ. О пространствѣ, въ которомъ все это умѣщалось, футуристы имѣли собственное представленіе. «Наши тѣла входятъ въ диваны, на которыхъ мы сидимъ, автобусъ врѣзается въ дома, а дома падаютъ на автобусъ и сливаются съ нимъ». «Рисуя фигуру у балкона, мы не ограничиваемся тѣмъ, что видно изъ оконной рамы, но стараемся передать зрительныя впечатлѣнія человѣка на балконѣ: уличную сутолоку, два ряда домовъ, балконы съ цвѣтами» и т. д. Душевныя настроенія обозначаются линіями разной формы, прямыми, волнистыми, прыгающими, исчезающими и т. д. Это называется: «линіи-силы». «Портретъ не долженъ походить на модель». «Нарисовавши плечо или правое ухо, совершенно безполезно рисовать другое плечо или ухо». «Человѣческая печаль насъ интересуетъ такъ же, какъ печаль электрической лампы». И т. д.

Какъ видимъ, всѣ пути эмансипаціи отъ формы и отъ дѣйствительности были пройдены до логическаго конца. Прочными подобныя достиженія быть не могли, но они оставили по себѣ многочисленные и упорные слѣды. Тѣ, кто не хотѣлъ подчиниться модѣ, которая, въ концѣ концовъ, стала мѣняться отъ салона къ салону, стали возвращаться къ классицизму, къ романтизму, къ ренессансу и т. д. Но это не обезпечивало оригинальности стиля: получалось эпигонство и эклектика. Чѣмъ дальше, конечно, отъ центральнаго очага нововведеній, Парижа, тѣмъ болѣе всѣ эти вліянія переплетались между собой, давая происхожденіе новымъ варіантамъ. Тѣмъ болѣе, въ то же время, обнаруживалось самостоятельности и устойчивости въ мѣстныхъ традиціяхъ и настроеніяхъ, иногда существенно видоизмѣнявшихъ заимствованный источникъ и придававшихъ заимствованію разные національные оттѣнки. Въ общемъ можно сказать, что, по мѣрѣ продвиженія на востокъ, парижская блазированность уступала мѣсто наивной искренности, и разстояніе между искусственнымъ примитивиз-

момъ и фактической некультурностью уменьшалось. Можетъ быть, всего ярче это совпаденіе естественной примитивности съ очередной модой отразилось въ произведеніяхъ южно-славянскаго искусства. Въ меньшей степени, мы найдемъ то же самое и въ Россіи.

Русскимъ художникамъ не приходилось, конечно, заимствовать у импрессіонистовъ такія черты, какъ протестъ противъ академизма и проповѣдь неприкрашеннаго изображенія природы и быта, демократизмъ французской богемы и ея предпочтеніе къ сюжетамъ изъ жизни деревни и городскихъ кабачковъ. Даже ихъ техника, ихъ пленеризмъ, какъ мы знаемъ, не былъ совершенной новостью въ Россіи (см. стр. 517-518). Классицизмъ никогда не пріобрѣталъ у насъ такой исключительной силы, какъ на Западѣ; придворное покровительство искусству почти прекратилось съ упадкомъ культурнаго уровня представителей власти, начиная съ царствованія Николая I. Поэтому, новыя теченія не могли у насъ встрѣтить такого сопротивленія со стороны традиціи и не нуждались въ такихъ компромиссахъ со старыми, какъ на Западѣ. Конечно, вплоть до второй половины XIX вѣка Италія и Римъ оставались Меккой европейскихъ художниковъ, и русская академія продолжала, по иностранному образцу, посылать туда своихъ стипендіатовъ. Но уже и въ самой Италіи господство античной традиціи начало уступать мѣсто принесенному съ сѣвера романтизму. Если Брюлловъ, какъ мы видѣли, съумѣлъ пройти мимо этого рода вліяній, то Александръ Ивановъ запутался въ противорѣчіяхъ германскихъ бунтовщиковъ противъ академизма, выгнанныхъ изъ Вѣнской академіи и нашедшихъ себѣ пріютъ въ опустѣломъ монастырѣ св. Исидора на Монте Пинчо (они болѣе извѣстны подъ насмѣшливымъ названіемъ «назорейцевъ», — группы, возглавленной поклонникомъ христіанскаго искусства ранняго итальянскаго Возрожденія, первымъ прерафаэлитомъ, Овербекомъ). Далѣе нить зависимости русскаго искусства отъ европейскаго прерывается на «передвижникахъ». Русская живопись находитъ свой собственный національный путь возврата къ искренности и простотѣ, — въ то самое время, когда въ Парижѣ параллельное движеніе приводитъ къ реализму Коро, Курбе и Милле и къ импрессіонизму послѣдователей Эд. Мане. Такимъ образомъ, временный перерывъ связи съ заграницей не сопровождался перерывомъ въ развитіи русскаго искусства. Когда, въ концѣ XIX вѣка, эта связь возстановилась, русскіе художники имѣли передъ собой уже законченный циклъ европейскаго развитія, изъ котораго могли черпать по собственному выбору. Полными подражателями они во всякомъ случаѣ не стали. Ихъ привлекъ къ французскому импрессіонизму тотъ русскій протестъ противъ «литературщины» передвижниковъ и противъ

преобладанія сюжета надъ «живописью», съ которымъ мы уже знакомы. Въ импрессіонизмѣ они нашли то качество, которое сами импрессіонисты выставляли,какъ свою особенность: la bonne peinture, «хорошую живопись», — и, какъ наглядное доказательство этого преимущества, — новое употребленіе красокъ за счетъ формы и рисунка. Склонность къ яркому колориту — традиціонна въ Россіи, и открытія импрессіонистовъ упали на благодарную почву. Провозвѣстникомъ и проводникомъ этой стороны импрессіонистскихъ достиженій явился у насъ уже въ эпоху передвижниковъ, въ 80-хъ гг. Куинджи (р. 1842), крымчакъ, самостоятельно вывезшій эту новинку изъ Парижа и передавшій искусство красокъ своимъ ученикамъ, — Рериху и своему молодому земляку Константину Богаевскому, художнику «Киммерійскихъ» видѣній родины Айвазовскаго, Феодосіи и восточнаго Крыма. Самостоятельно-же и оригинально, не теряя своей русской самобытности, воспринялъ уроки колорита въ томъ же Парижѣ и первый русскій импрессіонистъ, Константинъ Коровинъ (р. 1861). Онъ же первый и показалъ парижанамъ плоды сближенія русскихъ съ новой живописью, примѣнивъ свой талантъ къ декорированію русскаго павильона на Парижской всемірной выставкѣ 1900 г. На той же выставкѣ «эпатировалъ» французовъ молодой русскій колористъ Малявинъ (р. 1869) разливаннымъ моремъ красной краски и ухарской русской гульбой въ своихъ «Бабахъ». Въ этой связи необходимо упомянуть еще объ одномъ замѣчательномъ русскомъ колористѣ Головинѣ (р. 1863), учившемся у передвижниковъ, но нашедшемъ свои краски послѣ поѣздокъ въ Италію и Испанію (1905-1907). Головинъ сотрудничалъ съ Коровинымъ при устройствѣ русскаго отдѣла все той же Парижской выставки 1900 г. и позднѣе. Неудачно сложившіяся обстоятельства жизни помѣшали ему посвятить себя станковой живописи, и онъ долгіе годы расточалъ богатства своей фантазіи и вкуса на декоративныхъ постановкахъ правительственныхъ театровъ. Новѣйшими теченіями импрессіонизма онъ не былъ затронутъ и, подобно своимъ сверстникамъ, примкнулъ къ «стилистамъ» «Міра Искусства» (слово «стилистъ» здѣсь, очевидно, слѣдуетъ понимать не въ смыслѣ «стилизаціи», быстро прогрессировавшей въ новѣйшихъ теченіяхъ, а въ смыслѣ ретроспективнаго воспроизведенія стилей прошлыхъ эпохъ. Впрочемъ, какъ замѣтилъ уже С. Маковскій, именно стильность этого рода не удавалась Головину, который рѣшалъ самыя разнообразныя декоративныя задачи по-своему).

Послѣдніе годы XIX в. были вообще годами болѣе близкаго ознакомленія выдающихся русскихъ художниковъ съ новѣйшими теченіями иностранной живописи. Не даромъ новое теченіе, поднявшее

знамя космополитизма въ искусствѣ, назвало себя «*Міромъ* Искусства». Міръ этотъ былъ теперь какъ бы вновь открытъ въ Россіи, и не только молодежь, но и зрѣлые, опредѣлившіеся художники черпали изъ его сокровищницы полными пригоршнями. При этомъ, естественно, предпочиталось то, что было наиболѣе ново и современно. Не только основоположники импрессіонизма, но и неоимпрессіонисты въ это время уже отходили въ исторію. На очереди было увлеченіе постъ-импрессіонистами, Сезанномъ, Ванъ Гогомъ, Гогеномъ. И тотъ процессъ, который въ Парижѣ потребовалъ полувѣка, у насъ былъ пройденъ, въ сокращенномъ порядкѣ, въ первое десятилѣтіе XX вѣка. При такой быстротѣ смѣны вліяній было неизбѣжно, что вліянія эти перемѣшались и оказывали свое дѣйствіе не въ логической послѣдовательности европейскаго развитія, а въ зависимости отъ индивидуальности того или другого художника. Нестеровъ, совершившій въ 1888 г. поѣздку за-границу, еще увлекается Фра-Анджелико, Мантеньей и Боттичелли, но уже переживаетъ и вліянія Пювиса де Шаванна. Рерихъ, ѣздившій въ Парижъ и Венецію въ 1900 г., привозитъ оттуда значительно посвѣтлѣвшія краски и разстается съ «неоакадемическими пріемами». А по поводу его поѣздки въ 1905 г. въ Италію, С. Маковскій замѣчаетъ («З. Руно»), что у него «угрюмыя чары сѣверныхъ красокъ разсѣялись... пастели дѣлаются яркими, лучистыми; синія тѣни дня ложатся на земныя травы... солнце погружаетъ землю въ трепеты синихъ тумановъ». Самъ Рерихъ, очень характерно, напоминаетъ публикѣ въ 1906 г. о «незамѣченномъ» германскомъ художникѣ Маресѣ, предсказываетъ «пересмотры» и многозначительно замѣчаетъ, что при этомъ «спрячутся нѣкоторые любимцы и выступятъ другіе — и съ большимъ правомъ». Самъ онъ уже превозноситъ Мареса надъ Беклинымъ.

То, что начали путешествія за-границу, закончили выставки, скоро принявшія международный характеръ. Въ 1898 г. Дягилевъ устраиваетъ свою первую выставку, въ слѣдующемъ 1899 г. онъ же организуетъ интернаціональную выставку, за которой слѣдуетъ въ 1900 г. первая выставка «Міра Искусства». Одновременно русскіе художники появляются на Парижской Всемірной выставкѣ. Въ 1906 г. открывается знаменитая «Выставка Русскаго Искусства» въ Осеннемъ Салонѣ, устроенная тѣмъ-же Дягилевымъ, и, почти одновременно, начинаются прославленные на весь міръ сезоны «Русскаго Балета» (см. ниже, стр. 559-563).

Что же внесъ въ русское искусство этотъ болѣе тѣсный контактъ съ заграницей? При первомъ же соприкосновеніи иностранцы почувствовали въ русскихъ художникахъ не только рабскихъ подражателей, а и выразителей чего-то своеобразнаго, неизвѣстнаго Запад-

ной Европѣ. Это неизвѣстное было воспринято, какъ экзотическое, — если угодно, «варварское», — но во всякомъ случаѣ, оригинальное и заслуживающее вниманія. Впрочемъ, не только вниманія: русскіе скоро вошли въ моду и сдѣлались предметомъ поклоненія, отчасти искренняго, отчасти снобистскаго.

Чтобы понять, что именно было внесено тутъ своего русскаго, намъ нужно остановиться прежде всего на переходной фигурѣ рано умершаго художника Борисова-Мусатова (1870-1905). Первыя впечатлѣнія западнаго искусства онъ пережилъ уже въ ранней молодости, благодаря открытому (1885) на его родинѣ, въ Саратовѣ, музею, гдѣ имѣлись картины Ватто, Фрагонара, Коро, Добиньи (пейзажистъ-импрессіонистъ), нѣсколькихъ голландцевъ, а изъ русскихъ Иванова, Нестерова, Левитана, Полѣнова, Рѣпина. Интересно отмѣтить, что черезъ тѣ-же впечатлѣнія прошли другіе саратовцы, — сверстники Мусатова, — Павелъ Кузнецовъ, Петровъ-Водкинъ, Уткинъ, Кравченко. Но рано проявляется и непокорность Мусатова ученіямъ школы. И въ московской школѣ ваянія и живописи, и у проф. Чистякова въ петербургской академіи — также, какъ потомъ въ Парижѣ у Кормона — Мусатовъ проявляетъ признаки строптивости. Онъ послушно учится техникѣ, особенно тому, чего ему не хватаетъ — и не будетъ хватать: рисунку. Но ему хочется «видѣть все по-своему». Рано у него появились специфически-мусатовскіе сизые и голубые тона. Неодобренный учителями, Мусатовъ искалъ поддержки у французскихъ импрессіонистовъ, выставленныхъ въ 1893 г. въ Историческомъ музеѣ, и увлекся картиной Бастіенъ-Лепажа (импрессіониста, послѣдователя Милле) въ Третьяковской галлереѣ. Сочувствовали ему и товарищи-художники, собиравшіеся богемной «коммуной» и вмѣстѣ съ нимъ мечтавшіе о Парижѣ. Изъ нихъ отмѣтимъ Шервашидзе, Бакала, Ульянова, Грищенко. Попавъ осенью 1895 г. въ Парижъ, вмѣстѣ съ Шервашидзе, Мусатовъ и тутъ шелъ своей дорогой. Онъ скрылъ отъ своего учителя Кормона свои красочныя предпочтенія и свои натюръ-морты — и искалъ своихъ любимцевъ въ картинныхъ галлереяхъ. Къ числу этихъ любимцевъ присоединился Пювисъ. Можно предполагать вліяніе на него Боннара и Вюйара. Но, вообще говоря, и послѣ трехлѣтняго (съ вакаціонными перерывами) пребыванія въ Парижѣ, Мусатовъ увезъ оттуда то, что привезъ — свою манеру, обогащенную лишь новой техникой и нѣсколько улучшеннымъ рисункомъ. Что же это была за манера?

Во французскую технику Мусатовъ вложилъ русскую душу. Это была душа чувствительная и нѣжная, непрочно державшаяся въ хиломъ тѣлѣ маленькаго горбуна и постоянно просившаяся куда-то въ невѣдомую высь. Когда П. Муратовъ замѣчаетъ, что русское искус-

ство, пережив приливъ западныхъ вліяній, съумѣло сохранить «душевность и внутреннюю глубину», «религіозныя исканія» и «чистый лиризмъ», то эта характеристика больше всего подходитъ къ Мусатову. Но важно отмѣтить, что это настроеніе русскаго живописца не было ни случайнымъ, ни одинокимъ. Оно совпало съ тѣмъ періодомъ въ развитіи новѣйшаго европейскаго искусства, который мы выше назвали періодомъ «экспрессіонизма» (стр. 541). Нужно также замѣтить, что настоящее мѣсто экспрессіонизму, періоду внутреннихъ настроеній, было не въ холодной и ясной Франціи, а скорѣе на туманномъ и сентиментально-романтическомъ сѣверѣ. Тщетно отыскивая французскіе источники прямого вліянія на Мусатова, мы гораздо легче найдемъ для его искусства сѣверныя параллели. Самый терминъ «экспрессіонизмъ» во Франціи означалъ только противоположность «импрессіонизму». Въ Германіи онъ сталъ означать цѣлое міровоззрѣніе. Быть экспрессіонистомъ значило тамъ: Seele malen — рисовать душу. Единственный постъ-импрессіонистъ во Франціи, стремившійся рисовать душу, Ванъ Гогъ, былъ не французомъ, а голландцемъ. Другой, близкій къ Мусатову по настроенію художникъ, норвежецъ Мюнхъ, привезъ изъ Парижа въ Германію, въ 90-хъ годахъ, вмѣстѣ съ техникой расплывающихся контуровъ французскаго экспрессіонизма, сѣверную мечтательную душу съ ея склонностью къ грусти. Преодолѣвъ импрессіонизмъ и нео-импрессіонизмъ, Мюнхъ вернулся отъ разложенія цвѣта на точки и мелкіе мазки къ сплошной окраскѣ и отъ яркаго солнца къ разсѣянному свѣту, гармонировавшему съ его внутренними настроеніями. Смерть, призраки, идутъ, въ его картинахъ объ руку съ усиливающейся стилизаціей и съ пренебреженіемъ къ отчетливому рисунку. То же находимъ у Мусатова.

«Въ произведеніяхъ Мусатова индивидуализмъ торжествуетъ свою наиболѣе рѣшительную побѣду», говоритъ сотрудникъ «Золотого Руна» Тароватый (1906, № 3), по поводу кончины художника. «Передъ его картинами забываешь вѣковѣчные догматы, протестующіе противъ столь рѣзкаго проявленія въ искусствѣ обособленнаго Я». Авторъ не предвидѣлъ, что на очереди стоятъ еще болѣе рѣзкія проявленія «индивидуализма» (въ Россіи еще не былъ извѣстенъ терминъ «экспрессіонизмъ», которымъ на Западѣ была обозначена эта ступень индивидуализма). Но онъ хорошо опредѣлилъ существо этого теченія. «Блѣдно-синіе и матово-спокойные тона, дрожащіе, неземные силуэты, прозрачные стебли мистическихъ цвѣтовъ... — на всемъ дымка несказаннаго, постигаемаго лишь смутнымъ предчувствіемъ». Въ литературѣ это соотвѣтствовало бы (съ нѣкоторой натяжкой) смѣнѣ декадентства символизмомъ.

Но есть у Мусатова и специфически-русская черта. Она заклю-

чается въ томъ, что урбанизмъ у него еще замѣняется поэтизаціей помѣщичьей усадьбы. Недаромъ въ юности онъ увлекся скромной и нѣжной «Деревенской Любовью» на картинѣ Бастьенъ-Лепажа. Его главный мотивъ: молодыя блѣдныя женщины, хрупкія и печальныя, въ старинныхъ, ставшихъ провинціальными костюмахъ, проходятъ — и «скоро исчезнутъ» въ вечернихъ сумеркахъ среди расцвѣченной холодомъ сѣверной листвы, захолустьевъ Саратова, Подольска или Тарусы. За день до смерти Мусатовъ подвелъ итогъ своему творчеству въ своемъ «Реквіемѣ», увѣковѣчившемъ память любимой женщины и лишь нѣсколькими днями предварившемъ аграрный разгромъ одной изъ его любимыхъ «Зубриловокъ»...

Какъ видимъ, Мусатовъ не былъ случайнымъ явленіемъ въ исторіи русской живописи. Онъ не былъ и одинокимъ. Вмѣстѣ съ нимъ въ томъ же духѣ экспрессіонизма писали — отчасти лично ему близкіе — художники, выступившіе передъ публикой на выставкахъ «Міра Искусства» и особенно 1907 г. (собственная выставка подъ затѣйливымъ названіемъ «Голубая Роза»). Тутъ объединились Павелъ Кузнецовъ, Миліоти, Сапуновъ, Уткинъ, Араповъ, Сарьянъ, Судейкинъ, Крымовъ. Значеніе выступленія «Голубой Розы» было тогда же подчеркнуто С. Маковскимъ, какъ сознательный протестъ противъ направленія «Міра Искусства». «Каждая новая группа художниковъ», писалъ онъ, «есть новая часовня (въ противоположность «храму»). Не оттого-ли, что храмъ превратился въ уличный базаръ?» «Картины, какъ молитвы... робкія, неумѣлыя, слишкомъ одинокія... Такъ далеко отъ будуарной элегантности выставокъ Дягилева... Еще недавно художники, группировавшіеся около «Міра Искусства» казались послѣднимъ словомъ русской живописи. Ихъ дерзости вызывали непримиримое отрицаніе старовѣровъ. Быть заодно съ ними — значило быть впереди. И вотъ, прошло нѣсколько лѣтъ... и уже слышится ихъ брюжжаніе на непокорныхъ новичковъ, явившихся на смѣну... Досадно уходить за кулисы исторіи! Но... всему свое время».

По существу Маковскій опредѣлилъ новое теченіе, какъ новое «чаяніе красоты». «Ихъ немного — 16 художниковъ. Почти всѣ — очень юны. У большинства индивидуальность еще не опредѣлилась... Влюбленные въ музыку цвѣта и линіи... (они) — возвѣстители того примитивизма, къ которому пришла современная живопись, ища возрожденія у самыхъ родниковъ... чтобы вернуть себѣ силу дѣтства для долгой жизни». Такая характеристика смѣшиваетъ раздѣленныя нами выше стадіи развитія новѣйшихъ теченій. Но это смѣшеніе естественно, такъ какъ въ Россіи они смѣнялись съ быстротой, при которой невозможно соблюсти строгую послѣдовательность. Не успѣлъ выявить себя неузнанный у насъ экспрессіонизмъ, какъ уже стуча-

лись въ двери дальнѣйшія стадіи, перебивая логическій порядокъ. Сама выставка «Голубой Розы» уже свидѣтельствуетъ объ этихъ вторженіяхъ. Наиболѣе типиченъ былъ тутъ, конечно, Павелъ Кузнецовъ; но и въ его живописи экспрессіонизмъ идетъ дальше мусатовскаго почина. Мечты Мусатова еще не отрываются отъ реальной почвы. У Кузнецова этотъ разрывъ уже произошелъ. Мы видимъ на его холстахъ блѣдныя грезы въ туманахъ, примитивныя и иконно склоненныя на бокъ лица, изображенія неродившихся душъ и неземныхъ созданій, — все это среди расплывающихся, прогрессирующихъ въ неясности контуровъ природы. Уткинъ тоже рисуетъ неясные сны на землѣ и миражи на небѣ, безформенныя туманности, упрощая при этомъ технику до крайняго предѣла. Судейкинъ подражаетъ Кузнецову, постепенно выявляя свою собственную манеру — кукольныхъ фигуръ, заимствованныхъ изъ міра Бенуа и Сомова, въ роскошномъ красочномъ окруженіи. Онъ щеголяетъ каскадами красокъ à la Врубель и Миліоти. Сарьянъ, молодой армянинъ изъ Нахичевани на Дону, даетъ смутныя очертанія восточныхъ пейзажей, — въ ожиданіи пока поѣздки въ Константинополь, Египетъ и Персію (1910-1913) наполнятъ эти смутные пейзажи болѣе конкретнымъ содержаніемъ. Въ его лицѣ постепенная экспрессіонистская деформація натуры находитъ новаго союзника — древнее искусство Средняго Востока. Черпая изъ вторыхъ рукъ, онъ самъ такъ передаетъ основные принципы своего художественнаго кредо. «Я сталъ искать болѣе прочныхъ, простыхъ формъ и красокъ для передачи живописнаго существа дѣйствительности. Въ общемъ, моя цѣль — простыми средствами, избѣгая всякой нагроможденности, достигнуть *наибольшей выразительности,* въ частности, избавиться отъ компромиссныхъ полутоновъ... Кромѣ того, моя цѣль — достигнуть первоосновъ реализма. Я говорю о той *силѣ выраженія,* которая есть во всѣхъ настоящихъ произведеніяхъ искусства съ древнихъ временъ и кончая нашими днями». Какъ и Мусатовъ, Сарьянъ рисуетъ темперой, вмѣсто масляныхъ красокъ, — и находитъ въ этомъ средство вернуться отъ раздѣльныхъ мазковъ «дивизіонистовъ» краски (какъ Сера) къ ровному покрытію сплошныхъ плоскостей матовыми тонами и къ выполненію завѣта Сезанна — рисовать контуры только помощью сочетанія красокъ.

Мы переходимъ теперь къ стадіи «потери послѣдней связи картины съ изображаемой вещественностью міра». С. Маковскій этими словами нѣсколько преждевременно характеризовалъ французскіе источники художества «Голубой Розы». На самомъ дѣлѣ и новые источники иные, чѣмъ нео- или пост-импрессіонизмъ, и представлено это теченіе иной группой художниковъ, нежели участники «Голубой

Розы». Правда, — все по тому же закону ускоренія русскихъ заимствованій, эти крайніе новаторы выступаютъ одновременно съ художниками «Голубой Розы» и ихъ появленіе слѣдуетъ на этотъ разъ уже немедленно послѣ появленія того же теченія на Западѣ. Вотъ, прежде всего, нѣсколько хронологическихъ датъ, которыя помогутъ намъ точно установить время и источникъ новаго заимствованія съ Запада (см. выше, стр. 543-545).

Два главныхъ представителя теченія, о которомъ идетъ рѣчь, М. Ларіоновъ и Н. Гончарова — сверстники (р. 1881). Они вмѣстѣ учились въ московскомъ училищѣ Живописи, Ваянія и Зодчества (послѣдніе годы XIX в. и первые годы XX в.), вмѣстѣ путешествовали на югѣ Россіи, вмѣстѣ выставляли и организовали выставки, вмѣстѣ подчинились одинаковымъ иностраннымъ вліяніямъ и вмѣстѣ обратились къ народнымъ русскимъ источникамъ примитивизма, о которыхъ будетъ идти рѣчь дальше. Смѣну иностранныхъ вліяній ихъ критики — очевидно, по ихъ же указаніямъ — одинаково опредѣлили слѣдующими датами:

1900-1905 импрессіонизмъ и сецессіонизмъ;
1906-1911 кубизмъ и примитивизмъ;
съ 1912 — футуризмъ и лучизмъ.

Сравнивая эти даты съ тѣмъ, что мы знаемъ о смѣнѣ направленій на Западѣ, мы видимъ, что русскіе новаторы догнали Западъ на второй стадіи, а на третьей даже пытались его перегнать. Вліяніе импрессіонизма въ 1903-5 гг. засвидѣтельствовано серіями картинъ Ларіонова, по сорока въ каждой, въ которыхъ онъ, подражая позднѣйшей манерѣ Клода Моне (см. выше стр. 539), изображаетъ «Розовые кусты» и «Углы сарая» при разныхъ освѣщеніяхъ въ разные часы дня и ночи. Побывавъ вмѣстѣ съ Гончаровой въ 1906 г. въ Парижѣ, въ качествѣ участниковъ знаменитой выставки Дягилева, Ларіоновъ въ слѣдующемъ же году настаиваетъ на устройствѣ «Золотымъ Руномъ» выставки французскихъ мастеровъ, а въ 1908 г. подбираетъ для повторенія этой выставки картины крайнихъ новаторовъ — Пикассо и Брака (также Ванъ-Донгена). На этомъ вторженіи кубизма вкусы сотрудниковъ «Золотого Руна» расходятся. Выставка «Вѣнка» («Стефаносъ») 1907 г. — послѣдняя, на которой старыя, новыя и новѣйшія теченія совмѣщаются: Бенуа и Коровинъ съ экспрессіонистами «Голубой Розы», какъ П. Кузнецовъ, Уткинъ и Судейкинъ и съ Гончаровой и Ларіоновымъ въ ихъ новой стадіи — кубизма. Въ № 6 «Золотого Руна» редакція объявляетъ, что «декадентство, являвшееся цѣльнымъ и художественно - законченнымъ міровоззрѣніемъ, уже пережито современнымъ сознаніемъ» и что «въ

связи съ новыми задачами будетъ нѣсколько измѣненъ составъ сотрудниковъ постепеннымъ привлеченіемъ ряда писателей, связанныхъ съ новыми молодыми исканіями въ искусствѣ». Дѣйствительно, изъ журнала выходятъ ближайшіе сотрудники «Вѣсовъ», символисты стараго и новаго поколѣнія, Брюсовъ, Мережковскій, Гиппіусъ, Бѣлый и др.; а изъ живописцевъ Кузнецовъ, «въ виду несоотвѣтствія журнала литературно-художественнымъ запросамъ современности». Въ № 1, 1908 г., Георгій Чулковъ объявляетъ «эпигоновъ декадентства», чернокнижниковъ-«маговъ» и «неохристіанъ» — устарѣвшими и усматриваетъ «кризисъ индивидуализма» въ новыхъ попыткахъ «разорвать кругъ индивидуальнаго опыта», во имя новаго «религіозно-общественнаго опыта». Это будущее ему еще неясно, но вчерашній день уже считается прошлымъ. Мы видимъ, какъ здѣсь литературныя теченія синхронически скрещиваются съ художественными. Теперь оказывается, что протестъ «Міра Искусства» противъ «литературщины» передвижниковъ былъ — тоже своего рода «литературой», и что она должна теперь уступить «литературѣ» новаго рода.

Въ перечнѣ вліяній перваго періода на искусство группы Гончаровой и Ларіонова, приведенномъ выше, упомянутъ, наряду съ импрессіонизмомъ, также и «сецессіонизмъ». Это упоминаніе — характерно. Здѣсь, очевидно, разумѣется германскій, преимущественно, мюнхенскій «Сецессіонъ», — притомъ, не въ своемъ первоначальномъ составѣ знаменитой тріады (Либерманъ, Коринтъ, Слефогтъ) и ея сторонниковъ, объединившихся въ мюнхенскій «Союзъ» въ 1893 году, послѣ международныхъ выставокъ 1879 и 1888 г. г., для пропаганды импрессіонизма въ Германіи. Этотъ составъ не сталъ своевременно извѣстенъ русскимъ художникамъ. На рубежѣ столѣтій, когда начались новыя русскія заимствованія, онъ былъ уже отодвинутъ въ прошлое *другимъ* составомъ сецессіона, объединившимся десять лѣтъ спустя, въ 1903 г., для протеста *противъ* импрессіонизма. Но и объ этомъ сдвигѣ навѣрное еще не знали въ Москвѣ. Московскія коллекціи Щукина и Морозова, великолѣпно составленныя для изученія французскихъ импрессіонистовъ и ихъ подражателей, ничего не давали изъ области нѣмецкаго искусства. «Міръ Искусства» остановился на реалистѣ Лейблѣ и его школѣ. Союзъ дрезденскихъ новаторовъ, объединившихся въ 1906г. въ группу die Brücke (Кирхнеръ, Геккель, Шмидтъ-Роттлуффъ, позднѣе Отто Мюллеръ, частью Нольде и Пехштейнъ), также прошелъ незамѣченнымъ. Вмѣстѣ съ этимъ пропущены были промежуточныя формы упрощенія природы и возвращенія отъ краски къ формѣ и контуру. Напротивъ, группа, объединившаяся въ 1912 г. въ Мюнхенѣ подъ названіемъ «Синяго Всадника» (Der blaue Reiter: Францъ Маркъ, Василій Кандин-

скій, Пауль Клее, Августъ Макке) уже привлекла вниманіе москвичей, — очевидно, при посредствѣ русскихъ ея участниковъ (Кандинскій, Веревкина). Ларіоновъ и Гончарова уже приглашены участвовать въ выставкѣ «Синяго Всадника» и должны были познакомиться тутъ съ крайними проявленіями разрыва живописи съ природой. Какъ увидимъ, они уже были къ этому готовы. Темпъ смѣны «послѣднихъ криковъ» въ искусствѣ къ этому времени сталъ положительно лихорадочнымъ. Москвичи, а за ними и петербуржцы всячески старались не отставать отъ Европы.

Уже въ декабрѣ 1910 г. и январѣ 1911 г. Ларіоновъ организовалъ въ домѣ Строгановскаго училища на Большой Дмитровкѣ выставку подъ названіемъ «Бубновый Валетъ» («я далъ такое названіе благодаря очень интересному сочетанію этихъ двухъ словъ и буквъ, которыя ихъ образуютъ», объяснялъ потомъ Ларіоновъ). Въ комитетъ выставки входили, кромѣ Ларіонова и Гончаровой, также художники болѣе умѣреннаго направленія, — Кончаловскій, Машковъ и Лентуловъ, и московскій купецъ Лобачевъ, давшій деньги на предпріятіе. Въ это время оба инициатора уже считали себя «кубистами», и рисунокъ ихъ въ достаточной степени упростился, чтобы отвѣчать этому названію. Скоро сотрудничество съ тремя упомянутыми художниками перестало удовлетворять ихъ. Когда въ слѣдующемъ году «Бубновый Валетъ» организовался въ постоянное общество, Ларіоновъ и Гончарова изъ него вышли на томъ основаніи, что всякое постоянное объединеніе есть уже стѣсненіе и своего рода возвращеніе къ «академизму». «Моя задача», объяснялъ Ларіоновъ, «не утверждать новое искусство, такъ какъ послѣ этого оно перестаетъ быть новымъ, а... дѣлать такъ, какъ дѣлаетъ сама жизнь: она ежесекундно рождаетъ новыхъ людей, создаетъ новый образъ жизни, и изъ этого безъ конца рождаются новыя возможности». Къ своимъ недавнимъ союзникамъ Ларіоновъ теперь относился уже съ крайнимъ презрѣніемъ. «Оставшаяся (въ «Бубновомъ Валетѣ») группа художниковъ», говорилъ онъ, «сдѣлала маркой карту, такую же тупую, какъ ихъ кисть и голова, и выдаетъ за новое искусство тотъ жалкій академизмъ, который выставляетъ подъ этой маркой». Самъ онъ устроилъ съ Гончаровой въ слѣдующемъ 1911-12 гг. выставку «Ослинаго хвоста» (намекъ на попытку противниковъ высмѣять «новое искусство», заставивъ осла запачкать своимъ хвостомъ подставленный ему холстъ и выдавъ это маранье, засвидѣтельствованное оффиціально, за картину). За «Ослинымъ хвостомъ» послѣдовала въ 1912-13 г. выставка «Мишени» — указаніе на то, что новаторы стали мишенью для общихъ нападокъ. Въ 1914 послѣдовала выставка безъ названія, подъ означеніемъ «№ 4». Въ томъ же году была устроена еще одна выстав-

ка «футуристовъ, лучистовъ и примитивовъ» и однодневная вторая «безименная» выставка. Плодовитые иниціаторы заполняли эти выставки, главнымъ образомъ, своими собственными произведеніями.

Столько энергіи и шума, естественно, вызвали подражанія, тѣмъ болѣе многочислепныя, что подражать примитивной манерѣ и упрощенному рисунку, а тѣмъ болѣе эманципированнымъ отъ предмета геометрическимъ построеніямъ было нетрудно и не требовало никакой спеціальной выучки. Въ Петербургѣ образовался «Союзъ Молодежи» изъ числа членовъ котораго надо упомянуть Давида Бурлюка и его братьевъ. Мы знаемъ (стр. 374-375), что въ это же время, въ зимніе сезоны 1911-13 гг. началась крикливая проповѣдь футуризма. Въ Петербургѣ и Москвѣ читался рядъ лекцій съ преніями на тему о новомъ искусствѣ. Одна изъ этихъ лекцій закончилась форменной потасовкой. Московскому ядру новаторовъ похвалы и подражанія, «опошливавшія» ихъ идеи, такъ же не нравились, какъ и критика. Это надо имѣть въ виду, знакомясь съ претенціозной декларацiей, съ которой Ларіоновъ и Гончарова выступили, вмѣстѣ съ другими 9-ю художниками, въ предисловіи къ каталогу «Мишени». Они заявляютъ здѣсь свое презрѣніе къ «художественной шелухѣ, льнущей, какъ мухи къ меду, къ новому искусству», не желаютъ никакихъ «художественныхъ обществъ, ведущихъ только къ застою», никакихъ лекцій о новомъ искусствѣ и вообще никакихъ «пошлыхъ счетовъ съ общественнымъ вкусомъ». «Мы не требуемъ общественнаго вниманія, но просимъ и отъ насъ его не требовать». «Намъ не нужна популяризація... довольно «Бубновыхъ валетовъ», прикрывающихъ этимъ названіемъ свое убогое искусство..., союзовъ старыхъ и молодыхъ». Словомъ, «мы не объявляемъ никакой борьбы, такъ какъ гдѣ же найти равнаго противника?». «Мы, лучисты и будущники, не желаемъ говорить ни о новомъ, ни о старомъ искусствѣ — и еще менѣе о современномъ западномъ». «Будущее за нами, мы, все равно, въ своемъ движеніи задавимъ и тѣхъ, кто подкапывается подъ насъ, и стоящихъ въ сторонѣ». Отрицая заразъ *все* прошлое, наши новаторы все уравниваютъ. Они «не разсматриваютъ искусство подъ угломъ времени» и объявляютъ «всѣ стили годными для выраженія ихъ творчества, прежде и сейчасъ существующіе, какъ то: кубизмъ, футуризмъ, орфизмъ и ихъ синтезъ лучизмъ, для котораго, какъ и жизнь, все прошлое искусство является объектомъ для наблюденія». Эта нѣсколько спутанная декларація эклектизма, не мѣшаетъ имъ признавать самого Матисса, ихъ учителя, «салоннымъ», объявлять борьбу Сезанну и Пикассо, считать даже кубистовъ и футуристовъ «современными романтиками и нео-романтиками».

Во имя чего же все это провозглашается? Вотъ положительная

сторона манифеста. «Искусство для жизни и еще больше — жизнь для искусства... Весь геніальный стиль нашихъ дней — наши брюки, пиджаки, обувь, трамваи, автомобили, аэропланы, желѣзныя дороги, грандіозные пароходы — такое очарованіе — такая великая эпоха, которой не было ничего равнаго во всей всемірной исторіи». Деревенская жительница Гончарова здѣсь формально присоединяется къ урбанизму и машинизму. Но дальше слѣдуетъ признаніе двухъ другихъ началъ, совсѣмъ не связанныхъ съ этимъ и ему противорѣчащихъ: «Да здравствуетъ прекрасный Востокъ. Мы объединяемся съ современными восточными художниками для совмѣстной работы». И «да здравствуетъ *національность*. Мы идемъ рука объ руку съ маляpами».

Мы сейчасъ вернемся къ этой другой сторонѣ художества Ларіонова и Гончаровой. Оно дѣйствительно двойственно: одновременно и космополитично и національно, усваиваетъ послѣднія европейскія новинки и ищетъ вдохновенія у примитивовъ Востока, «потому что на Западѣ цивилизація, а на Востокѣ культура, и мы русскіе къ этой культурѣ ближе, чѣмъ Западъ». Такъ повторяетъ послушно Гончарова аксіому славянофиловъ шпенглеріанцевъ — современныхъ ей евразійцевъ.

Но предварительно закончимъ линію Западнаго заимствованія. Мы видѣли, что едва Ларіоновъ успѣлъ стать кубистомъ, какъ кубизмъ осложнился на Западѣ футуризмомъ (стр. 544). То и другое привело обоихъ художниковъ къ ихъ серіи загадочныхъ рисунковъ, въ которыхъ среди хаоса линій нельзя угадать «Портрета дурака» и узнать «Кошекъ» или «Голову клоуна». Ларіоновъ нарисовалъ въ этомъ настроеніи свой циклъ упрощенныхъ Венеръ всѣхъ стилей: Венеру негритянскую, турецкую, испанскую, русскую, еврейскую и др. А Гончарова изобразила рядъ стилизованныхъ «художественныхъ возможностей по поводу павлина». Ларіоновъ при этомъ не удовлетворился простымъ подражаніемъ иностранцамъ. Хотя Гончарова и утверждала, что «геніальные творцы искусства не создавали теорій», онъ создалъ свою собственную теорію, которую назвалъ «Лучизмомъ». Кубизмъ, какъ мы знаемъ, хотѣлъ, въ противоположность плоскостной живописи импрессіонистовъ, «преодолѣть пространство», «организовать» его геометрическими построеніями. Футуризмъ прибавилъ къ этому организацію *движенія* въ пространствѣ. Но движеніе задѣвало проблему *времени* въ пространствѣ, и это увлекало мысль въ области, пограничныя между наукой и метафизикой. Отсюда вышли построеніе, вродѣ теоріи Кандинскаго (стр. 542). «Лучизмъ» Ларіонова пошелъ по этому проторенному пути. Ларіоновъ разсуждалъ: наука учитъ, что мы видимъ предметы при посредствѣ лучей, исходя-

щихъ отъ нихъ. Значитъ, мы, собственно, «предмета, какъ такового, нашимъ глазомъ не ощущаемъ», а «воспринимаемъ сумму лучей, идущихъ отъ источника свѣта, отраженныхъ отъ предмета и попавшихъ въ поле нашего зрѣнія». Живопись и должна изображать не видимые предметы, а «нѣкія формы, выдѣляемыя волей художника» и «возникающія отъ пересѣченія въ пространствѣ отраженныхъ лучей разныхъ предметовъ». На полученныхъ по этому рецепту картинахъ непосвященный зритель видитъ хаосъ пересѣкающихся линій, — отнюдь не могущихъ, конечно, изобразить «лучи», — и пучки лучей-линій, исходящіе въ видимомъ безпорядкѣ изъ нѣкоторыхъ точекъ пересѣченія этихъ линій. Нѣчто въ этомъ родѣ можно найти у Пауля Клее. Но Клее строитъ изъ линій предметы: фантастическіе міры растеній, животныхъ, зданій на цвѣтномъ полѣ. А у Ларіонова напрасно зритель сталъ бы ломать голову надъ «Лучистой колбасой и скумбріей», «Лучистой улицей», «Уличнымъ шумомъ», «Дамой за столикомъ» и т. д.

Эта сторона живописи Ларіонова и Гончаровой не могла не возбудить живѣйшей полемики. Впрочемъ, тема была скоро исчерпана. Негодованіе смѣнилось насмѣшкой, насмѣшка — равнодушіемъ*). Если, тѣмъ не менѣе, искусство обоихъ новаторовъ пережило эту полемику, то это благодаря той сторонѣ ихъ художества, на которую мы намекали выше. Дѣло въ томъ, что, разъ обратясь за образцами упрощенной живописи къ примитивамъ, оба художника вспомнили о естественномъ источникѣ русскаго примитива: о народномъ искусствѣ. Если Гогенъ могъ увлекаться искусствомъ негровъ и ацтековъ, если русскіе противники передвижниковъ искали примитивовъ въ древней иконописи, то отчего было не обратиться, совсѣмъ подъ бокомъ, къ формамъ простонароднаго искусства: къ русскимъ кружевамъ, игрушкамъ и дѣтскому рисунку, табакеркамъ, подносамъ (Гончарова) или къ вывѣскамъ провинціальныхъ маляровъ (Ларіоновъ). Это и значило — обратиться къ національности и къ Востоку. Увлеченіе этими источниками новаго искусства было, конечно, преувеличеннымъ; но нельзя отрицать, что оно дало обоимъ художникамъ массу свѣжихъ мотивовъ, особенно декоративныхъ, и дало возможность развернуть ихъ таланты колористовъ.

Это была какъ разъ та сторона русскаго искусства, которою оно уже успѣло прикоснуться къ западному, какъ, въ извѣстномъ смыслѣ, равноправное. Здѣсь отъ космополитизма подражателей новѣйшимъ французскимъ и германскимъ теченіямъ, русское искусство переходило къ народной стихіи. Одного этого не было достаточ-

*) Эту смѣну нетрудно прослѣдить по отзывамъ «Аполлона».

но, конечно, чтобы искусство сдѣлалось національнымъ. А. Грищенко тогда же далъ по этому поводу въ «Аполлонѣ» (1913, 6) отповѣдь художникамъ «Бубноваго Валета». «Кончаловскій, Машковъ, Ларіоновъ», писалъ онъ, «думаютъ передать національный духъ, изобразивъ на картинѣ грибы, воблу, лукошко, лубки, подносы, вывѣски, — предметы, выросшіе на русской почвѣ». Но «развѣ необходимо непремѣнно присутствіе русскаго предмета въ картинѣ, чтобы создать изъ нея національное произведеніе... Умѣстно вспомнить полемику между славянофилами и Бѣлинскимъ, между западниками и Шишковымъ. Говорить о русскихъ вещахъ — квасъ, лапти, водка, кнутъ, самоваръ, — не значитъ создавать русскія поэтическія произведенія... Развѣ «Скупой Рыцарь» Пушкина менѣе національнъ, чѣмъ его «Мѣдный Всадникъ»? И С. Маковскій, отмѣчая уже въ 1910 г. пророческія слова Бакста («пусть художникъ будетъ дерзокъ, несложенъ, грубъ, примитивенъ... Новое искусство не выноситъ утонченнаго — оно пресытилось имъ... Будущая живопись *сползетъ въ низины грубости),* возражаетъ, ссылаясь на Гончарова, Ларіонова, Лентулова, Бурлюковъ: «всѣ они, за очень рѣдкими исключеніями, расточаютъ свой даръ, какъ варвары. И разумѣется, это не то варварство, преддверіе новаго классицизма, которое возвѣщаетъ Бакстъ: оно только хочетъ имъ быть, оставаясь въ сущности тою же старой, домашней, отеческой некультурностью, какъ некультурность... передвижниковъ или академистовъ» (Аполлонъ, 1910, 7).

За границей, однако же, именно въ этомъ своемъ качествѣ — искусства, соприкасающагося съ простонароднымъ, — новое русское теченіе производило больше впечатлѣнія, чѣмъ всѣ подражанія иностраннымъ образцамъ. Здѣсь умѣстно остановиться подробнѣе на томъ экспортѣ этого искусства, который далъ всемірную славу «Русскому балету». Главнымъ организаторомъ этого экспорта явился С. Дягилевъ. Всѣ элементы его антрепризы были уже готовы. Самъ онъ послѣдовательно сталъ хозяиномъ въ тѣхъ трехъ областяхъ искусства, которыя потомъ соединилъ въ «Русскомъ балетѣ». Онъ началъ, какъ мы знаемъ, съ устройства картинныхъ выставокъ «Міра Искусства (стр. 548-563). Въ то же время, самъ немного музыкантъ, онъ вошелъ въ связь съ новымъ поколѣніемъ русскихъ композиторовъ (см. слѣд. главу). Наконецъ, по своей недолгой службѣ въ дирекціи императорскихъ театровъ, онъ близко познакомился съ русскимъ классическимъ балетомъ — и долженъ былъ покинуть службу изъ за разногласій съ начальствомъ по поводу постановки балета въ «Сильвіи» Делиба. Въ 1906 г. Дягилевъ вывезъ въ Парижъ русскую живопись; въ 1907 г. онъ познакомилъ парижанъ съ русской музыкой («Историческіе» концерты), а съ 1909 г. началъ единственную въ

своемъ родѣ феерію «Русскаго Балета», развертывавшуюся втеченіи 20-ти лѣтъ, до самой смерти Дягилева (1929), — если не всегда отъ успѣха къ успѣху, то во всякомъ случаѣ, отъ сенсаціи къ сенсаціи. Съ чутьемъ геніальнаго импрезаріо, Дягилевъ понялъ, что именно форма балета наиболѣе пригодна для популяризаціи его предпріятія среди иностранцевъ... Но его личной заслугой остается умѣнье связать въ одинъ букетъ, поразившій иностранцевъ своей свѣжестью, цвѣтистостью и внутренней силой, всѣ три отрасли искусства: русскую декоративную живопись, русскую хореографію и русскую музыку. Не останавливаясь на первомъ полученномъ успѣхѣ, Дягилевъ втеченіе четверти вѣка продолжалъ вызывать новыя и новыя иниціативы, привлекая къ своимъ постановкамъ послѣдніе крики, приспособляя ихъ себѣ, какъ онъ приспособилъ Пикассо, — къ недоумѣнію и негодованію поклонниковъ его кубизма.

Основное впечатлѣніе «Русскаго Балета», поразившее иностранцевъ и сразу, безъ борьбы, завоевавшее ихъ признаніе, — это впечатлѣніе чего-то невиданнаго, чего-то переносившаго зрителей изъ міра обыденности въ міръ волшебной сказки, — впечатлѣніе экзотики. Оно именно и создано особенной близостью данныхъ теченій русскаго искусства къ народной стихіи — близостью, которая, конечно, связана съ особыми условіями русской культуры. Близость эта объясняется не только преходящей модой, но и живучестью народной стихіи въ Россіи. Когда Марсель Прево попробовалъ объяснить неподражаемость русской хореографіи тѣмъ, что для совершенства балета нужна монархія, ибо балетъ есть «необходимый аксессуаръ аристократическаго образа правленія, своего рода придворный штабъ, существующій для плезира короля», то Тугендхольдъ совершенно основательно отвѣтилъ ему (Аполлонъ, 1910, 10), что, хотя таково было, несомнѣнно, *историческое* происхожденіе русскаго балета, но не таковы его новѣйшія достиженія. Онѣ объясняются, главнымъ образомъ, приближеніемъ танца къ народной пляскѣ, къ «той «плясовой традиціи», которая еще жива въ русскомъ народѣ». Столь же безспорно значеніе народной пѣсни и ритма для новой музыки (см. ниже) и присутствіе народныхъ яркихъ («чистыхъ») красокъ въ декораціяхъ и костюмахъ русскихъ колористовъ. Къ этому надо прибавить еще элементъ иконописнаго архаизма, сказавшійся въ стилизаціяхъ Билибина, и очень значительный элементъ Востока, проникшій и въ танцы, и въ декораціи, и въ музыку, и въ костюмы. Важны, наконецъ, и отмѣченные Тугендхольдомъ элементы «хоровой» дисциплины въ движеніяхъ статистовъ и танцоровъ и «правда въ движеніяхъ», соотвѣтственно «правдѣ въ звукахъ», создающая впечатлѣніе непосредственности и искренности. Самыя темы поста-

новокъ Дягилева въ значительной степени были взяты изъ народныхъ или восточныхъ сказаній, что и дало возможность широко развернуться всѣмъ указаннымъ чертамъ.

Благодаря этой полнотѣ и связности комплекса, выявившаго особенности неизвѣстной европейцамъ культуры, показанной притомъ съ ея примитивной стороны, впечатлѣніе за-границей получилось заразъ и сильное, и двойственное. Послѣ первоначальнаго единодушнаго восторга, раздались, — по мѣрѣ того, какъ «русскій сезонъ» входилъ въ обычный распорядокъ парижской зимы, — и несогласные голоса. Помимо національнаго недовольства, вызваннаго русскимъ «засильемъ», тутъ было и несозвучіе «душъ». Это несозвучіе особенно проявлялось почти всякій разъ, когда Дягилевъ пытался пополнять свой репертуаръ постановками, заимствованными изъ западныхъ сюжетовъ и музыки: Шопена, Шумана, Дебюсси. По поводу постановки L' après-midi d'un Faune композиторъ Лало писалъ напримѣръ: «Русскіе дали намъ много великолѣпныхъ картинъ и полезныхъ уроковъ, но они способствуютъ вырожденію нашего вкуса своей любовью къ пышному и блестящему зрѣлищу, интересъ котораго ограничивается легкимъ и непосредственнымъ наслажденіемъ глаза. Это — подлинное варварство подъ ложной личиной утонченнаго искусства.La marque des barbares est sur eux» (1912). Французы были поражены также тѣмъ вниманіемъ, которое было удѣлено въ «Балетѣ» декораціямъ: яркая красочность палитры русскихъ колористовъ, изысканная сладострастность костюмовъ Бакста, предназначенныхъ скорѣе для картины, чѣмъ для портного, красочный разгулъ Судейкина, стилизаціи Билибина, лубки Гончаровой, геометрическія построенія Ларіонова, — все это съ большой дозой азіатчины и примитивизма, — эти «фонтаны цвѣтовъ» и «праздники красокъ», хотя и подсказанные намъ самими же французами, слишкомъ выдвигались впередъ, сравнительно съ полинялыми выцвѣтшими красками тогдашней моды и съ намѣренно-сдержанными, не разсчитанными на крѣпкіе нервы постановками тогдашняго театра, съ его небрежнымъ отношеніемъ къ декоративной части и полнымъ отсутствіемъ единства между декораціей, костюмами и музыкой.

Необходимо подчеркнуть здѣсь, что безспорное впечатлѣніе, произведенное «Русскимъ Балетомъ» и относится къ его *русской* части, которая преобладала въ первое пятилѣтіе, до начала войны. Почти всѣ художественные рессурсы балета за эти годы были заимствованы изъ русскихъ театровъ и изъ круга художниковъ, объединенныхъ «Міромъ Искусства». Но этого рода успѣхъ былъ скоро исчерпанъ. Повторныя постановки старыхъ балетовъ уже не производили прежняго оглушающаго впечатлѣнія. Надо было идти дальше,

вмѣстѣ съ вѣкомъ, а это значило — европеизироваться, перенести на сцену художественныя новинки Монмартра и Монпарнасса, — а вмѣстѣ съ новинками и бурные споры парижскихъ художественныхъ кружковъ. Мы знаемъ готовность Дягилева идти навстрѣчу новизнѣ (ср. стр. 534). И отъ принятаго иностранцами на вѣру, какъ русскаго національнаго, экзотическаго, Дягилевъ смѣло перешелъ, рискуя неудачами, къ новѣйшимъ «крикамъ», вызывавшимъ восторгъ немногихъ цѣнителей — и сопротивленіе широкой публики. Бенуа и Бакста постепенно смѣняютъ тутъ Гончарова и Ларіоновъ, Бородина и Римскаго-Корсакова — Стравинскій и Прокофьевъ, а Фокина, Нижинскаго и танцовщицъ императорскихъ театровъ, Анну Павлову и Карсавину, — прошедшіе школу Дягилева Мясинъ, Нижинская, Лифарь. Параллельно выдвигаются и корифеи европейскаго современнаго искусства: Дебюсси, Равель, Флоранъ Шмидтъ и Эрикъ Сати замѣняютъ Шопена и Шумана; Пикассо, Матиссъ, Бракъ, Деренъ, Гри, Мари Лоренсенъ, Утрилло — русскихъ декораторовъ. Только балетъ оказывается незамѣнимымъ. Это фактическое общеніе русскихъ художниковъ съ иностранными немало содѣйствуетъ и дальнѣйшему движенію въ русскомъ искусствѣ. Надо только прибавить, что второй и наиболѣе длительный періодъ «Русскаго балета», начавшись въ 1914 г. съ вызвавшаго первый скандалъ «Парада» Пикассо и Сати, захватываетъ, главнымъ образомъ, послѣвоенный періодъ, когда Россія была уже отрѣзана отъ остального свѣта.

Каково же впечатлѣніе иностранцевъ отъ этого періода «Русскаго Балета»? Невольное признаніе внѣшняго, экзотическаго, чужого, смѣняется здѣсь внутренней борьбой съ собственными новаторскими тенденціями. Но эта борьба только усиливаетъ подозрительность къ источнику новѣйшаго «варварства»: къ русскимъ, продолжающимъ показывать — и даже усиливающимъ — тѣ элементы искусства, которые создавали впечатлѣніе экзотики и въ болѣе умѣренныхъ произведеніяхъ міроискусниковъ. За кубизированными «менаджерами» Пикассо въ «Правдѣ» идутъ «шуты» и футуризированные звѣри Ларіонова. Феерическія краски Судейкина принимаютъ характеръ красочныхъ пятенъ народнаго лубка въ рукахъ Гончаровой. Впечатлѣніе иностранцевъ понятно. Дягилевъ уже не рѣшается возобновлять ни одного изъ этого рода балетовъ. А у критиковъ это искусство, «эпатировавшее» вначалѣ, и возбуждавшее любопытство, «начинаетъ вызывать безпокойство и даже нѣкоторое раздраженіе», какъ признался Арсенъ Александръ въ своемъ предисловіи къ каталогу выставки «Міра Искусства» 1921 г. «Мы думали», писалъ онъ, «что поняли русское искусство (послѣ выставки 1906 г.). Но теперь, въ 1921 г.... было бы черезчуръ неосмот-

рительно сказать: я понимаю... Новѣйшія тенденціи... то предаются бурному порыву, ритмъ котораго отъ насъ ускользаетъ, то сочетаютъ неумолимый реализмъ съ упорной тщательностью примитивовъ въ деталяхъ. Почти у всѣхъ царятъ или конфликтъ, или гармонія между традиціей и новаторствомъ, которые у насъ неодинаковы съ ними. Поэтому, какъ бы ни была велика ихъ привлекательность для насъ, у насъ съ ними не можетъ установиться полнаго согласія въ пониманіи и въ эмоціяхъ. Какъ транспонировать на нашъ мозговой строй ментальность другихъ расъ?.. Вліяніе русскихъ картинъ, какъ галлюцинирующихъ, такъ и элегантныхъ и тонкихъ, окончательно разрушило бы то немногое, что мы сберегли отъ нашего національнаго генія. Вотъ почему я заразъ и восхищаюсь этими внезапными откровеніями, и настораживаюсь противъ нихъ».

Смерть Дягилева (1929) внесла ноту примиренія въ эти настроенія, — но примиренія съ чѣмъ-то, что закончилось навсегда и больше не повторится. На этомъ настаиваетъ большинство авторовъ въ поминальномъ номерѣ Revue Musicale. «La superbe folie», le bonheur de l'étrangeté», — «peut-être faut-il que la beauté meurt», говоритъ поэтесса, графиня де Ноайль. «La magie charmante est finie», повторяетъ E. Henriot. «La belle légende», озаглавливаетъ свою статью и А. Бенуа. «Il n'était plus sur de sa route», поясняетъ Роберъ Брюссель. И т. д. Не забудемъ, что эти отзывы, за исключеніемъ послѣдняго, относятся къ первому, довоенному періоду «Балета». Это — та эпоха, которая создала для прикладного искусства и для модныхъ магазиновъ «стиль русскаго балета». Та, когда «Балетъ» оказалъ, по словамъ Мориса Брійанъ, «немедленное и глубокое дѣйствіе», «но столь же эфемерное, какъ его былая сила. Эпоха вполнѣ законченная (но не ея вліяніе...) и представляющаяся намъ такой отдаленной»... «Читатель будетъ удивленъ соединеніемъ столькихъ похвалъ со столькими оговорками», резюмируетъ заключительная глава. Но похвалы относятся къ прошлому, — къ впечатлѣніямъ «дней юности», къ «законченной эпохѣ». Оговорки касаются преимущественно позднѣйшаго періода, когда, по выраженію Брюсселя, Дягилевъ, «бывшій прежде ясновидящимъ, подвигался впередъ съ жестами слѣпого». Такова была и сама эпоха, — и именно поэтому Дягилевъ является такимъ характернымъ ея выразителемъ.

Эти замѣчанія о «законченности» эпохи «Русскихъ Балетовъ» послужатъ намъ переходомъ отъ исторіи русскаго искусства къ его современному положенію. Лихорадочный ритмъ смѣны послѣднихъ направленій и ихъ радикализмъ дезориентировали не однихъ только иностранцевъ. У насъ эта послѣдовательность смѣнъ не имѣла и той

внутренней закономѣрности, которую мы могли отмѣтить выше относительно Запада и которая тамъ помогала до нѣкоторой степени, если не примириться съ ними, то, по крайней мѣрѣ, понимать ихъ. Догоняя Западъ, мы сосредоточили эту смѣну на гораздо болѣе краткомъ промежуткѣ времени и усложнили ее собственными экстравагантностями. Первымъ послѣдствіемъ этого было то, что смѣнявшія другъ друга увлеченія не успѣвали упрочиться и гораздо быстрѣе исчерпывали себя въ Россіи, чѣмъ на Западѣ. Другимъ послѣдствіемъ оказалось то, что, по сравненію со смѣлостью новаторовъ, всѣ прежнія теченія и старыя, и новыя, и новѣйшія, почувствовали себя гораздо ближе другъ къ другу, чѣмъ это казалось ихъ представителямъ въ свое время, при каждой очередной борьбѣ «дѣтей» противъ «отцовъ». Какой смыслъ былъ теперь нападать на передвижниковъ, когда Рѣпинъ и Бенуа представлялись одинаково устарѣвшими? Отсюда и признаніе Ларіонова съ Гончаровой, что, въ сущности, они могутъ для своей манеры пользоваться всѣми стилями и что развитіе искусства во времени — несущественно. Отсюда и ихъ нежеланіе связать себя съ какимъ либо опредѣленнымъ моментомъ въ вихрѣ перемѣнъ. Отсюда, наконецъ, совмѣстная дѣятельность художниковъ разныхъ поколѣній, когда то столь непримиримыхъ другъ съ другомъ, въ періодъ «Русскаго Балета», подъ объединяющей диктатурой Дягилева.

Мы видѣли, что на Западѣ ощущеніе законченности привело къ возврату художниковъ къ старымъ направленіямъ. То же самое явленіе повторилось и у насъ. В. Чудовскій уже въ Аполлонѣ 1913 г. (№ 6) утверждалъ, что даже и футуристы имѣютъ за собой двухсотлѣтнюю давность, а «между живописью передвижниковъ и «Бубноваго Валета» (разумѣлся правый флангъ «Б. В.») нѣтъ коренного, глубокаго различія». Тамъ же Вс. Дмитріевъ находилъ, что «если эстетство есть *заключительная* фаза борьбы за національную художественную традицію, то передвижничество имѣетъ столь же важное значеніе, какъ *болѣе ранняя* стадія той же бор:бы». Онъ рѣшался даже сопоставлять Сомова, по «исторической значительности», съ Перовымъ (№ 9)! Онъ же призналъ въ 1914 г. (Аполлонъ, № 10), что явственно обозначались въ русскомъ художествѣ два влеченія ретроспективнаго характера: «возвратъ и поиски на путяхъ академизма (нео-академизма)» и еще болѣе далекіе поиски «въ образцахъ византійскаго и въ особенности древне-русскаго творчества». На съѣздѣ художниковъ по поводу выставки столѣтія французскаго искусства С. Бобровъ еще въ 1912 г. заявилъ, что русскій «пуризмъ», «преодолѣвъ французское вліяніе, возвращается къ лубку и иконѣ». Подъ этими разнообразными впечатлѣніями дѣлались попытки реабилита-

ціи Брюллова, устраивались выставки лубка и иконъ, открылась въ Петербургѣ (1911) Школа народнаго искусства. Вмѣстѣ съ тѣмъ явилась возможность для художниковъ освободиться отъ очередной моды и, не взирая на ежегодно мѣняющіеся лозунги и «послѣдніе крики», — «писать отъ себя», т. е. сохраняя свою индивидуальность. Разнообразіе получившихся отсюда результатовъ не могло не удивить французскаго критика, мнѣніе котораго мы приводили.

Менѣе всего оправдались, при этомъ, тѣ прогнозы, которые упорно предсказывали расцвѣтъ религіозной живописи. Дальше стилизаціи и архаизаціи тутъ дѣло не пошло. Иногда, какъ у Стеллецкаго, эта архаизація превращалась даже почти въ рабское копированіе. Болѣе солидная почва оказалась у «интимнаго пейзажа», соединившаго вѣрность реализму съ передачей субъективнаго настроенія. Такова живопись Кустодіева, съ его деревенскими трактирами и провинціальными закоулками, и Лаховскаго съ его живописными уголками Петербурга, Пскова и т. д. Болѣе понятно для иностранцевъ было теченіе, отмѣченное Арсенъ Александромъ: возвращеніе къ тщательному выписыванію реалистическихъ деталей, напоминающее искусство Ванъ-Эйка. Таковы работы А. Яковлева и Шухаева. Плодовитый Яковлевъ подарилъ иностранцевъ серіями реалистически трактованныхъ картинъ съ Дальняго Востока, изъ поѣздки съ Ситроеномъ черезъ центральную Африку и изъ французской дѣйствительности. Реализмъ этихъ картинъ болѣе напоминаетъ старое русское передвижничество, чѣмъ экзотизмъ Гогена. Замѣчаемый въ послѣднее время у Яковлева переходъ отъ виртуознаго рисунка къ моделировкѣ при помощи красокъ едва-ли можетъ значительно измѣнить это общее сужденіе. Конечно, возвращеніе къ реализму не исключаетъ пользованія новѣйшими достиженіями искусства со времени импрессіонистовъ.

Отдѣльно стоятъ художники, которые пытались соединить реализмъ съ самымъ смѣлымъ новаторствомъ. Образчикомъ такого сложнаго стиля живописи можетъ служить творчество Бориса Григорьева. Текущій моментъ въ русской жизни какъ разъ предоставилъ ему для его цѣли исключительно благопріятный матеріалъ. Опростившаяся до послѣдней возможности, эта жизнь сама давала сюжеты, которымъ позавидовалъ бы Ванъ Гогъ. Отклоненія отъ нормальнаго здѣсь стали правиломъ; животная сторона жизни выдвинулась на первый планъ въ поискахъ удовлетворенія элементарныхъ потребностей. Тупая животность отразилась и на выраженіи лицъ низшихъ классовъ населенія. Реальность приблизилась, такимъ образомъ, къ стилизаціи и каррикатурѣ. Отсюда черпалъ Григорьевъ типы для своей «Рассѣи», и пейзажи съ необработанной землей, покрытой желтой

охрой глины и лесса. Домашнія животныя смотрятъ на зрителя съ этихъ ужасныхъ, неумолимо-реалистичныхъ полотенъ громадными, сознательными глазами людей, а люди принижены до безсмыслія животныхъ. Сравнивая этюды Григорьева съ его картинами, можно видѣть, какъ, подражая Ванъ Гогу, онъ окончательно деформировалъ на картинѣ то, что уже было деформировано въ этюдѣ. Его картина въ Салонѣ 1930 г. (1920-1930) показываетъ, что онъ остался вѣренъ этой своей манерѣ, хотя и прошло десятилѣтіе съ того времени, какъ онъ покинулъ «Рассѣю» и хотя рядомъ съ русскими типами эпохи безвременья появились трактованные въ томъ же стилѣ типы, живущіе подъ «властью» бретонской «земли». Правда, Григорьевъ нѣсколько смягчилъ свою кубистическую стилистику для портретовъ, черезчуръ сильно страдавшихъ вначалѣ отъ дѣленія лица на плоскости и отъ подчеркиванія всего некрасиваго и неправильнаго. Манеру Григорьева, конечно, нельзя объяснять его незнаніемъ или неумѣніемъ рисовать. Напротивъ, онъ является мастеромъ линіи, напоминающимъ Домье. Его изображенія нѣсколькими штрихами, однимъ росчеркомъ мастерски проведенной линіи, довольно сложныхъ деревенскихъ и городскихъ мотивовъ, останутся однимъ изъ лучшихъ достиженій этого рода. Линія и форма въ противоположность краскѣ импрессіонистовъ, конструктивизмъ и натурализмъ въ противоположность туманностямъ и спиритуализму экспрессіонистовъ, таковы уроки, вынесенные Григорьевымъ изъ Парижа. Но къ нимъ онъ прибавилъ собственное глубокое знаніе изнанки народной русской жизни и свой собственный «варварскій» стиль, который нельзя не узнать.

Параллельное явленіе Григорьеву представляетъ его сверстникъ (р. 1887) Маркъ Шагалъ. Оба художника принесли въ Парижъ изъ Россіи собственныя впечатлѣнія русскаго захолустья: Шагалъ вынесъ изъ своего Витебска и своего Лесна такія-же красочныя впечатлѣнія, какъ Григорьевъ изъ русской деревни. Оба прошли обязательную школу парижскаго кубизма — и добросовѣстно восприняли его уроки. Но оба постепенно освободились отъ его мертвой ограниченности, вернувшись къ слишкомъ реальному матеріалу впечатлѣній юности. Оба заполняютъ свои полотна этой, хорошо имъ извѣстной обыденной жизнью русскихъ низовъ и еврейскаго гетто. Въ патріархальной обстановкѣ этой среды люди живутъ на одномъ уровнѣ съ домашними животными. Но Шагалъ пошелъ еще дальше Григорьева въ освобожденіи отъ всѣхъ законовъ реальныхъ явленій. Его фигуры летаютъ по воздуху и стоятъ вверхъ ногами; головы отдѣлены отъ туловища, позы противорѣчатъ всѣмъ законамъ равновѣсія, дома кривятся и косятся, какъ живыя существа; люди — больше домовъ,

перспектива отсутствуетъ. Любопытно, однако, что при всей смѣлости Шагала, отдѣльные элементы его композицій менѣе деформированы и болѣе реальны, чѣмъ у Григорьева: смѣсь реальности съ фикціей — его характерная черта. Притомъ же, Шагалъ любитъ свою домашнюю прозу и его любовь переходитъ въ лиризмъ. Напротивъ, Григорьевъ враждебенъ средѣ, и его вражда переходитъ въ ненависть. Поэтому, Григорьевъ грозно обличаетъ, тогда какъ Шагалъ только любовно посмѣивается надъ своими героями. Вмѣсто сатиры и каррикатуры русскаго художника, еврейскій художникъ даетъ зрителю небывалый сказочный міръ, переданный наивнымъ дѣтскимъ рисункомъ — и тѣмъ болѣе убѣдительный. Одинъ критикъ указывалъ на источникъ этой любви и этой мистики — въ хасидизмѣ еврейской религіозной семьи. Оба художника произвели на парижскую публику впечатлѣніе интереснаго «варварства», какое мы видѣли и относительно русскаго балета. Но Шагалъ, помимо перваго оглушенія иностранцевъ и послѣдующаго снобизма любителей, взялъ еще у заграничной публики своей искренностью и своей фактурой, — своей роскошью красокъ (онъ былъ ученикомъ Бакста). Не сравнивая таланта обоихъ художниковъ, который, конечно, у каждаго — свой, мы сопоставили ихъ здѣсь, главнымъ образомъ, для выдѣленія тѣхъ *общихъ* чертъ, которыя характеризуютъ время ихъ выступленія. Это — время разрушенія зашедшихъ въ тупикъ крайнихъ доктринъ, время новыхъ исканій, гдѣ каждый талантъ, освобожденный отъ обязательной доктрины, ищетъ собственнаго пути. Этимъ объясняется и нѣкоторое смягченіе стиля обоихъ художниковъ, — ихъ постепенный переходъ съ созданнаго ими неба (или ада) на твердую землю, по которой не стыдятся ходить всѣ смертные.

Перечисляя всѣ упомянутыя современныя теченія, мы уже перешли грань переворота, отдѣлившаго Россію отъ эмиграціи. Эволюція этихъ теченій на свободѣ только и могла, конечно, совершаться въ эмиграціи. Но мы уже знаемъ, что культурная жизнь не замерла и въ совѣтской Россіи. Посмотримъ теперь, что произошло съ изобразительными искусствами при господствѣ большевиковъ.

Судьба изобразительныхъ искусствъ при совѣтскомъ режимѣ во многомъ сходна съ судьбой литературы, а отчасти даже сливается съ нею. Какъ тамъ, такъ и здѣсь сперва идетъ крутой разрывъ стараго съ новымъ, — разрывъ обоюдный. На авансцену, одновременно съ ликвидаціей прошлаго, выступаютъ самыя крайнія направленія, самые «послѣдніе крики» въ искусствѣ. Подобно «послѣднимъ крикамъ» въ литературѣ, они предъявляютъ претензіи на исключительное представительство специфической революціонности — и основываютъ на этомъ свои права — получить долю выгодъ отъ

близости къ власти. Какъ тамъ, такъ и здѣсь — эти претензіи скоро расшифровываются и оказываются — въ значительной степени — дутыми. При нэпѣ выплываютъ изъ подъ спуда остатки старыхъ теченій, пробиваются новые ростки, создаются, при относительной свободѣ, новыя комбинаціи стараго и новаго, формулируются новые компромиссы. И, наконецъ, въ послѣдніе годы, овладѣвшая положеніемъ власть тамъ и здѣсь налагаетъ свою централизующую руку, грозя обезплодить своими мертвящими тенденціями всю эту новую поросль, замѣнить живое вдохновеніе казеннымъ штампомъ «соціальнаго заказа».

Итакъ, прежде всего, мы присутствуемъ при «исходѣ» старыхъ теченій. Самые видные и сильные художники, представляющіе эти теченія, эмигрируютъ. Эмигрируютъ Малявинъ, Коровинъ, Билибинъ, Судейкинъ, Соринъ, Лаховскій, Яковлевъ, Шухаевъ, Григорьевъ, Сомовъ, Добужинскій, А. Бенуа, Гончарова, Ларіоновъ; гастролируетъ и пускается въ экзотику Рерихъ, остается жить въ Финляндіи Рѣпинъ. Другіе умолкаютъ, оставаясь въ предѣлахъ Россіи. Среди наступившаго, такимъ образомъ, вынужденнаго молчанія, торжествующіе крики футуристовъ въ искусствѣ художественнаго «Лефа», формально связаннаго съ литературнымъ, раздаются тѣмъ громче и назойливѣе. Всевозможные художественные — измы, извѣстные намъ изъ дореволюціоннаго періода, получаютъ теперь богатую пищу въ идеологіи большевизма. Коллективный человѣкъ-машина становится лозунгомъ не только совѣтской государственности, но и совѣтской культуры. Все то, что выдѣляетъ «частника» изъ массы, вся внутренняя и личная жизнь индивидуума, все это должно быть устранено, чтобы не препятствовать выработкѣ коллективнаго типа «новаго человѣка». Самъ Ленинъ провозглашаетъ, что по разрушеніи бюрократической машины современнаго государства, «всѣ граждане становятся служащими и рабочими государственнаго синдиката» и «производятъ одинаковую работу..., правильно выполняютъ свой урокъ и получаютъ одинаковую плату». Бухаринъ вторитъ Ленину, расцѣнивая человѣческое общежитіе по принципу пчелинаго улья, гдѣ все устроено исключительно съ «соціальной точки зрѣнія» и не можетъ быть рѣчи ни о какой «духовной жизни». Историкъ Покровскій заявляетъ въ тонъ имъ, что «марксисты не видятъ въ личности творца исторіи; для нихъ личность есть только аппаратъ, при помощи котораго дѣйствуетъ исторія», и что, «вѣроятно, наступитъ время, когда эти аппараты будутъ производиться искусственно, какъ теперь строятся электрическіе аккумуляторы». Этой темой о большевисткомъ «роботѣ» овладѣваютъ и художники, и поэты. Демьянъ Бѣдный воспѣваетъ «милліоны ногъ въ одномъ тѣлѣ» марширующей массы, у ко-

торой «одинъ шагъ, одно сердце, одна воля». Великанъ «народъ, подъ которымъ дрожитъ мостовая и который заставитъ дрожать вселенную», — вотъ лозунгъ новаго искусства. Этотъ гигантъ совершаетъ автоматически, по командѣ, одинаковыя дѣйствія, какъ «раціонализованныя» движенія рабочаго у машины, и изъ милліоновъ одинаковыхъ жестовъ рукъ, ногъ, глотки слагается исполинскій итогъ. Рабочій при этомъ самъ превращается въ одну изъ составныхъ частей машины, и это хорошо выражено въ рисункахъ Кринскаго. Фигуры рабочихъ сведены здѣсь къ нѣсколькимъ схематическимъ четыреугольникамъ (вотъ гдѣ названіе «Бубновый Валетъ», «слуга четыреугольника» — было бы у мѣста), движенія прямолинейны и «раціональны», композиція сливаетъ людей съ частями машины. Характернымъ образомъ, большевики нашли свой идеалъ машинизма въ «американизмѣ». Маяковскій воспѣлъ съ этой точки зрѣнія Чикаго, «электро-динамомеханическій городъ, построенный на винтѣ и ежечасно вращающійся вокругъ себя». «Возьмемъ буранъ революціи», говорится въ призывѣ Гастева къ американизаціи, «вложимъ пульсъ жизни Америки и сдѣлаемъ работу, вывѣренную, какъ хронометръ»...

Искусство коллективнаго человѣка должно было быть «монументальнымъ». «Улицы — наши кисти, площади — наши палитры», вопилъ Маяковскій. На первыхъ порахъ, этотъ заказъ на монументальность выразился просто въ увеличеніи обычныхъ формъ до грандіозныхъ размѣровъ. По этому рецепту возникли гигантскія статуи героевъ революціи, — не только Маркса и Энгельса, но и Радищева, Герцена, Чернышевскаго, Стеньки Разина, Баумана. Такъ какъ въ спѣшкѣ они были сдѣланы изъ глины и гипса, то скоро время съ ними расправилось и отъ этого творчества ничего не осталось. Кубистскую статую Бакунина пришлось даже уничтожить, такъ какъ она возбудила ропотъ рабочихъ. Примѣнялись и другіе способы достигнуть небывало-грандіознаго эффекта, напр., при помощи красокъ. По поводу коммунистическаго праздника, на которомъ обезличенный «коллективный человѣкъ», — эта новая «вобла» (см. стр. 341), потрясалъ тысячами ногъ мостовую, — весь газонъ, цвѣточныя грядки и деревья передъ Большимъ театромъ въ Москвѣ, были окрашены въ фіолетовую и красную краску. Удивленная толпа съ недоумѣніемъ созерцала, какъ цѣлыя моря краски заливали улицы и площади, дома и вагоны геометрически пересѣкающимися плоскостями. Такъ, съ тѣсныхъ полотенъ салоновъ и выставокъ военнаго времени сомнительное творчество «Ослиныхъ Хвостовъ», «Трамваевъ В», «0,10» искуство кубистовъ, футуристовъ и супрематистовъ, вырвалось на свободу. «Доведенное до посѣдней черты» Малевичемъ, Татлинымъ

и др., искусство Пикассо, Брака, Леже, Озанфана было «легализировано октябрьской революціей, которая «подвела подъ него идеологическую платформу». Какого размаха потребовало это «профессіональное» самоутвержденіе, видно изъ того, что при празднованіи первой годовщины октября, десятки тысячъ аршинъ раскрашеннаго полотна покрывали цѣлыя зданія: одинъ Натанъ Альтманъ израсходовалъ 20.000! Это значило, по объясненію Тугенхольда, «взрывать и подрывать старыя рабскія чувства», закрывать «святыни», дворцы и памятники, «разрушая ихъ привычные облики новыми формами». «Это была та разрушительная работа, которую требовала психологія момента», — психологія вождей, конечно, ибо «рабоче-крестьянская масса воспринимала эту оргію красокъ и линій», по свидѣтельству художника Щекотова, «съ досаднымъ недоумѣніемъ». И самъ Тугендхольдъ признаетъ, что, лѣтъ десять спустя, уже и вдохновители этой вакхической пляски «отрезвѣли и могутъ отличить подлинно-творческія искры этого горѣнія» отъ «бенгальскаго огня», «идеологію отъ фразеологіи», «революціонные проекты отъ простого прожектерства».

Перейдя отъ хаотическаго футуризма въ распоряженіе «пролеткульта» (срав. выше, стр. 399), революціонное искусство было «централизовано» въ «художественной коллегіи отдѣла изобразительныхъ искусствъ» («ИЗО») и подчинилось «планомѣрному регулированію вмѣсто прежней либеральной анархіи и борьбы интересовъ». Созданъ былъ для замѣны меценатовъ «государственный фондъ» и «всероссійская закупочная комиссія». Очищены «авгіевы конюшни цитадели художественнаго бюрократизма», Академіи Художествъ, превращенной въ «свободныя государственныя мастерскія». Ихъ работѣ было придано «производственное направленіе» — на «искусство предметовъ», какъ-то отгороженное отъ буржуазнаго «чисто украшательскаго прикладного искусства», «на фабрики, на заводы, въ промышленныя школы и мастерскія» — дѣлать «вещи», какъ «сапожникъ дѣлаетъ сапоги», — таковъ былъ очередной лозунгъ. «Художникъ приравнивался къ высоко квалифицированному товаропроизводителю». Отъ «улицъ и площадей» искусство перешло въ лабораторную «кухню».

Въ чемъ же это выразилось — на полотнѣ? Подобно «космизму» въ поэзіи «Кузницы», въ живописи начался «инженеризмъ», культъ машинизма и американизма*). Такъ какъ «бытіе опредѣляетъ сознаніе», писалъ Пунинъ, а бытіе есть форма, то «наше искусство

*) Собственно, начало «машинизму» въ живописи положено Гончаровой (см. выше, стр. 557).

есть искусство *формы»*, ибо, «мы — пролетарскіе художники», «мо-нисты», «матеріалисты». «Никакой душевной жизни», никакой «сю-жетчины*)». Малевичъ тоже требовалъ «духовную силу содержанія отвергнуть». Такъ взяли силу «конструктивисты» и «безпредметни-ки». Изъ мастерскихъ Лебедева и Лапшина стали выходить «супре-матическія» и «кубофутуристическія» произведенія, совершенно не-понятныя массамъ, для которыхъ предназначались. Тугендхольдъ замѣчаетъ, что попытка вмѣстить это «сухое» геометрическое искус-ство въ жизнь рабочихъ клубовъ вызвала даже «кризисъ клубной жизни и упадокъ клубной посѣщаемости», т. е. по-просту разогнала публику.

Перемѣна и здѣсь произошла въ связи съ появленіемъ нэпа, когда закрыта была и «закупочная комиссія». Она уступила мѣсто «свободѣ спроса и предложенія», къ большому огорченію протежи-руемыхъ художниковъ, «еще и понынѣ вздыхающихъ о временахъ военнаго коммунизма», по свидѣтельству Тугендхольда. Пользу-ясь новой «свободой», вновь появились на свѣтъ божій, подобно «попутчикамъ» въ литературѣ, умолкнувшія старыя направленія. Весной 1922 г. открылась 48-я выставка передвижниковъ. Появи-лись опять на сцену, устроивъ свою выставку, и «московскіе сезани-сты», члены группы «Бубноваго валета» (см. выше, стр. 555). Это заставило и революціонныхъ художниковъ вернуться къ сюжет-ной изобразительности. Вскорѣ была основана АХРР, провозгла-сившая новый лозунгъ «героическаго реализма». Эта группа на-шла и своихъ заказчиковъ — въ центральномъ органѣ профессіо-нальныхъ союзовъ, устроившихъ постоянную выставку картинъ на трудовыя темы, или въ ЦВРС, открывшемъ къ пятилѣтію Красной Арміи (1923) выставку подъ этимъ названіемъ, а потомъ и воен-ный музей; наконецъ, и въ «Музеѣ Революціи», организованномъ въ томъ же 1923 году. Художники принялись рисовать Ленина и частные портреты. Тотчасъ же уступка требованіямъ «среды» ска-залась въ томъ, что «многолюдный потокъ зрителей хлынулъ на выставки АХРР».

«Лѣвые» художники оказались не въ силахъ удовлетворить это-му спросу. Революціонные «плакаты» «отучили» ихъ отъ живописи, «снизили ихъ мастерство». И ахрровскому «реализму» нечего было у нихъ заимствовать. Но ахровцевъ обвинили въ томъ, что какъ разъ «героическаго не нашлось въ ихъ реализмѣ», — что въ ихъ картинахъ «не оказалось самаго главнаго: революціоннаго пафоса,

*) «Сюжетчина» въ этой новой терминологіи, очевидно, означало пе-редвижниковъ, а «душевная жизнь» — экспрессіонизмъ и архаизацію.

динамической композиціи». «Героика была сведена здѣсь къ хроникѣ, къ холодному разсказу о событіяхъ». Это было то самое обвиненіе, которое было предъявлено и литературнымъ «попутчикамъ» (см. выше, стр. 414). Полотна были большія, но въ нихъ царили «натуралистическій безпорядокъ» или «академическая статичность» (напр., у Карпова). И какъ, въ самомъ дѣлѣ, было искать традиціи «побѣдной» героики тамъ, гдѣ героизмъ проявлялся, какъ у Сурикова, только въ изображеніи страданій, преслѣдованій и казней.

За-то АХРР имѣлъ успѣхъ (опять, какъ въ литературѣ) — въ *бытовой* живописи. Перельманъ замѣтилъ, что члена АХРР, «можно было видѣть у станка, въ казармѣ, на конгрессѣ коминтерна, съѣздѣ совѣтовъ» и т. д. Но — мы опять воспроизводимъ компетентное сужденіе Тугендхольда, — это былъ скорѣе «художественный репортажъ, нежели подлинное искусство». На выставкѣ профессіональныхъ союзовъ «трудъ показанъ, какъ маята, какъ тяжкая доля рабочаго класса, а вовсе не какъ сознательный трудъ пролетарія». Притомъ же — «темныя, сѣрыя, бурыя краски, вялость и дряблость формы — все это наслѣдіе народническаго подхода къ труду и къ народу, лишь какъ къ объекту «жалѣнія». За немногими исключеніями (Савицкій, Шухминъ, Терпсихоровъ, Лехтъ, Журавлевъ, Дормидонтовъ) здѣсь нѣтъ ни одной бодрой, активной, дѣйственной ноты». Словомъ, несмотря на «соціальный заказъ», «революціонной» живописи не получалось и у АХРР.

Живыя, новыя, молодыя настроенія начали пробиваться въ сторонѣ отъ главныхъ теченій. Но — у нихъ, по крайней мѣрѣ, вначалѣ, — немного «отъ революціи». Взволнованность есть у группы «Маковецъ», молодой лидеръ которой Чекрыгинъ погибъ подъ поѣздомъ въ 1922 г. и унесъ съ собой въ могилу надежды на художественное воплощеніе «динамизма» и «монументальности» въ совѣтскомъ искусствѣ. Его товарищи соединяли съ душевной потрясенностью трагическими событіями «интеллигентскій пессимизмъ» и смятеніе передъ ними. Они были слишкомъ образованы и культурны. Въ литературѣ ихъ можно бы было сравнить съ Бабелемъ. Тугендхольдъ — нашъ гидъ по совѣтскимъ выставкамъ — находилъ, что «переизбытокъ культурныхъ воспоминаній тяготѣетъ надъ «Маковцемъ» непосильнымъ грузомъ». Тутъ и итальянизмъ и живописность (Чернышевъ), японизмъ (Бруни), романтизмъ Гюиса и фантастика Гойя (Рындинъ и др.), русскій лубокъ и французскій кубизмъ (Шевченко). Словомъ, они оказались слишкомъ культурны для революціи.

Было другое теченіе, мимо котораго революція, казалось, прошла, не задѣвъ его психики. Это — москвичи, бывшіе члены «Бубноваго валета», отъ котораго отошли Гончарова, Ларіоновъ, Бурлюкъ и Шагалъ, и явилось молодое окруженіе, объединившееся въ 1921 г. въ группу «Бытіе». Дѣйствительно, отъ мучительности душевнаго анализа и отъ метафизическихъ глубинъ «Бытіе» переходитъ къ наслажденію бытіемъ. Оно радуется природѣ и краскамъ, въ немъ кипитъ молодость и здоровье; ему все равно, что писать: дерево, яблоко, крестьянина, комсомолку, пейзажъ, наготу; «весь міръ для нихъ — сплошной натюрмортъ», — поводъ для оргій жирныхъ красокъ и размашистой кисти, за которыми страдаетъ и стушевывается форма. Сюда вошелъ изъ прежнихъ — и отсюда вышелъ Кончаловскій; здѣсь Осьмеркинъ, Богдановъ, Новожиловъ, Машковъ, Лентуловъ, Срѣтенскій. Въ 1925 г. они вошли въ составъ АХРР., но остались въ немъ особымъ теченіемъ: ихъ солнце, зелень и воздухъ, сочность, свѣжесть и полнокровность слишкомъ отличали ихъ отъ ахровскихъ сѣрыхъ тоновъ. И, однако же, на нихъ, какъ и на ахровцахъ, сказался — не оффиціальный «соціальный заказъ» на революцію и героизмъ, а заказъ простой публики, требовавшей: рисуйте насъ, нашъ бытъ, покажите намъ то, что насъ окружаетъ. И они подобно АХРР., стали переходить къ бытовому жанру.

Борьба лѣвыхъ и правыхъ теченій приводитъ къ попыткѣ компромисса, какъ въ литературномъ «Перевалѣ». На «дискуссіонной» выставкѣ 1924 г. въ Москвѣ «лѣвый станковизмъ встрѣчается съ новой соціальной сюжетикой» и отъ «безпредметности» начинаетъ переходить къ «изобразительности». Дорогу показываетъ самъ Штеренбергъ, за нимъ идетъ вхутемасовская молодежь выпуска 1922 г. — Вильямсъ, Меркуловъ, Вяловъ, Люшинъ. На выставкѣ 1924 года появляются новыя миніатюрныя группы: «Бытъ» изъ двухъ членовъ, «Объединеніе трехъ», «Конкретивисты» — ихъ пятеро. Все это — лѣвые «реалисты». Конные красноармейцы, митингъ, милиціонеръ, футболъ, прачка, чайная — таковы ихъ темы. На этой почвѣ возникаетъ въ 1925 г. «Общество станковистовъ» — «Остъ». Отъ «безпредметниковъ» у нихъ остается машинизмъ (Дейнека), американизмъ, динамика движеній (Ю. Пименовъ, Меркуловъ, Лабасъ), «вывѣсочная» — почти «прейскурантская» выразительность, контрасты плоскостей и объемовъ. Они — плодъ городской и промышленной культуры, обожаютъ спортъ и физическое развитіе, крѣпкіе мускулы. Ихъ живопись — жесткая, четкая, дѣловитая; она «скорѣе графично-линейна, нежели живописна». Но и они отъ чернаго цвѣта постепенно переходятъ къ расцвѣткѣ. А

главное, что у нихъ ново, — это широкій обхватъ современной жизни и быта, попытка соединить реализмъ съ формализмомъ, найти средній путь между «безпредметностью» и лозунгомъ «назадъ къ передвижникамъ». Ихъ путь не пройденъ до конца, и ихъ компромиссъ, вѣроятно, не послѣдній. Они все еще ломаютъ перспективу, совмѣщаютъ объемы и плоскости, ловятъ неестественные повороты и позы фигуръ, пытаются дать на одномъ полотнѣ моменты движенія. Но они уже отказались отъ вибрирующей туманности и отъ распыленія движенія въ пространствѣ экспрессіонистовъ. Ихъ движенія скорѣе примитивны, чѣмъ упадочны. Собственно, «революціоннаго» и въ этомъ компромиссномъ теченіи мало, и «заказа» на «строительство соціализма» оно пока не выполняетъ. Основной чертой періода совѣтской живописи является, несомнѣнно, постепенное сближеніе разныхъ теченій, ихъ подходъ къ нѣкоторому общему центру. Этотъ центръ есть — изображеніе современности, «совѣтская сюжетика». Но этотъ процессъ «совѣтизаціи», отказъ отъ «внутренняго саботажа» первыхъ лѣтъ здѣсь, какъ и въ литературѣ, не есть капитуляція передъ доктриной въ книгѣ и диктатурой въ жизни. Пользуясь словами того же Тугендхольда, мы можемъ сказать, что «выпрямленіе художественнаго фронта совершается по линіи все большей и большей установки художества на реализмъ, какъ на нѣкую общую и твердую платформу».

При болѣе спокойномъ ходѣ событій въ СССР, вѣроятно, описанный процессъ взаимнаго приспособленія старой технической традиціи и новыхъ идейныхъ запросовъ продолжался бы въ только-что описанномъ направленіи. Но въ 1928 г. произошелъ въ совѣтской жизни переломъ, который отразился и въ области изобразительныхъ искусствъ. Въ «Ежегодникѣ литературы и искусства на 1929-й годъ», предшествовавшій годъ такъ и признанъ «переломнымъ этапомъ въ развитіи искусствъ». Воспользуемся итогами «Ежегодника», чтобы выяснить, въ чемъ же этотъ переломъ заключается.

Онъ вызванъ, прежде всего, новыми требованіями къ искусству. Требованія эти сводятся, по выраженію ихъ оффиціальнаго представителя, И. Маца, къ «болѣе четкому выявленію классоваго лица художественныхъ группировокъ». При «бурномъ ростѣ строительства соціализма», простые разговоры о «близкихъ» къ коммунизму художникахъ, о ихъ «революціонномъ» искусствѣ и т. д., «перестали удовлетворять». Необходимо, чтобы искусство приняло участіе въ самомъ строительствѣ. Въ чемъ должно проявиться это активное участіе, совѣтскіе критики, несмотря на долгіе разговоры, опредѣлить не умѣютъ. Но тѣмъ усерднѣе они отрицаютъ тѣ формы,

въ которыхъ искусство не должно проявляться. И при этомъ забракованными оказываются всѣ попытки приблизиться къ «пролетарскому» искусству, о которомъ шла рѣчь выше. Въ концѣ марта 1928 г. на эту тему былъ организованъ въ Коммунистической академіи диспутъ, продолжавшійся четыре вечера — и такъ и не давшій положительныхъ результатовъ. Тотъ же И. Маца выступилъ тамъ съ вступительнымъ докладомъ, въ которомъ критиковалъ и АХРР, и ОСТ, предлагая АХРР'у, какъ преемникамъ передвижниковъ, промѣнять «правдоподобное иллюстрированіе историческихъ событій» на «изготовленіе иллюстрированныхъ документовъ классовой борьбы усовершенствованными техническими способами» (имѣлась въ виду фотографія). По адресу «формалистовъ» онъ осудилъ «интимно-салонное искусство буржуазіи, импрессіонистовъ и послѣ-импрессіонистовъ», въ лицѣ ихъ «первоисточниковъ», «Міра Искусства» или «Бубноваго Валета», «соціальное содержаніе которыхъ стоитъ въ глубокомъ противорѣчіи съ соціальнымъ содержаніемъ міроотношеній пролетаріата». Отвергнувъ, такимъ образомъ, и реализмъ, и «интимное» искусство, онъ заключилъ, что «типомъ» пролетарскаго искусства является конструктивизмъ архитектуры, которой должны «подчиниться всѣ виды искусства». Надо, чтобы массы не получали искусство извнѣ, а *сами* участвовали въ его созданіи. Правда, провести на практикѣ эту идею оказалось довольно трудно. Тѣмъ не менѣе, передъ вновь заявленнымъ требованіемъ начальства оставалось преклониться — и искать новыхъ формъ — или, по крайней мѣрѣ, новыхъ формулъ художественной дѣятельности.

Заподозрѣнный въ буржуазности АХРР отвѣтилъ на это требованіе новой деклараціей, принятой на майскомъ съѣздѣ 1928 г. подъ вліяніемъ вновь выступившей молодежи. Тутъ, конечно, было сказано все, что полагалось, о «содѣйствіи пролетаріату въ осуществленіи его классовыхъ задачъ», расширенъ «фронтъ искусства» на художественное оформленіе быта и на художественную обработку предметовъ массоваго потребленія. Признано великое значеніе украшенія рабочихъ клубовъ фресками. Но АХРР не могъ отречься ни отъ станковой живописи, ни отъ ея «художественно совершенной реалистической» трактовки. Составъ АХРР'а остался довольно пестрымъ, и его декларацiи не получили практическаго осуществленія. Надо было идти дальше. Въ отвѣтъ на это требованіе появились новыя организаціи. Въ началѣ 1928 г. общество РОСТ впервые устроило выставку не въ «салонѣ», а въ рабочемъ клубѣ. Правда, туда были принесены тѣ же «цвѣточки, натюрморты и пейзажики», и въ заключительномъ диспутѣ препирались художники съ критиками —

при полномъ отсутствіи рабочихъ. Затѣмъ РОСТ раскололся, и изъ него выдѣлилось ультра-радикальное «общество художниковъ-общественниковъ» (ОХО), которые объявили: «мы, молодые, хотимъ своими средствами строить новую жизнь ... достигнуть живого общенія черезъ художественныя произведенія съ организованными массами трудящихся», организуемъ безплатныя выставки въ рабочихъ клубахъ, хотимъ «установить живое общеніе со зрителями и черезъ это... опредѣлить тематику» и т. д. Увы, и у нихъ на этихъ выставкахъ нашли «тѣ же типично-салонныя вещи». Наконецъ, въ концѣ 1928 г. появился самый радикальный «Октябрь», обѣщавшій «своей работой организовать психику массъ и способствовать оформленію новаго быта», путемъ созданія «новыхъ типовъ и новаго стиля». «Октябрь» рѣшительно «отвергалъ мѣщанскій реализмъ эпигоновъ, реализмъ застойнаго индивидуальнаго быта», также какъ и «натуралистическій реализмъ, безплодно копирующій дѣйствительность». Новая группа «будетъ строить пролетарскій реализмъ, выражающій волю дѣйствующаго революціоннаго класса, реализмъ динамическій» и т. д. Но тутъ можно было вспомнить слова Д. Аркина: «мы имѣемъ обильное теоретизированіе, не менѣе обильное декларированіе..., и довольно мизерныя «достиженія»...

Всего неожиданнѣе было то, что туго натянутая влѣво струна оборвалась, и организаціи, тянувшіяся черезъ силу въ эту сторону, откатились далеко вправо. Не удовлетворивъ «соціальному заказу» Совнаркома, ОСТ «вернулся къ отвлеченно - формальнымъ проблемамъ», сталъ «углублять» свое мастерство, — и у него «восторжествовала живописность». Вновь появилось въ 1928 г. «Общество московскихъ художниковъ» (ОМХ), «признанные мастера», преемники Бубноваго Валета, Маковца и другихъ воинствующихъ теченій дореволюціоннаго буржуазнаго искусства. Сюда перешли изъ АХР'а Фалькъ, Лентуловъ, Машковъ, Рождественскій. «Организовавъ свое общество», жалуется «коллективная статья «Ежегодника», «они немедленно же отказались отъ революціонной тематики». Они «держатся на уровнѣ высокихъ достиженій»... подъ ихъ вліяніемъ и «Бытіе», и «Ростъ», и «Кругъ» (Ленинградъ), «значительная часть АХР., а въ послѣднее время даже и значительная часть ОСТ, не говоря о провинціи и художественныхъ школахъ», стали отходить отъ позиціи «попутчиковъ», «перешли къ передачѣ чисто-субъективныхъ переживаній», «замкнулись въ границахъ пейзажа, портрета и натюрморта». И какого пейзажа! На выставкахъ появились «Скитъ взыскующихъ града», «Иже херувимы», «Заштатный монастырь», «Въ старой усадьбѣ». За ОМХ пошли новыя «реакціон-

ныя» группы, «Объединеніе имени Рѣпина», «Куинджисты», «индивидуалисты», обновленный «Жаръ-Цвѣтъ». Тутъ уже появились всевозможные «Заглохшіе уголки сада», «Уголки» Мурома, Москвы, Звенигорода, Нижняго, стараго Тифлиса и т. д. Словомъ, «полное пріятіе стараго быта». И что хуже всего, толпа идетъ къ нимъ, особенно въ провинціи; у нихъ «необыкновенное обиліе выставокъ».

Такъ станковая живопись отвѣтила пророкамъ, осуждавшимъ ее на отмираніе и полную «гибель». Попытки найти новые пріемы проникновенія «искусства *въ массы*» (вмѣсто устарѣвшаго: «искусство *массамъ*») пока не пошли дальше расписыванія фресками помѣщеній рабочихъ клубовъ. Но были же другія отрасли искусства, которыя болѣе поддавались требованіямъ — внѣдрить искусство въ пролетарскій бытъ. Мы видѣли, что новые художники начали съ требованія — замѣнить картину «вещью». Какіе же результаты дало «искусство вещи», — по старому, «прикладное» или «декоративное» искусство? Здѣсь уже не было надобности идти ощупью и изобрѣтать искусственныя рѣшенія; формы этого искусства были готовыя; оставалось наполнить ихъ новымъ содержаніемъ. Жилищная обстановка, утварь, ткани, ковры, обширная область кустарной промышленности — все это давало поводъ для созданія новаго пролетарскаго стиля. Воспользуемся итогами, которые подводитъ Д. Аркинъ въ статьѣ «Ежегодника» объ «искусствѣ вещи». Отрицательныя заданія, по обыкновенію, ярки и опредѣленны. Долой «эстетовъ-романтиковъ типа Вильяма Морриса» съ ихъ «ремесленнымъ» производствомъ, съ ихъ «борьбой съ машиной»! Ликвидируемъ «разрывъ между искусствомъ и фабричнымъ производствомъ». Покончимъ съ «индустріей роскоши для немногихъ». Но, прежде всего, откуда взяты эти лозунги? Аркинъ называетъ... иностранные авторитеты: Корбюзье, недавно пріѣзжавшій по приглашенію въ Россію, Баухаузъ въ Германіи... Да здравствуетъ «эстетика инженеріи», «эстетика цѣлесообразности», «новыя, соціально - цѣлесообразныя бытовыя формы»! Что же сдѣлано для воплощенія этихъ формъ, — сравнительно съ которыми самъ Корбюзье долженъ оказаться замаскированнымъ «эстетомъ»? Вотъ отвѣты: «Въ организаціонномъ отношеніи — пустое мѣсто». Вмѣсто новыхъ формъ «возрожденіе прикладничества» въ его наиболѣе отсталыхъ формахъ, соотвѣтственно «рыночному вкусу». Вмѣсто созданія новой мебели — «использованіе старой», «изъ старыхъ московскихъ особняковъ, усадьбъ и т. п.» — и «распредѣленіе ея по новымъ общественнымъ зданіямъ и учрежденіямъ». Въ результатѣ — «сборная мебель почти музейнаго порядка». И «государственная мебельная промышленность

работаетъ почти сплошь по старымъ образцамъ». «Мебель не приспособлена къ новымъ условіямъ планировки жилья»: задача трудная, въ виду жилплощади, измѣряющейся нѣсколькими квадратными аршинами. «Стандардизація канцелярскаго стола» — вотъ образецъ дѣйствительнаго достиженія. Потомъ — «типы клубнаго оборудованія». Все это пока дальше образцовъ не пошло», а что касается самихъ образцовъ, «здѣсь мы должны заимствовать отлично разработанныя модели американской жилищной техники»! «Приспособленія... по большей части не выдерживаютъ критики съ точки зрѣнія функціональной цѣлесообразности». Текстильная промышленность — вотъ другое обширное поле. Но и здѣсь, какъ оказывается, «наиболѣе характерно... чрезвычайное обиліе очень старыхъ рисунковъ и разрывъ между рисунками и одежной формой». «Потребитель... реагируетъ на старые рисунки» и не реагируетъ на «немногочисленные опыты обновленія» ихъ; а фабрика работаетъ на потребителя. Поэтому и «слабыя попытки обновленія текстильнаго рисунка остались только эпизодомъ и сейчасъ сведены на нѣтъ захлестнувшимъ ихъ потокомъ архивнаго старья». «Совѣтскій орнаментъ»? Тутъ сколько угодно «варіацій на темы государственнаго герба» (серпъ и молотъ), пятиконечныхъ звѣздъ и машинныхъ принадлежностей. «Къ сожалѣнію, этотъ совѣтскій орнаментъ характеризуется... крайне бѣдной изобрѣтательностью и примитивнымъ однообразіемъ трактовки». «Проблема костюма»? «Если не считать не-новаго піонерскаго костюма, да краснаго платка работницы, — перечень новыхъ костюмныхъ формъ будетъ исчерпанъ». А между тѣмъ, «толстовка» теряетъ популярность и соединеніе «военной одежды и русской рубахи» «не отвѣчаютъ быстро растущему культурно-бытовому уровню». Остаются «архи-мѣщанскіе ателье модъ и... запоздалые образцы парижскихъ модныхъ журналовъ», на которые падки, конечно, особенно совѣтскія дамы. Деревня — «спрашиваетъ готовую (т. е. городскую) одежду». Наконецъ, кустарныя издѣлія? Они, конечно, процвѣтаютъ и имѣютъ нѣкоторый успѣхъ на иностранныхъ выставкахъ, хотя «экспортъ развивается въ высшей степени медленно». Но, вопреки Аркину, и эта степень успѣха объясняется «русскимъ стилемъ» кустарныхъ издѣлій, въ которые не проникло еще совѣтское «художественное руководство». Мы перечислили всѣ «вещи», на которыя распространяется претензія создать новый пролетарскій стиль — въ будущемъ.

Гораздо успѣшнѣе развернулись тѣ отрасли изобразительныхъ искусствъ, которыя имѣли отношеніе къ совѣтской пропагандѣ. Сюда относится, оставляя въ сторонѣ обширную область «искусства въ

движеніи», совѣтскаго кино, — полиграфія и особенно плакатъ. Своей гравюрой и графикой большевики гордятся — и имѣютъ для этого извѣстное основаніе. Правда, начало здѣсь было положено «Міромъ Искусства». Петербургъ, въ противоположность «живописной» и «модернистской» Москвѣ, давно считался городомъ строгой графики по-преимуществу. Это, какъ мы знаемъ, было связано съ изученіемъ ампирнаго стиля, отличающаго старый Петербургъ и загородные дворцы, въ контрастъ съ купеческой, декадентской архитектурой старой столицы. Произведенія дореволюціонныхъ мастеровъ, А. Бенуа, К. Сомова, Добужинскаго, Остроумовой-Лебедевой, ученицы Маттэ, продолжали издаваться и при большевикахъ. Но это вѣдь была «поэтизація быта уходящаго класса», дворянской культуры! Отъ идеализаціи «Версалей» и отъ эротики «маркизъ» XVIII в. совѣтскому граверу предстояло отречься въ пользу новаго быта. Пришлось упростить и самую технику рѣзьбы по дереву, потому что тонкая гравюра не выходила на плохой бумагѣ, какою располагали большевики въ первые годы. Затѣмъ, гравюру надо было сблизить съ «производствомъ» книги: этого требовалъ уже не только принципъ марксизма, но и потребность книгоиздательства. Въ этомъ новомъ духѣ — тоже въ духѣ «вещи», матеріала, въ противоположность «эстетству», стала работать московская школа граверовъ, во главѣ съ Фаворскимъ. Графика оказалась смѣлѣе и свободнѣе живописи въ трактованіи революціонныхъ сюжетовъ. Ей было легче усвоить и требуемый «динамизмъ» изображенія, и «индустріальную тематику» — желѣзные мосты, радіо-столбы и т. д. При всемъ томъ, однако, свидѣтельствуетъ Тугендхольдъ, «было бы фразой утвержденіе», что эта новая совѣтская гравюра «завоевала массовую книгу». Цѣнныя иллюстрированныя изданія, по-прежнему, остаются «недоступны массовому потребителю». Частныя издательства этого рода, какъ «Алконостъ», «Аквилонъ», «Персеполисъ» «лопнули, не найдя широкаго покупателя». «Искусство гравюры», подтверждаетъ и В. Полонскій, «влачитъ жалкое существованіе, не имѣя возможности пробиться къ потребителю, — правда, весьма ограниченному». На массоваго потребителя продолжаютъ работать дешевые ремесленники третьяго сорта, наводняющіе свои «вещи» «заграничной мѣщанской пошлятиной».

Вотъ, наконецъ, любимое дитя совѣтской пропаганды, плакатъ. Порожденіе урбанизма и революціи, современное примѣненіе «библіи бѣдныхъ», перенесенное изъ пергаментной рукописи въ уличный листокъ, а изъ листка на заборъ или на стѣну, крѣпкій и звонкій, какъ взрывъ бомбы или ударъ набатнаго колокола, плакатъ по-

лучилъ небывалый просторъ примѣненія въ годы гражданской войны 1918-22. Тутъ не требовалось художественнаго рисунка или сложнаго сюжета: чѣмъ проще, чѣмъ «ударнѣе», тѣмъ лучше достигалась цѣль плаката: воплотить въ доступной для всѣхъ, видимой издали формѣ очередной лозунгъ сегодняшняго дня. «Записался добровольцемъ»? «Помоги» (голодному)! «Казакъ — ты съ кѣмъ, съ нами или съ ними»? «Петрограда не отдадимъ»! «Совѣтская Россія —осажденный лагерь». «Всѣ на оборону»! «Кто за совѣты, кто противъ совѣтовъ»? Таковы лучшіе плакаты Д. Моора (Орлова), которому принадлежитъ среди художниковъ плаката первое мѣсто. Второе слѣдуетъ отдать В. Дени(сову), принесшему изъ «Сатирикона» свои каррикатурные типы. Старая троица — царь, попъ, буржуй противопоставлены у него новой: рабочій, крестьянинъ, красноармеецъ. Это вершина военнаго плаката. На подъемѣ къ ней стоитъ Апситъ съ своими тщательно-вырисованными, но слишкомъ сложными и ненужно-художественными иллюстраціями. На спускѣ съ высшей точки стоитъ уже М. Черемныхъ, плодовитый иллюстраторъ оконъ «Роста», дававшій серіи схематизированныхъ, «футурныхъ» рисунковъ съ пояснительными стихами Маяковскаго, Демьяна Бѣднаго и др. Совсѣмъ выходятъ за предѣлы плаката Маяковскій и особенно В. Лебедевъ, рисунки котораго приходится отгадывать, какъ головоломныя загадки. Интересно отмѣтить, что здѣсь, какъ въ литературѣ, все то, что обращалось къ народу — плакаты или разрисованныя стѣнки агитаціонныхъ поѣздовъ и пароходовъ, должно было по необходимости говорить и рисовать языкомъ и образами художественнаго реализма. Въ этомъ отношеніи плакатъ явился исключеніемъ изъ общаго правила «производственнаго» и «конструктивнаго» стиля живописи годовъ военнаго коммунизма.

Какъ «искусство улицы», плакатъ сыгралъ свою роль, и ближайшіе годы послѣ 1922 г. были свидѣтелями паденія его политическаго значенія. На улицѣ его замѣнилъ плакатъ-кино, плакатъ-торговая реклама и т. д. Но въ послѣдніе годы къ политическому и агитаціонному плакату возвращаются , какъ къ способу пропаганды «соціалистическаго строительства». Съ улицы этотъ плакатъ переселяется въ рабочій клубъ и избу-читальню. Конечно, мѣняется его содержаніе. Его краски сѣрѣютъ, картина поступается мѣстомъ для текста, превращающаго плакатъ въ наглядное пособіе для лектора. Появляется фото-монтажный плакатъ. Перевыборы, хлѣбозаготовки, госзаймы, коллективизація, индустріализація, борьба съ религіей — таковы боевыя темы этихъ плакатовъ.

Архитектурѣ особенно посчастливилось при совѣтской власти.

Если современная архитектура есть вообще архитектура промышленной стадіи общественности, то въ совѣтской Россіи изъ идеи промышленнаго труда сдѣлана центральная идея государственнаго строя, — своего рода фетишъ. Если основой современной промышленности служитъ машина, то при режимѣ коммунизма машина опредѣляетъ собой весь характеръ быта. И если современная архитектура является повсемѣстно отраженіемъ этой комбинированной силы машиннаго производства, то нужно ожидать, что въ СССР эта ея роль превратится въ служеніе и станетъ ея исключительной задачей. Мы имѣли случай также замѣтить, что стиль архитектуры стоитъ въ прямой зависимости отъ ея матеріала и что въ Россіи архитектура становится національной, когда употребляетъ національный матеріалъ, дерево. Установленный на дерево стиль, какъ мы видѣли, переносится и на камень — и вліяетъ на формы каменнаго зданія. Но тутъ происходитъ нѣкоторое раздвоеніе, подобное тому, которое и въ исторіи міровой архитектуры происходило всякій разъ, когда утверждался новый стиль, созданный новымъ матеріаломъ. А именно, линіи зданія, которыя въ первое время стиля имѣли исключительно служебное значеніе при постройкѣ или, какъ принято говорить, *конструктивное* значеніе, — начинаютъ свободно употребляться для *украшенія,* т. е. получаютъ *декоративный*, эстетическій смыслъ. Чѣмъ дальше развивается стиль, тѣмъ болѣе декоративный элементъ начинаетъ преобладать, и когда онъ окончательно перевѣшиваетъ, закрываетъ собою конструктивныя линіи зданія, тогда происходитъ паденіе, вырожденіе стиля. Такъ было при переходѣ отъ стиля Возрожденія къ стилю Барокко въ XVII-XVIII в. в. У насъ въ Россіи спасеніемъ отъ упадочнаго барокко явилось возстановленіе на границѣ XVIII-XIX в. античнаго стиля Empire. Но это разрѣшеніе было искусственнымъ. Надо было ждать, что развитіе промышленности и машины покончитъ съ искусственными подражаніями старымъ стилямъ и поведетъ къ созданію совершенно новаго стиля, опять строго конструктивнаго характера. Какой это будетъ стиль, снова зависѣло отъ строительнаго матеріала. Давно уже стали говорить, что новая архитектура будетъ архитектурой *желѣзнаго* стиля, образцомъ и торжествомъ котораго можетъ служить Эйфелева башня. Но желѣзо уступило мѣсто желѣзо-бетону. И теперь происхожденіе новаго стиля должно быть связано съ желѣзобетоннымъ матеріаломъ строенія — и, конечно, съ его промышленно-машинными задачами. Исходя изъ этихъ данныхъ, новый стиль, собственно, уже и появился въ Европѣ и особенно въ Америкѣ. Но непривычныя и неприглядныя для глазъ линіи но-

выхъ строеній заставили иностранныхъ архитекторовъ прибѣгать къ компромиссамъ и пытаться разными декоративными пріемами смягчить, затушевать, скрыть по возможности аскетическую строгость конструктивныхъ линій.

Мы поймемъ теперь особенности русскаго архитектурнаго стиля совѣтскаго періода, если скажемъ, что здѣсь, какъ вездѣ, онъ старается довести новую идею до крайности. По идеѣ, онъ — противъ всякой примѣси декоративныхъ элементовъ. Новый стиль долженъ остаться строго и послѣдовательно конструктивнымъ. Въ этомъ должна заключаться его эстетика.

Мы уже знаемъ, какое значеніе имѣлъ «конструктивизмъ» въ другихъ областяхъ совѣтскаго творчества и къ какимъ преувеличеніямъ вели попытки примѣнить эту идею къ сферамъ, ей несроднымъ. Но сфера архитектуры была единственная, гдѣ конструктивизмъ былъ вполнѣ на мѣстѣ. Однако же, и тутъ, вмѣсто постановки конкретныхъ задачъ, дѣло началось съ фантастическихъ проектовъ воплотить въ жизни космическіе порывы поэтовъ «Кузницы». Выразителемъ этого настроенія явился архитекторъ Татлинъ, рѣшившій отвергнуть всѣ старыя буржуазныя формы искусства и замѣнить ихъ «машиннымъ» стилемъ, который бы воплотилъ въ себѣ признаки времени: динамизмъ футуризма, раціонализмъ техники и утилитаризмъ цѣлевыхъ назначеній. Матеріаломъ для такого строительства должны служить не дерево или камень, а металлъ, бетонъ и стекло. Образцомъ этого «динамическаго монументальнаго стиля» должны были послужить проектированные Татлинымъ «Памятникъ третьяго интернаціонала» въ Петербургѣ и «Дворецъ Труда» въ Москвѣ. Три этажа гиганскаго перваго зданія, построенные въ формахъ куба, пирамиды и цилиндра, должны были находиться въ постоянномъ вращательномъ движеніи — годовомъ, мѣсячномъ и ежедневномъ. Первый этажъ предназначался для засѣданій законодательныхъ учрежденій и конгрессовъ коминтерна, второй — для исполнительныхъ органовъ, третій — для печати и пропаганды. Двойныя стѣны должны были обеспечивать постоянную температуру. Исполинская спираль, «символъ новаго духа», вилась кругомъ всего зданія, воплощая въ себѣ идею коммунистической динамики, въ противоположность «буржуазной» горизонтали, изображающей духъ стяжательства. Желѣзо и стекло, — матеріалы, созданные огнемъ, символизировали силу — какъ бы рождающагося океана. Въ этомъ же родѣ былъ задуманъ и «Дворецъ Труда», зданіе въ 100 метровъ длины, съ аэродромомъ и радіостанціей на крышѣ, съ центральнымъ помѣщеніемъ на 8.000 человѣкъ, долженствовавшимъ вмѣстить представителей трудящихся массъ всего міра.

Конечно, изъ этихъ затѣй ничего не вышло, такъ какъ величественные планы зданій «конструктивировались» безъ всякаго соображенія со свойствами матеріала, съ техническими возможностями и даже съ задачами зданія. Все это должно было исчезнуть, когда за дѣло взялись настоящіе архитекторы и отъ картинокъ перешли къ подлиннымъ сооруженіямъ.

Вопросъ здѣсь былъ лишь въ томъ, слѣдуетъ-ли инженерные пріемы постройки моста, элеватора, фабрики перенести также и на жилыя зданія. Заграничное искусство очень рѣдко рѣшалось переходить эту границу. Жилыя помѣщенія трудящихся на окраинахъ большихъ городовъ обыкновенно стараются подражать индивидуальнымъ жилищамъ, сохраняя хотя бы иллюзію изолированности и уюта домашняго очага. Это — или ряды коттеджей, или города-сады и т. п., Но извѣстно, какъ смотрятъ на семью коммунисты. И ихъ идеалъ, — правда, пока еще не осуществленный, — создать типъ зданія, вполнѣ приспособленный къ жизни коммуны. Переходъ отъ фабрики къ частному жилищу для нихъ, такимъ образомъ, оказывается несравненно болѣе легкимъ, — и даже желательнымъ, чѣмъ для иностранныхъ строителей.

Первыми гибнутъ въ поискахъ этого новаго стиля всѣ декоративныя приставки барокко, — всѣ эти колонны, капители, балюстрады, разорванные фронтоны и т. д. Остается одинъ оголенный остовъ стѣнъ, дверей и оконъ: только то, что необходимо для конструкціи зданія. Хорошо извѣстнымъ типомъ такой постройки являются американскіе «небоскребы». Надо только прибавить, что въ послѣднее время и къ небоскребамъ стараются примѣнить эстетическіе пріемы. Ихъ монотонность пытаются скрыть разными способами расчлененія стѣнъ на болѣе крупные отдѣлы и расположеніемъ верхнихъ этажей въ рядѣ группъ, симметрически поднимающихся къ центральной башнѣ. Примѣненіе формы классики и даже готики становится при этомъ возможнымъ.

Около вопроса о возможности связи съ прошлымъ и утилизаціи элементовъ декоративныхъ и вращаются всѣ споры объ архитектурномъ стилѣ. Крайнее направленіе чистаго конструктивизма начисто отрицаетъ эту возможность и судитъ объ успѣхѣ или неудачѣ постройки по тому, насколько строго изъ нея удаленъ весь «эстетизмъ», объясняемый обыкновенно вліяніемъ запада. Степень удачи жилого зданія опредѣляется тѣмъ, насколько строитель отошелъ отъ идеи семейнаго уюта и приблизился къ созданію типа коммунальной жизни. Борьба противъ «буржуазныхъ» тенденцій усилилась въ послѣднее время и въ области архитектуры. Здѣсь лозунгъ «ис-

кусство въ массы» проявился въ требованіи, чтобы «общественность» непосредственно участвовала въ обсужденіи архитектурныхъ проектовъ. «Комсомольская Правда» потребовала въ 1928 г., чтобы проектъ постройки Ленинской библіотеки и начатая уже постройка дома ЦИК и СНК на берегу Москва-рѣки — были обсуждены публично. Приступъ къ постройкѣ харьковскаго почтамта вызвалъ публичный диспутъ лѣваго архитектора — строителя Мордвинова — съ правыми; рабочіе вмѣшались и въ публичномъ диспутѣ нанесли пораженіе защитникамъ «колоннъ въ индійскомъ, египетскомъ и прочихъ мудреныхъ стиляхъ». Мордвиновъ побѣдилъ. Однако, и здѣсь отъ отрицанія все еще не удается перейти къ положительнымъ достиженіямъ. И. Маца въ цитированной выше статьѣ ставитъ вопросъ: «что же представляетъ изъ себя то, что противостоитъ регрессивнымъ буржуазнымъ тенденціямъ, что выдвигается, какъ болѣе современное? Есть-ли это — единый фронтъ пролетарской архитектуры, единый фронтъ стиля индустріальнаго пролетаріата?» Онъ «отвѣчаетъ кратко: нѣтъ, мы не имѣемъ единаго стиля, мы не имѣемъ еще своего стиля въ архитектурѣ въ четко выработанныхъ формахъ... Внутри себя лѣвый секторъ распадается на рядъ направленій и школъ («конструктивисты», «формалисты», урбанисты)... Всѣ они должны быть поставлены подъ общественный контроль». Какъ и въ другихъ случаяхъ, здѣсь группа молодыхъ архитекторовъ спѣшитъ предупредить этотъ контроль и образуетъ «Общество пролетарскихъ архитекторовъ», требующее «максимальнаго продвиженія впередъ..., коренной реорганизаціи методовъ строительства» и т. д.

Намъ остается познакомиться съ совѣтскимъ театромъ, который, будучи оторванъ отъ *слова,* представляетъ скорѣе отрасль изобразительнаго искусства, чѣмъ литературы. Въ другомъ мѣстѣ (III, 488) мы говорили, что театръ обыкновенно отстаетъ въ своей идеологіи отъ передовыхъ направленій интеллигентской мысли, такъ какъ обязанъ считаться съ взглядами и вкусами, болѣе распространенными въ широкой публикѣ. Классическій періодъ русскаго искусства составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе: онъ былъ настолько длителенъ, что публика успѣла догнать передовую мысль и театръ сравнялся съ нею въ лицѣ Островскаго, заключивъ тѣсный союзъ съ передовой литературой. Таковъ театръ Щепкина, Садовскаго и другихъ корифеевъ сцены средины и второй половины XIX столѣтія. Однако, именно въ результатѣ этой тѣсной связи, театръ вновь отсталъ отъ интеллигентскихъ настроеній къ концу вѣка, когда искусство поставило своимъ девизомъ: долой «литературщину» и прочь отъ натура-

лизма. Въ такомъ противорѣчивомъ положеніи оказался даже интеллигентскій московскій «Художественный театръ» Станиславскаго и Немировича-Данченко. Правда, это противорѣчіе было замѣчено не сразу. Когда, 14 октября 1898 г. Художественный театръ впервые выступилъ передъ московской публикой, онъ произвелъ впечатлѣніе большой новинки — даже цѣлаго переворота въ театральномъ искусствѣ. Какъ полагается, это новаторство тоже имѣло западно-европейскій источникъ. Такимъ была посѣтившая и Россію труппа герцога Саксенъ-Мейнингенскаго, съ ея массовыми ансамблями и вѣрностью исторической правдѣ. Но вѣрность правдѣ жизни была лозунгомъ всей нашей классической литературы. И этикетка, взятая Художественнымъ Театромъ: «Домъ Чехова», не порывала, а напротивъ, закрѣпляла эту связь съ литературой, — положимъ, уже не съ литературой одного классическаго періода. Поиски точнаго воспроизведенія дѣйствительности давали театру Станиславскаго характеръ не только художественнаго реализма, а натурализма. По воспоминаніямъ Зноско-Боровскаго, режиссеры и художники этого театра «для Ибсена или Гамсуна отправлялись въ Норвегію; если это «На Днѣ», шли на Хитровъ рынокъ въ Москвѣ, посѣщали ночлежки, наблюдали босяковъ въ ихъ интимности...; если это «Живой Трупъ», зритель на сценѣ узнавалъ кабинетъ такого-то ресторана, корридоръ такого-то суда въ Москвѣ. А когда шла «Власть Тьмы», ѣхали въ Тульскую губернію и тамъ скупали и копировали предметы крестьянскаго обихода, детали костюмовъ, обычаи, — чтобы изобразить деревню именно Тульскую, а не какой другой губерніи». Все это дѣлалось тогда, когда въ литературѣ восторжествовалъ уже символизмъ, а изобразительныя искусства уже поставили очереднымъ лозунгомъ «прочь отъ натуры».

Были, впрочемъ, другіе элементы въ Художественномъ театрѣ, которые, идя въ томъ же руслѣ отживавшаго реализма, составляли сдвигъ чисто сценическихъ средствъ съ прежней традиціи и развязывали руки для болѣе смѣлаго почина. Театръ обратилъ усиленное вниманіе на специфическія средства сцены могущія составить дополненіе и дать комментарій къ «литературѣ». Актеръ долженъ былъ проникнуться внутреннимъ содержаніемъ пьесы и дать распространенное психологическое толкованіе короткимъ авторскимъ ремаркамъ; ввести «нѣмыя сцены», выявить и создать «настроеніе». Сюда же относились такіе пріемы для произведенія иллюзіи жизни на сценѣ, какъ лунный свѣтъ, пѣніе птицъ, шумъ дождя, ревъ бури, звуки отъѣзжающаго экипажа и т. д. Сцена тутъ становилась автономной, и режиссеръ вмѣстѣ съ актеромъ пріобрѣтали извѣстную независимость отъ автора. Извѣстны тщетныя возраженія Чехова противъ из-

лишества натурализма при постановкѣ его пьесъ. Создавалось такимъ образомъ негативное условіе свободы сцены, которою можно было въ дальнѣйшемъ распорядиться такъ или иначе. При томъ направленіи, которое приняла литература и искусство съ конца XIX вѣка было очевидно, что это дальнѣйшее развитіе пойдетъ въ направленіи отказа отъ реализма и перехода къ условности и стилизаціи. Развиваясь въ этомъ направленіи, театръ, въ первый разъ за время своей исторіи въ Россіи, долженъ былъ не только догнать, но и опередить настроенія широкой публики, отъ которой, при старомъ порядкѣ вещей, зависѣло самое его существованіе.

Первые шаги въ направленіи новыхъ теченій были сдѣланы самимъ Художественнымъ театромъ — не всегда успѣшно. Символизмъ поставленныхъ имъ пьесъ Метерлинка находился въ противорѣчіи съ сохраненнымъ «бытовизмомъ» театра. Мольеровскій «Мнимый Больной» (1913) имѣлъ успѣхъ благодаря стильной постановкѣ Бенуа, но это былъ «стиль», а не «стилизація», и мы знаемъ уже положеніе Бенуа среди новыхъ теченій (см. выше стр. 536). Зато «Гамлетъ» въ постановкѣ Гордона Крэга (1910) не былъ понятъ публикой, и Качаловъ въ этой роли слишкомъ напоминалъ одного изъ чеховскихъ «лишнихъ людей». Освобождалось мѣсто для болѣе смѣлыхъ попытокъ въ новомъ направленіи, для подлинно-новаго театра.

Но, отрекшись не только отъ старой классической «литературы», отзывавшей «политикой», а и отъ литературы чеховскихъ сумеречныхъ «настроеній», этотъ новый театръ оказался на первыхъ порахъ тоже во власти литературы, — только созданной новымъ поколѣніемъ. Сцена ощутила на себѣ сильнѣйшее вліяніе обоихъ главныхъ теченій, черезъ которыя прошли и литература и искусство той поры: сперва символизма, потомъ кубо-футуризма.

Однако же, корифеи символизма не могли дать театральнымъ дѣятелямъ техническихъ, практически-приложимыхъ указаній. Одни изъ нихъ мечтали о «театрѣ-храмѣ», въ которомъ должно совершаться служеніе невидимому и непознаваемому. Другіе, какъ Вячеславъ Ивановъ, хотѣли слить публику съ актерами, уничтоживъ раздѣляющую ихъ рампу, чтобы «творить и дѣять соборно». Третьи, какъ Сологубъ, хотѣли превратить актера въ чтеца, или, какъ Айхенвальдъ, утверждали, что театральное зрѣлище только стѣсняетъ воображеніе и что театру приходитъ конецъ. Четвертые принципіально отрицали возможность существованія театра въ будущемъ обществѣ. Правда, Андрей Бѣлый иронически отвѣчалъ зарапортовавшимся друзьямъ, что «храмъ остается Маріинскимъ театромъ, а риторика остается риторикой». И театръ, въ своихъ поискахъ созвуч-

ности съ новыми теченіями, былъ предоставленъ самому себѣ. Мы видѣли, что попытки въ этомъ направленіи Художественнаго театра, сдѣланныя ощупью, никого не удовлетворили. Правда, самая фразеологія Чехова, въ которой за прозаическими фразами таится болѣе глубокій смыслъ, давала основаніе утверждать, что въ этомъ двойномъ смыслѣ уже заключается символизмъ. Но далеко нельзя было пойти на этомъ пути. И въ 1908 г. Художественный театръ торжественно объявилъ, что возвращается къ реализму. Роль открывателя новыхъ путей къ этому времени уже перешла къ его «Студіи» и къ завѣдовавшему ею режиссеру Мейерхольду.

Мейерхольдъ самъ разсказалъ о первыхъ шагахъ «того теченія, которое смыло принципы *натуралистическаго* театра, замѣнивъ ихъ принципами *условнаго* театра». По его свидѣтельству, въ маѣ 1905 года «Театръ - Студія» рѣшительно сталъ на путь бунта. Въ лицѣ художниковъ Сапунова и Судейкина, руководители «Студіи» принялись «упрощать» и «стилизовать» намѣченныя постановки. Къ ихъ работѣ «на плоскостяхъ» Мейерхольдъ присоединилъ свой «методъ расположенія на сценѣ фигуръ по барельефамъ и фрескамъ». Новый режиссеръ подчеркивалъ то правило своего стиля, по которому «въ интерпретаціяхъ образовъ рѣзкость очертаній вовсе необязательна для ясности образа». «Игра намеками», съ предоставленіемъ зрителю, желающему «разгадать тайну», «добавлять воображеніемъ недосказанное», признавалась тутъ главной задачей актера. Въ этомъ и долженъ былъ заключаться «импрессіонизмъ» и «символизмъ» сцены. «Тайна» должна была «владѣть зрителемъ и влечь его въ міръ грезъ». Необходимымъ сопровожденіемъ стилизованнаго діалога или монолога должна была служить музыка. Анализируя, напримѣръ, «Чайку» Чехова, Мейерхольдъ усматривалъ въ ней «основную тоскующую *мелодію*, съ мѣняющимися настроеніями въ піаниссимо и вспышками въ форте (переживанія Раневской), и *фонъ* — диссонирующій аккомпаниментъ — однотонное бряцаніе захолустнаго оркестра и пляска живыхъ труповъ (обывателей)». Эта пляска рисуется Мейерхольду, какъ «пляска маріонетокъ въ ихъ балаганчикѣ». Не забудемъ, что это печаталось въ 1908 г., когда Стравинскій, вмѣстѣ съ Бенуа, вѣроятно, уже задумывали своего «Петрушку». Все это связываетъ разные виды искусства въ общемъ настроеніи, господствовавшемъ въ тѣ годы. Какъ всегда, есть тутъ и иностранный источникъ. Мейерхольдъ цитируетъ книгу Георга Фукса о «Театрѣ Будущаго».

Конечно, главнымъ иностраннымъ вліяніемъ, — давшимъ притомъ и матеріалъ, къ которому могли быть приложены идеи о Новомъ Театрѣ, — было вліяніе Метерлинка. Метерлинкъ навелъ Мей-

ерхольда на мысль, что «нуженъ Неподвижный Театръ». «Трагедія, по его (Метерлинка) мнѣнію, выявляется не въ наибольшемъ развитіи драматическаго дѣйствія, не въ душу раздирающихъ крикахъ, а, наоборотъ, въ наиболѣе спокойной, *неподвижной* формѣ и въ *словѣ тихо сказанномъ*». «Не слова, а паузы; не монологи, а музыка пластическихъ движеній», вывелъ отсюда Мейерхольдъ.

Но для этого рода достиженій нужно было, прежде всего, переучить актера. Декораціи, даже жесты и позы, — все это удавалось упростить и стилизовать. Но какъ стилизовать живого актера, — особенно актера, привыкшаго къ игрѣ интонацій и жестовъ, культивировавшейся въ Художественномъ театрѣ? На этомъ затрудненіи оборвался экспериментъ съ «Театромъ-Студіей», который такъ и не былъ показанъ публикѣ. «Артисты, изучившіе условные жесты, о которыхъ грезили прерафаэлиты», — свидѣтельствуетъ Брюсовъ, завѣдовавшій «литературнымъ бюро» Студіи, — «въ интонаціяхъ попрежнему стремились къ реальной правдивости разговора, старались голосомъ передать страсть и волненіе, какъ они выражаются въ жизни». *Этого рода* реализма Мейерхольду такъ и не удалось уничтожить въ ученикахъ и актерахъ Художественнаго Театра. Но онъ извлекъ изъ этой неудачи опредѣленный урокъ. Въ его «Неподвижномъ Театрѣ» актеръ долженъ былъ «раскрыть свою душу, слившуюся съ душой драматурга, черезъ душу режиссера». Изъ области импрессіонизма мы здѣсь переходимъ въ область *экспрессіонизма* — и вспоминаемъ Борисова-Мусатова, съ его неподвижностью прерафаэлитскихъ позъ, выражающихъ тихія настроенія «души» (см. выше, стр. 541, 549-561). Разные виды искусства и здѣсь переживали параллельную эволюцію.

«Студія» закрылась, не открывшись. Но Мейерхольдъ получилъ возможность примѣнить вынесенныя изъ «Студіи» правила въ театрѣ В. Ф. Комиссаржевской, пригласившей его въ 1906 г. въ качествѣ режиссера. Артисткѣ, сильной богатствомъ своихъ голосовыхъ средствъ, производившей глубокое впечатлѣніе своими интонаціями раненой красивой души, пришлось, въ угоду новой теоріи, научиться «холодной чеканкѣ словъ», медленно «падающихъ, какъ капли въ глубокій колодезь, и изображать «трагизмъ съ улыбкой на лицѣ», имитируя, безъ рѣзкихъ движеній, барельефы на авансценѣ и внушая зрителю, на одной-двухъ нотахъ, впечатлѣніе «очищенныхъ, внѣвременныхъ страданій». Былъ и моментъ успѣха, — когда требованія стилизаціи совпали съ сюжетомъ выбранной пьесы — «Сестры Беатрисы» Метерлинка. Легенда о молодой монахинѣ, которую замѣнила Богородица во время ея скитаній по грѣшному свѣту, какъ нельзя лучше подошла къ идеѣ превратить спектакль въ «мистерію».

Имѣла условный успѣхъ и постановка «Балаганчика» Блока, отвѣчавшая идеѣ «театра маріонетокъ», символизирующихъ призрачность жизни и смерти. Но этимъ и исчерпывались удачи символизма на сценѣ. Театръ поддерживали только небольшіе кружки и салоны новаторовъ, увлекшіе за собой студенческую молодежь. Большая публика этого театра не понимала. По воспоминаніямъ Зноско-Боровскаго, «каждый спектакль превращался въ сраженіе» и «съ каждымъ спектаклемъ росла вражда широкой публики и большой прессы». Коммиссаржевская не вынесла — и разошлась съ Мейерхольдомъ. Театръ, не поддержанный публикой, закрылся, и измученная артистка скончалась во время предпринятаго ею театральнаго турне (1910). А для «Мефистофеля»-Мейерхольда вторая неудача лишь послужила началомъ дальнѣйшей эволюціи.

Оставивъ въ сторонѣ идею «мистеріи» и «храма», онъ теперь началъ развивать другую сторону своей теоріи — идею балагана и непосредственнаго сближенія театра съ зрителями («долой рампу»). Въ «Домѣ Интермедіи» (1910-11) актеры входили на сцену черезъ залъ, уставленный столиками, и зрители вовлекались въ игру актеровъ искусственными пріемами. Такъ какъ импрессіонизмъ и символизмъ именно въ эти годы (стр. 553) уступили мѣсто кубизму и футуризму, то «неподвижность» должна была смѣниться «движеніемъ». Вмѣсто декорацій повисли сверху панно разныхъ цвѣтовъ. Роль мрачно-торжественныхъ монологовъ заняла пантомима, уже начинавшая переходить въ акробатство, и танцы. Въ «Донъ-Жуанѣ» танцовалъ все время самъ герой. Въ «Маскарадѣ» Лермонтова и въ «Шарфѣ Коломбины» жуткое впечатлѣніе трагедіи создавалось контрастомъ между сгущающимися настроеніями дѣйствующихъ лицъ и фономъ» танца, въ которомъ мѣсто «обывателей» заняли фантастическія существа. Commedia del arte привлекаетъ въ это время усиленное вниманіе Мейерхольда, и онъ издаетъ журналъ, названный по имени одной изъ сказокъ Гоцци: «Любовь къ тремъ апельсинамъ». Такъ, уже до революціи 1917 г. создавались формы революціоннаго театра.

Къ нему мы и можемъ теперь перейти, миновавъ режиссерскую дѣятельность противника Мейерхольда, Ф. Ф. Коммиссаржевскаго, пытавшагося сохранить реализмъ сцены, на почвѣ сохраненія стиля каждой данной эпохи, — а также и интересныя попытки Н. Н. Евреинова, искавшаго обновленія сцены въ стилизованной репродукціи театра другихъ историческихъ эпохъ. Остановимся только еще на одномъ прецедентѣ революціоннаго театра, — на московскомъ Камерномъ Театрѣ А. Таирова. Въ своихъ «Запискахъ режиссера» Таировъ разсказываетъ, какъ разочаровалъ его провалъ условнаго

театра и какъ въ 1912 г. онъ бросилъ театръ и столицу, чтобы вернуться къ тому и къ другой, когда въ 1913 г. онъ былъ приглашенъ работать во вновь возникшемъ «Свободномъ театрѣ». Послѣ закрытія этого театра, онъ продолжалъ свои исканія въ собственномъ «Камерномъ театрѣ», открытомъ въ декабрѣ 1914 г. и просуществовавшемъ, съ небольшимъ перерывомъ въ 1917 г., до нашего времени. Придя къ самостоятельной работѣ, послѣ двухъ послѣдовательныхъ отрицаній — сперва натуралистическаго театра, а потомъ и символистскаго, Таировъ искалъ рѣшенія проблемы въ синтезѣ ихъ положительныхъ сторонъ. Отъ натуралистическаго театра онъ беретъ идею самостоятельности актера, замѣненнаго маріонеткой у Мейерхольда. Но отъ условнаго театра онъ удерживаетъ идею, что лицедѣйство этого, вернувшаго себѣ независимость актера, не должно имѣть ничего общаго съ дѣйствительностью, — никакихъ подражаній реальнымъ эмоціямъ. Кубо-футуризмъ вѣдь тоже возвращался отъ безформенности и фантастики экспрессіонизма къ твердой формѣ (стр. 542-4). И Таировъ будетъ теперь стремиться сдѣлать изъ актера, а тѣмъ болѣе изъ сцены, нѣчто приближающееся къ твердымъ геометрическимъ фигурамъ. Само собою разумѣется, что «динамизмъ» футуристовъ достигнетъ у него высшаго своего выраженія. Актеру нужно вернуть «трехмѣрность», отнятую у него двухмѣрной пластикой и рельефами Мейерхольда. Сцену, съ которой старая декоративность уже изгнана, нужно трактовать не декоративно, а «архитектурно». Вмѣсто постановокъ «на плоскостяхъ», теперь будутъ использованы «постройки» въ пространствѣ. Самый полъ сцены перестанетъ представлять ровную горизонтальную плоскость, а приметъ видъ ряда изломанныхъ площадокъ, наклоненныхъ подъ разными углами къ горизонтальной линіи. Это будетъ «клавіатура актера», работающаго не столько голосомъ, сколько ногами. Такое устройство сцены дастъ возможность актеру проявить акробатическія свойства его тѣла, а группамъ исполнителей облегчитъ средства массовыхъ передвиженій на сценѣ и тѣмъ усилитъ динамичность представленія. Аксессуары на сценѣ должны представлять дѣйствительные предметы: скамейку, стулъ, экранъ. Но и эти предметы будутъ служить пособіями для актерской гимнастики. Костюмъ, лишь приблизительно характерный, долженъ облегчить свободу движеній. Главную роль въ декламаціи и музыкѣ долженъ играть ритмъ, соотвѣтствующій мѣрнымъ движеніямъ труппы и, такимъ образомъ, тоже получающій динамическое значеніе. Съ содержаніемъ выбранной пьесы Камерный театръ не церемонится. Авторскій текстъ есть только предлогъ. Такъ разработанъ, напр., сюжетъ «Жирофле-Жирофля», гдѣ всѣ исполнители находятся въ непрерывномъ движеніи, то поднимаются, то спускаются по площадкамъ, создавая ритмическія

фигуры, и самая сцена участвуетъ въ этихъ передвиженіяхъ. Смѣны свѣта, краски костюмовъ, служатъ той же цѣли. Такъ можно трактовать съ успѣхомъ оперетку или «ревю»; но можно ли перенести этотъ стиль «мюзикъ-холля» въ исполненіе трагедіи? Таировъ попытался доказать эту возможность, поставивъ «Федру» Расина. Расинъ тутъ, конечно, былъ не при чемъ. Античный сюжетъ пьесы далъ возможность перенести дѣйствіе въ обстановку внѣ пространства и времени, вмѣсто декорацій развѣсить кубистическія полотнища, напоминавшія паруса, и символизировать дворецъ двумя бѣлыми колоннами, напоминавшими пароходныя трубы. Наклонная площадка производила впечатлѣніе палубы парохода въ бурю. «Архитектурному» элементу и мѣрнымъ движеніямъ актеровъ и здѣсь было отведено первое мѣсто, а декламаціи — послѣднее. Интонаціи были умышленно искажены, чтобы быть подальше отъ натуральныхъ. Конечно, получилось, что угодно, но не впечатлѣніе трагедіи.

Мы видимъ, что «революція» въ театрѣ, какъ и «революція» въ искусствѣ, предшествовала революція въ жизни. При наступленіи настоящей революціи, какъ мы знаемъ, революціонеры искусства предъявили свои права на участіе въ «диктатурѣ пролетаріата» (см. стр. 397). Въ частности, «Пролеткультъ» со своими студіями сталъ очень близко къ проблемѣ революціоннаго театра. Но и здѣсь, какъ въ области литературы, за первоначальнымъ натискомъ послѣдовалъ отпоръ со стороны власти. По существу, какъ тамъ, такъ и здѣсь, между искусствомъ эстетовъ и искусствомъ, которое должно было служить народнымъ массамъ, не было ничего общаго. И, въ особенности, это можно сказать о театрѣ. Революція сама по себѣ дала рядъ зрѣлищъ, не лишенныхъ театральнаго характера. Лозунгъ «театрализаціи жизни» здѣсь имѣлъ непосредственное примѣненіе. Мы уже видѣли, что искусство должно было выйти на улицу, чтобы принять участіе въ массовыхъ инсценировкахъ по поводу разныхъ революціонныхъ торжествъ. Народныя демонстраціи и шествія, ставшія обычной принадлежностью машинизированнаго государства, также требовали участія бутафорскаго элемента и режиссерской подготовки. Но все это вызывало жажду въ искусствѣ реалистическомъ, а не символическомъ, непонятномъ народу. Агитаціонное и воспитательное значеніе театра было, конечно, съ самаго начала хорошо понято совѣтской властью. О немъ говорила популярная въ Россіи книга Ромэнъ Роллана о «Народномъ театрѣ», ссылавшаяся на примѣры Швейцаріи и великой французской революціи. На Роллана ссылалось и воззваніе секціи массовыхъ представленій и зрѣлищъ Тео Наркомпроса, взявшее своимъ девизомъ слова этого писателя: «счастливый, свободный народъ нуждается больше въ празднествахъ,

чѣмъ въ театрахъ, онъ будетъ самъ для себя прекраснѣйшимъ зрѣлищемъ, и мы должны подготовить для будущаго народные праздники». «Да здравствуетъ колелктивное творчество массъ, да здравствуетъ освобожденный театръ», восклицала прокламація. Съ такимъ подходомъ надо было спускать театръ въ массы. И сгоряча появилось на всемъ пространствѣ Россіи необыкновенное множество театровъ — не только профессіональныхъ, но и любительскихъ, — при рабочихъ клубахъ, при избахъ-читальняхъ, — въ которыхъ импровизированные актеры изъ фабричныхъ, разыгрывали самодѣльныя пьесы. Сколько-нибудь урегулировано было это дѣло только въ студіяхъ-лабораторіяхъ московскаго Пролеткульта. Идеологомъ здѣсь былъ лефовскій критикъ Арватовъ, рѣшительно осуждавшій «сценическій театръ, какъ театръ эстетствующихъ актеровъ», и требовавшій построенія новаго театра на циркѣ, трюкѣ, біомеханикѣ, кабаре, мюзикхоллѣ, съ полнымъ отказомъ отъ «литературщины», подмостковъ, идеологическаго сюжета, черезъ такую же деформацію темы, какъ это оказалось необходимымъ въ живописи (ссылка на «работу, начатую въ живописи Сезанномъ, и завершенную Пикассо и Татлинымъ»)». Здѣсь подготовлялись и первые пролетарскіе драматурги, режиссеры и актеры. Въ драмстудіяхъ Пролеткульта до 60-70% актеровъ состояли изъ рабочихъ, не бросавшихъ въ то же время и работу на фабрикахъ. Отсюда вышелъ и «Первый рабочій театръ пролеткульта» въ Москвѣ.

Все это стояло въ рѣзкомъ противорѣчіи съ теоріей и практикой такъ наз. «академическихъ» театровъ, включая сюда Московскій Художественный театръ Чехова (МХАТ 1), Малый (театръ Островскаго), а также МХАТ II, Третью студію МХАТ'а (потомъ театръ имени рано умершаго Вахтангова), Камерный (Таирова). Въ первые два-три года, когда совѣтская власть занята была борьбой за самосохраненіе, эти старые большіе театры были предоставлены самимъ себѣ и продолжали давать старый репертуаръ. Въ Большомъ московскомъ театрѣ шла «Царская невѣста», «Садко», «Русланъ и Людмила». Художественный продолжалъ давать Чехова и Горькаго. Камерный оставался при «Адріеннѣ Лекуврeръ» и «Покрывалѣ Пьеретты». У Корша и Незлобина шли «Орленокъ», «Царь Іудейскій» и т. д. Даже и въ новыхъ театрахъ была еще сильна старая закваска. «Въ цитадели Пролеткульта годами работалъ режиссеръ Смышляевъ, вышедшій изъ нѣдръ МХАТ'а и туда же вернувшійся; Чеховъ, никогда стѣнъ МХАТ'а не покидавшій, В. В. Игнатьевъ, работавшій по принципамъ Станиславскаго»... Станиславскій еще въ мартѣ 1927 г. (на совѣтѣ режиссеровъ) говорилъ, что «творчество имѣетъ свои законы, и съ ними бороться не приходится. Революція сильна, но побѣдить

природу человѣка, побѣдить законы психофизіологическіе, человѣческіе — она не въ силахъ... Одного нѣтъ, а именно того, что есть сущность искусства: человѣкъ *не возбужденъ внутренно*».

Такой человѣкъ, внутренно возбужденный, наконецъ, нашелся. Это былъ все тотъ-же Мейерхольдъ, во время «гдѣ-то застрявшій въ провинціи», такъ что, « о немъ не слышно было» (Пельше), — и во время, когда затихали громы гражданской войны, появившійся вновь, въ 1920 г. Со свойственной ему гибкостью, онъ и теперь подхватилъ новые лозунги и поспѣшилъ взять «революціонный заказъ» на ихъ осуществленіе. Онъ демонстративно объявилъ «театральный Октябрь» и открылъ свой собственный «Первый революціонный театръ РСФСР». «Съ этого времени, констатируетъ Пельше, и Пролеткультъ теряетъ свое «первородство»: онъ самъ попадаетъ въ поле дѣйствія принциповъ Мейерхольда». Въ пролеткультѣ появляется «начиненный мейерхольдизмомъ» молодой талантливый Эйзенштейнъ. Смышляевъ уходитъ, и Эйзенштейнъ «одинъ даетъ знаменитую постановку «Мудреца» (весна, 1923) въ планѣ цирко-театра».

Въ чемъ же состоятъ новыя идеи Мейерхольда? Онъ опять «экспериментируетъ», утрируя свои прежніе взгляды. «Вмѣсто двухмѣрныхъ холстовъ на сценѣ трехмѣрная *кубофутуристическая конструкція,* рядомъ съ которой видны камни оголенныхъ стѣнъ, поблескиваютъ металлическіе глаза рефлектора, стоитъ кино-экранъ, уничтожена рампа, сорванъ занавѣсъ, разгримированъ актеръ, а вмѣсто костюма, какая то универсальная «прозодежда». Въ основѣ актерской игры, вмѣсто психологической естественности, «біомеханическая условность», да плюсъ къ этому: акробатика, клоунада, эксцентрика. Диктаторство рожиссера-постановщика и сведеніе актера до роли послушной маріонетки» (характеристика Пельше). Словомъ, все, что намъ уже извѣстно, только въ болѣе рѣзкихъ проявленіяхъ, — свободныхъ на этотъ разъ отъ какой либо провѣрки публики, ибо Мейерхольдъ опять — во главѣ «государственнаго», теперь уже нанаціонализированнаго, театра.

Чѣмъ же угодилъ Мейерхольдъ своему новому начальству? Онъ, несомнѣнно, старался отвѣтить на всѣ самыя послѣднія требованія. Сближеніе театра съ публикой? Средство готово. Актеры, изображающіе обездоленный классъ трудящихся, будутъ изъ зрительнаго зала осаждать сцену, на которой движется видный сквозь окно «старый міръ»: танцуютъ парочки, дамы въ изящныхъ туалетахъ, лакеи разносятъ яства. Толпа ропщетъ, надвигается, но ее отдѣляетъ отъ сцены стѣна, за которой скоро открывается засѣданіе верховнаго совѣта міровой буржуазіи, обсуждающаго способы предотвратить возстаніе. Толпа кидается на врага: опять стѣна, къ толпѣ высланы сол-

даты, происходитъ схватка; рабочіе побѣждаютъ, стѣна падаетъ, за ней ярко горитъ солнце, мощно звучитъ интернаціоналъ, плещутся красныя знамена, публика вмѣстѣ съ актерами участвуетъ въ пѣніи гимна. Или вотъ другая, болѣе конкретная постановка: знаменитая «Земля дыбомъ». На сценѣ, среди голыхъ стѣнъ, деревянныя «конструкціи» и *настоящія* пушки, аэропланы, полевая кухня и т. д. Построенная въ ряды публика маршируетъ въ ожиданіи пьесы въ фойе и въ такомъ же военномъ порядкѣ занимаетъ по сигналу мѣста. Кровавый русскій генералъ посылаетъ солдатъ и невинныхъ крестьянъ на убой. Попадаетъ въ плѣнъ германскій генеральный штабъ, представленный тоже въ каррикатурахъ, какъ гнѣздо кровопійцъ и хищниковъ. Пушки и пулеметы стрѣляютъ, аэропланы приходятъ въ движеніе, полевая кухня дымитъ. Но вотъ по мосту, соединяющему сцену съ публикой, мчатся автомобили и велосипедисты. Бой переходитъ въ зрительную залу, въ фойе, на улицу. Ряды бойцовъ рѣдѣютъ, проносятъ раненыхъ, пушки смолкаютъ. Автомобили мчатся взадъ и впередъ съ еще большимъ оживленіемъ. Внезапно, «конструкціи» превращаются въ ораторскія трибуны, солдаты и крестьяне ведутъ съ нихъ пропаганду. Пушки превращаются въ баррикады, Керенскій ораторствуетъ, но образуются коммунистическія ячейки, загорается гражданская война. Новая стрѣльба и полеты. Наконецъ, взвивается красное знамя, — красная армія завладѣваетъ конструкціями, трибунами, мѣстами для публики и фойе. Коммунистическая революція побѣдила, зрители встаютъ и поютъ интернаціоналъ, публика съ пѣніемъ маршируетъ изъ театра. Трудно узнать въ этой передѣлкѣ оригиналъ — «Ночь» Мартине. Но Мейерхольдъ вообще не стѣсняется съ авторами. Уже въ своей первой постановкѣ — «Зарѣ» Верхарна онъ измѣнилъ оригиналъ до неузнаваемости. Онъ объявляетъ, что для его театра нуженъ только сюжетъ. Вслѣдъ за «революціонными» постановками, Мейерхольдъ принимается и за «буржуазныя» пьесы, передѣлывая по своему Островскаго, Гоголя, Грибоѣдова. Это даже считается нѣкоторой уступкой «реальному» театру. Реализма, однако, мало и въ этихъ постановкахъ. На сценѣ, по прежнему, вмѣсто декорацій, — «конструкціи», изображающія висячія лѣстницы, движущіяся площадки, вертящіеся цилиндры, стулья, превращающіеся въ качалки, маховыя колеса, ускоряющія или замедляющія свои обороты, смотря по тому, бушуютъ ли на сценѣ или успокаиваются страсти. Акробатство и буфонство замѣняютъ бытовыя сцены въ комедіяхъ Островскаго. Въ патетическихъ мѣстахъ лихо играетъ гармоника или актеры стоятъ вверхъ ногами. Если, помимо всего этого, и имѣются тутъ попытки истолковать по-новому традиціонные типы русской комедіи, то эти попытки слишкомъ отзываютъ «соціальнымъ заказомъ» и тенденціозной модернизаціей.

Между двумя противоположными позиціями «академическихъ» театровъ и «революціоннаго» театра Мейерхольда велась втеченіе совѣтскаго періода глухая борьба, прерывавшаяся съ «академической» стороны вынужденными компромиссами, а съ «революціонной» — невольнымъ сближеніемъ, вызывавшимся какъ отсутствіемъ серьезнаго новаго репертуара («пролетарскія» драмы стали ставиться только съ 1923-24 гг), такъ и необходимостью завлечь къ себѣ публику, не признававшую новыхъ пріемовъ. Перипетіи этой борьбы близко совпадаютъ съ тѣми, которыя мы прослѣдили въ исторіи совѣтской литературы, и потому намъ нѣтъ надобности останавливаться на нихъ съ той же подробностью. Здѣсь, какъ и тамъ, началось съ заявленій, что «пролетарское искусство — внѣклассовое», слѣдовательно, общечеловѣческое (оффиціальный органъ «Изобразительное Искусство» за 1918-19), продолжалось призывами Луначарскаго къ сохраненію и использованію художественныхъ цѣнностей прошлаго («тезисы» конца 1920 г.), а окончилось предъявленнымъ къ театру требованіемъ, чтобы онъ «выполнялъ своими специфическими средствами роль одного изъ важныхъ рычаговъ способствованія соціалистическому строительству, вовлекая въ него широкія массы рабочихъ и крестьянъ, вовлекая и перевоспитывая интеллигенцію и мелкую буржуазію, въ соотвѣтствіи съ задачами, стоящими передъ пролетаріатомъ (всесоюзное партійное театральное совѣщаніе въ маѣ 1927 г.). Соотвѣтственно этимъ этапамъ отношенія власти къ театру измѣнялась и тематика театральныхъ пьесъ. Ея перемѣны повторяютъ тѣ же три періода, которые мы различили въ исторіи совѣтской литературы (стр. 425). По «линіи наименьшаго сопротивленія» и здѣсь въ началѣ преобладали сюжеты изъ области міровой и гражданской войны, «историческая хроника» и «героическая драма». Отъ «попутчиковъ» эти темы перешли потомъ и къ «пролетарскимъ» драматургамъ. Таковы, помимо указанныхъ выше постановокъ Мейерхольда, «Штормъ» Билля, «Бронепоѣздъ» Иванова, «Разломъ» Лавренева; въ качествѣ послѣсловія, — «Власть» Глѣбова и т. д. Постепенно, стали появляться на смѣну этому жанру бытовыя пьесы — обыкновенно комедіи съ сатирическимъ, обличительнымъ содержаніемъ. Въ то же время, «попутчики», какъ Бабель, Леоновъ, Катаевъ, Щегловъ, Файко, — сюда относится и М. Булгаковъ, — пользуясь лозунгомъ «показа живого человѣка», культивировали психологическую драму. «Пролетарскіе» писатели пошли было по ихъ слѣдамъ. Но правовѣрные критики и здѣсь ополчились на это «копанье въ душѣ», какъ на буржуазный пережитокъ. «Унтиловскъ» Леонова, обличавшій «мѣщанство» вообще, «Человѣкъ съ портфелемъ» Файко, обличавшій интеллигента, — словомъ, разоблаченія старыхъ, исчезающихъ типовъ, а также и новыхъ нэпмановъ, разложившихся

коммунистовъ у Бабеля, Катаева, Ромашова, Глѣбова и т. д. — все это въ свою очередь заподазривается, какъ недостаточно ясное, уклоняющееся въ отрицаніе, вмѣсто положительныхъ строго-классовыхъ темъ. Появляются, наконецъ, и эти темы: «пролетарскіе» авторы начинаютъ развивать «грандіозный пафосъ, содержащійся въ экономическихъ явленіяхъ». Въ pendant къ «Цементу» Гладкова (1926) появляются такія драмы, какъ «Ростъ» Глѣбова или «Рельсы гудятъ» Киршона, гдѣ красные директора фабрикъ выходятъ побѣдителями изъ «коллизій своей психики» и «развиваютъ спящія въ нихъ силы» (Рейхъ). Классовая выдержанность въ коллизіи между пролетаріатомъ и буржуазіей составляетъ тему и пьесы Билля «Голосъ пѣдръ».

Въ концѣ концовъ, даже и «академическіе» театры не могли остаться въ сторонѣ отъ этого новаго «пролетарскаго» репертуара. Государственная опера (московскій Большой театръ) должна была ввести «конструкцію» и «біомеханику» Мейерхольда въ новую постановку «Карменъ» и «Лоэнгрина». Къ негодованію своей публики, и Художественный театръ поставилъ «Лизистрату» съ примѣненіемъ деревянныхъ «конструкцій» и безъ перемѣны декорацій. Онъ за то пытался себя компенсировать въ тематикѣ. Поставивъ «Дни Турбиныхъ» (см. стр. 426), вызвавшіе нападки слѣва, онъ уступилъ, поставивъ затѣмъ революціонный «Бронепоѣздъ». Но затѣмъ онъ поставилъ «никчемный» Унтиловскъ и вознаградилъ своихъ посѣтителей постановкой другой пьесы Булгакова «Бѣгъ» — «это второе изданіе «Дней Турбиныхъ», которое нынѣ менѣе терпимо, чѣмъ первое» (Пельше). Камерный театръ поставилъ и третью пьесу того же автора «Багровый островъ» — прежде, чѣмъ цензура окончательно закрыла Булгакову ротъ. «Консервированіе академическихъ традицій ушло вглубь, приспособилось, но не прекратилось», жалуется обозрѣватель 1929 г. Бескинъ. Онъ доноситъ совѣтской общественности, что въ театрѣ имени Вахтангова «уже три года существуетъ нелегальный художественный активъ», разсматривающій работу для театра, какъ подвижничество, и придерживающійся девиза: «искусство для искусства». Еще хуже: въ Москвѣ «стала бытовымъ явленіемъ т. наз. «Понедѣльничная халтура». Что это такое? Оказывается, что по понедѣльникамъ «заслуженные и народные» актеры привлекаютъ огромную публику въ обширныя залы Большого или Экспериментальнаго театра, громадными плакатами, возвѣщающими представленіе одной изъ популярныхъ пьесъ, снятыхъ съ совѣтскаго репертуара: «Тутъ и «Осеннія скрипки» Сургучева, и архимистическій и модернистски-дешевый «Тотъ, кто получаетъ пощечины» (Леонида Андреева), и сентиментально-бюргерскій нѣмецкій «Дуракъ»

Фульда, и сусально-балетный «Ванька-Ключникъ» и прочая макулатура»... «Въ такомъ же порядкѣ «возобновляютъ» «Три сестры» Чехова, его же «Чайку» или, наконецъ, даютъ милый сердцу обывателя ансамбль «Плодовъ Просвѣщенія» или «Живого Трупа». Что это означаетъ», спрашиваетъ авторъ — и резонно отвѣчаетъ «*спросъ родилъ предложеніе*... До послѣдняго времени мелкобуржуазные вкусы таились гдѣ-то въ глубинахъ души, а теперь прорвались наружу и *требуютъ*». То же самое мы замѣтили и въ области живописи (стр. 576): «усиленіе мелкобуржуазныхъ тенденцій на классовомъ и культурномъ фронтѣ», по опредѣленію критика-марксиста. Поэтъ Молчановъ въ «нашумѣвшемъ» стихотвореніи объясняетъ это проще: «тотъ, кто усталъ, имѣетъ право у тихой рѣчки отдохнуть». И критикъ перечисляетъ длинный списокъ подозрительныхъ театральныхъ пьесъ, старающихся, подъ разными прикрытіями, удовлетворить спросу «затосковавшаго» зрителя, который упорно не желаетъ посѣщать произведеній «пролетарскаго» репертуара, а бѣгаетъ на «халтурные понедѣльники». «Поправѣніе», по его наблюденію, чувствуется даже «и въ станѣ молодыхъ театровъ». *Самъ* Мейерхольдъ, «переживъ глубочайшій режиссерскій художественный кризисъ», ищетъ теперь «лазеекъ въ романтику стараго эстетизма». Режиссеры растерялись, замѣчаетъ другой обозрѣватель 1929 г. Новицкій. Они «потеряли свою волю, боятся всякаго художественнаго новаторства». «Драматурги и публицисты ихъ запугали обвиненіями въ радикализмѣ оформленія, излишнемъ экспериментаторствѣ, сногсшибательномъ новаторствѣ ради новаторства».

Всего любопытнѣе, однако, что и сами правовѣрные критики не могутъ не согласиться съ основательностью этихъ возраженій. Какъ разъ для выполненія новѣйшихъ «соціальныхъ заказовъ» театру — въ духѣ новой Сталинской тактики (стр. 422, 574) — для того, чтобы театръ *могъ* съиграть предназначенную ему агитаціонную роль, нужно, прежде всего, чтобы его посѣщали и затѣмъ, чтобы характеръ исполненія пьесы давалъ возможность актеру выявить не только гибкость тѣла, но и извѣстную *идею*. Ни того, ни другого никакъ нельзя было достигнуть въ Мейерхольдовской клоунадѣ. И тотъ-же критикъ (Новицкій), уже считаетъ «недостаточными» требованія, предъявляемыя актеру Мейерхольдомъ. «Вся эта тренировка — только мертвая техника и ремесленная выучка, если она не имѣетъ идеологической цѣлеустремленности и соціальной направленности». «Не потрясетъ сердецъ и не воодушевитъ на борьбу и строительство искуснѣйшій мастеръ, если его самого не зажигаетъ революціонная страсть». Такимъ окольнымъ путемъ мы возвращаемся къ старому спору Бѣлинскаго о сравнительныхъ преимуществахъ игры Мочалова и Кара-

тыгина. Также и зритель имѣетъ свои права. «Онъ больше не хочетъ пребывать въ позѣ изумленія передъ тайной... Онъ требуетъ, чтобы считались съ его требованіями и потребностями». Иначе, «театръ искусственно изолируется (отъ «пролетарской общественности») въ узкомъ кругу мѣщанской и буржуазной интеллигенціи, непосредственно его окружающей... и охраняющей его отъ пролетарскаго воздѣйствія (это, очевидно, и есть понедѣльничные посѣтители)». Выходитъ, что даже для выполненія новѣйшихъ задачъ, налагаемыхъ на театръ послѣдней фазой «строительства соціализма», ему надо вернуть его реалистическій характеръ.

Такимъ образомъ, съ нѣкоторымъ опозданіемъ, вообще свойственнымъ театру, но въ данномъ случаѣ созданнымъ возможностью для забѣжавшаго впередъ государственнаго театра не считаться съ «требованіями» публики, русская сцена слѣдуетъ примѣру, поданному литературой и живописью (стр. 414, 421, 573). Она постепенно высвобождается отъ условностей эстетизма и «формализма», удовлетворявшихъ лишь временному вкусу немногочисленныхъ кружковъ, и возвращается на традиціонный путь реализма, — тотъ путь, которымъ шли русскіе драматурги и актеры съ тѣхъ самыхъ поръ, когда (во второй половинѣ XVIII вѣка) появился въ Россіи театръ, доступный для массоваго зрителя (ср. стр. 313).

Совѣтскіе критики сами признаютъ именно такой путь развитія совѣтской сцены. Такъ, Пельше дѣлитъ исторію «формальныхъ исканій» совѣтскаго театра на слѣдующіе періоды:

1. Кубо-футуристическій (1918-1922).
2. Отвлеченно-реалистическій конструктивизмъ (1923-24).
3. Условно-реалистическій конструктивизмъ (съ начала 1925, т. е. съ Мейерхольдовской постановки «Мандата»).

Но тутъ надо помнить, что 1) мы имѣемъ дѣло съ совѣтской терминологіей, для насъ необязательной; 2) что критикъ признаетъ необходимость «условности» реализма только потому, что полагаетъ, что такія «монументальныя» темы, какъ напр., «1917 г.» или «Мятежъ» никакъ не могутъ умѣститься въ предѣлахъ натуралистическаго реализма, обрабатывавшаго, отъ Гоголя до Чехова, «маленькіе кусочки личной жизни», и 3) что книжка Пельше не доведена до самаго послѣдняго времени, когда совѣтскіе критики (Новицкій, Бескинъ) принуждены были признать наличность «кризиса» театра Мейерхольда, его «шаги назадъ къ психологическому и эстетическому театру» и неизбѣжность этого кризиса, такъ какъ «опытъ Мейерхольда... пренебрегалъ идеологическими заданіями нашего времени».

Руководящими сочиненіями по исторіи византійскаго искусства являются *Ch. Diehl,* Manuel d'art byzantin, 2 éd. Paris 1925. *Gabriel Millet,* Re-

cherches sur l'iconographie de l'Evangile au XIV, XV et XVI siècles, Paris, 1916. *Dalton, O. M.* Byzantine art and archaelogy, Oxford, 1911, его-же East christian art, Oxford, 1925. Капитальная работа по исторіи русскаго искусства (къ сожалѣнію, незаконченная), издана подъ ред. **Игоря Грабаря:** «Исторія русскаго искусства» въ шести томахъ. Томы 1-3 посвящены архитектурѣ (статьи Грабаря, Ф. Горностаева, Щусева, В. Покровскаго и др.), т. V — скульптурѣ (Н. Н. Врангеля), живописи (П. Муратова). Краткій, но содержательный обзоръ см. въ книгѣ **Виктора Никольскаго,** Исторія русскаго искусства, съ предисловіемъ **П. Муратова,** РСФСР, Госизд. Берлинъ, 1923, съ 49 хорошо подобранными фотографическими снимками, изъ нихъ 14 въ краскахъ, и съ библіографіей. *Louis Réau,* L'art Russe, v. I, des origines à Pierre le Grand, 104 planches; v. II, de Pierre le Grand à nos jours, 72 planches hors texte, Paris 1921-22. Въ хорошо освѣдомленной книгѣ проф. **Н. Покровскаго,** Церковная археологія въ связи съ исторіей христіанскаго искусства, 417 рисунковъ, Петр. 1906, отдѣлъ V посвященъ церковному искусству въ Россіи. См. также общій очеркъ исторіи русскаго искусства **(А. Сомова и С. Вулича)** въ первомъ изданіи Энциклопедическаго Словаря Брокгауза и Эфрона, ст. Россія (55-й полутомъ). Общій очеркъ «Исторіи русской архитектуры» см. въ книгѣ **А. М. Павлинова** подъ этимъ заглавіемъ, Москва, 1894. Теорія восточныхъ вліяній на русскую архитектуру и орнаментъ впервые выставлена **Віолле ле Дюкомъ** въ его сочиненіи «Русское искусство, его источники, его составные элементы, его высшее развитіе, его будущность». Перев. Н. Султанова, М. 1879. Здѣсь же замѣчанія о своеобразныхъ чертахъ архитектуры XVI вѣка. Теорія зависимости древнерусскаго зодчества отъ Малой Азіи и Кавказа изложена проф. **Ѳ. И. Шмитомъ:** Искусство древней Руси — Украины, Харьковъ, 1919, изд. «Союзъ». О вліяніи деревянныхъ формъ на стиль церковной архитектуры, см. статью **И. Е. Забѣлина:** «Черты самобытности въ русскомъ зодчествѣ» въ «Древней и Новой Россіи» 1878; перепечатано въ «Русскомъ художественномъ Архивѣ» 1894 и отдѣльной книжкой въ серіи «Вопросы науки, искусства, литературы и жизни», Гроссмана и Кнебеля. Также см. **Н. В. Султанова,** «Образцы древнерусскаго зодчества въ миніатюрныхъ изображеніяхъ». Изслѣдованіе по рукописи XVI в. «Житіе Николая Чудотворца», СПБ. 1881 въ «Памятникахъ древней письменности». О строителяхъ собора Василія Блаженнаго см. «Еще новыя лѣтописныя данныя о построеніи Покровскаго московскаго собора» свящ. **И. Кузнецова** въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1896, кн. 11. *G. C. Lukomskij.* Kiew, 1923, München Orchis-Verlag. Новыя данныя по исторіи русской иконописи использованы въ соч. **Н. П. Кондакова,** The Russian Icon, translated by Ellis H. Minns, Oxford; Clarendon Press 1927. Русское изданіе печатается въ Прагѣ. До сихъ поръ вышли: I. Альбомъ 65 цвѣтныхъ таблицъ и II. Альбомъ 136 (черныхъ, меньшаго формата) таблицъ. Seminarium Kondakovianum, Прага 1928. *Paul Mouratow,* L'anci-

enne peinture russe, trad. du manuscrit par André Caffi, 1925, A. Stock, Roma-Praha. **А. Грищенко,** Вопросы живописи, вып. 3-й Русскія иконы, какъ искусство живописи, съ 110 воспроизведеніями, Москва 1917. Новѣйшія изслѣдованія, расчистки и находки зарегистрированы въ рядѣ цѣнныхъ статей **Грабаря, Анисимова** и др. въ «Вопросахъ реставраціи», два сборника Государственныхъ центральныхъ реставраціонныхъ мастерскихъ, М. 1926 и 1928. См. также *Prof. Igor Grabar,* Die Freskomalerei der Dmitrij Kathedrale in Wladimir, Petropolis Verlag, Berlin. Очень цѣнная резюмирующая работа произведена на основаніи всѣхъ новѣйшихъ открытій, съ строго-научной оцѣнкой ихъ, прив. доцентомъ въ Бреслау, **Филиппомъ Швейнфуртомъ:** Geschichte der Russischen Malerei im Mittelalter, mit 8 Lichtdrucktafeln und 169 Abbildungen, Haag, Martinus Nijnhof, 1930. Здѣсь тщательно разработанъ и вопросъ объ итало - византійской школѣ. См. также Masterpieces of Russian painting, twenty colour plates and 43 monochrome productions of Russian Ikons and Frescoes XI-XIII, by Michael Farbman, со статьями Анисимова, Грабаря и др. London, Europe publications. «Матеріалы по русскому искусству», изд. Художественнаго русскаго музея, Лен. 1928: сборникъ статей по всѣмъ періодамъ искусства. Для параллелей въ другихъ православныхъ странахъ, см. тщательное изслѣдованіе *André Grabar,* La peinture religieuse en Bulgarie, préf. de Gabriel Millet, Paris, Gentner, 1928. L'art Roumain par *Nic. Jorga* et *George Bals, Paris,* Boccard, 1922. Для исторіи русской живописи XVI и XVII вѣковъ, см. рядъ сохраняющихъ цѣнность статей въ «Историческихъ Очеркахъ русской народной словесности и искусства» **Ф. И. Буслаева,** т. II, Древнерусская народная литература и искусство, СПБ. 1861 и **его же** обширную статью: «Общія понятія о русской иконописи» въ «Сборникѣ на 1866 г.», изд. Общ. древнерусскаго искусства при М. Публ. Музеѣ. Данныя относительно самостоятельнаго русскаго развитія иконографическихъ сюжетовъ въ изобиліи собраны въ капитальныхъ изслѣдованіяхъ **Н. Покровскаго:** «Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ». СПБ. 1892 (въ Трудахъ археологическаго съѣзда въ Москвѣ, 1890, т. I). **Его же** «Страшный судъ въ памятникахъ византійскаго и русскаго искусства» (въ Трудахъ археологическаго съѣзда въ Одессѣ т. III, Одесса; 1887) и **его же** «Сійскій иконописный подлинникъ» (Памятники древней письменности, два выпуска, CVI и CXIII (1895-6) съ альбомомъ (CIX). Къ той же категоріи работъ относится и капитальное изслѣдованіе **Н. П. Кондакова:** «Иконографія Богоматери. Связи греческой и русской иконописи съ итальянской живописью ранняго Возрожденія» СПБ. 1910, т. II СПБ. 1915, и монографія **А. И. Анисимова:** «Владимирская Икона Божіей Матери» Seminarium Kondakovianum, Прага, 1928. Статьи **В. Н. Нечаева** и **Е. П. Сачавца-Федорова,** въ Сборникѣ статей: «Русское Искусство въ XVII в.», Acad., 1929. Временникъ отдѣла изобразительныхъ искусствъ. I. Изобразительное искусство (статьи В. Н. Нечаева объ Ушаковѣ и Романова о новгородскомъ зодчествѣ XV-

XVI в.) Acad. 1927. Стѣнныя росписи царскаго дворца XVI и XVII вв. описаны **Забѣлинымъ:** Домашній бытъ русскихъ царей, ч. I, 3-е изд. съ дополненіями, М. 1895. Образцы иконной живописи Симона Ушакова, см. въ брошюрѣ **Д. К. Тренева** «Иконы царскаго изографа С. У. въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ», съ прил. 5 фототипій. М. 1901. **А. И. Успенскій.** Царскіе иконописцы въ XVII вѣкѣ, т. IV, по рукописнымъ даннымъ. По искусству XVIII в. см. *Karl Staehlin*, Aus den Papieren Jacob von Staehlins, 1926, Ost-Europa Verlag, 1926, 199 Abbildungen. *Louis Réau et Georges Loukomski*, Catherine la Grande, inspiratrice d'art et Mécène, Calame, Paris, 1930. Спеціально, по исторіи живописи: **О. Голлербахъ.** Портретная живопись въ Россіи XVIII вѣка, Госизд. 1923. Исторія живописи въ XIX вѣкѣ **(Мутера). Александръ Бенуа.** Русская живопись Изд. тов. «Знаніе», М. Значеніе работы видно изъ моего текста. Первоисточникомъ для характеристики эпохи передвижниковъ служитъ Собраніе сочиненій **В. В. Стасова,** три тома СПБ. 1894. Здѣсь помѣщены его большія резюмирующія статьи: «Двадцать пять лѣтъ русскаго искусства» и «Тормозы новаго русскаго искусства» (архитектура, живопись, скульптура и музыка; критико-біографическіе очерки дѣятельности Брюллова, Иванова, Перова, хроника картинныхъ выставокъ и т. д.). См. также **А. Новицкаго.** Передвижники и ихъ вліяніе на русское искусство, М. 1897. Хроника новѣйшаго періода и богатый матеріалъ для оцѣнки западныхъ вліяній и для характеристики отдѣльныхъ художниковъ XVIII и XIX вв. см. въ художественныхъ журналахъ: «Міръ Искусства» — выходилъ въ 1899-1904. «Золотое Руно» — съ 1906 по 1909 и «Аполлонъ», 1909-1914. Описанія московскихъ собраній картинъ новѣйшей французской живописи И. А. Морозова (С. Маковскаго) и С. И. Лукина (Я. Тугендхольда), см. въ «Аполлонѣ», 1912, № 3-4 и 1914 № 1-2. Въ этихъ журналахъ можно найти также многочисленныя біографическо-критическіе очерки старыхъ и новыхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ съ многочисленными репродукціями. Біографія Борисова-Мусатова, **И. Евдокимова,** въ серіи «Искусство», подъ ред. П. П. Муратова. Библіографію отдѣльныхъ монографій, посвященныхъ новымъ русскимъ художникамъ, см. въ вышеупомянутой книгѣ Виктора Никольскаго. Для знакомства съ новѣйшими иностранными теченіями, см. послѣднее изданіе Исторіи искусства Любке: *Lübke-Haack*, Die Kunst des neunzehnten Jahrhunderts und der Gegenwart. II Theil, Die Moderne Kunstbewegung, 6-te Auflage, 1925. *Fritz Knapp*, Die künstlerische Kultur des Abendlandes, Band III, Die malerische Problematik der Modernen, vom Klassicismus zum Expressionismus, 2 bis 3 Auflage, 1923. *Julius Meier Graefe*, Die Entwicklungsgeschichte der modernen Kunst, два тома текста и третій томъ репродукцій, Stutgart, 1914, и **его же** Impressionisten, 2 Aufl., 1907. *Th. Duret*, Histoire des peintres impressionistes, Paris 1906. *G. Apollinaire*, Les peintres cubistes, Paris, 1913. *Gustave Coquiot*, *Cubistes*, *Futuristes*, *Passéistes*, Paris 1914. *Ozenfant*, Art. Picasso, von *Maurice Raynal*, 95 Abbildungstafeln und 8 Kupfer-

drücke, Delphinverlag, München. Для новѣйшихъ нѣмецкихъ теченій см. *Ludwig Justi*, Von Corinth bis Klee, Deutsche Malkunst im 19 und 20 Jahrhundert, ein Gang durch die Nationalgallerie. Mit 96 Abbildungen, Berlin 1931. По русски, см **И. Маца.** Искусство эпохи зрѣлаго капитализма на Западѣ. Изд. Коммун. академіи. Москва 1929. Точка зрѣнія узко-марксистская, но большой подборъ фактическихъ данныхъ. Для перваго знакомства съ импрессіонистами полезенъ сборникъ статей **Тугендхольда,** «Французское искусство и его представители», СПБ. тов. «Просвѣщеніе», s. d. Для исторіи балетовъ Дягилева см., кромѣ указанныхъ выше изданій, посвященный этой темѣ Numéro spécial de la Revue Musicale, 1 décembre 1930, Les ballets Russes de Serge de Diaghilew, сборникъ цѣнныхъ статей и иллюстрацій. О «коллективномъ человѣкѣ» и вообще объ искусствѣ времени большевизма см. обширную работу *René Füllop-Miller*, Geist und Gesicht des Bolschewismus, Amalthea-Verlag, 1926. Тутъ же и о большевистскомъ театрѣ. Множество репродукцій плакатовъ и картинъ, точка зрѣнія объективная. Для исторіи русскаго кубизма и футуризма, см. книгу **Эли Эганбюри,** Наталія Гончарова, Михаилъ Ларіоновъ. М. 1913. Съ многочисленными репродукціями. Ослиный хвостъ и Мишень. М. 1913 Изд. Мюнстеръ. Манифестъ лучистовъ и будущниковъ и статьи В. Паркина, М. Ларіонова и С. Худакова. Съ репродукціями. Каталоги выставокъ съ репродукціями: Salon d'automne. Exposition de l'art Russe. Paris 1906. Exposition des artistes Russes à Paris en 1921 organisée par les membres exposants de la société Mir Iskousstva à la gallerie «La Boëtie». О Борисѣ Григорьевѣ см. монографію: Boris Grigoriew. Rasseja. Mit einführenden Aufsaetzen von Oskar Bie, Pavel Barchan, Alexander Benois und Boris Grigoriew und 70 Wiedergaben nach den Originalen des Malers, Potsdam-Berlin. 1921. О Маркѣ Шагалѣ см. нѣмецкій переводъ книги **Эфроса** и **Тугендхольда,** Mark Schagall, со снимками. Verl. Kiepenkener. *Waldemar George*, Marc Chagall, съ 29 снимками въ серіи Les peintres français, 1928. Sélection, chronique de la vie artistique, cahier 6, Mark Chagall, Anvers, 1929, со многими снимками. *René Schwob*, Chagall et l'âme juive, éd. Corréa, Paris, 1931, со снимками.

О совѣтскомъ искусствѣ см. рядъ содержательныхъ статей въ «Ежегодникѣ литературы и искусства на 1929-й годъ», М. 1929, изд. Ком. Акад. (статьи **И. Маца, Д. Аркина, Н. Масленникова, А. Михайлова;** коллективная статья: основные моменты въ развитіи совѣтской живописи, хроника изо-искусствъ и библіографія). **М. Я. Гинзбургъ,** Стиль и эпоха, проблемы современной архитектуры, Гос. Изд., М. 1924 (съ 41-й таблицей фасадовъ). См. также цитированную въ предыдущ. отдѣлѣ книгу: Voices of October. **Р. Пельше.** Наша театральная политика. Госизд. 1929. Объ эволюціи русскаго театра, см. талантливую книгу **Е. А. Зноско-Боровскаго.** «Русскій театръ начала XX в.», изд. «Пламя», Прага 1925 г. «Театръ, книга о новомъ театрѣ», изд. Шиповника, 1908, статьи Бенуа, Мейерхольда, Горнфельда и др. О традиціи реализма, см. **Кизеветтеръ,** М. С. Щепкинъ, Прага, 1925.

III

СЕКУЛЯРИЗАЦІЯ ИСКУССТВА И ЕГО САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ РАЗВИТІЕ: МУЗЫКА.

Сходства и различія съ Западомъ. — Роль народной пѣсни и церковнаго напѣва. — Древнѣйшая нотація, ея рецепція въ Россіи. — «Хомовое» пѣніе — Первыя попытки самостоятельнаго отношенія къ заимствованному. — Нововведенія Шайдурова и Мезенца. — «Демественное» пѣніе. — Первыя попытки многоголосія («знаменное» пѣніе). — Заимствованіе «партеснаго» пѣнія изъ Польши. — «Грамматика мусикійская» Дулецкаго. — Появленіе свѣтской музыки. — Итальянскіе композиторы въ Россіи. — Русскіе любители. — Первые русскіе композиторы: Митинскій, Фоминъ, Бортнянскій, Козловскій. — Гармонизація церковнаго пѣнія. — Распространеніе интереса къ музыкѣ. — Классическій періодъ русской музыки. — Глинка и Пушкинъ. — Національный элементъ въ музыкѣ Глинки. — Пріемъ оперъ Глинки. — Реализмъ Даргомыжскаго. — Эклектизмъ Сѣрова. — Борьба «русской» и «космополитической» школы. — Рубинштейны и Чайковскій. — «Дилеттанты» Балакиревскаго кружка. — Мусоргскій, какъ реалистъ. — Національное значеніе «кучки». — Бородинъ. — Значеніе эволюціи Римскаго-Корсакова. — Римскій-Корсаковъ и Вагнеръ. — Начало «бунта». — Изолированное положеніе Скрябина. — «Новая музыка» XX вѣка. Судьба мелодіи, гармоніи и ритма въ новой школѣ. Импрессіонизмъ, экспрессіонизмъ и «предметность» въ новой музыкѣ. Ея иностранные представители. — Отличительныя черты новаго музыкальнаго стиля. — Русскіе иниціаторы и подражатели. — Стравинскій. — Прокофьевъ. — Музыка въ послѣреволюціонной Россіи.

Если мы отъ изобразительныхъ искусствъ обратимся къ исторіи русской музыки, то и здѣсь найдемъ тотъ же параллелизмъ развитія въ общихъ чертахъ и тѣ же особенности въ частностяхъ, — подчасъ весьма существенныхъ, — сравнительно съ развитіемъ западной музыки, какіе могли услѣдить въ исторіи живописи и литературы. Естественно, что и тутъ различія съ Западомъ, объясняемыя особой средой національнаго развитія, особенно велики въ началѣ русскаго историческаго процесса, а по мѣрѣ приближенія къ современности эти различія сглаживаются и уступаютъ мѣсто все болѣе

ственно выраженному параллелизму. Параллелизмъ этотъ и въ данномъ случаѣ сперва выражается въ непосредственномъ подражаніи образцамъ, даннымъ высшей культурой, а затѣмъ, послѣ того, какъ подражаніе принесло свой плодъ и вызвало самостоятельное національное творчество, — параллелизмъ становится результатомъ взаимодѣйствія равноправныхъ культуръ или, въ болѣе глубокомъ смыслѣ, однообразія законовъ развитія коллективной психики культурныхъ народовъ. Отмѣтимъ также, что и въ данной области творчества намъ придется постоянно указывать на связь и солидарность, которыя существуютъ между нею и другими областями творчества, по видимости совершенно независимыми другъ отъ друга.

Мы начинаемъ съ установленія глубокаго различія, которое въ началѣ изучаемаго процесса существовало и въ области музыки между культурной обстановкой востока и запада Европы. Западная музыка была продуктомъ могущественнаго культурнаго вліянія церковнаго элемента на народные задатки. Церковный григоріанскій хоралъ, прежде всего, рѣшительно вытѣснилъ древнюю пятитонную гамму народной пѣсни, лишенную кварты и септимы, замѣнивъ ее античной семиступенной (діатонической). Затѣмъ, въ предѣлахъ той же церковной музыки началась разработка современной гармоніи. Народная пѣсня дала напѣвъ; церковный средневѣковой стиль научилъ сопровождать этотъ напѣвъ другими созвучными голосами. Такимъ образомъ явилось въ музыкѣ новаго времени сочетаніе мелодіи съ гармоніей, одноголоснаго стиля съ многоголоснымъ. Въ Россіи и въ этомъ случаѣ церковь сторонилась отъ народной старины. Втеченіе вѣковъ церковное пѣніе и народная пѣсня существовали рядомъ не оказывая другъ на друга вліянія. Церковь, какъ мы знаемъ, преслѣдовала народную пѣсню (стр. 288-91). Еще въ 1636 г. по приказу патр. Іоасафа русскіе музыкальные инструменты были преданы въ Москвѣ торжественному сожженію. И результаты получились тѣ же. Русская пѣсня донесла до нашего времени свой своеобразный ритмъ и даже свою первобытную гамму. Съ другой стороны и церковное пѣніе («знаменное») долго жило своей отдѣльной жизнью, не получая импульсовъ извнѣ — и не передавая ихъ въ мірскую среду. Въ результатѣ, оно надолго осталось такимъ же неподвижнымъ, неразвитымъ, одноголоснымъ, какимъ пришло къ намъ, какъ составная часть неподлежащей измѣненіямъ церковной службы, изъ Византіи или отъ южныхъ славянъ. Такимъ образомъ, древняя Русь не принимала никакого участія въ той грандіозной выработкѣ многоголоснаго стиля, которая на Западѣ уже заканчивалась въ XV столѣтіи, подготовивъ почву

для Палестрины. Естественно, что русская музыка не могла принять *непосредственнаго* участія въ *дальнѣйшемъ* развитіи европейской музыки, дополнившей хроматизмомъ (полутонами) старую діатоническую гамму и перешедшей отъ системы церковныхъ ладовъ къ современной намъ системѣ мажора и минора. Чтобы получить возможность самостоятельнаго развитія, русской музыкѣ пришлось, такимъ образомъ, начать — хотя и поздно — съ простого заимствованія готовыхъ элементовъ европейской техники. И только впослѣдствіи, усвоивъ эту технику, она нашла свободу отъ ея оковъ въ старинной народной пѣснѣ и внесла въ исторію музыки свои собственные національные элементы (см. ниже, 619, 628).

Однако же, и въ области русской церковной музыки, какъ въ области иконописи, можно замѣтить нѣкоторое движеніе, параллельное европейскому, хотя гораздо болѣе элементарное.

Къ сожалѣнію, за развитіемъ этого движенія очень трудно слѣдить, такъ какъ особый способъ изображенія нотъ, заимствованный нами у грековъ, черезъ посредство южныхъ славянъ, чрезвычайно затрудняетъ изученіе того новаго, что было введено русскими пѣвцами въ византійское наслѣдство. Древнѣйшая нотація, т. наз. «кондакарнаго» пѣнія до сихъ поръ не расшифрована*). Мы знаемъ только, что она именно сохраняетъ богатство древней византійской церковной музыки, отличающейся отъ позднѣйшей преобладаніемъ сплошной мелодіи надъ замѣнившимъ ее впослѣдствіи чтеніемъ нараспѣвъ, речитативомъ. Другая нотація, ставшая общеупотребительной, подъ названіемъ «знаменной» (т. е., собственно, «знаковой», отъ греч. semeion знакъ), тоже остается малопонятной для насъ до конца XV вѣка. Но самая неизмѣнность этой системы нотныхъ знаковъ (позднѣе ихъ прозвали «крюками») свидѣтельствуетъ о неподвижности обозначенныхъ ими мотивовъ. Эта неподвижность, конечно, прежде всего объясняется неприкосновенностью пѣснопѣній, составляющихъ часть богослужебнаго культа. Но тутъ, какъ мы видѣли это и въ другихъ областяхъ заимствованной Россіей культуры, дѣйствовала и другая причина. Музыкальныя достиженія Ви-

*) Собственно, изслѣдованія Флейшера, Римана и др. раскрыли значеніе греческой нотаціи, начиная съ 1300 г. (реформа аѳонскаго монаха Кукузелеса); но восходя отсюда къ XI столѣтію, и они не могли вполнѣ дешифровать древнѣйшихъ нотныхъ знаковъ. Смѣнившая и у насъ въ XIV столѣтіи древне-византійскую нотацію т. наз. «крюковая» система имѣетъ уже мало общаго и съ нею; и съ нотаціей Кукулеса и др., удержавшейся у грековъ до XVIII столѣтія. См. библіографію.

зантіи были слишкомъ высоки и недоступны для усвоенія въ русской средѣ: они просто остались непоняты. И самую систему музыкальнаго «осмогласія» русскіе пѣвцы понимали чисто внѣшнимъ образомъ. Не зная звукоряда и не понимая «гласа», какъ «лада», они учились «гласу», какъ неграмотные учились псалтырю, схватывая внѣшнія формы начертаній. Они связывали въ памяти каждый «гласъ» съ особыми, свойственными ему, музыкальными оборотами, которые называли «попѣвками», и давали каждому обороту особое названіе, напр. «подъемъ, перегибъ, завивецъ, пригласка и возгласка, задѣвецъ и подвертка, скачекъ большой, переметка» и т. д. Такихъ попѣвокъ различалось до сотни въ каждомъ гласѣ: понятно, какъ усложнялось и затруднялось этимъ обученіе пѣнію. Не меньше труда стоило усвоить и самое обозначеніе нотъ и цѣлыхъ мелодій — «крюками», помѣщавшимися, вродѣ стенографическихъ знаковъ, надъ текстомъ. Постепенно, къ прежнимъ знакамъ стали прибавляться нѣкоторыя измѣненія, которыя еще усложнили нотацію. Затѣмъ, въ славянскомъ текстѣ, принесенномъ къ намъ съ юга, оказывались особенности, разошедшіяся съ русскимъ произношеніемъ буквъ. Буквы ъ и ь, долго сохранявшія у южныхъ славянъ значеніе гласныхъ или полугласныхъ звуковъ — короткаго *о* и *е*, въ Россіи скоро перестали звучать и написанные надъ ними нотные звуки потеряли опору. Древнее «дьньсь» — въ три слога — произносилось «днесь» — въ одинъ слогъ. Фразы вродѣ «съгрѣшихомъ, безъзаконновахомъ, не оправдихомъ предъ тобою» читались у славянъ полногласно: «согрѣшихомо, безозаконовахомо, не оправдихомо передо тобою». Пришлось такъ и писать въ русскихъ текстахъ, чтобы не мѣнять мотива. Частое повтореніе этихъ — «хомо» повело къ тому, что всю эту манеру пѣнія на Руси прозвали «хомовой» или «хомоніей». Древнее византійское обозначеніе «гласовъ» (echoi) различнымъ сочетаніемъ буквъ а, н, е, означавшимъ разныя церковныя тональности («ананес», «неанес» и т. д.), у насъ также получило значеніе чисто звуковыхъ вставокъ для облегченія пѣвца, прозванныхъ «аненайками». Все это затрудняло пониманіе текста. Не понимали и переписчики замысловатыхъ нотныхъ значковъ и, переписывая рукописи, «тетрадки съ тетрадокъ, не зная добрѣ ни силу рѣчи, ни разумъ стиха, ни буквы вѣдая», они въ конецъ искажали «знаменное» письмо. Верхъ путаницы былъ достигнутъ, когда, съ цѣлью сократить службу, церковно-служители ввели обычай читать и пѣть одновременно нѣсколько молитвъ и пѣснопѣній. Вотъ, какъ описываетъ впечатлѣніе такой службы современникъ. «Въ гласы два, и три, и въ шесть церковное совершаху пѣніе, другъ друга не разумѣюще,

что глаголятъ, и отъ самихъ священниковъ и причетниковъ шумъ и злогласованіе въ святыхъ церквахъ бываше странно зѣло, клирицы бо пояху на обонхъ странахъ псалтирь и иные стихи церковные, не ожидающе конца ликъ отъ лика, но купно вси кричаху, псаломникъ же прочитаваше стихи, не внимая поемымъ, и начинаше иные, — и невозможно бяше слушающему разумѣти коемало и чтомало». За то уставъ и текстъ службы оставался неповрежденнымъ: все было прочтено и спѣто, какъ полагалось, безъ всякаго измѣненія!

Первые признаки самостоятельнаго отношенія къ заимствованному и выразились въ протестахъ противъ этого, чисто ритуальнаго взгляда на церковную службу. Но появляются они только съ XVI вѣка. Уже «Домострой» требуетъ «пѣти внятно и единогласно» — требованіе, подхваченное, какъ мы знаемъ, предшественниками Никона (см. выше, стр. 45). Въ томъ же XVI в. дѣлались попытки раскрыть секреты знаменнаго нотописанія, умышленно скрывавшіеся опытными пѣвцами отъ учениковъ, «дабы кто отъ ученикъ не былъ гораздѣе ихъ». Большой шагъ впередъ былъ сдѣланъ, когда новгородскому пѣвцу Ивану Шайдурову «Богъ открылъ» новую систему. Онъ раздѣлилъ всю область звуковъ, входящихъ въ напѣвы, отъ sol малой октавы до re слѣдующей на четыре трихорда: простой, мрачный, свѣтлый и пресвѣтлый, по большой терціи, раздѣленной промежуточнымъ полутономъ, въ каждой части, и сталъ писать киноварью у нижняго sol — *гн* («гораздо низко»), у самаго высокаго re — *в* («высоко») и т. д. Но при этомъ сохранились и старые многочисленные значки, съ ихъ неяснымъ толкованіями. Вотъ, напр., какъ пояснялась высота звука. «Крюкъ *простой* — возгласить мало выше строки. *Мрачный* — мало выше простого возгласить. Свѣтлый — мрачнаго выше возгласить. Стрѣлу свѣтлую — подержавъ, подернути вверхъ дважды. Громосвѣтлую изъ низу подернути кверху. Голубчикъ малой — гаркнуть изъ гортани. Запятую — изнизка взять. Дербицу — подроби гласомъ кверху» и т. д. А продолжительность звука: «двѣ стопицы мѣрою въ гласовнѣмъ скорбѣжаніи противо крюка единаго. Два же крюка — мѣрою противъ крюка единаго съ оттенкою». Усовершенствованіе, какъ видимъ, далеко не шло; но оно было принято рукописями XVII в.

Дальнѣйшее упрощеніе было внесено въ нотописаніе спеціальной комиссіей подъ руководствомъ звенигородскаго старца Александра Мезенца, назначенной царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, послѣ 1668 г. (т. е. послѣ соборовъ, отлучившихъ старообрядцевъ), для исправленія и для подготовки къ печати церковныхъ нотныхъ книгъ.

Знаки Мезенца должны были печататься черной краской въ дополненіе къ знакамъ Шайдурова, отмѣчавшимся киноварью. **Упрощеніе** Мезенца состояло въ томъ, что онъ снабдилъ «крюки» одной, двумя и тремя точками для означенія каждаго высшаго трихорда Шайдурова (do-re-mi одна точка, fa-sol-la — двѣ, si-do-re — три), а внутри каждаго трихорда отмѣтилъ вторую и третью ноту особымъ знакомъ посрединѣ и наверху «крюка». Такимъ образомъ, каждая изъ двѣнадцати нотъ четырехъ трихордовъ получила свое особое обозначеніе. Затѣмъ, Мезенецъ привелъ въ порядокъ и самый текстъ пѣснопѣній. Онъ оставилъ, конечно, знаменные напѣвы неизмѣнными, но согласовалъ съ напѣвами текстъ, выкинувъ потерявшую всякій смыслъ «хомонію» или т. наз. «раздѣльнорѣчіе» и установивъ новый «истиннорѣчный» или «нарѣчный» текстъ. Были выкинуты изъ текста и архаическія «ананейки».

Конечно, и это новшество вызвало протестъ старообрядцевъ. Новое нотописаніе было слишкомъ тѣсно связано съ исправленіемъ церковныхъ книгъ, чтобы не встрѣтить противодѣйствія. И хотя къ 1678 г. все было готово къ печати, реформа Мезенца осталась въ рукописяхъ. Она и запоздала: къ концу XVII в. стало быстро входить въ употребленіе гораздо болѣе удобное линейное письмо римскаго хорала съ квадратными нотами, — притомъ сразу на пяти, а не на четырехъ линейкахъ. «Крюковое» знаменное письмо сохранило лишь значеніе освященной временемъ литургической традиціи.

Переходимъ къ болѣе важнымъ попыткамъ проявить самостоятельность въ области церковной музыки. Одной изъ этихъ попытокъ было расширенное примѣненіе т. наз. «демественнаго пѣнія». Подъ этимъ названіемъ издавна разумѣлось особо-торжественное праздничное пѣніе, противополагавшееся будничному «гласовому» или «столповому». Выбирая свое содержаніе внѣ обязательныхъ осмогласныхъ текстовъ, это пѣніе пользовалось большей свободой — и употребляло ее, чтобы замѣнить повтореніе одной и той же мелодіи, обычное въ знаменномъ распѣвѣ, развитіемъ разнообразныхъ мелодическихъ фразъ, слѣдовавшихъ другъ за другомъ. При этомъ пѣвцу предоставлялась извѣстная свобода импровизаціи, выражавшаяся въ употребленіи апподжатуръ, т. е. руладъ на фонѣ обычной «педали». Такъ пѣлось, въ присутствіи архіереевъ или патріарха, все «амбонное», величанія, многолѣтія, службы-обряды, какъ «пещное дѣйство», умовеніе ногъ, шествіе на осляти.

Еще важнѣе была попытка сопроводить традиціонное одноголосное, унисонное пѣніе другими голосами. На этой почвѣ, какъ сказано выше, совершилось все развитіе западной свѣтской музыки

изъ церковной. У насъ, при полномъ незнаніи музыкальной теоріи, при игнорированіи запаса народныхъ пѣсенъ, гдѣ многоголосіе, повидимому, уже существовало, — а также и при неудачной системѣ нотописанія, дѣло ограничилось, вплоть до слѣдующаго періода, немногими безплодными усиліями. Несомнѣнно, уже въ началѣ XVII в. появляются «знаменныя» партитуры, написанныя крюками, на 2, 3, 4 голоса. Это «троестрочное» пѣніе, «единымъ гласомъ (тоникой) наченшеся, слагается въ тріехъ степенѣхъ и пятыхъ (т. е. простое тризвучіе на терціи и квинтѣ). Тѣмже и гласовъ имать три: низъ, путь, верхъ, свой кождо гласъ имущій и во-едино согласующій». «Путь» или основную мелодію (cantus firmus) давалъ средній голосъ; верхній и нижній голосъ служили для сопровожденія. «Тріестествогласіе» знали и Шайдуровъ, и Александръ Мезенецъ. Но, помимо того, что три голоса, — исключительно мужскіе — располагались очень тѣсно и при этомъ употреблялись запрещенныя послѣдовательныя квинты и даже секунды, при крюковой нотаціи вообще трудно было соблюсти нужные интервалы, и эффектъ получался самый печальный. Пѣвцы сами признавались, что «въ тристрочномъ пѣніи ничто же есть согласія, токмо несогласная тригласія, шумъ и звукъ издающая. И несвѣдущимъ благо мнится, свѣдущимъ-же неисправно положено разумѣвается. Понеже въ Россіи степени (интервалы) никому же знаеми суть; сего ради и не могутъ отлучити злыхъ гласовъ (т. е. диссонансовъ) отъ благихъ (консонансовъ)». И авторъ прибавляетъ, совершенно справедливо: «какъ онъ имать разумѣти, ничто же свѣдый ученія мусикійскаго»?

Въ результатѣ этого невѣдѣнія и запозданія, Россія получила во второй половинѣ XVII вѣка съ запада и линейное нотописаніе, и многоголосное хоровое пѣніе, — но уже отнюдь не «знаменное». То и другое пришло въ Москву изъ Кіевской Руси, которая, въ свою очередь, заимствовала эти новинки изъ Польши. Мы знаемъ, что этимъ же путемъ шли вліянія въ литературѣ и архитектурѣ (см. выше, стр. 298, 480). Посредниками при усвоеніи западной музыкальной новизны явились малороссійскіе пѣвчіе, сохранившіе эту роль, какъ увидимъ, до самаго конца XVIII столѣтія. Ф. В. Ртищевъ, пришедшій въ восторгъ при слушаніи многоголоснаго пѣнія въ Кіевѣ, выписалъ въ свой Андреевскій монастырь и этихъ пѣвцовъ. Привезъ въ Москву изъ Кіева малороссійскихъ пѣвцовъ и музыкантовъ и бояринъ П. В. Шереметевъ. Павелъ Алеппскій разсказываетъ, что на новосельѣ у патр. Никона «патріархъ и царь находили наибольшее удовольствіе въ пѣніи дѣтей казаковъ, коихъ царь привезъ много

изъ страны ляховъ и отдалъ патріарху, который одѣлъ ихъ наилучшимъ образомъ, зачислилъ въ свои служители, назначилъ содержаніе и потомъ посвятилъ въ иночество. Они всегда имѣли первенство въ пѣніи, которое предпочитаютъ пѣнію московитовъ, басистому и грубому». Мы знаемъ даже случайно печальную біографію одного такого «вспѣваки», четырнадцатилѣтняго «дышканчика» Василія Репскаго, котораго сперва царь «взялъ вверхъ въ пѣніе», а затѣмъ, четыре года спустя, отправилъ съ посольствомъ Ордына-Нащокина за-границу учиться. По возвращеніи онъ былъ взятъ во дворъ Арт. С. Матвѣевымъ — очень недобровольно, такъ какъ Матвѣевъ «держалъ его въ оковахъ, морилъ голодной смертью и неволей заставлялъ многажды играть у него на комедьяхъ, на органахъ и на скрипкахъ». Вѣроятно, чтобы удержать Репскаго, Матвѣевъ даже женилъ его насильно и держалъ у себя три года. Это — путь, который потомъ пришлось пройти многимъ артистамъ изъ крѣпостныхъ.

Многоголосное или «партесное» (отъ «партія») пѣніе быстро привилось, какъ видно уже изъ протеста протопопа Аввакума. «На Москвѣ во многихъ церквахъ», жалуется онъ, «поютъ пѣсни, а не божественное пѣніе,... руками машутъ, и главами кивають, и ногами топчутъ (очевидно, тогдашніе регенты хора), какъ де обыкло у латынниковъ по арганомъ». Защитникъ новаго пѣнія отвѣчалъ на это старообрядцу: «уразумитесь, раскольци, егда и наше пѣніе древнее не имать согласія со органы? Ей имать. Аще же кое пѣніе отриновенно сотворимъ, яко имать со органы подобіе, — то всякое пѣніе отринути воздолженствуемъ».

Серьезнѣе было то, что новый стиль и новая система принесли съ собой и новое содержаніе музыки. Въ богослужебное пѣніе былъ перенесенъ внѣбогослужебный стиль югозападныхъ «кантовъ» и «псалмъ». Не имѣя ни знанія, ни права, чтобы переработать въ новомъ стилѣ древнія одноголосныя знаменныя мелодіи, русскіе пѣвцы заимствовали новые напѣвы, какъ нѣкогда и старые, безъ измѣненій. Появившіеся тогда въ Москвѣ новые многоголосные распѣвы, греческій и болгарскій, уже не могли конкуррировать. Масса знаменныхъ напѣвовъ были гармонизированы по-«польски» или, точнѣе, по-«кіевски»; старая мелодія отдавалась среднему «пути» тенора, а низкій басъ «эксцеллянтовалъ», т. е. разводилъ на проходящихъ тонахъ разнообразный и замысловатый узоръ. За «вспѣваками» явились съ юга и композиторы, и теоретики. Одинъ изъ нихъ, Н. П. Дулецкій, родомъ изъ Литвы, сдѣлался директоромъ пѣвческой капеллы царя Ѳеодора Алексѣевича и, по предложенію «благодѣтеля», Гр. Д. Строганова, перевелъ съ польскаго свою «Идею грам-

матики мусикійской» (1679), а также составилъ «грамматику пѣнія мусикійскаго» и др. Черезъ посредство этихъ сочиненій Россія познакомилась съ итальянской школой XVI-XVII вв. Ученики Дулецкаго стали усваивать себѣ элементарныя формы и пріемы западнаго стиля. Они теперь уже свободно распоряжаются многоголосными хорами въ 24 и даже 48 голосовъ, комбинируя ихъ группами для полученія звуковыхъ контрастовъ и разнообразія колорита. Дьякъ Василій Титовъ особенно выдѣлился изъ послѣдователей этой школы примѣненіемъ звуковыхъ эффектовъ. Но ихъ много, этихъ послѣдователей. Въ библіотекѣ б. Синодальнаго училища хранится болѣе 500 произведеній польской школы.

Быстрому переходу отъ православнаго знаменнаго пѣнія къ этому новому европейскому стилю, несомнѣнно, содѣйствовала та денаціонализація церкви и то заполненіе ея іерархіи южно-русскими выходцами, о которыхъ мы говорили (выше, 178; III, 169). Но и эта протекція не могла удержать этого стиля надолго. Какъ въ области литературы и другихъ областяхъ культуры, такъ и здѣсь за заимствованіемъ изъ вторыхъ рукъ послѣдовало заимствованіе изъ первоисточника при Петрѣ и его преемницахъ. Партесное пѣніе открыло путь свѣтской музыкѣ, которая широкимъ потокомъ хлынула въ Россію со времени реформы. Правда, сфера этого вліянія осталась до второй половины XVIII вѣка та же, какъ и вліянія польскаго: это былъ дворъ и ближайшіе къ двору общественные круги. И исполнители остались прежніе. Въ чинѣ избранія «князя-папы» въ 1717 г. участвовали въ пѣніи «пѣсни бахусовой» весьма вольнаго содержанія — синодальные и государевы пѣвчіе. Въ 1723 г. тѣ же пѣвчіе «въ однорядкахъ и въ халдейскомъ платьѣ» участвуютъ въ маскарадѣ, и одинъ изъ нихъ изображаетъ Бахуса. Поставивъ на ноги, какъ сейчасъ увидимъ, свѣтскую музыку, тѣ же пѣвчіе вносятъ ее и въ церковь, и церковный амвонъ превращаютъ въ концертную эстраду. Русскій посолъ въ Константинополѣ, Булгаковъ, пишетъ сыну, при Екатеринѣ II: «славные пѣвчіе Казакова, которые принадлежатъ нынѣ Бекетову, поютъ въ церкви Дмитрія Солунскаго, въ Москвѣ. Съѣздъ такой бываетъ, что весь Тверской бульваръ заставленъ каретами. Недавно молельщики до такого дошли безстыдства, что въ церкви кричали: фора (т. е. вызывали)». И немудрено. Арію жреца изъ оперы «Весталка» Спонтини можно было тогда услышать въ церкви, подъ аккомпаниментъ двухъ клиросовъ, на слова «Тебѣ поемъ, тебѣ благословимъ», а «всепѣтая Мати» прославлялась на музыку хора жрицъ изъ «Ифигеніи» Глюка.

Но вернемся къ развитію свѣтской музыки въ Россіи XVIII вѣ-

ка. Какъ извѣстно, при дворахъ императрицъ безусловное преобладаніе получила итальянская музыка — и особенно итальянская опера. Начало положила имп. Анна, пригласившая въ 1735 г. итальянскаго композитора Франческо Арайя. Свою первую въ Россіи оперу, La forza dell'amore e dell'odio, онъ поставилъ, въ русскомъ переводѣ Тредьяковскаго на придворномъ театрѣ съ участіемъ пѣвчихъ придворнаго церковнаго хора въ качествѣ хористовъ. «Эти музыкальные пѣвцы», рекомендуетъ ихъ Штелинъ, «настолько вошли въ тонкій вкусъ итальянской музыки, что многіе изъ нихъ въ пѣніи арій мало уступаютъ лучшимъ итальянскимъ пѣвцамъ».

Съ этихъ поръ у насъ итальянскіе композиторы, — и весьма крупные, — не переводились. Арайя оставался 28 лѣтъ (1735-63) и поставилъ 17 своихъ оперъ. Въ 1756-64 г. былъ еще Раупахъ; до 1768 — Галуппи и вмѣстѣ Анджолини, до 1775 г. Траэтта, до 1783-85 — Паэзіэлло, потомъ, до 1798 — Сарти, съ нимъ почти одновременно Мартинъ-и-Солеръ и Чимароза (1789-92), съ 1794 по 1800 г. Астарити. Въ 1764 г. выписана была въ Россію французская комическая опера, и оперный репертуаръ былъ пополненъ произведеніями Монсиньи, Филидора, Гретри, Далейрака, Мегюля и др. Елизавета возвысила малороссійскаго пѣвчаго и придворнаго бандуриста Разумовскаго въ санъ своего мужа. Петръ III самъ игралъ первую скрипку въ своемъ оркестрѣ. Скрипачемъ — и такимъ же плохимъ, но большимъ меценатомъ былъ и Павелъ I. Извѣстный дѣятель времени Екатерины Гр. Тепловъ былъ композиторомъ, виртуозомъ и дирижеромъ: въ великосвѣтскомъ оркестрѣ, которымъ онъ управлялъ въ ноябрѣ 1768 на придворномъ театрѣ, играла принцесса Курляндская, два брата Нарышкиныхъ, гр. Строгановъ, сенаторъ Трубецкой, камергеръ Ягужинскій и другіе «высокоблагородные» музыканты. Когда въ слѣдующемъ году Манфредини устроилъ публичные концерты, камергеръ Шуваловъ далъ ему свое помѣщеніе, и три дочери Теплова участвовали, какъ исполнительницы. Придворныя дамы и кавалеры, слушатели изъ дворянства и городского купечества переполняли залъ и четыре смежныя комнаты. Назову еще скрипача - композитора Хандошкина, крѣпостного Потемкина.

Весь этотъ подготовительный періодъ въ исторіи русской музыки потонулъ въ лучахъ славы Глинки. Все предыдущее было окрашено одной краской — слѣпого подражанія. Однако, здѣсь, какъ и въ исторіи живописи и архитектуры, по мѣрѣ болѣе подробнаго изученія, мы открываемъ немало самостоятельныхъ ростковъ, постепенно создающихъ ту атмосферу, среди которой появленіе Глинки уже не кажется ни такимъ внезапнымъ, ни такимъ необъясни-

мымъ. Любопытно отмѣтить, что первые наши композиторы происходятъ изъ низшихъ слоевъ общества и что ихъ произведенія проводятъ на сцену русскую пѣсню и русскій бытъ, — причемъ, конечно, имъ уже не приходится держаться «серьезныхъ» музыкальныхъ формъ, а остается пользоваться утвердившейся на сценѣ къ концу XVIII ст. легкой формой небольшой по размѣру комической оперы, допускающей пѣсни и пляску, въ условномъ тонѣ восхваленія крестьянскаго благополучія (см. «Очерки» т. III, 488-498). Мы говорили о первомъ крупномъ успѣхѣ бытовой пьесы этого рода, комедіи Аблесимова (тамъ же, 280). У Аблесимова явилось немало подражателей, но среди нихъ есть одинъ, имѣющій право на особое вниманіе, крѣпостной человѣкъ гр. С. П. Ягужинскаго, Михаилъ Митинскій, авторъ русской бытовой оперы: «С. Петербургскій Гостинный Дворъ» и нѣсколькихъ другихъ (1779-1792). Музыкальныя достоинства оперы незначительны, и, хотя Митинскій путешествовалъ по Италіи на средства своего патрона, не видно, чтобы онъ вернулся оттуда выдающимся композиторомъ. И оперу его пришлось подправлять «придворному скрипачу Пашкевичу». Тѣмъ не менѣе, по преданію, опера эта «имѣла огромный успѣхъ», объясняемый именно ея бытовымъ содержаніемъ. Митинскій, не довольствуясь, подобно Аблесимову, введеніемъ народныхъ пѣсенъ, внесъ въ оперу полностью обрядъ дѣвишника со всѣми его пѣснями; затѣмъ, онъ далъ музыкальную характеристику зазыванія покупателей купцами Гостиннаго двора. Гораздо больше значенія имѣетъ другой композиторъ, сынъ канонира полковой артиллеріи Евстигнѣй Фоминъ. Получивъ начальное музыкальное образованіе у піаниста Буини въ Академіи Художествъ, Фоминъ былъ командированъ въ Италію (1782-85) и получилъ дипломъ академика въ Болоньи, у знаменитаго контрапунктиста Джамбаттиста Мартини, гдѣ кончилъ до него духовный композиторъ Березовскій. Другой его учитель Маттеи былъ также учителемъ Россини и Доницетти. Фомину приписываютъ цѣлыхъ 30 оперъ, но новѣйшій изслѣдователь Финагинъ оставляетъ за нимъ только десять безспорныхъ, изъ которыхъ сохранились только пять, изъ нихъ одна по заказу Екатерины II на ея текстъ «Новгородскій богатырь Боеславовичъ», (1786) и три наилучше сохранившіяся: Ямщики на подставѣ (1787), Орфей (1792) и Американцы (1800). Въ «Ямщикахъ» механически связаны пѣсни и хоры, но народныя мелодіи впервые инструментированы безъ искаженія ихъ національныхъ особенностей. Въ «Американцахъ» и особенно въ «Орфеѣ» встрѣчаемъ довольно удачныя попытки музыкальной характеристики дѣйствующихъ лицъ. Для

оперы въ «возвышенномъ стилѣ» Фоминъ выбралъ сюжетъ, трактованный Монтеверде и Глюкомъ, и трактовалъ его въ формѣ мелодекламаціи. Оркестровка — несложная, но выразительная, соотвѣтствовала характеру темы. Національный колоритъ проглядываетъ въ свободномъ художественномъ претвореніи русской пѣсни, что уже составляетъ переходъ къ творчеству Глинки.

Нѣсколько раньше Фомина работалъ въ Италіи (1768-79) другой, болѣе сильный русскій композиторъ, составившій себѣ славу преимущественно въ области церковной музыки, Бортнянскій, ученикъ Галуппи. Въ этой области Бортнянскій отдалъ дань своему времени: онъ принялъ церковное пѣніе, какъ нашелъ его, — въ рукахъ полонизирующихъ малороссійскихъ пѣвчихъ, лучше гармонизировалъ его въ своихъ концертахъ, не претендовалъ писать цѣлой литургіи, но строилъ на невѣрномъ основаніи. Онъ былъ — «послѣдній итальянецъ». Его оперы незаслуженно забыты. Въ послѣднее время о нихъ напомнилъ проф. Асафьевъ, который находитъ «прелесть этихъ оперъ... въ необычайно красивомъ сліяніи благородной итальянской лирики съ томностью французскаго романса и острой фривольностью куплета». Рѣчь идетъ о двухъ операхъ Le faucon и Le fils rival, которыя были представлены въ 1786 и 1787 гг. при маломъ дворѣ наслѣдника Павла. Тамъ, въ противоположность итальянской оперѣ большого двора, культивировалась французская комическая опера. Русскихъ бытовыхъ чертъ здѣсь нѣтъ. Но подробный анализъ обѣихъ оперъ даетъ поводъ упомянутому автору провести рядъ параллелей между музыкальными пріемами Бортнянскаго и позднѣйшихъ русскихъ композиторовъ. Въ концѣ концовъ, конечно, стиль оперъ Бортнянскаго остается «стилемъ русскаго опернаго барокко XVIII вѣка, осуществленнымъ въ скромныхъ условіяхъ загороднаго придворнаго театра».

Есть еще одинъ интересный прецедентъ — къ исторіи русскаго романса. Это музыкальная дѣятельность обрусѣвшаго поляка О. А. Козловскаго, знаменитаго нѣкогда автора многочисленныхъ полонезовъ. Его «Громъ побѣды раздавайся», исполненный на праздникѣ Потемкина въ 1791 г., «исполнялъ одно время функціи національнаго гимна». Но Козловскій также и авторъ «Россійскихъ пѣсенъ» (1795-6), весьма въ свое время распространенныхъ и популярныхъ. «Сей любитель музыки», говоритъ о немъ издатель, «сдѣлался творителемъ новаго рода». Новый родъ этотъ былъ русскимъ романсомъ, и «творитель» его является предшественникомъ Алябьева, Варламова, Гурилева, Титовыхъ и — Глинки. Гармоническіе пріемы Козловскаго незамысловаты, но его фортепіанное со-

провожденіе даетъ недурныя музыкальныя иллюстраціи текста, а мелодіи отличаются сгущенной эмоціей, соотвѣтствующей чувствительности текстовъ, ничуть не характерныхъ для народной пѣсни, но характерныхъ для тогдашней любовной лирики. Еще въ 1831 г. въ некрологѣ Козловскаго отмѣчено, что съ его именемъ «соединяется множество воспоминаній, сладостныхъ для русскаго сердца». Тутъ опять мы встрѣчаемся съ атмосферой музыкальнаго дилеттантизма, въ которой развернулся талантъ влюбчиваго Глинки.

Бортнянскій гармонизировалъ старинные знаменные напѣвы по правиламъ современной ему европейской композиціи. И даже Глинка, въ концѣ своей блестящей карьеры, поѣхалъ изучать средневѣковые церковные лады въ Берлинъ — къ своему старому учителю Дену, въ предположеніи, что они соотвѣтствуютъ древнимъ русскимъ церковнымъ напѣвамъ. Но уже въ началѣ XIX в., преимущественно въ старообрядческой средѣ, сохранялось представленіе объ особенномъ характерѣ древней мелодіи, затрудняющемъ ея гармонизацію обычнымъ школьнымъ путемъ. Около 1809 г. сочиненъ былъ проектъ «объ отпечатаніи древняго россійскаго крюковаго пѣнія», напрасно приписывавшійся Бортнянскому, пріемамъ котораго онъ прямо противорѣчитъ. Неизвѣстный авторъ проекта защищаетъ сохраненіе крюковаго пѣнія тѣмъ соображеніемъ, что никакія другія системы не могутъ точно передать особенностей древнихъ напѣвовъ. Несовершенно въ этомъ отношеніи и «новонотное» письмо, примѣнявшееся для «переводовъ» съ крюковаго пѣнія, съ конца XVII столѣтія. «Первые переводчики», замѣчаетъ авторъ проекта, «затрудненные соединеніемъ и перемѣщеніемъ тетракордъ діатоническаго пѣнія, прибѣгли къ музыкальнымъ ключамъ, употребили они знаки родовъ хроматическаго и марсиноническаго (энгармоническаго), чего никакъ и ни по какимъ условіямъ не допущаетъ свойство діатоническаго рода». Мелодія церковнаго пѣнія при этомъ не могла не «пострадать отъ неосновательнаго смѣшенія музыкальныхъ родовъ, какъ и отъ необдуманнаго мѣровведенія (т. е. такта и ритма), противнаго истинной мѣрности». «Можно», соглашается авторъ, даже и «исправлять церковное пѣніе, покорить оное мѣрности или превращать оное во всѣ виды гармоническаго; но не должно отнимать отъ него существенной мелодіи, истребляя фразы, или приводить оное въ пѣніе неопредѣленное».

Эти возраженія противъ секуляризаціи церковной музыки и противъ превращенія ея въ концертъ, несомнѣнно, были справедливы по отношенію ко всей полосѣ западнаго (польскаго) вліянія на эту музыку. Бортнянскій гармонизировалъ то, что засталъ; а за-

сталъ онъ мелодіи, уже искаженныя польской школой пѣвцовъ — искаженныя даже въ монастырскихъ хорахъ, лучше сохранявшихъ древніе напѣвы. Главнымъ препятствіемъ этому направленію могло лишь служить изданіе синодомъ въ 1772 г. нотныхъ книгъ *одноголаснаго* стариннаго русскаго пѣнія. Ослабленіе итальянскаго вліянія въ концѣ XVIII в. также вызвало стремленіе къ «возстановленію древняго пѣнія». Эту мысль преслѣдовалъ преемникъ Бортнянскаго въ должности директора Капеллы Ф. П. Львовъ, пригласившій для этой цѣли Турчанинова, относившагося болѣе бережно къ стариннымъ мелодіямъ. Имп. Николай I просилъ Глинку, приглашая его въ придворную Капеллу, чтобы пѣвчіе «не были итальянцами». Надо прибавить, что въ то же время двоюродный братъ директора, Н. А. Львовъ собиралъ русскія народныя пѣсни, частью напечатанныя въ сборникѣ И. Прача (1-е изд. 1790), т. е. одновременно усиливался интересъ и къ этому источнику національнаго музыкальнаго творчества. Но самъ Ф. П. Львовъ не былъ композиторомъ, и по инерціи эпоха Бортнянскаго (1796-1825) продолжалась, въ лицѣ учениковъ Капеллы, до назначенія сына Львова, А. Ф. Львова, виртуоза-скрипача и композитора въ современномъ европейскомъ духѣ, лично связаннаго съ музыкальнымъ міромъ Европы, гдѣ ставились (Дрезденъ, Штутгартъ, Вѣна) его оперы и его симфоническія произведенія. Естественно, что и тутъ перемѣна произошла не въ пользу возвращенія къ древней церковной традиціи. Глинка говорилъ: «Бортнянскій былъ итальянецъ, Львовъ — нѣмецъ». Его два извѣстные духовные концерта заслужили одобреніе Спонтини и Мейербера. И на гармонизацію церковнаго пѣнія Львовъ могъ смотрѣть только глазами своего учителя Цейнера. Въ интересахъ «правильнаго приложенія гармоніи» Львовъ продолжалъ ломать подлинные напѣвы, если ихъ интервалы не отвѣчали гармоніи нѣмецкаго хорала. Его переложенія встрѣтили, поэтому, рѣшительное сопротивленіе пѣвцовъ и публики. Наконецъ, и самъ Львовъ замѣтилъ, что ритмъ русскаго пѣнія несимметриченъ и не можетъ быть подведенъ подъ обычное понятіе правильной музыкальной фразы. Всѣ эти неудачи подготовляли появленіе русской національной музыки; но рѣшительная побѣда новыхъ пріемовъ была одержана, какъ увидимъ, только въ 60-хъ годахъ и плоды ея пожалъ только Римскій-Корсаковъ. Диктаторство въ Капеллѣ Львова (до 1861 г.) и его преемника Н. И. Бахметева (1861-1883) могло, путемъ разрѣшеній и запрещеній, держать искусственно церковную музыку въ рамкахъ творчества Березовскаго (умеръ въ 1777 г.) и Бортнянскаго. Но это только обезплодило эту отрасль творчества; истинное націо-

нальное творчество окончательно перешло къ области свѣтской музыки. Когда Чайковскій написалъ свою «Литургію» opus 41, и Юргенсонъ обошелъ цензуру Капеллы, то Бахметевъ требовалъ немедленной конфискаціи всего изданія, во избѣжаніе «соблазна въ молящихся». И уже сенату пришлось разъяснять, что Капелла присвоиваетъ себѣ права, ей не принадлежащія.

Но вернемся къ исторіи свѣтской музыки. Здѣсь, до появленія Глинки, въ первую треть XIX в., мы не видимъ никакихъ выдающихся событій. Но необходимо отмѣтить за отсутствіемъ качественныхъ измѣненій, чрезвычайный количественный ростъ интереса и способовъ ознакомленія съ музыкой. Въ области оперы мы имѣемъ длинный рядъ постановокъ иностранныхъ оперъ съ русскимъ текстомъ, а, благодаря энергіи капельмейстера прежней итальянской оперы, и съ русской оперной труппой. Русская публика услыхала Керубини (1813), Моцарта (1816 и 1828), Россини (1822), Вебера (1829), Герольда и Мейербера (1834) и т. д., а въ 1835-36 силами русской труппы разыгранъ «Робертъ» Мейербера, «Семирамида» Россини и «Ромео и Джульета» Беллини. Кавосъ и Верстовскій даютъ свои оперы въ русскомъ пошибѣ, — оперы, хотя и забытыя послѣ Глинки, но далеко ушедшія впередъ отъ обращиковъ XVIII вѣка. Въ то же время получаетъ развитіе и симфоническая и концертная музыка. Въ 1802 г. появляется старѣйшее «Филармоническое общество», гдѣ капельмейстеръ Парисъ исполняетъ Гайдна, Моцарта, Генделя, Бетховена, гдѣ выступаютъ Роде и Фильдъ, пожинаетъ лавры пѣвица Каталани. Въ домахъ вельможъ процвѣтаютъ крѣпостные оркестры; увеличивается число исполнителей-дилеттантовъ; въ 1822-23 г. въ Петербургѣ насчитывается до 40 магазиновъ музыкальныхъ инструментовъ, до 20 дипломированныхъ профессоровъ и учительницъ музыки. Словомъ, начинаетъ складываться та музыкальная среда и музыкальная атмосфера, на почвѣ которыхъ профессіональное занятіе музыкой перестаетъ быть удѣломъ низшаго класса и начинаетъ приносить профессіоналамъ изъ зажиточнаго и привилегированнаго класса, если не доходы, то почетъ и славу.

Мы переходимъ теперь къ тому періоду, который можно назвать «классическимъ» въ исторіи*) русской музыки. Явленіе Глинки отмѣчаетъ тотъ же этапъ этой исторіи, который въ исторіи литературы

*) Терминъ «классическій» мы здѣсь употребляемъ въ условномъ, нами принятомъ выше (стр. 320-321) смыслѣ. О томъ, какъ понимается обычно этотъ терминъ въ исторіи западной музыки, мы поговоримъ ниже.

отмѣченъ явленіемъ Пушкина. Оба начинаютъ періодъ самостоятельнаго, покончившаго съ подражаніемъ, русскаго національнаго творчества. Оба являются начинателями въ такое время, когда старая обстановка, соотвѣтствовавшая эпохѣ подражательности, еще невполнѣ ушла въ исторію, — и оба становятся жертвами этой неподготовленности среды къ ихъ появленію. Литература, какъ и музыка, только что сбросили — еще невполнѣ — зависимость отъ придворной опеки, но новая среда для ихъ воспріятія еще не сложилась. Композиторъ, какъ и писатель, еще не нашелъ своей публики и принужденъ довольствоваться дружескими салонами, а внѣ ихъ искать покровительства сильныхъ. Въ музыкѣ, по большей сложности условій ея публичнаго исполненія, эта зависимость чувствуется еще сильнѣе и сохраняется продолжительнѣе, чѣмъ въ литературѣ. На судьбѣ Глинки это различіе отражается, какъ нельзя болѣе наглядно. Но, какъ и въ случаѣ съ Пушкинымъ, судьба художника среди современниковъ не мѣшаетъ намъ, обращаясь въ прошлое, начинать съ Глинки классическій періодъ нашей національной музыки.

Этому не могутъ помѣшать ни указанія на зависимость Глинки отъ иностранцевъ (Ларошъ), ни упреки Глинкѣ, съ высоты, достигнутой позднѣйшими профессіоналами, — въ нѣкоторомъ «диллетантствѣ». Несомнѣнно, Глинка жилъ въ ту эпоху, когда и въ другихъ странахъ появилось національное теченіе въ музыкѣ. Веберъ уже явился выразителемъ этого теченія въ Германіи. Но знакомство Глинки съ знаменитыми современниками, Листомъ, Берліозомъ, Мейерберомъ, состоялось позднѣе. Мысль — написать національную русскую оперу явилась у него не столько въ подражаніе имъ, сколько по контрасту съ итальянцами, во время его заграничной поѣздки 1830-34 г. «Всѣ, написанныя мной въ угожденіе жителей Милана піесы убѣдили меня только въ томъ», пишетъ онъ въ своихъ Запискахъ, «что я шелъ не своимъ путемъ и что я искренно не могъ быть итальянцемъ. Тоска по отчизнѣ навела меня постепенно на мысль писать по-русски». И далѣе Глинка объясняетъ, какъ онъ понималъ этотъ русскій стиль письма. «Немалаго труда стоило мнѣ поддѣлываться подъ итальянское sentimento brillante, какъ они называютъ ощущеніе благосостоянія, которое есть созданіе организма, счастливо устроеннаго подъ вліяніемъ благодѣтельнаго южнаго солнца. Мы, жители сѣвера, чувствуемъ иначе: впечатлѣнія или насъ вовсе не трогаютъ, или глубоко западаютъ въ душу; у насъ или неистовая радость, или горькія слезы. Любовь, это восхитительное чувство, животворящее вселенную, у насъ всегда соединена съ грустью. Нѣтъ сомнѣнія, что наша русская заунывная пѣснь есть

дитя сѣвера, а можетъ быть передана намъ жителями Востока: ихъ пѣснь такъ же заунывна, даже въ счастливой Андалузіи». Здѣсь уже намѣченъ основной элементъ національной оригинальности Глинки: русская народная пѣсня. Если прибавимъ къ этому пятимѣсячныя занятіей теоріей у проф. Дена въ Берлинѣ, по пути въ Россію, то почти исчерпаемъ рессурсы Глинки. Онъ говоритъ Ѳ. Толстому въ Миланѣ (1832): «темы-то (т. е. народной мелодіи) останутся тѣ-же, и покрой сарафана или кафтана останется тотъ-же, но ужъ что касается до прочихъ другихъ украшеній («музыкальной премудрости»), по этой части скупиться не станемъ». И его національная опера, названная, по совѣту Жуковскаго, «Жизнь за Царя», соединила эти три элемента: народную пѣсню, итальянскія рулады и германскую гармонизацію и оркестровку. А въ результатѣ получилось то, что Берліозъ и Чайковскій признали «Жизнь за Царя» «истинно-національнымъ», оригинальнымъ и не имѣющимъ «образца» и «антецедентовъ» произведеніемъ, выдвинувшимъ Глинку въ рядъ «наиболѣе замѣчательныхъ композиторовъ своего времени». Однако, тотъ же Чайковскій, который признаетъ, что «Жизнь за Царя» «по геніальности, размаху, новизнѣ и безупречности техники стоитъ наряду съ самымъ великимъ и глубокимъ, что только есть въ искусствѣ», — не можетъ примириться съ «диллетантизмомъ» Глинки, который онъ связываетъ съ привычками его соціальной среды. «Я готовъ плакать отъ досады, когда думаю о томъ, что бы намъ далъ Глинка, родись онъ не въ барской средѣ до-эмансипаціоннаго времени... Будь Глинка сапожникъ (въ смыслѣ регулярности труда), а не баринъ, — у него, вмѣсто двухъ — правда, превосходныхъ — оперъ было бы ихъ написано пятнадцать, да, въ придачу къ нимъ, штукъ десять чудныхъ симфоній».

Успѣхъ «Жизни за Царя» у публики былъ основанъ на нѣкоторомъ недоразумѣніи. Большую роль сыгралъ сюжетъ, заслуживший Глинкѣ личную благодарность императора, и заглавіе, сдѣлавшее ее оффиціальной оперой въ торжественные царскіе дни. Публика познакомилась съ «Жизнью за Царя» въ одинъ годъ съ картиной Брюллова (1836) и чрезвычайно охотно отнесла ее, вмѣстѣ съ этой картиной, къ разряду истинно національныхъ произведеній, дѣлающихъ эпоху. Надо припомнить, что это было время оффиціальныхъ поисковъ за всѣмъ національнымъ: опера Глинки и картина Брюллова очутились въ категоріи великихъ національныхъ созданій по тому же побужденію, по какому попала въ эту категорію Тоновская архитектура и чуть не попали патріотическія драмы Кукольника. Что касается музыкальной стороны, публика оцѣнила въ

оперѣ Глинки главнымъ образомъ ея мелодичность. Народный элементъ вызвалъ лишь презрительный отзывъ аристократовъ: это — «музыка для кучеровъ». Для простой публики «Аскольдова Могила» Верстовскаго, поставленная годомъ раньше, была гораздо понятнѣе и по своей болѣе простой музыкальной фактурѣ, и по большей живости дѣйствія. Черезъ шесть лѣтъ разстояніе между Глинкой и его слушателями еще увеличилось. Глинка за этотъ періодъ успѣлъ окончательно возненавидѣть итальянскую манеру; онъ былъ теперь и вообще «недоволенъ существующей музыкальной системой», находилъ, «что музыкѣ необходимо обновленіе, освѣженіе посредствомъ другихъ элементовъ», и осуществилъ свои новаторскія стремленія въ «Русланѣ и Людмилѣ» (1842). Пріемъ, сдѣланный оперѣ публикой, былъ на этотъ разъ совершенно иной. Публикѣ понравились декораціи и костюмы Брюллова; неудачное либретто нѣкоего Бахтурина расхолодило ее, а музыкальныя тонкости вызывали недоумѣніе. «Всѣ пришли въ театръ съ предубѣжденіемъ въ пользу композитора», разсказываетъ недоброжелательная рецензія Булгарина въ «Сѣверной Пчелѣ», «съ пламеннымъ желаніемъ споспѣшествовать его торжеству, — и всѣ вышли изъ театра, какъ съ похоронъ! Первое слово, которое у каждаго срывалось съ языка: «*скучно*». Слѣдовательно», разсуждаетъ далѣе рецензентъ, «вся публика не поняла музыки *Руслана и Людмилы?* Положимъ такъ. Но для кого пишутся оперы? Для ученыхъ контрапунктистовъ, глубокихъ знатоковъ, композиторовъ или для публики, для массы? Композиціи, написанныя для безсмертія, для потомства, пусть бы оставались въ портфелѣ, а публикѣ пусть бы дали то, что она въ состояніи понимать и чувствовать». Такъ судили даже друзья, — и опера послѣ перваго сезона исчезла со столичныхъ подмостковъ на 21 годъ. Оскорбленный Глинка уѣхалъ за-границу, чтобы еще разъ убѣдиться, послѣ парижскихъ успѣховъ, что «въ душѣ онъ — русскій». Этого рода неудачу испыталъ и Пушкинъ; мы говорили о холодномъ пріемѣ «Бориса Годунова». Тотъ и другой неуспѣхъ вытекалъ изъ несоотвѣтствія между новаторствомъ генія и неподготовленностью среды: несоотвѣтствіе, которое повторится въ исторіи музыки. Среда — и дворъ во главѣ ея — вернулись къ болѣе доступному. Итальянцы въ слѣдующую зиму праздновали въ Петербургѣ одинъ изъ самыхъ блестящихъ своихъ тріумфовъ.

Положеніе дѣла немногимъ измѣнилось и тогда, когда другой русскій «баринъ», «дилеттантъ» и новаторъ, Даргомыжскій (р. 1813), поставилъ задачей сдѣлать новый шагъ впередъ къ развитію русской оперы. «Глинка», писалъ онъ въ 1853 году, «по моему, за-

тронулъ только одну сторону — сторону *лирическую*. Драма у него слишкомъ заунывна, комическая сторона теряетъ національность (это было вѣрно даже въ сравненіи съ Верстовскимъ)... Я въ «Русалкѣ» своей работаю надъ развитіемъ нашихъ *драматическихъ* моментовъ». Средствомъ долженъ былъ служить мелодическій речитативъ. Глинка, дѣйствительно, обращая все вниманіе на музыкальную сторону, давалъ другимъ (бар. Розену и Бахтурину) сочинять слова на готовые музыкальные номера и отодвигалъ — особенно въ «Русланѣ» — дѣйствіе на второй планъ сравнительно съ оркестровыми и вокальными ансамблями концертнаго характера. У Даргомыжскаго опера должна быть оперой, т. е. элементъ словеснаго выраженія получалъ равноправное значеніе съ музыкальной интерпретаціей. Этимъ музыкальное произведеніе становилось болѣе реалистическимъ. Но и эта задача не была сразу понята. Небрежно поставленная «Русалка» вначалѣ (1856) не имѣла особаго успѣха. Даргомыжскій писалъ въ концѣ 1857 г.: «Артистическое мое положеніе въ Петербургѣ незавидно. Большинство нашихъ любителей и газетныхъ писакъ не признаетъ во мнѣ вдохновенія. Рутинный взглядъ ихъ ищетъ для слуха «мелодій», за которыми я не гонюсь. Я не намѣренъ низводить для нихъ музыку до забавы. *Хочу, чтобы звуки прямо выражали слово. Хочу правды.* Они этого понять не умѣютъ».

Въ подчеркнутыхъ словахъ заключалась программа національной музыкальной школы. Русская музыка, слѣдуя общему направленію 60-хъ-80-хъ гг., хотѣла быть реалистической, подобно другимъ отраслямъ русскаго искусства. И когда та же «Русалка» стала даваться въ 1866 г., Даргомыжскій призналъ, что она имѣла, «невѣроятный, загадочный успѣхъ». И онъ самъ объяснилъ «загадку»: «дѣло времени». Что же случилось новаго въ промежуткѣ?

Помимо того, что «Русалка» была оперой изъ народнаго быта и этимъ могла удовлетворить новымъ настроеніямъ, за эти годы въ Россіи создается, наконецъ, та музыкальная среда, которая до этихъ поръ ограничивалась немногими любителями и салонами, и вырабатывается въ этой средѣ серьезное, а не дилеттантское отношеніе къ новѣйшимъ явленіямъ въ области музыки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, начинается и отсутствовавшая прежде борьба направленій.

Характерной фигурой для этого промежуточнаго періода между любительствомъ и профессіонализмомъ въ музыкѣ явился А. Н. Сѣровъ, первый русскій квалифицированный музыкальный критикъ, своей рѣзкостью и полемическими увлеченіями поссорившій съ собой обѣ начинавшія тогда образовываться музыкальныя школы, —

европейскую, ученую, сложившуюся въ столицахъ около созданныхъ братьями Рубинштейнами музыкальныхъ консерваторій, и русскую, еще полудилеттантскую. Послѣдняя имѣла своимъ бардомъ В. В. Стасова, ближайшаго друга Сѣрова по училищу правовѣдѣнія. Но именно тутъ друзья превратились въ злѣйшихъ враговъ. Стасовъ рекламировалъ продолжателей Глинки. Сѣровъ высмѣивалъ претензіи «могучей кучки» и поклонялся Вагнеру, котораго выступленія въ Россіи горячо поддерживалъ. Самъ Сѣровъ въ своихъ, заслужившихъ ему поздній (въ 43 года) успѣхъ и славу, операхъ «Юдиѳь» (1863) и «Рогнѣда» (1865) скорѣе добивался внѣшнихъ Мейерберовскихъ эффектовъ, болѣе доступныхъ его таланту и степени его музыкальной подготовки. Какъ часто бываетъ съ знатоками исторіи своей спеціальности, Сѣровъ былъ — и сознательно хотѣлъ быть эклектикомъ. Высказывая свои пожеланія относительно «близкой къ осуществленію школы славянской», Сѣровъ считалъ себя «вправѣ ожидать, что въ ней эклектически соединятся многія лучшія стороны ея предшественницъ,... драматическая правда,... какъ въ школахъ французской и нѣмецкой,... мелодическая ясность и пѣвучесть итальянцевъ, серьезная мысль, умъ и глубина контрапунктической разработки, какъ въ школѣ нѣмецкой,— и все это подъ условіемъ чего-то особеннаго, своего, индивидуальнаго, въ зависимости отъ новой, свѣжей почвы музыкальной». En musique on doit être cosmopolite, писалъ Сѣровъ уже въ юные годы Стасову.

Русской (не «славянской») школѣ музыки, ведшей себя отъ Глинки, суждено было окончательно выявить себя среди младшихъ сверстниковъ Сѣрова, имъ непризнанныхъ. Это была, дѣйствительно, школа «особенная» и «индивидуальная», но отнюдь не «эклектическая». Рядомъ съ русской школой и одновременно съ ней появилась и настоящая «космополитическая» школа, опиравшаяся на серьезное преподаваніе, организованное А. Г. Рубинштейномъ при Имп. Русскомъ Музык. Обществѣ въ Петербургѣ (1862) и его братомъ, Н. Г., въ Москвѣ (1866). Самоучка Сѣровъ, обойденный основателями, возсталъ и противъ этой школы, какъ антинаціональной («нѣмеція»), и дошелъ даже до отрицанія возможности чему-нибудь научиться въ музыкѣ при академическомъ преподаваніи. Съ тѣхъ поръ вошло въ привычку преуменьшать значеніе теченія, прозваннаго «космополитическимъ». У Антона Рубинштейна, перваго русскаго артиста съ міровой репутаціей, подчеркивалась именно эта его роль — геніальнаго піаниста и отодвигались на второй планъ его многочисленныя композиціи (8 русскихъ оперъ, 6 нѣмецкихъ свѣтскихъ и 7 духовныхъ, не говоря объ инструментальныхъ произве-

деніяхъ). Только одинъ «Демонъ» удержался на русской сценѣ. Это, однако, не мѣшаетъ признать за произведеніями А. Рубинштейна не только значеніе ученыхъ подражаній старымъ классикамъ и романтикамъ («академизмъ»), но и извѣстную индивидуальность, большую мелодическую изобрѣтательность, — даже нѣкоторый національный оттѣнокъ — на почвѣ использованія восточнаго элемента, къ которому такъ часто прибѣгали и другіе русскіе композиторы. Но, конечно, главное значеніе братьевъ Рубинштейновъ для русской музыки заключается въ томъ большомъ и важномъ, что они сдѣлали для насажденія въ Россіи настоящаго профессіональнаго образованія. Въ этомъ смыслѣ открытіе высшихъ музыкальныхъ школъ въ столицахъ составило эру въ исторіи русской музыки.

Но, конечно, это обстоятельство не положило конца борьбѣ «національнаго» элемента съ «космополитизмомъ». Напротивъ, эта борьбы только теперь разгорѣлась съ особенной силой. «Космополитомъ», въ свѣтѣ этой борьбы, былъ признанъ, уже совершенно неосновательно, и крупнѣйшій изъ воспитанниковъ СПБ консерваторіи, на этотъ разъ настоящій «профессіоналъ», Чайковскій, кончившій курсъ въ 1865 г. и ставшій профессоромъ Московской консерваторіи. Создатель міровыхъ музыкальныхъ цѣнностей, надолго его пережившихъ и прочно вошедшихъ въ международный капиталъ классической музыки, Чайковскій вложилъ, однако, въ свою музыку элементъ національной непосредственности чувства и искренности его выраженія. Его личной особенностью является то, что это чувство оказалось глубоко элегическимъ, — такимъ, какимъ привыкли за-границей представлять себѣ «русскую душу». Чайковскій — не новаторъ въ музыкѣ, и этимъ воспользовались его противники, чтобы осудить и его за «академизмъ». Но у него есть свой стиль — не только глубоко личный, но иногда и автобіографичный; и для созданія *этого* стиля онъ пользуется всѣми современными ему красками и техникой. Романтикъ-ли Чайковскій? Понятіе романтизма, какъ и классицизма, — условно. Если романтизмомъ называть всякую лирику, всякую эмоцію въ музыкѣ, то Чайковскій — романтикъ, ибо онъ лиричнъ и эмоціоналенъ. Но мы привыкли здѣсь связывать съ понятіемъ романтизма стремленіе къ воображаемому міру, уклонъ въ мистицизмъ, — и этихъ чертъ мы не найдемъ въ Чайковскомъ: —онъ скорѣе реалистиченъ, какъ его время, и онъ такъ же ярко и сильно рисуетъ, —объективируетъ — эмоціи, какъ и переживаетъ. Онъ, во всякомъ случаѣ, не слезливъ и не сентименталенъ, какъ обвиняли его противники, ибо его чувство искренно, а къ концу жизни и трагично. И именно эти черты дѣлаютъ его «русскую» душу общечеловѣчной и

понятной и гарантируютъ ему, вопреки осужденію утонченныхъ и пресыщенныхъ, любовь массы, наполняющей театры и концертныя залы на «Евгеніи Онѣгинѣ» и на шестой симфоніи.

Перейдемъ теперь къ другому направленію, которое *себя* считало представляющимъ національную традицію русской музыки, пошедшую отъ Глинки и смотрѣло на профессоровъ и выучениковъ правильной школы, какъ на вторгшуюся въ эту традицію и порвавшую ее «нѣмецію». Съ 1859 г. постоянными посѣтителями вечеровъ Даргомыжскаго и его личными друзьями становятся начинающіе музыканты, не прошедшіе, какъ и Сѣровъ, систематической школы и надолго закрѣпившіе за собой репутацію «дилеттантовъ». Тутъ было два новоиспеченныхъ офицера, Кюи и Мусоргскій, и только кончившій въ университетѣ Балакиревъ; нѣсколько позже (въ началѣ 60-хъ годовъ) къ кружку присоединились воспитанникъ морского училища, потомъ морской офицеръ Римскій-Корсаковъ и молодой профессоръ химіи Бородинъ. Балакиревъ былъ между ними самый знающій и скоро сталъ признаннымъ главой кружка, членовъ котораго онъ поочередно ввелъ въ таинства музыкальной техники. Въ талантахъ и рвеніи недостатка въ кружкѣ не было. Ихъ молодой задоръ былъ еще усиленъ тѣмъ обстоятельствомъ, что піонерамъ «русской школы» музыки пришлось очутиться въ оппозиціи тому господствующему положенію, которое занялъ въ мнѣніи публики и журнальной критики музыкальный «космополитизмъ» консерваторскихъ профессіоналовъ. «Балакиревскій кружокъ» не только не думалъ складывать оружія, но рѣзво перешелъ въ наступленіе, предводимый энтузіастическимъ толкователемъ В. В. Стасовымъ. Въ томъ же году, когда открылась петербургская консерваторія (1862), —и за годъ до извѣстнаго намъ бунта молодыхъ художниковъ противъ академіи, — молодые музыканты создали, въ pendant къ консерваторіи, свою «Безплатную музыкальную школу». Концерты этой школы, подъ управленіемъ Балакирева, сдѣлались настоящей выставкой, — только что не «передвижной» — произведеній новой русской музыки. Реализмъ былъ выставленъ главнымъ девизомъ этой музыки. Мусоргскій — яркая, характерная личность — повелъ его еще дальше Даргомыжскаго «безстрашно, сквозь бурю, мели и подводные камни, къ новымъ берегамъ», куда громко звала современная литература и живопись. Не даромъ Мусоргскій такъ симпатизировалъ Гоголю и Некрасову; недаромъ также сравнивали его съ Перовымъ по стремительности обличительнаго натиска, ниспровергавшаго по пути всѣ преграды, поставленныя техникой искусства и условностью школьной традиціи. «Художественное изображеніе *од-*

ной красоты, въ матеріальномъ ея значеніи», говорилъ онъ, есть «грубое ребячество, дѣтскій возрастъ искусства». «Не музыки намъ надо, не словъ, не палитры и рѣзца — нѣтъ, чортъ бы васъ побралъ, лгуновъ, притворщиковъ e tutti quanti, — *мысли живыя подайте, живую бесѣду съ людьми ведите*». «Тончайшія черты природы человѣка и человѣческихъ массъ»... «никѣмъ не тронутыя»... «назойливое ковырянье въ этихъ малоизвѣданныхъ странахъ и завоеваніе ихъ — вотъ настоящее призваніе художника». И, вѣрный этому призванію, Мусоргскій съ небывалой смѣлостью заставляетъ музыку говорить и рисовать, негодовать, страдать и смѣяться; его перо не останавливается ни передъ изображеніемъ мужиковъ и бабъ въ деревнѣ, ни передъ ухаживаніемъ юродиваго, ни передъ скорбной мольбой нищей сироты; онъ живописуетъ звуками одинаково ярко и ребячью психологію въ дѣтской, и картины пріятеля на выставкѣ; онъ даже рисуетъ музыкальныя каррикатуры — на дѣвушку, испуганную козломъ, но не испугавшуюся стараго мужа, на семинариста, зубрящаго «исключенія на is» среди воспоминаній о поповской дочкѣ; то шутливая, то насмѣшливая, его музыкальная сатира возвышается до злого, бичующаго сарказма въ его музыкальныхъ памфлетахъ, противъ современныхъ ему представителей музыкальной казенщины. До такой рискованной близости къ «правдѣ» никто даже изъ собственной «кучки» доходить не рѣшался: Кюи впослѣдствіи осудилъ ее, какъ нарушившую законы и предѣлы искусства, а Римскій-Корсаковъ постарался (въ своей передѣлкѣ «Бориса Годунова» въ 1896 г.) набросить покрывало на самыя непримиримыя музыкальной дерзости Мусоргскаго*).

Двѣ безсмертныя оперы Мусоргскаго «Борисъ Годуновъ» и «Хованщина» представляютъ талантъ композитора въ полномъ расцвѣ-

---

*) Римскій-Корсаковъ такъ опредѣлилъ значеніе «Бориса Годунова» въ предисловіи къ своей переинструментовкѣ. «Высокая талантливость сочинителя, проникновеніе народнымъ духомъ и духомъ исторической эпохи, живость сценъ и очертанія характеровъ, жизненная правда въ драматизмѣ и коллизіи и ярко схваченная бытовая сторона, при своеобразности музыкальныхъ замысловъ и пріемовъ, вызывала удивленіе и восхищеніе одной части (публики). Непрактичныя трудности, обрывочность мелодическихъ фразъ, неудобства голосовыхъ партій, жесткость гармоніи и модуляцій, погрѣшности голосоведенія, слабая инструментовка и слабая, вообще, техническая сторона произведенія, напротивъ вызывала бурю насмѣшекъ и порицаній, у другой части... **Эти самые недостатки нѣкоторыми возводились чуть-ли не въ достоинства и заслугу»...** Мы уви-

тѣ и вмѣстѣ свидѣтельствуютъ о его вѣрности разъ выбранному направленію. Ссылка на «піонерство» Рѣпина сдѣлана имъ не напрасно: онъ, очевидно, сознательно остановился на задачахъ, аналогичныхъ съ эпопеями на полотнахъ Рѣпина (къ нимъ онъ могъ бы прибавить и полотна Сурикова, если бы дожилъ до ихъ появленія). Обѣ выбранныя Мусоргскимъ историческія темы дали возможность нарисовать широкія картины русскаго прошлаго въ два замѣчательные момента исторіи Россіи. Музыка при этомъ должна была служить только частью изображенія, — рамкой, въ которую должно было быть вставлено вполнѣ реальное содержаніе. Задолго до мейнингенцевъ и до Художественнаго театра. Мусоргскій при помощи Стасова изучалъ во всѣхъ подробностяхъ реальную обстановку избранной эпохи, желая возстановить по первоисточникамъ событія и бытъ начала XVII и начала XVIII столѣтія. Надъ «Борисомъ» онъ работалъ пять съ половиной лѣтъ (осень 1868 — весна 1874). Работа надъ «Хованщиной» началась въ 1782 г. и, съ перерывами, не прекращалась до самой смерти Мусоргскаго (16 іюня 1881. М. умеръ въ возрастѣ всего 42 лѣтъ). Карамзинъ и Пушкинъ дали, правда, композитору готовую канву. Но и по отношенію къ такимъ источникамъ Мусоргскій не остался пассивнымъ. Нѣтъ надобности говорить объ исключительномъ дарѣ музыкальной характеристики, при помощи которой композиторъ раскрываетъ передъ слушателями душу своихъ героевъ (его *реализмъ*, конечно, не сводится къ *натурализму*). Римскій-Корсаковъ уже замѣтилъ по этому поводу, что Мусоргскій не нуждается въ лейтмотивахъ, чтобы прилѣпить, такъ сказать, этикетку герою и этимъ удовлетвориться. Онъ рисуетъ живого человѣка со всѣмъ разнообразіемъ его душевныхъ переживаній. Не менѣе характерно то, чѣмъ Мусоргскій обогатилъ готовый сюжетъ *внѣ* области своей собственой спеціальности. Здѣсь прежде всего бросается въ глаза живое возстановленіе бытовой и соціальной среды, въ которой развертывается на сценѣ хроника Пушкина. Что касается быта, трудно перечислить всѣ тѣ подлинныя черты, которыя Мусоргскій заимствовалъ непосредственно изъ собранныхъ имъ историческихъ матеріаловъ. Но особенно характерна широкая трактовка народныхъ сценъ, вполнѣ самостоятельно вставленныхъ Мусоргскимъ. Онъ не даромъ назвалъ обѣ свои оперы «народными драмами». Въ трактовкѣ народной психологіи Мусоргскій проявилъ необыкновен-

---

димъ, что новое поколѣніе русскихъ кмпозиторовъ и критиковъ присоединилось къ этимъ «нѣкоторымъ», и въ послѣднее время появилось новое изданіе «Бориса Годунова» въ первоначальномъ видѣ, а переработка Римскаго-Корсакова подверглась рѣзкому осужденію (см. ниже, стр. 660).

ную проницательность и художественный тактъ. При всемъ преклоненіи передъ народомъ, котораго требовала идеологія 60-хъ и 70-хъ годовъ, Мусоргскій вывелъ на сцену народныя массы такими, какими они должны были быть въ дѣйствительности, нисколько не идеализируя, но глубоко и сочувственно проникая въ народную душу.

«Хованщина» представила Мусоргскому еще болѣе простора для проявленія тѣхъ же свойственныхъ его таланту и времени чертъ. Столкновеніе двухъ культуръ, старой и новой, народной и петровской, глубокая трагедія этого конфликта, кончающагося потрясающей сценой самосожженія раскольниковъ, — все это давало необозримый матеріалъ и для музыкальной характеристики и для сцены. Промедленіе въ написаніи оперы отчасти и произошло изъ-за невозможности вмѣстить весь собранный матеріалъ въ рамки сценическаго исполненія. Трудность заключалась и въ томъ, что здѣсь не было главнаго героя: героемъ были разные соціальные круги и народныя массы. Сценическій интересъ двоился. И Мусоргскій проявилъ большое художественное чутье, вплетя въ эту пеструю ткань отношеній между Хованскимъ, Шакловитымъ, Голицынымъ, Досифеемъ душевную и сердечную трагедію раскольницы Марфы.

На долю автора отъ обоихъ замѣчательныхъ произведеній достались одни огорченія. «Борисъ» съ трудомъ былъ принятъ, послѣ передѣлки, на казенную сцену и вызвалъ, рядомъ съ восторгами публики, неодобреніе друзей и открыто-недоброжелательную критику Кюи. Одни сердились на музыкальныя «дерзости» «самомнѣннаго» автора, другіе жаловались, что Россія изображена въ черезчуръ мрачныхъ краскахъ. Тѣ и другіе, къ негодованію автора, требовали отъ него «музыкальной красоты» — и, конечно, не находили ея. А свою «Хованщину» Мусоргскій и вовсе не увидѣлъ на сценѣ и не услышалъ въ оркестрѣ. У него имѣлся только клавираусцугъ и нѣсколько оркестрованныхъ сценъ. Поняли Мусоргскаго долго спустя послѣ его смерти, — и его посмертную славу основали не на томъ — или несовсѣмъ на томъ, въ чемъ онъ видѣлъ свое главное призваніе. «Реалистъ» Мусоргскій оказался и тогда не ко двору. Но понятіе о музыкальной «красотѣ» измѣнилось въ томъ смыслѣ, какого онъ желалъ. И чтобы окончательно примириться съ покойникомъ, изъ реалиста-психолога сдѣлали какого-то мистика, опираясь на мрачныя переживанія послѣднихъ лѣтъ Мусоргскаго, когда онъ думалъ, говорилъ и пѣлъ больше о смерти, чѣмъ о жизни, которую такъ любилъ и къ которой всей душою тянулся. Мы еще вернемся къ Мусоргскому въ связи съ его посмертнымъ воскрешеніемъ (стр. 659-660).

Другимъ членамъ кружка, менѣе безпорядочнымъ и богемнымъ, чѣмъ творецъ «Бориса» и «Хованщины», но и не одареннымъ та-

кимъ крупнымъ индивидуальнымъ талантомъ, удалось все же оставить слѣдъ въ исторіи русской музыки. Не будемъ останавливаться на теоретикѣ группы, Балакиревѣ, и на музыкальномъ критикѣ «кучки», Цезарѣ Кюи, — проповѣдникѣ программнаго теченія въ музыкѣ и декламаціоннаго въ оперѣ, удачливомъ авторѣ изящныхъ романсовъ и менѣе счастливомъ композиторѣ [illegible]сьми забытыхъ операхъ. Гораздо крупнѣе роль А. П. Бородина, одинаково сильнаго въ симфонической и камерной, какъ и въ оперной музыкѣ. Его знаменитую оперу «Князь Игорь» тоже пришлось оканчивать, послѣ его скоропостижной смерти въ 1887 г., Римскому-Корсакову въ сотрудничествѣ съ А. К. Глазуновымъ. По реализму народныхъ сценъ и речитативному элементу «Князь Игорь» близокъ къ завѣтамъ «кучки». Но Бородинъ уже не избѣгалъ арій, протестовалъ противъ «чисто-речитативнаго стиля», предпочиталъ болѣе округлыя формы, выдвигалъ голосъ передъ оркестромъ, и самъ подчеркивалъ, что приближается къ «Руслану». Восточный элементъ его музыки у него общій со многими русскими композиторами: выдвиженіе этого элемента даже произвело за-границей неправильное впечатлѣніе, будто именно *восточныя* мелодіи и гармоніи и являются особенностью *русской* музыки. Надо отмѣтить, наконецъ, что критики находили у Бородина общую черту съ Глинкой въ *объективности* его музыки, т. е. въ умѣніи воздерживаться отъ передачи собственныхъ настроеній дѣйствующимъ лицамъ, что дало ему возможность придать имъ больше рельефности и индивидуальности. Нѣтъ недостатка и въ другихъ параллеляхъ между «Игоремъ» и «Русланомъ».

Самымъ долговѣчнымъ и плодовитымъ изъ членовъ кружка оказался Н. А. Римскій-Корсаковъ. Естественно, что на немъ болѣе всего отразилось дальнѣйшее развитіе русской музыки. Въ немъ онъ самъ дѣятельно участвовалъ, подготовивъ, такимъ образомъ, въ лицѣ своихъ учениковъ, появленіе слѣдующаго замѣчательнаго поколѣнія даровитыхъ русскихъ композиторовъ. Вѣроятно, не случайно народный элементъ въ творчествѣ Римскаго-Корсакова оказывается связаннымъ со стариной того края, въ которомъ онъ родился (гор. Тихвинъ, Новгор. губ.). Подобно другимъ членамъ «кучки», въ которую онъ вступилъ въ 1861 г. четвертымъ членомъ, (передъ Бородинымъ), Римскій-Корсаковъ долго оставался самоучкой. Очень скоро, однако, онъ перегналъ другихъ товарищей, написавъ симфонію (1865) — первую русскую симфонію, имѣвшую большой успѣхъ у публики въ концертѣ «Безплатной музыкальной школы». За симфоніей съ необычайной быстротой послѣдовали сразу такія крупныя вещи, какъ музыкальная картина «Садко» (1866), вторая симфонія

«Антаръ» (1868) и, наконецъ, цѣлая опера «Псковитянка» (1868-71). Работоспособность — не только среди членовъ «кучки», писавшихъ музыку не торопясь, между дѣломъ, — у Римскаго-Корсакова была совершенно исключительная. Но еще удивительнѣе было то, что молодой композиторъ не удовлетворялся достигнутыми успѣхами, а постоянно шелъ дальше. Онъ быстро переросъ «кучку» и тотчасъ послѣ окончанія «Псковитянки» съ нимъ произошелъ переворотъ, имѣвшій значеніе для всей дальнѣйшей исторіи русской музыки. А. К. Глазуновъ описываетъ этотъ переворотъ такими словами: «Въ то время существовало печальное заблужденіе, что свободному художнику не для чего учиться. Н. А. не раздѣлялъ этого взгляда. Когда онъ писалъ «Псковитянку», онъ жаловался мнѣ, что у него «связаны руки», что онъ хочетъ сдѣлать больше, чѣмъ можетъ. Это его страшно тяготило, и онъ рѣшилъ ознакомиться съ техническими пріемами композиціи. Это побудило его заняться тщательнымъ изученіемъ гармоніи, контрапункта и фуги», — тѣмъ болѣе, что онъ былъ приглашенъ (1871) занять въ консерваторіи каѳедру практическаго сочиненія музыки и инструментовки. Чайковскій пришелъ въ умиленіе, когда Римскій-Корсаковъ послалъ ему (1875) нѣкоторые плоды своихъ упражненій въ этихъ «музыкальныхъ хитростяхъ» и боялся только, какъ бы неофитъ техники не перегнулъ точку въ другую сторону — въ направленіи «сухого педантизма». И дѣйствительно, третья симфонія (1873) грѣшила преобладаніемъ техники, какъ и нѣкоторыя другія произведенія того времени. Но тогда же изданы были Римскимъ-Корсаковымъ сборники народныхъ пѣсенъ, приблизившіе его къ національному источнику русской музыки. Свои прежнія произведенія онъ подвергъ теперь пересмотру, приложилъ также свои знанія къ обработкѣ неоконченныхъ вещей Даргомыжскаго, Бородина, Мусоргскаго, и съ обновленными силами принялся за новое творчество. «Майская ночь» (1878) и особенно «Снѣгурочка» (1880), написанная въ нѣсколько мѣсяцевъ, дали мѣру новыхъ достиженій композитора и ознаменовали его поворотъ въ сторону народнаго пѣсеннаго культа. «Стыдно признаться, завидовалъ», писалъ теперь о «Снѣгурочкѣ» Чайковскій. Къ этому же времени относятся и послѣднія, самыя совершенныя симфоническія произведенія Римскаго-Корсакова, «Испанское каприччіо», «Шехерезада» и «Свѣтлый праздникъ». Послѣдняя вещь связана съ новымъ положеніемъ (съ 1883 г.) Римскаго-Корсакова, какъ помощника управляющаго придворной пѣвческой капеллой. Эта должность натолкнула композитора на изученіе православнаго церковнаго пѣнія, и послужила подготовкой къ несравненному «Китежу».

Невозможно — и нѣтъ надобности для цѣлей «Очерковъ» слѣдить за подробностями дальнѣйшаго творчества Римскаго-Корсакова, послѣ того какъ его музыкальный обликъ окончательно сложился. Отмѣтимъ лишь главныя черты, характеризующія это творчество въ періодъ полной зрѣлости. Тутъ, прежде всего, напрашивается часто употреблявшееся сравненіе Римскаго-Корсакова съ Вагнеромъ. Начиная съ «Снѣгурочки» Римскій-Корсаковъ все болѣе и болѣе прибѣгаетъ къ лейтмотиву для характеристики своихъ персонажей. Подобно Вагнеру онъ сосредоточивается почти исключительно на сюжетахъ, взятыхъ изъ народнаго творчества и относящихся къ сказочному прошлому, когда дѣйствительность и вымыселъ сливались въ анимистическомъ представленіи о природѣ и слово и пѣснь составляли одно цѣлое*). Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, наконецъ, Римскій-Корсаковъ отказывается отъ округлыхъ формъ старой оперы, отъ кантилены, аріи, отъ раздѣленія дѣйствія на отдѣльные номера и ансамбли и переходитъ къ Вагнеровскому непрерывному дѣйствію, гдѣ развивающіяся событія и настроенія рисуетъ оркестръ, а пѣвцу остается речитативъ. Съ чисто музыкальной стороны необходимо отмѣтить все болѣе широкое пользованіе красками оркестра, поражающій блескъ усложненной инструментовки, вакханалія звуковъ, не очитающихся со старыми школьными законами и т. д. Именно эта черта дала Римскому-Корсакову громкую популярность за-границей.

При отмѣченныхъ чертахъ сходства съ Вагнеромъ существуютъ, разумѣется, и различія, не менѣе характерныя для *русскаго* автора. Речитативъ Корсакова съ его непрерывнымъ оркестровымъ истолкованіемъ все же не составляетъ основной ткани музыкальнаго построенія, и лейтъ-мотивы не становятся, поэтому, органической частью текстуры. Но, главное, русскій фольклоръ, пѣсня, былина, духовный стихъ, народная легенда и сказка не поднимаются на высоту философскаго обобщенія, не претендуютъ объяснять исторію міра и человѣчества. Эти элементы остаются наивнымъ фолькъ-

*) Въ «Лѣтописи моей жизни» (стр. 176-177) Р. К. находимъ слѣдующее любопытное признаніе, относящееся къ 1875-6 гг.: «Прочитавъ Сахарова, Терещенку, Шейна, Афанасьева, я увлекся поэтической стороной культа поклоненія солнцу (теорія солнечнаго происхожденія миѳовъ потомъ отрицалась. П. М.) и искалъ его остатковъ и отзвуковъ въ мелодіяхъ и текстахъ пѣсенъ. Картины древняго языческаго времени и духа его представлялись мнѣ, какъ тогда казалось, съ большой ясностью и манили прелестью старины. Эти занятія оказали впослѣдствіи огромное вліяніе на направленіе моей композиторской дѣятельности».

ломъ въ такой степени, что наши декораторы поддаются соблазну иллюстрировать ихъ такимъ же наивнымъ лубкомъ. Вотъ почему, вмѣсто высокихъ вдохновеній, лирическаго экстаза, глубокихъ драматическихъ коллизій, тема сказки, какъ въ «Царѣ Салтанѣ» или «Золотомъ пѣтушкѣ» разрабатывается въ духѣ сатиры, почти каррикатуры, — самое большее художественной миніатюры. Трагедія Снѣгурочки или приключенія Садко трогаютъ зрителя, но оставляютъ его мыслительный аппаратъ въ бездѣйствіи. Мы увидимъ, что эти черты какъ разъ совпали съ требованіями измѣнившагося вкуса. Слѣдующее поколѣніе выступило съ отрицаніемъ Вагнера, между прочимъ за тѣсную связь его музыки съ идейнымъ содержаніемъ «драмы». Поменьше идей и философіи, шутливое отношеніе къ темѣ, выборъ этой темы подальше отъ реальности — таковы были новыя требованія. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми гармоническими нововведеніями, отъ которыхъ Корсаковъ не отказывался, идя наравнѣ съ вѣкомъ, эта черта и помогла Корсакову сохранить связь съ новымъ поколѣніемъ и создать школу, независимую отъ отошедшей въ исторію «кучки».

Надо однако прибавить, что въ музыкальномъ творчествѣ Корсакова есть одно исключеніе. Онъ написалъ, помимо своихъ шутливыхъ и сказочныхъ оперъ, — «Сказаніе о градѣ Китежѣ». Это произведеніе, уходя всѣми корнями въ народное преданіе, подходитъ къ народной психикѣ съ другой, духовно-религіозной стороны и создаетъ у слушателя глубокое настроеніе, напоминающее «Парсифаля». Но даже и это настроеніе чуждо страданія и мистики Вагнера. Въ своихъ фантастическихъ и сказочныхъ вещахъ Римскій Корсаковъ, во всякомъ случаѣ, остается жизнерадостнымъ реалистомъ-шестидесятникомъ, и едва слушатель повѣритъ въ сліяніе міра дѣйствительнаго съ воображеннымъ въ его произведеніяхъ, какъ Римскій-Корсаковъ спѣшитъ обратить тайну этого сліянія въ артистическую шутку.

Послѣ всего сказаннаго неудивительно, что въ музыкѣ конца XIX вѣка мы не можемъ провести такой рѣзкой грани между поколѣніями, какія представляютъ манифестъ Мережковскаго въ литературѣ и появленіе «Міра Искусства» въ изобразительныхъ искусствахъ. «Дѣти» здѣсь слишкомъ связаны выучкой у «отцовъ», чтобы сразу возстать противъ нихъ не только идейно, но и тактически. Вспомнимъ обстановку: въ промежуткѣ 1882-1892 гг. на оперной сценѣ безраздѣльно царилъ Чайковскій. Послѣ его смерти наслѣдство перешло къ Римскому-Корсакову, помирившему бунтовщиковъ «кучки» съ консерваторами и, такъ сказать, консерваторизировавшему самыя выдающіяся ихъ произведенія. А по смерти Римскаго-

Корсакова (1908) скипетръ въ консерваторіи и въ музыкальномъ мірѣ перешелъ къ А. К. Глазунову. Хотя онъ и стяжалъ себѣ впослѣдствіи репутацію послѣдняго русскаго «академиста», но молодежь конца вѣка видѣла въ немъ «классика», сторонника «чистой» музыки, протестовавшаго противъ романтическаго смѣшенія родовъ и обратившагося къ музыкѣ инструментальной. Такимъ образомъ, благодаря силѣ, блеску, глубинѣ и плодовитости Римскаго-Корсакова и композиторскому таланту Глазунова, бунтъ запоздалъ на десятокъ-другой лѣтъ. Вмѣсто того, чтобы проявиться сразу въ цѣлой школѣ, вродѣ «кучки», онъ обнаружился прежде всего въ индивидуальныхъ явленіяхъ.

Такимъ индивидуальнымъ явленіемъ, бунтовщикомъ-одиночкой, былъ и остался А. Н. Скрябинъ. Въ немъ мы уже наблюдаемъ тѣсную связь съ психологіей и идеологіей эстетовъ начала XX вѣка; но по отношенію къ настоящей «новой музыкѣ» XX вѣка, его новаторство являлся такимъ же неподлиннымъ, нѣсколько искусственнымъ, какъ новаторство Рихарда Штрауса по отношенію къ Вагнеру. Близко знавшій Скрябина критикъ Сабанѣевъ характеризуетъ его, какъ уже съ юныхъ лѣтъ «изнѣженнаго, женственнаго, съ обостреннымъ нервнымъ тономъ, экзальтированнаго, рано склоннаго къ мысли надъ роковыми вопросами мірозданія, въ то же время чрезвычайно самонадѣяннаго, вѣрящаго въ себя, убѣжденнаго въ какой-то грандіозной своей «миссіи», съ рано развившейся чувственностью, нервной, утонченной; эротическія переживанія ему были знакомы съ дѣтства, опредѣливъ на всю жизнь его повышенный чувственный тонъ». Выйдя изъ четвертаго класса военнаго корпуса, Скрябинъ остался безъ достаточнаго образованія. На почвѣ крайняго несоотвѣтствія между планетарными порывами и безсиліемъ не только удовлетворить ихъ, но даже и выразить, между чрезмѣрной развитостью эмоціональной стороны и неразвитостью интеллектуальной, развивается все его музыкальное творчество, свидѣтельствующее о большой силѣ художника и крайней наивности мыслителя. Его записи содержатъ длинный рядъ попытокъ формулировать ускользающую отъ него философскую мысль о себѣ самомъ, какъ центрѣ творенія, объ иллюзорности внѣшняго міра, исчерпывающагося его личнымъ сознаніемъ и волей, о развертывающейся изъ этого личнаго центра космогоніи, упраздняющей Бога, и завершающейся сознательнымъ творчествомъ генія. На высотѣ творенія міръ отдается ему, «какъ женщина», и сгораетъ въ этомъ «экстазѣ» послѣднимъ пожаромъ. Онъ — Богъ, онъ — Мессія. «Весь міръ затопитъ волна моего бытія. Я буду рождаться въ Вашемъ сознаніи желаніемъ безумнымъ блаженства безмѣрнаго». «Что будетъ,

что будетъ! Я всю дорогу въ экстазѣ! Наконецъ, я нашелъ себя. Какіе взгляды, какая сила выраженія! Какое сочетаніе стальной логики и тонкаго чувства». Таковы сужденія о самомъ себѣ и о своей задачѣ. Въ порывахъ экстаза эти мысли превращаются въ плохіе стихи, которые имѣютъ слабость одобрять его друзья-символисты, Бальмонтъ, Вяч. Ивановъ, Бальтрушайтисъ. Философствующіе друзья поощряютъ также и его идею «Мистеріи» — особаго и окончательнаго творческаго акта, въ которомъ не будетъ зрителей, а только исполнители, для котораго будетъ построено особое зданіе, и къ которому надо подготовиться какимъ-то предварительнымъ посвященіемъ гдѣ-то въ Индіи, куда направила воображеніе Скрябина теософка Блаватская, — одинъ изъ главныхъ его авторитетовъ. «Мистеріи» Скрябинъ не успѣлъ написать († 1915), но «Прометей», «Божественная поэма», «Экстазъ», третья симфонія составляютъ приближеніе къ ней, а въ 7-й и 9-й сонатахъ онъ празднуетъ свою «бѣлую» и «черную мессу». Конечно, эти и другія произведенія Скрябина имѣютъ музыкальную цѣнность, независимо отъ патологіи эротическаго наркоза и философскихъ блужданій. Но и въ музыкѣ Скрябина Сабанѣевъ отмѣчаетъ несоотвѣтствіе между «миніатюрностью огромнаго большинства его сочиненій, 216 изъ 222», — фортепьянныхъ, гдѣ онъ достигаетъ высокаго совершенства, — и его большихъ оркестровыхъ вещей, гдѣ количество звуковъ замѣняетъ качество, ихъ массовость замѣняетъ сложность, музыка превращается въ «магическія заклинательныя формулы», а «звуковыя ласки» — въ средство «приведенія психики въ экстатическое состояніе, путемъ непосредственнаго дѣйствія на психо-физіологическую сферу».

На этомъ пути, послѣ Вагнера на Западѣ и Римскаго-Корсакова въ Россіи, можно было дать только блестящую поддѣлку подъ новизну. Этимъ, столько же, какъ и планетарностью заданій, объясняется, почему, при всемъ своемъ безспорномъ талантѣ, при несомнѣнной новизнѣ и оригинальности своихъ гармоническихъ исканій («синтетическій» семитонный аккордъ, построенный на послѣдовательныхъ квартахъ) Скрябинъ попалъ съ своимъ творчествомъ въ тупикъ, не получивъ признанія внѣ Россіи, и остался внѣ той большой дороги, по которой пошло дальнѣйшее развитіе музыки въ XX вѣкѣ. Роль глашатаевъ новой музыки онъ долженъ былъ уступить представителямъ болѣе молодыхъ поколѣній (Скрябинъ родился въ 1821 г., Стравинскій въ 1882, Прокофьевъ въ 1891).

Но тутъ мы опять подходимъ къ моменту, когда, какъ и въ живописи, русское искусство становится космополитическимъ, — не теряя, впрочемъ, своего національнаго характера. Улавливая но-

вѣйшія западныя теченія, оно не только подражаетъ имъ, но дѣлаетъ смѣлую попытку ихъ опередить, — и, дѣйствительно, на время становится источникомъ западныхъ подражаній. Вотъ почему и здѣсь, какъ въ области живописи, мы снова должны сдѣлать экскурсію въ область развитія западной музыки въ ея послѣдней стадіи.

Кто-то изобрѣлъ для характеристики этой послѣдней стадіи злое, но довольно мѣткое выраженіе: «раздѣваніе музыки». Несомнѣнно, что основная черта музыки XX вѣка есть разложеніе музыкальной техники на ея составныя части и доведеніе каждаго изъ выдѣленныхъ, такимъ образомъ, элементовъ до его крайняго выраженія. Рѣчь идетъ, конечно, прежде всего, объ основныхъ элементахъ музыкальной фактуры: ритмѣ, мелодіи и гармоніи. Въ исторіи музыки каждый изъ этихъ элементовъ имѣлъ свой періодъ развитія; вмѣстѣ взятые, эти періоды представляютъ многовѣковой процессъ «одѣванія» музыки, предшествовавшій кратковременному процессу ея «раздѣванія». Для пониманія этого послѣдняго, необходимо остановиться на главныхъ моментахъ предыдущаго процесса.

Ритмъ, мелодія и гармонія развиваются въ этомъ процессѣ въ томъ самомъ порядкѣ, какъ мы ихъ переименовали. Начало музыки уходитъ далеко вглубь доисторическаго періода; но, кажется, можно предположить, что простѣйшимъ выраженіемъ музыки, не требовавшимъ даже существованія музыкальныхъ инструментовъ, являются звуки (или точнѣе, шумы), производимые разными частями тѣла (руками и ногами), при сопровожденіи религіознаго или военнаго танца. И первыми музыкальными инструментами являются простѣйшіе ударные, предназначенные для того-же сопровожденія и подчеркивающіе ритмъ тѣлодвиженій. Несомнѣннымъ пережиткомъ этого древнѣйшаго періода является привычка — сопровождать танецъ ударами въ ладоши или въ кастаньеты, сохранившаяся во внѣевропейскихъ странахъ и на югѣ Европы. Большая часть ударныхъ инструментовъ, употребляемыхъ въ современномъ оркестрѣ и издающихъ звукъ неопредѣленной высоты (шумъ), ведутъ свое происхожденіе отъ примитивныхъ внѣевропейскихъ народовъ. Извѣстно, какое большое значеніе имѣютъ ударные инструменты этого типа и рѣзкій ритмъ, ими создаваемый, въ негрскомъ оркестрѣ («джаззъ»), спеціально предназначенномъ для сопровожденія негрскихъ танцевъ, перенесенныхъ въ Европу (кекуокъ, чарльстонъ, шимми и т. д.). Во всѣхъ этихъ случаяхъ элементъ ритма выдвигается въ музыкѣ на первый планъ. Мы увидимъ, какъ къ этому примитивному ритму вернулась новѣйшая музыка въ послѣдней стадіи своего «развитія».

Значительно позже ритма получаетъ свое законное мѣсто въ музыкѣ мелодія, справедливо называемая «душою музыки». Появляясь

самостоятельно и независимо отъ ритма — какъ выраженіе душевныхъ движеній голосовыми средствами, — мелодія и по сіе время во внѣевропейскихъ странахъ не подчиняется ритму и не рубится на условныя части, представляя безконечно тянущуюся линію монотоннаго звука, прерываемаго лишь затѣйливыми руладами пѣвца. Не подчиняется такая мелодія и закону нашей прерывистой скалы тоновъ; она пользуется не употребляющимися въ культурной музыкѣ частями цѣлаго тона нашей гаммы (отчего и получается впечатлѣніе завыванія — т. е., непрерывнаго глиссандо). Потому она и не поддается гармонизаціи. Вообще, древняя мелодія не знаетъ гармоніи. Еще у грековъ и римлянъ, какъ и въ началѣ среднихъ вѣковъ, мелодія одноголосна и сопровождается инструментомъ лишь въ унисонъ или въ октаву.

Постепенное развитіе гармоніи составляетъ сущность третьяго, самаго знаменательнаго періода въ исторіи музыки. Проходитъ этотъ періодъ уже цѣликомъ на глазахъ писанной исторіи и заканчивается (мы увидимъ, какъ) лишь въ наше время. Развитіе гармоніи есть, по необходимости, позднее явленіе, ибо ему должно было предшествовать, прежде всего, установленіе той или другой опредѣленной системы тоновъ (пяти-, семи-, двѣнадцатитонной, церковной, діатонической). Надо было затѣмъ найти эмпирическимъ путемъ натуральныя отношенія между тонами, которыя лишь въ срединѣ XIX вѣка были открыты и подтверждены изслѣдованіями Гельмгольца (см. ниже, стр. 643). Было необходимо, далѣе, установленіе системы музыкальныхъ инструментовъ. Эти послѣднія задачи разрѣшались, какъ увидимъ, такъ медленно, что развитіе гармоніи опередило ихъ плоды. Первыя гармоническія формы (такъ наз. контрапунктъ— **punctum contra punctum**) установились въ сферѣ примѣненія человѣческаго голоса къ церковной службѣ. Это не была еще гармонія въ позднѣйшемъ смыслѣ, — какъ искусство построенія и сочетанія аккордовъ, а лишь необходимое послѣдствіе участія въ пѣніи второго, третьяго и т. д. голоса. При этомъ соединеніи голосовъ мелодіи каждаго голоса не теряли самостоятельности. Но для сочетанія каждой мелодіи съ остальными надо было установить ихъ взаимную связь — точка противъ точки, — т. е. звукъ противъ звука. При этомъ сама собой являлась необходимость избѣжать явныхъ диссонансовъ, которыми тогда считались не только секунда и септима нашей гаммы, но и терція — и даже кварта, такъ что для согласованія оставались только наиболѣе натуральные интервалы квинты и октавы (если не считать унисона). Въ практикѣ многоголоснаго (полифоннаго) пѣнія мало по малу и установились тѣ аксіомы «контрапункта», которыя были потомъ перенесены на инструментальную музыку (сжи-

мающееся къ верхнимъ нотамъ расположеніе голосовъ, съ запрещеніемъ слишкомъ далеко отодвигать нижніе голоса отъ верхнихъ; отрицаніе параллельнаго движенія голосовъ всѣхъ вверхъ или внизъ, съ безусловнымъ запрещеніемъ параллельнаго движенія квинтъ и октавъ; запрещеніе перекрещиванія голосовъ и слишкомъ быстрыхъ скачковъ мелодіи вверхъ или внизъ и т. д.). Необходимость соблюдать строгую одновременность въ движеніи голосовъ, повела также ко введенію «мензуры», т. е. къ раздѣленію мелодіи на такты. Вмѣстѣ съ этимъ появилась первая возможность ввести свободную мелодію народной пѣсни въ рамки античнаго ритма, раздѣлить ее на полуфразы, фразы и періоды (2-4-8 тактовъ). Наконецъ, распредѣленіе голосовъ, каждаго въ своей «позиціи», привела къ выявленію и закрѣпленію четырехъ типовъ человѣческаго голоса. Два изъ нихъ — мужскіе: басъ («базисъ», основа) и теноръ («держащій» основную, старую церковную грегоріанскую мелодію, cantus firmus). Два другіе, въ противоположность «канту», твердому ходу средняго голоса, исполняютъ «дискантъ» — вольныя фигураціи пѣвца въ верхнихъ тонахъ, превратившіяся мало по малу въ главную мелодію, распредѣленную между двумя регистрами женскаго голоса, альтомъ и сопрано. Эти же четыре типа голоса при дальнѣйшемъ развитіи инструментальной музыки — уже не какъ подсобной только при пѣніи, а какъ самостоятельной, — послужили первообразами, къ которымъ тяготѣли и на которыхъ въ концѣ концовъ остановились и четыре основныхъ типа музыкальныхъ инструментовъ.

Исторія развитія этихъ типовъ заканчивается уже послѣ того, какъ періодъ многоголоснаго стиля («полифоннаго») исчерпалъ всѣ свои возможности и пришелъ къ естественному концу. Напомнимъ, что зарожденіе полифоннаго стиля относится къ XIII-XIV вв., а расцвѣтъ его — къ XV и XVI вѣкамъ (его наиболѣе совершенные представители, Орландо Лассо и Палестрина умерли въ одномъ и томъ же году, 1594). Основнымъ музыкальнымъ инструментомъ для сопровожденія церковнаго хора оставался органъ на всемъ протяженіи этихъ вѣковъ, и характеръ этого инструмента вполнѣ соотвѣтствовалъ характеру полифоннаго стиля. Органъ давалъ чистую и протяжную ноту, близкую къ голосу; равномѣрность тембра помогала сплетенію нѣсколькихъ самостоятельныхъ голосовъ, двигавшихся *горизонтально,* въ одну цѣльную ткань, не выдвигая впередъ ни одного изъ нихъ. При этомъ мелодія лишалась той выразительности, которую она имѣла въ одноголосной народной пѣснѣ — и которую она вернула себѣ впослѣдствіи, — но въ то же время получившіяся звуковыя сочетанія не развертывались и въ разработанную систему аккордовъ, построенныхъ *вертикально.* Этотъ ограниченный характеръ полифоніи, ея

связанность строгими правилами контрапункта и привела къ тому, что искусство веденія все болѣе многочисленныхъ голосовъ въ концѣ концовъ стало ученой игрушкой въ рукахъ спеціалистовъ и могло больше интересовать глазъ, чѣмъ слухъ. Такое отдаленіе отъ жизни въ вѣкъ, когда уже слагались на родинѣ Петрарки и Бокаччо основы свѣтской пѣсни и возстановлялась въ той же Флоренціи монодія классической драмы (будущая опера), и привело около 1600 г. къ протесту противъ контрапунктическихъ хитросплетеній во имя «nuove musiche», свободной, выражающей чувство мелодіи. Только затѣмъ, при условіи дальнѣйшаго усовершенствованія музыкальныхъ инструментовъ, могъ наступить, наконецъ, періодъ развитія *гармоніи*. Монотонный по тембру органъ долженъ былъ уступить мѣсто сочетанію инструментовъ разныхъ тембровъ, объединенныхъ въ оркестрѣ. Начиналась послѣдняя стадія «одѣванія» музыки, открывавшая, казалось, безграничныя перспективы.

Однако же, тутъ понадобился еще подготовительный періодъ, длившійся около полутораста лѣтъ (до 1750), прежде чѣмъ, наконецъ, наступилъ въ исторіи музыки расцвѣтъ *классическаго* періода. Музыкальные инструменты все еще не пріобрѣли окончательной формы. Смычковые струнные инструменты, послѣдніе по времени развитія въ исторіи инструментовъ, еще не были сведены къ теперешнему квартету, которому суждено было лечь въ основу современнаго оркестра. Имѣлось цѣлыхъ семь видовъ «ручной віолы» (viola da braccio), предшественницы скрипки и альта, и шесть разновидностей «ножной віолы»(viola da gamba), предшественницы віолончели и контрабаса. Еще менѣе закончены были формы духовыхъ — деревянныхъ и металлическихъ инструментовъ, болѣе древнихъ по происхожденію, но усовершенствовавшихъ свои формы до самаго послѣдняго времени. Флейта имѣлась въ началѣ XVII вѣка въ восьми варіантахъ. Кларнетъ былъ только въ концѣ XVII вѣка преобразованъ изъ стараго chalumeau. Въ началѣ XVII в. имѣлось шесть варіантовъ этой обширной семьи (Schalmei, Bombarde), изъ нихъ потомъ выдѣлены были, параллельно тремъ струннымъ инструментамъ квартета, гобой, англійскій рожокъ (cor anglé, т. е. согнутый подъ угломъ) и фаготъ. На такомъ несовершенномъ и текучемъ матеріалѣ строился въ XVII в. первый составъ оркестра. Монтеверде (1567-1643) первый установилъ въ немъ первенство струннаго квартета, отобравъ изъ состава віолъ четыре типа, соотвѣтствующіе позднѣйшимъ, и установивъ должную пропорцію духовыхъ — деревянныхъ и мѣдныхъ. Скарлатти (1659-1725) научился дѣлать изъ каждаго струннаго инструмента индивидуальное употребленіе и тѣмъ усилилъ самостоятельную роль инструментальнаго элемента въ

оркестрѣ., которому до тѣхъ поръ придавали лишь роль аккомпаньятора къ аріи и речитативу.

Классическій періодъ начинается съ Баха, Генделя и Глюка и достигаетъ своего завершенія въ Гайднѣ, Моцартѣ и Бетховенѣ. Для нашей цѣли нѣтъ нужды останавливаться на немъ подробно. Но для пониманія всего дальнѣйшаго необходимо выяснить его общее значеніе въ историческомъ процессѣ «одѣванія» музыки. Съ этой точки зрѣнія Бахъ (1685-1750), какъ ни велико его значеніе для нашего времени, представляется для своей эпохи лишь въ роли мало замѣченнаго и не повліявшаго на ближайшихъ преемниковъ завершителя стиля полифонической эпохи. Гендель (1685-1759), въ противоположность Баху, былъ болѣе доступенъ для современниковъ, но гораздо менѣе глубокъ и оригиналенъ. Самый младшій изъ трехъ, Глюкъ (1714-1787), впервые съумѣлъ использовать колоритъ оркестровыхъ инструментовъ для усиленія пафоса драматическихъ положеній и характеровъ, заимствованныхъ изъ античной трагедіи. Но никакого переворота и онъ не совершилъ. Этотъ переворотъ суждено было совершить тремъ гигантамъ музыки, чьи имена названы во второй серіи. И сразу нужно сказать, что, какъ ни великъ былъ ихъ вкладъ въ развитіе гармоніи, за которымъ мы слѣдимъ, слѣдуя нашей общей схемѣ, — но не въ этомъ одномъ заключается ихъ право на званіе классиковъ музыки всѣхъ временъ и народовъ. Имъ посчастливилось жить и дѣйствовать въ тотъ періодъ исторіи музыки, когда всѣ основные элементы ея достаточно созрѣли для творческаго использованія. И ихъ классицизмъ состоялъ въ несравненномъ искусствѣ, развивая дальше всѣ эти элементы, соблюсти истинно-классическое равновѣсіе между ними — и остаться при этомъ въ рамкахъ «чистой музыки», т. е. достигнуть своихъ цѣлей чисто музыкальными средствами. Изъ троихъ, стоящихъ на этой недосягаемой высотѣ, средній, Моцартъ (1756-91) занимаетъ вершину вершины. Сравнительно съ нимъ, Гайднъ (1732-1809) составляетъ переходъ отъ прошлаго, а Бетховенъ (1770-1827) — переходъ къ будущему. При этомъ всѣ они связаны сознаніемъ единства того дѣла, которое они дѣлаютъ, и пониманіемъ того мѣста, которое занимаютъ въ исторіи музыки. «Онъ — отецъ, а мы — ребята», говоритъ Моцартъ про непосредственнаго ихъ предшественника Ф. Эммануила Баха (сына Себастіана), — перваго, который сказалъ: «мнѣ кажется, что музыка должна трогать сердца». А про Гайдна Моцартъ говорилъ: «никто, кромѣ него, не умѣлъ такъ хорошо заставить и смѣяться, и глубоко чувствовать». И если Бетховенъ на смертномъ одрѣ говорилъ про Гайдна: «посмотри, милый Гуммель, на жалкую хижину, въ которой родился великій человѣкъ», то и Гайднъ въ 1805 г. выразился о Бетховенѣ, кото-

раго называлъ въ шутку «Великимъ Моголомъ»: «его искусство безгранично, и то, что еще можетъ случиться въ музыкѣ, гораздо больше того, что уже произошло».

Въ противоположность періоду полифоннаго стиля обыкновенно называютъ наступившій за нимъ періодъ неудачнымъ названіемъ «гомофоннаго». Этимъ желаютъ подчеркнуть, что тутъ выдвинута впередъ одна главная мелодія, а остальные голоса превращаются изъ самостоятельныхъ — и взаимно ограничивающихъ — въ аккомпаниментъ. Дѣйствительно, именно это выдвиженіе мелодіи и дѣлаетъ музыку классическаго періода способной выразить всѣ оттѣнки человѣческаго чувства, начиная съ здороваго юмора молодого Гайдна и кончая трагической мрачностью старѣющаго Бетховена. Но это только одна сторона сложнаго явленія. Гельмгольцъ далъ періоду, послѣдовавшему за полифоннымъ, болѣе глубокое опредѣленіе, отнеся «гомофонію» (что собственно означаетъ унисонную мелодію) къ античному и средневѣковому (до-полифонному) періоду господства одной мелодіи, а этотъ третій періодъ назвавъ болѣе удачно «гармоническимъ». Это совпадаетъ и съ развиваемой здѣсь схемой. Но тутъ надо сдѣлать одну оговорку. Гармоническимъ можетъ быть названъ весь періодъ послѣ 1750 г., вплоть до начала новѣйшей музыки XX вѣка (см. ниже). Но для классическаго періода, отдѣльно взятаго, характерной чертой является не столько развитіе гармоніи самой по себѣ, какъ ни велики ея достиженія въ этотъ періодъ, сколько именно сліяніе мелодіи, гармоніи — прибавимъ сюда и ритмъ — въ единое органическое цѣлое. Другой характерной стороной его, стоящей въ тѣсной связи съ первой, надо признать созданіе свойственной классицизму формы. Эта форма представляетъ расчлененный на части, но въ то же время единый организмъ музыкальной пьесы. Эта *организованная* форма, симметрически построенная, прекрасно отвѣчаетъ своей цѣли: выражать *смѣну* настроеній, радостныхъ и печальныхъ, бодрыхъ и унылыхъ, переливающагося черезъ край веселья и углубленнаго созерцанія. Это то, что извѣстно подъ названіемъ *сонатной* формы съ ея вступительнымъ прозрачнымъ и яснымъ аллегро, игривымъ менуэтомъ, задумчивымъ анданте или адажіо и бурнымъ финаломъ. Сонатная форма распространена была съ сольнаго инструмента на инструментальный квартетъ (тріо, квинтетъ и т. д.), замѣнивъ прежнія, менѣе тѣсно связанныя формы (divertimento, вытѣснившій, въ свою очередь, болѣе древнюю «партиту» и «сюиту»). Свое высшее приложеніе она, наконецъ, нашла въ симфоніи. Классики отнюдь не изобрѣли отдѣльныхъ частей этого высшаго выраженія инструментальной музыки. Но они связали ихъ въ одно цѣлое и вложили въ нихъ опредѣленное содержаніе. Они

также немногое измѣнили въ сложившемся къ ихъ времени оркестрѣ. Начавши съ использованія простого состава его — расширеннаго квартета струнныхъ съ присоединеніемъ — попарно — квартета духовыхъ, они затѣмъ имѣли возможность воспользоваться усложненнымъ составомъ и новыми красками знаменитаго Мангеймскаго оркестра рано умершаго Штамица. О составѣ этого образцоваго оркестра XVIII вѣка пишетъ самъ Моцартъ отцу въ 1777 г. изъ Мангейма: «оркестръ очень хорошъ и силенъ, на каждой сторонѣ 10-11 скрипокъ, 4 альта, 4 віолончели, 2 гобоя, 2 флейты, 2 кларнета, 4 фагота, 4 контрабаса, трубы и барабаны». А о впечатлѣніи отъ игры этого оркестра свидѣтельствуетъ посѣтившій его англійскій музыкальный критикъ Берней: «здѣсь — родина крешшендо и диминуэндо; здѣсь замѣтили, что піано, раньше употреблявшееся и воспринимавшееся, какъ эхо, даетъ, также, какъ и форте, такія же краски въ музыкѣ, какъ красное и синее въ живописи». Дѣйствіе этой новой оркестровой динамики на слушателя ярко изображаетъ другой свидѣтель, нѣмецкій музыкантъ и поэтъ Шубартъ: «форте этого оркестра — громъ, его крешшендо — водопадъ, его диминуэндо — кристальная рѣчка, плещущая вдали, его піано — дыханіе весны».

Конечно, гармонія получила, при примѣненіи такого оркестра, новые рессурсы. Но все же терминъ «гармонической» эпохи получаетъ все свое значеніе только относительно періода, послѣдовавшаго за классическимъ. Только въ немъ гармонія начала развиваться односторонне, за счетъ мелодіи. Конечно, уже съ тѣхъ поръ, какъ мелодія разорвала оковы контрапункта и заговорила языкомъ человѣческаго чувства, плотная ткань линейнаго письма распалась и каждыя музыкальная фраза, каждый отдѣльный тонъ ея допускалъ отдѣльное гармоническое сопровожденіе, способное подчеркнуть и углубить желаемое настроеніе. Но и переросши контрапунктъ, и Гайднъ и Моцартъ все же оставались его мастерами, а про Баха Бетховенъ выражался, что онъ «не ручей (Bach), а море». Съ созданіемъ циклической формы сонаты контрапунктъ не исчезъ, а получилъ новое примѣненіе. Тягучая мелодія полифоническаго стиля замѣнилась короткимъ «мотивомъ». Мотивъ послужилъ «темой» для органической разработки. Разработка двухъ или трехъ контрастирующихъ темъ и составляетъ тотъ «языкъ», которымъ внятно заговорила классическая музыка. Сопоставленіе или сплетеніе темъ сдѣлало возможнымъ «разговоръ». Такимъ образомъ, создаваемое музыкой неопредѣленное «настроеніе» можно было сдѣлать конкретнѣе, связавъ его съ той или другой внѣмузыкальной *идеей*. Уже Эммануилъ Бахъ попробовалъ въ одномъ струнномъ тріо изобразить бесѣду сангвиника съ меланхоликомъ. Гайднъ въ одной изъ раннихъ симфоній рѣшился

даже перевести на звуки разговоръ Бога съ легкомысленнымъ грѣшникомъ. Одно свое дивертименто онъ назвалъ «влюбленнымъ учителемъ». Посылая пріятельницѣ свою новую сонату, онъ сообщалъ, что въ ней онъ «многое ей сказалъ и во многомъ покаялся». Моцартъ прямо вернулся къ оперѣ, а про его инструментальную музыку не кто иной, какъ Вагнеръ, говорилъ: «Моцартъ поднялъ до такой высоты способность инструментовъ выражать пѣніе, что охватилъ всю глубину безконечныхъ сердечныхъ стремленій». Съ технической стороны, это достигается именно раздѣленіемъ безконечной мелодіи полифонистовъ на отдѣльныя фразы и ея разработкой при помощи того же полифоническаго искусства. Эта разработка темы и давала то органически связанное цѣлое, которое составляетъ циклическую форму классической сонаты — квартета-симфоніи. Вѣчно-юная красота твореній Моцарта есть плодъ сочетанія, при этой разработкѣ, неистощимой мелодической изобрѣтательности съ огромнымъ чувствомъ мѣры въ примѣненіи гармоніи. Для полной прозрачности гармонической ткани ему еще не было нужды спускаться въ неизвѣданныя глубины гармоніи. Она хранила свои тайны для будущаго.

Музыка Бетховена стучится въ это будущее. И онъ еще не взрываетъ классической формы и не отступаетъ отъ классической ясности. Но его гармонія — богаче, его модуляція — свободнѣе, его ритмы разнообразнѣе, его сопоставленія тональностей — смѣлѣе. И весь тонъ его серьезнѣе, значительнѣе, величественнѣе. Это потому, что глубже и его идейное содержаніе. Отъ беззавѣтнаго веселья маленькаго нѣмецкаго кабачка, которое такъ и пѣнится въ финалахъ и менуэтахъ Гайдна, отъ тонкой чувственной граціи двора, которую отразила изящная музыка Моцарта, Бетховенъ выводитъ насъ на міровую арену. Какъ современникъ Канта и Фихте, французской революціи и европейскихъ освободительныхъ войнъ, онъ ставитъ въ музыкѣ этическую проблему человѣческой свободы въ ея борьбѣ съ стихіей судьбы. Бетховенъ глубоко религіозенъ, но его религія — раціоналистична и человѣчна. Онъ возвращаетъ обмірщившуюся музыку къ ея высокимъ задачамъ. Онъ хочетъ, чтобы музыка говорила языкомъ человѣчества. Но этотъ языкъ долженъ все таки оставаться языкомъ музыки, не переходя въ программу, какъ это будетъ впослѣдствіи. Новыхъ средствъ выраженія Бетховенъ ищетъ въ чисто музыкальной области, усиливая для послѣднихъ своихъ симфоній оркестръ, искусно пользуясь тембрами каждаго отдѣльнаго инструмента, шире утилизируя диссонансы. Его провидѣніе въ будущее такъ велико, что даже глашатаи музыки XX вѣка, ставшіе, какъ увидимъ, въ оппозицію къ открываемому Бетховеномъ новому періоду, въ немъ же видятъ своего предшественника, имѣя въ виду его три послѣд-

нія B-дурныя фуги для струннаго квартета, для missa solemnis. и для рояли op. 106.

Обыкновенно періодъ, открываемый Бетховеномъ второй поры его дѣятельности и слѣдующій за классическимъ, называютъ *романтическимъ*. Какъ и по отношенію къ живописи, это названіе нельзя считать удачнымъ, потому что оно слишкомъ многозначно. Неприложимость его видна уже изъ того, что приходится признать романтическимъ въ музыкѣ весь XIX вѣкъ, хотя втеченіе его совершилось немало существенныхъ перемѣнъ. Для означенія этихъ перемѣнъ приходится вводить подраздѣленія: собственный романтизмъ, романтизмъ классическій, неоромантизмъ. Въ дѣйствительности, терминъ романтизмъ по отношенію къ музыкѣ введенъ въ литературный оборотъ только Шуманомъ. Его и можно считать настоящимъ романтикомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ примѣненіе этого термина законно: въ смыслѣ поворота отъ міра дѣйствительности къ міру воображенія, — отъ реальности къ чувству. Въ извѣстной степени сюда подойдетъ Брамсъ, у котораго съ Шуманомъ много общаго. Рано умершій Шубертъ (1797-1828) принадлежитъ еще классической эпохѣ, какъ творецъ «наивный», а не «сентиментальный», по терминологіи Шиллера. Путаница тутъ произошла отчасти потому, что его лучшія симфоніи долго оставались неизвѣстными. Внѣ романтизма стоитъ и вся программная музыка, и вся музыка реалистическаго иллюзіонизма (см. стр. 644).

Достаточно назвать въ этой послѣдней категоріи имена творцовъ современнаго сложнаго оркестра «тембровъ», — Берліоза, Листа и Вагнера, чтобы найти настоящій центръ тяжести, характерный для гармонической музыки XIX вѣка. Весь этотъ послѣдній отдѣлъ «гармоническаго» періода долженъ быть названъ періодомъ преимущественнаго развитія гармоніи за счетъ мелодіи, какія бы цѣли при этомъ ни преслѣдовались: романтическія, реалистическія или иллюзіонистическія. Вновь открытый міръ гармоніи несомнѣнно сообщилъ всему періоду характеръ извѣстной односторонности: равновѣсіе и ясность классическаго періода были здѣсь нарушены въ пользу послѣдняго по времени развитія элемента музыки. Пользуясь сравненіемъ съ живописью, можно сказать, что и здѣсь пострадалъ рисунокъ и контуръ (мелодія и ритмъ) за счетъ «праздника красокъ». Краски далъ оркестръ, предоставившій въ распоряженіе композитора тембры разнообразныхъ инструментовъ. Въ классическомъ періодѣ всѣ эти тембры служили единому цѣлому, — разработкѣ основной темы. Теперь оркестръ подѣлился на группы, противопоставленныя другъ другу. Свобода отъ контрапункта облегчила наложеніе красокъ-аккордовъ. Въ выборѣ аккордовъ возобладало все большее разнообра-

зіе, а искать этого разнообразія можно было только въ мірѣ диссонансовъ. Неограниченныя возможности, тутъ представившіяся, были использованы сполна. Извѣстное оправданіе для всего этого дали научныя изысканія Гельмгольца, — того же изслѣдователя, на котораго ссылались импрессіонисты въ живописи. Его открытіе натуральныхъ обертоновъ, сопровождающихъ каждый звукъ, собственно, должно бы было санкціонировать тѣ ограниченія, которыя были эмпирически введены въ гармонію уже въ періодъ полифоніи. Гельмгольцъ показалъ, что изъ ряда тоновъ, дающихъ слабый дополнительный звукъ при каждомъ основномъ тонѣ, ближайшіе и наиболѣе слышные тона суть — квинта второй октавы и терція третьей, т. д. интервалы, и безъ того входившіе въ составъ «совершенныхъ» или «полусовершенныхъ» аккордовъ, какими исключительно довольствовались полифонисты старыхъ временъ. Но дальше слѣдовалъ за «гармоническими» обертонами въ томъ же естественномъ порядкѣ опасный интервалъ септимы; онъ является и естественнымъ продолженіемъ (четвертой терціей) гармоническаго тризвучія (c-e-g-h). Построенный на септимѣ аккордъ уводилъ уже въ далекія отъ основного тона (тоники) тональности. Этотъ предѣлъ былъ перейденъ довольно рано, но перейдя его, гармонія уже не знала дальнѣйшихъ непреодолимыхъ препятствій. Тотъ же Гельмгольцъ показалъ, что понятіе диссонанса есть понятіе относительное, зависящее отъ способности воспріятія нашего слухового органа. Если въ извѣстное время наше ухо воспринимаетъ, какъ консонансы, только октаву, квинту и кварту, а сочетаніе остальныхъ интерваловъ производитъ болѣзненное ощущеніе, какое производитъ дребежжащій звукъ или мигающій свѣтъ, то съ теченіемъ времени ухо привыкаетъ и къ терціи, и къ септимѣ, и къ нонѣ, и къ одиннадцатой, и къ тринадцатой ступени отъ основного тона. Всѣ соотвѣтствующіе аккорды и появились въ музыкѣ XIX вѣка, совершенно эманципировавшись отъ сопровожденія мелодіи и заставивъ, напротивъ, ее служить себѣ. Мелодія оставалась уже тонкой, связующей ниткой, на которой висѣли тяжелыя гроздья аккордовъ (вертикальное письмо). Мѣсто длинной, неорганизованной мелодіи заняли — съ одной стороны короткій лейтмотивъ, съ другой — свободный речитативъ. Практика Вагнера лишь докончила то, что начато въ этомъ направленіи его предшественниками. Теперь не мелодія, а гармонія должна была выражать настроенія чувства, а элементъ драмы долженъ былъ подчеркиваться употребленіемъ человѣческаго голоса-инструмента, наиболѣе богатаго обертонами. И «опера» превратилась въ «музыкальную драму», съ богатымъ идейнымъ содержаніемъ, которое никогда не могло бы быть выражено одной музыкой. Философскія построенія Бетховена раз-

вернулись въ цѣлый міръ музыкальныхъ символовъ. На первыхъ порахъ эти новые рессурсы могли послужить фантастическимъ полетамъ романтизма. Но вновь найденныя богатства выраженія были таковы, что при ихъ помощи можно было охватить любое содержаніе реальнаго міра. Можно было даже фантастическій міръ, какъ это сдѣлалъ Вагнеръ, представить въ чертахъ реальности («иллюзорно»). Музыка, такимъ образомъ, очень сближалась съ литературой и могла пользоваться ея обильными рессурсами.

Казалось, теперь процессъ «одѣванія» музыки достигъ своей высшей точки. Всѣ техническіе рессурсы музыки были найдены, примѣнены и использованы. И, однако, самое приближеніе къ этому предѣлу достиженій послужило уже началомъ обратнаго процесса. Мы видѣли, что высшее развитіе гармоніи совершилось за счетъ мелодіи. Но именно мелодія и была организующимъ элементомъ музыкальной постройки. Гармонія сама по себѣ не могла служить такимъ связующимъ и организующимъ цементомъ. Правда, съ удаленіемъ мелодіи на второй планъ построенное классиками зданіе не разрушилось. сразу. Но очень скоро оно стало безформеннымъ. Постепенно стирались грани отчетливой циклической постройки. Соната стала смѣняться возродившейся къ жизни сюитой; симфонія — симфонической поэмой. Вслѣдъ за внѣшними контурами архитектурной постройки стало терять очертанія и внутреннее строеніе. Ритмъ сталъ намѣренно сложнымъ и неяснымъ уже у Шумана. А Вагнеру, при его пониманіи «безконечной мелодіи», которая «можетъ самымъ захватывающимъ образомъ измѣнить выраженіе при помощи одного только гармоническаго оборота», ритмъ часто сталъ и вовсе ненуженъ. «Смѣна гармоническихъ оборотовъ» сдѣлалась въ рукахъ Вагнера тѣмъ, по истинѣ чудодѣйственнымъ средствомъ, которое дѣйствовало на слушателя неотразимо, какъ-бы гипнотизировало его, въ Тристанѣ.

Но тутъ и начинается реакція. Уже Ницше, объявившій вначалѣ этотъ элементъ въ искусствѣ Вагнера «діонисіевскимъ», затѣмъ низводитъ его въ «актерское». Пауль Беккеръ, сторонникъ «новой музыки» XX вѣка, считаетъ этотъ «наркотикъ», «опьяняющій напитокъ» — высшимъ проявленіемъ романтизма. Но онъ самъ поправляетъ себя, возставая противъ «натуралистическаго» «обмана чувствъ», при помощи котораго воображаемый міръ Вагнера, этотъ суррогатъ религіи и культа, выдается композиторомъ за что-то реальное. Музыка должна остаться «игрой», и слушателю надо постоянно напоминать объ этомъ. Иначе композиторъ неизбѣжно выйдетъ за предѣлы своего искусства.

Здѣсь мы наталкиваемся на ту же самую смѣну настроеній, въ

концѣ XIX вѣка, которую мы характеризовали выше по отношенію къ литературѣ и живописи. На первый разъ сопоставленіе музыки съ литературой и живописью можетъ показаться искусственнымъ. Музыка не имѣетъ такой модели въ природѣ или въ человѣческой фигурѣ, какую имѣетъ живопись, и не имѣетъ средствъ для членораздѣльнаго выраженія чувства и мысли, какими обладаетъ литература. По самому существу своему она развиваетъ свои формы во времени, а не въ пространствѣ, для уха, а не для глаза, и изображаетъ душевныя настроенія — пусть даже лучше литературы, но звуками, а не словами. Такимъ образомъ, можетъ показаться рискованнымъ прилагать къ исторіи новѣйшей музыки опредѣленія, взятыя изъ области живописи и литературы. И, тѣмъ не менѣе, такъ велика связанность различныхъ сторонъ человѣческаго духа, что стадіи, пройденныя послѣдними поколѣніями въ литературѣ и живописи, оказались тѣми же самыми, черезъ которыя прошла и новѣйшая музыка. Если нужно современное свидѣтельство этой связи, мы найдемъ его у выдающагося нѣмецкаго композитора и музыкальнаго критика Гейнца Тиссена, лично пережившаго переходъ отъ психологіи стараго поколѣнія къ психологіи младшихъ. Онъ еще засталъ послѣдніе отклики эпохи натурализма, отразившагося въ музыкѣ психологизмомъ, программностью и внѣшней рисовкой чувствъ у эпигоновъ Вагнера, какъ Рихардъ Штраусъ. И самъ онъ не можетъ отказаться отъ пріобрѣтеній этой эпохи. Но въ дальнѣйшемъ онъ пережилъ всѣ извѣстныя намъ стадіи перехода отъ стараго къ новому: импрессіонизмъ, экспрессіонизмъ и тотъ видъ условнаго реализма, соотвѣтствующаго кубофутуризму въ литературѣ и музыкѣ, который онъ называетъ стадіей «фактичности» (Sachlichkeit).

Собственно, дойдя до эпохи преобладанія гармоніи надъ мелодіей, мы уже перешли незамѣтно въ царство импрессіонизма. Здѣсь, какъ и въ живописи, импрессіонизмъ нечувствительно развивается изъ реализма. Тиссенъ справедливо связываетъ настроеніе музыкантовъ-импрессіонистовъ съ «декадансомъ» поколѣнія, пережившаго біологическія и психологическія открытія науки и ставшаго «болѣе знающимъ и болѣе нервнымъ». Здоровое и нормальное кажется этому поколѣнію пошлымъ, проявленія природной силы — грубыми, пафосъ — неискреннимъ или глупымъ. Въ музыкѣ, какъ и въ живописи, оно хочетъ быть вѣрнымъ непосредственно данному «мигу», отъ яснаго контура уходитъ къ яркимъ краскамъ, отъ симметріи и ритма — къ безформеннымъ, внѣ времени длящимся чувственнымъ «настроеніямъ». Въ моментъ самаго тѣснаго сближенія съ литературой, это поколѣніе ищетъ литературы особаго рода, — той, которая отъ реализма переходитъ къ «искусству для искусства», отъ академичности къ индиви-

дуальному произволу. Чистѣйшимъ выразителемъ импрессіонизма, повліявшимъ на все новѣйшее поколѣніе композиторовъ, является во всѣхъ этихъ отношеніяхъ другъ и послѣдователь Малларме, Бодлера, Верлена, Клодъ Дебюсси. Мелодія и ритмъ у Дебюсси — «не конструктивные, а только декоративные» элементы; «все сводится къ пассивной отдачѣ себя на волю впечатлѣнія, все направлено къ удовлетворенію чувствительныхъ нервовъ, путемъ претенціозной утонченности вкуса, пріятно-блазированной, устало-небрежной элегантности» (Тиссенъ). Припоминается при этомъ заявленіе новѣйшаго изъ новыхъ, Эрнста Кшенека: «абсолютная музыка современности, въ противоположность романтической музыкѣ, не обращается болѣе къ одинаково-чувствующимъ, но къ одинаково-образованнымъ. Она стала игрой, интересной только для тѣхъ, кто знаетъ правила игры. У ней нѣтъ ни желанія, ни способности обращаться къ непредвзятому мнѣнію широкаго круга. Она даже можетъ существовать безъ участниковъ игры, не выдавая правилъ игры и не приглашая единомыслящихъ къ участію въ исполненіи. Послѣдовательно развиваясь, это направленіе приводитъ къ самоудовлетворенію человѣка, сидящаго въ своей комнатѣ и изобрѣтающаго законы, по которымъ онъ потомъ строитъ фигуры. При перенесеніи этихъ фигуръ, помощью музыкальныхъ инструментовъ, на доступную слуху матерію, ничто изъ найденной въ кабинетѣ закономѣрности не передается непосредственно слушателю, если только онъ не подготовленъ самымъ тщательнымъ образомъ».

Тутъ мы уже переходимъ въ слѣдующую стадію «новой музыки». Мы уже не въ сферѣ импрессіонизма, а въ области экспрессіонизма. «Прочь отъ природы»: этотъ кличъ изобразительныхъ искусствъ раздался и въ области музыки, будучи и тутъ одновременно и дальнѣйшимъ развитіемъ импрессіонизма, и его сознательнымъ отрицаніемъ, сопровождаемымъ намѣренной деформаціей, окончательнымъ разрушеніемъ формы (см. 537, 541 стр.). Свобода отъ матеріи, непосредственное выраженіе души, никакихъ условностей формы, никакихъ деталей: прямой, динамическій подходъ къ тому, что духовно существенно. Въ музыкѣ эти лозунги привели къ тому, что получило названіе «абсолютной музыки» или «музыки для глазъ». Здѣсь процессъ раздѣванія музыки, чуть замѣтный вначалѣ подъ роскошнымъ костюмомъ пышной, опьяняющей гармоніи, происходитъ уже вполнѣ наглядно — и въ ускоренномъ темпѣ.

Однимъ изъ первыхъ провозвѣстниковъ новой стадіи — экспрессіонизма — является блестящій піанистъ и оригинальный композиторъ Ферруччо Бузони (1866-1925), на карьерѣ котораго можно прослѣдить переходъ отъ стараго къ новому. Съ 1886 по 1891 г. онъ былъ преподавателемъ въ Гельсингфорсѣ и Москвѣ и здѣсь испыталъ на се-

бѣ эмансипирующее вліяніе сѣвернаго искусства, которое и перенесъ въ интернаціональную музыкальную среду. Обладатель петербургской преміи Рубинштейна (1890), онъ сдѣлался продолжателемъ его интернаціональной виртуозной карьеры, преимущественно въ Америкѣ. Композиторскій стиль Бузони начинаетъ мѣняться, послѣ десятилѣтняго перерыва 1890-1900, совпадающаго съ переломомъ въ художественныхъ настроеніяхъ конца вѣка. Въ 1906 г. онъ выступаетъ уже съ сложившимся новаторскимъ міровоззрѣніемъ, которое и излагаетъ въ своемъ вдохновенномъ манифестѣ: **Entwurf einer neuen Aesthetik der Tonkunst,** имѣвшемъ несомнѣнное и глубокое вліяніе на новое поколѣніе композиторовъ. Бузони отвергаетъ здѣсь всѣ правила и традиціи музыкальнаго искусства во имя вѣчно-свѣжаго, непосредственнаго вдохновенія. Онъ стремится вырваться во что бы то ни стало изъ оковъ «рутины». «Рутина означаетъ примѣненіе немногочисленныхъ опытовъ и уловокъ ко всѣмъ случаямъ, которые могутъ представиться», говоритъ онъ. «А я мечтаю о такомъ способѣ примѣненія искусства, при которомъ каждый случай составлялъ бы новое исключеніе... Рутина превращаетъ храмъ искусства въ фабрику. Она разрушаетъ творчество. Ибо творчество означаетъ: творить изъ ничего!.. Избѣгайте рутины, начинайте всякій разъ сначала, не знайте ничего, а только мыслите и чувствуйте!.. Внезапно, однажды, меня осѣнила мысль, что развитію музыки мѣшаетъ ограниченность нашихъ музыкальныхъ инструментовъ, развитію композитора — изученіе партитуръ... Если музыка должна сложить съ себя условность и формулы, какъ изношенную одежду, и гордо выступитъ въ прекрасной наготѣ, то прежде всего на пути стоятъ музыкальныя орудія... То, что мы называемъ нашей системой тональности, суть только «знаки», — хитрая уловка хоть что-нибудь удержать изъ вѣчной гармоніи, жалкое карманное изданіе этой энциклопедіи, искусственный свѣтъ вмѣсто солнца... Какъ важна, подумаешь, «терція», «квинта» и «октава»! Какъ строго мы различаемъ консонансы и диссонансы — тамъ, гдѣ вообще не можетъ быть никакихъ диссонансовъ... Рожденный для творчества прежде всего долженъ выполнить отрицательную отвѣтственную задачу — освободиться отъ всего выученнаго, выслушаннаго, квази-музыкальнаго..., чтобы слушать внутренніе звуки и, достигнувъ высшей ступени, сообщить ее людямъ. Этого новаго Джотто музыкальнаго Возрожденія увѣнчаетъ вѣнецъ легендарной личности. За первымъ откровеніемъ послѣдуетъ эпоха религіознаго музыкальнаго творчества, въ которой не будутъ участвовать ремесленники, а только призванные и посвященные... Я вижу, правда, что потомъ начнется декадансъ... но это — судьба потомковъ, на которыхъ мы такъ же похожи, какъ дѣтство на старческій возрастъ». Новое «дѣтство» — та-

ковъ вдохновляющій молодое поколѣніе призывъ. Статья Бузони была переведена и по-русски въ 1912 г.

На Западѣ, одновременно съ Бузони непримиримымъ жрецомъ и суровымъ аскетомъ новаго откровенія становится Арнольдъ Шенбергъ и его ученики. Отмѣтимъ и тутъ непосредственную связь съ живописью: Шенбергъ былъ самъ недурнымъ живописцемъ и во время своего пребыванія въ Вѣнѣ (1903-7) увлекся экспрессіонистской живописью Кокошки и Климта. Именно въ это время онъ отъ вагнеризма переходитъ къ своему экспрессіонистскому конструктивизму. Въ этомъ направленіи Шенбергъ скоро дошелъ до трудно переваримыхъ крайностей. Но въ этихъ крайностяхъ онъ былъ строго логиченъ и искренненъ. Для большей ясности изложенія мы должны остановиться на этихъ крайнихъ достиженіяхъ «абсолютной» музыки. Мы лучше поймемъ тогда, почему они привели къ новому протесту и къ третьей, новѣйшей стадіи музыки.

Такъ какъ появленіе новаго теченія было вызвано засильемъ гармоніи, то, естественно, что первой формой протеста явилось стремленіе высвободить мелодію изъ-подъ вліянія гармоніи. Эта тенденція напоминаетъ аналогичное стремленіе, обнаружившееся три вѣка назадъ (см. стр. 637): освободить мелодію изъ подъ власти полифоніи и контрапункта. Но смыслъ новаго освобожденія — прямо противоположный. Тогда освобожденная мелодія явилась новымъ *организующимъ* средствомъ и повела къ органическому творчеству классическаго періода. Теперь освобожденіе мелодіи отъ гармоніи имѣло *дезорганизующее* значеніе и вело назадъ — къ полифонному стилю и дальше, вглубь исторіи. Это былъ случай **Rückbildung**, обратной эволюціи. Естественно, что послѣдователи новой музыки отвергли не только Вагнера, но и Бетховена, признали условно Моцарта — за то, что было у него полифоническаго, и преклонились передъ Бахомъ. Точно также, они отвергли не только расширенный и сексуальный оркестръ Берліоза и девятой симфоніи, но и оркестръ вообще. Возвративъ музыку изъ большой концертной залы въ салонъ эстетовъ, они вернулись къ камерной музыкѣ и создали сокращенный камерный оркестръ. Богатому обертонами человѣческому голосу и близкимъ къ нему струннымъ инструментамъ они предпочли чистые, свободные отъ обертоновъ тембры духовыхъ инструментовъ и широкимъ оркестровымъ ансамблямъ «вертикальнаго» письма предпочли «линейную» мелодію такихъ сольныхъ инструментовъ, для которыхъ композиторы давно уже не писали музыки. Это отвѣчало и ихъ намѣренію «раздѣть» музыку отъ всего лишняго, разорвать съ «программой», покончить съ развитіемъ «темы» и дать только скелетъ музыкальнаго замысла, безъ всякихъ интродукцій, разработки и заключеній. Отсю-

да было уже недалеко, какъ и въ живописи, перейти къ послѣдней стадіи разложенія: замѣнить красочный узоръ гармонистовъ сухой формальной «конструкціей», отрицающей краску (гравюра) или пользующейся ею только для установки реберъ геометрическаго построенія (кубизмъ, футуризмъ). Къ чему можно было придти, идя этимъ путемъ, покажутъ слѣдующіе примѣры. Вотъ нѣсколько тактовъ романса Антона Веберна, послѣдователя Шенберга. Они отрицаютъ тональность — и слѣдовательно не допускаютъ никакого гармоническаго сопровожденія, нарушаютъ старое правило постепенности въ движеніи голоса, замѣняя ее крутыми скачками и не обращаютъ никакого вниманія на естественныя ударенія словъ. Это примѣръ «абсолютной *мелодіи*» въ ея крайнемъ выраженіи:

Абсолютное отрицаніе ритма ведетъ насъ еще дальше вглубь исторіи — къ временамъ свободной отъ ритма мелодіи, остатки которой мы встрѣчаемъ у первобытныхъ народовъ. Часто такая партія мелодіи безъ ритма передается духовымъ инструментамъ, напоминающимъ глубокую старину. Вотъ примѣръ: партія кларнета изъ «Прибаутокъ» Стравинскаго.

Чтобы уложить такую мелодію въ современныя дѣленія такта, нужно, конечно, постоянно мѣнять тактъ или, еще лучше, вернуться къ тому періоду, когда никакого дѣленія на такты вообще не было, т. е. отъ «полиритміи» перейти къ «аритміи». Вотъ примѣръ та-

кого ad libitum изъ скрипичной сонаты Артура Шнабеля — еще одного представителя крайняго теченія. Протестъ противъ получающейся, такимъ образомъ, безформенности приведетъ къ подражаніямъ рѣзкому ритму негрскаго танца.

Наконецъ, и въ области *гармоніи* «абсолютный» предѣлъ «наготы» достигнутъ переходомъ отъ употреблявшейся уже въ предыдущемъ періодѣ политональности — веденію нѣсколькихъ партій въ разныхъ тональностяхъ одновременно — къ полной атональности, — что опять возвращаетъ насъ ко временамъ до созданія современной гаммы. Послѣ того, къ чему пріучило насъ употребленіе диссонирующихъ аккордовъ въ предыдущемъ періодѣ, здѣсь уже трудно привести достаточно убѣдительный примѣръ. Мерсманъ приводитъ въ образецъ мужской хоръ изъ оперы «Воццекъ» Альбана Берга, ученика и толкователя Шенберга:

Въ стремленіи освободиться вообще отъ условностей, налагаемыхъ существованіемъ нашей «темперированной» гаммы, уже давно стала употребляться — для спеціальныхъ эффектовъ — примитивная гамма изъ цѣлыхъ тоновъ. Но современные новаторы идутъ дальше: они возстановляютъ четверти тоновъ, находимые въ мелодіи примитивныхъ народовъ (см. выше, 635). Имѣется уже рояль съ второй клавіатурой, настроенной на четверть тона выше, а для струнныхъ инструментовъ это пониженіе и повышеніе звука между установившимися тонами достигается еще легче: здѣсь особой настройкой можно найти и шестыя части тона. Имѣются и произведенія, спеціально написанныя для четверть-тонной и шестидольнотонной музыки (напр., квартеты чешскаго композитора Хаба, ссы-

лающагося въ своихъ изслѣдованіяхъ на прецеденты древности и народной пѣсни).

Относительно общаго значенія всѣхъ этихъ рискованныхъ экспериментовъ будетъ справедливо повторить слова ихъ защитника Пауля Беккера. «Мы находимся въ процессѣ исканія. Въ этомъ фактѣ исканія иные усмотрятъ признакъ слабости. Бетховенъ говорилъ: «все новое и оригинальное рождается само собой, безъ всякихъ поисковъ». Но у насъ нѣтъ теперь второго Бетховена. Прибавимъ только, что Колумбъ не нашелъ бы Америки, если бы не искалъ ее. Можно даже признать, что онъ собственно и не искалъ Америки и не открылъ ее, потому что ничего не зналъ объ этомъ континентѣ, а искалъ чего-то совершенно другого. Онъ обманулся — но онъ былъ отважнѣйшимъ открывателемъ по натурѣ, и его величіе заключалось не въ непосредственно-достигнутомъ реальномъ результатѣ, а въ той силѣ, съ которой онъ превратилъ свою непремѣнную волю въ поступокъ. Мы теперь — въ положеніи Колумба. Старый міръ умираетъ, по признанію самихъ вѣрующихъ обывателей, но мы не хотимъ умереть вмѣстѣ съ нимъ. Наоборотъ, мы находимъ, что его время кончилось, и мы вѣримъ въ новый міръ, котораго еще не видимъ. Въ фактѣ этой вѣры есть нѣчто большее, чѣмъ простое отрицаніе существующаго. Это нѣчто и побуждаетъ насъ къ плаванію. Найдемъ-ли мы при этомъ Индію или совсѣмъ новую страну, сказать мы не можемъ. Мы только знаемъ, что должны плыть — не изъ авантюрныхъ соображеній, а въ силу внутренняго побужденія. Въ его исполненіи заключается наша миссія».

Въ послѣдніе годы среди искателей несомнѣнно начинаетъ брежжить сознаніе, что имъ предстоитъ открыть не ту землю, которую они считали обѣтованной. По крайней мѣрѣ, уже теперь можно сказать, что исканія не остановились въ тупикѣ «абсолютной» музыки. Первымъ выходомъ изъ этого тупика былъ, какъ и въ новѣйшей живописи, протестъ противъ получившейся безформенности и возвращеніе къ формѣ. За «экспрессіонизмомъ» Шенберга послѣдовала стадія Sachlichkeit, психологически связавшаяся съ исходомъ міровой войны и съ выступленіемъ закаленнаго въ войнѣ новѣйшаго поколѣнія. Его довоенный эстетизмъ развѣялся подъ вліяніемъ суроваго опыта; его снобизмъ и разслабленность замѣнились волей къ дѣйствію. Съ другой стороны стало проходить и стремленіе къ крайнему индивидуализму, потеряла цѣну горделивая поза непонятаго толпою генія, работающаго для себя и для потомства въ уединенномъ кабинетѣ. Очередная мода была теперь — не безъ вліянія большевизма — на «коллективнаго человѣка» и, по необходимости, на его вкусы. Камерныя формы и архаическіе инструменты стали

опять уступать мѣсто оркестру гармоническаго періода. Отъ фантастической сказки вернулись къ легкой операѣ, ссылаясь при этомъ на примѣръ Моцарта. Запутанная гармонія компенсировалась для профана возвращеніемъ къ доступному ритму народнаго танца. Отрицаніе всякой связи между музыкой и другими искусствами было уже фактически опровергнуто той весьма тѣсной связью музыки съ новѣйшей живописью и литературой, о которой говорилось выше. И теперь, наоборотъ, стали подчеркивать «соціологическую» точку зрѣнія на «единство искусствъ», — а это какъ разъ подходило къ новому требованію «общественной музыки», предназначенной для «коллективнаго человѣка». Поклонникъ и пропагандистъ Шенберга, Шерхенъ, вернувшись (1918) изъ русскаго плѣна — и все еще оставаясь «экспрессіонистомъ», сталъ проповѣдывать новый взглядъ въ основанномъ имъ журналѣ «Мелосъ». «Художественныя произведенія въ стилѣ Шенберга», говорилъ онъ (1919), «природой которыхъ является высшая степень артистической утонченности, потеряли изъза своего самодовлѣнія, своего узкаго въ своей безграничности индивидуализма, питательную почву, изъ которой только и можетъ произростать искусство». «Въ спокойныя времена, когда общественная жизнь течетъ равномѣрно, можно несущественное дѣлать главнымъ... а теперь, когда людская нужда кругомъ исходитъ судорогами, какъ никогда прежде, подобное художественное высокомѣріе превращается въ изломанность, которая отметается, какъ соломинка, взбудораженными до дна жизненными силами». «Не надо больше никакого l'art pour l'art!» «Рѣчь идетъ о человѣкѣ»!... Тиссенъ подтверждаетъ (въ томъ же году): «Искусство есть общее дѣло. Въ немъ участвуютъ не только, какъ прежде, церковныя общины, княжескіе салоны и посвященные любители. Не нужно никакихъ преградъ, чтобы пугать несвѣдущихъ. Никакого odi profanum vulgus («ненавижу невѣжественную чернь», Горація) придворныхъ льстецовъ, меценатовъ. Искусство стоитъ передъ народомъ во всей цѣлости, никого не отталкивая, не требуя никакой интеллектуальной или цеховой подготовки, не выращивая артистичности на тепличныхъ шпалерахъ. Безъ всякихъ предпосылокъ, оно хочетъ дойти до каждаго». И самъ Бузони въ письмѣ къ П. Беккеру 1920 г. вводитъ въ рамки свое прежнее требованіе безграничной свободы вдохновенія. «Вырожденіе въ карикатуру отдѣльныхъ экспериментовъ, есть постоянный спутникъ эволюціи: это — искаженное обезьянничанье жестовъ, подхваченныхъ у людей съ дѣйствительнымъ вѣсомъ... Въ послѣднія 15 лѣтъ подобныя явленія снова участились, и это особенно замѣтно послѣ застоя 80-хъ годовъ — единственнаго въ исторіи искусства. Но, когда преувеличенія входятъ въ общее употребленіе и ими дебютируетъ каждый начинающій, то это означаетъ, что подобная стадія про-

ходитъ. Дальнѣйшій шагъ впередъ, къ которому долженъ привести протестъ противъ этого, ведетъ къ *новой классичности*. Подъ нею я разумѣю преодолѣніе, сортировку и использованіе всѣхъ достиженій предшествующаго экспериментированія и введеніе ихъ въ твердыя и прекрасныя формы». Подъ своимъ «неоклассицизмомъ», какъ видно изъ дальнѣйшаго, Бузони разумѣлъ «отказъ отъ субъективизма (seneritas), стремленіе къ объективности, возвращеніе къ ясности — не метафизическое глубокомысліе, а чистую, дестиллированную музыку, — не сжатыя губы Бетховена, но и не «освобождающій смѣхъ» Заратустры, а улыбка мудреца, технически-же окончательное возвращеніе отъ «темы» къ мелодіи, царящей надъ всѣми голосами и создающей гармонію — въ смыслѣ высоко развитой, но не чрезмѣрно сложной полифоніи».

Мы здѣсь пришли, такимъ образомъ, къ тому же послѣднему моменту развитія, который въ литературѣ привелъ къ возвращенію къ художественному реализму, а въ живописи къ направленію тоже назвавшему себя неоклассическимъ. Намъ предстоитъ теперь перейти къ вопросу, для котораго и составленъ нашъ бѣглый очеркъ: какъ отразилось все это европейское развитіе музыки на ея русскихъ представителяхъ.

До самаго конца XIX вѣка русская музыка была, такъ сказать, музыкой провинціальной. Мы видѣли, что именно эта изолированность отъ европейскаго хода развитія музыки помогла ей пріобрѣсти національный характеръ и создать цѣнности, которыя впослѣдствіи, когда сношенія съ внѣшнимъ міромъ стали постоянными, оказались имѣющими міровое значеніе. Языкъ музыки, въ противоположность языку литературы, интернаціоналенъ, и въ противоположность изобразительнымъ искусствамъ, легко переносится повсюду и воспроизводится въ любомъ количествѣ копій. Но онъ живетъ лишь въ тѣ немногіе моменты времени, пока совершается воспроизведеніе. Такимъ образомъ, интернаціонализація доступна для музыки болѣе всѣхъ другихъ искусствъ, но отсѣвъ произведеній, удостоившихся попасть въ международный оборотъ, тоже гораздо суровѣе, и забвеніе наступаетъ скорѣе и прочнѣе. Посмотримъ, съ этой точки зрѣнія, что русскіе кмпозиторы заимствовали изъ международнаго музыкальнаго оборота и что они ему дали.

Мы знаемъ, что основатель русской національной школы Глинка вовсе не избѣгалъ иностранныхъ вліяній, хотя при соприкосновеніи съ ними и чувствовалъ себя всегда особенно-русскимъ. Главнымъ врагомъ пріобрѣтенія національной самостоятельности была тогда «итальянщина». И Глинка, первоначально увлекшійся итальянцами, затѣмъ поставилъ себя въ сознательное противорѣчіе съ ними. Из-

вѣстно, однако, что итальянизмовъ все же немало осталось въ его первой оперѣ. Зависимость Глинки отъ нѣмцевъ доказывается уже тѣмъ, что тетрадки берлинскаго профессора Дена остались до конца его основнымъ учебникомъ гармоніи. Эти пять маленькихъ тетрадокъ были тогда же (1833-34) тщательно переписаны и другимъ начинавшимъ «бариномъ», Даргомыжскимъ. Оба композитора не разъ ѣздили за-границу и имѣли возможность познакомиться въ источникѣ съ современной европейской музыкой и съ ея представителями. Глинка слышалъ въ Германіи (1830) и «Фрейшюца» и «Фиделіо», а въ Италіи свелъ знакомство съ Доницетти, Беллини, видѣлся съ Мендельсономъ. Позднѣе онъ познакомился въ Петербургѣ съ Листомъ (1842-43), а въ Парижѣ (1844) съ Берліозомъ, съ которымъ сравнивали его оркестровку и который, по его собственному признанію, «произвелъ на него неописуемое впечатлѣніе». Берліозъ, съ своей стороны, отвелъ Глинкѣ мѣсто «въ первомъ ряду выдающихся современныхъ композиторовъ», признавши въ немъ «крупнаго гармониста», а въ его оркестрѣ —«одну изъ самыхъ новыхъ и свѣжихъ звучностей нашего времени», — присоединивъ къ этому признаніе и безспорной «оригинальной мелодической изобрѣтательности» Глинки (статья въ (Journal des Dèbats). И, однако, любимой страной Глинки оказалась наименѣе культурная Испанія; оттуда онъ привезъ домой мотивы народныхъ танцевъ. Игру Листа онъ сравнивалъ съ «рубкой котлетъ», и, услышавъ въ 1847 г. въ первый разъ Глюка, отдалъ все свое предпочтеніе этому эмоціональному, но уже начинавшему старѣть въ вѣкъ Вебера композитору. Онъ возилъ съ этихъ поръ всюду съ собой партитуры Глюка и внимательно изучалъ ихъ. Встрѣтивши въ Берлинѣ Мейербера, онъ восхвалялъ ему до небесъ Глюка, — и весьма нелюбезно критиковалъ его преемниковъ. Во время послѣдняго пребыванія въ Берлинѣ Денъ вернулъ Глинку къ Баху и къ церковной музыкѣ XVII в. и окончательно отрѣзалъ отъ музыкальной современности. У Вебера Глинка приходилъ въ ужасъ передъ доминантъ-септаккордами; Шумана онъ такъ и не узналъ вовсе. Моцартъ и Бетховенъ, по его выраженію, «безбожно обобрали Глюка». Такъ опредѣляется музыкальный кругозоръ Глинки — ограниченный даже для его времени.

Преемники Глинки были еще менѣе связаны съ заграницей, чѣмъ самъ глава національной школы. Здѣсь именно начинается отчужденіе отъ Запада, которое скоро переходитъ въ сознательный антагонизмъ: молодежь хочетъ стоять на собственныхъ ногахъ. Даргомыжскій дважды побывалъ за-границей (1844 и 1864), но отнесся къ современной европейской музыкѣ довольно пренебрежительно, а къ западнымъ нравамъ — особенно, парижскимъ, — прямо враж-

дебно. Въ Лейпцигѣ и Парижѣ его встрѣтили довольно равнодушно, а овацiи, предметомъ которыхъ онъ сдѣлался въ Брюсселѣ, не могли преодолѣть его собственнаго равнодушiя къ европейской славѣ. Онъ и въ Россiи твердо помнитъ и часто цитируетъ стихи Пушкина о поэтѣ. Когда его обошли при назначенiи въ директора вновь основаннаго Рубинштейномъ музыкальнаго общества въ 1859 г., онъ такъ же равнодушно отнесся къ этой «обидѣ», какъ и къ своему назначенiю на этотъ почетный постъ въ 1867 г. А мы знаемъ, какiя острыя чувства питали молодые представители нацiональной школы, «могучая кучка», къ этой новоявленной «нѣмецiи» или, какъ откровенно выражались нѣкоторые, «синагогѣ». Даргомыжскiй, правда, принимая этотъ постъ, думалъ о примиренiи — и провелъ Балакирева, главу «кучки», въ дирижеры концертовъ музыкальнаго общества. Онъ также настоялъ на приглашенiи въ Россiю Берлiоза. Но европейское новаторство ушло уже дальше: въ эти годы оно стояло подъ знаменемъ Вагнера. Между тѣмъ, Даргомыжскiй зналъ Вагнера очень поверхностно. Реформаторскiя стремленiя «кучки» — даже въ томъ, въ чемъ они сходились съ Вагнеромъ, — развивались самостоятельно. И авторъ «мелодическаго речитатива» «Русалки» призналъ мелодiи «Тангейзера» «неестественными», а его гармонiи — проявляющими «болѣзненныя черты». Русское требованiе правды и реализма на сценѣ осуществлялось совсѣмъ другими путями. Новымъ завѣтомъ «кучки» послѣ «Руслана» сдѣлалась предсмертная (1868) опера Даргомыжскаго «Каменный Гость». Это произведенiе «для немногихъ» могло быть оцѣнено по достоинству только гораздо позднѣе.

Въ лицѣ Сѣрова, какъ мы знаемъ, явился на сцену широко образованный критикъ, хорошо знакомый съ музыкальной современностью. Онъ поставилъ себѣ задачей доказать провинцiализмъ русской нацiональной школы и вывести русскую музыку изъ ея изолированности. «Фрейшюцъ» былъ его первымъ юношескимъ увлеченiемъ. Но уже въ школѣ прибавились къ программѣ его студенческихъ концертовъ симфонiи Бетховена, мало тогда извѣстныя въ Россiи, Моцартъ, а изъ новыхъ — Шуманъ, Шопенъ. Все больше привлекали молодого Сѣрова Веберъ и Шубертъ; съ ними сравнялся Мейерберъ, le favori de mon âme — несмотря на его «фальшь». Появленiе Листа въ Петербургъ въ 1842 г. имѣло для Сѣрова «значенiе мiрового событiя». Наконецъ, во время первой заграничной поѣздки (1858) Сѣровъ услыхалъ Тангейзера и былъ очарованъ Вагнеромъ, теоретическiя сочиненiя котораго зналъ еще въ 1853. Въ Веймарѣ онъ снова встрѣтился съ Листомъ, ближе сошелся съ нимъ и совершенно увлекся не только его игрой, но и его композицiями. Въ Ба-

денъ-Баденѣ къ этому созвѣздію прибавился Берліозъ, въ которомъ онъ узналъ «учителя Листа и Вагнера» въ области оркестровыхъ красокъ. При личной встрѣчѣ съ своимъ старымъ идоломъ Мейербером, Сѣровъ успѣлъ убѣдиться, что «какъ и слѣдовало ожидать, онъ отъ всего сердца ненавидитъ музыку Вагнера и все новое теченіе». Въ слѣдующемъ году Сѣровъ узналъ «Тристана» и «Лоэнгрина» и былъ окончательно покоренъ, особенно послѣ личнаго знакомства съ Вагнеромъ.

Со всѣмъ этимъ новымъ багажомъ, столь необычнымъ для Россіи, Сѣровъ вернулся домой и нашелъ здѣсь своего школьнаго товарища и стараго друга В. Стасова — въ роли страстнаго пропагандиста русскаго національнаго провинціализма. Естественно, что онъ сталъ въ оппозицію къ Стасовскому «шовинизму». Но въ то же время его поклоненіе Вагнеру шло вразрѣзъ и съ вкусами вновь открытой консерваторіи Рубинштейна, которую онъ именно и обозвалъ «нѣмеціей» и «еврейскимъ союзомъ». При такихъ условіяхъ, его обширный заграничный опытъ не имѣлъ точекъ приложенія, чтобы немедленно привиться въ Россіи. Оставалось писать ядовитыя статьи, которыя создали Сѣрову славу, какъ критику, — и окончательно поссорили его со всѣми. Его собственныя оперы, какъ мы видѣли, не стояли на надлежащей высотѣ, чтобы оправдать его литературную проповѣдь музыкальной новизны и космополитизма: они даже противорѣчили этой проповѣди. Если «Юдифь» и «Рогнѣда» имѣли шумный успѣхъ у публики, то заслугу этого надо приписать не демонстративному преклоненію Сѣрова передъ Вагнеромъ, — до котораго эта публика еще не доросла, — а той тайной любви къ Мейербееру, въ которой Сѣровъ признавался въ молодости и которой остался вѣренъ въ своемъ творчествѣ. Благодаря усиліямъ Сѣрова, правда, и петербургская императорская сцена увидѣла «Лоэнгрина». Но, несмотря на восторженный отзывъ Сѣрова, направленный Вагнеру, объ успѣхѣ представленія, опера не удержалась въ репертуарѣ и вызвала сердитую критику Кюи, — одного изъ «кучки». Словомъ, сѣровская пропаганда музыкальнаго космополитизма пришла слишкомъ рано для успѣха. Но доросла-ли публика до музыки «національной» школы?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить исторія «кучки», намъ отчасти уже знакомая. Ко времени ея выступленія въ Россіи, какъ-никакъ, уже сложилась нѣкоторая національная традиція въ музыкѣ. На музыкальныхъ вечерахъ сперва у Даргомыжскаго, а потомъ у вождя «кучки», Балакирева, молодые представители «кучки» усвоили себѣ вначалѣ и преклоненіе передъ Глинкой, и его провинціализмъ. Бахъ представлялся здѣсь музыкальной ока-

менѣлостью, Гайднъ и Моцартъ «устарѣлыми», также какъ и Бетховенъ до девятой симфоніи и до послѣднихъ квартетовъ. Больше всего здѣсь культивировали Шумана и снисходительно одобряли Шопена. Листъ обвинялся въ театральности, доходящей до карикатуры. О Вагнерѣ еще вовсе не говорили. Таково было настроеніе небольшой группы знатоковъ-любителей къ началу шестидесятыхъ годовъ, когда руководство музыкальнымъ образованіемъ взяла на себя «нѣмецкая» или «еврейская» консерваторія Рубинштейновъ. Къ этому времени Антонъ Рубинштейнъ уже совершилъ свою первую тріумфальную поѣздку по Европѣ и готовился къ дальнѣйшимъ, болѣе продолжительнымъ, въ Европѣ и въ Америкѣ. Онъ могъ-бы расширить музыкальный кругозоръ представителей національной школы. Но онъ предпочиталъ не замѣчать ихъ, а они отвѣчали на это игнорированіе сарказмами. Мусоргскій въ своихъ письмахъ называетъ Рубинштейна то «Тупинштейномъ», то «Дубинштейномъ». Однако же, консерваторія дѣлала свое дѣло — и мы уже видѣли плоды этой дѣятельности. Скоро обнаружилось, что публика пошла къ консерваторіи, пользовавшейся поддержкой и вліятельныхъ лицъ, и богатыхъ меценатовъ. У «кучки» ни тѣхъ, ни другихъ не было. А ихъ отрицаніе всего стараго и ихъ исключительность, въ стремленіи выработать свой собственный новый стиль, еще возросла втеченіе 60-хъ годовъ. И Балакиревъ, строгій менторъ школы, первый испыталъ на себѣ послѣдствія отчужденія отъ вкусовъ широкой публики. Открытая имъ «Безплатная музыкальная школа» и ея симфоническіе концерты не могли соперничать съ консерваторскими. Уже съ начала 70-хъ годовъ Балакиревъ, обиженный равнодушіемъ публики, уединяется и, мало по малу, изъ него вырабатывается типъ чудака-мистика, мрачнаго пессимиста, который въ тягость и себѣ и другимъ. Болѣе уравновѣшенные члены «кучки», Кюи, Бородинъ, Римскій-Корсаковъ, недовольные его властолюбіемъ, отходятъ отъ него, и къ 1875 году кружокъ совершенно разрушается. Очень картинно выясняетъ смыслъ этого расхожденія Бородинъ въ письмѣ 1875 г. «Я вижу въ этомъ», пишетъ онъ Кармалиной, «совершенно естественный ходъ вещей. Пока мы еще находились подъ насѣдкой (я разумѣю Балакирева), мы были похожи, какъ одно яйцо на другое. Но когда мы вылупились и оперились, оказалось, натурально, что ни у одного изъ насъ нѣтъ одинаковаго оперенія. А когда у насъ выросли крылья, каждый полетѣлъ туда, куда его тянуло. Различіе направленій, стремленій, вкуса, характера въ нашемъ художественномъ творчествѣ есть хорошая, а вовсе не печальная сторона дѣла. Такъ и должно быть, когда зрѣетъ и укрѣпляется художественная индивидуальность. Балакиревъ никогда не могъ этого понять; не понимаетъ и теперь».

При этой дифференціаціи членовъ «кучки» выиграли какъ разъ тѣ, которые стали ближе къ консерваторіи и къ вкусамъ широкой публики. Самымъ популярнымъ композиторомъ публики былъ въ это время Чайковскій. Наслѣдникомъ его популярности явился Римскій-Корсаковъ, благодаря блеску своего оркестра. Бородинъ остался бариномъ-любителемъ, извѣстнымъ немногимъ; но онъ былъ равнодушенъ къ славѣ и могъ спокойно ждать суда потомства (который для него наступилъ довольно рано: онъ умеръ въ 1887 г.). Всѣхъ трагичнѣе оказалась судьба самаго крупнаго изъ «кучки», Мусоргскаго — именно вслѣдствіе его желанія, не вступая ни въ какіе компромиссы, высоко нести разъ поднятое знамя. «Къ новымъ берегамъ», —таковъ былъ девизъ, заявленный имъ въ письмѣ къ Стасову 1872 года. А Балакиреву онъ еще въ 1861 г. писалъ, отвѣчая на одно изъ его ворчливыхъ писемъ: «пора перестать обращаться со мной, какъ съ ребенкомъ, котораго надо пеленать, чтобы онъ не упалъ».

Что же такое «новые берега», къ которымъ стремится Мусоргскій? Для поясненія онъ ссылается на «Бурлаковъ» Рѣпина. «Вотъ работы піонеровъ, которые ведутъ къ новымъ странамъ, къ новымъ берегамъ». Съ декларацiей Мусоргскаго на эту тему мы уже познакомились раньше (стр. 624-625). Съ этой точки зрѣнія и распаденіе «кучки» представляется Мусоргскому не результатомъ «естественнаго хода вещей», какъ Бородину, а черной измѣной общему дѣлу, предательствомъ изъ трусости и рутины. «Я встрѣтилъ Римскаго», пишетъ онъ Стасову въ томъ же 1875 г. «Мы оба соскочили съ дрожекъ и обнялись по-хорошему. И тутъ я узнаю: онъ написалъ 15 фугъ, одна сложнѣе другой — и больше ничего! Цезарь (Кюи) — теперь безъ Рима не обходится — написалъ, говорятъ, третій актъ «Анжело»... Я у него не былъ. Боюсь — не его, а третьяго акта... Когда же эти люди, вмѣсто писанія фугъ и обязательныхъ третьихъ актовъ, заглянутъ въ разумныя книги (Мусоргскій въ это время читалъ Дарвина) и войдутъ въ общеніе съ разумными людьми? Или уже это — слишкомъ поздно? Не этого нужно современному человѣку отъ искусства. Не въ этомъ оправданіе и задачи художника. *Жизнь,* гдѣ бы она ни сказалась; *правда,* какъ бы она ни была солона; смѣлость, искренняя рѣчь къ людямъ... вотъ моя закваска... вотъ чего я хочу». Въ другомъ письмѣ Мусоргскій говоритъ о «нѣкіихъ художникахъ», которые остались «позади шлакбаума» и расходуютъ себя «капля по каплѣ, постепенно и прилично». Живого человѣка разбираетъ при этомъ зрѣлищѣ «скука и ярость». «Покажите, когти у васъ или плавательныя перепонки; вы — хищные звѣри или амфибіи»? «Безразсудно, безвольно эти люди сами себя запутали въ оковахъ традиціи; они сдѣлались странствующимъ доказательствомъ закона инерціи,

и воображаютъ, что совершаютъ великія дѣла. Это было-бы просто непривлекательно и не особенно симпатично, если бы они — эти художники — не хватались раньше за древко иного знамени и не старались нести его высоко и гордо передъ человѣчествомъ. Попавъ по дорогѣ въ желѣзные когти Балакирева, они временно дышали его сильными легкими, хотя и не такъ широко и глубоко, какъ умѣлъ онъ съ своей могучей богатырской грудью... Теперь желѣзная хватка Балакирева ослабла — и они внезапно почувствовали, что устали и нуждаются въ отдыхѣ. Гдѣ искать этого покоя? Разумѣется, въ старинѣ, въ традиціи, — какъ поступали предки. И боевое знамя поставлено въ уголъ, тщательно спрятано подъ разной ветошью, заперто подъ семью замками. Безъ знамени, безъ желаній, не смотря вдаль, они сидятъ надъ тѣмъ, что давно сдѣлано и для чего никто въ нихъ не нуждается. А лягушки, квакающія въ ихъ наслѣдственномъ болотѣ, удѣляютъ имъ отъ времени до времени свою липкую похвалу... Могучая кучка превратилась въ кучку бездушныхъ предателей; ихъ бичи оказались дѣтскими кнутиками. Мнѣ кажется, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ ничего болѣе чуждаго жизни, ничего болѣе лишняго, для современнаго творчества, чѣмъ подобные художники».

Такъ разошлись пути недавнихъ друзей. Мусоргскій съ этихъ поръ чувствуетъ себя одинокимъ, всѣми покинутымъ, начинаетъ все чаще искать утѣшенія въ винѣ. Но онъ не покидаетъ своихъ исканій. Напротивъ, онъ становится еще болѣе смѣлымъ, — и друзья, даже Стасовъ, послѣдній изъ нихъ, перестаютъ понимать его, заговариваютъ о его «паденіи», предоставляютъ его его собственной судьбѣ. Однако, этотъ «взглядъ вдаль», «въ будущее» оказывается не напраснымъ. Мусоргскій оживаетъ послѣ смерти. Забытый въ Россіи, онъ возрождается къ славѣ за-границей, когда его непризнанныя стремленія начинаютъ совпадать съ стремленіями новаго поколѣнія новаторовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ наступаетъ пора обратнаго вліянія — Россіи на Европу. Это, однако, происходитъ не сразу. Иностранцы, прежде чѣмъ узнать Мусоргскаго въ его подлинномъ видѣ, который казался его русскимъ друзьямъ непереносимымъ, узнаютъ его въ дружескомъ толкованіи. Римскій-Корсаковъ, самый ученый изъ «кучки», предпринимаетъ обработку его незаконченныхъ твореній. Первой возстаетъ изъ лоскутьевъ «Хованщина» (1881-2). По свѣжей памяти, Корсаковъ возстановляетъ подлинныя намѣренія автора. Ему только предстоитъ сократить чуть не вдвое матеріалъ Мусоргскаго, чтобы сдѣлать оперу пригодной для сцены. Онъ дѣлаетъ это съ надлежащей осторожностью и тактомъ, почти не прибавляя ничего своего и сливаясь въ работѣ съ личностью умершаго друга. «Борисъ Годуновъ», болѣе законченный авторомъ, перерабатывает-

ся Корсаковымъ двадцать лѣтъ спустя (1896). Но это уже не прежній Корсаковъ. Онъ познакомился за это время съ партитурами Вагнера и взялъ его оркестровыя краски. Конечно, онъ употребляетъ ихъ иначе. Онъ уже послѣдовалъ за перемѣной вкуса и вмѣсто серьезной «иллюзіи» религіозной драмы далъ, какъ мы видѣли, пародію и волшебную сказку. Но его «вертикальное» письмо воспроизводитъ всѣ нововведенія Вагнеровскаго оркестра, его стиль красоченъ и грузенъ, — чувственень и «наркотиченъ». Когда на западѣ поднимается извѣстный намъ протестъ противъ Вагнера, онъ коснется и Россіи — и прежде всего приведетъ къ переоцѣнкѣ работы двухъ друзей, Корсакова и Мусоргскаго. «Борисъ Годуновъ» уже обошедшій къ этому времени всѣ европейскія сцены въ блестящей переработкѣ Римскаго-Корсакова, покажется черезчуръ вагнеризированнымъ. Новые поклонники начнутъ доискиваться подлиннаго Мусоргскаго — и найдутъ его, къ своему изумленію и восторгу, прежде всего, въ его фортепьянныхъ произведеніяхъ и романсахъ.

Было-бы несправедливо, конечно, относить эту новую стадію въ исторіи русской музыки, которая здѣсь получаетъ міровое значеніе, исключительно къ Мусоргскому. Не говоря уже о композиторахъ т. наз. космополитической школы, Рубинштейнѣ, особенно Чайковскомъ, которые предшествовали ему въ популярности за-границей, — Бородинъ сталъ извѣстенъ Европѣ черезъ Бельгію своими квартетами, популярность которыхъ все время росла и которые оказали несомнѣнное вліяніе на Дебюсси и Равеля. Полифоническій стиль Бородина, въ соединеніи съ оригинальной мелодіей, пришелся какъ разъ по вкусу новому теченію въ музыкѣ. Графиня Мерси д'Аржанто старалась популяризировать Цезаря Кюи, пріятные для слуха романсы котораго, хотя и не оригинальные, очень подходили къ французскому вкусу. Но несравненно большій успѣхъ все же выпалъ на долю Мусоргскаго, котораго уже въ 1896-1900 гг. пропагандировали во Франціи и Бельгіи Пьеръ Дальгеймъ и его супруга, пѣвица Оленина Дальгеймъ. Дебюсси имѣлъ возможность познакомиться съ клавируспугомъ «Бориса Годунова», вывезеннымъ Сенъ-Сансомъ изъ Россіи (1874), а знакомство съ романсами Мусоргскаго окончательно закрѣпило его вліяніе на стиль родоначальника французскаго импрессіонизма. Въ 1900-1906 Оленина Дальгеймъ ввезла романсы Мусоргскаго обратно въ Россію. На этотъ разъ забытыя произведенія непризнаннаго на родинѣ пророка завоевали публику. Немало содѣйствовало этому и вдохновенное исполненіе Шаляпина. Въ 1904 году вернулся на сцену Маріинскаго театра давно уже снятый съ репертуара императорскихъ театровъ «Борисъ Годуновъ» въ обработкѣ Корсакова 1896 г. Въ 1911 г. появилась на казенной сценѣ

и «Хованщина», дожидавшаяся постановки съ 1882 г., но отвернутая тогда Направникомъ, на томъ основаніи, что «довольно съ насъ и одной радикальной оперы». Послѣ того обѣ оперы появились на парижской и на другихъ европейскихъ сценахъ и въ 20-хъ гг. XX вѣка стали прочнымъ достиженіемъ міровой музыки, вмѣстѣ съ «Княземъ Игоремъ» Бородина. Такимъ образомъ, творчество Мусоргскаго (умеръ 1881) приводитъ насъ, черезъ двадцатилѣтній промежутокъ, къ русской «новой музыкѣ» XX вѣка. Не напрасно авторъ устремлялъ свой пытливый взоръ впередъ, въ будущее.

Конечно, у этого будущаго уже успѣли въ промежуткѣ появиться новые глашатаи. Справедливость требуетъ упомянуть здѣсь дожившаго до революціи, но давно превзойденнаго и забытаго предшественника, перваго русскаго «декадента» въ музыкѣ Владиміра Ребикова (1866-1920). Свои новшества онъ отчасти могъ заимствовать въ Германіи, гдѣ въ концѣ вѣка доучивался у Мюлера (въ Берлинѣ) и потомъ преподавалъ (въ Берлинѣ и Вѣнѣ). Его связь съ русскими литературными теченіями характеризуется тѣмъ, что онъ первый началъ пользоваться для своихъ музыкальныхъ картинокъ стихами Бальмонта и Брюсова. Отъ грузныхъ музыкальныхъ формъ европейскихъ гармонистовъ онъ одинъ изъ первыхъ перешелъ къ музыкальнымъ миніатюрамъ, рисующимъ схваченные на лету психологическіе «миги». А музыкальной драмѣ противоположилъ «меломимику» — жесты безъ словъ, сопровождаемые легкой музыкой, по образцу нѣмецкаго Ueberbrettl (подражаніе Uebermensch'у). Съ технической стороны это выразилось въ освобожденіи отъ традиціонныхъ формъ и гармоніи. Какъ и подобало первому намѣренному импрессіонисту, Ребиковъ признавалъ музыку «языкомъ чувствъ, а чувства не имѣютъ ни формы, ни законовъ, ни правилъ». Собственно, отъ импрессіонизма, который не чуждъ ни Вагнеру, ни Римскому-Корсакову, здѣсь мы умѣемъ уже переходъ къ позднѣйшему экспрессіонизму. Ребиковъ уже объявляетъ, что въ области гармоніи все позволено — и самъ пользуется непривычными для своего времени аккордами. Онъ первый ввелъ столь употребительное потомъ окончаніе своихъ миніатюръ, вмѣсто тоники, на неожиданномъ диссонансѣ, что подчеркиваетъ впечатлѣніе мимолетности только что нарисованнаго психологическаго момента. Съ началомъ XX вѣка Ребиковъ былъ оставленъ позади. Но онъ имѣлъ основаніе считать своими «подражателями» и Скрябина, и Дебюсси. У послѣдняго, конечно, былъ свой предшественникъ, «отецъ французскаго импрессіонизма» Эрикъ Сати (1866-1925), дѣятельность и судьба котораго параллельна судьбѣ его современника, «русскаго Сати», Ребикова.

Прежде, чѣмъ идти дальше, нельзя не остановиться на реакціи

противъ этого новаторства. Центромъ сопротивленія ему явилась, не случайно, московская консерваторія. Въ Москвѣ царилъ Чайковскій. Петербургскому интеллектуальному и активному новаторству «кучки» старая столица противопоставила лѣнивый сенсуализмъ. Послѣднимъ идеаломъ Москвы въ борьбѣ противъ западныхъ нововведеній эпохи Вагнера и его эпигоновъ, былъ Брамсъ. И лучшій изъ учениковъ Чайковскаго С. Танѣевъ сдѣлался «русскимъ Брамсомъ». Тайнъ гармоніи онъ искалъ въ «строгомъ стилѣ» старыхъ контрапунктистовъ XIII-XV столѣтій. Подобно послѣднему изъ германскихъ «великихъ», такому же анахорету, какъ онъ, Танѣевъ ищетъ въ музыкѣ «красоты» и находитъ ее въ глубокомъ, серьезномъ чувствѣ. Подобно Брамсу, его красоты нелегко доступны и выигрываютъ при внимательномъ изученіи. Нота новизны есть, конечно, и у того и у другого. Но въ своемъ намѣреніи оба они являются строгими продолжателями классицизма Бетховена; для нихъ уже и Вагнеръ, не говоря о всемъ дальнѣйшемъ развитіи музыки, есть печальное отклоненіе въ сторону и потеря настоящаго пути. Танѣевъ жилъ достаточно долго, чтобы видѣть, какъ измѣнилась психологія музыки. Но онъ остался чуждъ этимъ измѣненіямъ и еще больше замкнулся въ себѣ. Его творчество стояло внѣ мѣняющейся моды. За-то оно и оказалось длительнѣе ея.

Другіе москвичи не ограничились одной пассивностью. Когда въ Москвѣ явился Скрябинъ и сталъ давать тонъ въ московскихъ купеческихъ салонахъ, въ консерваторіи образовалась дѣятельная оппозиція его вліянію. Ученикъ Танѣева и продолжатель Чайковскаго Рахманиновъ (р. 1873) становится во главѣ теченія, стремящагося сохранить отъ новаторства старые завѣты. Коренной москвичъ и въ молодости участникъ буйной московской богемы, Рахманиновъ также не чуждъ всякой новизны. Но изъ молодого похмѣлья онъ выноситъ лишь углубленное чувство мрачнаго пессимизма. На этой почвѣ — и въ *этомъ* направленіи — онъ становится лирикомъ болѣе сосредоточеннымъ и одностороннимъ, чѣмъ самъ Чайковскій. Такой лиризмъ представляется анахронизмомъ среди начинающагося періода искусственнаго объективизма и сухости въ музыкѣ. Представители новыхъ теченій отодвигаютъ на задній планъ и замалчиваютъ Рахманинова. Но онъ находитъ себѣ выходъ во-внѣ, благодаря своему исключительному таланту піаниста. Въ концѣ концовъ, выброшенный изъ Россіи революціей, которую онъ ненавидитъ, Рахманиновъ находитъ созвучный себѣ кругъ почитателей и пользуется безпримѣрнымъ успѣхомъ въ сентиментальной Америкѣ.

Союзникомъ Рахманинова является въ Москвѣ еще одинъ композиторъ, музыка котораго напоминаетъ больше Брамса, чѣмъ Чайковскаго, — обрусѣвшій нѣмецъ Медтнеръ (р. 1879). Въ противо-

положность Рахманинову, красоты музыки Медтнера — для немногихъ. И онъ не стремится къ славѣ, оставаясь вѣрнымъ своему назначенію. Противникъ нововведеній à la Скрябинъ, Медтнеръ, однако, самъ является новаторомъ, въ смыслѣ представительства новыхъ нѣмецкихъ вліяній. Въ музыкѣ онъ — философъ, и текстовъ для своихъ романсовъ онъ ищетъ у Нитцше, у Тютчева и у Андрея Бѣлаго. Своими предшественниками онъ считаетъ «трехъ великихъ Б.» (Баха, Бетховена и Брамса). Расшатанности импрессіонистскаго ритма Медтнеръ противопоставляетъ отчетливый ритмъ классиковъ, хотя и усложненный Шуманомъ и Брамсомъ; сложности новыхъ гармоній и музыкальному «наркозу» — суховатую полифоническую форму. Окруженный небольшой группой восторженныхъ почитателей въ Москвѣ, гдѣ въ 1905 г. создается Брамсовское общество, Медтнеръ нѣсколько затеривается въ эмиграціи, гдѣ онъ — только подражатель «великихъ».

Настоящее новаторство выходитъ изъ Петербурга. Вначалѣ оно и стоитъ въ связи съ извѣстными тенденціями «Міра Искусства». Благодаря Дягилеву новыя тенденціи въ русской музыкѣ, такъ же, какъ и въ живописи, демонстрируются за-границей и, послѣ перваго громкаго успѣха, эволюціонируютъ дальше — въ направленіи очередной европейской моды. Но такъ какъ сама эта мода мѣняется, то дальнѣйшее развитіе новѣйшей русской музыки приспособляется и слѣдуетъ за ней. Въ этомъ дальнѣйшемъ ходѣ можно прослѣдить послѣдовательные этапы, которые близко соотвѣтствуютъ описаннымъ выше этапамъ въ развитіи европейской музыки. Вслѣдъ за первоначальнымъ импрессіонизмомъ, мы наблюдаемъ и здѣсь крайности экспрессіонизма и безформенности, затѣмъ реакцію въ смыслѣ возвращенія къ «чистой» формѣ — и въ связи съ ней возвращеніе къ полифонному и дополифонному періоду; наконецъ, изживаніе крайностей и возвращеніе къ методамъ и стилямъ, еще недавно передъ тѣмъ признаннымъ окончательно устарѣлыми. Въ этихъ поискахъ новѣйшаго поколѣнія — та же незаконченность, съ какой мы встрѣтились и въ другихъ областяхъ искусства, и то же исканіе новаго, пока невѣдомаго стиля, взамѣнъ разрушеннаго стараго.

Чрезвычайно облегчается наблюденіе всѣхъ этихъ параллельныхъ стадій въ новѣйшей европейской и русской музыкѣ тѣмъ счастливымъ для историка обстоятельствомъ, что всѣ они пройдены однимъ и тѣмъ же лицомъ, — Игоремъ Стравинскимъ, постепенно превращавшимся въ этомъ процессѣ изъ русскаго композитора опредѣленной эпохи въ общепризнаннаго европейскаго вождя. И особенно удобно провести эти параллели именно теперь, когда циклъ превращеній неутомимаго экспериментатора, повидимому, завершается.

Стравинскій родился въ 1882 г. и бралъ частные уроки композиціи у Римскаго Корсакова, котораго встрѣтилъ въ 1902 г. въ Гейдельбергѣ. Его первыя произведенія, до 1908 г. ,не выходятъ изъ сферы вліяній петербургской консерваторской атмосферы. Римскій-Корсаковъ, Глазуновъ остаются его образцами. Несмотря на ранніе признаки новаторскихъ стремленій, художественная связь Стравинскаго со стилемъ, представляемымъ въ Россіи Римскимъ-Корсаковымъ, не прерывается до 1911 г. Стравинскій лишь вноситъ нѣкоторыя черты, свойственныя русскому «декадентскому» эстетизму этихъ годовъ; но и тутъ съ позднимъ Корсаковымъ прямого противорѣчія не имѣется, а есть лишь дальнѣйшее заостреніе. Римскій-Корсаковъ уже совершилъ переходъ отъ романтической углубленности къ фантастической сказкѣ, трактуемой шутливо и иронически. На долю музыкальнаго эстетизма остается лишь подчеркиваніе элемента нереальности и шаржировка иронiи (ср. выше, стр. 631). Поклонники Стравинскаго настаиваютъ на *объективности* его стиля, связанной съ возвращеніемъ новаторовъ къ «чистой» музыкѣ. Но трудно говорить о «чистой» музыкѣ въ тотъ періодъ, когда Стравинскому пришлось работать вмѣстѣ съ Дягилевымъ для «Русскаго балета». При всемъ своемъ стремленіи къ независимости, онъ былъ связанъ въ «Жаръ-Птицѣ» сценаріемъ Фокина, въ — «Петрушкѣ» — замысломъ Бенуа и даже въ «Веснѣ Священной», стилизаціей Рериха. Его музыка рисуетъ и искрящійся красками полетъ «Жаръ-Птицы», и фальшивыя ноты банальной мелодіи масляничнаго гулянья; она послушно слѣдуетъ за всѣми перипетіями выбранной фабулы. Подобно импрессіонистамъ, онъ рисуетъ не линіями, а красками. Но именно тутъ его связь съ оркестромъ Корсакова особенно замѣтна. Стравинскій, конечно, идетъ гораздо дальше въ своей утилизаціи тембровъ разныхъ инструментовъ. Но онъ идетъ въ томъ же направленіи — развитія гармоническихъ утонченностей. И весь первый періодъ его творчества примыкаетъ къ заканчивающемуся и въ Россіи, и въ Европѣ гармоническому періоду. Импрессіонизмъ здѣсь, какъ и въ живописи, выходитъ какъ-то незамѣтно и преемственно изъ русскаго реализма (по обычной терминологіи, — романтизма). Такъ же, какъ въ живописи, онъ выражается въ усиленномъ динамизмѣ музыки и въ прогрессирующемъ упрощеніи и деформаціи традиціонныхъ формъ, переходя въ стадію «экспрессіонизма». Въ 1908-11 мы присутствуемъ при самомъ началѣ этого новаго процесса, уже извѣстнаго намъ изъ исторіи живописи (ср. выше, стр. 549-551).

Въ исторіи европейской музыки эта стадія «раздѣванія» музыки связана съ именемъ «экспрессіониста»» Шенберга. Но для тогдашней Россіи Шенбергъ еще слишкомъ экстравагантенъ и непереваримъ, и

его вліяніе (какъ увидимъ, все же имѣвшее мѣсто) прошло незамѣченнымъ. Гораздо тѣснѣе была связь съ французскимъ импрессіонизмомъ, въ лицѣ Дебюсси, который и самъ испыталъ на себѣ вліяніе Бородина и Мусоргскаго (онъ побывалъ также въ Россіи) и въ свою очередь оказалъ ощутимое вліяніе на русскихъ новѣйшихъ композиторовъ. Переходъ отъ Дебюсси къ Шенбергу, отъ импрессіонизма къ экспрессіонизму — въ русской музыкѣ, также, какъ и въ живописи, прослѣдить трудно. Тѣмъ не менѣе отмѣтить его слѣдуетъ вовсе не для одного удобства развиваемой нами схемы. Объективнымъ свидѣтелемъ этого перехода является музыкальный критикъ XX вѣка, В. Г. Каратыгинъ (1875-1925). Интересно сравнить его отзывы о Дебюсси и о Шенбергѣ. Характеризуя музыку французскаго автора оперы «Пелеасъ и Мелизанда», Каратыгинъ спокойно отмѣчаетъ его «музыкальный импрессіонизмъ», «полумысли, получувства, полутѣни, каждое созвучіе овѣяно дымкой тайны, ирреальности. Повсюду полутона, полукраски. Въ оркестрѣ на первый планъ выдвинуты инструменты, дающіе «романтическія», заглушенныя звучности: гобой, фаготъ, засурдиненныя валторны, альты, пассажи арфъ и флажелеты струнныхъ инструментовъ примѣнены въ изобиліи. Рѣчь до крайности пониженная и ослабленная въ разнообразіи ея мелодическихъ контуровъ. Голосъ нерѣдко подолгу стоитъ на одной и той же нотѣ или движется по небольшимъ интерваламъ» и т. д. Таково впечатлѣніе отъ Дебюсси. А вотъ впечатлѣніе отъ Шенберга, пріѣхавшаго въ Россію въ 1912 г. и лично познакомившагося съ Каратыгинымъ. Критикъ готовъ назвать Шенберга «геніальнымъ», но отказывается осознать его пріемы логически. Онъ чувствуетъ, что тутъ предѣлы «импрессіонизма», но не знаетъ никакого другого опредѣленія. Его это волнуетъ и безпокоитъ. Имя Шенберга онъ называетъ рядомъ съ именемъ Стравинскаго. «Стравинскій, наряду съ германскимъ новаторомъ Шенбергомъ, подобрался къ крайнимъ предѣльнымъ точкамъ звуковой изощренности и нервности, почти судорожной. Не ихъ-ли именами, именами Шенберга и Стравинскаго, завершится кругъ импрессіонистскаго развитія для всей европейской музыки? Не заказаны-ли для импрессіонизма пути дальнѣйшаго его извращенія». Это написано по поводу исполненія «Весны Священной» Стравинскаго въ 1914 г. Но уже въ 1912 г. Каратыгинъ разсказываетъ намъ о постепенномъ пріятіи музыки Шенберга въ Россіи. «Яркихъ и убѣжденныхъ новаторовъ встрѣчаютъ смѣхомъ и свистомъ. Такъ было и съ Шенбергомъ заграницей и у насъ... Годъ тому назадъ (т. е., въ 1911) въ залѣ стоялъ гомерическій хохотъ, когда «Вечера современной музыки»

впервые демонстрировали петербуржцамъ фортепіанныя пьесы опуса 11-го Шенберга (1909, экспрессіонистскія). Недавно... исполнялся превосходный квартетъ ор. 10 (1906 — перваго періода Ш.) и былъ встрѣченъ уже болѣе мягкой обструкціей... Но вчера не свистали, даже немало хлопали» (исполнялась симфоническая поэма Шенберга «Пелеасъ и Мелизанда», 1902 г. — въ первой манерѣ Ш.). Стоялъ на эстрадѣ «маленькій человѣчекъ съ голымъ черепомъ, горящимъ безпокойнымъ взоромъ, нервными, странными жестами, сохраняющимъ свою жуткую, странную страстность и стремительность даже при самыхъ размѣренныхъ движеніяхъ,... весь подвижный, какъ ртуть,... выходецъ со страницъ волшебныхъ сказокъ Гофмана или зловѣщихъ новеллъ Эдгара По». И критикъ, отмѣчая недостатки музыки Шенберга, подчеркнулъ и «огромное дарованіе, которое чувствуется въ каждомъ отдѣльномъ тактѣ, въ этой богатѣйшей тематической изобрѣтательности, въ убѣдительной смѣлости гармоній, въ первоклассномъ мастерствѣ декоративной полифоніи». Шенбергъ — «лакониченъ, глубоко оригиналенъ, безумно смѣлъ, но въ то же время желѣзно-логиченъ». Для насъ важно отмѣтить, что, по поводу этой рецензіи Стравинскій написалъ Каратыгину изъ Clarens, 13-26 декабря 1912 г., гдѣ онъ заканчивалъ «Весну Священную», слѣдующія строки. «Увидѣлъ я изъ вашихъ строкъ, что вы дѣйствительно любите и понимаете суть Шенберга, этого по-истинѣ замѣчательнаго художника нашего времени. Поэтому думаю, что вамъ не безъинтересно бы было узнать его самое послѣднее сочиненіе, гдѣ наиболѣе интенсивно явленъ весь необычайный складъ его творческаго генія. Я говорю о недавно слышанномъ мною въ Берлинѣ «Dreimal Sieben Gedichte aus Albert Giraud's «Lieder des Pierrot Lunaire» für eine Sprechstimme, Klavier, Floete (auch Piccolo), Klarinette (auch Bassklarinette), Violine (auch Alto) und Violoncelle. Вотъ что вамъ — «Современникамъ», слѣдовало бы сыграть. А, быть можетъ, вы съ нимъ познакомились уже, и онъ вамъ самъ разсказалъ объ этомъ, *такъ же, какъ и мнѣ*».

Запасшись этими фактами личнаго вліянія Шенберга и его высокой оцѣнки Каратыгинымъ и Стравинскимъ, мы можемъ вернуться къ характеристикѣ новаго періода творчества Стравинскаго, начавшагося послѣ 1911 года.

Инстинктивно, толпа слушателей, рѣзко протестовавшая въ 1913 году противъ музыки «Весны Священной» при ея исполненіи въ очередномъ сезонѣ «Русскаго балета», поняла, что тутъ сдѣланъ какой-то новый, необычный шагъ. Онъ мотивированъ, конечно, са-

мымъ выборомъ сюжета. Отъ шуточной игры въ восточное «варварство», которая пришлась по вкусу парижской публикѣ въ сказочной «Жаръ-Птицѣ» сезона 1910 г. и въ балаганномъ «Петрушкѣ» 1911 года, композиторъ, слѣдуя художнику (Рериху), попробовалъ перейти къ изображенію подлиннаго (т. е., при всей стилизованности, все таки реальнаго) доисторическаго примитива, — не только — «варварскаго», но и «дикаго». И онъ наложилъ на свою музыку соотвѣтствующія краски. Не доходя до политональности и атональности, до полиритміи и аритміи Шенберга и его учениковъ (см. выше, 648-50), Стравинскій, однако, въ своихъ гармоническихъ и ритмическихъ экспериментахъ идетъ очень далеко въ этомъ направленіи. «Со времени «Весны Священной», — такъ опредѣляетъ эту новую манеру поклонникъ Стравинскаго Колларъ, — «Стравинскій освобождаетъ ноту отъ понятія лада и тональности. Нота ré не будетъ больше служить тоникой для тональности ré мажоръ или ré миноръ, ни доминантой для тональности sol, ни септимой для тональности mi b. Она будетъ просто ré. Звуковыя сочетанія, группируемыя около этого ré будутъ болѣе или менѣе близки къ этой нотѣ... Аккорды, такимъ образомъ, построенные, смогутъ двигаться гораздо свободнѣе, позволятъ гораздо болѣе многочисленныя и разнообразныя отношенія, чѣмъ въ школьной системѣ. Ихъ тяготѣніе къ ré можно будетъ увеличить въ огромной пропорціи. Это ré составитъ *полюсъ притяженія* для всѣхъ другихъ нотъ, и музыкальная эмоція будетъ стоять въ прямомъ отношеніи къ величинѣ произведеннаго притяженія».

Такой пріемъ даетъ заразъ способъ и освободиться отъ основной тональности, и вернуться къ ней рано или поздно. Но въ промежуткѣ гармоническій рисунокъ окончательно пропадаетъ и получается впечатлѣніе стихійности. Этому впечатлѣнію содѣйствуетъ и вольное обращеніе съ ритмомъ, который можетъ въ четырехъ сосѣднихъ тактахъ мѣняться изъ 4/8 въ 5/8, 9/8 и 6/8, изъ 3/16 въ 5/16, опять 3/16 и 4/16. Эффектъ очень новъ и, съ непривычки, трудно переносимъ; но не новъ самый пріемъ, который сводится къ извѣстному уже намъ «раздѣванію» гармоніи — пока еще въ предѣлахъ самаго гармоническаго періода. Оркестръ Стравинскаго еще блещетъ всѣми красками; въ немъ выдвигаются рѣзкіе тембры духовыхъ и мѣдныхъ инструментовъ. Но мы — уже въ самомъ процессѣ перехода отъ стараго къ новому.

Новый періодъ мы опредѣлили выше, какъ возвращеніе отъ односторонняго преобладанія гармоніи въ музыкѣ XIX вѣка къ мелодіи. Стравинскій, однако, силенъ именно въ гармоніи и въ ритми-

кѣ. Мелодической изобрѣтательностью его искусство не блещетъ. Но вѣдь и мелодія въ новѣйшей музыкѣ — особенная (ср. стр. 649). И новая стадія въ творчествѣ Стравинскаго единодушно характеризуется музыкальными критиками, какъ стадія перехода отъ вертикальнаго гармоническаго письма къ мелодическому линейному. Уже по поводу музыки на два стихотворенія Бальмонта (1911) критики ставятъ вопросъ о вліяніи Шенберга. По поводу «трехъ стихотвореній японской лирики», положенныхъ на музыку одновременно съ окончаніемъ «Весны» въ томъ же Кларанѣ (1913), Колларъ указываетъ на прямыя совпаденія мелодій съ Pierrot Lunaire и на одинаковое пониманіе роли оркестра (въ «японскихъ стихотвореніяхъ» голосъ сопрано сопровождается аккомпанементомъ пикколо, флейты, кларнета-баса, піано и струннаго квартета). Конечно, правильно и указаніе того же Коллара на разницу въ самомъ настроеніи обоихъ композиторовъ. «У Шенберга этотъ методъ композиціи диктуется внѣ-музыкальными данными — желаніемъ дать внѣшнее выраженіе патетической, встревоженной, романтической душѣ. У Стравинскаго — вниманіе обращено на данныя чисто музыкальнаго, звукового порядка». Такъ, подойдя къ самому источнику экспрессіонизма, Стравинскій остановился, не находя созвучныхъ струнъ въ собственной душѣ.

Какъ бы то ни было, съ этого времени и импрессіонизмъ à la Римскій Корсаковъ, и эстетство конца вѣка остаются позади. Правда, спеціальная задача «Соловья», законченнаго къ сезону «Русскаго Балета» 1914 г. (начатъ въ 1909), все еще держитъ Стравинскаго въ роли иллюстратора смѣняющихся на сценѣ живописныхъ моментовъ — и для исполненія этой роли его оркестръ продолжаетъ играть всѣми переливающимися красками и тембрами. Но Б. Ф. Шлецеръ не даромъ отмѣчаетъ, что, собственно, именно съ «Соловья» уже надо считать начало «мелодическаго періода» Стравинскаго и что «Соловей» въ этомъ отношеніи представляется «чѣмъ-то вродѣ корридора, въ которомъ Стравинскій колеблется и собирается съ мыслями между двумя противоположными исходами, которые ему открываются»: «игрой звучаній» или «преобладаніемъ мелодичной идеи». Вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ и превращеніе композитора изъ русскаго въ европейца. «Востокъ» въ «Соловьѣ», вслѣдъ за измѣнившимися вкусами публики, пересталъ быть русскимъ или азіатскимъ, онъ сталъ мнимо-китайскимъ. «Почвенность» исчезаетъ, а за ней скоро исчезаетъ и вообще экзотизмъ. Вмѣстѣ съ «Русскимъ Балетомъ» Дягилева (стр. 561-562), Стравинскій окончательно европеизируется, и начинается періодъ его вліянія на французскихъ молодыхъ композиторовъ. Чтобы пріобрѣсти это вліяніе, съ ними надо было за-

говорить на новомъ европейскомъ языкѣ музыки. Въ эту сторону и направляется теперь творчество Стравинскаго. Колларъ выражаетъ это такъ, что періодъ стихійности закончился для автора «Весны Священной» и наступилъ періодъ «канализаціи» собранныхъ матеріаловъ и цѣлевого употребленія ихъ. Въ этомъ періодѣ — 1914-1919 — «разсудокъ беретъ верхъ надъ вдохновеніемъ».

Съ усиленіемъ элемента разсудочности (который, конечно, не отсутствовалъ и въ предшествовавшихъ композиціяхъ) усиливается и элементъ экспериментированія. Въ процессѣ экспериментированія музыка Стравинскаго становится, на этотъ разъ, дѣйствительно «чистой», въ смыслѣ отысканія новыхъ эффектовъ звуковъ, тембровъ, ихъ неожиданныхъ соединеній. При этомъ, слѣдуя общему направленію «новой музыки», которое къ этому времени достаточно выясняется въ Европѣ (стр. 647-50), Стравинскій преимущественно экспериментируетъ надъ инструментами рѣзко-опредѣленнаго тембра, далекими отъ переливчатости человѣческаго голоса и струнныхъ инструментовъ. Даже у струнныхъ инструментовъ (три пьесы для струннаго квартета, 1914) онъ извлекаетъ звуки, напоминающіе духовые или ударные инструменты. Если онъ прибѣгаетъ къ человѣческому голосу, то и его онъ утилизируетъ, какъ инструментъ. Въ «Лисичкѣ» (1916-17) голоса даже прямо передаются оркестру, а на сценѣ упражняются танцоры или акробаты, съ оркестромъ позади*). Текстъ заимствуется изъ русскихъ сказокъ и «Прибаутокъ» (1914) или придумывается самимъ авторомъ, въ томъ же стилѣ. Но онъ большей частью совершенно безсмысленъ и не играетъ никакой роли въ музыкѣ. Композиторъ не только не считается съ естественными ударѣніями рѣчи, но намѣренно, въ поискахъ новыхъ ритмовъ и при широкомъ употребленіи синкопъ, переставляетъ сильныя и слабыя части такта. Поиски новаго стиля требуютъ и новаго оркестра; вмѣстѣ съ заграничными товарищами поисковъ, Стравинскій употребляетъ отнынѣ камерный оркестръ необычнаго состава, мѣняя соединенія инструментовъ (преимущественно, духовые — деревянные и мѣдные — и ударные), соотвѣтственно задачѣ эксперимента. Самыя композиціи новаго типа сокращаются въ размѣрѣ. Все это отражается и на новыхъ постановкахъ для «Русскаго Балета». Теперь уже не Стравинскій служитъ цѣлямъ Дягилева, а Дягилевъ цѣлямъ Стравинскаго. «Лисичка» (сезонъ 1922), «Свадебка» (сезонъ 1923, написана 1914-18) мѣняютъ стиль — а вмѣстѣ и репутацію «Русскаго Балета» (см. выше).

---

*) Ср. Ueberbrettl, стр. 661 и опыты Шенберга.

Въ концѣ концовъ, самъ Стравинскій какъ-бы устаетъ отъ непрерывнаго исканія, плоды котораго доступны немногимъ. Уже въ «Исторіи солдата» ему удается связать утонченность поисковъ съ легкостью и доступностью исполненія, — отчасти при помощи внесенія танцовальныхъ формъ и ритмовъ, включая «Рагтаймъ» (1918). Съ 1919 г., наконецъ, его исканія опять принимаютъ иное направленіе — или, точнѣе, иныя направленія, и его присяжные почитатели и критики не поспѣваютъ за напряженными усиліями композитора уловить новыя теченія и удовлетворить новому вкусу (см. стр. 651-2).

Этотъ вкусъ направляется, какъ мы знаемъ, къ воскрешенію старыхъ мастеровъ полифоническаго, до-классическаго періода. Дягилевъ какъ-разъ отыскиваетъ въ Миланской библіотекѣ рукописи одного изъ нихъ, автора игривой Serva-Padrona Перголези (1710-1736), родоначальника Opera Buffa. Это было какъ разъ то, что могло пригодиться для «Русскаго Балета». И Дягилевъ предложилъ Стравинскому возстановить балетъ изъ обрывковъ рукописи. Стравинскій создалъ Pulcinella (сезонъ 1920). Онъ, конечно, разсыпалъ и здѣсь перлы своей гармоніи — и превратилъ передѣлку въ самостоятельное произведеніе. Но, сохраняя духъ неаполитанской веселой и лукавой шутки, онъ отказался отъ крайностей новой гармонизаціи и далъ, вмѣсто обычнаго анализа, нѣчто синтетическое, подъ знакомъ возвращенія къ классицизму. Колларъ отмѣчаетъ, что именно эта «универсальность» музыкальнаго языка Пульчинеллы дала возможность Стравинскому повліять на молодое поколѣніе французскихъ композиторовъ, для которыхъ ни «Весна», ни «Свадебка» не были еще доступны. Послѣ возвращенія къ итальянцамъ послѣдовало возвращеніе къ русскимъ. Опера буффъ «Мавра», написанная по заказу Дягилева для сезона 1922 г., посвящена, точно на зло почитателямъ — критикамъ, Глинкѣ, Пушкину, давшему матеріалъ для текста и... Чайковскому, балетъ котораго шелъ въ этомъ сезонѣ! Синкопированные по-американски ритмы, частыя модуляціи, задержанныя каденцы, полное исключеніе изъ оркестра струннаго квартета, конечно, и здѣсь удаляютъ композитора отъ его образцовъ. Но онъ, все же, выдерживаетъ тональность, допускаетъ bel canto и снисходитъ до заимствованія мелодій изъ русскаго, цыганскаго и итальянскаго источниковъ. Для лозунга возвращенія къ классицизму произведеніе даетъ достаточныя основанія. А разлитой въ «Маврѣ» ироніей авторъ забронировалъ себя отъ обвиненія въ серьезномъ отступничествѣ.

Тѣмъ большее впечатлѣніе произвело демонстративное возвращеніе къ классицизму въ «Аполлонѣ Мусагетѣ» и «Эдипѣ-Царѣ» (оба произведенія 1927), возвращеніе къ Баху въ фортепьянномъ

концертѣ (1924) и опять къ Чайковскому въ «Поцѣлуѣ феи». Каждое изъ этихъ произведеній дезоріентировало публику и критиковъ своими новыми пріемами. Оркестръ все сокращался (въ «Эдипѣ» Стравинскій вернулся къ струнному оркестру), гармонія упрощалась (критики уже заговорили о Люлли), стиль становился все прозрачнѣе, «динамизмъ» уступалъ мѣсто величавой неподвижности... Оставалось, по замѣчанію Шлецера, написать... мессу. А Стравинскій вновь удивилъ почитателей «Поцѣлуемъ феи». Наконецъ, добравшись въ самомъ дѣлѣ до религіознаго сюжета, онъ написалъ «Симфонію псалмовъ» (1930). Какъ-бы зачеркивая всю длинную полосу своихъ экспериментовъ, Стравинскій здѣсь вернулся къ своему началу: къ давно отвергнутому имъ оркестру красокъ, съ которымъ онъ умѣлъ такъ искусно справляться въ первый періодъ творчества. Результатъ не замедлилъ сказаться: публика приняла исполненіе «Симфоніи» съ давно не проявлявшимся энтузіазмомъ. Французскій критикъ Лалуа по этому поводу подсмѣивался надъ молодежью, увлекшейся экспериментами Стравинскаго. Что скажутъ восторженные послѣдователи, наложившіе на себя музыкальный постъ, вслѣдъ за Стравинскимъ, теперь когда онъ этотъ постъ нарушилъ? Что будутъ дѣлать знаменитости тѣсныхъ кружковъ, салонная слава которыхъ основалась на взаимныхъ похвалахъ снобовъ, а не на серьезномъ изученіи? Не пора ли понять имъ, что годы запустѣнія концертныхъ залъ въ военное безвременье прошли и что эти залы наполнились теперь новой публикой, съ непредвзятыми вкусами, — публикой вовсе не склонной принимать на вѣру репутаціи, раздаваемыя художественными алхимиками. Положеніе критиковъ, дѣйствительно, оказалось трудное. Б. Ф. Шлецеръ за «нарядной внѣшностью» «Симфоніи», за ея наружной «мощью, звуковымъ великолѣпіемъ, возвышенной красотой» обнаружилъ... пустоту содержанія. Немедленное, непосредственное дѣйствіе на публику онъ объяснилъ «обѣднѣніемъ субстанціи» этой музыки. И Колларъ закончилъ свою энтузіастическую книгу, посвященную анализу произведеній Стравинскаго, удивленнымъ и тревожнымъ вопросомъ — именно по поводу «Симфоніи»: «куда направляетъ Стравинскій свои взгляды? Втеченіе 25 лѣтъ его геній руководилъ музыкой въ опаспыхъ тѣснинахъ, черезъ которыя надо было пройти, чтобы уйти отъ XIX вѣка. Онъ велъ ее на правильный путь. Теперь пускается въ путь новое поколѣніе. Творецъ «Весны», «Свадебки», «Симфоній» будетъ-ли продолжать быть его вождемъ и кормчимъ? Нѣкоторые признаки показываютъ, что уже болѣе молодые ведутъ насъ къ новымъ горизонтамъ. Пойдемъ за ними, не оглядываясь назадъ. Пожелаемъ имъ и намъ самимъ быть руководимыми человѣкомъ, который-бы былъ такъ же великъ, какъ Игорь Стравинскій».

Но, слѣдовательно, не имъ? Итакъ, вождю первой четверти XX вѣка суждено остаться позади? Отвѣтъ мы найдемъ въ новѣйшихъ протестахъ противъ «геометрической» музыки, которые приведены выше. Отказываясь отъ долговременнаго «поста», Стравинскій, повидимому, зналъ, что дѣлалъ и остался вѣренъ своему музыкальному ясновидѣнію. Пусть эта проницательность — разсудочна, добыта не непосредственнымъ чутьемъ, а долгимъ опытомъ: это только придаетъ ей больше вѣроятности. Чтобы рѣшить, чей прогнозъ болѣе правдоподобенъ: Стравинскаго или недавнихъ почитателей его крайностей, посмотримъ теперь на поведеніе молодежи.

Здѣсь, прежде всего, насъ встрѣчаетъ другое громкое имя въ русской — и не только въ русской — современной музыкѣ, — имя Прокофьева. На десять лѣтъ моложе Стравинскаго, Прокофьевъ не только по возрасту, но и по своей натурѣ представляетъ другой, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже противоположный типъ. То, чего Стравинскій добивается своей разсудочностью, долгимъ изученіемъ, тщательной работой надъ партитурой, Прокофьеву дается какъ-будто даромъ. Критики говорили про него, что онъ «поетъ, какъ птица». Слово «молодой», «жизнерадостный» прилагается къ нему всѣми, и съ этимъ понятіемъ такъ же единодушно связывается другое: понятіе неистощимости его музыкальнаго творчества. Какъ Гайднъ и Моцартъ, Прокофьевъ непосредственъ, наивенъ, вѣчно молодъ, и, какъ они, онъ поражаетъ своей плодовитостью. Насколько Стравинскій протееобразенъ въ своихъ постоянныхъ мучительныхъ превращеніяхъ, настолько продукція Прокофьева едина въ своемъ стремительномъ потокѣ. И насколько мнѣнія критиковъ о первомъ рѣзко расходятся, настолько же они единодушны относительно второго. Стравинскій только въ концѣ процесса приходитъ къ реставраціи классицизма. Прокофьевъ, въ извѣстномъ смыслѣ, классикъ по природѣ, — классикъ съ самаго начала, какъ-бы ни были капризны и причудливы внѣшнія выраженія его бурливой фантазіи и какъ бы непосредственно онъ ни откликался на всякія новыя моды. Это потому, что онъ не можетъ не оставаться самъ собой; всякая рефлексія и Grübelei чужды его натурѣ. Отсюда же, а не изъ снобизма, проистекаетъ и его молодой задоръ и его невинное желаніе эпатировать, — но не вводить намѣренно въ заблужденіе. Для протеста противъ всякаго рода психологизма въ музыкѣ, противъ философіи, метафизики, мистики, Прокофьевъ былъ самымъ подходящимъ человѣкомъ, и ему посчастливилось выступить въ то самое время, когда этотъ протестъ созрѣлъ и сталъ въ очередь (примѣрно, съ 1909-11 года).

Въ чемъ состоитъ «классицизмъ» Прокофьева? Прежде всего, въ отказѣ отъ употребленія оркестра для красочныхъ эффектовъ при

помощи расчлененныхъ тембровъ отдѣльныхъ группъ инструментовъ и въ возвращеніи къ оркестру, какъ цѣлому. Такой оркестръ болѣе способенъ къ развитію и разработкѣ темъ въ классической циклической формѣ, чѣмъ къ углубленію романтическихъ настроеній при помощи растекающейся мелодіи на гармоническомъ фонѣ чувственныхъ, разнѣживающихъ аккордовъ. Оркестръ Прокофьева возвращается отъ колорита къ *рисунку,* который — уже въ силу личной особенности прокофьевскаго дарованія — выходитъ рѣзкимъ и терпкимъ. Отсюда — возможность рѣзкихъ контрастовъ, крутыхъ поворотовъ, возстановленіе въ правахъ мелодіи, которая такъ туго давалась ученой музыкѣ и на которую такъ неистощимъ въ своей изобрѣтательности Прокофьевъ, поклонникъ «классика» Шуберта (см. выше, стр. 642). Возстановленное равновѣсіе между гармоніей и мелодіей освобождаетъ и ритмъ Прокофьева отъ того утрированнаго употребленія, которое онъ получилъ при «раздѣваніи» музыки. Ритмы Прокофьева ясны и четки — и немало прибавляютъ къ той ясности, общепонятности его творчества, которая такъ увлекаетъ слушателей. Искусство Прокофьева не есть искусство «для немногихъ»: оно возвращаетъ музыку въ большія залы и дѣлаетъ ее доступной для массъ (ср. выше, стр. 652-653).

Конечно, всѣ эти черты — не простая реминисценція классической эпохи. Прокофьевъ современенъ; онъ хочетъ жить жизнью своего времени — и полной жизнью. Начавъ съ задорной «мальчишеской» иронiи «Сарказмовъ» и съ подражанія «Мимолетностямъ» современныхъ поэтовъ, онъ усваиваетъ себѣ динамизмъ эпохи, ея стремительность и «кинематографичность». Его здоровая энергія заражаетъ, а его изобрѣтательность въ развитіи темъ не даетъ слушателю времени успокоиться въ повтореніяхъ. Пишетъ ли онъ свою «Скифскую» симфонію, она отражаетъ дерзкій блоковскій вызовъ Европѣ, а не ужасающее коснѣющее варварство «Весны Священной». И даже его преклоненіе передъ коллективнымъ человѣкомъ Ленина («Стальной скокъ») не приводитъ къ рабству передъ машиной. Но онъ вообще не застаивается передъ поразившими его воображеніе темами — и разбрасываетъ свои перлы съ расточительностью стихійной силы, не знающей предѣловъ и удержу творчеству.

Не дѣлая своимъ лозунгомъ «чистой музыки», Прокофьевъ въ дѣйствительности ей служитъ. Ему не приходилось становиться въ позу протеста противъ литературныхъ и философскихъ вліяній въ музыкѣ, потому что эта позиція была уже завоевана ко времени его выступленія. Но онъ воспользовался плодами этого завоеванія — и отдалъ дань эпохѣ, выбирая смѣхотворные сюжеты для своихъ музыкально-сценическихъ произведеній. Сказка Гоцци («Любовь къ

тремъ апельсинамъ», 1919) по крайней мѣрѣ даетъ обильный матеріалъ для музыкальной живописи. Но уже совершенно нелѣпа тема «про шута, семерыхъ шутовъ перешутившаго» (1920). Конечно, и тутъ спасаетъ ссылка на Моцарта и на опытъ болѣе культурнаго Хиндемита, въ свою очередь подражавшаго Стравинскому.

Какое мѣсто занимаетъ Прокофьевъ въ той схемѣ эволюціи новѣйшей музыки, которая повторяетъ аналогичную схему развитія живописи? Мы назвали его (вслѣдъ за Л. Сабанѣевымъ) «классикомъ» — терминъ, обыкновенно противопоставляемый «романтику». Но мы уже знаемъ условность этой терминологіи. Вообще, со своимъ необузданнымъ темпераментомъ, Прокофьевъ не умѣщается въ рамкахъ схемы. И все же, сравненіе его творчества съ извѣстнымъ намъ моментомъ въ исторіи живописи не только возможно, но и напрашивается само собой. При этомъ мы еще получаемъ возможность заполнить пробѣлъ, оставшійся при изложеніи эволюціи Стравинскаго: пробѣлъ между экспрессіонизмомъ и реставраціей прошлаго. Мы знаемъ, что въ живописи этотъ пробѣлъ заполняется не только отрицательнымъ протестомъ противъ безформенности экспрессіонизма, но и положительными попытками возстановить, вмѣсто этой безформенности, рисунокъ и твердую форму (стр. 538). Творчество Прокофьева даетъ намъ возможность и въ данномъ случаѣ распространить на русскую музыку схему, уже примѣненную нѣмецкими критиками къ музыкѣ европейской. Уже цитированный выше критикъ Каратыгинъ провелъ интересующую насъ параллель. Въ статьѣ 1916 г. (въ «Рѣчи») онъ сравнивалъ Прокофьева съ «наиболѣе искренними и талантливыми изъ нашихъ кубистовъ и футуристовъ». Основная черта Прокофьева, возвращеніе къ формѣ и рисунку отъ безформенности и красокъ музыкальнаго нео-импрессіонизма, вполнѣ оправдываетъ эту параллель. «Долой всяческую отточенность и изысканность, импрессіонистскую (по нашему, уже «экспрессіонистскую») зыбкость и хрупкость, «вкусное» изящество и деликатность рисунка и колорита, и да здравствуетъ полновѣсная сила, мощная энергія выраженія, крупныя линіи, плотныя, вѣскія формы, насыщенныя краски». Такъ формулируетъ духъ этого протеста Каратыгинъ. «Пусть и у него (Прокофьева), и у нихъ (футуристовъ) боевой азартъ и страстность исканій «новыхъ береговъ» приводитъ къ тому, что сила зачастую обращается въ грубость, плотность и увѣсистость, а насыщенность колористическая въ рѣзкость, въ красочное варварство. Сильная реакція неизбѣжно сопряжена съ крайностями». Конечно, окончательная манера Прокофьева тоньше и шире этой характеристики, скорѣе основанной на его раннемъ гротескномъ стилѣ. Но общій тонъ характеристики остается вѣрнымъ и для созрѣв-

шаго Прокофьева. Есть типы творчества, которые навсегда связываются съ понятіемъ молодости. И недаромъ фигура Прокофьева напоминаетъ физически того здороваго парня съ буйными нравами «уличнаго мальчишки», кубиста, футуриста или «лучиста» Ларіонова, котораго, вѣроятно, и имѣлъ въ виду Каратыгинъ въ своей ссылкѣ на «наиболѣе талантливыхъ и искреннихъ» художниковъ этого направленія.

Новѣйшее поколѣніе русскихъ молодыхъ композиторовъ выросло подъ вліяніемъ Стравинскаго и Прокофьева. Но оно уже не пережило тѣхъ процессовъ «раздѣванія» музыки, черезъ которые прошли оба эти мастера, и не приняло личнаго участія въ этихъ процессахъ. Оно приступило къ самостоятельной работѣ, когда и у самихъ этихъ вождей вліянія перваго двадцатилѣтія XX вѣка были уже въ прошломъ. Такимъ образомъ, это молодое поколѣніе могло шире взглянуть на задачи и методы новой музыки и воспользоваться всѣми пріобрѣтеніями, какъ своихъ непосредственныхъ предшественниковъ, такъ и вождей предыдущихъ періодовъ, «гармоническаго» и «классическаго», ярыми противниками которыхъ явилась молодежь начала XX вѣка. Конечно, при этомъ сказывается и преимущественное вліяніе здравствующихъ и продолжающихъ работать учителей. Чтобы привести отдѣльные примѣры, назовемъ только нѣсколько именъ молодыхъ композиторовъ, уже получившихъ извѣстность въ музыкальномъ мірѣ. Такъ, Маркевичъ, является по-преимуществу послѣдователемъ Стравинскаго, — включая, однако, и его новѣйшую эмансипацію отъ крайностей «новой музыки». Н. Набокова межно скорѣе признать послѣдователемъ Прокофьева, проявляющимъ, наряду съ модернистскими увлеченіями, также и темпераментъ, и непосредственность вдохновенія учителя. Самый молодой изъ этого поколѣнія, Юлій Крейнъ, сынъ Александра Крейна, проявляетъ независимость отъ обоихъ русскихъ мастеровъ и слѣдуетъ — поскольку вообще слѣдуетъ — болѣе старымъ романтикамъ и классикамъ музыки. Конечно, пути всей этой музыкальной молодежи только начинаютъ выясняться; только будущее опредѣлить ихъ окончательный обликъ.

Музыка въ послѣреволюціонной Россіи представляетъ картину трагическаго распада. Среди него съ трудомъ пробивается молодая поросль, которая вовсе не подходитъ, притомъ, подъ понятіе «новой» — въ смыслѣ созвучности окружающей ее современности. Отчасти этотъ распадъ вызванъ тѣми же причинами, съ которыми мы знакомы въ области литературы. Какъ тамъ, такъ и тутъ крупнѣйшіе дѣятели предреволюціонной эпохи эмигрировали за-границу. Къ акклиматизировавшемуся уже тамъ Стравинскому присоединились Рахманиновъ, Прокофьевъ; уѣхали Гречаниновъ, Медтнеръ. Нашли широ-

кое примѣненіе своему искусству талантливые дирижеры, Кусевицкій, Куперъ, пѣвцы и пѣвицы, какъ Шаляпинъ, Кошицъ и цѣлая плеяда оперныхъ исполнителей, виртуозы піанисты, какъ Боровскій, Орловъ, Софроницкій, Горовицъ, скрипачи — Ауэръ, Могилевскій, Ц. Ганзенъ, Любошицъ, Прессъ, віолончелисты — другой Прессъ, Гарбузова, Бѣлоусовъ и т. д. Тѣ, кто остался, вынуждены были вести полную лишеній жизнь и жить впроголодь, въ шубахъ и перчаткахъ, въ непротопленныхъ помѣщеніяхъ. Чтобы какъ-нибудь пополнить свой заработокъ, они пользовались короткими досугами отъ обязательной служебной работы для полуобязательныхъ слушателей, и «халтурили», потрафляя пониженному вкусу некультурныхъ аудиторій. Когда начался нэпъ и художественныя предпріятія, какъ другія, были переведены на «хозяйственный разсчетъ», обнаружилось другое горе. Для «квалифицированнаго» исполненія утонченной модернистской музыки не хватило подготовленныхъ слушателей; серьезные концерты не окупались, и новая продукція этого рода музыки могла предназначаться лишь для самаго тѣснаго круга «своихъ», безъ малѣйшей надежды на публикацію, а для болѣе широкихъ музыкальныхъ формъ — даже и безъ разсчета на исполненіе. Составлять оркестры становилось все болѣе труднымъ, такъ какъ, хотя исполнители на струнныхъ инструментахъ продолжали изобиловать, но духовые инструменты, какъ гобой, флейта, и мѣдные — не привлекали новыхъ исполнителей, а старые вымирали. Кромѣ того, среди оркестровыхъ исполнителей новый демократическій духъ проявился въ отрицаніи правъ дирижера ограничивать свободу рядовыхъ оркестрантовъ, и была сдѣлана въ 1922 году попытка организовать оркестръ безъ дирижера («Первый симфоническій ансамбль» или, сокращенно, «Персимфансъ»). Предпріятіе имѣло успѣхъ, пока сохранялся первоначальный энтузіазмъ и разыгрывались старыя вещи; но на разучиваніе новыхъ не хватало ни охоты, ни дисциплины.

Основнымъ противорѣчіемъ, губившимъ новые всходы, было противорѣчіе между «соціальнымъ заказомъ» на самую новую музыку для побѣдившаго «пролетаріата» и предложеніемъ, упорно державшимся за достиженія прошлаго, хотя и самаго недавняго. Эти достиженія удовлетворяли *прежнему* «соціальному заказу» — утонченному и упадочному вкусу московскихъ меценатовъ, поощрявшихъ небывалыя сочетанія новыхъ словъ, красокъ и звуковъ. Но доступныя немногимъ, они были непонятны для сырой, неподготовленной массы. А «оздоровлять» упадочное искусство было некому. Вначалѣ, въ періодъ военнаго коммунизма сдѣлана была попытка культивировать самое новое теченіе въ музыкѣ, — въ предположеніи (какъ

это было и съ футуристами), что оно и есть самое революціонное. Въ этомъ духѣ пробовалъ *командовать* музыкальнымъ дѣломъ А. С. Лурье. Но недоразумѣніе скоро выяснилось. Стало видно, что для этого рода музыки просто нѣтъ слушателей, а для наличныхъ слушателей нужно что-то другое, болѣе простое, ритмичное, пѣвучее и веселое. На этой почвѣ и расцвѣли «халтуры» голодныхъ артистовъ, потрафлявшихъ вкусамъ толпы. Кромѣ «соціальнаго заказа» былъ еще и правительственный заказъ на агитаціонную правительственную музыку для торжественныхъ случаевъ. Но для агитаціи въ музыкѣ, какъ и въ литературѣ, нужна была упрощенная форма музыкальныхъ Демьяновъ Бѣдныхъ. Поставщики, конечно, нашлись. Курьезнымъ образомъ, таковыми оказались представители самаго консервативнаго рода музыки, — церковнаго пѣнія, а также тѣ мастера, которые и при прежнемъ режимѣ поставляли всякія коронаціонныя кантаты, торжественные марши и праздничную музыку (Кастальскій, Сахновскій, Юрисовскій, Слоновъ и т. д.). Не мудрено, что настоящіе художники звука замкнулись въ себѣ и, не откликаясь на рыночный спросъ, продолжали работать въ старомъ направленіи, хотя и съ новыми поправками.

Каково это направленіе, мы отчасти знаемъ. Прежде всего, революція не застала какого-либо *одного* направленія, которое бы господствовало въ музыкѣ. Это была, какъ мы видѣли, пора исканій, подъ общимъ знаменемъ новаторства. Положительныя стороны исканій опредѣлялись скорѣе путемъ отталкиваній, чѣмъ путемъ притяженій. Это было, во-первыхъ, отталкиваніе отъ наиболѣе доступной публикѣ музыкальной формы — оперы. Опера осуждалась, какъ искусственная, условная, смѣшанная форма, вовсе не удовлетворяющая ни требованіямъ реалистическаго искусства, ни требованіямъ свободнаго вдохновенія. Уже до революціи молодые композиторы перешли къ симфонической и камерной музыкѣ. Послѣ октября это отчасти вызывалось и тѣмъ, что казенная опера обѣихъ столицъ (Большой и Маріинскій театры) осталась, въ сущности, въ рукахъ старой администраціи, вовсе не склонной поощрять новаторовъ и предпочитавшей «новыя» постановки старыхъ оперъ, вродѣ «Фауста» или «Карменъ». Не стоило писать музыку, завѣдомо осужденную остаться въ портфелѣ автора. Опера въ національномъ духѣ, притомъ же, считалась вышедшей изъ моды, а новыхъ доступныхъ массѣ сюжетовъ и формъ какъ-то не находилось.

Съ другой стороны, не манили и грандіозныя, монументальныя, героическія темы, подсказывавшіяся исключительными событіями. Революція еще не успѣла обрости поэзіей и легендой; а воспѣть ее

въ сыромъ видѣ ученому музыканту было не такъ легко, какъ самоучкѣ-литератору (стр. 401, 411). Не привлекала больше и грандіозность замысловъ въ Скрябинскомъ родѣ. Не говоря уже о томъ, что для такихъ заданій нужно было наивное самомнѣніе Скрябина, — мистика был а теперь вообще не ко двору. Сабанѣевъ очень характерно описываетъ это настроеніе «дескрябинизаціи» музыки совѣтскаго періода. «Мы убѣдились», пишетъ онъ, «что ничто не старѣетъ такъ быстро, какъ «новизна», и что нѣтъ ничего старѣе, чѣмъ новизна вчерашняго дня.... Послѣ скрябинскихъ утонченностей, послѣ его мистическихъ экстазовъ.... мы получили стремленіе къ культурѣ настроеній лапидарныхъ, грубоватыхъ, комическихъ, гротескныхъ. Хотѣлось чего-то свѣжаго, яркаго, живого, радостнаго послѣ болѣзненно-напряженной атмосферы, изступленной, могуче захватывающей, но въ итогѣ нездоровой. Въ Скрябинѣ не чувствовалось чистаго воздуха, въ немъ былъ экстазъ запертаго и задушеннаго фиміамами жертвенника колдуна, гашишный, опіуматическій экстазъ, послѣ котораго наступалъ міръ галлюцинацій. Лозунгъ былъ — «къ здоровью». Мы видѣли, что въ литературѣ это самое настроеніе выразилось въ возвращеніи къ художественному реализму. Въ музыкѣ это было не такъ просто. «Естественный путь», продолжаетъ Сабанѣевъ, «намѣчался во вражескій станъ музыкальной реакціи, къ Медтнеру, въ объятія ретроспективности и академизма». Но этотъ путь былъ черезчуръ уже дискредитированъ самими новаторами, и мы получили картину блужданія творческой мысли, какое-то неоформленное состояніе, въ которомъ можно констатировать присутствіе иногда большихъ творческихъ порывовъ, но въ которомъ органически нѣтъ мощи и цѣльности. Отсюда и характерная черта новѣйшихъ совѣтскихъ композиторовъ: при очевидномъ нежеланіи «оформиться» въ сторону революціонныхъ исканій, какая-то крайняя сдержанность въ высказываніяхъ и намѣренная неопредѣленность. Сабанѣевъ называетъ трехъ авторовъ, какъ занимающихъ первыя мѣста въ рядахъ музыкантовъ-творцовъ въ современной Россіи: Н. Я. Мясковскаго, С. Фейнберга и Анатолія Александрова. Въ виду ихъ малой извѣстности за-границей я буду держаться характеристикъ Сабанѣева (который, надо прибавить, самъ занималъ среди совѣтскихъ композиторовъ, вмѣстѣ съ Н. Рославцемъ, крайнюю лѣвую позицію). Мясковскій (р. 1881), авторъ восьми симфоній, ученикъ Глазунова и Римскаго-Корсакова, — товарищъ Прокофьева по консерваторіи, но его антиподъ по настроенію, болѣзненно-меланхолическому, мучительно- тревожному, наложившему и на его музыку печать темноты и неясности. По манерѣ письма онъ раздѣляетъ умѣренность, которая характеризуетъ «творчество воспитанниковъ Пе-

тербургской консерваторіи». Его музыка, серьезная, владѣющая техникой, но не блещущая яркой индивидуальностью, «мастерски балансируетъ между модернизмомъ и консерватизмомъ». Съ Чайковскимъ роднитъ его лирическій пессимизмъ, «мрачность безъ героизма, но съ ужасомъ». Но ему не чужды и другія вліянія, отъ Дебюсси и Скрябина до Моцарта и Грига. Это и дѣлаетъ его «протеемъ» въ музыкѣ, — творцомъ, лишеннымъ индивидуальнаго стиля. Программы своихъ симфоній онъ хранитъ про себя, давая «мрачныя загадки безъ разгадокъ». Таково, напр., соединеніе въ финалѣ шестой симфоніи погребальнаго хора раскольниковъ съ революціонными темами въ оркестрѣ. Его фортепьянное творчество такъ же проникнуто мрачнымъ колоритомъ и «такъ же чуждо рѣзкимъ вывертамъ современности, не пріемлетъ крайностей».

Фейнбергъ (р. 1889), піанистъ и композиторъ для фортепіано, — другой сынъ нервнаго конца вѣка, заблудившійся среди новаго, прозаически настроеннаго поколѣнія. Это, по характеристикѣ Сабанѣева, «музыкальный визіонеръ, окруженный вѣчно изступленными призраками, которые имъ управляютъ». Его творчество — «больная, страшная музыка, отъ которой ни автору, ни слушателямъ не поздоровится». Его неясность «пріобрѣтаетъ характеръ почти клиническій, какой-то уже физіологическій». Съ такими свойствами онъ — ближе другихъ къ Скрябину, которымъ увлекался въ годы расцвѣта его славы. Но у Фейнберга нѣтъ «титанической» *позы* Скрябина и его потугъ на «величіе духа». Онъ — скромнѣе и цѣломудреннѣе; въ его сонатахъ, напоминающихъ Шумана, нѣтъ ничего «космическаго». Его гармоническій матеріалъ тоже «проще»; у него «нѣтъ острой и пряной, утонченной и изступленной эротики, нѣтъ растворенія въ звучаніяхъ», нѣтъ вобще мѣста для лирики въ стремительномъ бѣгѣ его композицій, не знающихъ медленныхъ темповъ и ритмовъ. Вотъ этотъ, наконецъ, быть можетъ, «связанъ» съ революціонной «современностью»? Да, но эта «связь» и придала его музыкѣ полу-патологическій характеръ, «отразила кошмарность и фантастичность жизни»... Фейнбергъ — мистикъ, и въ музыкѣ онъ, запоздалый романтикъ, продолжаетъ искать недоступныхъ земному ощущенію звуковъ. Онъ пишетъ для себя, и его семь сонатъ, — произведенія чрезвычайной трудности, мало извѣстны за предѣлами тѣснаго круга друзей.

Наконецъ, Анатолій Александровъ (1889) на этотъ разъ «спокойный мастеръ», типичный «ретроспективецъ», «тщательный выдѣлыватель музыкальныхъ миніатюръ», наиболѣе родственный по духу Медтнеру. Онъ «менѣе всего затронутъ стихійнымъ воздѣйствіемъ революціи»; онъ «невозмутимъ въ своемъ академизмѣ», и этотъ акаде-

мизмъ «уже не на брамсовско-классической подпочвѣ, а на новой, скрябино-медтнеровской».

Далѣе Сабанѣевъ называетъ группу національныхъ еврейскихъ композиторовъ, М. Гнесина и двухъ Крейновъ, Александра и Григорія. У перваго тоже «невыявленность его физіономіи, какая-то общая неопредѣленность мѣшаетъ узнавать его лицо». Отчасти это объясняется его безстрастностью, его «ученымъ» подходомъ къ созданію національной еврейской музыки. Гнесинъ попытался написать и «революціонную» симфонію на слова Сергѣя Есенина, положилъ на нее много труда, — но требуемаго большевиками «монументальнаго» стиля не создалъ: въ пьесѣ говоритъ скорѣе ученикъ Корсакова и послѣдователь русской національной школы, чѣмъ революціонный новаторъ. У Григорія Крейна тоже «революціонные годы мало наложили отпечатка на общій стиль его композиціи». И только А. Крейнъ какъ будто склоненъ «выйти изъ интимной среды въ болѣе широкую». Въ противоположность Гнесину, онъ горячъ и страстенъ. Онъ начинаетъ съ Ребиковскаго «революціоннаго» отрицанія музыкальной традиціи. Но онъ «глубоко-національненъ». Въ немъ кипитъ восточная кровь расы, создавшей «Пѣснь Пѣсней». И отъ Равеля и Дебюсси онъ переходитъ къ мелодіямъ древней синагоги, въ которыя вноситъ свою динамичность и эмоціональность. Онъ слишкомъ реалистъ, чтобы остаться нео-импрессіонистомъ.

Какъ мы видимъ, всѣ выдающіеся композиторы, названные выше, и продолжавшіе работать въ СССР., суть продуктъ иного вліянія, а не вліянія октябрьской революціи. Всѣ они родились въ 80-хъ годахъ, и ихъ творчество складывалось подъ вліяніями, господствовавшими на рубежѣ столѣтій. Радикализмъ того времени былъ специфически художественнымъ — и спеціально музыкальнымъ радикализмомъ. Самая сущность извѣстныхъ намъ крайнихъ теченій, направленныхъ къ освобожденію музыки отъ литературныхъ, философскихъ и т. п. ассоціацій, скорѣе отдаляла новаторовъ отъ политики, чѣмъ приближала къ ней. При такомъ настроеніи наиболѣе талантливыхъ художниковъ совѣтской Россіи, они конечно не могли поставить своей задачей — создать ту «монументальную», героическую, грандіозную новую революціонную музыку, которой требовала политика коммунистовъ. Но мы уже упоминали, что и здѣсь нашлись сторонники крайнихъ теченій въ музыкѣ, которые попытались связать себя съ крайними теченіями въ политикѣ и на этомъ словесномъ недоразумѣніи основать свое вліяніе при новомъ режимѣ. Самымъ выдающимся изъ такихъ «попутчиковъ» былъ Николай Рославецъ (р. 1880), музыкальный Маяковскій, создатель своего собственнаго «формальнаго» метода въ музыкѣ, дѣловой «спеціалистъ музыкальнаго дѣла»,

стремившійся регламентировать музыкальное творчество согласно законамъ собственной теоріи. Объявивъ себя позитивистомъ и марксистомъ, Рославецъ высмѣивалъ «душу музыки» и самъ писалъ бездушную, формалистическую музыку по строгому «научному» рецепту, — гораздо болѣе сложному, чѣмъ Скрябинская практика, послужившая ему исходнымъ пунктомъ. Его доктрина, расчитанная на тѣсный кругъ «знатоковъ формальнаго совершенства», очутилась, однако, въ такомъ же противорѣчіи съ лозунгомъ совѣтскаго режима: «музыка — массамъ», какъ и доктрина «формалистовъ» въ литературѣ. Для рабочихъ клубовъ надо было писать совсѣмъ иную музыку, и самому Рославцу пришлось сильно упростить свой музыкальный языкъ въ своихъ «революціонныхъ произведеніяхъ». Противники его тотчасъ замѣтили, что Рославецъ «сражается самъ съ собой, опровергая своей кантатой «Октябрь» то, что онъ написалъ ранѣе». И Рославца ждала судьба литераторовъ-формалистовъ. Болѣе посчастливилось другому музыкальному алхимику, Болеславу Яворскому, — Переверзеву совѣтской музыки. Свою теорію музыкальнаго «тяготѣнія», на которой онъ построилъ объясненіе ладовъ, Яворскій имѣлъ возможность преподавать въ музыкальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ она была сдѣлана обязательной. У него оказалось, благодаря этому, большое количество учениковъ, и одно время вся музыкальная молодежь раздѣлилась на два лагеря — «явористовъ» и «антиявористовъ» (какъ это было и со школой Переверзева, см. выше стр. 410, 420). Но Яворскій не могъ дать примѣровъ, которые бы доказали превосходство его теоріи, а его ученики (изъ нихъ болѣе выдаются Мелкихъ и Протопоповъ) были связаны по рукамъ и ногамъ тысячью и однимъ мелочнымъ предписаніемъ его эсотерическаго ученія. Однако же, писать музыку надо было спѣшно — и писать надо было просто, удовлетворяя спѣшному заказу на доступную массамъ музыку. И тутъ на помощь властямъ пришли другіе, подготовленные предыдущимъ режимомъ и способные приспособиться къ новымъ требованіямъ, второстепенные композиторы. А. Острецовъ въ обзорѣ за 1928 г. отмѣчаетъ, что «такіе композиторы, какъ Г. Лобачовъ, Д. Васплій Буглай, К. Корчмаревъ, раньше другихъ отозвались на запросы массъ и на дѣлѣ съумѣли показать, въ какомъ направленіи и какъ слѣдуетъ работать». Эти представители «рабочаго направленія» ведутъ «войну съ эстетизмомъ импрессіонистскаго толка, съ искусствомъ чистыхъ самодовлѣющихъ формъ». Лобачевъ пишетъ «для хоровыхъ коллективовъ» четко-графичныя вещи, съ «твердой увѣренной ритмичной поступью», съ «горячими» концовками трубныхъ фанфаръ», на тему «Зовъ мятежный», «Пѣсня побѣдная», «Стройтесь въ шеренги», «Маршъ рабфаковцевъ» и т. д. Корчмаревъ,

«внѣшне болѣе связанный съ корсаковскими традиціями, тѣмъ не менѣе также стремится «интенсифицировать показъ общественнаго отношенія человѣка къ дѣйствительности» — и пишетъ такія «характерныя» вещи, какъ «Паровозъ С. 15» или «Комсомольская чехарда». Но обозрѣватель все же признаетъ, что «осовѣтизація попутчиковъ есть глубоко сложный и трудный процессъ». «Чары Дебюсси все еще владѣютъ умами», и «французскія тяготѣнія тѣхъ же Лобачева и въ еще большей мѣрѣ, Корчмарева — фактъ». Насколько трудно положиться на этихъ «старшихъ», видно изъ примѣра Артура Лурье, декадента и неоимпрессіониста, одного изъ піонеровъ «ультра-хроматической» музыки въ четверть тона, который сперва попалъ въ комиссары отъ музыки — и въ этомъ званіи диктаторствовалъ, а потомъ оказался въ Парижѣ. Тѣ же оговорки надо отнести и къ Золотареву (р. 1873) ученику Римскаго-Корсакова и члену кружка Бѣляева, замѣнившаго разложившуюся «кучку», къ Гліеру, Ипполитову-Иванову и т. д. Больше надеждъ коммунисты возлагаютъ на «композиторскій молоднякъ», который «идетъ экспериментальнымъ путемъ, пробуя свои произведенія на эстрадахъ рабочаго клуба». «Таковы В. Бѣлый, Чемберджи, А. Давиденко, С. Клячко, Коваль, З. Левина и др.».

Несомнѣнно, соціальный переворотъ, приблизившій низы къ верхамъ, даетъ и музыкѣ новыя возможности, которыхъ она не имѣла въ эпоху эстетскихъ салоновъ. Рабочія массы хотятъ и требуютъ музыки — и не только музыки своихъ прежнихъ «частушекъ». Тотъ же обозрѣватель отмѣчаетъ, что «Ярославна отъ станка», «Маргарита» текстильщица, или «Фаустъ» деревообдѣлочникъ «смѣло ставятъ въ рабочихъ поселкахъ и «Князя Игоря», и «Русалку», и «Карменъ». Другіе, подъ девизомъ «Назадъ къ Бетховену, ибо онъ былъ революціонеръ», ставятъ въ Днѣпропетровскѣ «Фиделіо» и финалъ девятой симфоніи. За отсутствіемъ новой подходящей музыки приходится выбирать изъ стараго репертуара. Совѣтскій радіо прибѣгаетъ даже къ передачамъ музыкальныхъ программъ заграничныхъ станцій. Конечно, все это должно оказывать вліяніе и на выборъ направленія новымъ поколѣніемъ композиторовъ. Какое же направленіе будетъ избрано? Нѣкоторый отвѣтъ на это даетъ тріумфъ Прокофьева и громадный успѣхъ его музыки въ совѣтской Россіи. Бодрая, молодая, понятная, — таковы реквизиты, осуществляемые Прокофьевымъ.

Но, конечно, тутъ есть и другая сторона, ставшая особенно чувствительной, какъ и въ другихъ отрасляхъ искусства, вслѣдствіе политики Сталина. Музыкальныя объединенія (имѣется, напр., «Ассоціація пролетарскихъ музыкантовъ», издающая свой органъ «Пролетарскій Музыкантъ» и др.) зорко слѣдятъ за созданіемъ «музыки

политически-благонадежной» (выраженіе упомянутаго обозрѣвателя). «Совѣтская установка музыки... все болѣе дифференцируется», какъ и всѣ другія цѣлевыя «установки». Между журналомъ Рославца («Музыкальная Культура») и «Пролетарскимъ музыкантомъ», напр., происходитъ острая полемика по этому самому поводу. «Когда Ассоціація наша» — разсказываетъ «П. М.», — «вступила въ борьбу съ лѣвымъ фразерствомъ (Рославца), Художественный Отдѣлъ Главнауки, призванный руководить художественными организаціями и учрежденіями, осудилъ эту позицію Ассоціаціи». Ассоціація обвинялась именно «въ недооцѣнкѣ достиженій европейской и русской музыки послѣднихъ десятилѣтій и въ переоцѣнкѣ классической музыки». Тогда собрался «пленумъ» Ассоціаціи и 28 октября 1928 г. постановилъ считать правильнымъ «взглядъ ВАПМ на современное *буржуазное* музыкальное творчество, какъ на творчество, въ основномъ, упадочное». Эта ссылка на «буржуазность» новой музыки подѣйствовала. Главискусство собралось и 9 марта 1929 г. вынесло иное постановленіе: «считать, что непримиримая борьба Ассоціаціи съ вліяніемъ на нашу молодежь со стороны упадочной буржуазной музыки — а также пропаганда Ассоціаціей лозунговъ необходимости учебы (Рославецъ предлагалъ «рѣшительно покончить съ багажемъ школы») въ первую очередь у *близкихъ намъ* композиторовъ прошлаго (Бетховенъ, Мусоргскій) — является особенно цѣннымъ въ ея дѣятельности». Конечно, «сходящій съ исторической сцены» Рославецъ не сдался. За него выступилъ товарищъ Блюмъ (Садко), который объявилъ Бетховена «отжившимъ старикомъ», а творчество Мусоргскаго — «достоевщиной». Значитъ, надо учиться у «утонченнаго, салоннаго, архибуржуазнаго Дебюсси», язвила Ассоціація. Затѣмъ, завѣдующій отдѣломъ искусствъ Логиновъ запретилъ прочтеніе по радіо доклада Ассоціаціи, выражавшаго ея мнѣнія. Ассоціація приняла и этотъ вызовъ — и задала Логинову строгій вопросъ: «извѣстны ли ему взгляды на искусство современной буржуазіи Ленина, Плеханова, Воронскаго, Меринга, Луначарскаго, раздѣляетъ ли онъ эти взгляды и если нѣтъ, то что онъ, Логиновъ, можетъ противопоставить этимъ взглядамъ»? («П. М.» 1930, № 1). Такъ ведется въ СССР. принципіальный теоретическій споръ. Въ этомъ-же родѣ журналъ слѣдитъ за «перевоспитаніемъ попутчиковъ», и записываетъ въ кондуитъ «прорывы». Заподозрѣнные отвѣчаютъ ему «порицаніями». Въ составѣ антагонистовъ «П. М.» и защитниковъ новой музыки оказывается при этомъ вся вышеназванная музыкальная молодежь. Словомъ, создается атмосфера, которая объясняетъ намъ, почему подлинные художники замолкаютъ, пишутъ «для себя» и т. д. Составъ среды, прикосновенной къ музыкѣ, дѣйствительно,

«дифференцируется», т. е. происходитъ то же, что мы наблюдали въ области литературы и въ другихъ областяхъ искусства (ср. выше, стр. 450-451, 576, 596-597).

Общія руководства по исторіи русской музыки см. въ «Очеркѣ исторіи музыки въ Россіи» **З. Дурова,** приложенномъ въ видѣ отдѣльныхъ главъ къ «Руководству къ изученію музыки» **Доммера,** Москва 1884. Перепелицына, Исторія музыки въ Россіи, СПБ. 1889 и **Сакетти,** главы 49-53, въ его «Очеркѣ всеобщей исторіи музыки» СПБ. 1891. См. также *Soubies,* Histoire de la musique en Russie, Paris, 1898 (внѣшній перечень фактовъ, съ иллюстраціями). Къ сожалѣнію, я не могъ пользоваться издаваемой въ СССР. работой **Н. Ф. Финдейзена.** Очерки по исторіи музыки въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ до конца XVIII вѣка, въ двухъ томахъ, съ иллюстраціями и нотами. О древнѣйшей народной и церковной музыкѣ см. **Д. В. Разумовскаго,** Объ основныхъ началахъ богослужебнаго пѣнія православной греко-россійской церкви въ Сборникѣ на 1866 г., изд. Обществомъ древнерусскаго искусства при Моск. публичномъ музеѣ. Рядъ статей **Разумовскаго, кн. Одоевскаго** и др. въ Трудахъ 1 археологическаго съѣзда въ Москвѣ, т. II, М. 1871. Также статью **кн. Одоевскаго** въ «Каликахъ-Перехожихъ» **П. Безсонова** и статьи **Стасова** «о демественномъ и троестрочномъ пѣніи» въ т. III Сочиненій. Новыя работы использованы въ общемъ очеркѣ *Johannes Wolf,* Handbuch der Notationskunde, I Theil, Tonschriften des Alterthums und des Mittelalters, Leipzig, 1913 (8-й томъ серіи Kleine Handbücher der Musikgeschichte nach Gattungen hg. von *Hermann Kretschmar*). Работа **Оскара фонъ Риземана** издана отдѣльно у Брейткопфа и Гертеля: Die Notationen des Alt-Russischen Kirchengesanges. Дальнѣйшія указанія см. во Всеобщей Исторіи музыки **Е. М. Браудо,** т. I, до конца 16 вѣка. СПБ. 1922, Госизд. Сжатое популярное изложеніе исторіи церковной музыки сдѣланное знатокомъ предмета см. въ книгѣ А. В. **Преображенскаго:** Культовая музыка въ Россіи, изд. Academia СПБ. 1924 (Росс. инст. ист. искусствъ)). О пятитонной гаммѣ см. брошюру **А. С. Фаминцына.** Древняя индокитайская гамма въ Россіи и Европѣ, съ особеннымъ указаніемъ ея проявленія въ русскихъ народныхъ напѣвахъ, СПБ. 1889. О зачаткахъ многоголосія въ русской народной пѣснѣ см. «Русскія пѣсни, непосредственно съ голосовъ народа записанныя и съ объясненіями изданныя» **Ю. М. Мельгуновымъ,** М. 1879. Возстановленіе многоголосной пѣсни по фонографическимъ записямъ см. въ статьяхъ **Е. В. Гиппіусъ,** Крестьянское искусство СССР. Искусство Сѣвера, I. Заонежье и II. Пинежско-мезенская экспедиція, Academia, 1927. О періодѣ до Глинки, см.: Сборникъ истор. работъ И. Т. И. М. Музыка и музыкальный бытъ старой Россіи, т. I. На грани XVIII и XIX столѣтій. Academia, 1927 (Рядъ солидныхъ изслѣдовательскихъ работъ **Б. В. Асафьева, А. Н. Римскаго-Кор-**

сакова, **В. А. Прокофьева, А. В. Финагина, А. В. Дружинина).** Свѣдѣнія о старой оперѣ въ Россіи см. у **Всеволода Чешихина,** Исторія русской оперы (съ 1674 по 1903 г.), 2-е исправл. и дополн. изданіе Юргенсона, М. 1905. **Ц. А. Кюи,** Русскій романсъ, СПБ. 1896. Русскій романсъ, изд. Academia, 1930, сборникъ статей подъ ред. **Б. В. Асафьева.** О новой русской музыкѣ см. хронику **В. Стасова** и его біографіи Глинки и Мусоргскаго въ III томѣ Сочиненій. Прекрасно составленныя біографіи Глинки, Даргомыжскаго и Сѣрова, съ вступительной статьей о русской музыкѣ до Глинки, см. въ т. I *Oskar von Riesemann,* Monographien zur Russischen Musik, München, Drei Masken Verlag, 1923. Второй томъ этихъ монографій цѣликомъ посвященъ Мусоргскому, тамъ же, 1926. «Эстетико-тематическіе разборы «Жизни за Царя» и «Руслана и Людмилы» **К. Чернова** изданы Юргенсономъ М. 1907 и 1908. **Ник. Финдейзенъ,** біографіи А. Н. Сѣрова, изд. Юргенсона, 2-е изд. 1904; Н. А. Римскаго-Корсакова, изд. Бесселя, 1908. Н. А. Римскій-Корсаковъ„ Лѣтопись моей музыкальной жизни, подъ ред. и съ дополненіями **Андрея Римскаго-Корсакова** М. Госизд. 1928. См. также біографіи композиторовъ русской школы, составленныя **П. Трифоновымъ** въ «Вѣстникѣ Европы»: Даргомыжскаго (1886, I-II), Бородина (1888, X-XI), Римскаго Корсакова (1891, V-VI), Мусоргскаго (1893, XII). Слѣдъ вліянія Мусоргскаго за-границей сказался въ монографіи *Pierre d'Alheim,* Moussorgski, Paris 1896. См. также: **В. В. Березовскаго:** Русская музыка, критико-историческій очеркъ національной музыкальной школы въ ея представителяхъ, СПБ. 1898. **Ю. Энгель,** Очерки по исторіи музыки, изд. Клочкова, 1911. О новой музыкѣ за-границей, см. Das neue Musiklexikon, nach dem Dictionary of Modern music and Musicians hgb. von A. Eaglefield-Hull übersetzt und bearbeitet von *Alfred Einstein,* Berlin Max Hessen Verlag, 1926 (статьи о русскихъ композиторахъ Б. Ф. Шлецера, Виктора Бѣляева и Calvocoressi) и **его же** новое двухтомное изданіе Musiklexikon Riemann'a. Интересно составленъ Cobbet's Cyclopedic Survey of Chamber Music (статьи о русскихъ композиторахъ Л. Сабанѣева, А. Лурье, Н. Финдейзена, Виктора Бѣляева, Calvocoressi и издателя), съ тематическимъ анализомъ. Два тома, Oxford Univ. Press. 1929-1930. *Paul Bekker,* Neue Musik. Deutsche Verl. Anst. 1923, сборникъ статей. Изданія «Мелоса» (Melosbücherei): Baendchen 1, *Hans Mersmann,* Die Tonsprache der neuen Musik, mit zahlreichen Notenbeispielen, 1930. Baendchen 2, *Heinz Tiessen,* Zur Geschichte der jüngsten Musik, 1913-1918, 1928, Melosverlag, Mainz. О вліяніи упомянутыхъ въ текстѣ открытій Гельмгольца (натуральные обертоны) на новую музыку, см. Auguste Laugel, La voix, l'oreille et la musique, Bibliotheque de philosophie contemporaine, Paris, 1867. О развитіи современнаго оркестра см. книгу *L. Coerne,* The Evolution of Modern Orchestration, N. J. Macmillan, 1908. Манифестъ **Ферруччо Бузони** переиздавался неоднократно: я пользовался 2-мъ изданіемъ Insel-Verlag zu Leipzig, Entwurf einer neuen Aesthetik der

Tonkunst. О русской музыкѣ новѣйшаго періода см. работы **Л. Сабанѣева:** Всеобщая исторія музыки, М. 1925; **его же** Исторія русской музыки, М. 1924; Музыка послѣ октября, 1922. Всѣ изданы «Раб. Просв.». **Его же** «А. Н. Скрябинъ», М. 1922 и Записи Скрябина (изд. Б. Ф. Шлецеромъ въ «Русскихъ Пропилеяхъ», томъ 6-й, М. 1919 (нѣмецкій переводъ Alexander Skrjabin, Prometheische Phantasien, übersetzt und eingeleitet von Oskar Riesemann, 1924). Igor Stravinsky par Boris de Schloezer въ серіи (La musique moderne) Paris 1929. Stravinsky, Paul Collaer, Bruxelles, éd. «Equilibres». Сборникъ статей и біографія В. Г. Каратыгина изданы гос. инст. исторіи искусствъ. 1927. «В. Г. Каратыгинъ». О Прокофьевѣ см. статьи Игоря Глѣбова въ сборникѣ программъ «Персимфансъ, Концерты 1926-1927 гг.». Много интересныхъ наблюденій собрано В. Друскинымъ: Новая фортепіанная музыка, «Тритонъ», Ленинградъ, 1928. Статьи Острецова, Демьянова и Чемоданова и хронику музыкальной жизни за 1928 г. см. въ «Ежегодникѣ литературы и искусства на 1929 годъ, Изд. Комм. Академіи, М. 1929. Modern Russian Composers by Leonid Sabaneyeff New-York, International Publishers 1927: рядъ талантливыхъ портретовъ современныхъ русскихъ композиторовъ, начиная съ Танѣева, Рахманинова, Гречанинова и кончая младшими современниками, въ СССР. и въ эмиграціи. Характеристики не лишены преувеличеній, мѣтко схватываютъ преобладающія черты каждаго.

ОЧЕРКЪ СЕДЬМОЙ. ШКОЛА И ПРОСВѢЩЕНІЕ.

I.

ПРАВОСЛАВНАЯ ШКОЛА ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Разница взглядовъ на образованность древней Руси. — Грамотность стариннаго духовенства. — Совѣты Геннадія и рѣшенія Стоглаваго собора. — Рѣшенія собора 1666-1667 гг. — Постепенное расширеніе понятія объ образованіи. — Грамматика и «свободныя знанія». — Программа православной школы въ Югозападной Руси. — Кіевская академія. — Взглядъ на чтеніе и на «свободныя знанія» въ Москвѣ. — Попытки устройства школы въ Москвѣ подъ вліяніемъ преній о вѣрѣ. — Возобновленіе этихъ попытокъ подъ вліяніемъ борьбы съ расколомъ. — Школа Полоцкаго и направленіе Славинецкаго. — Полемика ихъ учениковъ по поводу латинскаго и греческаго языковъ. — Рѣшительная борьба при Ѳедорѣ и компромиссъ. — Латинская школа съ греческими преподавателями. — Академія, какъ средство борьбы противъ религіознаго вольномыслія. — Латинское преподаваніе Лихудовъ и ихъ судьба.

Кажется, ни по одному вопросу нашей внутренней исторіи не существуетъ такой рѣзкой разницы во мнѣніяхъ, какъ по вопросу о роли школы и образованія въ древней Руси. Тогда какъ одни считаютъ существованіе школъ до Петра — рѣдкимъ исключеніемъ, другіе, наоборотъ, покрываютъ всю до-петровскую Русь цѣлой сѣтью церковно-приходскихъ училищъ. Одни признаютъ древнюю Россію чуть не поголовно безграмотной, другіе готовы считать распространеніе грамотности обязательнымъ и повсемѣстнымъ. По мнѣнію многихъ, вся наука нашихъ предковъ ограничивалась часословомъ и псалтиремъ, между тѣмъ, какъ, по мнѣнію другихъ, на Руси преподавалась вся средневѣковая энциклопедія «свободныхъ знаній». Источники даютъ намъ слишкомъ мало свѣдѣній, чтобы можно было съ ихъ помощью доказать вѣрность того или другого взгляда. Но весь контекстъ явленій русской культуры говоритъ скорѣе въ пользу перваго взгляда, чѣмъ въ пользу послѣдняго. Конечно, одно молчаніе источниковъ само по себѣ — не есть еще

доказательство отсутствія въ до-петровской Руси правильной школы. Но и существованія этой школы въ древней Руси отнюдь нельзя доказать при помощи тѣхъ косвенныхъ показаній, которыя подбираются защитниками того мнѣнія, что до-петровская Русь уже стояла на высокой степени просвѣщенія. Чтобы доказать это свое положеніе, имъ приходится понимать *буквально* общія мѣста древнихъ житій, выводить *просвѣтительную* дѣятельность церкви изъ показаній о ея *благотворительной* дѣятельности, опираться при этомъ на толкованія въ этомъ смыслѣ *позднихъ* и сомнительныхъ источниковъ (Степенная книга, Татищевъ) и, наконецъ, умозаключать о древне-русской педагогіи на основаніи постановленій *византійскихъ* и даже западныхъ властей. При помощи этихъ методическихъ вольностей, упомянутая теорія получаетъ рядъ показаній въ свою пользу. Разбирать ихъ здѣсь мы не можемъ; скажемъ только, что всѣ эти показанія перевѣшиваются совершенно безспорными противоположными данными, о которыхъ мы сейчасъ и напомнимъ.

Мы не будемъ пока говорить объ образованіи, а лишь о простой грамотности. Не будемъ разбирать и степени грамотности *всего* населенія (относительно которой никакія статистическія утвержденія невозможны); ограничимся лишь той частью населенія, для которой грамотность была ремесломъ, т. е. древнимъ русскимъ духовенствомъ. Если мы найдемъ, что даже *это* сословіе долго не имѣло никакихъ средствъ достигнуть хотя бы простой грамотности, то этотъ фактъ самъ по себѣ покажетъ, какъ мы должны судить объ образованіи другихъ сословій древней Руси.

Рядъ свидѣтельствъ о грамотности стариннаго духовенства открывается извѣстнымъ уже намъ показаніемъ новгородскаго архіепископа Геннадія (стр. 20). Мы знаемъ то зло, противъ котораго пришлось Геннадію бороться*); теперь познакомимся со средствами борьбы. Обращаясь къ митрополиту Симону (конецъ XV и начало XVI в.), Геннадій убѣдительно проситъ его «печаловаться» передъ государемъ, «чтобъ велѣлъ училища учинити». — «Мой совѣтъ, — прибавляетъ онъ, — учить въ училищѣ прежде всего азбукѣ, словамъ подъ титломъ да псалтырю: когда это изучатъ, тогда уже можно читать и всякія книги. А то мужики-невѣжки учатъ ребятъ — только портятъ. Сперва онъ научитъ его вечернѣ, и за это приносятъ мастеру каши да гривну денегъ. То же полагается и за заутреню, а за часы — плата особая. Сверхъ того, даются еще по-

*) «Земля, господинъ, такова: не можемъ найти, кто бы гораздъ былъ грамотѣ», жалуется архіерею паства, приведшая къ нему для посвященія безграмотнаго священника.

минки, кромѣ условленнаго магарыча. А отойдетъ (такой ученикъ) отъ мастера, — ничего и не умѣетъ, только бредетъ по книгѣ.. Нельзя вѣдь иначе постигнуть смыслъ книги, какъ выучивши азбуку да титла». Мы видимъ, что «мастера» — педагоги древней Руси — умѣли натаскивать кандидатовъ въ священство прямо съ голоса, минуя хитрую науку грамоты. Сообразно практической цѣли такого обученія, и содержаніе его состояло исключительно изъ зубренія наизустъ важнѣйшихъ церковныхъ службъ. Въ выучку шелъ, конечно, человѣкъ взрослый, а не ученикъ, и «мастеръ» обучалъ его не въ школѣ, а съ глазу на глазъ, получая, по условію, свою плату за каждую вытверженную службу особо. Такимъ образомъ, правильное обученіе азбукѣ, въ правильно-устроенной школѣ, оставалось во времена Геннадія идеаломъ даже въ такой, наиболѣе просвѣщенной части тогдашней Россіи, какою была Новгородская область.

Прошло полвѣка послѣ совѣтовъ Геннадія, но его идеалъ все еще не сдѣлался дѣйствительностью. На Стоглавомъ соборѣ тѣ же жалобы повторялись чуть не слово въ слово. По прежнему, кандидаты въ дьяконство и священство «грамотѣ мало умѣютъ», и когда святители ихъ «о томъ истязаютъ съ великимъ запрещеніемъ, почему мало умѣютъ грамотѣ», имъ приходится выслушивать старый отвѣтъ. «Мы-де учимся у своихъ отцовъ или у своихъ мастеровъ, а *инде де намъ учитъся негде;* сколько отцы наши и мастера умѣютъ, столько и насъ учатъ». И дѣйствительно, — сознаются члены собора, — отцы ихъ и мастера сами такъ же мало умѣютъ и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ, и учиться имъ негдѣ. Соборъ постановилъ, какъ извѣстно, устроить въ домахъ лучшихъ *городскихъ* священниковъ училища, въ которыхъ бы проходилась «грамота, книжное письмо, церковное пѣніе и налойное чтеніе». Въ составъ учениковъ должны были входить, главнымъ образомъ, дѣти духовенства. Не возбранялось и «всѣмъ православнымъ христіанамъ» отдавать въ эти училища своихъ дѣтей. Но цѣль обученія оставалась прежняя, чисто профессіональная: «чтобы имъ (ученикамъ), пришедъ въ возрастъ, достойнымъ быти священническаго чина».

Мы не знаемъ, что было сдѣлано для исполненія распоряженій собора. Судя по общему оживленію религіознаго и литературнаго интереса въ XVI вѣкѣ, можно думать, что число учащихъ и учащихся грамотѣ возросло къ началу слѣдующаго столѣтія. Можетъ быть, въ большихъ городахъ, вродѣ Москвы и Новгорода, и въ крупныхъ монастыряхъ, вродѣ Сергіевской Лавры, и сдѣланы были попытки устроить правильную элементарную школу. Но въ об-

щемъ — положеніе дѣла измѣнилось мало. Маржеретъ могъ говорить въ началѣ XVII вѣка, что «невѣжество русскаго народа есть мать его благочестія: онъ не знаетъ ни школъ, ни университетовъ; одни священники наставляютъ юношество чтенію и письму, но, впрочемъ, и этимъ занимаются немногіе».

Прошло еще полвѣка послѣ Маржерета. Расколъ показалъ русскому обществу, что невѣжество, дѣйствительно, было матерью русскаго благочестія въ его старинной формѣ. Соборъ, осудившій расколъ, снова поднялъ вопросъ о грамотности: не о грамотности народа, а лишь о грамотности духовенства. Но въ 1666-1667 гг. этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ еще менѣе радикально, чѣмъ въ 1551 году. Вмѣсто увѣренности Стоглава, на этотъ разъ въ рѣшеніяхъ собора чувствуется горькое сознаніе безсилія. Объ устройствѣ училищъ нѣтъ болѣе и рѣчи. «Повелѣваемъ, чтобы всякій священникъ *дѣтей своихъ* научилъ грамотѣ», рѣшаетъ соборъ, исходя изъ установившагося факта наслѣдственности духовныхъ мѣстъ. «Пусть они будутъ достойны воспріятія священства и наслѣдуютъ церковь и церковное мѣсто, а не торгуютъ ими, предоставляя посвящаться во священство сельскимъ невѣждамъ, изъ которыхъ иные даже и скота не умѣютъ пасти, не то что людей. Отсюда и происходятъ въ церкви Божіей мятежи и расколы».

Мы увидимъ далѣе, что было сдѣлано для элементарнаго образованія духовенства въ XVIII вѣкѣ. Но, предваряя наше изложеніе, мы уже теперь можемъ сказать, что добиться поголовной грамотности священнослужителей и этому вѣку не удалось. Вытѣсненное изъ городовъ, безграмотное духовенство продолжало существовать въ селахъ; цивилизованное въ центрѣ, оно оставалось невѣжественнымъ на окраинахъ. Еще въ 1786 году оказалось въ одной казанской епархіи 381 человѣкъ священно- и церковнослужителей «въ чтеніи неисправныхъ, а другихъ и совсѣмъ читать по книгѣ, пѣть и писать не умѣющихъ».

Такъ стоялъ вопросъ о *низшемъ* образованіи класса, для котораго грамотность была необходимой принадлежностью профессіи. Естественно, что церковь, не имѣвшая возможности обезпечить правильнаго школьнаго образованія даже собственнымъ членамъ, тѣмъ менѣе могла воздѣйствовать посредствомъ школы на свѣтское общество. Любознательные и въ концѣ XVII вѣка, какъ при Геннадіи, должны были, чтобы научиться грамотѣ, искать себѣ «мастера».

Характернымъ образомъ, потребность въ правильной организаціи *средняго* и *высшаго* образованія выяснилась для духовной и свѣтской власти скорѣе, чѣмъ потребность въ элементарной школѣ. Что простая грамотность можетъ быть достигнута безъ посредства

школы, — этотъ взглядъ какъ-то вошелъ у насъ въ привычку. Первоначально, ничего другого, казалось, и не нужно для образованія, кромѣ простой грамотности. Научившись читать, русскій любитель просвѣщенія отважно погружался затѣмъ въ море рукописей и печатной литературы. Смыслъ ея казался ясенъ безъ всякой предварительной подготовки, и русскій читатель быстро превращался въ начетчика.

Мало-по-малу стало, однако, выясняться, что одной грамоты мало даже для того, чтобы достигнуть ближайшей цѣли русскаго читателя: чтобы узнать *силу* въ писаніи. Начали ходить слухи о какой-то грамматикѣ, о необходимости различать части рѣчи и предложенія и т. п. Для людей, обладавшихъ секретомъ новой науки, старый начетчикъ былъ уже невѣжда и «неукъ». Исправленіе книгъ скоро показало однимъ — всю пользу грамматики, другимъ — всю ея опасность. Начетчикъ и представитель грамматической хитрости должны были сдѣлаться врагами. Въ XVI вѣкѣ господствующее положеніе принадлежало начетчику. Въ первой половинѣ XVII вѣка оно перешло къ сторонникѣ грамматическаго ученія, а начетчикъ очутился въ оппозиціи (стр. 43-44).

Итакъ, рядомъ съ грамотой стала теперь въ образовательной программѣ грамматика. Но грамматика, въ свою очередь, была только исходнымъ пунктомъ для преподаванія дальнѣйшихъ предметовъ средневѣковой школы. По выраженію одного документа конца XVI вѣка, она служила «основаніемъ и подошвой всѣмъ свободнымъ хитростямъ». Кругъ этихъ «свободныхъ знаній», преподававшихся въ школѣ послѣ чтенія и письма, перешелъ черезъ Климента и Оригена къ средневѣковому христіанству отъ грековъ и римлянъ. За грамматикой слѣдовала здѣсь діалектика и реторика; всѣ вмѣстѣ, эти словесные предметы составляли одну группу, такъ-называемое **trivium**. Послѣ прохожденія «тривіальныхъ» знаній, наступала очередь слѣдующей, математической группы, состоявшей ихъ ариѳметикѣ, геометріи, астрономіи и музыки (**quadrivium**). Всѣ «семь искусствъ» служили въ древности подготовкой къ «философіи». У Оригена сама философія является подготовкой къ богословію. При дальнѣйшемъ упрощеніи, въ основу религіознаго образованія была положена одна только первая, словесная или тривіальная группа (грамматика, діалектика и реторика). Съ прибавкой философіи и богословія эта группа и составила средневѣковую программу средней и высшей школы, перенесенную іезуитами въ XVI в. изъ западной Европы въ Юго-западную Россію.

Эта программа завоевала себѣ признаніе не безъ борьбы даже въ южно - русскомъ обществѣ, хотя это общество и было гораздо

болѣе подготовлено къ воспринятію средневѣковой европейской науки, чѣмъ жители Московскаго государства. Въ отпоръ новымъ научнымъ стремленіямъ представители западно - русскаго православія создали цѣлую теорію, въ силу которой любовь къ знанію представлялась измѣной вѣрѣ, развитіе ума вело къ погибели души. Православный полемистъ усматривалъ въ этихъ стремленіяхъ — одну гордость и напоминалъ, что гордость была первороднымъ грѣхомъ Рима. Гордость побудила Римъ искать опоры въ человѣческомъ разумѣ, вмѣсто священнаго писанія, и обращаться за развитіемъ разума «во тьму поганскихъ наукъ», къ Аристотелю и Платону. Не «въ художествѣ высшаго наказанія» (т. е. высшаго образованія) заключается сила духа, а въ «вѣрѣ смиренномудрія», — этотъ тезисъ формулированъ еще на рубежѣ XVI-XVII в. полемистомъ Іоанномъ Вишенскимъ. Западный раціонализмъ увлекателенъ, но спасти можетъ одна восточная вѣра. «Унія, по славянски *юная,* — говоритъ Вишенскій, — дѣйствительно, на видъ красна и чудна, разумомъ хитра и мудра, — но эта юная вѣра есть ложная и непостоянная, отъ человѣческаго мудрованія вымышленная». Напротивъ, старая православная вѣра, «хотя на видъ некрасива и противна, разумомъ глупа и не хитра, обычаемъ проста, ветха и неубрана, но зато это — коренная, неподвижная, прочная вѣра, отъ Христа-фундатора основанная». Такимъ образомъ, истинная православная наука должна быть «оградой благочестію, препятствующей благочестивому помыслу выходить самомнѣнной думой извнутри православной мысли на дворъ за ограду, гдѣ звѣрь ереси живетъ и слабоумныхъ прельщаетъ и похищаетъ». Сообразно такой задачѣ, Вишенскій попытался создать, въ противоположность старой, испытанной программѣ западной школы — новую православную программу. Грамматику и этотъ писатель принужденъ былъ признать «ключомъ» всего остального школьнаго преподаванія. Но онъ хотѣлъ прямо отъ нея перейти къ изученію религіозныхъ предметовъ, минуя всѣ остальныя латинскія «хитрости». «Лживую діалектику, учащую претворять бѣлое въ черное и черное въ бѣлое», онъ предлагалъ замѣнить часословомъ; «вмѣсто хитрорѣчивыхъ силлогизмовъ и велерѣчивой реторики» — проходить псалтырь; наконецъ, «вмѣсто философіи, научающей разумную мысль скитаться по воздуху», — изучать октоихъ. Послѣ часослова, псалтиря и октоиха Вишенскій прямо совѣтовалъ переходить къ «дѣятельному», т. е. нравственному богословію и къ изученію евангелія и апостола «съ толкованіемъ простымъ, а не хигрымъ».

Совѣты Вишенскаго не могли быть, однако, приняты на югѣ. Для борьбы съ католицизмомъ южно-русское общество нуждалось

въ такой схоластической выучкѣ, какой не могла дать школа, устроенная по программѣ Вишенскаго. Поэтому, первый въ Россіи богословскій факультетъ, Кіевская духовная академія, учрежденная въ исходѣ первой четверти XVII вѣка, приняла полную программу «свободныхъ знаній». Вскорѣ послѣ своего основанія академія принуждена была даже усилить дозу латыни въ ущербъ греческому языку.

За отсутствіемъ другихъ подобныхъ учрежденій, Кіевская академія надолго оставалась единственнымъ разсадникомъ духовныхъ лицъ, обладавшихъ высшимъ богословскимъ образованіемъ. Москвѣ пришлось дожидаться высшей богословской школы еще болѣе полувѣка. Правда, еще при утвержденіи патріаршества (1591) восточные патріархи настаивали на поднятіи уровня духовнаго образованія. И Борисъ Годуновъ, по сообщеніямъ иностранцевъ, сдѣлалъ было попытку основать въ Москвѣ богословскій факультетъ. Но попытка оказалась преждевременной. Посланные Борисомъ для подготовки къ профессорской дѣятельности заграницу 16 человѣкъ предпочли тамъ остаться. И духовенство убѣдило Бориса отказаться отъ своего намѣренія приводя тотъ доводъ, что иначе разрушится неприкосновенность вѣры въ Россіи и единство вѣры во всѣхъ сословіяхъ.

Только въ 30-хъ годахъ XVII столѣтія воспитанники Кіевской академіи стали, наконецъ, появляться и въ Москвѣ. Ихъ пришлось приглашать въ качествѣ эспертовъ по исправленію книгъ и переводчиковъ съ греческаго и латинскаго. Какъ принимали здѣсь этихъ выученниковъ латинской школы, мы уже знаемъ (стр. 44). Въ Москвѣ не только «свободныя знанія» казались подозрительными, но даже и простое начетничество не всѣмъ казалось безвреднымъ. «Не читайте много книгъ», говорили москвичи; «вотъ такой-то отъ книгъ съ ума сошелъ, а другой въ книгахъ зашелся, а третій въ ересь впалъ». Понятно, что здѣсь должны были отнестись къ новымъ наукамъ латинской школы еще враждебнѣе, чѣмъ отнесся къ нимъ Вишенскій. «Не высокоумствуйте, братіе», читаемъ въ одномъ памятникѣ, «но въ смиреніи пребывайте... Если кто тебѣ скажетъ: знаешь ли философію, — ты ему отвѣчай: еллинскихъ борзостей не текохъ, ни *риторскихъ астрономъ* не читахъ, ни съ мудрыми философы въ бесѣдѣ не бывахъ, — учусь книгамъ благодатнаго закона, аще бы можно моя грѣшная душа отъ грѣхъ очистить». Такимъ образомъ, высшей наукѣ противопоставляется христіанское смиреніе, теоретической работѣ мысли — дѣятельное богословіе.

Еще въ концѣ XVII в., однако, были выставлены возраженія противъ такой постановки вопроса. «Полезнѣе ли намъ учиться грамматикѣ, реторикѣ, философіи и богословію — и оттуда познавать

божественныя писанія, или же, не учась этимъ хитростямъ, *въ простотѣ* Богу угождать и изъ чтенія познавать разумъ святыхъ писаній?» Такъ формулировано основное недоумѣніе русскаго ревнителя вѣры въ заглавіи одной статьи 80-хъ годовъ XVII столѣтія*).

Статья старается устранить это недоразумѣніе. Простота бываетъ двоякая, отвѣчаетъ авторъ статьи на поставленный вопросъ. Одна простота есть незлобіе (т. е. извѣстное нравственное состояніе), а другая — невѣжество. Можно сочувствовать «простотѣ» нравственной — вполнѣ совмѣстимой съ образованіемъ — и бороться противъ «простоты» умственной или невѣжества. Невѣжество — это тьма, ослѣпляющая очи ума, а ученіе — ясный лучъ, разрушающій тьму и просвѣщающій естественное зрѣніе человѣческаго разума.

Раньше, чѣмъ подѣйствовали на русскаго человѣка эти теоретическіе доводы, онъ долженъ былъ убѣдиться въ необходимости высшей науки чисто-практическими соображеніями. Мы видѣли, какъ въ преніяхъ съ датчанами о вѣрѣ**) пришлось обратиться къ помощи южно-русской богословской литературы и замѣнить русскаго начетчика кіевскимъ богословомъ. Московская церковь попала въ этомъ случаѣ въ то самое положеніе, въ которомъ постоянно находилась южная и которе привело къ самому основанію кіевской академіи. Естественно, что и въ Москвѣ сталъ теперь на очередь вопросъ о высшей богословской школѣ. Еще за четыре года до споровъ съ датчанами, въ 1640 г., самъ преобразователь кіевской академіи, митрополитъ Петръ Могила, прислалъ въ Москву предложеніе: основать въ Москвѣ монастырь изъ монаховъ кіевскаго монастыря съ тѣмъ, чтобы эти монахи учили «грамотѣ греческой и славянской». Митрополитъ благоразумно умолчалъ о «латинской» грамотѣ, но, конечно, и она имѣлась въ виду.

Въ 1640 г. предложеніе Петра Могилы осталось безъ послѣдствій. Но нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ преній о вѣрѣ, правительство новаго царя Алексѣя принимается за усиленную просвѣтительную

---

*) Вишенскій формулируетъ дилемму нѣсколько иначе. «Не лучше ли тебѣ изучить часословъ, псалтырь, октоихъ, апостолъ и евангеліе съ прочими, нужными для церкви (знаніями) и быть простымъ богоугодникомъ и жизнь вѣчную получить, — чѣмъ постигнуть Аристотеля и Платона и философомъ мудрымъ въ сей жизни зваться, — и въ геену отойти?» Сравненіе его формулы съ нашей можетъ показать, насколько потребность въ богословскомъ образованіи чувствовалась юго-западной Русью въ началѣ XVII вѣка сильнѣе, чѣмъ сѣверо-восточною — въ концѣ.

**) См. выше, стр. 109-110, 185.

дѣятельность. Московскій печатный дворъ начинаетъ усиленно выпускать учительныя и учебныя книги*). Новое предложеніе (1645) случайно подвернувшагося палеопатрасскаго митрополита Θеофана — завести *греческую* школу удостоивается вниманія. Рекомендованный Θеофаномъ учитель, преподававшій греческій языкъ въ кіевской академіи, переводится, хотя и не надолго (до 1647 г.), въ Москву. Одновременно съ этимъ и идея *латинской* школы пускаетъ корни. Правительство предполагаетъ поручить «реторическое ученье» греку Арсенію, рекомендованному іерусалимскимъ патріархомъ. Предположеніе это, повидимому, не осуществляется, и Арсеній остается въ Москвѣ только въ роли переводчика. Зато въ то же время (1648-1649) осуществляется идея Петра Могилы. Царскій любимецъ Θ. М. Ртищевъ создаетъ на свои средства новый монастырь (Андреевскій, близъ Воробьевыхъ горъ) и населяетъ его южно-русскими монахами. «Хотящіе внимати» новому ученію могли теперь, подъ руководствомъ ртищевскихъ монаховъ, не только научиться «грамматикѣ словенской и греческой», но дойти «даже до реторики и философіи». Первымъ изъ добровольцевъ оказался самъ Ртищевъ; но, кромѣ него, были у андреевской братіи и другіе вольнослушатели. Двое изъ нихъ добились даже съ помощью Ртищева разрѣшенія доучиться по латыни въ Кіевѣ. Ихъ примѣру готовы были послѣдовать и другіе москвичи, несмотря на усиленныя отговариванія своихъ духовныхъ отцовъ. Конечно, въ то время нужно было много смѣлости и рѣшительности, чтобы проложить себѣ путь къ латинской школѣ. Даже среди самихъ московскихъ учениковъ кіевскихъ иноковъ упорно держалось убѣжденіе, что «кто по латыни научится, тотъ съ праваго пути совратится».

Такое отношеніе общества къ кіевской наукѣ сильно тормозило первые ея шаги въ Москвѣ. Начиная съ половины XVII в. на полтора десятка лѣтъ просвѣтительное движеніе какъ будто ослабѣваетъ. Новый и сильный толчокъ даетъ ему борьба съ расколомъ. Связь раскола съ отрицательнымъ отношеніемъ къ школѣ и къ образованію была слишкомъ ясна, чтобы можно было ее долѣе игнорировать. «Будь ты, мудрый латынникъ, съ своей вѣрой и мудростью, самъ по себѣ, а мы съ своей вѣрой и съ апостольской глупостью — сами по себѣ»: это изреченіе Вишенскаго буквально повторялось Аввакумомъ, какъ послѣдній, самый сильный аргу-

*) Въ предисловіи къ одному изъ этихъ изданій, къ грамматикѣ 1648 г., грамматика рекомендуется, «какъ первая и начальная изъ семи свободныхъ наукъ», и необходимость заниматься этими науками доказывается примѣромъ св. отцовъ. См. ниже, стр. 726.

ментъ. Пора было признать теперь хоть то, что готовъ былъ признать самъ Вишенскій, строгій аѳонскій монахъ. Такіе безспорные авторитеты, какъ греческіе святители, приглашенные для разбирательства домашнихъ споровъ, единогласно признавали, что главной причиной раскола является отсутствіе богословскаго образованія. «Искалъ я корня сего духовнаго недуга», говорилъ газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ въ своемъ опроверженіи соловецкой челобитной раскольниковъ, «и въ концѣ концовъ нашелъ два источника его: отсутствіе народныхъ училищъ и недостаточность библіотекъ... Если бы меня спросили, что служитъ опорой духовнаго и гражданскаго сана, то я отвѣтилъ бы: во-первыхъ, училища, во-вторыхъ, училища и въ третьихъ, училища. Изъ училищъ жизненный духъ разливается, какъ сквозь жилы, по всему тѣлу; это — орлиныя крылья, на которыхъ слава облетаетъ всю вселенную». И Паисій обращается къ царю съ увѣщаніемъ — создать училища греческаго, латинскаго и славянскаго языковъ. Изъ нихъ, обѣщаетъ онъ царю, какъ изъ троянскаго коня, выйдутъ христоименитые борцы. То же самое внушали царю и сами восточные патріархи. Отъ имени ихъ Симеонъ Полоцкій обратился къ Алексѣю Михайловичу съ церковнаго амвона (1666): онъ призывалъ предвѣчную мудрость вложить царю мысль объ училищахъ и уговаривалъ его «положить отнынѣ въ сердцѣ своемъ» это намѣреніе. Конечно, это означало, что дѣло уже рѣшено правительствомъ принципіально. Тотъ же Симеонъ сдѣлался руководителемъ школы, для которой за годъ передъ тѣмъ уже было отстроено даже отдѣльное помѣщеніе. Ученики въ школу назначены были на этотъ разъ самимъ правительствомъ. Это были четверо молодыхъ подъячихъ: трое дворцовыхъ и одинъ изъ приказа тайныхъ дѣлъ — извѣстный намъ Медвѣдевъ. Оффиціально, эти ученики командированы были въ школу Полоцкаго учиться «по латынямъ» и грамматикѣ. Можетъ быть, при этомъ у правительства была идея употребить впослѣдствіи ихъ знанія для государственныхъ и дворцовыхъ надобностей. Но, на дѣлѣ, кіевскій ученый вышелъ изъ этихъ рамокъ и преподалъ своимъ ученикамъ, болѣе или менѣе правильно, полный курсъ своей кіевской alma mater. Въ 1668 г. этотъ курсъ наукъ былъ законченъ. Ученики Полоцкаго отправлены были при посольствѣ Ордынъ-Нащокина въ Курляндію. Какъ студенты, они должны были кончать здѣсь свое ученіе; какъ чиновники, обязывались тайно наблюдать за дѣйствіями русскихъ пословъ.

Школа Полоцкаго, повидимому, и прекратила свое существованіе на этомъ первомъ выпускѣ. Но кіевская наука на этотъ разъ прошла для Москвы далеко не безслѣдно. Одинъ изъ учениковъ Си-

меона Полоцкаго, Медвѣдевъ, настолько проникся настроеніемъ учителя, что при первой возможности бросилъ столицу и свѣтскую карьеру, постригся въ одномъ провинціальномъ монастырѣ и скоро вернулся въ Москву ревностнымъ пропагандистомъ, какъ взглядовъ своего учителя вообще, такъ и идеи латинской богословской школы въ особенности. Эта идея, однако, продолжаетъ встрѣчать препятствія со стороны высшаго московскаго духовенства. Во главѣ протестующихъ противъ латинскаго типа школы становится кіевлянинъ же, но воспитанный кіевской академіей до реформы, произведенной въ ней (въ пользу латинскаго типа преподаванія) Петромъ Могилой. Это былъ именно Епифаній Славинецкій. Вызванный въ Москву для переводовъ съ греческаго, Епифаній не занимался учительствомъ, но успѣлъ также приготовить себѣ ревностнаго послѣдователя, совсѣмъ не ученаго, но очень усерднаго чудовскаго монаха Евѳимія. Какъ учитель, такъ и ученикъ много поработали надъ переводами съ греческаго и были ревностными приверженцами греческой богословской литературы.

Напротивъ, Симеонъ Полоцкій почти не зналъ греческаго языка и всю свою ученость почерпнулъ изъ латинскихъ католическихъ авторовъ. Чуждые русскимъ привычкамъ литературные пріемы должны были поражать русскаго читателя на каждомъ шагу въ его богословскихъ, проповѣдническихъ и поэтическихъ произведеніяхъ. Боги и герои классической древности, вводимые въ стихи и прозу, средневѣковыя астрономическія и космографическія свѣдѣнія, ссылки на западныхъ писателей и учителей церкви, на Августина и Ансельма, на Беллярмина и Баронія, подозрительно спокойное отношеніе къ основнымъ ученіямъ католичества, напр. о чистилищѣ, о чтеніи Символа Вѣры, и даже явная склонность къ такимъ католическимъ толкованіямъ, какъ, напр., о времени пресуществленія св. даровъ, — все это вызвало сильное недовѣріе ко всему направленію, представителемъ котораго явился Симеонъ и въ еще болѣе крайней степени — его ученикъ Сильвестръ Медвѣдевъ.

Что высшая богословская школа нужна въ Москвѣ, на это теперь готова была согласиться и партія Славинецкаго и Евѳимія. Вопросъ слишкомъ настойчиво ставился на очередь Медвѣдевымъ, чтобы можно было его замолчать. Но центральнымъ предметомъ спора между послѣдователями Епифанія и Симеона сдѣлался теперь вопросъ, въ какомъ направленіи должно было идти преподаваніе въ будущей школѣ. Орудіемъ для преподаванія программы «свободныхъ искусствъ» былъ латинскій языкъ. Но старомосковская православная партія старалась настоять, чтобы исключитель-

нымъ языкомъ, преподаваемымъ въ школѣ, былъ греческій. До насъ дошло два полемическихъ произведенія этого времени, усиленно доказывавшихъ, что для русскихъ необходима именно греческая школа. Изъ Греціи пришло на Русь христіанство; по-гречески написанъ былъ Новый Завѣтъ и большинство произведеній отцовъ церкви; греческій языкъ былъ языкомъ оригинальной античной литературы и науки; онъ гораздо «ближе и свойственнѣе» славянскому, чѣмъ латинскій; наконецъ, латинскій языкъ привелъ бѣлоруссовъ къ уніи и вообще ведетъ къ искаженію православнаго вѣроученія: таковы были аргументы, приводившіеся въ пользу введенія греческаго языка въ православную богословскую школу. Противники отвѣчали, что сами греки не могутъ обойтись безъ латинской науки, и лучше уже черпать ее въ первоисточникѣ. Въ спорахъ по этому поводу принялъ участіе даже самъ константинопольскій патріархъ, настойчиво предостерегавшій московскаго государя противъ увлеченія латинской школой.

Особенно обострились всѣ эти споры, когда, наконецъ, вопросъ объ открытіи высшей духовной школы, цѣлый вѣкъ дожидавшійся рѣшенія, сталъ при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ на практическую почву. Сильвестръ Медвѣдевъ «молилъ царя Ѳеодора... построить въ Москвѣ *академію*», очевидно, по образцу кіевской. Подъ рукой онъ рекомендовалъ царю и нѣсколькихъ кіевскихъ ученыхъ для преподаванія въ будущей академіи. Впрочемъ, и не дожидаясь открытія академіи, онъ добился отъ царя разрѣшенія возобновить школу Полоцкаго въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Въ 1682 г. школа была отстроена и Сильвестръ приступилъ къ преподаванію «грамоты, словенскаго ученія и *латыни*». Еще въ 1686 г. въ этой школѣ было 23 ученика. Но и сторонники греческой школы не дремали. Воспользовавшись прибытіемъ въ Москву изъ Палестины (1681) русскаго іеромонаха Тимоѳея, эта партія добилась открытія «на первый случай» греческаго училища при типографіи. Въ 1684-6 гг., въ этой школѣ было 200 учениковъ. Изъ нихъ 23 въ первый годъ, 54 во второй и 67 въ третій — учились «греческаго языка книжному писанію».

Такимъ образомъ, оба типа школы, греческій и латинскій, теперь существовали въ Москвѣ фактически. Надо было окончательно рѣшить, въ какомъ духѣ будетъ вестись въ Москвѣ высшее богословское преподаваніе. Сильвестръ мечталъ о преобразованіи въ академію заиконоспасской школы. Его противники, Іоакимъ и Евѳимій, усердно доказывали преимущества греческаго языка и вредъ латинской премудрости. Неожиданно для обѣихъ враждующихъ сторонъ явился и представитель третьяго, болѣе крайняго направ-

ленія, «философіи и ѳеологіи профессоръ», котораго самому Медвѣдеву пришлось уличать въ еретичествѣ: кальвинистъ Янъ Бѣлободскій, самъ себя предлагавшій въ учителя, скептикъ въ дѣлахъ вѣры и сторонникъ новой образованности, проникавшей къ намъ изъ Европы черезъ Польшу. Припомнимъ, что то было время, когда, по выраженію Медвѣдева, замѣчалось «въ царствующемъ градѣ въ вѣрѣ колебаніе и ереси прозябеніе отъ неискусныхъ нашей вѣры, римскія, люторскія и калвинскія книги на польскомъ языкѣ читающихъ». Нѣсколько лѣтъ спустя изъ такихъ «читателей люторскихъ и кальвинскихъ книгъ» сложился, какъ мы знаемъ, кружокъ Тверитинова. Естественно, что противъ этого направленія одинаково возстали обѣ споривпія въ Москвѣ партіи; оно и было тотчасъ же устранено. Между двумя другими, греческимъ и латинскимъ, правительство выбрало средній путь. Оно согласилось, наконецъ, принять болѣе широкую программу преподаванія, но исполненіе этой программы не захотѣло ввѣрить кіевлянамъ. Рекомендаціи Медвѣдева не только не были приняты во вниманіе, но въ уставъ будущей академіи введенъ былъ даже параграфъ, по которому кіевляне и впредь не могли быть преподавателями академіи. Запрещеніе это было, притомъ, сдѣлано въ такихъ выраженіяхъ, которыми прямо задѣвались и Симеонъ Полоцкій, уже покойный († 1680), и самъ Медвѣдевъ. Напротивъ, грекамъ открывался въ академію свободный доступъ. Несомнѣнно, такая редакція устава свидѣтельствовала о полной побѣдѣ Іоакима и греческой партіи. Однако, въ окончательномъ видѣ уставъ былъ врученъ царевнѣ Софьѣ (1685) Сильвестромъ Медвѣдевымъ. Послѣдній отплатилъ врагамъ кіевлянъ тѣмъ, что къ проекту устава сдѣлалъ прибавку, которою задѣвались, въ свою очередь, и греки. По этой вставкѣ и ихъ опредѣлялось испытывать въ вѣрѣ, чтобы не повторилась исторія митрополита Исидора. Это было, во всякомъ случаѣ, уже чисто платоническое удовлетвореніе обиженнаго самолюбія.

Выборъ преподавателей для вновь учреждаемой академіи правительство предоставило константинопольскому патріарху. Грамота съ этой просьбой была еще при жизни Ѳеодора, въ 1681 году, отправлена въ Константинополь. Въ 1685 году рекомендованные патріархомъ учителя, братья Іоанникій и Софроній Лихуды, получившіе высшее образованіе въ Венеціи и Падуѣ, пріѣхали въ Москву. Тогда же они начали обучать «греко-латинскому книжному писанію» болѣе подготовленныхъ учениковъ типографскаго училища. Въ 1687 году школа Лихудовъ была переведена во вновь отстроенныя въ Спасскомъ монастырѣ каменныя палаты. Съ этихъ поръ и упомянутыя выше два училища, латинское и греческое, перестали существо-

вать, передавъ своихъ учениковъ новоучрежденной «славяно-греко-латинской Академіи». При своемъ учрежденіи (конецъ 1687) Академія имѣла (кромѣ подготовительнаго русскаго класса, или «школы словенскаго книжнаго писанія», насчитывавшей 23 ученика) 76 учениковъ, которые распредѣлялись между тремя классами, каждое изъ двухъ отдѣленій: «нижней школой» («греческаго книжнаго писанія») — 27 чел.; «средними школами» («грамматичниками») — 35 чел.; «верхними школами второй статьи» (реторики) — 9 чел.; «верхними школами первой статьи» — 5 челов. По соціальному составу это были священники, іеродіаконы и монахи, князья, спальники, стольники и «всякаго чина москвичи» — вплоть до челядницевъ и сына конюха.

Итакъ, плоды долговременной пропаганды Полоцкаго и его ревностнаго ученика пришлось пожать старомосковской партіи. Въ лицѣ Лихудовъ Медвѣдевъ встрѣтилъ гораздо болѣе опасныхъ противниковъ, чѣмъ были для него патріархъ Іоакимъ, «человѣкъ добрый, но учившійся мало и рѣчей богословскихъ не знавшій», или даже Евѳимій, научившійся съ грѣхомъ пополамъ по-гречески «изъ лексиконовъ», «не младъ и не во училищѣ, но въ монастырѣ за медомъ, за пивомъ и за виномъ». Воспитанникамъ падуанскаго университета сразу удалось зарекомендовать и свое православіе и свою ученость. Они нашли латинскую ересь въ томъ самомъ ученіи Медвѣдева, въ которомъ до тѣхъ поръ даже его враги, Іоакимъ и Евѳимій, принуждены были признать, слѣдуя установившейся въ XVII в. практикѣ, истинно-православное мнѣніе. Рѣчь шла о пресуществленіи св. даровъ и поклоненіи имъ при словахъ Христа (см. выше, стр. 165). Патріархъ, разумѣется, очень радъ былъ возможности «подвигнуть въ помощь себѣ» противъ Медвѣдева такихъ сильныхъ союзниковъ, какъ Лихуды. При ихъ услужливомъ содѣйствіи, полемика противъ латинскихъ и кіевскихъ мнѣній (начатая, быть можетъ, уже до ихъ пріѣзда) приняла сразу (1686-89) тѣ обширные размѣры и тотъ острый характеръ, при которыхъ дѣло могло кончиться лишь рѣшительнымъ пораженіемъ одной изъ партій, боровшихся за вліяніе со временъ Полоцкаго. Въ результатѣ полемики, какъ мы видѣли раньше, старомосковская партія восторжествовала. Казалось, побѣда въ догматическомъ спорѣ должна была окончательно закрѣпить и побѣду старомосковской партіи въ школьномъ вопросѣ. Посмотримъ же, какъ въ дѣйствительности отозвалась вся эта борьба партій на дальнѣйшей постановкѣ въ Москвѣ высшаго богословскаго преподаванія.

Прежде всего, какъ мы уже замѣтили, обѣ боровшіяся партіи относились вполнѣ отрицательно къ проникавшему тогда въ

Москву религіозному вольномыслію. Какая бы изъ нихъ ни побѣдила, — результатъ, вѣроятно, былъ бы одинаковъ. Общій врагъ долженъ былъ быть истребленъ, и высшая школа облекалась для этой цѣли самыми широкими правами духовной цензуры. Со времени открытія академіи монополія обученія иностраннымъ языкамъ и свободнымъ наукамъ, по уставу, предоставлялась ей. Никто не могъ безъ разрѣшенія академіи держать у себя домашнихъ учителей греческаго, латинскаго, польскаго и др. языковъ, подъ страхомъ конфискаціи имущества. Одно это распоряженіе можетъ показать намъ, что подобные учителя были уже не рѣдкостью въ Москвѣ конца XVII вѣка. Далѣе, мы видимъ въ уставѣ академіи указаніе и на плоды ихъ ученія. Тѣмъ, кто не прошелъ школы «свободныхъ ученій», безусловно запрещалось держать у себя польскія, латинскія, нѣмецкія и иныя лютеранскія и кальвинистскія сочиненія, разсуждать о вѣрѣ и вступать, хотя бы частнымъ образомъ, въ религіозные споры, подъ страхомъ наказанія. За «иностранными учеными свободныхъ наукъ» академія должна была имѣть строгое наблюденіе; только съ ея одобренія подобныя лица могли оставаться на житье въ Россіи и вступать въ царскую службу. Подъ такой же надзоръ академіи отдавались иновѣрцы, перешедшіе въ православную вѣру. Всякое ихъ колебаніе въ вѣрѣ наказывалось ссылкой на Кавказъ и въ Сибирь, а за сохраненіе прежнихъ религіозныхъ убѣжденій полагалось сожженіе. Сожженіе угрожало и тѣмъ, кто держалъ у себя «волшебныя, чародѣйныя, гадательныя и всякія отъ церкви возбраняемыя» книги, и тѣмъ, кто на пиру или въ какой бы то ни было обстановкѣ порицалъ православную вѣру, критиковалъ почитаніе иконъ, мощей, святыхъ и т. д. и, наконецъ, тѣмъ, кто переходилъ изъ православной вѣры въ другую. Наблюденіе за всѣми этими опасностями, грозившими православію, возлагалось на академію.

Вотъ въ какой обстановкѣ и при какихъ предосторожностяхъ «свободныя науки» сдѣлались у насъ впервые предметомъ оффиціальнаго школьнаго преподаванія. Выражаясь словами историка Соловьева, «Московская академія — это цитадель, которую хотѣла устроить для себя православная церковь при необходимомъ столкновеніи своемъ съ иновѣрнымъ Западомъ; это не училище только, — это страшный инквизиціонный трибуналъ. Произнесутъ блюстители (директора) съ учителями слова: виновенъ въ неправославіи, —и костеръ запылаетъ для преступника». Что это были не простыя слова и не пустыя угрозы, объ этомъ свидѣтельствуетъ участь Квирина Кульмана (см. выше, стр. 115-116).

Однако же, намѣреніе монополизировать всякую свободную мысль и всякое высшее знаніе оказалось уже въ концѣ XVII сто-

лѣтія совершенно невыполнимымъ. Зло успѣло пустить слишкомъ глубокіе корни, чтобы можно было надѣяться на его полное уничтоженіе. «Цитадель» не могла выдержать напора окружающей жизни уже по одному тому, что врагъ былъ въ самой цитадели. Какъ ни скромна была доза просвѣщенія и науки, предлагавшаяся на первый разъ русскому обществу, но и она стояла въ противорѣчіи съ привычнымъ міровоззрѣніемъ старины. Господствующая партія это чувствовала съ самаго начала: не даромъ она отстранила вовсе кіевскихъ ученыхъ и согласилась оставить подъ сомнѣніемъ греческихъ; не даромъ и отъ принятыхъ на службу учителей академическій уставъ требовалъ присяги на вѣрность православію и грозилъ имъ также сожженіемъ, если, вопреки присягѣ, они будутъ предлагать толкованія, ведущія къ «усумнѣнію восточной вѣры», или приравняютъ православную вѣру другимъ, или даже будутъ ставить иныя вѣры выше русской.

Лихуды, съ своей стороны, старались преподавать Аристотеля «согласно съ религіей и православіемъ». Западные схоластическіе пріемы они вносили въ свои курсы въ возможно умѣренной степени. Но при всемъ томъ, преподаваемая ими наука была схоластическая, — потому что никакой другой науки и не существовало въ то время ни въ западной, ни въ восточной школѣ. Понятно, что Лихудамъ, при всей ихъ покладливости и при всѣхъ усиліяхъ «оставить всякія буесловства» въ сторонѣ, все-таки не удалось удовлетворить требованіямъ старо - московской партіи, чтобы въ академіи преподавались однѣ только «благочестивыя науки». И они подверглись скоро упрекамъ въ томъ, что, вмѣсто простой грамматики, «забавляются около физики и философіи»; и имъ въ укоръ ставилось преподаваніе латинскаго языка, на которомъ они читали лекціи для высшихъ курсовъ.

Итакъ, побѣда консервативной партіи не помѣшала латинской программѣ проникнуть въ высшую школу. Это было совершенно естественно, такъ какъ высшей школы съ чисто греческой программой нигдѣ не существовало — и не откуда было ее заимствовать. Старая партія, — враждебная, въ сущности, всякой школѣ, — могла сдѣлать теперь только одно для своей собственной побѣды: именно, взять назадъ и тѣ уступки, которыя она сдѣлала умѣренному направленію. Она такъ и поступила, тѣмъ болѣе, что на этомъ настаивалъ и самъ константинопольскій патріархъ. Вмѣсто прежнихъ похвалъ Лихудамъ, онъ теперь сравнивалъ ихъ съ Іудой предателемъ и требовалъ ихъ отставки. «Вы насъ презрѣли», писалъ онъ имъ лѣтомъ 1693 года: «вы учите латинскому языку, чтобы ввести въ простыя души латинскія беззаконія». Надо учить по-гречески, а не по латыни, и преподавать одну грамматику «и

иныя ученія» (патріархъ самъ хорошенько не знаетъ, какія, — только не физику и философію). Въ концѣ 1694 г. Лихуды были, дѣйствительно удалены, — раньше чѣмъ отъ реторики, логики и физики (естественной философіи) успѣли довести своихъ учениковъ до высшаго класса — богословія. Преподаваніе въ академіи передано было на время ихъ недоучившимся ученикамъ и ограничено одними грамматическими предметами, которые, кажется, преподавались по тетрадкамъ тѣхъ же Лихудовъ. На нѣсколько лѣтъ академія пришла въ полное запустѣніе. Въ этомъ случаѣ опять проявилась та черта стараго московскаго направленія, съ которой мы уже встрѣчались раньше. Выступая противъ новшествъ, хотя бы и самыхъ умѣренныхъ, это направленіе ничего не могло предложить взамѣнъ ихъ, и такимъ образомъ достигало результатовъ, діаметрально противоположныхъ своимъ собственнымъ намѣреніямъ: оно открывало только дорогу болѣе крайнему направленію. Въ Москвѣ и въ Константинополѣ не хотѣли, чтобы латинскій языкъ и высшія знанія преподавались у насъ — хотя бы и грекомъ, хотя бы и между прочимъ. Но, такъ какъ, съ своей стороны, эти люди не могли дать никакой другой программы и никакого спеціалиста, способнаго выполнить ее, то въ концѣ концовъ, къ началу XVIII столѣтія преподаваніе перешло цѣликомъ въ руки сторонниковъ латинской школы.

Такимъ образомъ, старомосковская партія, какъ видимъ, не сумѣла воспользоваться собственной побѣдой и упустила послѣдній случай взять въ свои руки дѣло высшаго образованія въ странѣ. Пока она боролась противъ умѣренной реформы, время умѣренныхъ реформъ прошло безвозвратно. Заведенная вѣкомъ или даже полувѣкомъ раньше, московская школа, можетъ быть, могла бы сыграть свою роль въ руководствѣ отечественнымъ просвѣщеніемъ. Въ концѣ XVII вѣка ей пришлось уже только сопротивляться — и сопротивляться безуспѣшно — тѣмъ вліяніямъ, которыя руководили просвѣщеніемъ общества помимо нея. И даже въ этотъ критическій моментъ устроители этой школы были далеки отъ мысли о какихъ-либо уступкахъ, далеки отъ возможности — создать что-либо положительное, кромѣ простой работы разрушенія. Въ результатѣ, допетровское просвѣщеніе создалось помимо высшей школы, какъ допетровская грамотность развивалась помимо низшей. Въ томъ видѣ, въ какой московская академія пришла къ началу XVIII вѣка, — съ обрушившимся потолкомъ, съ развалившимися печами, съ учениками, лишенными возможности учиться, — эта академія представляла самую вѣрную картину того состоянія, въ которомъ находилась русская школа ко времени петровскихъ

реформъ. Не сдѣлавъ ничего для русскаго образованія, господствующая партія сама поставила преобразователя въ необходимость все дѣлать самому и все начинать сначала. Какъ и въ другихъ намъ извѣстныхъ случаяхъ, древняя Русь не завѣщала здѣсь новой Россіи никакой культурной традиціи. Вотъ почему и здѣсь новое водворилось такъ легко и оказалось такъ чуждо старому.

Для этого и слѣдующаго отдѣла см. главы II и VII Исторіи русской литературы **А. Н. Пыпина.** т. I Спб, 1898. Сравнительно высокую степень образованности древней Руси защищали **Н. Лавровскій** въ диссертаціи «О древне-русскихъ училищахъ», Харьковъ, 1854; **А. И. Соболевскій** въ актовой рѣчи «Образованность Московской Руси XV–XVII вѣковъ, Спб, 1892; **Владимірскій-Будановъ** въ статьяхъ въ «Журн. Мин-Нар. Просв.», 1873, октябрь и ноябрь. Ср. также рецензію **В. С. Иконникова** въ «Кіевск. Унив. Извѣстіяхъ» 1874 г. О программѣ православной школы Іоанна Вишенскаго и о характерѣ первоначальнаго преподаванія въ Кіевской академіи см. **Голубева,** «Исторія кіевской духовной академіи», т. I Кіевъ, 1886, и **Д-ръ Іван Франко** Иван Вишенській і его твори. Львів, 1895. Исторія московскихъ школъ XVII вѣка изложена въ статьѣ **Н. Ѳ. Каптерева** «О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ до открытія славяно-греко-латинской академіи» (актовая рѣчь въ моск. дух. акад. 1889 г.) О борьбѣ латинской партіи съ греческой по школьному вопросу см. также **Л. Майкова,** Симеонъ Полоцкій въ «Очеркахъ изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII стол.» и названное раньше сочиненіе **Прозоровскаго** о Сильвестрѣ Медвѣдевѣ. Уставъ славяно-греко-латинской академіи напечатанъ въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ Новикова, т. VI. О братьяхъ Лихудахъ см. статью «Энциклопед. Словаря» Эфрона, статью **Образцова** «Братья Лихуды» въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» 1867 г. и **Н. Ѳ. Каптерева,** «Сношенія іерусалимскаго патріарха Досиѳея съ русскимъ правительствомъ». М. 1891. Объ учебникахъ, составленныхъ Лихудами, о ихъ ученикахъ и о судьбѣ академіи послѣ нихъ, см. **С. Смирнова,** «Исторія московской славяно-греко-латинской академіи». М. 1855. Подробное изслѣдованіе о Лихудахъ и обо всѣхъ явленіяхъ, связанныхъ съ ихъ біографіями (объ академіи, о хлѣбопоклонной ереси и т. д.) принадлежитъ **М. Сменцовскому:** Братья Лихуды, Спб. 1899. Здѣсь же, въ приложеніи, напечатано цитированное въ текстѣ разсужденіе: «учитися ли намъ полезнѣе грамматикѣ» и т. д. Авторъ относитъ его къ концу 1684 или началу 1685 г.

II

СОСТОЯНІЕ ЗНАНІЙ ДО ПЕТРА.

Состояніе знаній въ допетровской Руси. — Математическія знанія: ариѳметика, геометрія (землемѣріе), астрономія и астрологія. — Естественно-историческія знанія: физіологъ, гуморальная теорія, лѣчебники и травники. — Книжные источники народной мудрости. — Историческія знанія: хронографы, самостоятельныя произведенія. — Словесныя знанія: буквари, грамматика, діалектика и реторика, отношеніе къ философіи. — Энциклопедія древней Руси: «Азбуковникъ» двухъ видовъ.

Въ допетровской Руси не существовало, какъ мы теперь знаемъ, правильной школы. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы въ ней вовсе отсутствовали научныя знанія. За отсутствіемъ школы, знанія эти только пріобрѣтались частнымъ путемъ, посредствомъ чтенія или посредствомъ выучки у мастеровъ-спеціалистовъ. Потребность въ просвѣщеніи значительно опередила школу. Главнымъ образомъ, эта потребность вызывалась практической нуждой. Но до нѣкоторой степени, особенно къ концу XVII вѣка, здѣсь играла роль и любознательность. Откуда же получало допетровское общество свои научныя свѣдѣнія и каковъ былъ характеръ послѣднихъ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы уже не будемъ отдѣлять школьныхъ знаній отъ тѣхъ, которыя не входили въ программу школы. Тѣ и другія мы разсмотримъ въ порядкѣ наукъ, начиная съ математическихъ, переходя затѣмъ къ космографическимъ, естественно-историческимъ и антропологическимъ, и кончая гуманитарными.

По самой трудности усвоенія — математическія знанія принадлежали къ числу наименѣе распространенныхъ въ древней Руси; ихъ пріобрѣтали только по необходимости, и сами спеціалисты владѣли ими въ очень несовершенной степени. Самый способъ — изображать цифры буквами, заимствованный изъ Византіи, мѣшалъ русскимъ воспользоваться всѣми удобствами десятичной системы счисленія. Каждый цифровой знакъ могъ имѣть только одно значеніе, на какомъ бы мѣстѣ онъ ни стоялъ. Количества буквъ въ славянскомъ (точнѣе, греческомъ) алфавитѣ хватило на изо-

браженіе единицъ (отъ *а* до *и* съ прибавленіемъ *θ*), десятковъ (отъ *і* до *н* съ прибавленіемъ *ч*) и сотенъ (отъ *р* до кси съ прибавленіемъ ц). Но дальше уже приходилось прибѣгать къ условнымъ знакамъ. Для обозначенія тысячъ прибавляли къ каждой буквѣ черту внизу и влѣво, дважды нересѣченную; для десятковъ тысячъ ставили тѣ же буквы въ кругѣ, для сотенъ тысячъ — въ кругѣ изъ точекъ, для милліоновъ — въ кругѣ изъ черточекъ и т. д. Впрочемъ, къ письменному обозначенію крупныхъ чиселъ совсѣмъ и не приходилось прибѣгать на практикѣ.

Ближайшими практическими нуждами опредѣлился и составъ дальнѣйшихъ математическихъ знаній. Изъ четырехъ правилъ ариѳметики употреблялись на практикѣ преимущественно сложеніе и вычитаніе. Умноженіе и дѣленіе плохо давались нашимъ предкамъ. Но что давалось имъ еще труднѣе — это дроби. Единственными употребительными на практикѣ дробями были: половина, четверть и треть, пол-четверти, и пол-трети, пол-пол-четверти и пол-пол-трети и, наконецъ, пол-пол-пол-четверти и пол-пол-пол-трети. Всякую другую дробь старались выразить приблизительно, путемъ механическаго сопоставленія перечисленныхъ дробей. Въ совершенное смущеніе приходилъ древне-русскій грамотѣй, если дроби приходилось складывать или вычитать. Не зная приведенія къ одному знаменателю, онъ употреблялъ другой пріемъ: приравнивалъ наименьшую дробь единицѣ, остальныя выражалъ кратными числами и, такимъ образомъ, ему удавалось дѣйствіе надъ дробями замѣнять дѣйствіями надъ цѣлыми числами.

Таковъ былъ весь обиходъ русской практической ариѳметики, — едва ли, выработанный самостоятельно, а скорѣе, подсказанный средневѣковой Византіей. Рядомъ съ нимъ появились, однако, — вѣроятно еще въ XVI вѣкѣ, — болѣе подробные ариѳметическіе учебники, въ которыхъ уже излагались всѣ четыре дѣйствія какъ надъ цѣлыми числами, такъ и надъ дробями. Верхомъ премудрости въ этихъ учебникахъ являлась такъ называемая «золотая строка», или, по нашему, простое тройное правило. Составитель учебника съ большимъ энтузіазмомъ говорилъ о чудодѣйственной силѣ тройного правила, хотя внутреннія основанія этого чуда и оставались непонятны ему самому. Онъ зналъ только твердо, куда поставить разныя условія задачи и какія на этихъ мѣстахъ произвести дѣйствія: какъ вытекалъ изъ этихъ механическихъ манипуляцій правильный результатъ, — это было и для него самого весьма удивительно. Въ XVII вѣкѣ этотъ старѣйшій русскій учебникъ ариѳметики былъ еще разъ переработанъ сообразно практическимъ нуждамъ русскихъ читателей. Славянскія цифры уступили на этотъ разъ мѣ-

сто арабскимъ *); задачи на отвлеченныя числа были замѣнены болѣе наглядными и близкими къ житейскимъ потребностямъ задачами — на именованныя числа. Однако же, всѣ неуклюжіе рецептообразные пріемы прежняго учебника сохранились и въ новомъ. По прямой линіи отъ этого математическаго руководства XVII столѣтія происходитъ и первая печатная русская ариѳметика, скомпилированная воспитанникомъ московской академіи, Леонтьемъ Магницкимъ (1703).

Изъ другихъ отдѣловъ математики единственнымъ, извѣстнымъ въ древней Руси, была геометрія. Подъ геометріей, впрочемъ, разумѣлось совсѣмъ не то, что теперь проходится въ школѣ подъ этимъ заглавіемъ. Знакомство съ этой Эвклидовой геометріей было мало-по-малу утеряно къ началу среднихъ вѣковъ. Западная Европа вновь узнала Эвклида въ началѣ XII вѣка, когда онъ былъ переведенъ съ арабскаго на латинскій. Въ Россіи же элементы Эвклида оставались неизвѣстными до самаго Петра. Геометріей называлось, въ буквальномъ смыслѣ, искусство мѣрить землю. Правила этого искусства выработались древней практикой, основанной на самыхъ наивныхъ представленіяхъ о линейной геометріи. Не зная никакой теоріи, это примитивное землемѣріе систематически впадало при измѣреніи площадей въ цѣлый рядъ грубыхъ ошибокъ, одинаковыхъ въ древнемъ Египтѣ и Греціи, въ Римѣ и средневѣковой Европѣ. Къ этимъ ошибкамъ приводили самые пріемы измѣренія. Единственнымъ землемѣрнымъ орудіемъ была веревка; средствъ для измѣренія угловъ не было никакихъ. При этихъ условіяхъ, единственнымъ способомъ вычислить площадь оставалось — перемноженіе измѣренныхъ сторонъ. Площадь *всякаго* треугольника измѣрялась произведеніемъ одной стороны на половину другой (вмѣсто половины высоты на основаніе), т. е. искусственно приравнивалась площади прямоугольнаго треугольника съ соотвѣтствующими катетами. Площадь всякаго четыреугольника и даже круга — точно такъ же искусственно приравнивалась площади прямоугольника съ равнымъ перимет-

*) Арабскія цифры появляются впервые въ славянскихъ книгахъ, напечатанныхъ заграницей, въ Венеціи и въ Римѣ, съ 1611 года. Въ 1647 году издается первая книга съ арабскими цифрами въ московской типографіи. Но еще въ 1676 г. «цифирь» въ лѣчебникѣ Матвѣева заставила его обвинителей по всему его дому разыскивать эту «непотребную и противную закону Божію» книгу. Какъ непривычны были для читателей арабскія цифры еще во время Петра, видно изъ того, что, издавая въ 1702 г. дневникъ взятія Орѣшка, онъ не рѣшился выпустить все изданіе съ «цифирными числами» и половину велѣлъ отпечатать съ «русскими».

ромъ. Для этого въ неправильномъ четыреугольникѣ бралась средняя ариѳметическая длина двухъ противоположныхъ сторонъ и множилась на такую же полусумму двухъ другихъ сторонъ. Окружность круга прямо дѣлилась на четыре равныя части: двѣ изъ нихъ принимались за стороны равновеликаго квадрата и перемножались. Такимъ образомъ, древне-русскій землемѣръ разрѣшилъ по своему задачу о квадратурѣ круга. Естественно, что всѣ эти операціи давали совершенно фантастическіе размѣры измѣряемыхъ площадей. При измѣреніи объемовъ совершались такія же неточности; только здѣсь эмпирическая провѣрка была легче, чѣмъ при измѣреніи земель, и поэтому ошибка была введена, при помощи разныхъ практическихъ приспособленій, въ болѣе узкіе предѣлы. Кое-какія попытки исправить основанія разсчета дѣлались уже до Петра, но онѣ или оставались незамѣченными или даже приводили иногда къ болѣе крупнымъ ошибкамъ. До какой степени допетровская Русь была безсильна не только самостоятельно двинуть впередъ свою геометрію, но даже сознательно усвоить правила, полученныя изъ чужихъ источниковъ, — объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ всѣ рукописи, сохранившіяся отъ XVII вѣка. Во всѣхъ нихъ, безъ исключенія, первоначально - правильный текстъ и чертежи безнадежно искажены переписчиками, не понимавшими, очевидно, ни слова изъ того, что писали. Намъ даже трудно представить себѣ теперь, какъ изъ подобныхъ рукописей наши предки ухитрялись чему-нибудь научиться. Весьма вѣроятно, что большая часть ихъ пролежала на полкахъ безъ всякаго употребленія.

Такимъ образомъ, кромѣ началъ ариѳметики, всѣ остальные отдѣлы низшей математики ведутъ у насъ свое начало съ Петра. Выписанный имъ англичанинъ Фарварсонъ, учитель навигацкой школы, приготовилъ, съ помощью своихъ учениковъ, первые въ Россіи учебники геометріи (Эвклидовы элементы, 1719), алгебры и тригонометріи (1730). Тогда же изданы были первыя руководства «землемѣрія» (1708) и механики (1722).

Переходимъ къ астрономическимъ познаніямъ древней Руси. Единственнымъ, сколько-нибудь серьезно изучавшимся отдѣломъ астрономіи былъ отдѣлъ чисто-прикладной. И по религіознымъ, и по другимъ житейскимъ причинамъ древняя Русь нуждалась въ календарныхъ свѣдѣніяхъ. Для опредѣленія времени переходящихъ праздниковъ необходимо было знать «кругъ луны» и «кругъ солнца». Собственно, всѣ нужныя вычисленія были сдѣланы еще въ первые вѣка христіанства на все время до конца XV в. Съ окончаніемъ этой старой «Пасхаліи» въ 1480 годахъ ждали на Руси и кончины міра. Но такъ какъ міръ продолжалъ существовать, то пришлось соста-

вить и новую пасхалію. Впрочемъ, и независимо отъ составленія пасхаліи, — просто для того, чтобы умѣть пользоваться составленными таблицами, а также, чтобы разрѣшать самостоятельно частные хронологическіе вопросы, надо было знать нѣкоторые пріемы вычисленія. Эти-то пріемы, по обыкновенію, въ видѣ готовыхъ рецептовъ, иллюстрируемыхъ задачами, и излагаются, главнымъ образомъ, въ старинныхъ астрономическихъ руководствахъ.

По справедливому выраженію новѣйшаго изслѣдователя, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ «единственный примѣръ передачи Россіи Византіей отрасли физико-математическихъ знаній, заслуживающей это названіе и имѣющей научное значеніе». Въ другихъ отдѣлахъ той же астрономіи и космографіи Византія далеко отодвинула насъ назадъ сравнительно съ состояніемъ, достигнутымъ древне-греческой наукой. Египетскій монахъ VI столѣтія, Козьма Индикопловъ (т. е. пловецъ въ Индію) уже рѣшительно возставалъ противъ тѣхъ, которые «осмѣливаются схоластическими умозаключеніями объяснять фигуру и положеніе міра, которые доказываютъ сферическое и кругообразное движеніе неба и хотятъ геометрическими вычисленіями, на основаніи затменій солнца и луны, опредѣлить форму міра и фигуру земли». «Развѣ могутъ они дойти до своей мудрости иначе, какъ только посредствомъ измѣрительныхъ инструментовъ и продолжительныхъ изслѣдованій?», пренебрежительно спрашивалъ Козьма. «Конечно, они говорятъ нѣчто правдоподобное о солнечныхъ и лунныхъ затменіяхъ, но отъ этого міру мало пользы. Отъ подобныхъ знаній скорѣе рождается гордость». Напротивъ, самъ онъ, Козьма «не самъ собой, и не своими мнѣніями, а божественнымъ писаніемъ наученъ». Земля для него имѣетъ форму четыреугольной плоскости, длина которой вдвое больше ширины, потому что такова была форма престола въ святая святыхъ, устроеннаго Моисеемъ по подобію земли. Земля стоитъ на самой себѣ, потому что сказано: ты утвердилъ землю на ея основаніи. За предѣлами океана, окружающаго земную плоскость, есть еще земля, потому что писаніе говоритъ: кто перейдетъ за предѣлы моря, чтобы извести оттуда Бога? Тамъ былъ и рай; на краю этой земли поднимается высочайшая стѣна, которая сверху закругляется и образуетъ небесный сводъ. Тамъ, гдѣ стѣна начинаетъ закругляться, растянута на подобіе скатерти твердь и отдѣляетъ отъ земли небо, гдѣ живутъ Богъ и святые. Небесныя явленія производятся разумными силами. По Епифанію кипрскому (IV в.), это дѣлаютъ ангелы: они управляютъ движеніемъ свѣтилъ, они собираютъ трубами морскую воду, чтобы пустить ее въ видѣ дождя на землю. Оба только что названныхъ писателя, Козьма Индикопловъ и Епифаній, принадлежали къ числу авторитетовъ древней Руси въ области космографическихъ представленій.

Сравнительно съ этими понятіями было уже шагомъ впередъ, когда къ намъ стали проникать идеи средневѣковой европейской астрономіи и космографіи. Эти идеи были, правда, только грубымъ искаженіемъ теорій древнегреческихъ астрономовъ. Изъ семи гипотетическихъ «сферъ», т. е. математическихъ поверхностей, по которымъ движутся планеты согласно ученію древнихъ астрономовъ, средневѣковые ученые сдѣлали семь небесъ или матеріальныхъ оболочекъ, къ которымъ эти планеты прикрѣплены. Вмѣстѣ съ двумя небесами византійской науки (твердь и верхній небесный сводъ Козьмы) получалось девять небесъ, окружающихъ землю. Несмотря на грубую реальность такого объясненія, наука все-таки отъ него выигрывала больше, чѣмъ отъ богословско-астрономическаго метода Козьмы и Епифанія. Движеніе девяти небесъ, во всякомъ случаѣ, становилось при средневѣковомъ пониманіи правильнымъ и закономѣрнымъ. На такое новшество никакъ не могъ согласиться почитатель православной астрономіи, вродѣ напр. псковскаго монаха XVI вѣка, Филоѳея. Нельзя отказаться отъ мысли, что планетами управляютъ разумныя силы, двигающія ихъ по собственной волѣ, — возражалъ онъ; слѣдовательно, нельзя и допустить, что людямъ можетъ быть извѣстно движеніе планетъ.

Средневѣковая европейская наука не остановилась передъ такими сомнѣніями. Идею закономѣрности она не только допустила, но давно уже вывела изъ нея всѣ логическія послѣдствія. На закономѣрности движеній планетъ средніе вѣка построили цѣлую теорію о связи этихъ движеній съ развитіемъ человѣческой судьбы, — о вліяніи планетъ на людей. Отсюда явилась возможность предсказывать людскія происшествія по положенію планетъ относительно созвѣздій. Эта астрологическая сторона средневѣковой астрономіи становится извѣстной въ Москвѣ въ XVI столѣтіи и на первыхъ порахъ вызываетъ сильный протестъ. Противъ нея со всею энергіею ополчается Максимъ Грекъ, доказывая ея несовмѣстимость съ промысломъ Божіимъ и свободой человѣческой волп. По Іоанну Дамаскину, онъ готовъ допустить вліяніе звѣздъ на погоду, но не на человѣческіе поступки. «Если мы дѣлаемъ все по движенію звѣздъ, значитъ *по необходимости* поступаемъ такъ, какъ поступаемъ; а то, что происходитъ по необходимости, не можетъ быть ни добродѣтелью, ни грѣхомъ». И духовенство спѣшитъ осудить сочиненія и обычаи, въ которыхъ отразились астрологическія ученія, и занести ихъ въ списокъ запрещенныхъ церковью (стр. 288, 291). Напротивъ, Козьма Индикопловъ въ томъ же спискѣ получаетъ формальное одобреніе, и Максимъ Грекъ твердо держится его авторитета въ своихъ представленіяхъ о вселенной. «Если небо движет-

ся и влечетъ своимъ движеніемъ солнце, луну и звѣзды на западъ, — говоритъ онъ, — то, стало быть, богодухновенное писаніе ложно глаголетъ: поставилъ небо, какъ шатеръ или комару, т. е. твердо, неподвижно».

Въ слѣдующемъ XVII вѣкѣ кіевскіе ученые пріучили, однако, мало-по-малу, москвичей къ новымъ астрологическимъ теоріямъ. Первый изъ нихъ, Лаврентій Зизаній, еще подвергся въ 1627 году сильнымъ нареканіямъ за то, что ввелъ въ свое сочиненіе новыя для москвичей объясненія кометъ, затменій, небесныхъ круговъ, грома, молніи и т. д. Особенно смущало москвичей то обстоятельство, что для обозначенія созвѣздій Зизаній ввелъ названія «животныхъ звѣрей», т. е. знаки Зодіака. Звѣзды движутся не звѣрьми, а ангелами Божіими, говорили они, по своему понимая новое ученіе и защищая противъ него привычное старое. Прошло 43 года послѣ диспута Зизанія, и другой кіевлянинъ по образованію, Симеонъ Полоцкій, въ своемъ «Вѣнцѣ вѣры» развивалъ уже совершенно свободно ученія средневѣковой астрономіи. Надо прибавить, что Полоцкій раздѣлялъ и мнѣніе о вліяніи звѣздъ на людскую судьбу *). Онъ только выгораживалъ изъ этого вліянія свободу воли и нравственную отвѣтственность, оставляя на долю звѣздъ происхожденіе человѣческаго темперамента (ср. ниже, стр. 715-716):

Звѣзды въ человѣцѣхъ воли не повреждаютъ,
Токмо страстьми плоти нѣчто преклоняютъ.
Тѣмже на звѣзды вины нельзя возлагати,
Егда кто зло нѣкое привыкъ дѣяти.

Итакъ, идеи средневѣковой астрономіи и астрологіи проникали на Русь и оставались въ ней новыми въ теченіе XVI и XVII вѣковъ. Это было какъ разъ то время, когда на Западѣ тѣ же идеи стали терять кредитъ и быстро старѣли послѣ великихъ открытій Коперника, Кеплера, Галилея и Ньютона. На Руси имя Ньютона встрѣчается впервые въ устахъ Петра Великаго. Съ его времени Россія впервые обзавелась телескопами, инструментами и книгами, необходимыми для серьезныхъ астрономическихъ наблюденій. Однако же, старыя заблужденія не сразу потеряли силу. Въ географіи, напечатанной у насъ въ 1710 году, мнѣніе Тихо-де-Браге еще предпочиталось системѣ Коперника**). Въ астрологическія предска-

*) Извѣстно преданіе о томъ, что во время рожденія Петра — Симеонъ наблюдалъ созвѣздія и по яркой звѣздѣ, замѣченной имъ около Марса, предсказалъ Петру великое будущее.

**) Съ послѣднею познакомилъ русскую публику переводъ, въ 1717

занія на половину вѣрилъ еще и самъ Петръ, какъ видно изъ его собственноручныхъ замѣтокъ на старомъ отцовскомъ календарѣ 1670 года. Первые печатные календари, уступая вкусамъ публики, также сохраняли эти предсказанія — не только о погодѣ, но и о великихъ происшествіяхъ, имѣющихъ случиться; а самый первый изъ этихъ календарей (1708 года, послѣ котораго календари издавались ежегодно) такъ и сохранилъ въ народной памяти эту репутацію, вмѣстѣ съ несправедливой кличкой «Брюсова календаря». Въ 1719 году, наконецъ, появился первый научный календарь, составленный — «по меридіану и ширинѣ царствующаго града Санктъпитербурха» — русскимъ ученымъ, учившимся за границей, Алексѣемъ Изволовымъ. Авторъ предупреждалъ, что въ его работѣ «астрологія», т. е. назначиваніе о перемѣнѣ воздуха и прогностика или пророченіе предбудущихъ временъ... оставлено», и что это сдѣлано намѣренно, такъ какъ астрономія не можетъ дать подобныхъ предсказаній и помѣщеніе ихъ въ календаряхъ есть простое шарлатанство, «чтобы наполнить больше бумаги и достать отъ простого народу больше денегъ».

Переходимъ теперь къ естественно-историческимъ познаніямъ въ древчей Россіи. И въ этой области мы встрѣтимся съ тѣми же явленіями, какъ въ предыдущихъ. Новыя естественно-историческія свѣдѣнія проникаютъ въ Москву черезъ посредство кіевскихъ ученыхъ въ XVII вѣкѣ; но и эти «новыя» для Россіи свѣдѣнія оказываются заимствованными изъ средневѣковыхъ энциклопедій XIII — XV вѣка. А тотъ старый запасъ естественно-историческихъ свѣдѣній, который существовалъ до кіевскаго вліянія, пришелъ на Русь изъ Византіи въ томъ видѣ, въ какомъ сложился въ первые вѣка христіанства. Уже въ III вѣкѣ по Р. Х. складывается сборникъ свѣдѣній о звѣряхъ и каменьяхъ, получающій позже названіе «Физіолога». Въ основѣ этого сборника лежатъ наблюденія, сдѣланныя еще классическими авторами. Но выборка этихъ наблюденій составляется христіанскими писателями со спеціальной цѣлью — сопоставить ихъ съ текстами изъ Священнаго Писанія и подготовить такимъ образомъ матеріалъ для христіанской литературы и искусства. При

и 1724 гг., одного изъ произведеній Гюйгенса. Несмотря на старанія предисловія успокоить публику по поводу того, что «нашъ земной глобусъ... такъ зѣло малымъ зернышкомъ.... противъ солнца.... представленъ есть», книга въ свое время считалась богопротивною. Еще въ 1757 г. товарищъ директора московской типографіи, — бывшій ученикъ славяно-греко-латинской школы, — считалъ ученіе объ обращеніи земли кругомъ солнца — «сумнительнымъ» съ цензурной точки зрѣнія.

такомъ сопоставленіи образы звѣрей, часто и сами по себѣ фантастическіе (напр., единорогъ), получаютъ символическое значеніе, т. е. начинаютъ обозначать Христа или Божію Матерь, или какое-нибудь христіанское свойство и т. п. Приведемъ для наглядности примѣръ того, какъ «Физіологъ» воспользовался однимъ разсказомъ Юлія Цезаря *). «Естество слона таково: если упадетъ, не можетъ встать; не сгибаются у него колѣни. Когда онъ захочетъ спать, то засыпаетъ, прислонившись къ дубу. Охотники же, понимая слоновое естество, подпиливаютъ дерево. Когда слонъ, придя, обопрется о него, дубъ сломится и слонъ начнетъ ревѣть. Другой слонъ, услыхавъ, придетъ ему помогать и, не будучи въ состояніи помочь, упадетъ самъ, и закричатъ оба. Тогда придутъ 12 слоновъ; и тѣ не смогутъ поднять лежащаго, и снова всѣ возопіютъ. Послѣ же всѣхъ придетъ малый слоникъ, просунетъ хоботъ подъ лежащаго и подыметъ его. Естество же малаго слона таково: если покадишь или волосомъ, или костью его, гдѣ бы то ни было, — ни бѣсъ, ни змѣя туда не войдутъ. — Пришелъ великій слонъ: это значитъ *законъ,* — и не можетъ его (человѣка) поднять. И 12 слоновъ пришли и не могли поднять; а послѣ всѣхъ пришелъ святой разумный слонъ и поднялъ человѣка; самъ всѣхъ большій, онъ смирился и принялъ рабій образъ, чтобы всѣхъ спасти». Такъ зоологическое описаніе переплетается съ символическимъ толкованіемъ, и символъ даетъ первообразу цѣлебную силу (715). Въ этомъ случаѣ мы опять имѣемъ дѣло съ огромнымъ шагомъ назадъ отъ классической науки. Живое наблюденіе и здѣсь, какъ въ астрономіи, сознательно устраняется, и накопленный матеріалъ продолжаетъ употребляться лишь настолько, насколько онъ можетъ пригодиться для цѣлей религіозныхъ. «Слѣдуетъ изучать сочиненія языческихъ писателей», говорилъ еще Іоаннъ Дамаскинъ, «съ той цѣлью, чтобы и въ нихъ найти что-нибудь душеполезное». Это — какъ разъ тотъ рецептъ, по которому изъ разсказа Юлія Цезаря получился разсказъ «Физіолога».

Благодаря такому характеру «Физіолога», его сказанія съ самаго ранняго времени нашли обширное примѣненіе въ христіанскомъ творчествѣ. Отцы церкви употребляли ихъ въ своихъ описаніяхъ сотворенія міра («Шестодневахъ»), которыхъ уже въ III — VI вѣ-

*) De bello gallico, VI, 27: у лосей (cervus alces) «колѣни лишены связокъ и сочлененій: они не ложатся для отдыха, и если случится имъ упасть, не могутъ подняться и встать. Вмѣсто ложа служатъ имъ деревья: они прислоняются къ нимъ и такимъ образомъ отдыхаютъ. Охотники, замѣтивъ по слѣдамъ такое мѣсто, подкапываютъ или подрубаютъ деревья...; животныя, опершись о нихъ по привычкѣ, своей тяжестью валятъ надломленныя деревья и падаютъ вмѣстѣ съ ними».

кахъ появилось не менѣе дюжины. Воспользовался этими сказаніями и сокращенный разсказъ о ветхозавѣтныхъ событіяхъ, извѣстный подъ названіемъ «Толковой Палеи». И Шестодневы, и Палея — все это были глубоко уважавшіяся на Руси произведенія греческой религіозной литературы; въ ихъ сообществѣ перешелъ къ намъ свободно и «Физіологъ» и даже былъ разрѣшенъ оффиціально церковью, вмѣстѣ съ Козьмой Индикопловымъ. Но, несмотря на это разрѣшеніе, судьба «Физіолога» у насъ и на Западѣ была совершенно разная. На Западѣ свѣдѣнія «Физіолога» немедленно вошли въ круговоротъ средневѣковой мысли; «Физіологъ» разошелся въ такомъ количествѣ списковъ, что даже и до нашего времени ихъ сохранилась цѣлая сотня. Затѣмъ появились разныя передѣлки; уже въ XIII вѣкѣ съ латинскаго языка «Физіологъ» былъ переведенъ на національные языки Европы, вошелъ въ составъ средневѣковыхъ энциклопедій и т. д. У насъ «Физіологъ» раздѣлилъ судьбу многихъ другихъ произведеній, перешедшихъ изъ Византіи. Перенесенный къ намъ, вѣроятно, въ готовомъ переводѣ, черезъ посредство южныхъ славянъ, «Физіологъ» до XVI вѣка пролежалъ безъ движенія, извѣстный очень немногимъ. Поэтому онъ и сохранился всего въ трехъ полныхъ экземплярахъ и не оказалъ никакого вліянія ни на богословскую, ни, въ частности, на проповѣдническую литературу.

Когда началось, наконецъ, — въ XVI вѣкѣ — оживленіе духовной жизни въ Россіи, время греческаго «Физіолога» прошло. Южнорусскіе ученые, наѣхавшіе въ Москву въ XVII вѣкѣ, пользовались уже не старымъ «Физіологомъ», а прямо той новой формой, которую принялъ этотъ сборникъ на западѣ — формой средневѣкового «бестіарія». Любопытно, однако же, что и византійскій «Физіологъ» не отбрасывается просто въ сторону. За него продолжаетъ крѣпко держаться партія національной старины — старовѣры. Но, кромѣ того, является среднее теченіе, которое стремится удовлетворить новымъ запросамъ, не обращаясь къ новымъ источникамъ. Эта средняя партія беретъ «Физіологъ», какъ онъ былъ, но выбрасываетъ изъ него всѣ символическія толкованія, сохраняя только часть зоологическую и минералогическую. Само собою разумѣется, что ни это исправленное изданіе «Физіолога», ни даже западный «бестіарій» не могли вернуть естественно-историческихъ знаній на тотъ путь реализма, на которомъ когда-то стояла классическая наука, и на который стремилась стать наука новой Европы. Достаточно пересчитать животныхъ, вошедшихъ въ «Физіологъ», чтобы увидать, что элементъ чудеснаго, баснословнаго былъ уже въ самомъ выборѣ ихъ, а не только въ нравоучительныхъ толкованіяхъ ихъ «естества». Еще въ меньшей степени, чѣмъ матеріалъ средневѣковой ариѳметики — и даже еще меньше, чѣмъ матеріалъ средневѣковой астрономіи —

естественно-историческія знанія среднихъ вѣковъ могли перейти въ составъ новой европейской науки.

Но надо сказать, что ко времени Петра важнѣйшія открытія этой науки и на самомъ Западѣ были еще впереди. Въ ожиданіи ихъ, новый научный духъ проявлялся лишь въ накопленіи эмпирическихъ наблюденій надъ живой природой. Вотъ почему интересъ къ естествознанію могъ обнаружиться у самого Петра только въ формѣ собиранія всевозможныхъ «монстровъ» и «раритетовъ», которыми полны были тогдашніе европейскіе кабинеты «натуральной исторіи». Одинъ изъ такихъ кабинетовъ былъ даже цѣликомъ пріобрѣтенъ Петромъ въ 1715 году для его «кунштъ-каморы». Здѣсь находимъ «неизреченныхъ, чудественныхъ, странныхъ звѣрей», «весьма удивительныхъ фигурами гадинъ», «странныхъ птицъ» и иные «всякіе куріозитеты». Рядомъ съ этими, подчасъ очень богатыми, зоологическими, ботаническими, энтомологическими, минералогическими и даже палеонтологическими коллекціями встрѣчаемъ «удивительную машину» изъ Японіи, «любопытнаго мастерства распятіе» изъ Гишпаніи, судъ царя Соломона и т. д. Первымъ важнымъ послѣдствіемъ этого коллекціонерства было пробужденіе интереса къ изученію русской природы. Указъ 1718 года приказывалъ всѣмъ жителямъ государства приносить мѣстнымъ властямъ всякія диковинки, и опровергалъ, кстати, мнѣніе «невѣждъ», будто «уроды родятся отъ дѣйства дьявольскаго». Этотъ указъ былъ первымъ предвѣстникомъ научныхъ экспедицій, предпринятыхъ вскорѣ русскими академиками по Россіи и Сибири.

Помимо религіозныхъ примѣненій и удовлетворенія любознательности, естественно-историческія свѣдѣнія имѣли въ древней Руси важное прикладное значеніе. На нихъ основывалась, именно, наша старинная фармакопея. Но надо сказать, что сюда только что разобранные источники натуралистическихъ познаній внесли самую мутную струю. Еще въ срединѣ XVII вѣка ученые нѣмецкіе врачи продавали русскому правительству на вѣсъ золота «единорогови рога» (т. е. мамонтовы клыки) и чудодѣйственные камни, въ лѣчебную силу которыхъ сами добросовѣстно вѣрили. Къ этой же категоріи древнихъ суевѣрій, переданныхъ книжнымъ путемъ, относятся всевозможныя приворотныя зелья и симпатическія средства старинной медицины.

Здѣсь, впрочемъ, мы переходимъ въ область *антропологическихъ* познаній нашихъ предковъ. Прикладная, именно лѣчебная цѣль была въ этой области главной. Въ основѣ медицины лежало древнее ученіе о четырехъ основныхъ жидкостяхъ человѣческой природы, соотвѣтствующихъ четыремъ стихіямъ міра. Ученіе о четырехъ стихіяхъ уже въ Шестодневѣ Іоанна экзарха Болгарскаго

(X в.) доказывается книгой Бытія. Богъ создалъ *землю;* Онъ же сказалъ: да будетъ свѣтъ — т. е. *огонь*. Бездна, надъ которой носилась тьма — это *вода;* а духъ Божій, носившійся надъ водою, — это *воздухъ*. Дальнѣйшее развитіе ученія о стихіяхъ мы находимъ въ русскихъ рукописяхъ XV — XVI вв., гдѣ оно приписывается знаменитому древнему врачу Галену. Человѣкъ («малый міръ», т. е. микрокосмъ) устроенъ по образцу вселенной («большого міра», макрокосма). Міръ состоитъ изъ четырехъ вещей — огня, воздуха, земли и воды; малый міръ — человѣкъ — изъ четырехъ стихій: крови, мокроты (флегмы), красной желчи и черной желчи. Кровь подобна воздуху: мокра и тепла. Флегма подобна водѣ: мокра и студена. Красная желчь подобна огню — суха и тепла. Черная желчь подобна землѣ: суха и студена. Если всѣ стихіи находятся въ равновѣсіи, человѣкъ бываетъ здоровъ; если равновѣсіе ихъ нарушается, наступаетъ болѣзнь. Каждому возрасту и каждому времени года соотвѣтствуютъ свои болѣзни, которыя могутъ быть предупреждены соотвѣтственной діэтой. У отроковъ 15 лѣтъ «умножается кровь»; то же состояніе вызываетъ весна, потому что она тепла и мокра. «Въ юношѣ 30 лѣтъ умножается красная желчь, такъ же какъ и лѣтомъ, — потому что оно тепло и сухо». «Въ совершенномъ мужѣ, 45 лѣтъ, умножается черная желчь, какъ и осенью, потому что она суха и студена». Наконецъ, «въ старцѣ умножается флегма, сирѣчь мокрота, какъ и во время зимы, мокрой и студеной». Каждому изъ этихъ состояній соотвѣтствуетъ особое настроеніе: подвижное и легко мѣняющееся въ отрокѣ — отъ крови, бодрое и рѣшительное въ юношѣ — отъ красной желчи, «благостоятельное» въ зрѣломъ мужѣ — отъ черной желчи, тупое и печальное въ старцѣ — отъ флегмы. Отсюда одинъ шагъ до знаменитаго ученія о четырехъ темпераментахъ, сангвиническомъ, холерическомъ, меланхолическомъ и флегматическомъ. Это ученіе и развивается въ другомъ средневѣковомъ памятникѣ, «Луцидаріи», переведенномъ на славянскій языкъ съ нѣмецкаго въ XVI вѣкѣ. Сопоставленіе микрокосма съ макрокосмомъ ведетъ здѣсь прямо къ установленію зависимости человѣческаго темперамента отъ свѣтилъ. «Какая планета ближе къ душѣ человѣка (имѣющаго родиться), отъ той онъ и пріемлетъ рожденіе. Однѣ планеты и звѣзды — студенаго свойства, другія — влажнаго, третьи — сухого, четвертыя — горячаго. Тѣ же самыя естества получаетъ отъ звѣздъ и человѣкъ. Человѣкъ естества теплаго и влажнаго — бываетъ разговорчивъ и высказывается скоро (по предыдущему памятнику въ немъ преобладаетъ кровь, слѣдовательно, онъ сангвиникъ). Человѣкъ естества сухого и горячаго дерзокъ, храбръ и непостояненъ въ любви (красная желчь — холерикъ). Человѣкъ студенаго и сухого естества бываетъ молчаливъ и важенъ (черная

желчь — меланхоликъ). Наконецъ, человѣкъ естества студенаго и влажнаго — флегматикъ».

Всѣ эти сопоставленія и объясненія не только удовлетворяли теоретическому интересу, объединяя, по своему, понятія о мірѣ и человѣкѣ, но и давали также твердую опору для всевозможныхъ врачебныхъ и житейскихъ предписаній. Съ ихъ помощью опредѣлялось самымъ точнымъ образомъ, что когда нужно ѣсть и даже какія дѣла лучше всего предпринимать. Въ этомъ заключается объясненіе и тѣхъ календарныхъ совѣтовъ, которые являлись естественнымъ послѣдствіемъ основныхъ положеній средневѣковой астрологіи.

До практической медицины отсюда, конечно, еще было далеко. Это искусство издревле практиковалось у насъ по преимуществу иностранцами и шло первоначально съ востока. Уже въ XI — XII вв. мы встрѣчаемъ, въ качествѣ врачей, армянина, половчанина, сирійца. Въ концѣ XV вѣка эта восточная медицина замѣняется западной. Но первые представители ея въ Москвѣ, нѣмецъ и еврей, гибнутъ жертвой неудачнаго лѣченія своихъ высокихъ паціентовъ. Съ XVI вѣка вызовъ иностранныхъ врачей къ царскому двору становится постояннымъ. Въ 80-хъ годахъ этого вѣка заводится въ Москвѣ пріѣзжими англійскими медиками и первая аптека. Но то и другое, и врачъ и аптека, существовали только для двора и для приближенныхъ ко двору лицъ. Съ начала XVII вѣка правительство старается завести также военныхъ врачей въ полкахъ. Но только въ концѣ вѣка, послѣ пріѣзда 75 медиковъ, вызванныхъ Петромъ (1695 — 1697), военно-медицинская помощь становится сколько-нибудь замѣтной. Все остальное населеніе, не принадлежащее къ служилому составу, продолжаетъ лѣчиться своими средствами. Только въ 1672 году, послѣ устройства второй московской аптеки («Новой»), открыта была изъ нея вольная продажа лѣкарствъ. Въ 1687 году запрещено торговать сильно дѣйствующими средствами въ «зелейномъ» ряду; но случаи отравленія лѣкарствами, пріобрѣтенными этимъ путемъ, встрѣчались и позже (напр., въ 1700 г.).

Съ половины XVII вѣка въ московскихъ аптекахъ, на ряду съ иноземнымъ персоналомъ, являются и русскіе ученики, которыхъ правительство велитъ учить, ничего отъ нихъ не скрывая. Мы знаемъ, что аптека даже становится къ концу XVII вѣка однимъ изъ очаговъ вольнодумства. Что же перенимали русскіе аптекарскіе ученики въ области своей спеціальности? Повидимому, медицинскій персоналъ, попадавшій въ Москву, не принадлежалъ къ разряду людей, двигавшихъ науку на Западѣ. По крайней мѣрѣ, въ приспособленныхъ для русскаго употребленія руководствахъ XVII в. мы не находимъ того новаго духа, который оживлялъ анатомію со времени

Везалія, начавшаго впервые послѣ древнихъ изучать ее на трупахъ (1514 — 1564), и физіологію со времени Гарвея, открывшаго кровообращеніе (1578 — 1657). Русская наука XVII в. и въ этомъ случаѣ принимала за новое то, что отслуживало свой вѣкъ въ Европѣ. Знаменитая книга Везалія была, правда, переведена для царя еще въ 1650 г. Епифаніемъ Славинецкимъ. Но этотъ экземпляръ такъ и остался единственнымъ. Распространилось же у насъ руководство, латинскій источникъ котораго напечатанъ былъ въ XV вѣкѣ (а составленъ, можетъ быть, еще раньше). Въ свое время, это руководство, такъ наз. «Благопрохладный Вертоградъ» или «Цвѣтникъ», — вѣроятно, стояло на уровнѣ тогдашней науки. Но оно уже совершенно устарѣло, когда переводъ его (повидимому, черезъ Западную Россію) дошелъ до Москвы. Древнѣйшая рукопись «Вертограда» относится къ 1616 году. Въ 1661 г. эта рукопись была одобрена, какъ руководство, докторами Аптекарскаго приказа. Не позже 1672 г. явилось въ русскомъ переводѣ латинское или нѣмецкое сокращеніе того же руководства, подъ названіемъ «Прохладнаго Вертограда». Это сокращеніе, приспособленное къ практическому употребленію, особенно понравилось ученикамъ и публикѣ. Оно распространилось въ большомъ количествѣ списковъ и продолжало употребляться еще въ XVIII вѣкѣ. По нему, такимъ образомъ, мы можемъ судить о среднемъ уровнѣ московской медицины XVII столѣтія. Что же тамъ преподавалось? Въ отдѣлѣ лѣкарствъ «Прохладный Вертоградъ», такъ же какъ и его первоисточникъ, сохранялъ статью «о камняхъ драгихъ, ко многимъ дѣламъ угодныхъ, и о силѣ ихъ». Въ перечнѣ «немощей», и «чѣмъ которую немощь по дохтурскимъ наукамъ лѣчить» предлагаются средства для сохраненія красоты и для истребленія домашнихъ насѣкомыхъ, указывается способъ обезвредить «всякаго супостата», «звѣря и гада» и даже «нечистаго духа». «Прохладный Вертоградъ» знаетъ, какъ обезпечить обильный уловъ рыбы, сохранить пчелъ и предохранить хлѣбъ въ полѣ отъ града, какіе дни добрые и дурные, и что въ каждый день лучше всего дѣлать, какъ «добыть счастье въ людяхъ» и даже какъ узнать полъ ребенка, который долженъ родиться.

При полномъ застоѣ медицинской науки одна только часть ея обнаруживала своеобразную жизненность — это ученіе о лѣкарствахъ. И здѣсь тоже наиболѣе распространеннымъ руководствомъ былъ переводъ, на цѣлый вѣкъ опоздавшій сравнительно со своимъ подлинникомъ (изданнымъ въ 1534 г.). Переводъ этотъ тоже подвергался передѣлкамъ и сокращеніямъ въ теченіе всего XVIII вѣка, пока не превратился, какъ сейчасъ увидимъ, въ народный лѣчебникъ. Но рядомъ съ этимъ переживаніемъ когда-то научнаго матеріала шло постоянное подновленіе русской фармакопеи новыми сред-

ствами, постоянное накопленіе чисто эмпирическихъ наблюденій. «Замѣчено въ общей врачебной исторіи не разъ», говоритъ по этому поводу новѣйшій изслѣдователь, «что во времена застоевъ строгой науки фармакологія всегда расцвѣтала». Только при Петрѣ у насъ возникла, наконецъ, правильная медицинская школа (1706), преподаваніе въ которой шло уже по Везалію и вообще приближено было къ научному уровню современной Петру европейской медицины.

Обозрѣвая развитіе точныхъ знаній въ Россіи, мы до сихъ поръ слѣдили лишь за тѣми изъ нихъ, которыя въ свое время имѣли претензію на научность и уже поэтому оставались достояніемъ или спеціалистовъ, или одного только болѣе образованнаго круга публики. Необходимо упомянуть теперь и о тѣхъ космографическихъ и антропологическихъ представленіяхъ, которыя уже въ разсматриваемую эпоху или немного позже сдѣлались достояніемъ народа. Этого рода представленія, подобно первымъ, тоже распространялись книжнымъ путемъ. Но книги, распространявшія ихъ, съ самаго начала были заподозрѣны и отвергнуты церковью. Для церкви особенно подозрительно было то, что и помогло быстрому распространенію этихъ представленій въ народѣ: именно, ихъ несомнѣнное сходство съ понятіями языческой старины. Трудно теперь отдѣлить, что перешло въ народное міровоззрѣніе изъ книгъ, и что уцѣлѣло въ немъ отъ языческой эпохи. Но чѣмъ болѣе мы изучаемъ старинный книжный матеріалъ, тѣмъ доля книжнаго вліянія оказывается больше.

Въ одной сербской рукописи XV в. мы встрѣчаемся, напр., съ слѣдующими космогоническими представленіями, безспорно византійскаго происхожденія: «Скажи мнѣ, что держитъ землю?» — «Вода высока». — «А что держитъ воду?» — «Камень плоскъ вельми». — «А что держитъ камень?» — «Четыре кита». Какъ видимъ, всѣмъ извѣстные киты, на которыхъ держится земля, — весьма древняго и почтеннаго происхожденія, и притомъ не народнаго, а книжнаго. Тотъ же памятникъ указываетъ намъ источникъ и антропологическихъ понятій, перешедшихъ потомъ въ народную словесность. Адамъ созданъ былъ, по этому памятнику, изъ восьми частей: изъ земли, воды, камня, вѣтра, солнца, мысли, ангельской быстроты и духа. Другой памятникъ того же времени, объясняетъ еще полнѣе: «тѣло отъ земли, кости отъ камня, кровь отъ моря, очи отъ солнца, мысли отъ облака, духъ отъ вѣтра, теплота отъ огня, душу Господь вдохнулъ». Такъ далеко никогда не шли ни Шестодневы, ни Козьма Индикопловъ. Изъ апокрифовъ этотъ широкій размахъ фантазіи прямо переноситъ насъ въ русскіе духовные стихи. Мы упоминали только что еще объ одномъ явленіи подобнаго же характера: о превращеніи переводнаго нѣмецкаго травника въ простонародный. Обыкновенно говорятъ, наоборотъ,

о вліяніи народной медицины на ученую; и это предположеніе имѣетъ, конечно, за себя серьезныя основанія. Но роль книги и въ этомъ случаѣ, повидимому, придется представлять себѣ болѣе значительной, чѣмъ это казалось до сихъ поръ. Это особенно справедливо по отношенію къ суевѣрному элементу народной медицины. Многія фантастическія травы народной фармакопеи оказываются просто искаженными учеными названіями. Такъ, абратанумъ превратилось въ «оборотень-траву», сабина въ «сову», ревень въ «ревеку», подсолнечникъ въ «синяго ворона» и т. д. Книжные элементы отыщутся и въ заговорахъ, и въ хозяйственныхъ примѣтахъ народнаго календаря. XVIII-й и XIX-й вѣкъ продолжаетъ въ этомъ отношеніи ту же работу усвоенія народомъ знаній, брошенныхъ высшими классами, — которая шла и въ XVI и въ XVII столѣтіи. Только народная школа можетъ покончить съ этими переживаніями науки въ народѣ, какъ школа петровскаго времени покончила съ переживаніями европейскаго знанія въ средѣ старинныхъ русскихъ спеціалистовъ.

Намъ остается теперь познакомиться съ состояніемъ гуманитарныхъ знаній допетровской Руси.

Историческое чтеніе было, послѣ религіознаго, самымъ любимымъ чтеніемъ древне-русскаго грамотѣя. Но удовлетворить потребности историческаго знанія въ древней Руси было довольно мудрено. При всемъ обиліи лѣтописей и историческихъ сказаній о русскихъ историческихъ событіяхъ, разобраться въ нихъ было не легко, такъ какъ ни общаго руководства, ни какой-либо цѣльной системы въ изображеніи хода русской исторіи не существовало. По всеобщей исторіи существовали только византійскія всемірныя хроники, построенныя на библейской основѣ и, помимо священной исторіи, занимавшіяся почти исключительно римскими и византійскими императорами.

Съ конца XV вѣка и въ области историческаго знанія наступаетъ оживленіе, обнаруживающееся, прежде всего, въ усиленной переработкѣ и усвоеніи чужого матеріала, юго-славянскаго и польскаго, а затѣмъ и въ самостоятельныхъ попыткахъ историческаго разсказа. Первый опытъ русской переработки производится надъ старинымъ «Лѣтописцемъ еллинскимъ и римскимъ», скомпилированнымъ въ очень давнее время какимъ-то болгариномъ изъ двухъ византійскихъ хроникъ (Малалы и Амартола) по болгарскимъ переводамъ X в. Пріемы русской переработки «Лѣтописца» хорошо характеризуютъ вкусы русскаго читателя первой половины XVI вѣка. Ему, прежде всего, сильно не нравится то, что болгарскій «Лѣтописецъ» переплетаетъ разсказы о допотопныхъ патріархахъ съ разсказами изъ греческой миѳологіи: о гигантахъ змѣеногихъ, о Кро-

носѣ и Зевесѣ, которые, въ духѣ Эвгемера, изображаются царями ассирійскими и т. д. Всѣ эти «эллинскія сплетенія словесъ и капищъ идольскія требы» вовсе выброшены изъ «Лѣтописца» и замѣнены полнымъ спискомъ библейскихъ книгъ до 4-й книги царствъ включительно. Далѣе, религіозный интересъ русскаго читателя проявился въ цѣломъ рядѣ вставокъ по поводу событій византійской церковной исторіи: къ «Лѣтописцу» прибавлены распространенныя на Руси повѣсти о построеніи св. Софіи, о раздѣленіи церквей, наконецъ, о взятіи Константинополя турками.

Очень скоро, однако же, «Лѣтописецъ еллинскій и римскій» былъ совершенно вытѣсненъ изъ употребленія другимъ «Хронографомъ». Онъ представлялъ такія важныя преимущества для русскаго читателя, что именно этотъ «Хронографъ» и сдѣлался предметомъ всѣхъ дальнѣйшихъ русскихъ передѣлокъ и обработокъ. Въ основѣ этого хронографа лежали уже не старые византійскіе хронисты VII-IX столѣтія, а два хрониста XII вѣка (Манассія и Зонара). Положимъ, и ихъ свѣдѣнія кончались началомъ XI столѣтія. Но далѣе составитель «Хронографа», — вѣроятно, сербъ, — доводилъ разсказъ до начала XV вѣка, пользуясь болгарскими и сербскими источниками XIII-XV вв. Между этими источниками нѣкоторые представляли уже не простую лѣтопись, а попытки прагматическаго разсказа. Такимъ образомъ, русскій читатель впервые получилъ образецъ новой, неизвѣстной ему ранѣе формы историческаго изложенія. Впрочемъ, гораздо важнѣе для него было то, что въ «Хронографѣ» онъ впервые получалъ связное изложеніе славянской исторіи въ связи съ главнѣйшими событіями древней русской. Эта часть «Хронографа» и сдѣлалась тотчасъ же основой для цѣлаго ряда русскихъ историческихъ вставокъ. Отчасти онѣ были взяты изъ тѣхъ же византійскихъ хронистовъ, но отчасти были и вновь сочинены въ національно-патріотическомъ духѣ. Съ помощью этихъ вставокъ и другихъ поправокъ искуснаго редактора, юго-славянскій хронографъ XV вѣка уже въ 1512 году сдѣлался окончательно русской собственностью.

Прошло сто лѣтъ послѣ этой второй передѣлки «Хронографа». На Руси окончательно повѣяло новымъ духомъ. Лѣтописаніе прекратилось; западное, латинское вліяніе все болѣе вытѣсняло греческое; польскіе или южно-русскіе переводы замѣняли юго-славянскіе; сильно развился среди читателей интересъ къ свѣтскимъ знаніямъ. Этимъ новымъ потребностямъ соотвѣтствовала и новая передѣлка «Хронографа» въ 1617 году. Исходной точкой передѣлки послужилъ все еще «Хронографъ» 1512 года. Но и ветхозавѣтныя, и юго-славянскія извѣстія подверглись въ немъ сильному сокращенію. Зато появилась вновь классическая исторія и миѳологія, вы-

кинутая когда-то изъ «Еллинскаго Лѣтописца», а теперь изъ того же лѣтописца заимствованная вновь, съ прибавками изъ римской миѳологіи. Самая главная перемѣна заключалась въ томъ, что въ основу разсказа положена была теперь, вмѣсто византійскихъ хроникъ, польская хроника Мартина Бѣльскаго, появившаяся въ русскомъ переводѣ еще въ 1584 году. По содержанію, эта хроника была, правда, однородна съ византійскими. Въ ней встрѣтимъ все ту же ветхозавѣтную и новозавѣтную исторію, четыре монархіи, статьи по греческой миѳологіи, троянскую войну и Александрію, статьи о Магометѣ. Но все это составлено по новымъ латинско-польскимъ источникамъ, и, *кромѣ того,* дополнено совершенно новымъ матеріаломъ, космографіей, исторіей Западной Европы. Любознательный читатель могъ почерпнуть изъ новой передѣлки массу неизвѣстныхъ ему свѣдѣній о моряхъ, рѣкахъ, городахъ, диковинныхъ людяхъ, о колоссѣ родосскомъ, о пророчествахъ сивиллъ и «дивахъ разнобываемыхъ», о готахъ и вандалахъ, о папахъ до раздѣленія церквей*) и объ открытіи Америки. Русская исторія обработана была здѣсь тоже въ новомъ вкусѣ. Она начиналась обычными въ средніе вѣка сближеніями новыхъ народовъ съ античными (руссовъ съ роксоланами) и столь же обычными словопроизводствами народныхъ именъ (славянъ отъ слово, руссовъ отъ русыхъ, или отъ гор. Русы, или отъ Руса, брата Ляха). И дальше, мы встрѣчаемся съ новыми учеными пріемами историческаго изложенія. Въ основу положенъ рядъ лѣтописныхъ замѣтокъ. Но онѣ объединены литературными прикрасами и попытками историческаго прагматизма. А въ изложеніи событій XVI-XVII в. встрѣчаемъ рядъ характеристикъ, отъ Грознаго до перваго самозванца.

Въ томъ же духѣ, который вызвалъ появленіе «Хронографа» 1617 года, совершалось и его дальнѣйшее развитіе на русской почвѣ. Вкусъ къ реальнымъ знаніямъ отразился вторженіемъ въ самый библейскій отдѣлъ цѣлаго ряда свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ самыхъ подозрительныхъ источниковъ. Шесть дней творенія изложены были вновь, помимо Толковой Палеи, по книгѣ Еноха, и помимо бесѣдъ св. Василія Великаго на Шестодневъ, — по Луцидарію. Изъ этихъ и другихъ подобныхъ источниковъ сюда введенъ былъ рядъ свѣдѣній по математической географіи, астрономіи, метеорологіи и естественной исторіи. И для дальнѣйшихъ отдѣловъ библейской исторіи апокрифы употреблялись все болѣе и болѣе свободно. Еще свободнѣе реальныя свѣдѣнія притекали въ отдѣлѣ космографиче-

*) Дальше составитель не считалъ нужнымъ идти, заключая свое повѣствованіе словами: «и тако совершенно удалишася православной вѣры, и къ тому же о папахъ римскихъ писать нечего».

скомъ. Къ космографіи Мартина Бѣльскаго присоединены были выписки изъ космографіи Герарда Меркатора (переведенной въ 1630 г.); вслѣдъ затѣмъ явились въ составѣ «Хронографа» и самостоятельныя обработки. Сперва это было русское предисловіе къ переводной космографіи, а потомъ, въ концѣ XVII вѣка, и русская переработка географическаго описанія четырехъ частей свѣта, со внесеніемъ національныхъ и православныхъ тенденцій. Московское государство, помимо описанія его у Меркатора (по Іовію и Герберштейну, источникамъ конца XV и нач. XVI вв.), было здѣсь описано еще въ особой, оригинальной русской статьѣ, также, какъ и Сибирь.

Прогрессировало и усвоеніе русской исторіографіей польскихъ ученыхъ пріемовъ. У «Словена», родоначальника новгородскихъ славянъ, появилась «жена Шелонь, сынъ Волховъ» и т. д. Гостомыслъ передъ смертью обращался къ новгородцамъ съ рѣчью: «о мужіе новгородстіи, совѣтъ даю вамъ, да пошлете въ Прусскую землю мудрыя мужи (для призванія Рюрика)» и т. д. Рядомъ съ этой «ученой» разработкой древнѣйшаго періода, «Хронографъ» дополнялся и современными историческими извѣстіями. Эти дополненія стали наиболѣе важной и оригинальной частью стараго памятника.

Впрочемъ, русскія историческія произведенія уже давно составлялись и внѣ рамокъ «Хронографа». Лѣтописная безсвязность и фактичность мало-по-малу исчезали изъ нихъ подъ вліяніемъ новыхъ образцовъ, замѣняясь прагматичностью изложенія и системой въ выборѣ фактовъ. Первые примѣры разработки русской исторіи въ этомъ духѣ показаны были москвичамъ, опять-таки, южными славянами и Кіевомъ. Въ Кіевѣ обработанъ былъ, по средневѣковымъ правиламъ, древнѣйшій историческій періодъ и сдѣланъ выборъ фактовъ, пригодныхъ для *религіознаго* возвеличенія послѣдующей національной исторіи. Такимъ образомъ составился древнѣйшій учебникъ русской исторіи, напечатанный подъ названіемъ «Синопсиса» (1674). Въ Москвѣ, еще въ началѣ XVI вѣка, положено было основаніе искаженію историческихъ фактовъ подъ вліяніемъ *политической* тенденціи. Повидимому, не маловажную роль сыграли при этомъ поселившіеся въ Москвѣ ученые сербы. Къ религіозному герою русской исторіи, Владиміру Святому, выдвинутому Кіевомъ, присоединился, такимъ образомъ, выдвинутый Москвою, политическій герой ея, Владиміръ Мономахъ, наслѣдникъ византійскихъ императоровъ. Весь ходъ русской исторіи объясненъ былъ систематически, какъ слѣдствіе распоряженій ея государей, касавшихся формы правленія. По этой теоріи, первоначальная Русь была единой монархіей. Затѣмъ ошибочное распоряженіе о раздѣлѣ раздробило ее на удѣлы. Послѣдствіемъ этого было отдѣленіе отъ нея Юго-Западной Руси и

сѣверныхъ республикъ — и порабощеніе Россіи татарами. Новый на этотъ разъ мудрый актъ воли Ивана III уничтожилъ раздѣлы и всѣ ихъ послѣдствія, объединилъ Русь, освободилъ отъ татаръ и возстановилъ благодѣтельное для Россіи единовластіе.

Такимъ образомъ и здѣсь практическая надобность была главнымъ двигателемъ научнаго развитія. Конечно, понятіе «научнаго развитія» надо понимать весьма относительно. Построеніе русской исторіи по указанной схемѣ было шагомъ назадъ отъ объективной истины, но шагомъ впередъ къ ея постиженію. Какова бы она ни была, эта схема впервые вывела русскую исторіографію изъ періода лѣтописанія.

Сравнительно съ успѣхами европейской исторіографіи того времени — это, конечно, было еще немного. Средневѣковые пріемы историческаго изученія и изображенія проникали къ намъ изъ Польши тогда, когда на западѣ новый духъ возрожденія одушевлялъ исторіографію, когда появились знаменитыя произведенія итальянскихъ историковъ-психологовъ, доводившіе историческій прагматизмъ до крайней степени глубины, къ которой только этотъ родъ исторіи способенъ. Потребность въ жизненномъ, а не книжномъ только изображеніи исторіи отразилась и у насъ въ появленіи мемуаровъ, въ описаніи современныхъ историческихъ событій. Но эти успѣхи реалистическаго пониманія нисколько не устранили еще старыхъ теологическихъ толкованій. «Ненавистникъ рода человѣческаго, дьяволъ», все еще продолжалъ фигурировать въ роли вдохновителя человѣческихъ поступковъ, какъ въ старое лѣтописное время; историческія бѣдствія по прежнему продолжали изображаться, какъ наказаніе за людскіе грѣхи. Характерный примѣръ такого соединенія новыхъ пріемовъ изложенія со старой мотивировкой встрѣчаемъ въ недавно открытомъ «Временникѣ дьяка Ивана Тимоѳеева. Къ размышленіямъ надъ исторіей побудила автора «Временника» его теологическая точка зрѣнія на текущія событія. Кто виноватъ въ томъ, что мечъ ярости Божіей столько лѣтъ подрядъ поражаетъ Россію, не переставая? Вотъ вопросъ, который мучилъ Тимоѳеева въ исходѣ смутнаго времени. Онъ разрѣшилъ этотъ вопросъ тѣмъ, что виноватъ онъ самъ и всѣ его сверстники, и что вина его не иначе можетъ быть искуплена, какъ публичнымъ покаяніемъ въ собственномъ малодушіи. Въ чемъ же дѣло? Дѣло въ томъ, что онъ и всѣ сверстники молчали, когда Борисъ губилъ старую законную династію; это преступленіе и повлекло за собой всѣ послѣдующія казни. «Если бы мы не смолчали передъ Борисомъ въ первый разъ (когда, по предположенію автора, онъ погубилъ царя Ивана Грознаго), то онъ не дерзнулъ бы на второе убійство (Димитрія); и если бы не попустили

ему въ этихъ случаяхъ, онъ не вооружился бы въ третій разъ — прекратить жизнь незлобиваго царя Ѳедора, и если бы нашимъ молчаніемъ не пособлялось ему на всѣ эти поступки, то онъ не искоренилъ бы безъ остатка благородное сѣмя, и Гришка Разстрига не наскочилъ бы на высоту помазанниковъ Божіихъ, не явилось бы и его подражателей. А если бы ихъ не было, то не было бы и ихъ слугъ, опустошавшихъ съ ними землю; не радовались бы иностранцы нашему внутреннему бѣдствію. Намъ не пришлось бы призывать на помощь исконныхъ враговъ своихъ, шведовъ; въ такомъ случаѣ не выступили бы противъ насъ и ихъ противники (поляки). Русская земля не была бы плѣнена чужеземцами; не будь этого, непріятели не осадили бы и не взяли бы Москвы». Таковъ своеобразный прагматизмъ, характеризующій православнаго историческаго писателя начала XVII вѣка. Тутъ есть уже попытка найти руководящую нить въ водоворотѣ событій. Но причинная связь событій рисуется передъ встревоженной совѣстью автора не иначе, какъ въ видѣ ряда цѣлесообразныхъ «казней». Основной причиной ихъ является людское малодушіе, а цѣлью, поставленной свыше, — приведеніе людей къ покаянію.

Для того, чтобы встрѣтиться съ вполнѣ свѣтской манерой историческаго изложенія, намъ придется передвинуться на цѣлый вѣкъ позже и, притомъ, не къ мемуарамъ начала Петровскаго царствованія, а къ «Гисторіи», написанной въ 1727 году старымъ дипломатомъ кн. Куракинымъ. Читатель, не забывшій еще высокопарнаго трактованія исторіи Петра у позднѣйшихъ русскихъ историковъ, будетъ пріятно удивленъ, найдя у кн. Куракина разсказъ, совершенно чуждый какихъ бы то ни было провиденціальныхъ тенденцій, проникнутый тонкой наблюдательностью и знаніемъ людей, пересыпанный блестками юмора и той добродушной злости, которую французы называютъ malice. Почти хочется думать, что Куракинъ выучился этой манерѣ у старыхъ итальянцевъ, на языкѣ которыхъ онъ привыкъ выражать свои задушевныя мысли *).

*) Для примѣра вотъ нѣсколько характеристикъ Куракина. «Помянутой Лефортъ былъ человѣкъ забавной и роскошной или, назвать, дебошанъ французскій. И непрестанно давалъ у себя въ домѣ обѣды, супе и балы. И тутъ въ домѣ, первое начало учинилось, что его царское величество началъ съ дамами иноземными обходиться, и амуръ началъ первый быть къ одной дочери купеческой, названной Анна Ивановна Монсова. Правда, дѣвица была изрядная и умная». А вотъ характеристика знаменитаго начальника Преображенскаго застѣнка, кн. Ѳ. Ромодановскаго. «Сей князь былъ характеру партикулярнаго; собою видомъ, какъ монстра; нравомъ — злой тиранъ; превеликой нежелатель добра нико-

Словесные предметы, средневѣковой **trivium**, составляли, какъ мы знаемъ, центръ тяжести въ программѣ латинской школы. Для перваго и основного изъ этихъ предметовъ, грамматики, нашлось мѣсто даже и въ строго-православной программѣ. Этотъ отдѣлъ знаній былъ единственнымъ, который сдѣлался въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ, къ концу вѣка,предметомъ правильнаго школьнаго преподаванія. Но словесныя знанія вообще интересовали публику меньше, чѣмъ многіе изъ упомянутыхъ раньше отдѣловъ, распространились крайне незначительно и не вызвали никакой самостоятельной научной дѣятельности.

Исключеніе составляла только простая грамотность. Однако, и тутъ, первый московскій букварь (Вас. Бурцова) появился только въ 1634 году и составлялъ простую перепечатку виленскаго изданія (1621 года). Послѣ того буквари и другія учебныя книги переиздавались постоянно московской типографіей въ довольно значительномъ количествѣ экземпляровъ. Но это были, кромѣ богослужебныхъ, единственныя ея изданія, сколько-нибудь широко распространенныя. Въ серединѣ вѣка, напр., букварь выдержалъ три изданія въ теченіе четырехъ лѣтъ (1648 — 1651), всего въ количествѣ 9.600 экземпляровъ; учебный часословъ въ семь лѣтъ издавался 8 разъ (1645 — 1652), учебная псалтирь — въ шесть лѣтъ (1645 — 1651) — 9 разъ. Въ послѣдней четверти вѣка, въ теченіе 12 лѣтъ (1678 — 1689), мы имѣемъ слѣдующія цифры тѣхъ же изданій: букварей не менѣе 25 тысячъ экземпляровъ, т. е. по двѣ слишкомъ тысячи ежегодно, часослововъ — 36 тысячъ, т. е. по три тысячи ежегодно, псалтырей больше 18 тысячъ, т. е. болѣе полуторы тысячи экземпляровъ ежегодно. На 16 милліоновъ тогдашняго населе-

---

му; пьянъ по вся дни; но его величеству вѣрный такъ былъ, что никто другой. И того ради увидишь ниже, что оному (царь) во всѣхъ деликатныхъ дѣлахъ повѣрилъ и вручилъ все свое государство». Вотъ, далѣе характеристика большого барина, Льва Нарышкина, брата царицы: «былъ человѣкъ гораздо посредняго ума и невоздержный къ питью, также человѣкъ гордый, но хотя не злодѣй, токмо не склончивый, и добро многимъ дѣлалъ **безъ резону, но по бизаріи своего гумору».** А вотъ Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ, старый приказный дѣлецъ: «Человѣкъ лукавый и злаго нраву, а ума гораздо средняго, токмо дошелъ до сего градусу (главнаго государственнаго дѣятеля) такимъ образомъ: понеже былъ въ поддядькахъ у царя Петра Алексѣевича съ молодыхъ его лѣтъ и признался къ его нраву и, такимъ образомъ, былъ **интриганъ дворовой»;** царь, «хотя внутренно не любилъ, ниже эстимовалъ» его, однако же «во всѣ дѣла внутреннія положился на него», такъ какъ онъ «наиболѣе въ дѣлѣхъ былъ и секретъ всѣхъ дѣлъ вѣдалъ».

нія Россіи это было не много: приходилось всего по одной учебной книгѣ на каждые 2.400 человѣкъ населенія. Но и это — огромныя цифры сравнительно съ той, которою можно было бы выразить распространеніе грамматики. Въ 1648 году, — въ моментъ оживленія школьнаго вопроса (стр. 695), — московскій печатный дворъ переиздалъ грамматику Мелетія Смотрицкаго, первый и единственный сводъ законовъ литературнаго церковно-славянскаго языка *), напечатанный еще въ 1619 году около Вильны. Въ особомъ предисловіи къ этому изданію московскіе издатели убѣждали читателей, что грамматика есть неизбѣжная «дверь» къ достиженію высшихъ степеней знанія, что, не пройдя ея, легко заблудиться и сильному разумомъ. Они ссылались, въ доказательство справедливости своихъ словъ, и на Максима Грека, и на святыхъ отцовъ; приводили въ подтвержденіе исправленіе церковныхъ книгъ. Но все это, очевидно, мало подѣйствовало на публику. По крайней мѣрѣ, изданіе 1648 года такъ и осталось единственнымъ вплоть до 1721 года, когда одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ учениковъ Лихудовъ, Поликарповъ, вновь перепечаталъ эту грамматику, какъ будто къ ея столѣтнему юбилею. Въ предисловіи издатель жаловался, что даже въ греко-латинской московской школѣ славянская грамматика не «преподавалась за оскудѣніемъ сихъ книгъ» и что ихъ приходилось разыскивать, «аки искру въ пеплѣ».

О распространеніи въ Россіи слѣдующихъ степеней тривіума, — діалектики и реторики, нечего и говорить. Мы не знаемъ, дошли ли до этихъ наукъ ученики Ртищевской школы. Изъ учениковъ Полоцкаго добрался до нихъ, можетъ быть, одинъ Медвѣдевъ. Наконецъ, Лихуды дошли до нихъ навѣрное. Но ихъ преподаваніе шло на латинскомъ и греческомъ языкѣ и доступно было лишь десяткудругому учениковъ. Въ самомъ концѣ вѣка московскіе любители просвѣщенія начали тоже интересоваться лекціями славяно-греко-латинской академіи (ср. стр. 112); напр., курсъ реторики, читанный Лихудами, былъ переведенъ на русскій языкъ по спеціальному заказу одного московскаго кущца.

Лихуды первые стали знакомить москвичей и съ чисто философскими предметами. Сюда относятся два курса, составленные, главнымъ образомъ, по Аристотелю: логики и физики. Третій курсъ психологіи, составленный Іоанникіемъ Лихудомъ еще въ Венеціи, не понадобился вовсе для Академіи. Мы видѣли, что и за преподаваніе «физики» Лихудамъ пришлось пострадать. Подъ «физикой» разумѣлось у нихъ ученіе объ основныхъ элементахъ міра, о матеріи, формѣ, о причинахъ — матеріальной, формальной, дѣйствующей и

*) См. объ этомъ стр. 306-307.

конечной и т. п. Такихъ философскихъ темъ въ Москвѣ до нихъ не затрогивалъ никто, и самое слово «философія» принадлежало къ числу словъ, возбуждавшихъ страхъ у москвичей. Заниматься «философіей», по мнѣнію публики, значило «мѣрять аршиномъ хвосты звѣздъ», и даже такіе ученые люди, какъ Максимъ Грекъ, считали «платонскія и аристотельскія мнѣнія» тожественными съ ересью. Если, все-таки, кое-какіе отдаленные отголоски этихъ «мнѣній» и проникали на Русь, — какъ, напримѣръ, ученіе о троечастномъ составѣ души, которое Курбскій сообщаетъ Грозному какъ послѣднюю ученую новинку, — то, конечно, это не даетъ еще повода говорить о распространеніи на Руси философскихъ познаній. Въ лучшемъ случаѣ, — какъ у Дамаскина, — подъ философіей разумѣлось своего рода естественное богословіе. И въ этомъ смыслѣ старые русскіе грамотѣи готовы были понять философію, такъ же, какъ они понимали богословіе, — въ смыслѣ искусства благочестиваго поведенія. «Философія есть страхъ божій, добродѣтельная жизнь, избѣжаніе грѣха, удаленіе отъ міра, познаніе божественныхъ и человѣческихъ вещей. Она учитъ, какъ человѣкъ долженъ своими дѣлами приближаться къ Богу». Это опредѣленіе философіи, приписанное св. Кириллу, всегда присоединялось къ спискамъ единственной философской книги древней Руси, — «Діалектики» Іоанна Дамаскина, какъ наиболѣе удобопонятное резюме всего ея содержанія.

Мы не исчерпали бы всѣхъ образовательныхъ рессурсовъ допетровской Руси, если бы не упомянули, въ заключеніе, еще объ одномъ. Какъ старый византійскій, такъ и новый европейскій репертуаръ свѣдѣній, перечисленныхъ нами выше, предлагался русскимъ читателямъ въ слишкомъ разрозненномъ и спеціальномъ видѣ, чтобы сдѣлаться достояніемъ большой публики. Чтобы овладѣть всѣмъ содержаніемъ старой и новой образованности, надо было имѣть подъ руками цѣлую библіотеку. Естественно, что у обыкновеннаго читателя рано должна была явиться потребность въ общедоступномъ сводѣ всѣхъ этихъ знаній — въ формѣ сборника или энциклопедіи. На сборникахъ, этой любимой формѣ древнерусской литературы, мы останавливаться здѣсь не будемъ: ограничимся бѣглымъ обзоромъ древнерусскихъ энциклопедій или такъ называемыхъ «Азбуковниковъ». Въ своемъ происхожденіи, «Азбуковникъ» — это списокъ иностранныхъ или славянскихъ словъ, съ объясненіемъ ихъ. Такіе списки, безъ алфавитнаго порядка, извѣстны въ рукописяхъ XIII и XV столѣтій. Въ XVI вѣкѣ списки словъ увеличиваются въ количествѣ, располагаются по алфавиту и въ этомъ видѣ получаютъ названіе «Азбуковника». Насъ «Азбуковникъ» интересуетъ, однако же, не въ этой своей формѣ, а въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи. Къ объясненію словъ въ немъ присоединяются объясненія понятій изъ раз-

ныхъ отдѣловъ знаній, и, такимъ образомъ, лексиконъ превращается въ энциклопедическій словарь. Въ этомъ видѣ «Азбуковникъ» переживаетъ нѣсколько превращеній, для насъ очень интересныхъ. Въ началѣ XVII вѣка «Азбуковникъ» еще черпаетъ свои свѣдѣнія изъ старо-русскаго, т. е. изъ византійскаго литературнаго запаса. Онъ ссылается на Толковую Палею и Козьму Индикоплова, на Шестодневъ Іоанна Болгарскаго, на Дамаскина и Григорія Богослова, — словомъ, на всѣ признанные авторитеты византійской науки. Изъ свободныхъ наукъ и онъ, однако, дѣлаетъ единственное исключеніе — для грамматики. Высшій курсъ свободныхъ знаній (т. е. quadrivium): ариѳметику, музыку, геометрію и астрономію этотъ «Азбуковникъ» безусловно считаетъ запрещенными («отреченными») науками. Во второй половинѣ XVII вѣка содержаніе «Азбуковника» совершенно обновляется. Стремясь поспѣть за расширеніемъ научныхъ знаній, онъ начинаетъ черпать свои свѣдѣнія изъ польскихъ хроникъ, изъ космографій, лѣчебниковъ и ссылается на классическіе и средневѣковые авторитеты: на Плинія, на Авиценну, на Альберта Великаго и т. д. Наиболѣе развитою частью «Азбуковника» остаются и въ это время — свѣдѣнія грамматическія: онъ обстоятельно знакомитъ своихъ читателей съ восемью частями рѣчи, съ «супружествами» глаголовъ и «паденіями» существительныхъ. Но, помимо грамматики, «Азбуковникъ» старается дать общее понятіе и о другихъ «свободныхъ мудростяхъ». Грамматика, діалектика, риторика, музыка, ариѳметика, геометрія, астрономія — всѣ эти науки поочередно выводятся въ лицахъ, разсказываютъ читателю свое содержаніе и восхваляютъ приносимую ими пользу. Правда, что, кромѣ грамматики, отчасти реторики и діалектики, остальныя науки не идутъ въ «Азбуковники» дальше своихъ предисловій; но важно уже самое стараніе заинтересовать читателя въ пользу наукъ, заподозрѣвавшихся раньше въ неправославіи. Не менѣе интересна другая сторона того же «Азбуковника» второй половины XVII в. Онъ не только пропагандируетъ свободныя науки среди публики: онъ стремится провести ихъ въ школу и для этого принимаетъ форму школьной хрестоматіи для чтенія. Къ энциклопедіи свободныхъ знаній онъ присоединяетъ также и правила школьной дисциплины, составленныя по образцу малороссійскихъ школъ XVII вѣка. Мы не знаемъ, осуществились ли благія намѣренія «Азбуковника», существовала ли предположенная имъ школа и сдѣлалъ ли московскій учитель изъ «Азбуковника» надлежащее употребленіе въ классѣ. Скорѣе всего, что ничего этого не было. Но, какъ бы то ни было, «Азбуковникъ» еще разъ подчеркивалъ необходимость средней и низшей школы для правильнаго удовлетворенія наличной потребности въ просвѣщеніи и для дальнѣйшаго развитія этой потребности въ обществѣ. Съ

этой послѣдней чертой, исторія «Азбуковника» является полнымъ резюме того, что мы могли бы вывести изъ всего предыдущаго изложенія. Легко замѣтить, что резюме это очень близко сходится съ тѣмъ, которое мы вывели изъ исторіи допетровскаго творчества. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, византійское культурное вліяніе оставалось безсильнымъ до конца XV вѣка. Съ этого времени, оно, несомнѣнно, начинаетъ укореняться въ русскомъ православномъ сознаніи; но тутъ же, слѣдомъ за нимъ, появляются первые признаки западнаго вліянія, которое мало-по-малу усиливается и, несмотря на всѣ препятствія, къ концу XVII вѣка дѣлается господствующимъ. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи, и это новое вліяніе оказывается вовсе не такимъ уже отличнымъ отъ прежняго. Дѣло въ томъ, что на смѣну византійской мудрости къ намъ идетъ теперь средневѣковая латинская ветошь. Научный матеріалъ, воспринятый, черезъ Кіевъ, Москвой XVI вѣка, былъ накопленъ на Западѣ еще въ XII — XIII столѣтіи, а съ XV-го сталъ быстро терять свою свѣжесть. Вотъ почему, и этому вліянію не суждено было быть долговременнымъ. Сколько-нибудь прочно оно укоренилось у насъ лишь въ высшей богословской школѣ. Свѣтская школа, которую только предстояло заводить, осталась отъ него совершенно свободной и прямо взяла свое содержаніе изъ современной европейской науки. Секуляризація школы стала необходимостью. За свѣтской школой, послѣ непродолжительнаго колебанія, пошло и образованное русское общество.

Общій очеркъ научнаго вілянія Византіи см. у **В. С. Иконникова.** Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи. Кіевъ, 1869. Перечень фактовъ, свидѣтельствующихъ о латинскомъ вліяніи см. у **Шляпкина,** Димитрій Ростовскій и его время. Спб. 1891. О допетровской ариѳметикѣ, землемѣріи и астрономіи см. **В. В. Бобынина,** Очерки исторіи развитія физико-математическихъ знаній въ Россіи. 2 выпуска. Москва, 1886 — 1893 г. и мои Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства, Спб. 1892. О Физіологѣ см. **А. Карнѣева,** Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи «Физіолога», Спб. 1890. Изд. Общ. древней письменности (ХСП). Спб. 1890. О старинной медицинѣ см. **Л. Ѳ. Змѣева,** Русскіе врачебники (Памятники древн. письменности, CXII), Спб. и брошюру **Н. П. Загоскина:** Врачи и врачебное дѣло въ Россіи. Казань. 1891. Другія библіографич. указанія см. въ брошюрѣ **Дм. Цвѣтаева,** Медики въ московской Россіи и первый русскій докторъ, Варшава, 1896. Исторія передѣлокъ хронографовъ см. въ изслѣдованіи **А. Попова,** Обзоръ хронографовъ русской редакціи, 2 выпуска. М. 1866 — 1869. О русскихъ историческихъ построеніяхъ XVI в. см. въ моихъ «Главныхъ теченіяхъ русской исторической мысли», т. I, М. 1897 (второе изданіе М. 1898), и у **И. Жданова:** Русскій былевой эпосъ Спб. 1895. «Временникъ»

Тимоѳеева изданъ **С. Ѳ. Платоновымъ** въ «Русской Ист. Библіотекѣ», т. XIII; «Гисторія» кн. Б. Куракина — въ Архивѣ князя Куракина, т. I. Спб. 1890, и въ «Русской Старинѣ». Обзоръ букварей и грамматическихъ сочиненій до-петровской Руси см. у **А. Н. Чудинова,** Очеркъ исторія языкознанія въ связи съ исторіей обученія родному языку, Воронежъ, 1872. Объ изданіи учебныхъ книгъ см. въ указаныхъ ранѣе изслѣдованіяхъ Голубцова и Прозоровскаго. О лекціяхъ Лихудовъ — **С. Смирнова,** Исторія славяно-греко-латинской академіи. М. 1855. Объ «Азбуковникѣ» — статья **Д. Мордовцева,** о русскихъ школьныхъ книгахъ XVII в. «Чтенія Общ. Исторіи и Древностей», 1861, IV и рецензія **Н. С. Тихонравова** на Исторію русской словесности Галахова, въ его «Сочиненіяхъ», т. I. М. 1898 (подъ заглавіемъ «Задачи исторіи литературы и методы ея изученія»). О научныхъ познаніяхъ начала XVIII в. см. **П. Пекарскаго,** «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ», т. I. Введеніе въ исторію просвѣщенія въ Россіи XVIII столѣтія. Спб. 1862.

III.

СВѢТСКАЯ ШКОЛА ПЕТРА И ИМПЕРАТРИЦЪ.

Профессіональный характеръ петровской школы. — Ея организація. — Первая сѣть провинціальныхъ школъ: цифирныя и архіерейскія школы, ихъ составъ и судьба послѣ Петра: сліяніе первыхъ съ гарнизонными школами, преобразованіе послѣднихъ въ семинаріи. — Неудачная попытка устроить народную школу. — Задачи петровской школы. — Ея сословность, какъ послѣдствіе профессіональнаго характера. — Начало общеобразовательныхъ школъ и ихъ неудача въ первую половину вѣка; академія наукъ, академическій университетъ и гимназія. — Переходный характеръ шуваловскихъ учрежденій: московскій университетъ, гимназіи въ Москвѣ и Казани. — Воспитательныя идеи Екатерины II. — Закрытыя учебныя заведенія, начало женскаго образованія въ Россіи. — Неудача воспитательной дѣятельности школы. — Устройство средней общеобразовательной школы: главныя и малыя училища. — Австрійская система и ея примѣненіе на практикѣ. — Препятствія для правильнаго развитія общеобразовательной школы. — Цифровые результаты школьнаго образованія въ концѣ XVIII вѣка. — Проекты и попытки низшей народной школы.

Въ то самое время, когда братья Лихуды сочиняли и вводили въ академическое преподаваніе свои схоластическіе учебники, шестнадцатилѣтній Петръ усердно сидѣлъ надъ своими математическими тетрадками. Слогомъ, который не только не дѣлалъ чести его діалектикѣ и реторикѣ, но жестоко грѣшилъ и противъ грамматики и орѳографіи, онъ выводилъ правила аддиціи и субстракціи, рѣшалъ задачи по артиллеріи и астрономіи. Всѣмъ извѣстны послѣдствія этихъ математическихъ упражненій. Лѣтъ черезъ пять Петръ щеголялъ въ матросскомъ костюмѣ въ единственной тогда русской гавани, Архангельскѣ, и ломанымъ языкомъ повторялъ голландскія привѣтствія и ругательства. Еще черезъ пять лѣтъ, въ той же матросской куркѣ и съ нѣсколько большимъ запасомъ голландскихъ словечекъ, онъ точилъ, строгалъ, пилилъ и т. д. въ Амстердамѣ. Вернувшись домой, онъ сталъ требовать, чтобы и всѣ русскіе, желавшіе служить, умѣ-

ли точно такъ же строгать, пилить, строить корабли и плавать на нихъ, какъ выучился онъ самъ.

Ближайшимъ средствомъ научиться всему этому было — поѣхать, подобно Петру, за границу. Такъ и заставилъ онъ сдѣлать многихъ изъ своихъ сверстниковъ. Но за границей русскій человѣкъ оказывался слишкомъ неподготовленнымъ и не могъ, какъ слѣдуетъ, воспользоваться путешествіемъ. Приходилось «не то языкамъ учиться, не то наукамъ», какъ жаловался одинъ изъ такихъ невольныхъ туристовъ. Поэтому, въ первую же свою поѣздку (1698) Петръ выписалъ въ Москву, для преподаванія математики и морскихъ наукъ, учителя — англичанина Фарварсона. Въ 1701 году учреждена была «школа математическихъ и навигацкихъ наукъ», и Фарварсонъ занялся съ этого времени обученіемъ русской молодежи — «добровольно хотящихъ, иныхъ же паче и со принужденіемъ» — мореплаванію на Сухаревой башнѣ.

Такимъ образомъ, рядомъ съ богословской профессіональной школой стала въ Москвѣ другая — профессіональная морская. Взглядъ правительства на цѣль образованія, въ сущности, еще не перемѣнился. И теперь, какъ и прежде, наука и школа должны были служить практическимъ потребностямъ государства. Только пониманіе этихъ потребностей измѣнилось: вмѣсто исправленія церковныхъ книгъ и охраненія вѣры, рѣчь шла теперь о преобразованіи арміи и флота.

Какъ видимъ, первая русская свѣтская школа явилась съ довольно случайной программой. Создавая ее, молодой реформаторъ меньше всего заботился объ удовлетвореніи потребности въ общемъ образованіи. Но жизнь сама исправила дѣло. Моряками, возвращавшимися изъ заграничныхъ командировокъ и кончавшими курсъ въ навигацкой школѣ, приходилось слишкомъ часто пользоваться не какъ спеціалистами своего дѣла, а какъ образованными людьми вообще. Они становились и администраторами, и дипломатами, и учителями, и строителями, и геодезистами, и инженерами и т. д. Такимъ образомъ, самъ Петръ скоро долженъ былъ убѣдиться, что «не токмо къ морскому ходу нужна сія школа». Это не помѣшало, однако, навигацкой школѣ сохранить характеръ военно-морского учебнаго заведенія. Такимъ она осталась и послѣ переселенія своего, съ Петромъ, въ Петербургъ (1715), гдѣ она получила названіе «Морской академіи».

Обѣ академіи, «морская» и «славяно-греко-латинская», сдѣлались скоро двумя исходными пунктами цѣлой сѣти низшихъ школъ, учрежденныхъ Петромъ въ провинціи. Созданіе этой первой въ Россіи сѣти духовныхъ и свѣтскихъ школъ собственно и было тѣмъ огромнымъ шагомъ впередъ, который дѣлаетъ изъ петровскаго цар-

ствованія эпоху въ исторіи русскаго образованія. Безъ обѣихъ столичныхъ академій — устройство провинціальныхъ школъ было бы невозможно, такъ какъ для нихъ не откуда было бы взять учителей. Такимъ образомъ, по отношенію къ провинціальной школѣ «морская» и «славяно-греко-латинская академія» сыграли роль учительскихъ семинарій. Наоборотъ, для столичныхъ заведеній провинціальныя школы стали служить подготовительной ступенью. Низшая свѣтская школа давала предварительныя математическія свѣдѣнія, низшая духовная — сообщала познанія словесныя.

Въ одинъ годъ съ переселеніемъ въ Петербургъ навигацкой школы Петръ распорядился — разослать по губерніямъ по два ученика этой школы, выучившихъ геометрію и географію, «для науки молодыхъ ребятокъ изъ всякихъ чиновъ людей». Въ силу этого распоряженія уже въ слѣдующемъ 1716 году открыто было въ разныхъ городахъ Россіи 12 школъ; къ нимъ въ 1720 — 22 гг. присоединилось еще тридцать. Новая школа обучала ариѳметикѣ и геометріи, почему и получила названіе «цифирной» школы.

Къ счастью, мы имѣемъ возможность подвести итогъ дѣятельности цифирныхъ школъ за первое время ихъ существованія. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1727 году, набрано было въ эти школы учениковъ, охотой и силой, нѣсколько больше 2.000. По сословному составу ученики эти распредѣлялись на слѣдующія группы:

1. Изъ духовнаго званія	931	(45,4%)
2. Солдатскихъ (драгунскихъ, казачьихъ и пушкарскихъ) дѣтей	402	(19,6%)
3. Приказныхъ	374	(18,2%)
4. Посадскихъ	93	(4,5%)
5. Дворянъ и дѣтей боярскихъ	53	(2,5%)

Не долго, однако же, удержали «цифирныя» школы этотъ составъ учениковъ. Едва указы объ устройствѣ школъ стали приводиться въ исполненіе, какъ тотчасъ же разныя группы населенія начали протестовать противъ новой для нихъ школьной повинности. Посадскіе люди первые стали просить — освободить ихъ отъ обязательной посылки дѣтей въ школы, такъ какъ дѣтямъ надо сидѣть за прилавкомъ, пріучаться къ отцовскому ремеслу. Правительство удовлетворило требованія горожанъ (1720), и цифирныя школы лишились части своихъ учениковъ. Несравненно важнѣе была конкурренція духовныхъ школъ съ цифирными.

Духовная школа въ провинціи явилась вслѣдствіе предписанія Духовнаго Регламента, обязавшаго архіереевъ открыть въ епархіяхъ школы при архіерейскихъ домахъ (1721). Во исполненіе этого

предписанія въ ближайшее пятилѣтіе (1721 — 1725) открыто было въ Россіи до 46 епархіальныхъ школъ. Такимъ образомъ, въ послѣдніе годы царствованія Петра чуть ли не каждый (позднѣйшій) губернскій городъ имѣлъ по двѣ школы: свѣтскую и духовную. Вербовать учащихся той и другой приходилось насильно; естественно, между обѣими началась борьба за учениковъ. Синодъ потребовалъ, чтобы дѣти духовнаго сословія возвращены были въ епархіальныя школы. Такимъ образомъ, у цифирной школы отнята была очень значительная часть ея питомцевъ. Какъ великъ былъ этотъ уронъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, видно изъ того, что послѣ отнятія посадскихъ и церковническихъ дѣтей въ четырнадцати цифирныхъ школахъ совсѣмъ не осталось учениковъ. Эти школы пришлось закрыть, и учителя вернулись изъ провинціальныхъ городовъ назадъ, въ морскую академію. Въ уцѣлѣвшихъ 28-ми школахъ остались почти исключительно одни дѣти приказныхъ. Число ихъ было къ 1727 году всего 500 чел., вмѣсто двухъ тысячъ, навербованныхъ первоначально. Причины убыли остальныхъ 1.500 учениковъ будутъ ясны изъ слѣдующей таблицы:

1. Выбыли посадскіе и церковные	572	(37%)
2. Бѣжали, отпущены въ дома и не явились ..	322	(20,8%)
3. **Выучено и отпущено**	302	(19,9%)
4. Безграмотныхъ, идіотовъ и неспособныхъ ..	233	(15%)
5. Взято въ разныя должности	93	(6%)

Какъ видимъ, больше трети покинувшихъ школу воспитанниковъ взяты у нея насильно. Больше пятой части бросили школу самовольно. Отъ седьмой части школа отказалась сама. Семнадцатая часть поступила на должности, не кончивъ курса. И только относительно одной пятой цифирная школа вполнѣ выполнила свое назначеніе: отпустила ихъ «выученными».

Вслѣдъ за только - что изложеннымъ разгромомъ свѣтской школы, поднятъ былъ, немедленно послѣ смерти Петра, вопросъ о самомъ ея существованіи. Петръ отдалъ цифирныя школы въ вѣдомство морского министерства («Адмиралтейской коллегіи»), такъ какъ своихъ учителей эти школы получили изъ морской академіи. Теперь адмиралтейство попробовало отъ нихъ отдѣлаться и возобновило предложеніе Петра (1723) — соединить цифирныя школы съ архіерейскими (1726). Однако, противъ такого соединенія возсталъ самъ Синодъ, относившійся вообще неблагосклонно къ «свѣтскимъ навигаторскимъ наукамъ». «Передавать ученикамъ одну ариѳметику и геометрію, безъ связи съ богословскимъ образованіемъ, — не духовное дѣло. Поэтому просимъ оставить цифир-

ныя и геометрическія школы въ свѣтскомъ правленіи», — такъ докладывалъ Синодъ въ 1727 году. Только благодаря этому отказу, петровская цифирная школа просуществовала до 1744 года. Впрочемъ, къ этому году оставалось уже всего лишь 8 школъ изъ 28-ми. И изъ этихъ восьми — три самыя обширныя соединены были съ гарнизонными школами. Гарнизонныя школы при полкахъ учреждены были въ 1732 году. Онѣ содержались на полковыя средства; учителями были офицеры и унтеръ - офицеры. Преподавались, кромѣ грамотности, солдатская экзерциція, а также ариѳметика, артиллерія и инженерство.

Итакъ, петровская свѣтская школа оказалась недолговѣчной. Остатки ея уцѣлѣли лишь въ сліяніи съ военной школой, отчасти заимствовавшей ея программу. И въ этомъ видѣ она, однако, сослужила службу русскому просвѣщенію. Еще въ первые годы царствованія Екатерины II «Цифиркиныхъ» нельзя было ни откуда достать, кромѣ гарнизонной школы.

Познакомимся теперь съ судьбой епархіальныхъ школъ, устроенныхъ, какъ сказано, вслѣдствіе предписанія Духовнаго Регламента. Ближайшее наблюденіе за этими школами принадлежало не свѣтскимъ властямъ, а мѣстнымъ преосвященнымъ. Государственная власть не вмѣшивалась въ ихъ судьбу такъ, какъ она вмѣшивалась въ судьбу цифирныхъ школъ. За неявку учениковъ не сажали на цѣпь въ тюрьму, какъ это нерѣдко бывало съ кліентами свѣтской школы. Правительство не заботилось и о снабженіи этихъ школъ контингентомъ учителей. Учителя набирались довольно случайнымъ образомъ. Въ лучшихъ случаяхъ это были ученики московской или даже кіевской академіи; въ другихъ — учителями становились просто мѣстные церковно - служители. Впрочемъ, не только выборъ учителей, а и самое существованіе архіерейскихъ школъ зависѣло отъ доброй воли епархіальнаго начальства, обязаннаго содержать ихъ на свои собственныя средства. Школы эти возникали и падали вмѣстѣ съ перемѣной преосвященныхъ. Такіе дѣятельные пастыри, какъ Іовъ Новгородскій, или Питиримъ Нижегородскій, Дмитрій Ростовскій, Гавріилъ Бужинскій (въ Рязани) поднимали школы и наполняли ихъ сотнями учениковъ. При другихъ архіереяхъ ученики распускались по домамъ, школы совсѣмъ закрывались или даже вовсе не открывались — подъ предлогомъ скудости средствъ или за ненахожденіемъ учителя. Программа преподаванія также вполнѣ зависѣла отъ наличныхъ средствъ и отъ степени усердія мѣстныхъ властей. Въ лучшихъ школахъ преподаваніе приближалось къ объему московской академіи, и проходились всѣ свободныя науки. Въ большинствѣ же дѣло ограничивалось грамматикой и реторикой. Иногда,

какъ, напр., въ вятской школѣ, ученики только выучивались читать и писать, — за неимѣніемъ учителей высшихъ наукъ. Впрочемъ, одной грамотностью приходилось ограничиваться иногда и въ виду настоятельной нужды въ священникахъ. Въ нижегородской школѣ, напр., изъ 832 перебывавшихъ въ ней учениковъ больше половины, именно 427, ограничились выучкой букварей, и тотчасъ послѣ того были посвящены въ священники, въ дьяконы и т. д. Такъ какъ учениковъ духовныхъ школъ не принуждали къ ученью такими насильственными мѣрами, какъ это бывало въ свѣтскихъ школахъ, то и процентъ дезертировъ былъ здѣсь гораздо меньше. Въ 1727 году епархіальныхъ школъ было въ Россіи 46. Можно насчитать въ нихъ 3.056 учениковъ. Убыль изъ этого числа была только 239. Надо, впрочемъ, прибавить, что изъ 2.827 оставшихся учениковъ почти половина (1.331) приходится на долю трехъ малороссійскихъ епархій (кіевской, черниговской, бѣлгородской) съ десятью школами. Такимъ образомъ, собственно въ Великороссіи свѣтская школа по общему числу перебывавшихъ въ ней учениковъ нѣсколько опередила духовную. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, она, вѣроятно, опередила ее и по уровню знаній. Но періодъ процвѣтанія петровской свѣтской школы былъ, какъ мы видѣли, крайне непродолжителенъ. Напротивъ, епархіальная школа въ общемъ оказалась значительно устойчивѣе. Почти не сокращаясь въ количествѣ, полсотни епархіальныхъ школъ дожили до того времени, когда началось превращеніе ихъ въ семинаріи. И самое превращеніе въ семинаріи было результатомъ ихъ развитія, тогда какъ превращеніе цифирныхъ школъ въ гарнизонныя было послѣдствіемъ ихъ паденія. Архіерейская школа превращалась въ семинарію, расширяя свой курсъ до предѣловъ академіи, т. е. вводя, кромѣ низшихъ классовъ — средніе и высшіе. Полный курсъ составлялся, такимъ образомъ, кромѣ грамоты, изъ грамматики и реторики, философіи и богословія. Прохожденіе этого курса распредѣлялось по классамъ, число которыхъ доходило до девяти*). Съ такой программой епархіальная школа изъ низшаго училища превращалась въ среднее и сама становилась центромъ для школъ низшаго типа, возникавшихъ въ предѣлахъ епархіи. Первый случай такого развитія духовной школы относится къ очень раннему времени, благодаря личному почину. Новгородскій архіерей Іовъ пріютилъ у себя изгнанныхъ изъ Москвы братьевъ Лихудовъ и съ ихъ помощью поставилъ курсъ новго-

*) **Подготовительный** классъ и **низшіе**: аналогія, инфима, грамматика и синтаксима; **средніе:** піитика и риторика; **высшіе**: философія и богословіе.

родской архіерейской школы почти на одинаковый уровень съ славяно - греко - латинской академіей. Благодаря этому обстоятельству, при учрежденіи въ двадцатыхъ годахъ XVIII вѣка другихъ епархіальныхъ школъ — новгородская школа могла сыграть роль учительскаго института. Она послужила такимъ же разсадникомъ учителей для нихъ, какимъ для цифирныхъ школъ была морская академія. Въ то же самое время новгородская школа организовала въ районѣ епархіи до 15 *низшихъ* школъ, въ которыхъ съ 1706 по 1726 г. обучалось 1.007 учениковъ.

Это былъ, однако же, исключительный случай. Другія епархіальныя школы стали переходить на положеніе семинарій гораздо позднѣе. Въ 1737 году изданъ былъ общій указъ о такомъ переходѣ. Но значительность расходовъ, сопряженныхъ со введеніемъ новаго типа духовной школы, во многихъ мѣстахъ задержала учрежденіе семинарій до воцаренія Екатерины II. Послѣ перваго толчка, даннаго Петромъ, и здѣсь, такъ же какъ и въ свѣтскихъ школахъ, развитіе пошло очень медленными шагами: «оттого ли, что было трудно, или оттого, что попеченіе къ тому малое прилагаемо было, — мы уже не изслѣдываемъ», иронически замѣтила по этому поводу имп. Екатерина II. Полный курсъ былъ введенъ къ ея воцаренію только въ восьми семинаріяхъ *).

Насколько, при всемъ томъ, духовная школа XVIII столѣтія стояла прочнѣе свѣтской, — это видно изъ тѣхъ постоянныхъ заимствованій, которыя дѣлаетъ у нея свѣтская школа на протяженіи чуть ли не цѣлаго столѣтія. Учреждается ли медицинская школа д-ра Бидлоо, открывается ли академическій или московскій университетъ, создается ли учительская семинарія для «народныхъ училищъ» Екатерины II, — вездѣ воспитанники семинаріи заполняютъ пустые кадры и скрашиваютъ своимъ участіемъ первые шаги дѣятельности свѣтскихъ учебныхъ заведеній. Такимъ образомъ, духовная школа XVIII вѣка оказала свѣтской рядъ незамѣнимыхъ услугъ.

Познакомившись съ судьбой цифирныхъ и архіерейскихъ школъ, открытыхъ въ петровское царствованіе, мы почти исчерпали вопросъ объ организаціи русской школы первой половины XVIII вѣка. Если и нельзя начинать съ этого времени связную исторію нашей средней школы, то все - таки надо признать, что для устройства такой школы была въ первой половинѣ вѣка подготовлена почва. О русской низшей школѣ нельзя сказать и этого. Попытки Петра

*) Всѣхъ семинарій было къ 1738 году 17 съ 2.589 учениками, къ 1764 — 26 съ 6.000 учениками.

въ этомъ направленіи остались совершенно безплодными. Тотъ же новгородскій архіерей Іовъ, который такъ много сдѣлалъ для средней духовной школы въ своей епархіи, вотъ какъ обрисовываетъ намъ эту попытку Петра — создать элементарную народную школу. По его словамъ, составители переписи 1710 года «священниковъ неволятъ на всякомъ погостѣ строить школы и велятъ учить разнымъ наукамъ, а чѣмъ школы строить, и кому быть учителями и какимъ наукамъ учениковъ учить и по какимъ книгамъ учиться и откуда пищу имѣть и всякую школьную потребу пріискать, — того они, переписчики, опредѣлить не умѣютъ, только говорятъ: «впредь указъ будетъ». Такого указа Россія не дождалась при Петрѣ, и не могла дождаться: почему не могла, это лучше всего объяснилъ намъ самъ Іовъ въ приведенной цитатѣ. Для народной школы, — даже церковно - приходской, какая тутъ, повидимому, имѣется въ виду, — при Петрѣ ничего еще не было подготовлено: ни учителей, ни учениковъ, ни помѣщеній, ни школьныхъ пособій, ни средствъ, на которыя можно было бы все это создать. Такъ было въ *наиболѣе передовой* по части народнаго просвѣщенія области Россіи. Эти замѣчанія Іова составляютъ лучшій отвѣтъ изслѣдователямъ, которые доказываютъ существованіе церковно - приходской школы въ допетровское время.

Отъ организаціи школы первой половины XVIII вѣка мы переходимъ теперь къ задачамъ, которыя она преслѣдовала.

Первая характерная черта русской школы этого времени заключается въ томъ, что она не ставитъ своей задачей воспитанія и общаго образованія, а имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, техническую выучку для профессіональныхъ цѣлей. Взглядъ этотъ цѣликомъ унаслѣдованъ отъ XVII вѣка. Но только XVIII вѣкъ вывелъ изъ него точную регламентацію школьнаго дѣла. Можетъ быть, поэтому нѣкоторымъ изслѣдователямъ и представлялось, что первая половина XVIII вѣка внесла что - то новое въ русскую педагогію. Въ дѣйствительности, педагогическая точка зрѣнія такъ же чужда была школѣ разсматриваемой эпохи, какъ и школѣ XVII вѣка. Та и другая одинаково не смотрѣли на ученика, какъ на предметъ педагогическаго воздѣйствія. Если онъ приходилъ добровольно, то школа обращалась съ нимъ, какъ прежній мастеръ съ нанимателемъ: это были отношенія свободнаго договора. Если ученика посылало въ школу правительство, тогда ученье было для него уже службой. За службу онъ получалъ жалованье; за неисполненіе обязанностей онъ подвергался служебнымъ взысканіямъ. Такимъ образомъ, отвѣтственность ученика ничѣмъ не отличалась отъ отвѣтственности взрослаго человѣка. Проступокъ подводился подъ обыкновенное нарушеніе закона и наказывался, какъ пре-

ступленіе. Задачи воспитанія ограничивались установленіемъ внѣшней дисциплины. За «нѣты», т. е. манкировки, ученики штрафовались; за «продерзости» — ихъ били батогами; за болѣе серьезные проступки наказывали на школьномъ дворѣ плетьми. Въ классѣ велѣно присутствовать отставнымъ солдатамъ и имѣть въ рукѣ хлыстъ: «а буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, оныхъ бить, несмотря, какой бы онъ фамиліи ни былъ». Далѣе, не только воспитаніе, но и образованіе не входило въ число задачъ петровской школы. Новая математическая школа ставила цѣлью не умственное развитіе, а пріобрѣтеніе необходимыхъ техническихъ навыковъ. Лишь поневолѣ, — постольку, поскольку для технической выучки все - таки необходимы были нѣкоторыя элементарныя знанія, — школа пріобрѣла до нѣкоторой степени общеобразовательный характеръ. Вслѣдъ за пріобрѣтеніемъ предварительныхъ знаній, во всякомъ случаѣ, должна была слѣдовать профессіональная выучка: она - то и была главною цѣлью, для которой средствомъ служила предварительная общая подготовка. Школа должна готовить къ различнымъ частямъ государственной службы, и потому должна быть профессіональной, — такова была основная идея преобразователя. Онъ принялъ тутъ, какъ мы уже говорили, старый взглядъ XVII вѣка. Только къ единственной профессіональной цѣли прежней московской школы — готовить къ духовному званію — онъ присоединилъ цѣлый рядъ новыхъ государственныхъ задачъ.

Первою мыслью Петра было возложить исполненіе этихъ задачъ на ту же московскую школу. По крайней мѣрѣ, только что вернувшись изъ - за границы, Петръ велъ съ патріархомъ Адріаномъ очень интересный разговоръ по этому поводу. «Благодатіею Божіей, — говорилъ царь, — и у насъ есть школа, и пусть бы изъ этой школы люди, благоразумно учася, происходили во всякія потребы: и въ церковную службу, и въ гражданскую, и въ военную, и въ строительную, и въ медицинскую». Скоро, однако же, царь долженъ былъ замѣтить, какъ далеки словесныя хитросплетенія средневѣковой учености отъ той реальной науки новаго времени, въ которой онъ нуждался. Такъ какъ спеціальныхъ школъ все-таки не было, то на первыхъ порахъ его помощникамъ прямо пришлось учиться на службѣ путемъ практики. Навигаторъ учился на кораблѣ, чиновникъ гражданской службы — въ приказѣ, медикъ — въ госпиталѣ, аптекарь въ аптекѣ: совершенно такъ же, какъ и до Петра попъ учился въ церкви, а купеческій сынъ — за прилавкомъ. Конечно, этого было недостаточно. При первой возможности, профессіональная выучка стала вводиться въ школьныя рамки. Она отъ этого не перестала быть службой, и какъ служба,

не переставала быть обязательной для тѣхъ же лицъ, для которыхъ вообще служба была обязательна раньше. Вотъ почему петровская (военная) школа сама собой сдѣлалась повинностью служилаго класса. Вмѣстѣ съ тѣмъ она должна была сдѣлаться сословной, и если этого не случилось сразу, то только потому, что на первыхъ порахъ для правительства слишкомъ дорогъ былъ всякій желавшій учиться, изъ какого бы званія онъ ни происходилъ. По замѣчанію историка морской академіи, «немногіе дворяне поступали добровольно» въ это учебное заведеніе; «добровольно являлись болѣе разночинцы, а не дворяне». Это не помѣшало провести различіе между учебными занятіями и дальнѣйшей карьерой тѣхъ и другихъ. «Юноши низшихъ сословій — разночинцы», по словамъ того же историка, «научившись въ русской и цифирной школахъ (т. е. въ первыхъ двухъ классахъ) читать, писать и считать, этимъ оканчивали свое ученье и назначались въ писаря, къ разнымъ должностямъ въ адмиралтейства, въ помощники архитекторамъ, аптекарямъ и т. п. Дѣти дворянскія, «шляхетскія», изъ русской и цифирной школъ поступали въ высшіе классы для дальнѣйшаго обученія и для военной службы во флотѣ. При переводѣ училища въ Петербургъ оно совсѣмъ сдѣлалось военнымъ и стало преимущественно принимать дворянъ, и притомъ болѣе достаточныхъ; въ Москвѣ же оставлены для разночинцевъ низшіе классы. Отсюда вышли и учителя цифирныхъ школъ». Тѣ же самыя наблюденія можно было бы повторить и относительно другой военной школы Петра, инженерной (учр. въ 1712 г.). Точно такъ же она предназначалась преимущественно для дворянъ, за ихъ «нѣтями» наполнилась разночинцами и, наконецъ, сдѣлалась исключительно дворянской послѣ перевода въ Петербургъ (1719). Третья школа, артиллерійская (1712), въ низшихъ своихъ классахъ долго продолжала учить «пушкарскихъ» дѣтей. Но высшую профессіональную выучку она тоже давала дворянамъ и только ихъ допускала къ высшей военной карьерѣ.

Въ 1745 г. сенатъ прямо высказалъ мнѣніе, что «въ артиллерійскую школу, кромѣ дворянъ, никого и опредѣлять не слѣдовало». Послѣ Петра этотъ сословный характеръ профессіональной военной школы вполнѣ утвердился. Естественно, что послѣднее военно - учебное заведеніе этого періода, сухопутный шляхетскій корпусъ, уже съ самаго своего открытія предназначался исключительно для дворянства. Вмѣстѣ съ выясненіемъ сословнаго характера высшихъ военныхъ школъ опредѣлился и особый кругъ знаній, свойственныхъ спеціально «шляхетству». Въ составъ этихъ «рыцарскихъ» или шляхетскихъ наукъ входятъ, прежде всего, новые языки, фехтованье и танцы. Какъ увидимъ сейчасъ, эта про-

грамма шляхетской школы отразилась и на первой общеобразовательной школѣ въ Россіи.

Конечно, не все дворянство попадало въ столичныя учебныя заведенія. Не попавшіе туда должны были проходить практическую «школу» въ гвардіи «и тѣмъ путемъ, яко школою, далѣе дослуживаться». Оставаться въ провинціи дворянству не полагалось, и потому провинціальная «цифирная» школа предназначалась не для него. Уже въ 1716 г. Петръ формально запретилъ брать въ цифирныя школы дворянскихъ дѣтей. Въ нихъ, какъ позднѣе въ гарнизонныхъ школахъ, долны были учиться дѣти служилыхъ людей низшихъ разрядовъ («солдатскія»). Вмѣстѣ съ дѣтьми приказныхъ они оставались единственными посѣтителями цифирной школы послѣ выключенія изъ нея дѣтей горожанъ и духовенства.

Была еще одна отрасль государственной службы, помимо военной, требовавшая со времени Петра особой спеціальной подготовки. Мы говоримъ о гражданской службѣ, для прохожденія которой все болѣе и болѣе становилось нужнымъ знакомство съ политическими, юридическими и экономическими науками. Правительство пыталось и для этой отрасли завести профессіональную школу. Но здѣсь оно встрѣтилось со старымъ предразсудкомъ дворянства противъ «приказной» службы. Школа не состоялась, такъ какъ не было для нея подходящаго соціальнаго матеріала. Напрасно Петръ, настаивая на необходимости подготовки къ гражданской службѣ, убѣждалъ «сего фамиліямъ знатнымъ и шляхетскимъ въ укоризну не ставить, ибо кромѣ сего пути (т. е. профессіональной выучки) никто въ высшій градусъ и до министерскаго чина произведенъ быть не можетъ». Общество хорошо знало, что попасть «въ высшій градусъ» гражданской службы можно было различными путями, не имѣющими ничего общаго съ профессіональной подготовкой. Вотъ почему даже введеніе юриспруденціи въ программу дворянской школы не могло заставить дворянъ заняться этой наукой. Изъ 245 дворянъ, учившихся въ 1733 году въ только - что открытомъ сухопутномъ корпусѣ, юриспруденціей занималось только 11. Посылаемые въ коллегіи для практическаго знакомства съ приказными дѣлами, дворяне тоже не хотѣли работать вмѣстѣ съ «крапивнымъ сѣменемъ», и приходилось, въ концѣ концовъ, отсылать ихъ обратно въ военныя школы.

Остается упомянуть о духовной школѣ, тоже преслѣдовавшей прямую профессіональную задачу — готовить церковнослужителей, «дабы впредь неученыхъ въ духовныхъ чинахъ уже не было» (указъ 1737 года). Мы знаемъ, что задачу эту ей далеко не вполнѣ удавалось выполнить, тѣмъ болѣе, что и изъ того незначительнаго количества церковническихъ дѣтей, которые попадали въ эту

школу*), многія и лучшія постоянно покидали духовное званіе. За то во всю первую половину XVIII вѣка духовная школа продолжала привлекать къ себѣ дѣтей другихъ сословій: дворянскихъ, солдатскихъ и даже крестьянскихъ. Это было нарушеніемъ общаго порядка, по которому дѣти должны были обучаться занятію отцовъ; и правительство неоднократно требовало, чтобы въ духовныя школы принимались лишь дѣти духовенства, но чтобы за то изъ нихъ никто не ускользалъ отъ школы. Ни того, ни другого нельзя было добиться въ первой половинѣ вѣка. Духовной школой слишкомъ еще дорожили, какъ общеобразовательнымъ заведеніемъ, и слишкомъ мало, какъ профессіональнымъ, чтобы можно было однимъ запретить, а другихъ принудить въ ней учиться. Московская академія вполнѣ основательно находила въ 1732 году, что если не принимать желающихъ и отыскивать укрывающихся отъ науки, то, въ концѣ концовъ, «ученіе распространеніемъ пресѣчется». Во второй половинѣ вѣка положеніе дѣла совершенно измѣнилось. Духовная молодежь стала приливать въ изобиліи**), «ученыхъ» кандидатовъ въ священство школа стала выпускать больше, чѣмъ было мѣстъ. Естественно, что при этихъ условіяхъ духовное начальство перестало дорожить посторонними учениками. Съ другой стороны, и эти посторонніе находили, гдѣ учиться, помимо духовной школы. Такимъ образомъ, къ концу XVIII вѣка духовная школа сама собою превратилась въ замкнутое сословное учрежденіе.

Всѣ эти факты приводятъ насъ къ тому заключенію, что при Петрѣ и его ближайшихъ преемникахъ русское общество нуждалось преимущественно въ *элементарномъ* образованіи, и искало его, при скудости образовательныхъ средствъ, — гдѣ случится. Съ своей стороны, правительство нуждалось въ людяхъ, получившихъ *профессіональную* подготовку, и употребляло всѣ усилія, чтобы загнать молодежь всѣхъ сословій въ такія профессіональныя школы, которыя подготовили бы ее къ тѣмъ же самымъ занятіямъ, какими отцы и дѣды обязаны были заниматься раньше. Наконецъ, *общее образованіе* само по себѣ одинаково мало цѣнилось какъ правительствомъ, такъ и обществомъ. Вотъ почему правительство ограничилось на первыхъ порахъ тѣмъ, что открыло рядъ спеціаль-

*) Такъ, въ 1737 г. числилось въ духовномъ сословіи 124.923 души муж. пола, не считая малолѣтнихъ, а въ духовныхъ школахъ было только 5.289, т. е. 1 на 48.

**) Въ 1783 г. въ духовныхъ школахъ училось 11.329 ч.; въ 1807 — уже 24.167, да при отцахъ оставалось обученныхъ грамотѣ 13.531, и не обученныхъ: моложе 15 лѣтъ 49.460, старше — только 1.166.

ныхъ школъ для удовлетворенія своихъ ближайшихъ надобностей, а остальное предоставило времени и собственнымъ усиліямъ общества.

Новый періодъ въ исторіи русскаго образованія наступилъ тогда, когда на смѣну узко - профессіональной и сословной школы первой половины XVIII вѣка явилась школа общеобразовательная и безсословная, преслѣдовавшая чисто педагогическія цѣли. Окончательно утвердилась у насъ такая школа только къ концу XVIII столѣтія. Но уже и въ разсмотрѣнномъ періодѣ времени, вопреки общему характеру тогдашняго образованія, нѣкоторое основаніе общеобразовательной и безсословной школѣ было положено. Происхожденіе ея можно даже вести отъ самого Петра. Въ концѣ царствованія — его отношеніе къ образованію было нѣсколько иное, чѣмъ то, которое мы видѣли въ началѣ. Если первые годы самообразованія и дѣятельности развили въ Петрѣ страсть къ техническимъ и прикладнымъ знаніямъ, то въ послѣднія десять лѣтъ жизни, подъ вліяніемъ новыхъ поѣздокъ по Европѣ, его кругозоръ значительно расширился. При томъ же, главныя государственныя нужды были теперь удовлетворены, рядъ спеціальныхъ школъ устроенъ, и Петръ могъ больше вниманія удѣлить вопросамъ простой любознательности. На первыхъ порахъ любознательность эта, конечно, была обращена на то, что всего больше кидалось въ глаза некультурному москвичу среди европейскихъ диковинокъ. Но изъ этого зародыша должно было развиться новое, менѣе корыстное, чѣмъ прежде, отношеніе къ вопросамъ науки и общаго образованія. Такимъ образомъ, начавъ съ собиранія «раритетовъ», Петръ кончилъ устройствомъ перваго въ Россіи естественно - историческаго и анатомическаго музея. Интересъ къ типографскому дѣлу привелъ къ учрежденію первой публичной библіотеки. А желаніе поскорѣе изобрѣсти perpetium mobile утвердило Петра въ мысли устроить въ Россіи Академію Наукъ.

Дѣйствительно, первые переговоры съ знаменитымъ нѣмецкимъ философомъ, Вольфомъ, объ основаніи Академіи Наукъ вызваны были печатнымъ извѣстіемъ въ нѣмецкихъ газетахъ, что какому-то Орфиреусу удалось найти perpetium mobile. Петръ приглашалъ Вольфа пріѣхать, на какихъ угодно условіяхъ, въ Петербургъ, только бы онъ согласился усовершенствовать изобрѣтеніе Орфиреуса. Сперва намеками, а потомъ и прямо, знаменитый философъ далъ понять, что для Россіи было бы полезнѣе распространять науки, чѣмъ двигать ихъ дальше. Вмѣсто «общества ученыхъ людей, которые бы трудились надъ усовершенствованіемъ искусствъ и наукъ», лучше было бы пригласить профессоровъ для чтенія лекцій. А для этой послѣдней цѣли нѣтъ нужды въ знаменитыхъ

ученыхъ, которые, къ тому же, и не поѣдутъ. Достаточно обзавестись людьми, только - что начинающими карьеру.

Изъ русскихъ совѣтчиковъ Петра многіе были также согласны съ мнѣніемъ Вольфа. Первоначальная мысль — учредить Академію «для славы среди иностранцевъ» — была, правда, удержана Петромъ. Но и совѣтъ учредить при Академіи университетъ для пользы Россіи — былъ принятъ и еще дополненъ идеей — устроить при университетѣ гимназію. Обсужденная еще при Петрѣ, вся эта система первыхъ въ Россіи общеобразовательныхъ учрежденій начала дѣйствовать годъ спустя послѣ его смерти.

Съ первыхъ же шаговъ, однако, сдѣлалось ясно, до какой степени этотъ типъ школы не имѣетъ еще почвы въ Россіи. Законтрактованные на 5 лѣтъ, нѣмецкіе профессора пріѣхали въ Петербургъ. Въ числѣ ихъ было нѣсколько настоящихъ и будущихъ европейскихъ знаменитостей: Бернулли, Бильфингеръ — оба рекомендованные Вольфомъ, потомъ Германъ, Эйлеръ и другіе. Устроившись въ столицѣ, они скоро увидѣли, что въ качествѣ профессоровъ имъ тамъ нечего дѣлать. Такъ какъ по уставу они должны были читать лекціи, а лекцій читать было не для кого, то рѣшили и слушателей выписать изъ Германіи. Вызвано было и пріѣхало восемь студентовъ. Профессоровъ, все - таки, было вдвое больше (17). Чтобъ исполнить уставъ, профессора стали сами ходить другъ къ другу на лекціи.

Нѣсколько удачнѣе началась дѣятельность устроенной при университетѣ гимназіи. Въ первый годъ (1726) поступило въ нее 120 учениковъ, во второй (1727) — 58, въ третій (1728) — 26, въ четвертый (1729) — 74 ученика. Очевидно, нѣкоторая потребность въ среднемъ образованіи существовала, — особенно среди жившихъ въ Петербургѣ иностранцевъ*). Но въ первые же годы весь наличный запасъ дѣтей школьнаго возраста былъ израсходованъ. Этимъ, вѣроятно, и объясняется быстрое паденіе числа поступавшихъ въ гимназію дѣтей. Чтобы остановить это паденіе, пришлось и здѣсь принять искусственныя мѣры. Въ 1729 году въ гимназію навербовали дѣтей солдатъ, мастеровыхъ, даже крѣпостныхъ. Этотъ составъ — дѣти средняго сословія, — скоро и сдѣлался единственнымъ составомъ академической гимназіи, такъ какъ черезъ годъ открылся сухопутный шляхетскій корпусъ (стр. 741), и

*) Еще при Екатеринѣ II, въ 1780 году, въ 23 частныхъ пансіонахъ Петербурга, изъ 500 учениковъ было только 200 русскихъ, а изъ 72 учителей — 20 русскихъ; Законъ Божій преподавался по Лютерову катехизису и русскіе ему не учились. Другими словами, пансіоны учреждаются въ столицѣ спеціально для иностранцевъ.

дворянскихъ дѣтей стали отдавать туда. Но при такой перемѣнѣ состава гимназія, очевидно, не могла разсчитывать на постоянный приливъ добровольныхъ учениковъ. Еще менѣе она могла ожидать, что эти ученики доучатся въ ней и перейдутъ въ студенты. Дѣти средняго сословія обыкновенно ограничивались прохожденіемъ курса низшихъ классовъ или даже прямо выбирали изъ программы какой-нибудь отдѣльный предметъ. Между тѣмъ, главнымъ назначеніемъ гимназіи было, все - таки, готовить къ университету. Оставалось, для прохожденія полнаго гимназическаго курса, подбирать особый составъ *обязательныхъ* слушателей. Въ 1735 году было для этой цѣли учреждено при гимназіи 20 казенныхъ стипендій, и стипендіаты вытребованы изъ славяно - греко - латинской академіи (въ ихъ числѣ попалъ въ академическую гимназію и Ломоносовъ). Въ 1750 г. число стипендій было увеличено сперва до 30-ти, потомъ до 40. Въ 1760 г. оно доведено было даже до 60. Но всѣ эти усилія увеличить число кончающихъ гимназистовъ оказывались не вполнѣ успѣшными. Даже на казенныя стипендіи не находилось достаточнаго количества охотниковъ, и наличное число стипендіатовъ никогда не достигало комплекта.

Разумѣется, это положеніе гимназіи отразилось и на судьбѣ академическаго университета. Понуждаемые начальствомъ, профессора не разъ объявляли публичныя лекціи, печатали программы предполагаемыхъ курсовъ, назначали даже часы и вызывались читать обѣщанные курсы, «если найдутся слушатели». Но слушателей не находилось, за единичными исключеніями. Очевидно, чтобы установить непрерывное чтеніе лекцій, и здѣсь приходилось прибѣгнуть къ системѣ обязательныхъ слушателей. По новому регламенту Академіи Наукъ (1747 года) учреждалось и при университетѣ общежитіе для 30 казеннокоштныхъ студентовъ. На эти мѣста былъ произведенъ принудительный наборъ — и притомъ не изъ гимназіи, а изъ школъ стараго типа —изъ лучшихъ тогдашнихъ семинарій, Московской, Александро-Невской и Новгородской. 24 набранныхъ такимъ образомъ студента оживили на нѣсколько лѣтъ преподавательскую дѣятельность профессоровъ. Однако, и въ эти годы лекціи читались съ перерывами. Послѣ экзамена, произведеннаго двадцати студентамъ (въ 1753 году) — онѣ скоро опять прекратились.

Какъ видимъ, попытка устроить общеобразовательную школу въ первой половинѣ XVIII вѣка имѣла весьма плачевный исходъ. Изъ академическаго университета вышло очень немного выдающихся профессоровъ, ученыхъ и писателей*). Нѣсколько большее количе-

*) Крашенинниковъ, Ломоносовъ, Румовскій и первые профессора московскаго университета, Барсовъ и Поповскій.

ство лицъ занялось переводами съ иностранныхъ языковъ. Ихъ участіе сдѣлало возможнымъ изданіе перваго популярно-научнаго журнала въ Россіи «Ежемѣсячныхъ Сочиненій» (1755-1764*). Наконецъ, значительное большинство кончившихъ курсъ или шло въ учителя, — между прочимъ, въ ту же гимназію, — или выбирало приказную, канцелярскую службу.

Новая попытка двинуть впередъ общее образованіе или, какъ тогда выражались, «размножить науки въ имперіи», сдѣлана была въ серединѣ XVIII вѣка при болѣе благопріятныхъ условіяхъ и съ нѣсколько лучшимъ результатомъ. Петербургъ съ обязательной военной выучкой шляхетства и съ искусственной подготовкой казенныхъ стипендіатовъ — оказался плохой почвой для «возрастанія наукъ». Правительство стало разсчитывать тогда найти больше добровольцевъ въ Москвѣ. Оно основывалось при этомъ на центральномъ положеніи старой столицы, на «великомъ числѣ» живущихъ въ ней дворянъ и разночинцевъ, на большей легкости содержанія учащихся — у родныхъ или знакомыхъ; наконецъ, на несомнѣнной потребности въ образованіи, о которой свидѣтельствовало «великое число домашнихъ учителей, содержимыхъ помѣщиками въ Москвѣ». Всѣ эти соображенія привели къ открытію въ Москвѣ, въ 1755 году университета и при немъ двухъ гимназій; одной для дворянъ, другой для разночинцевъ. Соотвѣтственно этому двоякому составу учащихся, университетъ долженъ былъ удовлетворять заразъ двумъ цѣлямъ, которымъ въ Петербургѣ служили два разные типа учебныхъ заведеній: шляхетскія и академическія. Ученіе зачиталось здѣсь въ военную службу; гимназистъ, становясь студентомъ, получалъ шпагу и съ ней дворянство; кончая университетъ, студентъ выходилъ изъ него съ оберъ-офицерскимъ чиномъ. Въ гимназіи дворянскій сынъ не соприкасался съ дѣтьми изъ «подлаго званія». Послѣднихъ учили искусствамъ, музыкѣ, пѣнію, живописи, техническимъ знаніямъ; изъ гимназіи ихъ предполагалось переводить въ академію художествъ, скоро отдѣленную отъ университета. Напротивъ, въ дворянской гимназіи главное вниманіе обращено было на науки, пристойныя шляхетству, и особенно, на иностранные языки**). Всѣ эти уступки привиллегированному сословію имѣли послѣдствіемъ то, что новая общеобразовательная школа скоро при-

*) Объ участіи учащейся молодежи въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» и вообще въ журналистикѣ XVIII в. см. Очерки, III, стр. 281 и слѣд.

**) По уставу, въ гимназіи преподавалось четыре трехлѣтникъ курса: русскаго языка, латинскаго, первыхъ основныхъ наукъ (ариѳметики, геометріи, географіи и краткой философіи) и иностранныхъ языковъ..

влекла въ свои стѣны дѣтей самыхъ родовитыхъ дворянскихъ фамилій. У учредителя московскаго университета, И. И. Шувалова, уже шевелилась въ головѣ мысль — привлечь все русское дворянство къ правильному прохожденію общеобразовательной школы. Для этого онъ проектировалъ (1760) покрыть всю Россію сѣтью учебныхъ заведеній. Въ маленькихъ городахъ, это должны были быть элементарныя школы — для обученія грамотѣ и ариѳметикѣ; изъ нихъ учащіеся направлялись въ «знатные города», гдѣ проектировалось устроить гимназіи; а изъ гимназій кончившіе должны были переходить въ высшія учебныя заведенія обѣихъ столицъ. Изъ этого грандіознаго проекта осуществилась, однако, самая ничтожная часть. Шуваловъ обратился къ академикамъ за совѣтомъ, «гдѣ и какія гимназіи должны быть учреждены въ Россіи?» Академикъ Фишеръ далъ на этотъ вопросъ очень любопытный отвѣтъ. «Если бы науки въ россійскомъ государствѣ», говорилъ Фишеръ, «больше приращеніе получили, и если бы подданнымъ совершенно было извѣстно, на какой конецъ учреждаемы бываютъ училища, то бы я совѣтовалъ стараться безъ упущенія времени о заведеніи во всѣхъ главныхъ городахъ каждой провинціи новыхъ школъ и гимназій. Но понеже подданные не подлинно еще вѣдаютъ, сколь великіе и полезные плоды приносятъ науки государству, то я за благо разсуждаю не вдругъ сіе дѣло производить, но сперва только въ нѣкоторыхъ городахъ учинить тому опытъ... Прежде всего, по моему мнѣнію, надлежитъ гимназію основать въ Казани». Казанская гимназія, или, точнѣе, двѣ гимназіи — для дворянъ и разночинцевъ, дѣйствительно, была основана уже въ 1758 году, — и осталась единственной. Характеръ преподаванія въ ней былъ тотъ же, какъ и въ московской. Иностранные языки наиболѣе одобрялись публикой; на нихъ обращено было и главное вниманіе начальства. Мѣстное дворянство, однако, не особенно охотно отдавало дѣтей въ казанскую гимназію. Въ 1785 году въ ней было, напр., 19 дворянскихъ и оберъ-офицерскихъ дѣтей — и 71 изъ разночинцевъ (почти исключительно солдатскихъ). Система казенныхъ вознагражденій за ученье широко практиковалась и въ Казани, и въ Москвѣ: большинство гимназистовъ (и дворянъ, и разночинцевъ) получали казенное содержаніе.

Несмотря на это поощреніе, до университета доходили изъ гимназій немногіе. Въ первые годы пришлось цѣликомъ наполнить университетъ учениками духовныхъ семинарій и академій. Но и потомъ университетъ всегда нуждался въ слушателяхъ, хотя и здѣсь были введены казенныя стипендіи. Когда, въ 1764 году, медицинская коллегія потребовала 25 студентовъ изъ университета, то профессора заявили, что это равносильно прекращенію ученія на пять лѣтъ. Въ 1767 году взято было 18 студентовъ-юристовъ въ комиссію

для составленія Уложенія; на факультетѣ осталось всего четыре студента, и университетская конференція, чтобы помочь дѣлу, опредѣлила: уступить еще пятерыхъ студентовъ съ философскаго факультета. Были момента и хуже: напр., въ 1765 году на всемъ юридическомъ факультетѣ оказался одинъ студентъ, а въ 1768 году то же самое повторилось на медицинскомъ факультетѣ. Надо прибавить, что и преподавательскими силами оба эти факультета были не богаты. До первыхъ годовъ царствованія императрицы Екатерины II, т. е. до возвращенія молодыхъ русскихъ профессоровъ изъ заграничной командировки, весь юридическій факультетъ сосредоточивался въ одномъ профессорѣ Дильтеѣ, а медицинскій — въ одномъ профессорѣ Керштенсѣ. Только третій, философскій факультетъ (совмѣщавшій физику съ гуманитарными науками) заключалъ въ себѣ около полудюжины преподавателей.

Такимъ образомъ, и второй опытъ устройства высшей сбщеобразовательной школы въ Россіи оказался на первыхъ порахъ неудачнымъ. На запросъ Екатерины о причинахъ неудачи, московскіе профессора (1765) ссылались на недостатокъ средствъ, не позволявшій заполнить пустовавшія каѳедры, на отсутствіе автономіи и на тормозящую роль «директора», — начальника по назначенію правительства, который, «не будучи собственно изъ ученаго состоянія», склоненъ «больше препятствовать, нежели споспѣшествовать» развитію университета. Они требовали, далѣе, улучшенія соціальнаго и матеріальнаго положенія профессоровъ, просили не брать студентовъ на службу до окончанія курса (на 300 вышедшихъ, такимъ образомъ, приходилось въ 1770 г. только двое окончившихъ курсъ — юристовъ). Наконецъ, они настаивали на томъ, что потомъ провелъ Сперанскій, — на признаніи университетскаго экзамена необходимымъ условіемъ при поступленіи на государственную службу. Всѣ эти указанія были вполнѣ справедливы и своевременны. Но изъ всѣхъ нихъ выясняется съ полной очевидностью одна коренная неустранимая причина неудачи. Потребности въ высшемъ образованіи еще не было въ самомъ обществѣ; правительство нуждалось въ немъ, какъ прежде, лишь для цѣлей государственной службы, а люди изъ «общества» привыкли смотрѣть на службу, какъ на привилегію извѣстнаго общественнаго слоя, и отнюдь не хотѣли — въ самый періодъ расцвѣта дворянскихъ вольностей — связывать службу съ дипломомъ. Другой, также весьма существенной причиной *неудачи* университетской школы въ XVIII вѣкѣ было отсутствіе правильно организованной средней школы, которой, очевидно, не могли замѣнить ни духовныя, ни гарнизонныя училища. При отсутствіи этой необходимой промежуточной ступени между грамотностью и наукой, переходъ отъ Кутейки-

ныхъ и Цифиркиныхъ къ профессорскимъ лекціямъ (да еще на иностранныхъ языкахъ), былъ, разумѣется, слишкомъ рѣзокъ.

Какъ бы то ни было, шуваловская школа послужила естественнымъ переходомъ отъ петровской къ екатерининской. Сословный составъ первой она хотѣла соединить съ общеобразовательной программой второй. Не ея вина была, что россійское дворянство (какъ пришлось констатировать директору казанской гимназіи) «по непростительному о дѣтяхъ своихъ нерадѣнію, обыкло воспитывать ихъ паче въ деревняхъ своихъ безъ учителей и въ грубости, нежели отправлять въ мѣсто, посвященное наукамъ и хорошему воспитанію». Освобожденное какъ разъ въ то время (1762) отъ обязательной службы, дворянство, разумѣется, вмѣстѣ съ тѣмъ почувствовало себя свободнымъ и отъ школы, которую привыкло связывать со службой. Было уже анахронизмомъ со стороны казанскаго директора предлагать сенату «нѣкоторымъ образомъ принудить такихъ людей — дѣтей своихъ записывать въ гимназіи». Меньшинство дворянства имѣло и болѣе серьезныя основанія не посылать дѣтей въ общественную школу. При тогдашнихъ школьныхъ порядкахъ оно могло опасаться порчи своихъ дѣтей, а при низкомъ уровнѣ преподаванія иногда имѣло возможность гораздо лучше учить дѣтей дома. Какъ бы то ни было, по невѣжеству или по требовательности, дворянство надолго устранилось отъ пользованія общественной школой. Вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожался и поводъ — приспособлять программу школы къ болѣе или менѣе случайнымъ потребностямъ высшаго класса. Все это развязывало руки для превращенія русской школы въ безсословную и общеобразовательную. При Екатеринѣ II это превращеніе, наконецъ, совершилось. Вмѣстѣ съ тѣмъ, явилась возможность создать, наконецъ, ту сѣть провинціальныхъ учебныхъ заведеній, которая была намѣчена еще распоряженіями 1720-хъ годовъ и которая разрушилась, какъ только выяснился сословный и профессіональный характеръ петровской школы.

Въ первое время царствованія, Екатерина, впрочемъ, не думала ограничиться только что указанными задачами. Увлеченная педагогическими идеями просвѣтительной литературы, она задалась болѣе широкой мыслью — въ корнѣ измѣнить самое назначеніе общественной школы. Прежняя школа только учила; новая школа должна была *воспитывать*. Выражаясь словами Бецкаго, «главное намѣреніе» Екатерины въ то время «клонилось къ тому, дабы не науки токмо и художества умножились въ народѣ, но и вкоренить въ сердца добронравіе». Такимъ образомъ, впервые въ Россіи школа брала на себя задачи воспитанія, принадлежавшія до тѣхъ поръ исключительно семьѣ. Съ этимъ перенесеніемъ вос-

питанія изъ семьи въ школу должно было совершиться полнѣйшее измѣненіе его пріемовъ и цѣлей. Древнерусская семья воспитывала своихъ членовъ по опредѣленному, вѣками выработанному шаблону. Въ основѣ его лежали предписанія религіи. Въ выборѣ религіозныхъ принциповъ воспитанія замѣчалось, однако же, въ древней Руси нѣкоторое колебаніе. Религія предоставляла на выборъ два типа воспитанія: суровый типъ воспитанія библейскаго и любовный типъ воспитанія евангельскаго. Въ *теоріи* допетровская Русь иногда проповѣдывала второй типъ, но на практикѣ почти всегда держалась перваго. По вѣрному наблюденію одного историка русскаго воспитанія, «вся старинная русская педагогика до конца XVII вѣка продолжала сохранять чисто библейскій характеръ и весьма медленно уступала евангельскому ученію и ученію отцовъ церкви». Какъ извѣстно, начала библейскаго воспитанія выражаются въ предписаніяхъ старинныхъ нашихъ памятниковъ «не щадить жезла, сокрушать ребра, не играть и не смѣяться съ дѣтьми» и т. д. На смѣну этого библейскаго педагогическаго идеала является со стороны Екатерины II новый, но уже не евангельскій, а гуманитарный. Съ евангельскимъ онъ во многихъ выводахъ совпадаетъ, но его исходныя мысли совершенно иныя. Зародившись въ Европѣ въ эпоху возрожденія, гуманитарный идеалъ исходитъ изъ уваженія къ правамъ и свободѣ личности; онъ устраняетъ изъ педагогики все, что носитъ характеръ насилія или принужденія. Преклоняясь передъ природой и естественностью, этотъ идеалъ ограничиваетъ задачи воспитанія наблюденіемъ и уходомъ за всѣми самобытными, оригинальными склонностями каждаго воспитанника. Зато въ этихъ предѣлахъ новая педагогика признаетъ себя всемогущей. Не вѣря въ прирожденныя качества дѣтей, плохо вѣря вообще въ наслѣдственность, гуманитарный идеалъ хотя и не смотритъ на человѣка, какъ на бѣлую доску, на которой можно написать что угодно, но зато охотно сравниваетъ душу ребенка съ мягкимъ воскомъ, изъ котораго можно вылѣпливать самыя разнообразныя формы. Воспитательный матеріалъ признается готовымъ даннымъ; но въ рукахъ опытнаго педагога этому матеріалу предстоитъ получить правильную обработку.

Въ Россіи XVIII вѣка были не безызвѣстны основныя сочиненія сторонниковъ новаго воспитанія. «Златая дверь языковъ» Амоса Коменскаго употреблялась уже въ началѣ вѣка въ частныхъ пансіонахъ. Фенелоново L'éducation des filles Фонвизинъ даетъ, какъ извѣстно, въ руки своей Софьѣ. Наконецъ, «Мысли о воспитаніи» Локка разошлись въ русскомъ переводѣ въ двухъ изданіяхъ прошлаго столѣтія. Императрица черпала изъ нихъ цѣлыя страницы для своей инструкціи (Салтыкову) о воспитаніи внуковъ.

Вслѣдъ за педагогами и философами Запада, Екатерина мечтаетъ пересоздать человѣчество посредствомъ воспитанія, — создать «новую породу людей». Средства для этой цѣли указалъ еще Ѳеофанъ Прокоповичъ въ «Духовномъ регламентѣ»; Екатерина и Бецкій съ нимъ очень близко сходятся. Воспитаніе должно вестись въ закрытой школѣ, — таково необходимое условіе для созданія новой породы людей. Дѣти должны быть изолированы отъ всѣхъ вліяній окружающей жизни и всецѣло предоставлены въ распоряженіе педагога. Для этого, во-первыхъ, надо какъ можно раньше помѣстить воспитанника въ учебное заведеніе: «не выше десяти лѣтъ, ибо таковаго возраста дѣти еще не вельми обучилися злонравію». Далѣе, сношенія воспитанника съ семьей должны быть, по возможности, прерваны. Отпуски на домъ могутъ разрѣшаться на самый короткій срокъ, а въ школѣ свиданія съ родителями должны происходить при свидѣтеляхъ. Всѣ эти пріемы Ѳеофана усвоены Екатериной. Точно такъ же дѣти, по ея теоріи, считаются не злыми отъ природы, и «злонравіе» объясняется, какъ послѣдствіе дурного жизненнаго опыта. Но, чтобы еще основательнѣе уберечь будущее поколѣніе отъ этого опыта, возрастъ принимаемыхъ въ закрытое заведеніе понижался до 4-5 лѣтъ, а сношенія съ внѣшнимъ міромъ, съ семьей, дѣлались еще затруднительнѣе. Изъ школы вовсе не полагалось пускать воспитанниковъ домой (или только по праздникамъ); въ школѣ вводилась та же обстановка родственныхъ свиданій при свидѣтеляхъ.

По этому типу императрица начала передѣлывать существовавшія учебныя заведенія. Въ академической гимназіи, такъ же какъ и въ сухопутномъ шляхетскомъ корпусѣ, открыты были отдѣленія для малолѣтнихъ дѣтей 4-5 лѣтъ. Родители, отдавая своихъ дѣтей въ школу, должны были приносить присягу, что не будутъ требовать ихъ обратно. Но реформой мужскихъ заведеній дѣло не могло ограничиться. Цѣль Екатерины была «произвесть новое порожденіе, отъ котораго прямыя правила воспитанія непрерывнымъ порядкомъ въ потомство переходить могли». Другими словами, посредствомъ новой школы она хотѣла создать новую семью. Такимъ образомъ, нужно было позаботиться и о женскомъ воспитаніи. До того времени воспитаніемъ дѣвушекъ, кромѣ семьи и нѣкоторыхъ монастырей, занимались въ Россіи только частные пансіоны, преимущественно содержавшіеся иностранцами. Оставить въ ихъ рукахъ дѣло женскаго воспитанія Екатерина не могла, и ей пришлось для исполненія своей любимой мысли создать первую въ Россіи общественную школу для женщинъ. Одновременно съ устройствомъ малолѣтнихъ отдѣленій при мужскихъ школахъ, устроено было при Смольномъ монастырѣ женское закрытое заведе-

ніе — сперва для однѣхъ благородныхъ, а потомъ и для мѣщанокъ. Составляя учебный планъ женской школы, императрица и ея помощники исходили изъ того мнѣнія, что между мальчиками и дѣвочками, по отношенію къ общему образованію, не нужно дѣлать разницы. Впослѣдствіи эта непривычная для тогдашняго общества мысль была оставлена: еще при Екатеринѣ опредѣлено было правительственной комиссіей, что «намѣреніе и конецъ воспитанія дѣвицъ состоитъ наипаче въ томъ, чтобы сдѣлать (ихъ) добрыми хозяйками, вѣрными супругами и попечительными матерями». Еще опредѣленнѣе стала преслѣдоваться эта цѣль, когда во главѣ женскаго образованія стала супруга имп. Павла, императрица Марія Ѳедоровна. Но въ тѣ первые моменты устройства женской школы, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, задача этой школы ставилась иначе и шире; болѣе широкая постановка лучше соотвѣтствовала и личнымъ взглядамъ императрицы, не похожимъ въ этомъ отношеніи на вкусы ея невѣстки. «Будь у меня десять внучекъ», писала она разъ одному изъ своихъ корреспондентовъ, « я бы назвала ихъ всѣхъ именемъ святой дѣвы Маріи: тогда, по моему, онѣ держались бы прямо, заботились бы о своей таліи и о цвѣтѣ лица, ѣли бы за четырехъ, съ осторожностью выбирали бы себѣ чтеніе и, наконецъ, достигли бы того, что всѣ называли бы ихъ превосходными гражданками». Идеалъ женскаго воспитанія и образованія у самой имп. Екатерины былъ совсѣмъ другой. Самостоятельное умственное развитіе при посредствѣ серьезнаго чтенія и размышленія, выработка своего собственнаго взгляда на жизнь и подготовка къ дѣятельной роли въ жизни, — эти задачи стояли для Екатерины на первомъ планѣ. «Не сыщется еще такой», говорилось въ генеральномъ планѣ Московскаго воспитательнаго дома, «кто бы толь далеко отступилъ отъ здраваго разума, кому бы нечувствительно было благоденствіе рода человѣческаго и кто бы не желалъ, дабы всѣ дѣвушки не только обучились читать и писать, но имѣли бы и разумъ просвѣщенный различными знаніями, для гражданской жизни полезными».

Чтобы провести въ жизнь широкую затѣю имп. Екатерины, нужно было слишкомъ много благопріятныхъ условій, и прежде всего нужны были подходящіе воспитатели. «Если найдутся подобные учители», разсуждаетъ Бецкій по поводу реформы шляхетскаго корпуса, «то объ успѣхахъ сомнѣваться не можно; *буде же, по несчастью, .такихъ людей не достанемъ, тщетны будутъ всѣ предписанія и всѣ старанія* о произведеніи благонравія и успѣховъ». Дѣйствительно, тамъ, гдѣ нашлось такое лицо, — въ Смольномъ, подъ руководствомъ начальницы madame Lafont — по крайней мѣрѣ, часть предначертаній императрицы исполнилась.

Учебное дѣло, правда, было въ Смольномъ отодвинуто на второй планъ (какъ, впрочемъ, и требовала педагогическая теорія Екатерины); на первый планъ выступило пріобрѣтеніе свѣтскости и развязности въ обращеніи. «Буде которая дѣвица», говорилось уже въ самомъ уставѣ, «сдѣлаетъ какое остроумное примѣчаніе, то, съ дозволенія, имѣетъ она сообщить о томъ всему классу, ибо изрядно и кстати сказанное слово будетъ для другихъ наставленіемъ и поощреніемъ къ подражанію». Какъ средство для пріобрѣтенія бойкости въ разговорѣ употреблялись любительскіе спектакли, концерты, вечера, на которые приглашались и настоящіе кавалеры изъ учениковъ шляхетскаго корпуса. Судя по дневнику одного изъ нихъ, бесѣды между молодыми людьми на этихъ вечерахъ принимали иногда направленіе, навѣрное не предусмотрѣнное въ уставѣ. Но, какъ бы то ни было, нельзя согласиться съ отзывомъ князя Щербатова, будто изъ Смольнаго не вышло «ни ученыхъ, ни благонравныхъ дѣвицъ, какъ толико, поколику природа ихъ симъ снабдила, и воспитаніе ихъ болѣе состояло играть комедіи, нежели сердца, нравы и разумъ исправлять». Незнаніемъ жизни и непрактичностью своей, вошедшей въ пословицу, смолянки, вѣроятно, и тогда отличались не въ меньшей степени, чѣмъ потомъ. Но мы имѣемъ цѣлый рядъ отзывовъ современниковъ, показывающихъ, что многія изъ смолянокъ приносили въ эту незнакомую имъ и часто совершенно дикую жизнь — высокій нравственный складъ и живые умственные интересы. Благодаря Екатеринѣ, въ русской семьѣ впервые появилась образованная женщина и внесла въ это послѣднее убѣжище дѣдовскихъ предразсудковъ струю свѣжаго воздуха и свѣта.

Во всякомъ случаѣ, Смольнымъ и ограничились всѣ почти успѣхи воспитанія «новой породы людей». Близко ко двору, на глазахъ самой императрицы, не мудрено, что кое-что здѣсь было достигнуто. Кое-что было сдѣлано и въ шляхетскомъ корпусѣ, начальникомъ котораго въ одно время съ учрежденіемъ Смольнаго сдѣлался Бецкій (1765). Цѣлью новаго начальника было сдѣлать изъ кадетовъ не «искусныхъ офицеровъ», а «знатныхъ гражданъ», и современники замѣтили, что со времени Бецкаго изъ корпуса стали выходить не военные, а энциклопедически образованные люди. По замѣчанію одного недружелюбно настроеннаго наблюдателя, «они играли хорошо комедію, писали стишки, однимъ словомъ, знали все, кромѣ того, что нужно знать офицеру». И сама Екатерина прямо хвалилась этимъ. «Напрасно думаютъ», писала она, «что мои кадеты приготовляются единственно для войны.... Мои кадеты сдѣлаются всѣмъ тѣмъ, чѣмъ пожелаютъ быть, и выберутъ себѣ поприще по своимъ вкусамъ и склонностямъ».

Меньше всего соотвѣтствовало намѣреніямъ императрицы по-

ложеніе малолѣтняго отдѣленія при академической гимназіи. Бурсацкіе нравы слишкомъ укоренились здѣсь среди казеннокоштныхъ стипендіатовъ, чтобы нѣсколько десятковъ воспитанниковъ, переведенныхъ въ гимназію по окончаніи малолѣтняго отдѣленія, могли поднять нравственный уровень гимназистовъ. Къ тому же, если переберемъ всѣхъ тѣхъ «мадамъ» и «мамзелей», которыя безпрерывно то нанимались, то снова прогонялись изъ малолѣтняго отдѣленія, то получимъ полное основаніе сомнѣваться, чтобы изъ рукъ такихъ воспитательницъ могла выйти новая порода людей.

Увлеченная просвѣтительными теоріями, энтузіастически настроенная, Екатерина шестидесятыхъ годовъ могла мечтать о созданіи этой новой породы. Охлажденная житейскимъ опытомъ и разочарованная, Екатерина восьмидесятыхъ годовъ должна была видѣть, какъ недостаточны были для выполненія этого грандіознаго замысла находившіяся въ рукахъ ея средства. Если на глазахъ у нея, при самомъ тщательномъ надзорѣ за выполненіемъ ея плановъ, получались не совсѣмъ тѣ результаты, на которые она разсчитывала, то чего же можно было ожидать отъ распространенія этихъ попытокъ на всю Россію? Такимъ образомъ, то, что въ шестидесятыхъ годахъ могло казаться Екатеринѣ началомъ великаго общественнаго переворота, въ восьмидесятыхъ свелось къ дѣйствительнымъ размѣрамъ — разрозненныхъ и безсильныхъ отдѣльныхъ попытокъ. Естественно, императрица охладѣла мало-по-малу къ идеѣ воспитанія новой породы и даже на близкій ея сердцу Смольный должна была взглянуть другими глазами. Она не затруднилась наложить руки на Смольный и отстранить Бецкаго отъ управленія корпусомъ, какъ только комиссія восьмидесятыхъ годовъ обнаружила низкій уровень преподаванія въ обоихъ заведеніяхъ. Воспитательныя цѣли съ этихъ поръ перестаютъ быть задачей Екатерины; вопросы обученія снова выступаютъ для нея на первый планъ. Но отъ ея педагогическихъ увлеченій остается въ ней прочное убѣжденіе, что школа должна быть общеобразовательной и что обученіе должно преслѣдовать педагогическія, а не профессіональныя цѣли. Такую школу и такое обученіе она стремится теперь создать и распространить на всю Россію.

Для новаго дѣла являются и новыя лица. Главнымъ изъ нихъ былъ нѣкто Янковичъ де-Миріево, сербъ, имя котораго заслуживаетъ быть гораздо болѣе извѣстнымъ образованной Россіи, чѣмъ оно извѣстно до сихъ поръ. Во второй половинѣ XVIII вѣка образцовымъ типомъ общеобразовательной школы считалась прусская. По прусскому образцу реформированы были и австрійскія училища (1774) подъ руководствомъ самого устроителя прусской школы и реформатора школьнаго метода, Фельбигера, котораго для этой цѣ-

ли Марія-Терезія выпросила у Фридриха II. Въ одномъ изъ округовъ Венгріи устраивалъ школы по методу Фельбигера сербъ Янковичъ, прошедшій курсъ юридическихъ и экономическихъ наукъ въ вѣнскомъ университетѣ. По просьбѣ Екатерины II, Іосифъ II рекомендовалъ ей Янковича, «какъ человѣка, трудившагося уже по устроенію народныхъ школъ, знающаго языкъ россійскій и исповѣдующаго православный законъ». Вызванный въ Россію, Янковичъ сдѣлался истиннымъ творцомъ первой русской общеобразовательной школы, сравнительно съ которой все предыдущее является только отрывочными попытками. Выработанный имъ (по Фельбигеру и Гену) планъ учебныхъ заведеній былъ принятъ «комиссіей объ устройствѣ народныхъ училищъ», учрежденной въ 1782 году, и положенъ въ основу «устава народныхъ училищъ», высочайше утвержденнаго 5 августа 1786 г. По плану Янковича предстояло учредить три типа общеобразовательныхъ школъ: двухклассныя, трехклассныя и четырехклассныя. Школа перваго типа носила названіе *малой,* второго — *средней,* третьяго — *главной.* О преподаваніи излюбленныхъ предметовъ русскаго шляхетства, — иностранныхъ языковъ и танцевъ, эта школа заботилась очень мало. Она преподавала главнѣйшіе общеобразовательные предметы, распредѣляя ихъ по классамъ концентрическими кругами, такъ что программа каждаго класса представляла нѣчто цѣльное. Въ первомъ классѣ малой школы проходилось чтеніе, письмо, знаніе цифръ, краткій катехизисъ, священная исторія и начатки русской грамматики. Во второмъ классѣ катехизисъ проходился подробнѣе, но безъ текстовъ, и, кромѣ того, ариѳметика, книга «о должностяхъ человѣка и гражданина», чистописаніе и рисованіе. Средняя школа состояла изъ тѣхъ же двухъ классовъ, но присоединяла къ нимъ третій, въ которомъ проходился катехизисъ съ текстами, объясненіе евангелія, русская грамматика съ орѳографическими упражненіями, всеобщая и русская исторія и краткая географія Россіи *). Наконецъ, въ главной народной школѣ присоединялся къ тремъ предыдущимъ еще четвертый классъ: въ немъ географія и исторія проходились подробнѣе **), затѣмъ преподавалась математическая географія, грамматика съ упражненіями въ сочиненіяхъ преимущественно дѣлового характера (писемъ, счетовъ, росписокъ и

*) Въ школѣ высшаго типа ариѳметика не кончалась во 2-мъ классѣ, а переходила также и въ третій.

**) При окончательномъ устройствѣ школъ за первымъ типомъ «малаго училища» прямо вводился третій: поэтому, географія и исторія преподавались не концентрическими кругами, а прямо распредѣлялись между 3-мъ и 4-мъ классами.

т. п.), основанія геометріи, механики, физики, естественной исторіи и гражданской архитектуры. Главное отличіе новой школы отъ предыдущей должно было, однако, заключаться не столько въ программѣ, сколько въ способѣ ея выполненія. По австрійской системѣ учитель находился въ классѣ не для задаванія и выспрашиванія уроковъ, а для самаго усвоенія проходимыхъ предметовъ. Для этого, прежде всего, учитель долженъ былъ заниматься съ цѣлымъ классомъ, а не съ отдѣльными учениками. Въ прежнее время каждый ученикъ учился самъ по себѣ: одни уходили впередъ, другіе отставали, такъ что никакого общаго дѣла въ классѣ нельзя было дѣлать*). Идеальнымъ порядкомъ въ классѣ считалось, когда каждый зубрилъ свою часть предмета вслухъ, и учитель, увѣренный, что всѣ ученики заняты дѣломъ, самъ могъ тоже заняться своими дѣлами. Теперь этотъ шумъ долженъ былъ замѣниться молчаніемъ и общимъ вниманіемъ къ тому, что говоритъ учитель. Въ классѣ явилась классная доска, на которой учитель писалъ то, что надо было учить, такъ, чтобы всѣ видѣли. Объясненія и разсказа учителя все еще не требовалось и въ этой школѣ; по крайней мѣрѣ, они не составляли главнаго въ преподаваніи. Ученикъ еще не привыкъ учиться внѣ школы, и поэтому школа должна была заниматься не только разъясненіемъ, но и самымъ усвоеніемъ урока. Для этого рекомендовались особые пріемы: учитель читалъ вслухъ текстъ учебника, за нимъ читали то же самое ученики поочередно, затѣмъ всѣ хоромъ; далѣе учитель писалъ на доскѣ начальныя буквы каждой фразы, подлежавшей запоминанію, и заставлялъ классъ повторять фразу на память; наконецъ, и буквы стирались, и та же фраза произносилась наизусть. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, Янковичъ требовалъ разсказа своими словами; гдѣ было можно, онъ совѣтовалъ прибѣгать къ наглядному обученію: въ высшихъ классахъ рекомендовалось даже вызывать въ ученикѣ самостоятельную работу мысли. Но основой преподаванія все же оставался учебникъ и его усвоеніе, — по возможности, буквальное, — цѣлымъ классомъ въ теченіе урока. Воспитанія въ собственномъ смыслѣ школа Янковича не ставила своей задачей; но отношенія учителя къ дѣтямъ должны были основываться на новыхъ педагогическихъ идеяхъ. Наказанія, особенно тѣлесныя, безусловно изгонялись изъ школы. Для поддержанія классной дисциплины считались достаточными увѣщанія, пре-

*) Напримѣръ, въ рязанской цифирной школѣ въ 1727 году изъ учениковъ ариѳметическаго класса 11 учились счисленію, 5 сложенію, 1 вычитанію, 3 умноженію, 5 дѣленію, 3 тройному правилу, 1 десятичнымъ дробямъ, 1 циркульнымъ пріемамъ геометріи, 1 плоской тригонометріи, тангенсамъ.

достереженія, угрозы, лишеніе пріятнаго и устыженіе. Эта градація, прямо переведенная изъ австрійскаго Methodenbuch (какъ и другія правила для учителей) — очень близко сходится съ идеями екатерининской инструкціи.

Чтобы ввести въ дѣйствіе австрійскую систему, нужно было, во-первыхъ, создать подходящіе учебники и, во-вторыхъ, приготовить учителей, знакомыхъ съ новымъ методомъ преподаванія. То и другое настойчиво рекомендовалось Екатеринѣ всѣми совѣтниками, къ которымъ она обращалась по поводу задуманной реформы. Австрійскіе учебники она получила отъ самого Іосифа II еще въ 1780 году; для ихъ перевода и для личнаго руководства будущими учителями собственно и былъ вызванъ Янковичъ. Пріѣхавъ въ сентябрѣ 1782 года въ Россію, онъ энергично принялся за дѣло. Въ 1786 г. было уже готово и отпечатано 27 руководствъ и пособій, большая часть которыхъ самимъ Янковичемъ переведены или передѣланы изъ австрійскихъ учебниковъ. Содержаніе этихъ учебниковъ соотвѣтствовало ихъ назначенію — быть выученными наизусть. По географіи и исторіи Янковичъ давалъ ученикамъ одинъ конспективный наборъ фактовъ; по естественной исторіи, геометріи, физикѣ («механикѣ») выдвинута была на первый планъ практическая, прикладная сторона, и оставлены въ сторонѣ теоретическія объясненія и доказательства. Школа должна была служить, очевидно, усвоенію знаній, а не развитію мысли — и въ этомъ ея связь со школой стараго времени.

Не менѣе энергично принимались мѣры и для подготовки будущихъ учителей. Для этой цѣли вызвано было въ Петербургъ до 100 воспитанниковъ духовныхъ семинарій и московской академіи: для обученія ихъ методу преподаванія открыто въ Петербургѣ (1783) главное народное училище. Въ 1786 г. учительская семинарія отдѣлилась отъ главнаго училища и просуществовала до 1801 года, выпустивъ за этотъ промежутокъ времени 425 учителей. Первый выпускъ готовъ былъ къ серединѣ 1786 года: въ немъ было до 100 воспитанниковъ, изъ которыхъ половина признана была годной для занятія учительскихъ мѣстъ въ высшихъ двухъ классахъ, а другая въ двухъ низшихъ. Такимъ образомъ, считая по учителю на каждый изъ четырехъ классовъ, «комиссія народныхъ училищъ» имѣла запасъ учителей для 26 главныхъ училищъ. Это количество и велѣно было открыть ко дню коронаціи императрицы (22 сентября) въ 26 губернскихъ городахъ Россіи. Послѣ слѣдующаго выпуска указъ 3 ноября 1788 г. распорядился объ открытіи «главныхъ народныхъ училищъ» въ остальныхъ 14 губерніяхъ. Изъ другихъ типовъ, проектированныхъ Янковичемъ, правительство остановилось на малой двухклассной школѣ. Такія школы предполагалось открывать въ

уѣздныхъ городахъ, по мѣрѣ того, какъ губернскія главныя училища подготовятъ для нихъ учителей.

Посмотримъ теперь, какъ осуществилась на практикѣ система Янковича де Миріево. Прежде всего надо замѣтить, что указы объ открытіи главныхъ училищъ не создавали никакихъ новыхъ источниковъ для содержанія новыхъ учебныхъ заведеній: училища должны были содержаться на средства «Приказовъ общественнаго призрѣнія». Отказаться отъ этого расхода приказы не могли, но они постарались сдѣлать, что только было возможно, чтобы сократить свои траты до минимума. За счетъ учительскаго жалованья и въ ущербъ школьному благоустройству имъ удавалось иногда сберечь до половины издержекъ, положенныхъ по штату. Такъ или иначе, матеріальная сторона дѣла была улажена. Учителя и учебники присланы были изъ Петербурга. Оставалось найти учениковъ — и какъ можно скорѣе, потому что къ коронаціи главныя училища обязательно должны были быть открыты. Такъ какъ охотниковъ учиться все еще оказывалось слишкомъ мало, то мѣстныя власти прибѣгли къ знакомымъ намъ пріемамъ. Державинъ въ Тамбовѣ забиралъ дѣтей въ школу насильно, черезъ полицію. Вятскій намѣстникъ тоже записывалъ учениковъ въ народное училище «силою своей власти»; чтобы наполнить новую школу, онъ распорядился закрыть всѣ старыя. Такимъ образомъ, лишены были своего заработка всѣ мѣстные педагоги: и отставной писецъ Глухихъ, и мѣщанинъ Ланскихъ, и дьяконъ Луповъ, и солдатка Васильева: и все-таки набралось въ главное училище всего только 43 ученика. Въ Петербургѣ тоже закрыты были при устройствѣ народныхъ училищъ всѣ русскіе пансіоны, и такимъ образомъ набрано было 159 лишнихъ учениковъ. Такъ, навѣрное, происходило дѣло и въ другихъ губернскихъ городахъ. Разумѣется, поступать такимъ образомъ нельзя было съ «благородными»; благородныхъ и оказалось очень мало въ составѣ народныхъ училищъ. Въ Петербургской губерніи еще въ 1801 году изъ 4.136 учащихся было только 670 дворянскихъ дѣтей, т. е. 16 %; въ Новгородской въ 1803 году изъ 507 учащихся только 67 благородныхъ, т. е. 13 %. Огромное большинство учениковъ были дѣти купцовъ, мѣщанъ и солдатъ. Родители предназначали ихъ или для продолженія своего занятія, или для приказной службы; въ обоихъ случаяхъ для нихъ достаточно было пройти низшіе классы народнаго училища. Посланный «комиссіей» въ 1789 году ревизоръ, Козодавлевъ, принужденъ былъ констатировать, что программа «главныхъ училищъ» повсюду превышаетъ потребности населенія. «Во всѣхъ главныхъ училищахъ», писалъ онъ, «найдено мною, что число учащихся въ третьихъ и четвертыхъ классахъ весьма мало, и что учащіеся во вторыхъ классахъ обыкновенно не желаютъ продолжать ученія въ третьемъ разрядѣ.

Сіе происходитъ отъ того, что родители учащихся не видятъ цѣли ученія, въ высшихъ классахъ преподаваемаго. Они почитаютъ, что дѣтямъ ихъ нужны только предметы двухъ низшихъ классовъ, да и то по причинѣ чтенія и чистописанія, а прочія науки почитаютъ они безполезными... Всякій знаетъ, что для снисканія мѣста въ гражданской службѣ нужно одно токмо чистописаніе, — почему и невозможно ожидать, чтобы многіе дѣтей своихъ посылали въ высшіе классы». Дѣйствительно, недоучившійся дворянинъ могъ откровенно заявить въ прошеніи того времени: «россійской грамматикѣ и писать *отчасти* умѣю, но дальнѣйшихъ наукъ не въ состояніи проходить, и достигши въ совершенныя лѣта, уже не могу имѣть объ нихъ понятія, и *потому* возымѣлъ ревностное желаніе служить». И исключенный семинаристъ съ такой же откровенностью писалъ въ своемъ прошеніи: «по слабости моего здоровья и *нѣкоторыхъ понятій* исключенный изъ духовнаго училища, но теперь, поправившись въ здоровьѣ, имѣю желаніе продолжать статскую службу въ канцеляріи губернскаго правленія». Дальнѣйшее пребываніе въ школѣ не могло дать этимъ кандидатамъ на гражданскія должности никакихъ особыхъ правъ передъ такими просителями, какъ, напр., другой дворянинъ, который, «*обучась дома* россійской грамотѣ читать и писать», изъявилъ такое же «ревностное желаніе» служить, — или пѣвчій изъ архіерейскаго хора, желавшій по «усовершенствованіи пѣвческими дисциплинами и по спаденіи гармоническаго голоса поступить въ губернское правленіе подъ премудрую десницу начальства». Эти житейскія условія объясняютъ намъ, почему, напр., въ Архангельской губерніи изъ всего количества учившихся за 1786 — 1803 годы (1.432 чел.) — только 52 ученика получили аттестатъ въ окончаніи полнаго курса.

Еще хуже обстояло дѣло съ «малыми народными училищами», проектированными въ уѣздныхъ городахъ. Потребность образованія чувствовалась здѣсь гораздо слабѣе, чѣмъ въ губернскихъ городахъ, а открытіе школъ поставлено было въ зависимость отъ щедрости мѣстныхъ городскихъ думъ. На первыхъ порахъ, сгоряча, малыхъ училищъ открылось сразу довольно много въ уѣздахъ. Но скоро думы начали тяготиться содержаніемъ училищъ; и не только открытіе новыхъ школъ не шло съ первоначальной быстротой, но и раньше открытыя стали мѣстами закрываться. Такъ, въ 1790 г. обыватели Лебедяни, Шацка, Спасска и Темникова подали губернской власти слѣдующія, почти одинаковыя заявленія: «купецкихъ и мѣщанскихъ дѣтей въ школахъ не состоитъ, да и впредь къ изученію въ училища отдавать дѣтей мы не намѣрены. Того ради содержать училища желанія нашего не состоитъ и мы не видимъ для себя отъ оныхъ пользы». И училища были закрыты. Козловскій купецъ, смотритель мѣ-

стнаго училища, шелъ еще дальше: онъ находилъ, что вообще всѣ училища вредны и что «оныя полезно повсемѣстно закрыть». При такомъ отношеніи мѣстнаго населенія къ школѣ, малыя училища посѣщались очень плохо и часто переставали существовать фактически. Такъ покончило свое существованіе только что упомянутое козловское училище. То же самое случилось съ училищемъ въ Онегѣ. Въ тихвинскомъ училищѣ тотчасъ послѣ открытія (1788) изъ 68 учениковъ разбѣжались 54. Въ обширномъ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ всѣ усилія властей открыть малыя училища разбились о пассивное сопротивленіе дворянства и горожанъ, не жалавшихъ нести никакихъ денежныхъ расходовъ на дѣло, отъ котораго не видѣли никакой выгоды для себя. Непріязненное отношеніе къ новой школѣ, чувствовалось, впрочемъ, и въ губернскихъ городахъ. Такъ, въ Вяткѣ, причины малаго количества учениковъ въ главномъ училищѣ объяснялись въ 1797 году слѣдующимъ образомъ: «здѣшніе обитатели, мало соревнуя предположенной цѣли просвѣщенія, неохотно отдаютъ дѣтей своихъ въ народныя училища.... Многіе лучше хотятъ ихъ заблаговременно пріучать къ познаніямъ въ домашнихъ дѣлахъ и для купечества и мѣщанства нужностяхъ, въ которыхъ они сами обращаются. Также многіе... отдаютъ дѣтей своихъ для обученія по церковнымъ книгамъ къ причетникамъ, восхищаясь, когда дѣти ихъ могутъ читать въ церкви часословъ и псалтырь». На другомъ краю государства, въ Черниговѣ, встрѣчаемъ совершенно то же самое: «училище часъ-отъ-часу начало приходить въ упадокъ, ибо многіе нетерпѣливые родители, будучи побуждаемы самымъ пустымъ прибыткомъ, отнимали дѣтей своихъ и отдавали ихъ въ школы церковниковъ».

Такимъ образомъ, старыя привычки семьи и школы составляли самое важное препятствіе для распространенія екатерининскихъ общеобразовательныхъ училищъ и для ихъ успѣха въ провинціи. Но надо сказать, что и самыя эти училища вышли на практикѣ далеко не такими, каъ проектировалъ ихъ Янковичъ.

Устранивъ много препятствій къ успѣху своего предпріятія, онъ не въ силахъ былъ устранить одного — и самаго главнаго: тяжелаго матеріальнаго и нравственнаго положенія учителя въ русской школѣ. Положеніе это являлось неизбѣжнымъ послѣдствіемъ только что указаннаго нами отношенія общества къ школѣ. Попадая въ учительское званіе, большею частью, не по своей волѣ, а по назначенію епархіальнаго начальства, преподаватель XVIII вѣка не могъ ни продвинуться вверхъ по соціальной лѣстницѣ, ни уйти со службы иначе, какъ въ солдаты — за пьянство и «дурную нравственность». Такимъ образомъ, о выборѣ учительской профессіи по призванію и о переходѣ непризванныхъ въ другія профессіи — въ громадномъ большинствѣ случа-

евъ не могло быть и рѣчи. Учителю приходилось мириться съ положеніемъ, изъ котораго невозможно было выйти, — или искать забвенія въ винѣ. А между тѣмъ, примириться съ этимъ положеніемъ для человѣка сколько-нибудь талантливаго было слишкомъ трудно. Грошовое учительское жалованье большею частью не доплачивалось или просрочивалось приказомъ. Старый педагогъ, служившій съ самаго основанія народныхъ училищъ, говорилъ по этому поводу въ 1811 г. слѣдующее: «мною въ продолженіе 25-тилѣтняго служенія замѣчено, что *всѣ* учителя, служащіе на старомъ положеніи, были всегда бѣдны и претерпѣвали великій недостатокъ, нынѣ же, по дороговизнѣ всѣхъ вещей, еще болѣе увеличилась ихъ бѣдность и доводитъ иныхъ до крайности. Я всегда скорбѣлъ и нынѣ скорблю душою, взирая на бѣднаго трудолюбца». Соціальное положеніе провинціальнаго учителя было самое унизительное. Его третировали и мѣстные богатѣи, и мѣстные чиновники, и тѣ, кто преклонялся передъ силой чиновъ и денегъ, т. е. въ сущности, всѣ, не исключая и его самого. Милость сильныхъ къ нему выражалась обидной подачкой; при немилости онъ рисковалъ быть побитымъ «палочьемъ», какъ грозила одному педагогу жена упоминавшагося выше козловскаго смотрителя. Что удивительнаго, если при всѣхъ этихъ условіяхъ, люди, сохранившіе теплоту сердца и интересъ къ своему дѣлу, являлись единичными исключеніями?

Огромное большинство скоро махало рукой на все и кое-какъ тянуло служебную лямку. Педагогическіе пріемы Янковича уступали мѣсто старому зубренью въ одиночку; учитель ограничивался обязанностью выспрашиванія, а чаще всего и эту обязанность перелагалъ на болѣе способныхъ учениковъ. Самъ онъ считалъ себя еще очень исправнымъ, если высиживалъ въ школѣ всѣ назначенные дни и часы: очень часто и этого не бывало. Словомъ, учителя и ученики, къ обоюдному удовольствію, сводили свои обязанности къ минимуму и составляли молчаливый заговоръ, чтобы обмануть начальство въ годичныхъ отчетахъ и мѣстную публику — на ежегодныхъ торжественныхъ актахъ.

Въ началѣ царствованія имп. Александра I, его воспитатель Лагарпъ, подводя итоги дѣятельности «комиссіи народныхъ училищъ», былъ удивленъ контрастомъ между блестящимъ началомъ и вялымъ продолженіемъ этой дѣятельности. Онъ приписывалъ это ослабленіе энергіи — личнымъ побужденіямъ, руководившимъ членами комиссіи. «О таковомъ неимовѣрномъ успѣхѣ (169 школъ въ 1787 году) много говорили въ свое время», замѣтилъ онъ; «награды посыпались тому, кто приписывалъ себѣ это чудо (Лагарпъ намекаетъ на Завадовскаго), а также и кліентамъ чудотворца. Награды розданы, и чудеса прекратились. Въ два послѣдніе года царствованія Екатерины основаны только три училища. Съ воцареніемъ имп. Павла комиссія словно про-

снулась, основала вдругъ 13 школъ и затѣмъ погрузилась въ свою обычную летаргію». Несомнѣнно, намеки Лагарпа имѣли нѣкоторое основаніе; но, зная, съ какими средствами приходилось дѣйствовать комиссіи училищъ и какъ отнеслось къ ея дѣятельности населеніе, мы найдемъ, что и то, что было ею сдѣлано, — было все-таки очень много. Скорѣе, чѣмъ ждать отъ нея продолженія «чудесъ», слѣдовало бы подумать о томъ, что чудесъ вообще не бываетъ. Комиссія остановилась въ своей дѣятельности не потому, чтобы была пресыщена «наградами», а потому, что всѣ ея рессурсы для полученія наградъ были истощены. Становилось трудно даже просто удерживать народное образованіе на достигнутомъ уровнѣ, не говоря уже о достиженіи дальнѣйшихъ успѣховъ. Одно это обстоятельство доказываетъ, что комиссія сдѣлала скорѣе больше, нежели меньше того, что можно было отъ нея ожидать при тогдашнихъ условіяхъ ея дѣятельности.

Развитіе народнаго образованія въ Россіи послѣ учрежденія комиссіи видно будетъ изъ слѣдующей таблицы. Кромѣ главныхъ и малыхъ школъ, здѣсь присоединены также и другія учебныя заведенія (т. е. пансіоны, домашнія и сельскія училища; о послѣднихъ см. ниже).

	Число.		
Годы.	Училищъ.	Учащихъ.	Учащихся.
1786	40	136	4.398
1787	165	395	11.088
1788	218	525	13.539
1789	225	576	14.389
1790	269	629	16.525
1791	288	700	17.787
1792	302	718	17.500
1793	311	738	17.297
1794	302	767	16.620
1795	307	716	17.097
1796	316	744	17.341
1797	285	664	15.628
1798	184	752	16.801
1799	281	721	17.598
1800	315	790	19.915

На эти цифры нельзя полагаться вполнѣ, но нѣкоторое, относительное значеніе онѣ, несомнѣнно, могутъ имѣть. Судя по нимъ, число учащихся достигло своего максимума на шестой годъ реформы (1791), число школъ — на восьмой и число учителей — на девятый. Вслѣдъ затѣмъ всѣ эти цифры начинаютъ сильно падать. Въ послѣдній годъ царствованія Екатерины II онѣ, правда, снова возвращаются

къ старому максимуму, но опять рѣзко падаютъ въ первый годъ царствованія имп. Павла. Затѣмъ, число учащихся опять начинаетъ быстро подниматься.

По половому составу учащіеся въ школахъ Екатерины распредѣлялись очень неравномѣрно. Хотя главныя и малыя училища предназначались одинаково для мальчиковъ и дѣвочекъ, но старый взглядъ на женское образованіе, а также и боязнь посылать дѣвочекъ въ такую школу, отъ которой опасались порчи даже для мальчиковъ, помѣшали обществу воспользоваться этой возможностью. Изъ 176.730 учащихся, прошедшихъ школу въ промежутокъ 1782 — 1800 гг., дѣвочекъ было всего 12.595, т. е. только 7 %. И при томъ большая часть этого количества приходилась на столицы. Такъ, изъ 1.121 дѣвочки, учившихся въ школахъ въ 1796 году, на Петербургскую губернію приходилось 759; слѣдовательно, на всю остальную Россію остается всего 362.

Сравнительно съ цифрами школьной статистики 1727 года (стр. 733) только что приведенныя цифры представляютъ значительный шагъ впередъ. Но по отношенію ко всему населенію тогдашней Россіи и эти цифры оказываются еще совершенно ничтожными. Принимая населеніе Россіи въ 1790 году равнымъ 26 милліонамъ, мы получимъ выводъ, что одинъ учащійся (въ свѣтской школѣ — о духовной см. прим. на стр. 742) приходился въ это время на 1.573 души всего населенія. Одной этой цифры достаточно, чтобы показать, что школа Екатерины была «народной» только по имени и что народная масса до самаго XIX столѣтія лишена была всякаго культурнаго воздѣйствія школы.

Нельзя сказать, чтобы вопроса о народной школѣ вовсе не возникало во время Екатерины. Напротивъ, вопросъ этотъ ставился не разъ и былъ формулированъ весьма опредѣленно. Два-три депутата Екатерининской комиссіи для составленія уложенія заговорили объ элементарной школѣ для низшихъ классовъ уже въ 1768 г. Предложенія этихъ депутатовъ вызвали, однако, рѣшительное сопротивленіе. Одинъ ихъ противникъ находилъ, что училищъ для крестьянъ «совсѣмъ имѣть не надлежитъ, потому что земледѣльцу — другихъ наукъ, состоянію ихъ не принадлежащихъ, совсѣмъ имѣть не слѣдуетъ, кромѣ россійской грамоты»; а грамоту «могутъ оные имѣть и безъ учрежденія для нихъ училищъ, какъ и донынѣ оное было». Школа, по мнѣнію этого депутата, только отвлечетъ крестьянина отъ земледѣлія, которое и должно для него оставаться единственной школой. Защитникамъ народной школы не трудно было, однако же, доказать, что на ихъ сторонѣ — самъ авторъ Наказа. Въ концѣ концовъ, въ числѣ многочисленныхъ комиссій, выбранныхъ для разсмотрѣнія спеціальныхъ вопросовъ, возбужденныхъ депутатами и Наказомъ, организована бы-

ла при «Большомъ собраніи» — и «комиссія объ училищахъ». Къ веснѣ 1770 г. комиссія эта представила готовый проектъ устройства деревенскихъ школъ. По ея проекту предполагалось, по примѣру Пруссіи, ввести въ Россіи обязательное обученіе грамотѣ для всѣхъ дѣтей мужского пола. Въ каждомъ селѣ или большой деревнѣ должны были открыться школы по одной на 100 — 250 семей. Всѣ расходы по школамъ возлагались на прихожанъ. Надзоръ за школами поручался священникамъ, а преподавателями назначались діаконы, или дьячки, или, наконецъ, свѣтскія лица.

«Мысли училищной комиссіи объ устройствѣ сельскихъ училищъ», замѣтилъ по этому поводу министръ Александра III, Д. А. Толстой, «были такъ здравы, что не только опередили свое время, но и наше. И доселѣ мы не дошли до убѣжденія, что единственное вѣрное средство для всеобщаго образованія народа есть обязательность начальнаго обученія... Легко себѣ представить, какія благодѣтельныя послѣдствія имѣло бы принятіе правительствомъ, болѣе вѣка тому назадъ, начала обязательности ученія. Теперь почти весь русскій народъ былъ бы грамотенъ, какъ германскій, и общій уровень образованности страны. вліяющій на все ея положеніе, какъ духовное, такъ и экономическое, былъ бы гораздо выше».

Мы увидимъ (стр. 842, 844 сл.), почему достигнуть этой цѣли оказалось не такъ легко и въ какомъ смыслѣ министръ-реакціонеръ, главный врагъ начальной школы, могъ говорить о ея «обязательности». Во всякомъ случаѣ, при Екатеринѣ дѣло ограничилось единичными усиліями отдѣльныхъ лицъ. Можно насчитать до дюжины сельскихъ школъ, открытыхъ въ разныхъ губерніяхъ и вмѣщавшихъ до двухъ съ половиной сотенъ крестьянскихъ дѣтей. Но не говоря уже о томъ, что это была только капля въ морѣ, — почти всѣ эти школы тогда же закрылись. Низшая школа въ Россіи оставалась дѣломъ будущаго, дѣломъ конца XIX и начала XX-го вѣка. XVIII-й вѣкъ едва оказался въ состояніи поставить на ноги среднюю школу.

Подробное изложеніе данныхъ о русской школѣ и сбразованности см. въ трехтомной компилятивной Исторіи русской педагогіи **М. И. Демкова,** часть I, Древнерусская педагогія (X-XVII в.) изд. 2-ое, 1899, ч. II. Новая русская педагогія, (XVIII в.) изд. 2, испр. М. 1910. Ч. III, XIX в. М. 1909. **Его же,** Русская педагогика въ главнѣйшихъ ея представителяхъ, Опытъ педагогической хрестоматіи, М. 1898. Болѣе продумана и нова по взглядамъ книга **П. Ѳ. Кантерева,** Исторія русской педагогіи. изд. О. Богдановой. Школьной системѣ первой половины XVIII в. посвящено изслѣдованіе проф. **М. Владимірскаго-Буданова,** Государство и народное об-

разованіе въ Россіи XVIII вѣка. Ч. I. Система профессіональнаго образованія (отъ Петра I до Екатерины П). Ярославль, 1874. Исторія «навигацкихъ школъ» въ Москвѣ и «морской академіи» въ Петербургѣ изложена по подлиннымъ документамъ въ книгѣ **Ѳ. Веселаго,** Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса. Спб. 1852. Статистика цифирныхъ школъ въ 1727 г. составлена по документу, напечатанному въ Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. LVI (стр. 320 — 321). Статистика архіерейскихъ школъ въ томъ же году — по документу, использованному **Пекарскимъ,** Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, т. I. Спб. 1862. Тамъ же см. о переговорахъ Петра съ Вольфомъ. Съ «Академической гимназіей» и «Академическимъ университетомъ въ XVIII столѣтіи по рукописнымъ документамъ архива Академіи Наукъ» знакомитъ **гр. Д. А. Толстой,** см. СборникъОтдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. XXXVIII, №№ 5 и 6. Спб. 1885. Для исторіи Шуваловскихъ учебныхъ заведеній см. **Шевырева,** Исторію Московскаго университета, М. 1855 и **В. Владимірова,** Историческая записка о 1-й Казанской гимназіи XVIII столѣтія. Ч. I. Казань. 1867. Мнѣніе Московскихъ профессоровъ 1765 г. о причинахъ неуспѣха университетскаго преподаванія напечатано въ чтеніяхъ О. Ист. и Др. Р. 1875, П. Объ идеалахъ древне-русскаго воспитанія см. статью **Н. Лавровскаго,** «Памятники стариннаго русскаго воспитанія» въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей, М. 1861. О воспитательныхъ идеяхъ Екатерины см. **его же** книгу: О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой. Харьковъ, 1856. О закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ Екатерины П см. «Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 года» **гр. Д. А. Толстого** въ указанномъ «Сборникѣ». Въ частности, объ «Обществѣ благородныхъ дѣвицъ» при Смольномъ монастырѣ см. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи **Е. Лихачевой,** Спб., 3 тома, 1890 — 1895. О новой системѣ Янковича и о первыхъ шагахъ дѣятельности «Комиссіи народныхъ училищъ» см. Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго круга съ 1715 по 1828 г. включительно — **А. Воронова** Спб. 1894 и гр. **Д. А. Толстого:** Городскія училища въ царствованіе имп. Екатерины П, прил. къ LIV тому Зап. Имп. Акад. Наукъ. Спб. 1886. Примѣры тѣхъ условій, при которыхъ система Янковича вводилась въ провинціи см. въ брошюрѣ **А. Спицына,** Исторія Вятскаго главнаго народнаго училища (186 — 1811 гг.). Вятка, 1891 (также Календарь Вятской губерніи на 1891 г.); **И. Дубасова,** Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края, вып. 2. **Гусаковскій,** Изъ прошлаго курской школы (Курскія губерн. вѣдомости, 13 — 15, 20, 23 декабря 1895, 14, 18, 20, 27 января, 10 и 14 февр. 1896). **Н. Ѳ. Казанскій,** Народное образованіе въ Астраханской губерніи. Русская Мысль, 1898, іюнь. **И. М. Чернявскій,** Матеріалы по исторіи народнаго образованія въ Екатеринославскомъ нам. при Екатеринѣ П и Павлѣ (1784 — 1805), Екатеринославъ, 1895. **Андріяшевъ,** Матеріалы для исторіи учебныхъ

заведеній Черниговской дирекціи (1789 — 1832), Кіевъ, 1865. Школьная статистика 1786 — 1800 гг. разработана по даннымъ министерства народнаго просвѣщенія въ статьѣ **К. Арсеньева,** Историко-статистическій очеркъ народной образованности въ Россіи до конца XVШ вѣка, въ «Ученыхъ Запискахъ» Академіи Наукъ, кн. I. Проекты устройства низшей школы см. во «Взглядѣ на учебную часть» и т. д. **гр. Д. А. Толстого;** попытки отдѣльныхъ лицъ въ цитированной статьѣ **К. И. Арсеньева.**

IV.

БОРЬБА ЗА ШКОЛУ И ПРОСВѢЩЕНІЕ ПРИ СТАРОМЪ РЕЖИМѢ.

Политическій характеръ учебныхъ реформъ XIX вѣка: пять перемѣнъ. Неполнота екатерининской учебной системы и систематическая реформа школы въ 1804 г. — Средняя школа по уставу 1804 г. — Происхожденіе университетовъ въ Петербургѣ, Казани и Харьковѣ. — Положеніе профессоровъ по уставу и въ дѣйствительности. — Положеніе студентовъ: ихъ подготовка. — Новыя мѣры для подготовки профессоровъ и студенчества. — Отношеніе общества къ средней школѣ. — Перемѣна задачи средней школы въ реформѣ гр. Уварова. — Побужденія и задачи общей реформы 1828 года. — Средняя школа по уставу 1828 г.: споры о ея программѣ, устройство пансіоновъ. — Университетскій уставъ 1835 г. — Тріединая формула гр. Уварова. — Новые профессора и новая аудиторія. — Гимназическая реформа 1849 — 1851 года. — Новыя мѣры противъ университетской автономіи. — Третья общая реформа школы въ 1863 — 1864 годахъ. — Ея пріемы. — Университетская автономія по уставу 1863 г. — Полемика по вопросу объ организаціи учебной части и отношеніи университета къ студентамъ. — Полемика между сторонниками классической и реальной школы. — Компромиссъ устава 1864 года. — Гимназическая реформа 1871 года и ея результаты. — Университетская реформа 1884 г. — Цифровые итоги высшаго, средняго и низшаго образованія въ учрежденіяхъ министерства народнаго просвѣщенія. — Народная школа. — Приходскія училища уставовъ 1804 и 1828 годовъ. — Первая сельская школа (у казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ). — Новая русская педагогія. — Конкурренція вѣдомствъ и реформа 1864 года. — Усиленіе правительственнаго контроля. — Земская школа и роль въ ней прогрессивныхъ педагоговъ. — Поддержка правительствомъ церковно-приходской школы. — Вопросъ объ обязательномъ обученіи въ 1870-хъ годахъ. — Возвращеніе къ школѣ грамотности. — Новая постановка вопроса о всеобщемъ обученіи. — Роль Государственной Думы. — Ростъ книгоиздательства и повременной печати. Запросы народа и работа интеллигенціи. — Работа «самоуковъ» изъ народа. — Приливъ и отливъ книжной продукціи. — Распространеніе грамотности. — Просвѣщеніе при временномъ правительствѣ.

Мы озаглавили этотъ отдѣлъ «Очерковъ» — «борьбой за школу и просвѣщеніе»: борьбой между властью и общественностью. До сихъ поръ мы тоже наблюдали борьбу *изъ-за* школы: но цѣлью этой борьбы было, по возможности, уклониться отъ пользованія школой. Эта цѣль и въ XIX в. не сразу исчезаетъ, — но уже съ самаго начала XIX она дополняется другою: борьбою за и противъ идей, которыя неизбѣжно несло съ собой образованіе. Втеченіе XIX в. эта борьба все болѣе обостряется, и правительственная власть изъ наступленія постепенно переходитъ къ оборонѣ. Исторія школы и просвѣщенія въ XIX в., собственно, и есть замаскированная исторія этой борьбы. Четыре раза, въ началѣ четырехъ царствованій XIX в., русская высшая и средняя школа подвергалась коренной перестройкѣ. Уже по этой періодичности учебныхъ реформъ можно догадаться, что онѣ вызывались далеко не одними только педагогическими соображеніями.

Послѣ устройства Екатерининской школы общественное образованіе стало силой, которую государственная власть могла употребить на служеніе своимъ цѣлямъ. Соотвѣтственно тому, какъ мѣнялись эти цѣли, мѣнялись и способы ихъ достиженія. Такимъ образомъ, либеральная учебная система имп. Александра I (1804) замѣнена была, послѣ 14 декабря и іюльской революціи, реакціонной системой имп. Николая (1828 для средней, 1835 для высшей школы); и та же смѣна системъ еще разъ повторилась при переходѣ отъ либеральныхъ уставовъ 1863 — 1864 г. къ реакціоннымъ уставамъ 1871 (для гимназій) и 1884 (для университетовъ) годовъ. Пятая смѣна готовится, благодаря общественному оживленію, уже въ концѣ 90-хъ годовъ; но осуществляется она въ революціонные годы 1905 — 1917. Основной чертой второй половины XIX вѣка является усиленіе общественной иниціативы въ дѣлѣ народнаго образованія. Либеральные педагоги разрабатываютъ программу народной школы; земство кладетъ починъ ея осуществленію, а освободительное движеніе расширяетъ ея рамки, содѣйствуетъ ея количественному росту и, наконецъ, привлекаетъ къ дѣлу государственные рессурсы.

При такой тѣсной связи между исторіей русской школы и политическими настроеніями русской власти и общества — совершенно невозможно говорить объ одномъ, не касаясь другого. Но такъ какъ исторія общественныхъ настроеній составляетъ содержаніе 3-й и 4-й части нашихъ «Очерковъ», то здѣсь мы будемъ ограничиваться по возможности короткими напоминаніями объ этой сторонѣ дѣла, для пониманія перемѣнъ, совершившихся во внутреннемъ строѣ средней и высшей школы на протяженіи XIX и начала XX вѣковъ.

Первая изъ существенныхъ перемѣнъ въ учебномъ дѣлѣ отно-

сится къ первымъ годамъ царствованія имп. Александра I, къ началу XIX вѣка. Народное образованіе такъ еще недавно присоединилось къ числу задачъ, принятыхъ на себя государственною властью, что государство не успѣло даже создать особыхъ центральныхъ органовъ для выполненія этой своей функціи. Во главѣ школьнаго дѣла стояло случайное учрежденіе, вызванное къ жизни единовременнымъ и спеціальнымъ порученіемъ — открыть новыя среднія школы; а на мѣстѣ, въ области, — непосредственными начальниками этихъ школъ были старыя губернскія власти. Не имѣя своего спеціальнаго управленія, русская свѣтская школа не имѣла еще и своего собственнаго бюджета *). Она находилась, какъ мы видѣли, въ полной зависимости отъ мѣстныхъ присутственныхъ и сословныхъ кассъ — и даже отъ частной благотворительности. Въ области народнаго образованія, какъ и въ другихъ своихъ начинаніяхъ **), Екатерина II не успѣла довершить начатой реорганизаціи правильнымъ устройствомъ соотвѣтственныхъ центральныхъ учрежденій. Съ другой стороны, новыя Екатерининскія «главныя» и «малыя народныя училища» стояли совершенно особнякомъ отъ другихъ существовавшихъ тогда учебныхъ заведеній. Ни въ учебномъ, ни въ административномъ, ни въ хозяйственномъ отношеніяхъ не было ничего общаго между ними и раньше ихъ учрежденными школами, высшими и средними.

Либеральное законодательство первыхъ лѣтъ имп. Александра пополнило всѣ эти существенные пробѣлы въ организаціи и системѣ русскихъ образовательныхъ учрежденій. Первымъ параграфомъ «Предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія» (24 января 1803 г.), составленныхъ подъ вліяніемъ французскихъ образцовъ времени революціи, — въ частности, проекта Кондорсэ, внесеннаго въ 1792 г. въ Законодательное Собраніе, — опредѣлено было, что «народное просвѣщеніе въ россійской имперіи составляетъ *особенную государственную часть,* ввѣренную министру сего отдѣленія и подъ его вѣдѣніемъ распоряжаемую Главнымъ училищъ Правленіемъ». Дальнѣйшіе параграфы тѣхъ же правилъ установляли и всѣ послѣдующія ступени учебной іерархіи. Шестеро изъ членовъ «Главнаго правленія училищъ» назначались вмѣстѣ съ тѣмъ и «попечителями» шести «полосъ» Россіи, — «округовъ», на которые дѣлилась вся имперія по отношенію къ учебному управленію. Попечитель былъ представителемъ интересовъ своего округа въ Петербургѣ, а на мѣстѣ,

*) Духовная школа уже съ 1765 года получала опредѣленное, хотя и скудное, содержаніе отъ казны.

**) См. «Очерки», т. I.

стоялъ во главѣ округа университетъ. Въ трехъ округахъ университеты уже существовали (Московскомъ, Виленскомъ и Дерптскомъ); въ трехъ другихъ ихъ слѣдовало еще учредить. И уже указомъ 8 сентября 1802 г. («о должности комиссіи училищъ») было признано, что «главною цѣлью, которую должны имѣть члены (они же и попечители) тѣхъ отдѣленій, гдѣ еще нѣтъ университетовъ, есть учрежденіе оныхъ». Такимъ образомъ, правительство ставило на первую очередь осуществленіе задачи, которую намѣтили еще совѣтники Екатерины II, проектируя университеты въ Пензѣ, Черниговѣ и Псковѣ. Но теперь эти учрежденія должны были занять опредѣленное мѣсто въ цѣлой системѣ. Каждый изъ губернскихъ городовъ округа долженъ былъ имѣть свое «губернское училище или *гимназію*», находившуюся подъ наблюденіемъ университета. Директоръ гимназіи былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и директоромъ *уѣздныхъ училищъ*, которыхъ должно было быть, по крайней мѣрѣ, по одному въ каждомъ уѣздномъ и губернскомъ городѣ. Наконецъ, смотритель уѣзднаго училища былъ, въ свою очередь, начальникомъ *приходскихъ училищъ* своего уѣзда. Кромѣ городовъ, эти приходскія училища должны были заводиться во «всякомъ церковномъ приходѣ или двухъ приходахъ вмѣстѣ». Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ они поступали подъ наблюденіе помѣщика, въ казенныхъ селеніяхъ — подъ наблюденіе священника и «одного изъ почтеннѣйшихъ жителей». Преподаваніе должно было быть безплатное и доступное для всѣхъ сословій.

При передѣлкѣ прежнихъ екатерининскихъ школъ въ новыя — первый классъ малаго (и главнаго) училища превращался въ *приходскую школу*. Второй классъ становился первымъ классомъ *уѣзднаго училища,* и къ нему еще вновь прибавлялся второй. Наконецъ, высшіе классы главнаго училища, 3-й и 4-й, превращались въ 1-й и 2-й классы *гимназіи* и къ нимъ вновь прибавлялись еще два старшихъ класса, вовсе не существовавшіе прежде. Такимъ образомъ, прежній четырехлѣтній курсъ главнаго училища превращался въ семилѣтній и послѣдовательно проходился въ трехъ отдѣльныхъ школахъ. Въ уѣздномъ училищѣ уже не учили тому, что преподавалось въ приходскомъ, а въ гимназіи предполагалось извѣстнымъ то, чему учили въ уѣздномъ. Естественно, что и программа средней школы развернулась и стала теперь гораздо обширнѣе и сложнѣе. Приходская школа, кромѣ начатковъ Закона Божія, учила чтенію, письму и началамъ ариѳметики. Въ уѣздномъ училищѣ, кромѣ продолженія Закона Божія и ариѳметики (съ геометріей), преподавалась еще грамматика, географія и исторія, начатки физики, естественной исторіи и технологіи. Въ гимназіи, въ свою очередь, ни Законъ Божій,

ни русскій языкъ уже не проходились. Взамѣнъ Закона Божія преподавалась книга «О должностяхъ человѣка и гражданина», написанная Янковичемъ и проредактированная Екатериной II, въ духѣ моральнаго обоснованія существующаго строя. Затѣмъ освобождалось мѣсто для цѣлаго ряда новыхъ предметовъ, проходимыхъ въ наше время въ составѣ университетскаго курса. Сюда относились, прежде всего, философскія науки: логика (проходившаяся въ первомъ классѣ), психологія и этика (во второмъ классѣ), эстетика (въ третьемъ). Въ четвертомъ классѣ преподавались общественныя науки (естественное и народное право, политическая экономія). Наконецъ, расширены были программы физико-математическихъ и естественныхъ наукъ; преподавались также коммерція и технологія. Эта многопредметная программа, на практикѣ оказавшаяся неосуществимой, также заимствована изъ проекта Кондорсэ; но у него курсъ первичной школы разсчитанъ не на одинъ, а на 4 года, курсъ вторичной школы не на 2, а на 3 года. Одно это обстоятельство уже показывало, что значительная часть реформы 1804 г. останется на бумагѣ.

Зная уже изъ предыдущаго, что дворяне неохотно отдавали своихъ дѣтей въ среднюю школу, а купцы и мѣщане, большею частью, брали ихъ обратно, не доводя до высшихъ классовъ, мы недоумѣваемъ, для кого же, въ самомъ дѣлѣ, предназначалась эта сложная программа. «Главное училище» Екатерины было уже такъ устроено, что его можно было бросить въ какой угодно годъ, и все-таки ученикъ выносилъ изъ него нѣчто цѣльное. Въ гимназію же 1804 года, чтобы только поступить, надо было предварительно учиться цѣлыхъ три года. Что могло побуждать учениковъ доходить до гимназіи и кончать въ ней курсъ? Правительство предусмотрѣло это затрудненіе и попыталось принять для его устраненія цѣлый рядъ поощрительныхъ и понудительныхъ мѣръ. Гимназія становилась путемъ въ университетъ, а университетъ обѣщалъ въ перспективѣ оберъ-офицерскій чинъ. Чтобы закрыть обходные пути къ чинамъ, въ «предварительныхъ правилахъ» 1803 года было постановлено: «ни въ какой губерніи спустя пять лѣтъ по устроеніи... училищной части, никто не будетъ опредѣленъ къ гражданской должности, требующей юридическихъ и другихъ познаній, не окончивъ ученія въ общественномъ или частномъ училищѣ». И дѣйствительно, въ 1809 г. вышелъ знаменитый указъ Сперанскаго объ экзаменахъ на чинъ. Указъ находилъ, что «дворянство, обыкшее примѣромъ своимъ предшествовать всѣмъ другимъ состояніямъ..., менѣе другихъ пріемлетъ участія» въ школьномъ обученіи своихъ дѣтей. Объяснялось это «удобностью дости-

гать чиновъ не заслугами и отличными познаніями, но однимъ пребываніемъ и счисленіемъ лѣтъ службы». Этотъ-то широко раскрытый передъ дворянствомъ путь къ чинамъ помимо школы Сперанскій рѣшился преградить своимъ указомъ объ экзаменахъ. Теперь всякій, желавшій получить чинъ коллежскаго ассесора, долженъ былъ выдержать экзаменъ въ университетѣ.

Насколько помогли гимназіямъ всѣ эти мѣры, мы скоро увидимъ. Теперь же замѣтимъ, что при новомъ уставѣ существованіе средней школы вообще не зависѣло болѣе отъ того, насколько она была нужна или не нужна тогдашнему обществу. Увеличивъ штатное содержаніе училищъ вдвое сравнительно со штатами Екатерины II, правительство рѣшилось принять дополнительные расходы на счетъ казны. Передъ началомъ реформы разсчитывали, что содержаніе новыхъ учебныхъ заведеній (4-хъ университетовъ, 42 гимназій, 405 уѣздныхъ училищъ) обойдется въ 1.319.450 руб.: почти на милліонъ дороже, чѣмъ обходились школы Екатерины (342.700 р.). Въ дѣйствительности, министерству пришлось расходовать гораздо больше, такъ какъ приказы общественнаго призрѣнія и городскія думы были очень рады случаю отказаться отъ дальнѣйшей уплаты своихъ субсидій на школы. Такимъ образомъ, и въ хозяйственномъ отношеніи русская средняя школа (гимназія) сдѣлалась съ этого времени государственной. Нужно, однако, прибавить, что правительственный планъ былъ осуществленъ далеко не сразу. Такъ, въ 1809 г., т. е. черезъ пять лѣтъ послѣ введенія реформы, было открыто въ четырехъ округахъ (не включая Польшу) 26 гимназій на 39 губ. городовъ и 72 уѣздныхъ училища на 436 городовъ, т. е. программа въ первомъ случаѣ была выполнена на 66 %, а во второмъ на 19 %. Нечего и говорить, что по отношенію къ приходскимъ училищамъ, не обезпеченныхъ никакимъ бюджетомъ, программа почти вовсе не была выполнена. За 1803 — 1813 гг. открыто было всего 192 приходскихъ училища, и до самаго конца царствованія Александра I открывалось въ годъ, среднимъ числомъ, по 10-ти. Сперанскій могъ заявить Александру, что вся система построена «вопреки здравому смыслу, ибо здравый смыслъ требуетъ начинать вещи съ ихъ основанія и вести къ совершенству постепенно, и, слѣдовательно, должно бы было начать народными школами и кончить академіей». То же возраженіе можно было сдѣлать Петру Великому и всѣмъ его преемникамъ. Но и прошлая и послѣдующая исторіи русской школы покажетъ, что, даже независимо отъ политическихъ соображеній, ввести начальную школу было всего труднѣе — и появилась она послѣдней, ибо требовала наибольшихъ денежныхъ средствъ и предварительной подготовки огромнаго

корпуса учителей. За ихъ отсутствіемъ при реформѣ 1804 г. было предписано епархіальнымъ архіереямъ командировать на должности учителей уѣздныхъ училищъ и гимназій — семинаристовъ; а въ сельскихъ приходскихъ училищахъ должны были обучать приходское духовенство и причетники. Другими словами, правительству снова пришлось прибѣгнуть къ тому же единственному рессурсу, къ которому оно прибѣгало въ XVIII вѣкѣ.

Обезпечить новой школѣ учителей было теперь гораздо труднѣе, чѣмъ прежде, въ виду большей сложности школьныхъ программъ. Предметы университетскаго курса, введенные въ гимназію, требовали совершенно новыхъ преподавателей, хорошо усвоившихъ курсъ высшей школы. Эта потребность въ преподавателяхъ, прошедшихъ высшую школу, и становится теперь главнымъ побужденіемъ, заставляющимъ торопиться съ устройствомъ университетовъ. Уже «предварительныя правила» постановляютъ, что «всякій университетъ долженъ имѣть учительскій или *педагогическій институтъ*. Институтъ этотъ долженъ пополняться казенными стипендіатами, которые за получаемыя ими стипендіи обязуются прослужить въ учительскомъ званіи, по крайней мѣрѣ, шесть лѣтъ. Самый выборъ мѣстъ для учрежденія новыхъ университетовъ, несомнѣнно, опредѣлялся тѣмъ, насколько легко было именно въ этихъ мѣстахъ доставать желаемое число «кандидатовъ» на должность учителя.

Петербургъ былъ, конечно, уже по екатерининской традиціи, первымъ изъ такихъ мѣстъ. Учительская семинарія, доставлявшая учителей въ «главныя» и «малыя народныя училища», окончила свою роль; выпустивъ въ 1801 году послѣднихъ своихъ студентовъ, она существовала только по имени. 20 мая 1803 года она была возобновлена. Черезъ два мѣсяца вызваны были для преподаванія новыхъ предметовъ, необходимыхъ для гимназій, трое уроженцевъ карпатской Руси: Лодій — для философскихъ наукъ, Балугьянскій — для общественныхъ и Кукольникъ — для физики, химіи, технологіи и сельскаго домоводства. Студенты, въ количествѣ ста человѣкъ, по прежнему обычаю, вызваны были изъ духовныхъ семинарій. Такимъ образомъ «учительская гимназія», переименованная въ 1804 г. въ «Педагогическій институтъ», сдѣлала первый шагъ къ превращенію въ университетъ. Второй шагъ былъ сдѣланъ въ 1811 году, когда профессорамъ института пришлось открыть особые курсы для вольныхъ слушателей, желавшихъ экзаменоваться на чины колежскаго ассесора и статскаго совѣтника (по указу 6 авг. 1809 г.). Этими двумя рядами лекцій — для будущихъ учителей и для будущихъ чи-

новниковъ — ближайшія задачи института были выполнены; на томъ пока дѣло и остановилось.

Другимъ мѣстомъ, которое само собой намѣчалось, какъ будущій университетскій разсадникъ учителей, являлась Казань. Казанская гимназія, уступившая было при Екатеринѣ мѣсто «главному народному училищу», но возобновленная при Павлѣ съ расширенной программой, была, благодаря этой программѣ, въ своемъ родѣ единственнымъ среднеучебнымъ заведеніемъ. Превратить ея воспитанниковъ въ казеннокоштныхъ студентовъ «Педагогическаго института» ничего не стоило. Въ этомъ — или почти въ этомъ — и заключалось первоначальное устройство (въ 1804 году) казанскаго университета. За первыя десять лѣтъ его существованія число его студентовъ колебалось между 40 — 50, и изъ этого числа отъ 30-ти до 40 принадлежало къ числу казенныхъ стипендіатовъ, готовившихся въ учителя. Такъ какъ этимъ главное назначеніе университета вполнѣ достигалось, то и здѣсь министерство не спѣшило съ превращеніемъ новаго учрежденія въ настоящій университетъ.

Третьимъ пунктомъ, удобнымъ для устройства педагогическаго института являлся Кіевъ со своей старинной академіей. Но случайное обстоятельство заставило главное правленіе перемѣнить Кіевъ на Харьковъ. Дѣло въ томъ, что извѣстный энтузіастъ и ревнитель просвѣщенія В. Н. Каразинъ, дѣлопроизводитель главнаго правленія училищъ, рѣшился употребить всѣ усилія, чтобы измѣнить выборъ въ пользу своей родины. Онъ достигъ своей цѣли, хотя и нѣсколько рискованнымъ путемъ. Онъ сообщилъ государю о крупномъ пожертвованіи (400.000) на университетъ харьковскаго дворянства, раньше, чѣмъ получилъ согласіе самихъ дворянъ. Этимъ онъ заставилъ своихъ собратій волей-неволей быть щедрыми. Дворянство, самое большее, желало привилегированнаго военно-учебнаго заведенія. Вмѣсто того, оно получило за свои деньги сколокъ съ германскаго университета.

Правда, и въ Харьковѣ существовало старое учебное заведеніе, которое могло оказать нѣкоторую помощь будущему университету. Это былъ харьковскій «коллегіумъ», — духовная школа съ семинарскимъ курсомъ и съ всесословнымъ составомъ учениковъ. Но привязывать университетъ къ «коллегіуму», въ виду крупнаго пожертвованія, не было никакой надобности. Такимъ образомъ, здѣсь впервые учрежденъ былъ сразу настоящій университетъ такого типа, какой былъ намѣченъ въ «предварительныхъ правилахъ» 1803 г. 5 ноября 1804 года харьковскій университетъ получилъ свой уставъ — въ одно время съ казанскимъ. Но на этотъ разъ уставъ былъ не одной мертвой

буквой. Съѣхавшіеся въ Харьковъ иностранные профессора, по преимуществу нѣмцы, могли на самомъ дѣлѣ думать одно время, что привезли въ дикія русскія степи академическую атмосферу своей родины. Они засѣдали въ «совѣтѣ», автономной корпораціи, выбиравшей своего ректора и деканов; эти выборныя лица завѣдывали хозяйственными дѣлами въ «правленіи». Организація преподаванія была отдана всецѣло въ распоряженіе совѣта. Для своихъ членовъ университетъ имѣлъ собственный судъ, на который жаловаться можно было только сенату. До мѣстной полиціи профессорамъ не было никакого дѣла. Въ глазахъ мѣстнаго общества профессоръ былъ раздаватель чиновъ *) и самъ — чиновникъ высокаго ранга. Ближайшій начальникъ, попечитель, жилъ въ Петербургѣ, далеко отъ университета, какъ и слѣдовало по мнѣнію ученаго историка нѣмецкихъ университетовъ, Мейнерса, находившаго, что такая отдаленность лучше всего предупреждаетъ партійное вмѣшательство попечителя во внутреннюю жизнь университета.

Очень скоро всѣ эти тонкости устава 1804 года оказались чистѣйшей иллюзіей. При первой же попыткѣ совѣта настоять на одномъ изъ своихъ постановленій, незаконно кассированномъ попечителемъ, — велѣно было профессоровъ, подписавшихъ протестъ, «призвать въ харьковское губернское правленіе и сдѣлать имъ строжайшій выговоръ, съ подтвержденіемъ, что ежели впредь окажутъ подобное непослушаніе, то будутъ преданы суду». Выборы совѣта безъ церемоніи отмѣнялись, ученыя степени давались по усмотрѣнію попечителя. Русскіе члены, составлявшіе меньшинство совѣта, постоянно ставили иностранцамъ ловушки и запутывали ихъ въ лабиринтѣ русскихъ указовъ. Лучшіе изъ иностранцевъ не выдержали этой борьбы и спѣшили уѣхать, чтобы не поплатиться здоровьемъ и силами. Въ Казани положеніе дѣлъ было еще хуже. Рядомъ съ «совѣтомъ» профессоровъ по уставу 1804 г. тамъ распоряжался директоръ гимназіи (Яковкинъ), находившій безусловную поддержку въ попечителѣ. Всѣ его противники получили, въ результатѣ борьбы за автономію, отставку, и университетъ на нѣсколько лѣтъ опустѣлъ. Мѣсто серьезныхъ ученыхъ заняли молодые карьеристы, вродѣ Кондырева, умѣвшіе читать всѣ науки, какія потребуется, писать, о чемъ угодно, угождать начальству «благонравіемъ» и не церемониться съ подчиненными. Въ 1815 г. казанскій университетъ отдѣленъ былъ, наконецъ, вполнѣ отъ гимназіи и пополненъ новымъ составомъ про-

*) Кончившій университетъ студентъ числился въ 14-мъ классѣ, кандидатъ — въ 12-мъ, магистръ — въ 9-мъ, докторъ — въ 8-мъ.

фессоровъ. Но этотъ періодъ его автономіи продолжался не долго. Въ 1819 году онъ сдѣлался первой жертвой реакціи, примѣнявшей къ русскимъ университетамъ политику священнаго союза. Какъ извѣстно, система священнаго союза, особенно послѣ такъ называемыхъ Карлсбадскихъ постановленій 1819 г., внесла въ школьную политику идею борьбы съ революціонными стремленіями, при чемъ оздоровленія народнаго образованія предполагалось достигнуть, основавъ его на религіозномъ началѣ. Исполнителемъ этой системы въ Казанскомъ округѣ явился ревизоръ и новый попечитель Магницкій, обвинившій почти всѣхъ профессоровъ въ неблагонадежности, а студентовъ въ распущенности, и предложившій поправить дѣло пріостановкой или «публичнымъ разрушеніемъ» университета. Такъ далеко дѣло не пошло, но неблагонадежные профессора были уволены, учреждена должность директора по «экономической, полицейской и нравственной части» и дана ему знаменитая «инструкція», по которой не только «политическое право», но и физика, и естественная исторія, и астрономія, и даже медицина и математика должны были преподаваться въ духѣ Священнаго Писанія, словесность изучаться по Библіи, древніе языки — по твореніямъ святыхъ отцовъ, исторія — начинаться съ христіанства и т. д.

Періодъ процвѣтанія петербургскаго университета былъ еще короче. Только въ 1819 году онъ превращенъ былъ окончательно въ университетъ изъ педагогическаго института. Это была послѣдняя уступка, вырванная у реакціи молодымъ тогда попечителемъ, гр. С. С. Уваровымъ. Недовѣріе къ университетской автономіи выразилось здѣсь въ томъ, что рядомъ съ выборнымъ ректоромъ оставленъ былъ правительственный «директоръ»; профессорская «конференція» занималась только учебными дѣлами. Въ 1821 году разразилась надъ петербургскимъ университетомъ гроза по поводу либеральнаго направленія профессорскихъ лекцій. Новый попечитель, Руничъ, долженъ былъ примѣнить тутъ казанскую инструкцію, пріемъ студентовъ былъ пріостановленъ, либеральные профессора отданы подъ судъ и т. д. Послѣдствіемъ грозы и здѣсь была замѣна лучшихъ профессоровъ поколѣніемъ совершенныхъ ничтожностей. «Изъ новыхъ лицъ — замѣчаетъ объ этомъ поколѣніи историкъ петербургскаго университета, — не было, за исключеніемъ Сенковскаго, ни одного, которое бы о знаніяхъ и способностяхъ своихъ заявило чѣмъ-нибудь въ ученомъ мірѣ... Они не подняли понизившагося уровня университета, ни умственнаго, ни нравственнаго. Еще менѣе способны были замѣнить выбывшихъ молодые воспитанники самого университета, окончившіе курсъ въ 1823 году и оставленные при немъ для испра-

вленія должности магистровъ... Молодежь эта болѣзненно поражена была разгромомъ 1821 года въ самой веснѣ жизни... до такой степени, что никогда, даже и при благопріятной перемѣнѣ обстоятельствъ, не могла уже очнуться, чтобы думать не по заданной программѣ и дѣйствовать не по чужой указкѣ».

Такимъ образомъ, первые успѣхи русскихъ университетовъ оказались непрочными, Правительство забыло ту истину, которая еще при имп. Екатеринѣ II, въ 1787 году, высказана была комиссіей, вырабатывавшей планъ университетскаго устройства. По плану этой комиссіи, профессора «не подвергаются принужденію ни въ разсужденіи правилъ науки, ни въ разсужденіи книгъ учебныхъ: свобода мыслей способствуетъ вообще знаніямъ, но при такой наукѣ, въ коей ежедневно являются новыя разрѣшенія и новыя открытія, нужна она особливо».

Была, однако же, и другая, не менѣе важная, причина неуспѣха университетовъ. Эта причина заключалась уже не въ положеніи профессоровъ, а въ положеніи студентовъ. Прежде всего, какъ мы знаемъ, число поступавшихъ въ университетъ было крайне незначительно. Старый московскій университетъ, имѣвшій въ 20-хъ годахъ 700 — 900 студентовъ, былъ въ этомъ случаѣ исключеніемъ; новые университеты насчитывали въ первое десятилѣтіе своего существованія всего по нѣсколько десятковъ слушателей; и ко второму десятилѣтію число послѣднихъ едва перевалило за сотню *). Это было совершенно естественно, — особенно въ виду новой политики правительства, закрывшаго доступъ въ гимназіи «дѣтямъ несвободныхъ состояній» безъ спеціальнаго разрѣшенія министра (1813) и начавшаго покровительствовать сословной школѣ. Дворянство, стремившееся въ военную службу предпочитало спеціальныя учебныя заведенія, которыя правительство охотно для него открываетъ. Для чиновниковъ заведены были особые, упрощенные курсы. А лица, желавшія обезпечить дѣтямъ не одну только карьеру, но и правильное воспитаніе, предпочитали частные пансіоны. Уступая требованіямъ дворянства, правительство и при университетахъ стало открывать «благородные пансіоны». Одно время даже пансіонъ при петербургской гимназіи былъ превращенъ въ привилегированное «высшее учи-

---

*) Число студентовъ въ **русскихъ** университетахъ (т. е. не считая дерптскаго, виленскаго и гельсингфорскаго) въ 1808 и 1824 гг. слѣдующее:

	Моск.	Харьк.	Казанск.	Петерб.
1808 г.	135	82	40	—
1824 г.	820	337	118	51

лище», дававшее права университетскаго курса. Какъ все это отвлекало молодежь отъ университетовъ и гимназій, видно будетъ изъ слѣдующей таблицы учащихся въ Петербургскомъ учебномъ округѣ:

	1810 г.	1820 г.	1824 г.	1828 г.
1. Педагогич. институтъ и университетъ*)	102	85	51	168
2. Благородный пансіонъ	—	105	68	100
3. Высшее учил. (1822 — 1837)	—	—	395	386
4. Гимназія	458	760	450	431
5. Частные пансіоны и училища	1.647	2.002	2.027	2.275
6. Уѣздныя и приходск. училища	4.043	3.770	4.465	4.689

Мы видимъ, какъ вторая и третья рубрики (благородный пансіонъ и Высшее училище) растутъ въ ущербъ первой и четвертой (университету и гимназіи), а пятая (частные пансіоны) — въ ущербъ всѣмъ остальнымъ. Пансіоны отвѣчали требованіямъ зажиточныхъ классовъ, обучая новымъ языкамъ и хорошимъ манерамъ. Другихъ требованій пока еще никто и не предъявлялъ средней школѣ. Это отзывалось и на положеніи высшей школы. Туда оставалось идти только для педагогической карьеры или для полученія казенной стипендіи. Конечно, второе привлекало больше, чѣмъ первое. Родители казенныхъ стипендіатовъ и сами они употребляли всевозможныя усилія, чтобы ускользнуть отъ учительской службы по окончаніи курса; въ крайнемъ случаѣ, они предпочитали даже вовсе не кончать курса. Такимъ образомъ, студенты не были ничѣмъ заинтересованы въ успѣшномъ прохожденіи курса, — кромѣ, конечно, идеальныхъ побужденій, встрѣчавшихся не часто.

Но и при всемъ желаніи, для успѣшныхъ занятій въ университетѣ у слушателей не хватало надлежащей подготовки. Гимназія, въ лучшемъ случаѣ, выпускала ихъ съ механически вызубренной номенклатурой знаній, которая скоро испарялась изъ памяти, не оставляя слѣдовъ. Такимъ образомъ, въ университетѣ, вмѣсто прохожденія университетскаго курса, студентамъ приходилось прежде всего повторять гимназическіе предметы, или такъ называемый «пріуготовительный курсъ». Этимъ курсомъ часто, — какъ, напр., въ казанскомъ университетѣ первыхъ годовъ, — и кончались всѣ занятія въ

*) Въ 1810 г. всѣ казеннокоштные, т. е. стипендіаты для подготовки къ учительской профессіи; въ 1820 г. только 24 своекоштныхъ, въ 1828 — только 48.

университетѣ. До «спеціальныхъ» факультетскихъ курсовъ доходили только отдѣльные, наиболѣе усердные студенты. Но тутъ являлось новое препятствіе. Спеціальные курсы читались приглашенными изъ-за границы профессорами, преимущественно на латинскомъ языкѣ. А въ латинскомъ языкѣ студенты были еще слабѣе, чѣмъ въ новыхъ, которыхъ они, впрочемъ, тоже почти не знали. Что же было дѣлать? Понятно, что при этихъ условіяхъ профессору приходилось сперва диктовать латинскій текстъ лекціи, а затѣмъ дважды объяснять его: по-нѣмецки той части аудиторіи, которая не училась французскому языку и по-французски другой части, которая не училась нѣмецкому. И при всемъ томъ содержаніе лекціи должно было оставаться для слушателей въ туманѣ. Меньше всего страдала отъ вытекавшихъ отсюда взаимныхъ недоразумѣній математика; поэтому математическія науки и были единственными, въ которыхъ тогда уже русскіе студенты оказали блестящіе успѣхи. Всего хуже шло медицинское преподаваніе. Требуя отъ университетовъ на первый разъ только учителей, правительство не спѣшило устраивать медицинскіе факультеты. Большинство медицинскихъ каѳедръ оставалось незанятыми; необходимыхъ пособій не было; наличные курсы посѣщались только изъ любознательности отдѣльными студентами и нерѣдко прекращались вовсе, за отсутствіемъ слушателей. Изъ другихъ спеціальныхъ курсовъ только лекціи по флософскимъ и политическимъ наукамъ могли разсчитывать на постоянную аудиторію: онѣ подготовляли будущихъ гимназическихъ учителей къ преподаванію этихъ предметовъ, значившихся, какъ сказано выше, въ гимназической программѣ 1804 года. Впрочемъ, при пересмотрѣ учебныхъ плановъ гимназій въ эпоху реакціи, въ 1819 г., какъ разъ эти предметы (право, политическая экономія, философія, эстетика) были исключены и замѣнены греческимъ языкомъ и чтеніемъ св. писанія.

Два вывода само собою вытекали изъ описаннаго состоянія высшей школы: оба они и были немедленно сдѣланы. Во-первыхъ, надо было, очевидно, постараться, чтобы профессора читали лекціи на языкѣ, понятномъ для слушателей. Вызовъ иностранныхъ профессоровъ оказался мѣрой нецѣлесообразной: послѣ перваго массоваго призыва при введеніи устава 1804 года, эта мѣра болѣе и не повторялась. Но невозможнымъ оказалось также и подготовить компетентныхъ замѣстителей этимъ профессорамъ въ юныхъ русскихъ университетахъ. Оставалось одно: посылать русскихъ за-границу. Уже въ 1808 году этотъ способъ былъ испробованъ съ 12-ю воспитанниками педагогическаго института; изъ нихъ вышли такіе выдающіеся профессора, какъ Галичъ, Плисовъ, Куницынъ, — всѣ постра-

давшіе въ погромѣ 1821 года. Когда наступившій затѣмъ «общій научный упадокъ университетовъ... сознанъ былъ самимъ высшимъ правительствомъ», — для поднятія профессорскаго уровня рѣшено было прибѣгнуть къ той же самой мѣрѣ. Въ ноябрѣ 1827 г. состоялось высочайшее повелѣніе послать сперва въ Дерптъ, а затѣмъ въ Берлинъ и Парижъ 20 способнѣйшихъ студентовъ, выбранныхъ изъ всѣхъ университетовъ. Къ нимъ присоединены были въ слѣдующемъ 1828 г. еще шестеро лучшихъ студентовъ, выбранныхъ изъ московской и петербургской академій для подготовки на каѳедру законовѣдѣнія. Такимъ образомъ предполагалось устранить ту причину неуспѣшности университетскаго преподаванія, которая зависѣла отъ состава профессоровъ.

Другой причиной была, какъ мы видѣли, неподготовленность студентовъ, вытекавшая изъ неудовлетворительной постановки гимназическаго преподаванія. Реформа 1804 г., какъ мы знаемъ, наполнила гимназическую программу университетскими предметами. Она исходила при этомъ изъ того предположенія, — прямо высказаннаго въ 1812 году министромъ Разумовскимъ, — что «*не всякій* имѣетъ возможность продолжать занятія въ университетѣ», и поэтому гимназія должна дать законченный курсъ свѣдѣній, необходимыхъ для развитія и для практической жизни. Самое устройство университетовъ, какъ мы видѣли, должно было служить прежде всего лишь *средствомъ* для подготовки гимназическихъ учителей. Въ своемъ скептицизмѣ реформаторы были, однако же, еще слишкомъ большими оптимистами. Не только университетъ доступенъ былъ «не всякому», но и созданная вновь гимназія почти *никому* не была нужна при тогдашнемъ отношеніи общества къ образованію. Большинство продолжало, какъ и прежде, ограничиваться прохожденіемъ младшихъ классовъ главнаго училища; а эти классы составили теперь, какъ мы знаемъ, приходское и уѣздное училища. Даже новый, высшій классъ уѣзднаго училища казался обществу излишнимъ обремененіемъ. Смотритель Валдайскаго малаго училища писалъ, напр., въ 1817 г., передъ предстоявшимъ преобразованіемъ его въ уѣздное: «родители учащихся I-го, а особенно II-го класса просятъ, дабы дѣтей ихъ обучать токмо чтенію и чистописанію, отнюдь не занимая никаковыми предметами, положенными въ уставѣ, потому что не признаютъ оныхъ для дѣтей своихъ нужными, — объявляя притомъ, что, въ противномъ случаѣ, они не будутъ ихъ пускать въ училище, и *доказываютъ сіе самымъ дѣломъ*». Можно подумать, что такъ смотрѣло тогда на дѣло только купечество и мѣщанство уѣзднаго города, дававшее огромное большинство учениковъ въ уѣздную школу. Но то же узнаемъ

и о чиновничествѣ губернскихъ городовъ. Напр., пермскій директоръ пишетъ: «чиновники болѣе достаточные спѣшатъ поскорѣе пристроить своихъ дѣтей къ должности, не столько для полученія жалованья, сколько для *ранней заслуги чиновъ;* а бѣдные и матери сиротъ часто безвременно дѣтей своихъ отвлекаютъ отъ ученія, съ тѣмъ, чтобы снискать пособіе въ хозяйствѣ, и иногда и самое пропитаніе». Словомъ, положеніе оставалось такимъ же, какимъ мы видѣли его при введеніи екатерининской школьной реформы. Дворянство, — тоже по прежнему, — не довѣряло воспитательной сторонѣ казенной школы и интересовалось совсѣмъ другими предметами, чѣмъ преподававшіеся тамъ. Въ видѣ уступки дворянскимъ вкусамъ, гимназіямъ приходилось усиливать практику французскаго языка, вводить фехтованье и танцы. Но и это мало помогало.

Итакъ, образовательная часть въ гимназіяхъ 1804 года стояла гораздо выше, а воспитательная значительно ниже, чѣмъ требовалось для дворянства и для зажиточныхъ классовъ того времени. Въ результатѣ, гимназія и особенно ея высшіе классы — существовала для слишкомъ немногихъ, чтобы продолжать быть *цѣлью* самой по себѣ. Между тѣмъ, при уставѣ 1804 года она не годилась и какъ *средство* для подготовки къ высшей школѣ. Въ ней преподавались, неизвѣстно для кого университетскіе курсы; послѣдствіемъ этого было то, что въ университетѣ приходилось преподавать гимназическіе. Въ результатѣ — университетъ страдалъ отъ постановки преподаванія въ гимназіи, а гимназія — отъ постановки преподаванія въ университетѣ. Надо было выйти изъ этого круга. Если, какъ оказывалось, гимназія не можетъ служить своимъ собственнымъ задачамъ, то нужно было, чтобы она, по крайней мѣрѣ, служила задачамъ университета. При тогдашнемъ составѣ университетскихъ профессоровъ достигнуть этого лучше всего можно было, научивъ гимназистовъ, какъ слѣдуетъ, латинскому языку. «Мнѣ кажется, — писалъ уже въ 1807 году казанскій попечитель, — что гимназистъ, оказавшій довольные успѣхи въ латинскомъ языкѣ, при посредственномъ успѣхѣ въ другихъ предметахъ, достойнѣе названъ быть можетъ студентомъ, нежели не могущій разумѣть профессорскихъ лекцій, но успѣвшій въ исторіи, географіи, математикѣ и въ прочемъ, потому что въ гимназіи преподаваемыя наставленія знающій латинскій языкъ будетъ имѣть случай повторить, посѣщая профессорскія лекціи». Въ 1811 году на эту же точку зрѣнія сталъ рѣшительно петербургскій попечитель, гр. С. Уваровъ, и основалъ на ней новую реформу гимназій своего округа, долженствовавшую вскорѣ послужить образцомъ для всей имперіи.

«Цѣль гимназіи вообще есть приготовленіе учащихся къ слуша-

нію академическихъ или университетскихъ курсовъ наукъ», — таково основное положеніе реформы гр. Уварова. Въ XVIII вѣкѣ эта цѣль опредѣлялась совершенно наоборотъ. «Цѣлью воспитанія и ученія въ гимназіи», говорилось въ 1797 году, «полагается то, чтобы со временемъ можно было получить людей, способныхъ болѣе къ гражданской жизни, и къ военной, и гражданской службѣ, нежели къ состоянію, отличающему ученаго человѣка». Мы видѣли, что и программы 1804 г. готовили гимназическую молодежь для жизни, а не для школы. Неудача этихъ программъ создала для гимназій то положеніе, которое формулировано въ приведенномъ тезисѣ Уварова. Выводы изъ него слѣдовали сами собою. Во-первыхъ, «въ курсъ гимназическій не должны входить такіе предметы, которые предоставляются однимъ университетамъ», т. е. науки философскія и общественныя. Во-вторыхъ, гимназія должна ввести, какъ главные, тѣ предметы, безъ которыхъ научныя занятія въ университетѣ были невозможны въ то время, т. е. классическіе языки и прежде всего латинскій. Законъ Божій и русскій языкъ, отведенные уставомъ 1804 г. въ программу уѣздныхъ училищъ, снова водворялись въ гимназической программѣ. Примыкали къ гимназіи и отдѣленные отъ нея низшіе классы. Такимъ образомъ получался семигодичный курсъ съ предметами, очень близкими къ позднѣйшей программѣ гимназій. Латинскій языкъ начинался съ третьяго класса (всего — 32 часа въ недѣлю); въ двухъ старшихъ проходился и греческій (6 часовъ). 7 ноября 1811 года планъ Уварова былъ утвержденъ и примѣненъ, въ видѣ опыта, въ петербургской гимназіи. Въ 1817 году рѣшено было ввести уваровскую программу во всѣхъ русскихъ гимназіяхъ.

Таково происхожденіе и первые шаги классической школы въ Россіи. Древніе языки, какъ видимъ, введены были въ ея программу, не какъ орудіе формальнаго развитія, а какъ необходимое средство къ пріобрѣтенію высшихъ познаній въ университетѣ. «Знаніе латинскаго языка», говорилось въ указѣ 7 іюля 1811 года, «доказываетъ пріобрѣтеніе глубокихъ и твердыхъ свѣдѣній въ словесности вообще, исторіи, археологіи, миѳологіи, и прочихъ подобныхъ симъ наукахъ». Этотъ аргументъ, очевидно, могъ сохранять свою силу лишь до тѣхъ поръ, пока русскому студенту приходилось слушать «словесность, исторію, миѳологію и прочія науки» у иностраннаго преподавателя по латыни.

Какъ видимъ, поводовъ для новой общей реформы высшей и средней школы имѣлось на лицо достаточно. Общая реформа произведена была, однако, не подъ вліяніемъ приведенныхъ выше педагогическихъ, а подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, политическихъ

соображеній. Такъ поставило и рѣшило задачу правительство Николая I-го.

Въ манифестѣ 13 іюля 1826 г., объявлявшемъ въ общее свѣдѣніе приговоръ надъ декабристами, правительство обращало вниманіе родителей на необходимость «нравственнаго воспитанія дѣтей». «Не просвѣщенію, но праздности ума, болѣе вредной, нежели праздность тѣлесныхъ силъ, — недостатку твердыхъ познаній должно приписать сіе своевольство мыслей, сію пагубную *роскошь полупознаній*, сей порывъ въ мечтательныя крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, а конецъ — погибель. Тщетны будутъ всѣ усилія, всѣ пожертвованія правительства, если домашнее воспитаніе не будетъ пріуготовлять нравы и содѣйствовать его видамъ». Такъ говорилось въ манифестѣ. Реформа школы представлялась императору Николаю первымъ и самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для отрезвленія общества «отъ дерзновенныхъ мечтаній». Рескриптомъ 14 мая 1826 года онъ назначилъ особый «комитетъ устройства учебныхъ заведеній», цѣлью котораго было «безъ всякаго отлагательства» ввести единообразіе въ учебную систему, «дабы уже, за совершеніемъ сего, воспретить всякія произвольныя преподаванія ученій, по произвольнымъ книгамъ и тетрадямъ». Во исполненіе этой директивы министръ Шишковъ, крайній націоналистъ, и врагъ «французскаго вольномыслія», выступилъ передъ комитетомъ съ обширнымъ планомъ общей реформы. Планъ этотъ построенъ былъ на двухъ основныхъ идеяхъ. Первая идея заключалась въ предложеніи «расположить ученіе въ каждомъ изъ учебныхъ заведеній такимъ образомъ, чтобы оно могло служить окончательнымъ образованіемъ того класса людей, для котораго таковыя училища преимущественно учреждаются». Другими словами, вмѣсто одной безсословной школы съ одинаковой программой для всѣхъ, — предполагалось создать нѣсколько сословныхъ школъ съ различными программами. Екатерининская школа была, какъ мы знаемъ, одна для всѣхъ; во всякой школѣ можно было начать ученье сначала и бросить, когда кто хотѣлъ. Съ такой системой достигалось единство образованія, но нельзя было высоко поднять его уровня. Напротивъ, александровская система связывала всѣ учебныя заведенія въ одну непрерывную цѣпь, такъ что низшая школа по необходимости являлась, главнымъ образомъ, ступенью къ высшей. Если первую систему можно представить себѣ въ видѣ ряда концентрическихъ круговъ, то вторая скорѣе похожа на лѣстницу, низомъ своимъ опиравшуюся на народную массу, а верхомъ достигавшую университета. Николаевская система стремилась занять среднее положеніе. Александровскую лѣстницу учебныхъ заведеній

—она рѣшила снова разнять на части, но изъ каждой части сдѣлать совершенно особое, самостоятельное цѣлое. Шишковъ исходилъ изъ несомнѣннаго факта, «что изъ уѣзднаго училища развѣ сотый человѣкъ поступитъ въ университетъ, между тѣмъ какъ 99 окончатъ ученіе свое въ семъ училищѣ и частію въ гимназіи». «Слѣдовательно», выводилъ онъ отсюда, «при назначеніи постепенности учебныхъ заведеній, отнюдь не должно исключительно имѣть въ виду приготовленіе учениковъ къ переходу изъ одного заведенія въ другое высшее, но потребности тѣхъ состояній, которыя должны были получить въ нихъ окончательное образованіе... Приходскія школы должны существовать у насъ преимущественно для крестьянъ, мѣщанъ и промышленниковъ низшаго класса; уѣздныя — для купечества, оберъ-офицерскихъ дѣтей и дворянъ; гимназіи преимущественно для дворянъ, не лишая, впрочемъ, и другія состоянія права поступать въ нихъ». Такимъ образомъ, изъ педагогическихъ соображеній искусно выводился тотъ политическій тезисъ, что никто не долженъ получать образованія выше своего званія. Но сдѣланныя при этомъ оговорки уже могли показать, что въ дѣйствительности все останется по старому.

Другая идея реформы 1828 г. была та, что школа должна не только учить, но и воспитывать, и что это воспитаніе должно всецѣло находиться въ рукахъ государства. Эта идея всего ярче выражена въ извѣстной запискѣ Пушкина, поданной Николаю. «Должно увлечь все юношество въ общественныя заведенія, подчиненныя надзору правительства; должно его тамъ удержать (на большое количество лѣтъ), дать ему время перекипѣть, обогатиться познаніями, созрѣть въ тишинѣ училищъ, а не въ шумной праздности казармъ... Нечего колебаться во что бы то ни стало подавить воспитаніе частное». Поэтъ угадалъ намѣреніе министра. Шишковъ предлагалъ, для достиженія намѣченныхъ имъ цѣлей, во-первыхъ, поощрительныя, во-вторыхъ, запретительныя мѣры. Поощрительныя мѣры, чтобы привлечь дворянство къ прохожденію длиннаго гимназическаго курса, должны были гарантировать дворянамъ, что ихъ дѣти *не* испортятся въ гимназіи и что годы ученія *не* пройдутъ безъ пользы для выслуги чиновъ. Для первой цѣли проектировалось учредить при гимназіяхъ «и даже при нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищахъ» воспитательныя закрытыя заведенія («пансіоны») для дворянскихъ дѣтей. Вторая цѣль достигалась служебными привилегіями для гимназистовъ и предоставленіемъ лучшимъ ученикамъ права на XIV-й классъ. Запретительныя мѣры должны были заключаться въ закрытіи всѣхъ частныхъ мужскихъ пансіоновъ черезъ три года послѣ

введенія реформы, въ обязательствѣ со стороны родителей — не брать дѣтей изъ казенныхъ заведеній до окончанія курса, наконецъ, въ запрещеніи принимать на канцелярскую службу безъ диплома хотя бы уѣзднаго училища.

Планъ, какъ видимъ, былъ очень строенъ и смѣлъ. Но выполнить его оказалось труднѣе, чѣмъ предложить. Въ цѣломъ онъ никогда и не былъ осуществленъ; принятіе же частныхъ мѣръ, вытекавшихъ изъ этого плана, растянулось на долгое время. Ближайшими и важнѣйшими реформами, основанными на планѣ Шишкова, были: Уставъ гимназій и училищъ уѣздныхъ и приходскихъ (8-го декабря 1828 г.), Положеніе объ учебныхъ округахъ (22-го іюня 1835 г.) и Общій уставъ университетовъ (26-го іюля 1835 г.)

Неизмѣннымъ въ системѣ низшихъ и среднихъ школъ осталось при новомъ порядкѣ только *приходское училище*. Оно продолжало служить и подготовительной ступенью для слѣдующихъ. Курсъ *уѣздныхъ* училищъ составилъ самостоятельное цѣлое. За исключеніемъ языковъ, здѣсь преподавались теперь почти всѣ тѣ же предметы, какъ въ гимназіи, но только въ меньшемъ объемѣ. На прохожденіе курса назначено было 3 года, вмѣсто прежнихъ двухъ, и число учителей увеличено съ двухъ до пяти. Начальникомъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ оставался нѣсколько лѣтъ по прежнему директоръ губернской гимназіи; но въ концѣ 1836 г. устроена для этой цѣли особая дирекція училищъ. Чрезвычайно важно было для дальнѣйшей судьбы уѣздныхъ училищъ, что уставъ 1828 г. рѣшился взять ихъ содержаніе на счетъ казны: это былъ шагъ впередъ, сравнительно съ уставомъ 1804 г., обезпечившимъ однѣ гимназіи.

На преобразованіе *гимназій* обращено было новымъ уставомъ особенное вниманіе. Здѣсь именно сосредоточивалась та «роскошь полузнаній», которую предполагалось замѣнить серьезнымъ прохожденіемъ немногихъ предметовъ. Гимназическую же молодежь предполагалось продержать въ школѣ нѣсколько лишнихъ лѣтъ, пока «перекипятъ» страсти, и выпускать въ жизнь не по шестнадцатому, а по крайней мѣрѣ, по восемнадцатому году. Всѣмъ этимъ требованіямъ удовлетворяла уваровская гимназія. Естественно, что она и положена была въ основу гимназическаго устройства 1828 г. Курсъ приходской школы предполагался извѣстнымъ уже при поступленіи въ гимназію; но дальнѣйшее преподаваніе велось сначала — параллельно съ курсомъ уѣзднаго училища. Вся программа должна была проходиться въ семь лѣтъ, т. е. еще на годъ больше, чѣмъ въ уваровской гимназіи 1811 года. Но относительно ближайшаго содержанія

этой программы мнѣнія членовъ комитета разошлись. Всѣ согласны были съ положеніемъ, что при составленіи программы «должно имѣть цѣлью болѣе основательное, нежели обширное образованіе»; поэтому о сохраненіи въ гимназическомъ курсѣ философскихъ и общественныхъ наукъ не было и рѣчи. Но основной принципъ реформы 1828 г. требовалъ, чтобы гимназія давала законченный курсъ и существовала бы для подготовки дворянскихъ дѣтей къ практической жизни. Между тѣмъ, гимназія уваровскаго типа главной цѣлью ставила готовить молодыхъ людей къ университету. Для университета двадцатыхъ годовъ, съ его наличными профессорами и курсами, необходимо было, чтобы гимназисты знали латинскій языкъ (стр. 779). Древніе языки предполагалось сдѣлать главнымъ предметомъ и въ новой гимназіи: на латинскій назначалось въ проектѣ 70 часовъ въ недѣлю во всѣхъ классахъ, на греческій 50. Но одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ комитета, гр. Сиверсъ, напомнилъ сочленамъ объ интересахъ «тѣхъ, кои не имѣютъ намѣренія изучать университетскій курсъ». Для нихъ онъ выдвигалъ на первое мѣсто, рядомъ съ древними языками, математику, на которую въ проектѣ отведено было всего 44 часа*). Другой членъ, кн. Ливенъ, назначенный скоро министромъ народнаго просвѣщенія, ставилъ вопросъ еще рѣзче. «Университетъ получаетъ», по его словамъ, отъ уваровской гимназіи «ту выгоду, что гимназіи доставляютъ ему гораздо лучше приготовленныхъ воспитанниковъ. Напротивъ, дворянство весьма жалуется, что ихъ дѣтей, — изъ коихъ меньшая только часть посвящаетъ себя службѣ въ провинціальныхъ присутственныхъ мѣстахъ и потому обучается въ университетѣ правамъ, гораздо же большая часть приготовляется въ военную службу или для занятія сельскимъ хозяйствомъ, — мучатъ ненужными для нихъ древними языками, что похищаетъ у нихъ время для изученія полезнѣйшихъ познаній». Ливенъ соглашался, что «сія жалоба слишкомъ справедлива» и находилъ, что для удовлетворенія ея «не остается никакого другого удобнаго средства, какъ или основать совершенно отдѣльныя училища, въ параллельномъ отношеніи къ гимназіямъ состоящія, или при самыхъ гимназіяхъ образовать отдѣльные реальные классы, въ равномъ отношеніи къ верхнимъ классамъ гимназій, гдѣ молодые люди, не посвящающіе себя ученому занятію, во время часовъ, въ кои другіе пользуются наставленіями въ древнихъ

*) Изъ другихъ предметовъ на исторію назначалось 24 часа, на русскій языкъ 26, географію 14, естественную исторію 12, физику, рисованіе, чистописіне — по 6; новыхъ языковъ не полагалось вовсе.

языкахъ, учились бы живымъ языкамъ и необходимымъ для нихъ предметамъ».

Въ концѣ концовъ, комитетъ согласился, дѣйствительно допустить раздѣленіе гимназическаго курса, начиная съ IV класса, на двѣ вѣтви. Но къ этому побудило его не столько мнѣніе Ливена, сколько судьба проектированнаго въ будущей гимназіи греческаго класса. Уваровъ, самъ дѣлавшій попытку ввести греческій языкъ въ гимназическій курсъ, хорошо зналъ, какъ мало имѣлось для этого на лицо подходящихъ преподавателей. Поэтому, онъ рѣшительно предлагалъ ограничиться введеніемъ греческаго языка только въ гимназіяхъ университетскихъ городовъ. Взамѣнъ того, онъ совѣтовалъ ввести въ программу исключенные проектомъ новые языки. Въ томъ же духѣ высказался самъ императоръ Николай, только что получившій записку Пушкина. Въ запискѣ этой говорилось, между прочимъ: «къ чему латинскій или греческій? Позволительна ли роскошь тамъ, гдѣ чувствителенъ недостатокъ необходимаго?» Вѣроятно, Николай имѣлъ въ виду это замѣчаніе Пушкина, когда противъ опредѣленій комитета о греческомъ и французскомъ языкѣ написалъ: «я считаю, что греческій языкъ есть роскошь, тогда какъ французскій — родъ необходимости, — а потому на это согласиться не могу» (т. е. на введеніе греческаго и исключеніе французскаго). Мнѣніе императора окончательно рѣшило дѣло. Комитетъ старался, правда, оправдать свои прежнія предположенія тѣмъ, что «одною изъ главнѣйшихъ причинъ ложнаго направленія воспитанія» онъ считаетъ «преобладаніе французской словесности», что знаніе французскаго языка развиваетъ самонадѣянность, тогда какъ изученіе древнихъ языковъ приводитъ къ скромности и къ сознанію своего невѣдѣнія. Но практическаго значенія эти разсужденія уже не имѣли. Въ окончательной редакціи устава на долю латинскаго языка оставлено было только 39 часовъ, на долю греческаго 30; и притомъ этотъ языкъ вводился только въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ Въ остальныхъ эти часы дѣлились между математикой и новыми языками*).

Изъ другихъ предположеній «комитета учебныхъ заведеній» особенное вниманіе правительства обращено было на устройство, на дворянскія средства, «благородныхъ пансіоновъ» при гимназіяхъ. Къ 1849 году этихъ пансіоновъ открыто было 47; съ тѣхъ поръ, до 1863 г. къ этой цифрѣ прибавилось только четыре. Въ пансіонахъ дворянскимъ дѣтямъ дозволялось проходить «учебные предметы,

*) Въ гимназіяхъ съ греческимъ языкомъ былъ обязателенъ только одинъ изъ нихъ.

ближе принадлежащіе къ образованію высшаго сословія», и во многихъ изъ нихъ заведено было преподаваніе французскаго языка, танцевъ, музыки, фехтованія и верховой ѣзды. Но, вообще говоря, пансіоны должны были оставаться исключительно воспитательными заведеніями, а учиться пансіонеры обязаны были въ гимназіи. Однако, же, ставши разъ на путь сословныхъ привилегій, трудно было остановиться на этомъ первомъ шагѣ, и скоро одна губернія за другой стала добиваться спеціальныхъ разрѣшеній на открытіе «дворянскихъ институтовъ», т. е. пансіоновъ съ гимназическимъ и притомъ сокращеннымъ курсомъ. Мало того, скоро появились особыя пятиклассныя дворянскія училища. По формѣ они должны были быть чѣмъ-то въ родѣ прогимназій. Но на дѣлѣ они давали дворянскимъ дѣтямъ окончательное образованіе, такъ какъ «на сто учениковъ дворянскихъ училищъ приходилось довершающихъ образованіе въ гимназіи — не болѣе одного». Такимъ образомъ, планъ — загнать дворянскихъ дѣтей въ общія гимназіи и продержать ихъ тамъ до конца курса — совершенно не удался.

Еще менѣе удачна была попытка бороться съ частными пансіонами. Недовѣріе правительства къ иностраннымъ содержателямъ этихъ пансіоновъ особенно усилилось послѣ революціи 1830 г. Директорамъ гимназій предписано было въ 1831 г. «узнавать ихъ образъ мыслей и нравственныя качества». Раньше, чѣмъ черезъ пять лѣтъ по пріѣздѣ въ Россію иностранецъ не могъ открывать учебное заведеніе. А въ 1833 г. прибавлено требованіе, чтобы учредители пансіоновъ были русскими подданными. Тогда же вообще запрещено было открывать *новые* пансіоны въ столицахъ и затруднено устройство ихъ въ провинціяхъ. Несмотря на всѣ эти мѣры, число учащихся въ частныхъ пансіонахъ продолжало расти.

Не ограничиваясь контролемъ надъ публичнымъ обученіемъ, правительство сдѣлало попытку установить наблюденіе за домашнимъ преподаваніемъ. Для этого «домашніе наставники и учителя» сдѣланы были (1831) своего рода чиновниками (съ производствомъ въ чины) и обязаны отчетностью передъ учебнымъ начальствомъ. О родителяхъ, принимающихъ учителей, не имѣющихъ узаконенныхъ свидѣтельствъ, предписано доносить самому Николаю. Учебники для домашняго обученія допускались лишь одобренные для казенной школы или, во всякомъ случаѣ, прошедшіе цензуру. Очень сомнительно, конечно, чтобы эта смѣлая попытка связать частное обученіе увѣнчалась успѣхомъ.

Распредѣленіе учащихся къ серединѣ вѣка по сословіямъ и по школамъ видно будетъ изъ слѣдующихъ цифръ учащихся по Пе-

тербургскому округу за 1853 годъ (за предыдущее время см. цифры на стр. 778).

	Дворянъ	Прочихъ сословій.	Всего.
1. Въ университетѣ	299 (70%)	125 (30%)	424
2. Въ гимназіяхъ	2.265 (80%)	566 (20%)	2831
(въ томъ числѣ въ благор. пансіон. 1.099)		—	
4. Въ уѣздныхъ училищахъ	1.814 (39%)	2.872 (61%)	4.686
5. Въ приходскихъ (город.) учил.	883 (12%)	6.730 (88%)	7.613
6. Въ частн. пансіонахъ и школахъ	2.960 (48%)	3.192 (52%)	6.152

Такимъ образомъ, министерству удалось только создать привилегированную дворянскую школу; но превратить школу въ сословную было ,очевидно, невозможно. «Въ государствахъ, гдѣ состоянія строго отдѣлены одно отъ другого», — говорилъ по этому поводу въ комитетѣ кн. Ливенъ, — «гдѣ переходъ изъ одного въ другое, наипаче изъ средняго въ дворянское, чрезвычайно труденъ... въ такихъ государствахъ очень легко завести таковый порядокъ. Но въ Россійскомъ государствѣ, гдѣ нѣтъ средняго сословія..., гдѣ ремесленникъ во всѣхъ отношеніяхъ равенъ земледѣльцу..., гдѣ достаточный крестьянинъ во всякое время можетъ сдѣлаться купцомъ, а часто бываетъ и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, гдѣ линія дворянскаго сословія толь необозримое имѣетъ протяженіе, что однимъ концомъ касается до подножія престола, а другимъ — почти въ крестьянствѣ теряется, гдѣ ежегодно многіе изъ гражданскаго и крестьянскаго сословія чрезъ полученіе военнаго или гражданскаго офицерскаго чина поступаютъ въ дворянство, — въ россійскомъ государствѣ таковое устройство училищъ затруднительно». Нельзя было яснѣе и основательнѣе показать нелѣпость сословной школы — даже въ *крѣпостной* Россіи.

По уставу 1804 г., какъ мы знаемъ, гимназіи подчинялись университетамъ. Съ новымъ устройствомъ округовъ (1835) это подчиненіе прекратилось, такъ же какъ и подчиненіе низшихъ школъ гимназическому директору. Низшая и средняя школа непосредственно подчинялась теперь учебной администраціи округа. Той же администраціи рѣшено было подчинить и высшую школу. Шишковъ уже въ 1826 году предлагалъ въ «комитетѣ» предоставить попечителю округа участіе въ выборѣ профессоровъ, а ректора назначать отъ правительства. «Чиновникъ сей, зависящій отъ выбора своихъ товарищей, — говорилъ Шишковъ, — не въ состояніи исполнять возложенную на него обязанность съ той твердостью, какая требуется... для обезпеченія правительства насчетъ направленія преподаванія и

цѣли общественнаго воспитанія». Противъ расширенія попечительской власти возсталъ, однако, тогда кн. Ливенъ, находившій, что «злоупотребленіе весьма тѣсно связано съ человѣкомъ; чѣмъ большая предоставлена ему власть, тѣмъ злоупотребленіе опаснѣе, и нигдѣ не имѣетъ вреднѣйшихъ дѣйствій, какъ въ воспитаніи юношества». Примѣры петербургскаго и казанскаго попечителей, Рунича и Магницкаго, очевидно, слишкомъ еще свѣжи были въ памяти у всѣхъ. Тѣмъ не менѣе, университетскій уставъ 1835 года покончилъ съ фикціей академической свободы, существовавшей по уставу 1804 года. Попечитель обязанъ былъ теперь жить въ томъ городѣ, гдѣ находился университетъ. Ректоръ и деканы пока остались выборные, но власть совѣта была сильно ограничена. Судебныя функціи были вовсе отняты у университета; административныя и хозяйственныя дѣла по-прежнему вѣдались правленіемъ, но начальникомъ правленія былъ не совѣтъ, а попечитель. Попечителю же принадлежалъ надзоръ за дисциплиной въ университетѣ. Инспекторъ изъ выборнаго и отвѣтственнаго передъ совѣтомъ лица превратился въ чиновника, назначавшагося попечителемъ, — и при томъ не изъ профессоровъ, а изъ постороннихъ университету «военныхъ или гражданскихъ» служащихъ. Студентамъ дана была форма; уставъ регламентировалъ ихъ нравственныя обязанности и даже заботился о ихъ «наружномъ образованіи», прическѣ, манерахъ и т. п. Инспектору студентовъ предписывалось (въ Моск. университетѣ) посѣщать «въ разные часы и всегда неожиданно» квартиры казеннокоштныхъ студентовъ, наблюдать за ихъ знакомствами, слѣдить за посѣщеніемъ церкви и т. д. Богословіе, церковная исторія и право дѣлались обязательными предметами для всѣхъ факультетовъ. Философія, политическая экономія и статистика переводились съ юридическаго факультета на филологическій (называвшійся тогда первымъ отдѣленіемъ философскаго); взамѣнъ того, юридическій факультетъ наполнялся каѳедрами существующаго русскаго законодательства, изученіе котораго должно было готовить студентовъ къ роли чиновниковъ, а не ученыхъ юристовъ. На филологическомъ факультетѣ открывались особыя каѳедры русской и славянской исторіи. Русскіе профессора должны были читать теперь *русскую* науку, основанную на *русскихъ* началахъ, какъ ихъ формулировалъ С. С. Уваровъ, занимавшій постъ министра народнаго просвѣщенія въ 1833-1849.

Новый духъ преподаванія Уваровъ опредѣлилъ въ своемъ обращеніи къ попечителямъ (21 марта 1833) въ знаменитой тріединой формулѣ: «православіе, самодержавіе, народность». Въ запискѣ,

представленной Николаю къ десятилѣтію своего управленія (1843), онъ возвратился къ этой формулѣ и чуть-ли не своему изобрѣтенію приписалъ спасеніе Россіи отъ «общественной бури, потрясшей Европу». «Надлежало укрѣпить отечество на твердыхъ основаніяхъ, на коихъ зиждется благоденствіе, сила и жизнь народная; найти начала, составляющія отличительный характеръ Россіи и ей исключительно принадлежащіе; собрать въ одно цѣлое священные остатки ея народности и на нихъ укрѣпить якорь нашего спасенія... Безъ любви къ вѣрѣ предковъ народъ, какъ и частный человѣкъ, долженъ погибнуть... Самодержавіе составляетъ главное условіе политическаго существованія Россіи... Наряду съ сими двумя національными началами находится и третье, не менѣе сильное: народность».

Такъ сложилась боевая политическая формула, которой суждено было до конца стараго порядка сдѣлаться его знаменемъ.

Уваровъ, однако же, не подозрѣвалъ опасности присоединенія къ двумъ неподвижнымъ формамъ, религіозной и политической, на которыхъ держался его «якорь», этой третьей — не формы, а сущности народной жизни, живой и развивающейся вмѣстѣ съ національнымъ сознаніемъ. А опасность эта сказалась тутъ же, какъ только, по распоряженію министра, русскіе профессора стали преподавать въ университетахъ русскую науку. Мы знаемъ, что въ это самое время начался классическій періодъ русской литературы и искусства: настоящій расцвѣтъ русскаго національнаго творчества. Не могло это цвѣтеніе не отразиться и въ жизни университета, *вопреки* реформѣ, только что произведенной въ его устройствѣ. Если автономный уставъ 1804 года не могъ сразу поднять русскіе университеты на должную высоту, то и авторитарный уставъ 1835 года не могъ помѣшать имъ достигнуть впервые расцвѣта. Ближайшимъ образомъ университеты были обязаны этимъ своимъ расцвѣтомъ молодымъ профессорамъ, посланнымъ, какъ мы видѣли раньше, въ Дерптъ и за границу для подготовки къ ученому званію. Эти командировки дали такихъ замѣчательныхъ ученыхъ и преподавателей, какъ Неволинъ, Рѣдкинъ, Пироговъ, Крюковъ, нѣсколько позже Грановскій и т. д. Глашатаи уваровской «новой эры» преподаванія въ духѣ оффиціальной «народности», вродѣ Шевырева, Погодина — встрѣтили это новое поколѣніе профессоровъ недружелюбно и недовѣрчиво, и имѣли на это полное основаніе. Молодые ученые привезли съ собой «нѣмецкія тетрадки» и нѣмецкія теоріи; они и самое «начало народности» стали выводить не по Уварову, а по Гегелю. Даже когда они одобряли и оправдывали, они все-таки разсуждали, а нужно было просто вѣрить и умиляться. Словомъ, старое

поколѣніе не поняло новаго; а новое, не справляясь о мнѣніи стараго, пошло впередъ и въ этомъ былъ залогъ его успѣха.

Однако же, успѣха не могло бы быть вовсе, если бы молодые профессора тридцатыхъ годовъ проповѣдывали, какъ ученыя знаменитости двадцатыхъ и десятыхъ годовъ, передъ пустой аудиторіей. Самое важное было то, что и въ этомъ отношеніи положеніе дѣла тоже совершенно перемѣнилось. Кругомъ профессора собралась многочисленная, симпатизировавшая ему аудиторія, преисполненная идеальныхъ стремленій. Конечно, идеальныя стремленія не были новостью въ русскомъ обществѣ. Но тутъ впервые выросло цѣлое поколѣніе молодежи, которое обратилось за удовлетвореніемъ своихъ идеальныхъ стремленій къ университетской наукѣ. Въ виду этого новаго факта — переполненія аудиторій — и отношеніе правительства къ студентамъ совершенно перемѣнилось. Мы видѣли, какъ прежде былъ рѣдокъ и дорогъ начальству каждый студентъ; какъ ему платили жалованье за науку, смотрѣли сквозь пальцы на его большіе и малые грѣхи, всячески поощряли его научное рвеніе, только чтобы дотянуть его до окончанія курса и получить въ немъ нужнаго работника. Теперь дѣло стоитъ совершенно иначе. Въ секретномъ циркулярѣ 31 декабря 1840 года министръ Уваровъ сообщаетъ, «что, при возрастающемъ повсюду стремленіи къ образованію, наступило время пещись о томъ, чтобы *чрезмѣрнымъ* этимъ стремленіемъ къ высшимъ предметамъ ученія не поколебать нѣкоторымъ образомъ порядокъ гражданскихъ сословій, возбуждая въ юныхъ умахъ порывъ къ пріобрѣтенію *роскошныхъ знаній*». Эта реминисценція изъ манифеста 1826 года показываетъ намъ, въ чемъ усматриваетъ министръ причину зла и гдѣ онъ будетъ искать лѣкарства. Бѣда въ томъ, что къ высшей наукѣ стремятся низшіе классы. Это надо устранить «дѣйствіемъ мѣръ тихихъ и негласныхъ», не путемъ закона, а путемъ «министерскихъ распоряженій». Такъ, въ 1847 г. отмѣнено право вольнослушателей посѣщать университетскія лекціи. Въ 1845 г. повышена плата за ученіе, «принимая во вниманіе, что въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ черезъ мѣру умножился приливъ молодыхъ людей, рожденныхъ въ низшихъ слояхъ общества, для которыхъ высшее образованіе безполезно, составляя лишнюю роскошь и выводя ихъ изъ круга первобытнаго состоянія безъ выгоды для нихъ самихъ и для государства». Повышеніе платы, докладывалъ министръ, необходимо, «не столько для усиленія экономическихъ суммъ учебныхъ заведеній*), сколь-

*) Именно, для этой цѣли впервые была введена Уваровымъ плата за ученіе въ гимназіяхъ Петербургскаго округа въ 1817 г.

ко для удержанія стремленія юношества къ образованію въ предѣлахъ нѣкоторой соразмѣрности съ гражданскимъ бытомъ разнородныхъ сословій». На докладѣ Уварова Николай надписалъ: «при томъ надо сообразить, нѣтъ-ли способовъ затруднить доступъ въ гимназіи для разночинцевъ». И отъ дѣтей купцовъ и мѣщанъ стали послѣ того требовать при поступленіи въ университетъ увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ обществъ.

Мѣры противъ распространенія просвѣщенія еще усилились при Ширинскомъ-Шихматовѣ, замѣнившемъ Уварова въ 1850 г. Новый министръ уже прямо докладывалъ Николаю, въ духѣ Магницкаго, что «всѣ положенія науки должны быть основаны не на умствованіяхъ, а на религіозныхъ истинахъ въ связи съ богословіемъ... Онъ утверждалъ, что «лица низшаго сословія, выведенные посредствомъ университетовъ изъ *природнаго ихъ состоянія,* не имѣя, по большей части, никакой *недвижимой собственности,* ...гораздо чаще дѣлаются людьми безпокойными и недовольными настоящимъ положеніемъ вещей». Какъ лекарство противъ «чрезъ мѣру возбужденнаго честолюбія» подобныхъ разночинцевъ, онъ рекомендовалъ новое повышеніе платы за ученіе.

Всѣ эти удары били, однако же, мимо цѣли. Приведенныя выше цифры показываютъ, что наплывъ «разночинцевъ» въ гимназіи и университеты былъ не такъ уже великъ (20-30%). Опасаться, что университетъ создастъ «интеллигентный пролетаріатъ», было тогда во всякомъ случаѣ, преждевременно. Въ только что упомянутой, идеально-настроенной аудиторіи безусловно преобладали «своекоштные» студенты изъ привилегированнаго сословія. Они совсѣмъ не искали въ университетѣ хлѣбныхъ занятій и не спѣшили, по окончаніи курса, пристраиваться на казенную службу. Скоро правительство замѣтило это небывалое до тѣхъ поръ явленіе и приняло новыя мѣры, чтобы, съ одной стороны, привлечь университантовъ къ государственной службѣ, а съ другой — отвлечь молодежь привилегированнаго сословія отъ поступленія въ университеты. «Многіе молодые люди, — говорится въ одномъ любопытномъ распоряженіи 1850 года, — по окончаніи университетскаго курса, не поступая на службу, остаются въ столицѣ*) и принимаютъ участіе въ изданіяхъ журналовъ и газетъ. Такимъ образомъ, молодые люди увлекаются на это скользкое поприще, нерѣдко вопреки призванію, и, не имѣя еще никакой опытности и благоразумія, подвергаются вліянію не-

*) Такъ, за три предыдущіе года распоряженіе насчитываетъ изъ 333 человѣкъ, окончившихъ петербургскій университетъ, только 96 поступившихъ на службу.

благонамѣренныхъ издателей періодическихъ сочиненій». Причину такого уклоненія отъ государственной службы министерство находитъ... въ томъ, что молодежь брезгуетъ мѣстами въ губерніи. А потому оно разрѣшаетъ принимать кандидатовъ университета прямо въ высшія присутственныя учрежденія Петербурга. За годъ передъ тѣмъ, въ 1849 г., число своекоштныхъ студентовъ въ университетахъ было ограничено комплектомъ въ 300 человѣкъ, и правительство, вводя эту мѣру, прямо замѣчало, что лучше бы было, если бы «дѣти благороднаго сословія искали преимущественно, какъ потомки древняго рыцарства, службы военной передъ службой гражданской. На сей конецъ имъ открыта возможность поступать въ военно-учебныя заведенія или же прямо въ ряды войскъ, — *для чего университетское образованіе не есть необходимость*».

Какъ видимъ, обстоятельства быстро и круто измѣнились послѣ реформы 1828 года. Охранительныя мѣры, принятыя этой реформой въ среднемъ и высшемъ образованіи, теперь уже казались недостаточными, особенно послѣ того, какъ разразилась февральская революція. Подъ впечатлѣніемъ новыхъ событій русской и европейской жизни уставы 1828 — 1835 гг. подверглись цѣлому ряду значительныхъ измѣненій. Изъ гимназіи прежде всего устранены были остатки «роскошныхъ знаній», — философскихъ и общественныхъ, — уцѣлѣвшіе въ ней отъ программы 1804 г. Циркуляромъ 17 ноября 1844 года было отмѣнено отдѣльное преподаваніе статистики и рѣшено соединить ее съ географіей, «отсѣкая отъ статистики всякія разсужденія, имѣющія ближайшую связь съ политическими науками». Циркуляромъ 9 января 1847 г. отмѣнено и преподаваніе логики. Еще важнѣе были перемѣны, произведенныя въ гимназическомъ курсѣ послѣ революціи 1848 года. Если молодые люди не уважаютъ законовъ, говорилось теперь, то это потому, что они совсѣмъ не знаютъ дѣйствующаго законодательства, а увлекаются республиканскими учрежденіями классическаго міра. Слѣдовательно, заключали отсюда, классицизмъ вреденъ, и древніе языки должны быть замѣнены законовѣдѣніемъ. Кіевскій ген. губ. Бибиковъ уже въ 1847 г. предлагалъ «дать образованію направленіе болѣе матеріальное», которое «не давало бы времени воображенію отвлекать молодыхъ людей отъ полезныхъ занятій». Исходя изъ этихъ положеній, петербургскій попечитель Мусинъ-Пушкинъ предложилъ раздѣлить гимназическій курсъ, начиная съ 4 класса, на два отдѣленія: одно латинское — для тѣхъ, кто готовится перейти въ университетъ, и другое юридическое — для желающихъ изъ гимназій идти прямо на службу.

Но было и другое основаніе для этого раздѣленія гимназическаго курса на два отдѣленія. Правительство попробовало этимъ путемъ положить начало реальнаго образованія для торгово-промышленнаго класса и тѣмъ отвлечь его отъ дворянской классической гимназіи. Въ 1836 г. было впервые разрѣшено учреждать при гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ «отдѣленія реальныхъ училищъ, ...съ направленіемъ ихъ къ мануфактурной промышленности и торговлѣ». Въ 1839 г. съ этой же цѣлью въ нѣсколькихъ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ были открыты съ четвертаго класса «реальныя» отдѣленія, гдѣ преподавалась, пром. естеств. исторія и химія, товаровѣдѣніе, бухгалтерія, счетоводство, коммерческое законовѣдѣніе и механика». Уваровъ прямо объявилъ Государственному Совѣту, что это «клонилось къ тому, чтобы удержать низшія сословія государства въ соразмѣрности съ гражданскимъ ихъ бытомъ, и побудить ихъ ограничиться уѣздными училищами».

Дальнѣйшее ослабленіе классическаго преподаванія произведено было уже послѣ Уварова, отставленнаго въ 1849 году, — при его преемникѣ, кн. Ширинскомъ-Шихматовѣ. Министерство прямо было запрошено, «не полагаетъ ли оно, такъ же какъ Его Величество, что преподаваніе греческаго языка во *всѣхъ* гимназіяхъ совершенно излишне». Николай находилъ, что достаточно оставить греческій языкъ для мѣстностей съ греческимъ населеніемъ (Таганрога и Нѣжина). Онъ, очевидно, путалъ новогреческій языкъ съ древнимъ. Министръ предложилъ сохранить греческій языкъ также и въ одной изъ гимназій каждаго университетскаго города, для подготовки студентовъ филологическаго факультета. Такимъ образомъ въ 1851 году во всей коренной Россіи осталось восемь полныхъ классическихъ гимназій*). Мѣсто греческаго языка занято было, по предложенію новаго министра, естественными науками, которыя «составляютъ потребность современнаго образованія» и могутъ ощутительно облегчить подробное и основательное изученіе естественныхъ наукъ для студентовъ физико-математическаго и медицинскаго факультета. Не на долго, конечно, сохранилось это предпочтеніе власти къ естественнымъ наукамъ.

Подвергся измѣненіямъ въ сороковыхъ годахъ и университетскій уставъ 1835 года. Правительство считало необходимымъ подвергнуть университеты еще болѣе сильному контролю, чѣмъ допу-

*) Передъ реформой 1851 г. греческій языкъ преподавался въ 45 гимназіяхъ изъ 74. Уставъ 1828 г. предоставлялъ его введеніе въ губернскихъ гимназіяхъ министру.

скалъ этотъ уставъ. Первый опытъ такого контроля произведенъ былъ надъ новымъ кіевскимъ университетомъ, который и учрежденъ былъ въ 1833 году съ совершенно опредѣленною цѣлью: представлять собою «умственную крѣпость вблизи военной», чтобы тѣмъ лучше можно было «подавить духъ отдѣльной польской національности и слить его съ общимъ русскимъ духомъ». По уставу 1842 года, ректоръ назначался министромъ изъ двухъ кандидатовъ, выбранныхъ университетомъ. Профессора, рядомъ съ выборомъ ихъ совѣтомъ, могли назначаться министромъ. Чтобы избѣжать посылокъ за границу (запрещенныхъ для всѣхъ въ 1831 г., для оставляемыхъ при университетѣ —въ 1848 г.), уставъ 1842 г. вводилъ для подготовки къ профессорскому званію институтъ доцентовъ. Вообще, съ административной централизаціей уставъ 1842 года пробовалъ соединить нѣкоторыя черты германской академической свободы — и въ обоихъ этихъ отношеніяхъ являлся первообразомъ устава 1884 года. Первый шагъ къ распространенію кіевскаго устава на другіе университеты сдѣланъ былъ положеніемъ о ректорахъ 11 октября 1849 г., въ силу котораго ректорская должность не должна была совмѣщаться съ профессорской и ректоръ назначался не по выбору. Тѣмъ же положеніемъ предоставлено было министру увольнять декановъ по усмотрѣнію и назначать въ деканы профессоровъ факультета безъ выборовъ**). Подчиненные такимъ образомъ министерству, ректоры и деканы получили въ слѣдующемъ 1850 году инструкцію, устанавливавшую правила самаго детальнаго надзора за преподаваніемъ. Всѣ преподаватели должны были, сообразно этой инструкціи, представлять передъ началомъ курса точныя программы преподаванія съ указаніемъ сочиненій, которыми они будутъ пользоваться. Деканы должны были наблюдать, «чтобы въ содержаніи программы не укрылось ничего, несогласнаго съ ученіемъ православной церкви или съ образомъ правленія и духомъ государственныхъ учрежденій», а также слѣдить за тѣмъ, чтобы чтенія соотвѣтствовали программѣ. О малѣйшемъ отступленіи «хотя бы и безвредномъ», они обязаны были доводить до свѣдѣнія ректора. Лекціи профессоровъ подлежали повѣркѣ въ рукописи. Еще съ 1848 г. литографированныя записки за профессорской подписью должны были доставляться въ Публичную библіотеку; печатать же рѣчи и лекціи профессоровъ можно было (съ 1847 г.) только съ разрѣшенія попечителя. Нѣкоторые предметы подверглись особому гоне-

**) Такъ, напримѣръ, вмѣсто выбраннаго Грановскаго, назначенъ былъ Шевыревъ.

нію. «Таковы, напр.», говорилось въ спеціальной инструкціи министерства, «государственное право, политическая экономія, наука о финансахъ и всѣ вообще историческія науки, возможность злоупотребленія коихъ не подлежитъ сомнѣнію». «Къ сему» (т. е. къ злоупотребленіямъ науками) «относятся (поясняла инструкція) разсужденія, имѣющія цѣлью унизить достоинство и пользу какого бы то ни было сословія въ государствѣ (въ частности, строго запрещено касаться отношеній между помѣщиками и крестьянами),... двусмысленные или сомнительные намеки насчетъ несбыточныхъ теорій объ общности капиталовъ и недвижимыхъ имуществъ, однимъ словомъ, всякаго рода попытки притязанія пролетаріевъ къ общественной и частной собственности». Государственное право европейскихъ державъ, «потрясенныхъ внутренними крамолами и бунтами въ самыхъ основаніяхъ своихъ», было, «по нетвердости началъ и неудовлетворительности выводовъ» исключено вовсе изъ числа предметовъ университетскаго преподаванія (1849). То же случилось въ 1850 г. и съ философіей, которая признана была,—«при современномъ предосудительномъ развитіи этой науки германскими учеными» — безполезной, за исключеніемъ логики и психологіи. Но чтеніе этихъ наукъ было запрещено свѣтскимъ преподавателямъ и поручено профессорамъ богословія, подъ условіемъ «сроднить» ихъ «съ истинами откровенія».

Въ результатѣ всѣхъ этихъ мѣропріятій (включая и повышеніе платы) число студентовъ въ университетахъ сильно упало. Въ теченіе тридцатыхъ годовъ цифра студентовъ стояла на 2.000 — 2.500. Въ сороковыхъ годахъ она возрасла до 3.000 — 4.000. Но это ,какъ мы видѣли, сразу измѣнило отношеніе власти къ студентамъ изъ поощрительнаго на охранительное. Послѣ 1848 г. цифра быстро упала до 3.000. Понизился сильно и уровень преподаванія. Вмѣсто одушевленія и таланта, принесенныхъ на каѳедру молодыми профессорами тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, явились, по позднѣйшему оффиціальному признанію, «мертвенность и застой». Иначе и быть не могло, когда, напр., съ каѳедры всеобщей исторіи нельзя было говорить о паденіи язычества и водвореніи христіанства; съ каѳедры русской исторіи — о вѣчахъ и ересяхъ XV в.; когда юристъ не могъ не только касаться англійскихъ учрежденій, но даже и ссылаться на русскій Сводъ законовъ; когда даже такая тема диссертаціи, какъ «Областныя учрежденія XVII в. въ Россіи», едва проходила черезъ университетскую цензуру. Въ университетѣ водворилось то же безнадежное настроеніе, которымъ характеризовался, какъ мы видѣли «гоголевскій періодъ» русской литературы (см. выше, стр. 325-326).

Годомъ перелома и здѣсь былъ 1855-й — начало новаго царствованія. Съ воцареніемъ императора Александра II политика министерства народнаго просвѣщенія перемѣнилась; правда, дѣйствіе этой перемѣны обнаружилось не сразу. Одна за другой отмѣнялись стѣснительныя мѣры сороковыхъ годовъ. Харьковскій и Кіевскій округа, отданные въ 1847 — 1848 гг. въ вѣдомство генералъ-губернаторовъ, вернулись подъ управленіе попечителей (1855); ректоры и деканы снова сдѣлались выборными и данная имъ инструкція уничтожена (1861). Инспекторъ потерялъ власть надъ студентами за стѣнами университета (1858), гдѣ имъ разрѣшено было носить партикулярное платье; въ 1861 г. форма была вовсе отмѣнена. Отмѣнены и всѣ ограниченія относительно пріема въ студенты: число ихъ снова поднялось до 4-хъ - 5-ти тысячъ въ 1856 — 58 г.г.; до 5½ тысячъ къ началу 60-хъ годовъ. Посылка профессоровъ за границу, пріостановленная въ 1848 г., возобновилась съ 1856 г. Чтеніе публичныхъ лекцій было облегчено (1862). Каѳедры философіи и государственнаго права были возстановлены. Всѣ эти отдѣльныя мѣры правительство приняло, не дожидаясь общей реформы; но вопросъ объ общей реформѣ былъ одновременно съ ними поднятъ въ министерствѣ. При обсужденіи учебной реформы, какъ и другихъ реформъ того времени, правительство впервые прибѣгло къ услугамъ гласности въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Проектъ новаго устава былъ разосланъ университетамъ, частнымъ лицамъ и иностраннымъ ученымъ, нѣсколько разъ передѣлывался, согласно ихъ замѣчаніямъ, и только въ пятой редакціи былъ утвержденъ Александромъ II 18-го іюня 1863 года. Приблизительно такимъ же путемъ выработанъ былъ и законъ 19-го ноября 1864 года о реформѣ средней и низшей школы, вызвавшій (во 2-й редакціи) замѣчанія 110 педагогическихъ учрежденій и 255 частныхъ лицъ, и утвержденный тоже въ пятой редакціи. Естественно, что при такомъ способѣ обсужденія имѣли возможность высказаться лица всѣхъ партій и направленій, — и новая учебная система до нѣкоторой степени сообразовалась съ высказанными такимъ образомъ желаніями общества.

Въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ, Робертъ фонъ-Моль очень удачно характеризовалъ университетскій уставъ 1863 г., какъ соединеніе нѣмецкой системы съ французской. Согласно съ порядкомъ нѣмецкихъ университетовъ въ немъ была организована университетская автономія. Напротивъ, согласно съ французскими порядками — учащіеся были подчинены обязательному плану преподаванія. Въ первомъ отношеніи огромное большинство лицъ, участво-

вавшихъ въ обсужденіи проекта, обнаружило замѣчательное единодушіе. По отношенію же ко второму вопросу мнѣнія значительно расходились.

Автономія профессорской корпораціи — это была основная идея новаго устава. Слишкомъ хорошо испытавшіе неудобства прежняго порядка, составители проекта задались цѣлью «развить такія начала, которыя усилили бы самодѣятельность ученаго университетскаго сословія и вліяніе его на студентовъ». *Властъ попечителя* должна была теперь ограничиться общимъ контролемъ; критики проекта провели эту мысль еще послѣдовательнѣе, чѣмъ его составители; ихъ статьи полны замѣчаній по поводу «бывшихъ злоупотребленій попечительской власти». *Совѣтъ профессоровъ* возстановлялся въ правахъ, которыя имѣлъ до устава 1835 года, и снова становился центромъ корпоративной жизни университета. Факультеты были его учебнымъ органомъ, ректоръ — исполнительнымъ, правленіе — хозяйственнымъ и административнымъ, инспекторъ — полицейскимъ, особая комиссія профессоровъ — судебнымъ. Конечно, удержать судебныя права университета въ размѣрахъ устава 1804 г., т. е. надъ всѣми служащими, по всѣмъ гражданскимъ и частью уголовнымъ дѣламъ, было бы смѣшнымъ анахронизмомъ; но университетъ сохранилъ судъ по студенческимъ проступкамъ въ стѣнахъ университета. Инспекторъ пересталъ быть грознымъ орудіемъ попечителя, и попечитель пересталъ считать себя отвѣтственнымъ за всякое мелочное нарушеніе дисциплины. Не только распредѣленіе текущаго преподаванія, но и перемѣны во внутренней организаціи факультетовъ, напр., замѣна одной каѳедры другою — зависѣли отъ совѣта. Ученыя степени теперь присуждались совѣтомъ *окончательно*. Факультеты имѣли право цензуры надъ сочиненіями своихъ членовъ, — право, поразившее иностраннаго критика, но хорошо понятное русскимъ, которымъ памятно еще было время, когда ученыя диссертаціи по нѣкоторымъ вопросамъ отсылались, кромѣ обычной цензуры, на разсмотрѣніе III отдѣленія.

Гораздо болѣе спорнымъ оказался вопросъ, какъ опредѣлить отношеніе университета къ студентамъ. Костомаровъ выступилъ по этому поводу съ крайнимъ мнѣніемъ, которое по частямъ раздѣлялось и нѣкоторыми другими критиками. Студентъ не школьникъ, — такова основная аксіома Костомарова; онъ — взрослый человѣкъ и приходитъ въ университетъ исключительно съ цѣлью удовлетворить своей любознательности. Никакой другой связи, кромѣ этой, между профессоромъ и слушателемъ не существуетъ: университетъ для обоихъ есть нейтральное мѣсто бесѣды. Аудиторія про-

фессора должна быть просто залой публичныхъ лекцій, посѣщеніе которой не налагаетъ никакихъ обязательствъ и не даетъ никакихъ привилегій. Превращать эту временную и случайную связь въ корпоративную — есть чистый анахронизмъ; всякія корпораціи суть не болѣе, какъ остатки среднихъ вѣковъ.

Не трудно было замѣтить, что мнѣніе Костомарова, при всемъ его кажущемся радикализмѣ, въ сущности сходилось съ взглядами крайнихъ противниковъ университетской автономіи: какъ и они, Костомаровъ отрицалъ университетъ, какъ нѣкоторое нравственное цѣлое. Но вопросъ былъ не въ томъ, чтобы уничтожить университетъ, а чтобы, при существованіи университета, установить нормальныя отношенія между учащими и учащимися. Значительная часть обсуждавшихъ уставъ лицъ искали разрѣшенія этого вопроса въ «сводѣ преподаванія и ученія» (Lehr- und Lernfreiheit) германскихъ университетовъ. Наиболѣе краснорѣчиво и продуманно развилъ эту точку зрѣнія въ цѣломъ профессоръ и бывшій попечитель двухъ учебныхъ округовъ, Н. И. Пироговъ. Нѣкоторые изъ его единомышленниковъ еще рѣшительнѣе его высказали вытекавшія отсюда послѣдствія. Для Пирогова развитіе науки есть также главнѣйшая цѣль университета, а свобода научныхъ занятій и сношеній профессоровъ и студентовъ — единственное средство для достиженія этой цѣли. Онъ тоже желалъ какъ можно меньше обязательствъ и привилегій съ обѣихъ сторонъ. Онъ былъ рѣшительно противъ соединенія ученой степени съ чиномъ и службой: если ученая степень и должна давать служебныя права, то пусть это будетъ дѣломъ государства, а не университета. Профессора Чичеринъ и Горловъ прямо предлагали экзаменовать на государственную службу внѣ университета, и Пироговъ «только по необходимости» оставлялъ экзаменъ на должность въ университетѣ. Сами профессора, во всякомъ случаѣ, не должны имѣть чиновъ. Каѳедра не должна быть для профессора казенной синекурой, — и Пироговъ настаивалъ на перебаллотировкѣ профессора, вмѣсто 25 лѣтъ, уже черезъ 12½. Больше всего онъ возставалъ противъ непотизма и застоя профессорской корпораціи, но какъ средство противодѣйствія предлагалъ не ограниченіе корпоративныхъ правъ, а воздѣйствіе общественнаго мнѣнія и конкурренцію. Чтобы дать вліяніе мнѣнію общества, коллегъ и самихъ учащихся («автономическій университетъ немыслимъ и безъ общественнаго мнѣнія учащихся»), Пироговъ рекомендовалъ возможно большую гласность въ университетскихъ дѣлахъ, — напр., въ частности, публичные конкурсы при занятіи каѳедръ. Чтобы поддержать рвеніе въ старѣющихъ ученыхъ, необходима конкурренція мо-

лодыхъ силъ: нужно открыть доступъ къ чтенію лекцій начинающимъ работникамъ, т. е. создать въ Россіи институтъ приватъ-доцентства. Для того же, чтобы приватъ-доценты могли читать параллельные курсы съ профессорами, необходимо предоставить студентамъ свободу выбора лекцій и преподавателей. Для вознагражденія приватъ-доцентовъ, надо измѣнить систему платы за лекціи и вмѣсто однообразнаго взноса въ казну ввести гонораръ по числу часовъ. Словомъ, Пироговъ и его сторонники развивали тотъ самый планъ, который потомъ пытался осуществить уставъ 1884 года. Но въ то время эти предложенія, большею частью, не прошли. Созданіе государственныхъ экзаменовъ найдено было невозможнымъ по тѣмъ же причинамъ, которыя измѣнили смыслъ этого учрежденія впослѣдствіи. А отмѣнять переводные экзамены, при тогдашнихъ нравахъ студенчества, значило, по мнѣнію критики, «ставить имъ ловушку». Институтъ приватъ-доцентуры былъ принятъ въ принципѣ, но, какъ извѣстно, совершенно не привился на практикѣ при дѣйствіи устава 1863 года. Обязательное посѣщеніе лекцій по расписанію факультета сохранилось въ уставѣ, вмѣстѣ съ переводными экзаменами.

Остался вопросъ объ устройствѣ надзора за учащимися: обойти этотъ вопросъ тѣмъ болѣе было нельзя, что однимъ изъ толчковъ ко введенію новаго устава послужили петербургскіе безпорядки 1861 года. Большинство обсуждавшихъ уставъ пыталось вывести рѣшеніе этого вопроса изъ общаго принципа университетской автономіи. Безпорядки объяснялись съ этой точки зрѣнія, какъ естественное послѣдствіе того, что совѣтъ университета устраненъ уставомъ 1835 года отъ нравственнаго воздѣйствія на учащихся. Необходимо было, слѣдовательно, вернуть ему средства оказывать это воздѣйствіе, возстановивъ его судебную и полицейскую власть надъ учащимися. При этомъ условіи, нѣкоторые сторонники приведеннаго мнѣнія соглашались, «подчинивъ учащихся особому университетскому управленію», «дать имъ возможность группироваться въ товарищества и кружки подъ наблюденіемъ, съ разрѣшенія и за отвѣтственностью университетскаго начальства». При такомъ устройствѣ, «самое закрытіе студенческихъ заведеній университетскимъ начальствомъ, въ случаѣ замѣченныхъ злоупотребленій, будетъ имѣть значеніе мелкаго факта академическаго, а не важнаго событія политическаго». На совершенно другую — и болѣе правильную почву ставилъ обсужденіе вопроса Н. И. Пироговъ. Онъ прежде всего, откровенно усомнился въ силѣ нравственнаго воздѣйствія профессора на учащихся. «Сильной нравственной связи между кол-

легіею профессоровъ и студентами у насъ почти никогда не было... Трудно вѣрить, чтобы новый порядокъ вещей, и при автономіи университета, скоро укрѣпилъ связь коллегіи со студенчествомъ... Если же и при такихъ условіяхъ коллегія возьметъ на себя отвѣтственность передъ правительствомъ за сохраненіе порядка между студентами, то это будетъ готовность, которой нельзя не желать успѣха. Но для этого коллегія, прежде всего, должна возстановить свое нравственное вліяніе, а чтобы возстановить его, одной автономіи мало»... И для самаго факта студенческихъ волненій Пироговъ предлагалъ другое объясненіе. «Университетъ выражаетъ современное общество, въ которомъ онъ живетъ, болѣе чѣмъ всѣ другія учрежденія». Это есть «лучшій барометръ общества», и «если онъ показываетъ такое время, которое не нравится, то за это его нельзя разбивать или прятать, — лучше все-таки смотрѣть и, смотря, по времени, дѣйствовать... Только тамъ, гдѣ политическія стремленія и страсти проникли глубоко черезъ всѣ слои общества, онѣ уже не ясно отражаются на университетѣ». «Гдѣ политическая жизнь общества качается ровно, какъ часовой маятникъ, гдѣ политическія страсти изъ высшихъ сферъ не доходятъ до незрѣлаго поколѣнія, тамъ въ университетѣ выступаетъ на первый планъ его прямое назначеніе — научная дѣятельность». «Но чѣмъ болѣе (политическія страсти) настигаютъ общество врасплохъ, чѣмъ менѣе оно привыкло къ переходамъ и переворотамъ, тѣмъ сильнѣе выразится его настроеніе въ университетѣ». Какъ же слѣдуетъ «дѣйствовать», по мнѣнію Пирогова? Въ 1859 году онъ предлагалъ министерству «или ослабить корпоративное начало, или правильно его организовать». Въ 1863 году онъ находитъ и то, и другое очень труднымъ. «Гдѣ только собираются люди на продолжительное время, въ виду извѣстной цѣли, — да къ тому же еще, если ихъ сближаетъ возрастъ, воспитаніе и національность, — то тамъ корпоративное начало уже есть непремѣнно. Оно въ нашемъ студенчествѣ имѣло, въ нѣкоторой степени, и юридическое значеніе, потому что было соединено съ нѣкоторыми правами». Въ виду этого, совершенно разрушить корпорацію не легко: она «все-таки будетъ существовать, но уже совершенно незаконная, неорганизованная и вовсе устраненная отъ нравственнаго вліянія университета». Съ другой стороны, «для организаціи студенчества въ правильную корпорацію намъ недостанетъ двухъ главныхъ условій: преданія — организующаго изнутри — и нравственной супрематіи организаторовъ», которая бы могла «организовать извнѣ». Не находя этихъ элементовъ въ студенчествѣ и въ коллегіи того времени, Пироговъ останавливался въ нерѣшительности передъ

самымъ труднымъ въ то время вопросомъ академической жизни. Онъ не могъ договорить, что вопросъ этотъ неразрѣшимъ при самодержавномъ политическомъ строѣ.

Уставъ 1863 г. въ результатѣ всѣхъ этихъ разсужденій ввелъ институтъ профессорскаго суда надъ студентами. Но на практикѣ этотъ судъ значенія не имѣлъ, и судьи даже вовсе не выбирались совѣтомъ. Нѣсколько болѣе успѣха имѣли предложенія — открыть двери университетской аудиторіи для постороннихъ посѣтителей. Фактически эти посѣтители допускались свободно уже въ годы обсужденія устава. По окончательной редакціи устава, совѣтъ каждаго университета получалъ право самъ выработать правила о допущеніи «постороннихъ слушателей», утверждаемыя министромъ. Въ этомъ случаѣ сохранены были уклончивыя выраженія проекта, несмотря на то, что ученый комитетъ предлагалъ прямо разъяснить въ примѣчаніи, что «подъ посторонними лицами, упоминаемыми въ этомъ параграфѣ, разумѣются *лица обоего пола*». Такимъ образомъ, устранено было допущеніе въ университетъ женщинъ, въ пользу котораго тогда уже единогласно высказались совѣты четырехъ университетовъ (с.-петербургскаго, кіевскаго, харьковскаго и казанскаго).

Переходимъ теперь къ реформѣ средней школы въ 1864 году. Здѣсь копья ломались, главнымъ образомъ, по поводу вопроса, слѣдуетъ ли дать среднему образованію классическій или реальный характеръ. Мы знаемъ, что споръ этотъ велся уже давно, но теперь онъ получилъ иной, болѣе широкій смыслъ, чѣмъ прежде. Съ 1828 года (или, точнѣе, съ 1811) на сторонѣ классическаго образованія стояли тѣ, кто смотрѣлъ на гимназію, какъ на путь къ университету. Напротивъ, за реальную программу были тѣ, кто видѣлъ въ ней окончательную школу, какою она тогда и была для большинства. Но съ тѣхъ поръ положеніе измѣнилось. Съ усиленіемъ потребности въ образованіи значительное большинство гимназистовъ (до трехъ четвертей) стало поступать въ университетъ послѣ окончанія курса. Отъ этого, однако, симпатія общества къ реальной школѣ нисколько не уменьшилась, а только пріобрѣла новыя основанія. Въ университетѣ давалось *спеціальное* образованіе; слѣдовательно, въ гимназіи должно было пріобрѣтаться *общее*, — соотвѣтствующее современному состоянію знаній о природѣ и человѣкѣ. И сторонники классицизма, въ свою очередь, защищая его положеніе въ средней школѣ, начинаютъ выдвигать теперь на первый планъ не его подготовительное, а его общеобразовательное значеніе. Итакъ, вопросъ о реальномъ или классическомъ образованіи сталъ рѣшаться, въ теоріи,

совершенно независимо отъ вопроса о назначеніи средней школы. Точнѣе говоря, въ теоріи, обѣ стороны были убѣждены, что назначеніе средней школы — давать общее образованіе.

Но общее образованіе можетъ быть только *одно*. Слѣдовательно, и средняя школа, въ глазахъ сторонниковъ ея общеобразовательнаго характера, должна быть одна. Такимъ образомъ, самъ собой на очередь становился вопросъ: какая школа, классическая или реальная, можетъ считаться болѣе соотвѣтствующей идеалу общаго образованія? Борьба по этому вопросу въ печати и въ письменныхъ отзывахъ, представленныхъ министерству, велась весьма ожесточенно. Въ пользу классицизма выдвигалась *формальная* цѣль общаго образованія, достигаемая, по мнѣнію его защитниковъ, всего лучше съ помощью древнихъ языковъ и математики. Въ пользу реальной школы приводилась необходимость приблизить образованіе къ *жизни,* дать ученику не одинъ только *методъ,* гимнастику ума, но и положительныя *знанія и идеалы.* Когда классицизмъ обѣщалъ дать и то, и другое, ему отвѣчали, что знакомство и любовь къ древнему міру всего лучше дается исторіей и литературой, заниматься которыми именно и препятствуетъ «латынь». Въ свою очередь, защитники классицизма не оставались въ долгу и обвиняли реальное направленіе въ утилитаризмѣ, въ стремленіи «приготовлять изъ учащихся не людей съ нравственными убѣжденіями, а безжизненные складочные магазины, болѣе или менѣе наполненные грузомъ разнаго рода знаній». На сторонѣ классицизма стояли всѣ иностранные педагоги, приславшіе свои замѣчанія; на сторонѣ реализма — значительное большинство педагогическихъ совѣтовъ, учителей, представителей печати. Ученый комитетъ занялъ середину, — однако, съ большимъ наклоненіемъ къ классицизму. Такъ какъ, стоя на точкѣ зрѣнія *общеобразовательной* школы, пришлось бы дѣлать выборъ между одной изъ двухъ школъ, рекомендуемыхъ крайними мнѣніями, то естественно было въ основу средняго мнѣнія положить старую идею о *подготовительной* роли школы. Какъ способъ готовить къ высшимъ училищамъ *различнаго* типа, обѣ программы годились, и обѣ школы могли быть учреждены рядомъ. «У насъ есть много высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, — говорилось въ одной оффиціальной статьѣ того времени, — которыя требуютъ отъ поступающихъ такихъ познаній изъ математическихъ и естественныхъ наукъ, которыхъ не въ состояніи дать классическія гимназіи. Поэтому, если гимназіи должны служить приготовительными заведеніями не только для университетовъ, но и для другихъ высшихъ спеціальныхъ училищъ, то и преподаваніе въ нихъ

должно быть распредѣлено соотвѣтственно этой двоякой цѣли». И ученый комитетъ предлагалъ ввести два типа гимназій: «филологическую» и «реальную».

Примиряя, такимъ образомъ, крайнія мнѣнія, проектъ въ то же время примыкалъ съ своими двоякими школами къ существующему положенію вещей. Послѣ гимназической реформы 1849-1851 годовъ въ Россіи (включая Дерптскій округъ) было только 12 гимназій съ обоими древними языками; въ остальныхъ 65-ти оставался одинъ латинскій, который начинался съ IV класса. Взамѣнъ греческаго 29 гимназій ввели законовѣдѣніе, а 36, кромѣ него, еще и естественныя науки. Совершенно то же самое (за исключеніемъ законовѣдѣнія) предлагалъ и ученый комитетъ. Такъ называемыхъ «филологическихъ гимназій» (съ двумя древними языками) онъ предполагалъ ввести немного, а «перевѣсъ дать» «реальнымъ гимназіямъ» съ однимъ латинскимъ. Однако, этотъ планъ никого не удовлетворялъ. Сторонники классицизма справедливо находили, что древнимъ языкамъ нельзя научиться, какъ слѣдуетъ, даже въ «филологическихъ гимназіяхъ» — по малому количеству времени, отведеннаго для нихъ (24 и 22 часа, вмѣсто 60-70 и болѣе нѣмецкихъ гимназій). Сторонники реальной школы не менѣе справедливо замѣчали, что и такъ называемыя «реальныя гимназіи» не удовлетворяютъ цѣли, такъ какъ въ нихъ нельзя научиться реальнымъ знаніямъ. Латинскій языкъ съ своими 18 часами перевѣшивалъ и естествовѣдѣніе съ физикой и математической географіей (на всѣ — 19 часовъ) и математику (16 часовъ), не говоря уже о прочихъ предметахъ. Между тѣмъ, защитники реальной программы хотѣли бы ввести въ нее, какъ это было въ уставѣ 1804 года, науки философскія (логику и психологію), общественныя (общій курсъ «обществовѣдѣнія») и антропологическія (антропологію, физіологію, гигіену). Ученый комитетъ уступилъ реалистамъ и сдѣлалъ латинскій языкъ необязательнымъ въ «реальной гимназіи», но никакихъ новыхъ предметовъ въ программу онъ все таки не хотѣлъ вводить. Неучившіеся латинскому языку могли поступать только на физико-математическій факультетъ. Дальнѣйшая фактическая уступка сдѣлана была вслѣдствіе того, что въ собственно-классическихъ гимназіяхъ греческій языкъ можно было вводить только «по мѣрѣ приготовленія учителей этого языка». Такимъ образомъ, значительная часть этихъ гимназій осталась при одномъ латинскомъ языкѣ и, слѣдовательно, очутилась почти въ томъ же положеніи, въ которое проектъ хотѣлъ поставить реальную школу. Государственный совѣтъ закрѣпилъ эту фактическую уступку, постановивъ, что *половина* всѣхъ русскихъ

гимназій должна быть обращена въ гимназіи съ однимъ латинскимъ языкомъ. Остальную половину онъ раздѣлилъ между сторонниками крайнихъ мнѣній: четверть должна была сдѣлаться реальными и четверть вполнѣ классическими. Изъ 61 гимназіи коренной Россіи это составляло 15 съ двумя древними языками (противъ прежнихъ 8-ми), 30 съ однимъ и 16 безъ древнихъ языковъ. Защитники классицизма могли теперь смотрѣть на преобладающій типъ, какъ на временный, переходный къ полной классической гимназіи (такъ и было прямо сказано въ уставѣ). Напротивъ, защитники реализма имѣли нѣкоторыя основанія считать введеніе этого типа — замаскированной побѣдой реальной школы.

Очевидно, на такомъ компромиссѣ дѣло остановиться не могло. Обѣ стороны стремились къ болѣе полному торжеству. Обстоятельства времени дали возможность восторжествовать классической школѣ. Уже въ ближайшее время министерству удалось число реальныхъ гимназій низвести съ 16 до 5. Это, впрочемъ, объясняется, главнымъ образомъ, желаніемъ населенія доставить дѣтямъ доступъ въ университетъ. Само министерство высказало, нѣсколько лѣтъ спустя, что если бы былъ данъ доступъ изъ реальной гимназіи на три факультета (исключая филологическій), то «неминуемо возникли бы домогательства въ тѣхъ губерніяхъ, въ коихъ были бы настоящія гимназіи, чтобы эти учебныя заведенія были преобразованы въ реальныя училища». И наоборотъ, съ закрытіемъ доступа изъ реальныхъ гимназій въ университетъ, «почти отовсюду послѣдовали настоятельныя просьбы о томъ, чтобы мѣстныя гимназіи были классическими».

Вскорѣ судьба учебной реформы 1864 г. была рѣшена окончательно. При этомъ рѣшеніи, также какъ и въ предыдущихъ подобныхъ случаяхъ, главную роль сыграли соображенія не педагогическія, а политическія. Рескриптъ 1866 г. (послѣ выстрѣла Каракозова) поставилъ вопросъ на точку зрѣнія манифеста 1826 г. (стр. 784). На школу возложена была отвѣтственность за «пагубныя лжеученія, распространявшіяся» въ обществѣ. Реформа школы должна была искоренить «стремленія и умствованія, дерзновенно посягающія на все, для Россіи искони священное, на религіозныя вѣрованія, на основы семейной жизни, на право собственности, на покорность закону и на уваженіе къ установленнымъ властямъ».

Источникъ всѣхъ подобныхъ «стремленій и умствованій» усматривался теперь въ реалистическомъ направленіи современной науки и образованности. Отраженіемъ этого «духа времени» считалась, во мнѣніи реакціонера Каткова и его сотрудниковъ, и про-

грамма реальной школы. Въ переводѣ на педагогическіе термины, реальная программа страдала «многопредметностью» и развивала «верхоглядство», въ результатѣ котораго укрѣплялись въ ученикахъ «крайнее самомнѣніе» и, на почвѣ его, «превратныя воззрѣнія». Лѣкарства противъ всѣхъ этихъ золъ рекомендовалось искать въ «сосредоточеніи» преподаванія на немногихъ предметахъ, по возможности далекихъ отъ жизни и этимъ облегчающихъ учительскій контроль надъ формированіемъ взглядовъ и характеровъ учениковъ.

Для проведенія этихъ взглядовъ въ жизнь назначенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстой (1866). «Я постараюсь», — говорилъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей (1867), — «чтобы изъ гимназіи выходили не самонадѣянные верхогляды, все знающіе и ничего не знающіе, но молодые люди скромные и солидно образованные». Классицизмъ долженъ былъ послужить средствомъ для достиженія этой цѣли.

Взгляды новаго министра, однако, далеко не встрѣтили общаго одобренія. Попечители, къ которымъ гр. Толстой прежде всего обратился съ предложеніемъ — указать недостатки устава 1864 г., дали отвѣты «мало утѣшительные» для министра и для его идеи — ввести классическую школу, какъ господствующій типъ. Въ «особомъ присутствіи», созданномъ для обсужденія министерскаго проекта реформы, образовалось сплоченное меньшинство шести членовъ, протестовавшее противъ смѣшенія педагогическихъ вопросовъ съ политическими и доказывавшее, вопреки министру, что, при желаніи и при благопріятныхъ условіяхъ, въ естественныхъ наукахъ можно найти всѣ гарантіи противъ «лжеученій», а въ классицизмѣ можно заподозрить источникъ всѣхъ опасностей, которыхъ хотятъ избѣгнуть при помощи школьной реформы. Въ итогѣ меньшинство не только настаивало на сохраненіи правилъ 1864 г. относительно реальныхъ училищъ, но предлагало даже превратить въ этотъ типъ *половину* гимназій и дать кончившимъ курсъ въ реальныхъ училищахъ (если они учились необязательному латинскому языку) право поступленія на математическій *и медицинскій* факультеты. Въ общемъ собраніи государственнаго совѣта это меньшинство превратилось въ большинство 29 противъ 19. Александръ II, однако, по политическимъ соображеніямъ, согласился съ меньшинствомъ. 30 іюля 1871 г. новый уставъ гимназій и прогимназій, вопреки настроенію общественнаго мнѣнія, сдѣлался закономъ. Реакція восторжествовала.

Вслѣдъ за тѣмъ и по тѣмъ же политическимъ соображеніямъ, поставлена была на очередь реформа высшей школы. Сотрудники

Каткова (особенно проф. Любимовъ) и въ данномъ случаѣ искали источника всѣхъ золъ въ новомъ университетскомъ уставѣ 1863 г. Уставъ далъ университетамъ «республиканское» устройство; необходимо было уничтожить ихъ «самовластіе», подчинивъ ихъ непосредственно попечителямъ и министру. Оригинальнымъ образомъ, проектъ уничтоженія университетскаго «самовластія» явился подъ личиной академической свободы: свободы факультетовъ отъ совѣта, профессоровъ отъ факультета и студентовъ отъ профессоровъ. Послѣ ряда студенческихъ волненій (1869, 1874, 1878) проектъ проф. Любимова былъ принятъ правительствомъ. Въ другихъ сферахъ онъ вызвалъ, какъ и проектъ гимназической реформы, сильное сопротивленіе. Еще въ 1872 году министръ пригласилъ университеты высказаться по поводу измѣненій, желательныхъ въ уставѣ 1863 года. Совѣты и факультеты отвѣтили предложеніемъ однихъ только частичныхъ перемѣнъ. Въ 1874 году, по поводу студенческихъ безпорядковъ въ Петербургѣ, составлена была комиссія, которая рѣшила «ограничить автономію профессорскихъ коллегій», «усилить правительственный контроль за направленіемъ преподаванія», для чего «отдѣлить выпускные экзамены отъ преподаванія»; наконецъ, «стѣснить дальнѣйшій притокъ учащихся». Такъ намѣчены были всѣ основныя черты устава 1884 года. Уставъ 1863 года организовалъ, какъ мы видѣли, управленіе университетомъ по-нѣмецки и учебное устройство — по-французски. Теперь, наоборотъ, учебное устройство должно было реорганизоваться по-нѣмецки, на началахъ **Lehr- und Lernfreiheit**, а управленіе университетомъ — по-французски, на началахъ административной централизаціи. Попечитель получалъ надъ университетомъ власть, какой онъ не имѣлъ ни по одному изъ прежнихъ уставовъ. Ректоръ, назначенный правительствомъ, становился начальникомъ надъ коллегіей. Вмѣстѣ съ назначенными же деканами и инспекторомъ онъ составлялъ правленіе, сдѣлавшееся, такимъ образомъ, какъ бы отдѣленіемъ министерства внутри университета. Между профессоромъ и слушателями устанавливалась связь, очень похожая на ту, которой желалъ Костомаровъ. Аудиторія становилась мѣстомъ ихъ случайной встрѣчи.

Для обсужденія этихъ предположеній приглашены были въ особую комиссію (1876) ректоры университетовъ и избранные министерствомъ эксперты. «Защитники реформы оставались въ комиссіи въ меньшинствѣ, такъ какъ ректоры составили противъ нихъ сплоченную оппозицію», передаетъ историкъ реформы. Только 6-го февраля 1880 г. проектъ былъ представленъ въ государственный совѣтъ. Но 24 апрѣля гр. Толстой получилъ отставку и законопроектъ,

по обычаю, вернулся въ министерство. Новый министръ Сабуровъ повелъ дѣло въ смыслѣ возстановленія устава 1863 года съ нѣкоторыми измѣненіями, напр., съ корпоративной организаціей студенчества по курсамъ и факультетамъ. Между тѣмъ, въ январѣ и февралѣ 1881 года произошли новыя волненія въ петербургскомъ университетѣ, которыя повели за собой, уже въ царствованіе Александра III, отставку Сабурова. Его преемникъ, бар. Николаи, держался на почвѣ устава 1863 года; но уже 16 марта 1882 г. онъ уступилъ свой постъ гр. И. Д. Делянову: это знаменовало переходъ и новаго царствованія къ консервативной политикѣ. Законопроектъ гр. Толстого былъ снова внесенъ въ государственный совѣтъ. Бывшіе либеральные министры, Головинъ и Николаи явились здѣсь рѣшительными противниками реформы и имѣли на своей сторонѣ подавляющее большинство: «почти по всѣмъ главнымъ вопросамъ 16-18 членовъ (изъ 24) подавали голосъ противъ проекта», говоритъ цитированный выше авторъ. Голосованіе въ общемъ засѣданіи государственнаго совѣта тоже дало большинство противъ реформы. Но Александръ III согласился съ меньшинствомъ и утвердилъ законопроектъ въ той формѣ, въ какой предложилъ его министръ народнаго просвѣщенія (13 августа 1884 г.). И здѣсь, такимъ образомъ, побѣдила реакція.

Такъ осуществились оба устава средней и высшей школы, дѣйствовавшіе до конца XIX вѣка. Роль того и другого устава въ жизни была весьма различна, но оба постигла одна судьба: вслѣдъ за обществомъ и власть, послѣ долгаго сопротивленія, принуждена была оффиціально признать ихъ непригодность для жизни. Гимназическій уставъ долго примѣнялся неукоснительно и безпощадно; его тенденціи, чѣмъ далѣе, тѣмъ откровеннѣе подчеркивались. Въ своихъ рѣчахъ 1875 г. графъ Толстой еще говорилъ, — какъ полагалось по уставу, — что «наше правительство не дѣлаетъ никакого различія въ своихъ училищахъ, ни по вѣроисповѣданіямъ, ни по сословіямъ». Отрицая сословныя тенденціи реформы, онъ утверждалъ, что, дѣйствительно, «гимназіи наши должны производить аристократовъ, но какихъ? аристократовъ ума, аристократовъ знанія, аристократовъ труда». Однако же, преемникъ Толстого, Деляновъ, въ 1885 г. заявилъ, что гимназическое образованіе вредно для «низшихъ классовъ». Въ 1887 г. было запрещено принимать дѣтей лицъ, занимающихся «предосудительными профессіями» и рѣшено закрыть приготовительный классъ для «отвлеченія отъ гимназіи такихъ учениковъ, которымъ, по условіямъ быта ихъ родителей, совершенно не слѣдуетъ стремиться къ среднему гимназическому образованію».

18 іюня того же 1887 г. появился знаменитый циркуляръ Делянова, въ которомъ рекомендовалось директорамъ гимназій и прогимназій «неуклонно соблюдать правило» о непринятіи дѣтей, родители которыхъ не представляютъ «достаточнаго ручательства въ правильномъ домашнемъ надзорѣ». «Такимъ образомъ, говорилось въ циркулярѣ, эти учебныя заведенія «освободятся отъ поступленія въ нихъ дѣтей кучеровъ, лакеевъ, поваровъ, прачекъ, мелкихъ лавочниковъ и тому подобныхъ людей, — дѣтей коихъ, за исключеніемъ развѣ одаренныхъ необыкновенными способностями, вовсе не слѣдуетъ выводить изъ среды, къ коей они принадлежатъ, и чрезъ то, какъ показываетъ многолѣтній опытъ, приводить ихъ къ пренебреженію своихъ родителей, къ недовольству своимъ бытомъ, къ озлобленію противъ существующаго и неизбѣжнаго по самой природѣ вещей неравенства имущественныхъ положеній». Что касается педагогической стороны дѣла въ классической гимназіи гр. Д. А. Толстого, она представляла совершенно безотрадную картину. Подъ предлогомъ, что древніе языки лучше всего пригодны для гимнастики ума, центръ тяжести изученія былъ перенесенъ съ литературы и жизни древнихъ на зазубриваніе тонкостей грамматики, совершенно не научавшихъ языку. Такъ какъ русскихъ преподавателей, тренированныхъ въ этомъ направленіи, оказалось черезчуръ недостаточно, министерство выписало учителей-славянъ, недостаточно знакомыхъ съ русскимъ языкомъ, и преподаваніе окончательно приняло сухой, безжизненный характеръ. Несмотря на то, что на древніе языки уходило 85 часовъ въ недѣлю, что составляло 41% всего учебнаго времени, цѣль преподаванія не достигалась даже въ узкихъ, строго отмѣренныхъ рамкахъ. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ уже тотъ статистическій фактъ, что въ 1872 - 1890 гг. изъ сотни только 4-9 учениковъ кончали эту гимназію въ срокъ, т. е. въ 8 лѣтъ. Только 21-37% добирались до конца съ остановками; а отъ 63 до 79 гимназистовъ изъ каждой сотни, т. е. огромное большинство, выбрасывались изъ школы, какъ непригодные для нея. Выходило, такимъ образомъ, что не школа существуетъ для учащихся, а учащіеся для школы.

Были ли, по крайней мѣрѣ, тѣ, кто оказался пригоднымъ для этой школы, дѣйствительно, такими «аристократами ума и знанія», какъ обѣщалъ гр. Толстой? Профессора университетовъ, ревизовавшіе гимназіи, неизмѣнно отвѣчали на этотъ вопросъ отрицательно. Они констатировали непрерывный упадокъ уровня развитія кончающихъ гимназистовъ. Но, можетъ быть, за то изъ гимназіи выходили «скромные» и благонравные юноши, какіе нужны были правитель-

ству? Опять-таки, нѣтъ; скорѣе можно было бы классифицировать прошедшихъ классическую школу и выброшенныхъ ею за бортъ — на меньшинство забитыхъ и большинство озлобленныхъ. Естественно, что рано или поздно фактъ неудачи классической школы пришлось признать въ полномъ размѣрѣ. Общественное недовольство по поводу этой школы, долго сдерживаемое, очень ярко проявилось при первой возможности. Правительственный циркуляръ 1899 года констатировалъ, что, при излишествѣ механическаго труда, классическая гимназія гр. Толстого давала слишкомъ мало знаній и охоты пріобрѣсти ихъ, что воспитаніе личности было совершенно невозможно въ ней, вслѣдствіе канцелярскаго формализма, характеризовавшаго отношенія школы къ семьѣ и учителей къ ученикамъ. Очевидно, политическая роль, болѣе или менѣе открыто навязанная школѣ, роковымъ образомъ парализовала производительность ея работы. Изъ боязни передовыхъ идей и сильныхъ характеровъ, школа систематически занималась искорененіемъ всякихъ идей и обезличеніемъ индивидуальности.

Совершенно иного рода была судьба университетскаго устава 1884 г. Примѣнить его на практикѣ вовсе не удалось: на первыхъ же порахъ самыя основныя черты устава оказались неприложимыми, и фактически возстановленъ былъ порядокъ, дѣйствовавшій при старомъ уставѣ. Такимъ образомъ, остались на бумагѣ и свобода преподаванія и слушанія, и независимый отъ университета государственный экзаменъ, и отмѣна переходныхъ экзаменовъ, болѣе или менѣе возстановленныхъ подъ новыми формами. Дѣйствительная и весьма существенная, конечно, перемѣна состояла въ подчиненіи профессорскаго преподаванія и службы университетскому начальству и министерству, и въ усиленіи инспекторскаго надзора за студентами. Для облегченія внѣуниверситетскаго надзора была въ 1885 г. вновь введена форменная одежда. Послѣдствія всѣхъ этихъ мѣръ сказались въ той «разобщенности» студентовъ «съ профессорами и съ учебнымъ начальствомъ», на которую комиссія ген. Ванновскаго указала въ 1899 г., какъ на «главнѣйшую» изъ «общихъ причинъ, содѣйствовавшихъ возникновенію и распространенію безпорядковъ» среди учащейся молодежи. Послѣ неудачной попытки министра Боголѣпова установить «общеніе между студентами и профессорами», «на почвѣ учебныхъ потребностей», рескриптомъ 25 марта 1900 г. признана была, наконецъ, необходимость «коренного пересмотра и исправленія нашего учебнаго строя». Въ основу этого пересмотра легли положенія, давно указывавшіяся печатью и общественнымъ мнѣніемъ: возстановленіе университетской автономіи

и созданіе нормальныхъ условій для корпоративной жизни учащихся. Въ смыслѣ, благопріятномъ обоимъ этимъ положеніямъ высказались и всѣ русскіе университеты, когда министерство обратилось къ нимъ съ прямымъ запросомъ по этому поводу. Однако, осуществить оба положеніе сколько нибудь послѣдовательно и полно оказалось невозможнымъ, оставаясь въ рамкахъ одного только университетскаго вопроса. На эту трудность указалъ уже петербургскій университетъ въ своемъ отзывѣ, заявивъ совершенно основательно, что студенческія волненія — главный толчокъ всѣхъ русскихъ университетскихъ реформъ — «зависятъ не только отъ причинъ внутренняго характера, коренящихся въ строѣ университетской жизни, но также еще и отъ различныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, которыя не могутъ быть устранены никакими измѣненіями въ уставѣ». Намекъ на политическій строй былъ достаточно понятенъ.

Какое вліяніе оказали всѣ описанныя нами перемѣны уставовъ на общій ходъ развитія русскаго просвѣщенія до конца XIX вѣка? Слѣдующія цифры могутъ намъ до нѣкоторой степени отвѣтить на эттоъ вопросъ.

ГОДЫ.	Число учащихся въ университетахъ.	Число учащихся въ гимназіяхъ.		Число учащихся въ городскихъ и уѣздн. училищ., женск. прогимназіяхъ и маріин. училищахъ.	
		муж.	жен.	муж.	жен.
1809	450	5.569	—	?	—
1825*)	1.691	7.682	—	?	—
1836	2.016	15.476	—	?	—
1848	4.566	18.911	—	?	—
1854	3.551	17.809	—	?	—
1864	4.323	28.202	4.335	25.658	4.630
1875	5.679	51.097	27.470	31.827	?
1885	12.939	93.109	35.205	?	—
1894	13.944	87.411	45.544	69.848	17.761
1897—1900 ..	16.520	82.371	44.795		23.199

Эти цифры не даютъ общихъ итоговъ развитія образованія въ зажиточныхъ классахъ, такъ какъ сюда не введены спеціальныя и иныя заведенія различныхъ вѣдомствъ; но онѣ имѣютъ значеніе

*) Число студентовъ въ университетахъ показано за 1808 и 1824 г. безъ виленскаго и гельсингфорскаго университетовъ, съ которыми вмѣстѣ приведенныя цифры повысились бы до 1.447 и 2.956.

для характеристики роста русской общеобразовательной школы въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. Непрерывное увеличеніе количества учащихся мы видимъ только въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ которыми государство слишкомъ запоздало. Только со времени «положенія о женскихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія», утвержденнаго въ 1860 г., возникла правильно организованная правительственная средняя школа для женщинъ. До того времени дѣвочекъ приходилось учить въ частныхъ пансіонахъ; въ 1864 г., напр., учились въ пансіонахъ, стоявшихъ на одной ступени съ гимназіями 3.231 ученица и въ пансіонахъ, уравненныхъ съ уѣздными училищами, — 4.261. Въ 1869 г. въ пансіонахъ 1-го разряда было три тысячи, 2-го — шесть тысячъ и 3-го — девять тысячъ ученицъ. Мужскіе пансіоны, хотя и освобожденные при Императорѣ Александрѣ II отъ стѣсненій предыдущей эпохи, уже перестали въ это время тягаться съ общественной школой. Затѣмъ, обращаясь къ университетамъ, мы видимъ, что быстрое увеличеніе ихъ слушателей останавливается въ промежуткахъ 1848-1864 и 1885-1894 гг. Въ серединѣ обоихъ промежутковъ оно даже падаетъ: въ 1854 г. съ 4,5 до 3,5 тысячъ; въ 1890 съ 12.939 до 12.495. Несомнѣнно, конечно, паденіе этихъ цифръ вызвано извѣстными намъ мѣрами 1848-1854 гг. и введеніемъ устава 1884 г.; точно также и подъемъ ихъ соотвѣтствуетъ подготовкѣ устава 1863 г. и фактическимъ измѣненіямъ въ примѣненіи устава 1884 г. Ту же самую остановку роста и даже уменьшеніе числа учащихся встрѣчаемъ въ эти же промежутки и въ гимназіяхъ. Цифры, относящіяся къ 1885-1897 годамъ, станутъ еще характернѣе, если разсмотримъ ихъ отдѣльно по классическимъ гимназіямъ и реальнымъ училищамъ:

въ классическихъ гимназіяхъ въ 1885 г. — 72.592, въ 1897 г. — 58.092
въ реальныхъ училищахъ въ 1885 г. — 20.517, въ 1897 г. — 24.279

т. е. въ классическихъ гимназіяхъ число учащихся уменьшилось почти на 20%, а въ реальныхъ училищахъ возросло на 18%. Измѣнился вмѣстѣ съ тѣмъ и сословный составъ, совершенно такъ, какъ того хотѣлъ циркуляръ Делянова, 1887 года. Вообще, въ нашихъ гимназіяхъ сословный составъ измѣнился въ послѣднія 60 лѣтъ слѣдующимъ образомъ:

	1833	1864	1869	1875	1884	1892
Дворяне	78%	70%	64%	52,8%	49,2%	56,2%
Городское сословіе	17%	20%	26%	33,1%	35,9%	31,3%
Сельское	2%	4%	5%	6,9%	7,9%	5,9%
Духовное	2%	3,5%	3%	1,5%	2%	1,9%

Эта маленькая таблица чрезвычайно поучительна. Въ непрерывномъ паденіи перваго (горизонтальнаго) ряда цифръ и столь же послѣдовательномъ увеличеніи второго и третьяго ряда мы видимъ неумолимый ходъ историческаго процесса. Лишь въ послѣдней графѣ онъ отброшенъ назадъ реакціонными распоряженіями власти. Но тотъ же процессъ неуклонно продолжается въ реальныхъ училищахъ, въ ожиданіи, пока жизнь войдетъ въ свои права и въ привилегированной школѣ. Въ реальныхъ училищахъ было:

	1880	1884	1892
Дворянъ	44%	40,7%	38%
Городскихъ сословій ..	37%	41,8%	43%
Сельскихъ	10,4%	10,9%	12,7%
Духовнаго званія	2,6%	1,8%	0,9%

Намъ остается теперь познакомиться съ исторіей начальной русской школы XIX вѣка. Мы видѣли, что для этой школы XVIII-й вѣкъ не успѣлъ сдѣлать ничего. Уставъ 1804 г. стремился осуществить предложеніе Лагарпа, чтобы всѣ селенія были снабжены школьными учителями, и установилъ для этой цѣли сельскія приходскія училища (стр. 771). Карамзинъ находилъ даже, что «главнымъ благодѣяніемъ сего новаго устава останется заведеніе сельскихъ школъ». Но, какъ мы знаемъ уже, его предсказаніе не исполнилось. «Жители казенныхъ селеній», говоритъ историкъ Петербургскаго округа, «неохотно соглашались на заведеніе училищъ, которыя должны были содержаться на ихъ счетъ; помѣщики, съ своей стороны, также весьма немногіе заботились объ этомъ. Одно только духовенство, *поощряемое училищнымъ начальствомъ,* старалось о заведеніи сельскихъ училищъ». Однако же и результаты этихъ стараній были незначительны и непрочны. Такъ, напр., въ Новгородской губерніи «при содѣйствіи директора», сразу открылось въ 1806 г. 100 школъ: «мѣстные священнослужители приняли въ нихъ безмездно учительскія должности и уступили подъ училища собственные свои дома». Но черезъ два года всѣ школы до одной закрылись. Въ другихъ губерніяхъ Петербургскаго округа дѣйствіе устава 1804 г. оказалось еще слабѣе. Въ Олонецкой губ. открыто было 20 сельскихъ училищъ, въ Архангельской — 9, но къ 1819 году ни тамъ, ни здѣсь не оставалось ни одного. Такъ, вѣроятно, шло дѣло и въ другихъ округахъ. Кое какъ держались только приходскія школы въ городахъ, при уѣздныхъ училищахъ, для которыхъ они были подготовительнымъ классомъ. Такимъ образомъ, министръ Шишковъ былъ совершенно

правъ, когда при обсужденіи реформы 1828 года призналъ начальное образованіе въ Россіи почти не существующимъ. Онъ считалъ тогда на всю Россію не болѣе 600 школъ. Дѣйствительно, и 8 лѣтъ спустя ихъ было только 661. По времени своего происхожденія, эти школы, вѣроятно, почти исключительно городскія, распредѣлялись въ 1836 г. слѣдующимъ образомъ:

Уцѣлѣли отъ времени Екатерины (1775-1796)	63	школы.
Открылись при имп. Павлѣ (1797-1801)	6	„
„ „ „ Александрѣ I (1802-1825)	349	„
„ „ „ Николаѣ (1826-1835)	243	„
Всего	661	школа.

Какъ видимъ, въ первую четверть XIX вѣка открывалось, среднимъ числомъ, по 14 приходскихъ школъ ежегодно, въ слѣдующія десять лѣтъ — по 24. И въ послѣдующіе годы приходскія училища возрастали въ числѣ чрезвычайно медленно. Въ 1841 ихъ число дошло до 1.021, а въ 1858 г. числилось не больше 1.129 (съ 53.659 учащимися).

Только съ начала 30-хъ годовъ начинаютъ, наконецъ, возникать въ Россіи правительственныя сельскія школы. Впервые онѣ появляются въ селеніяхъ казенныхъ (съ 1830) и удѣльныхъ (1832) крестьянъ съ очень опредѣленнымъ назначеніемъ: подготовлять писарей для сельскаго управленія. Естественно, что въ такія школы крестьянскихъ дѣтей приходилось вербовать силой. Семевскій разсказываетъ, что крестьяне этихъ селеній жаловались ему: «За что насъ обижаетъ начальство? У помѣщичьихъ крестьянъ воля дадена: учи или не учи ребятъ, съ нихъ не взыскиваютъ, а вотъ у насъ по 20-ти по 30-ти лѣтъ маютъ училищами-то: все давай, все давай въ нихъ ребятъ». И богатые крестьяне откупались взятками сельскимъ властямъ, попу или учителю; посылали по наряду или по найму дѣтей бѣдняковъ, которыхъ мѣняли въ процессѣ ученія. Крестьяне предпочитали свои «старинныя», вольныя школки. Развитіе правительственныхъ школъ шло поэтому такъ медленно, что съ 1840 г. рѣшено было посылать юныхъ кандидатовъ въ писаря на выучку въ *городскія* приходскія училища. Собственно же сельскія школы съ 1842 г., по докладу министра Киселева, получили сверхъ прежняго, новое назначеніе: «распространять между государственными крестьянами религіозно - нравственное образованіе и первоначальныя для каждаго сословія болѣе или менѣе нужныя свѣдѣнія». Съ этихъ

поръ, число школъ въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ стало рости, какъ видно изъ слѣдующихъ цифръ:

	Школъ	Учащихся.
1844 .	. 1.884 (въ томъ числѣ въ 1843 г. заведено 1009)	89.163
1846 .	. 2.319	?
1851 .	. 2.542	139.320
1853 .	. 2.795	153.117

Въ удѣльныхъ имѣніяхъ число сельскихъ школъ за это время тоже значительно поднялось. Въ 1835 г. было въ нихъ 44 школы съ 750 учащимися; къ 1853 г. школъ числилось 204, учащихся 7.477. Но насильственный характеръ обученія сохранился и въ тѣхъ, и въ другихъ школахъ. Такъ, въ 1855 г. велѣно было «назначать изъ сиротъ постоянныхъ учениковъ», въ 1854 г. запрещено брать дѣтей изъ школы до окончанія курса.

Содержались тѣ и другія школы на счетъ самихъ крестьянъ: государственные крестьяне обложены были для этой цѣли особымъ общественнымъ сборомъ. Въ 1845 году, напр., истрачено было на школы 259 тысячъ общественныхъ денегъ, въ 1850 г. 324 тысячи р. сер. Какъ видимъ, въ среднемъ, содержаніе школы обходилось въ 110-120 рублей, т. е., при тогдашнихъ цѣнахъ, это могла быть, дѣйствительно, правильно устроенная школа*). Такимъ образомъ, здѣсь, въ послѣдніе годы передъ крестьянской реформой, мы, наконецъ, впервые имѣемъ дѣло съ сколько-нибудь серьезнымъ мѣропріятіемъ въ пользу сельской школы. Но мы видѣли, какою цѣной это предпріятіе осуществлялось. Немудрено, что уже въ спорахъ 60-хъ годовъ эту самую школу Киселева довольно единодушно приводили въ примѣръ того, какъ *не слѣдуетъ* вести школьное дѣло.

Въ дѣйствительности, можно сказать, не преувеличивая, что русскую начальную школу создало не правительство, а русская общественность — въ тотъ періодъ времени, когда голосъ русскаго общественнаго мнѣнія сталъ звучать громко въ вопросахъ народнаго образованія, т. е. не раньше начала царствованія Александра II. Вопросы начальной школы суть не только вопросы образованія, но

*) Городскія приходскія училища получали, зачастую, отъ уѣздныхъ городовъ всего нѣсколько десятковъ рублей на содержаніе; 100 р. было порядочнымъ жалованіемъ приходскаго учителя; иногда ему платили гораздо меньше, до 30-40 руб., а расходъ на жалованье учителямъ составлялъ наибольшій процентъ всего расхода на школу.

и прежде всего вопросы воспитанія. Поэтому, первая роль въ созданіи русской начальной школы, — конечно, не со стороны матеріальной, а со стороны духовной, должна была принадлежать русскимъ педагогамъ. На ихъ роли намъ и слѣдуетъ прежде всего остановиться въ этомъ отдѣлѣ.

Русская новая педагогія развилась, начиная съ 60-хъ годовъ, на завѣтахъ Бѣлинскаго. Бѣлинскій указалъ на развитіе человѣчности въ ребенкѣ, какъ на цѣль воспитанія, и на развитіе природныхъ свойствъ ребенка, при внимательномъ отношеніи къ его личности, какъ на основное средство. Изъ уваженія человѣка въ ребенкѣ выводилось затѣмъ правило — не возбуждать фантазіи дѣтей таинственными и пугающими сказками и не питать ихъ искусственной, спеціально-дѣтской литературой. Знакомство съ своимъ близкимъ, конкретнымъ, русскимъ рекомендовалось, какъ самая естественная пища для развитія сознательнаго отношенія къ окружающему. Любовное отношеніе къ ребенку родныхъ и близкихъ, отказъ отъ тѣлесныхъ и иныхъ унижающихъ наказаній — такова должна была быть атмосфера гуманитарнаго воспитанія.

Эти идеи были быстро усвоены передовой русской общественностью и положены въ основу педагогическихъ работъ спеціалистовъ, занявшихся вопросами народнаго образованія. Общее реалистическое и народническое настроеніе 60-хъ годовъ какъ нельзя боелѣе содѣйствовало широкому примѣненію популярныхъ идей и пріемовъ къ практической постановкѣ народной школы.

Съ конца 50-хъ годовъ пропаганда новыхъ педагогическихъ идей переходитъ со столбцовъ общихъ журналовъ въ спеціальные педагогическіе журналы. Изъ нихъ особеннымъ, вліяніемъ пользовался «Учитель» Паульсона (1861—1870 г.г.), заявившій въ первой же редакціонной статьѣ, что «воспитаніе состоитъ въ правильномъ всестороннемъ развитіи всѣхъ силъ и способностей человѣка», что особенное вниманіе журнала будетъ обращено на психологію въ примѣненіи къ воспитанію и что главной темой журнала послужитъ народная школа. Руссо и Песталоцци были главными авторитетами «Учителя». Въ началѣ же 60-хъ годовъ создается Петербургское педагогическое общество, въ которомъ работаютъ Ушинскій и Водовозовъ; въ 1861 г. образуется комитетъ грамотности при Вольномъ Экономическомъ Обществѣ. Молодежь слѣдуетъ за руководителями; провинція — за столицей. Наглядное обученіе, звуковой методъ, методъ изученія чиселъ, родиновѣдѣніе — таковы темы журнальныхъ статей и споровъ 60-хъ годовъ. На нѣкоторое время вождемъ общественнаго мнѣнія по этимъ вопросамъ становится Н. И. Пиро-

говъ; но онъ скоро разочаровываетъ своимъ двойственнымъ положеніемъ между правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ. Сенсацію производитъ его статья «Вопросы жизни», защищавшая въ 1856 г. идею общечеловѣческаго воспитанія, безсословнаго, всеобщаго и обязательнаго, противъ сословно - спеціальнаго — и требованіе образованія въ гуманитарномъ духѣ. Съ разрѣшенія Пирогова была въ 1859 г. открыта первая воскресная школа — форма примѣненія интеллигентнаго труда къ народному образованію, которая быстро сдѣлалась любимой и популярной. За три года (1859 — 62) число этихъ школъ по преуменьшеннымъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, дошло до 500. Интересно, что начальникъ III отдѣленія кн. Долгоруковъ предложилъ въ 1860 г. Александру II поставить во главѣ движенія министерство нар. просв., ибо «правительство не можетъ допустить, чтобы половина народонаселенія была обязана своимъ образованіемъ не государству, а себѣ или частной благотворительности какого-либо отдѣльнаго сословія». Такъ казалась странна и необычна общественная иниціатива въ дѣлѣ народнаго образованія. Конечно, въ основѣ тутъ лежало опасеніе политической пропаганды. Въ 1861 г. воскресныя школы были подчинены надзору трехъ вѣдомствъ — вн. дѣлъ, нар. просвѣщенія и синода. А въ іюнѣ 1862 г. всѣ воскресныя школы «впредь до преобразованія» ихъ были закрыты. Но скоро для педагогической дѣятельности интеллигентнаго учителя открылась болѣе широкая арена.

Въ началѣ 60-хъ гг. общее вниманіе приковываютъ своими взглядами на школьное дѣло два столь несходные писателя, какъ Писаревъ и Левъ Толстой. Мы уже имѣли случай отмѣтить курьезное совпаденіе ихъ индивидуалистическихъ стремленій въ области морали. Въ области педагогіи они одинаково развиваютъ идею вполнѣ свободнаго воспитанія. Уваженіе къ правамъ и къ индивидуальности ребенка здѣсь достигло крайняго, почти парадоксальнаго выраженія. Только не вмѣшивайтесь: ребенокъ самъ себя воспитаетъ, — таковъ этотъ парадоксъ начала 60-хъ годовъ. Нѣсколько позднѣе на первое мѣсто въ педагогикѣ выдвинулся авторитетъ К. Д. Ушинскаго, этого «учителя учителей», автора «Проекта учительской семинаріи» (1861), «Роднаго Слова» и трехтомнаго изслѣдованія «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія» (1867 — 69).

Но посмотримъ, что было дѣйствительно сдѣлано для начальной школы въ этотъ подготовительный періодъ передъ созданіемъ земской школы.

Съ самаго начала царствованія имп. Александра II вопросъ о начальной школѣ былъ поставленъ въ законодательствѣ — одновре-

менно съ вопросомъ о средней и высшей. Но еще прежде, чѣмъ законъ успѣлъ что-либо сдѣлать для народнаго образованія, оно сильно двинуто было впередъ общественнымъ одушевленіемъ, передавшимся тотчасъ же и самимъ правящимъ сферамъ и вызвавшимъ соревнованіе вѣдомствъ. Вѣдомство государственныхъ имуществъ приняло усиленныя мѣры для открытія новыхъ школъ; но результаты этихъ мѣръ были, повидимому, болѣе показные, чѣмъ дѣйствительные. По крайней мѣрѣ, по отчетамъ, поданнымъ въ министерство государственныхъ имуществъ, къ январю 1866 г. состояло (кромѣ инородческихъ школъ): приходскихъ училищъ почти столько же, сколько мы видѣли въ 1853 г.:2.754 съ 137.580 учащимся и *кромѣ того* 3.842 начальныхъ *школъ грамотности* съ 83.128 учениками. Легко понять, въ чемъ выразилось усердіе мѣстныхъ властей: они просто записали въ списки тѣ вольныя школы, которыя и прежде и, какъ увидимъ, послѣ существовали въ большомъ количествѣ въ селахъ и деревняхъ, но имѣли свои основанія не показываться на глаза начальству. Дѣло въ томъ, что учителя этихъ школъ, разные мужички и отставные солдаты, не имѣли никакого желанія экзаменоваться въ уѣздномъ училищѣ для полученія права быть преподавателями. Подавать прошеніе объ открытіи такого училища — это значило обязаться отчетностью, записывать число учениковъ, перебираться въ приличное помѣщеніе и т. д.; и при всемъ томъ можно было рисковать цѣлые годы не получить отвѣта, такъ какъ прошеніе по инстанціямъ восходило до попечителя, а раньше и до самаго министра. Наконецъ, заставлялъ скрываться и пятирублевый штрафъ за незаконное преподаваніе, наложенный уставомъ 1828 года на сельскихъ педагоговъ, одновременно съ содержателями частныхъ пансіоновъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ крестьянскія вольныя школки всегда ускользали отъ точнаго учета. Но какъ много можно было предполагать ихъ, видно изъ того, что при обсужденіи устава 1864 года одинъ изъ участниковъ разсчитывалъ набрать въ нихъ до 60.000 учителей грамотѣевъ. Нѣтъ ничего мудренаго, что при первой надобности ближайшему начальству удалось записать изъ нихъ 3.842 въ число казенныхъ училищъ. То же самое, въ одно время съ министерствомъ государственныхъ имуществъ, происходило въ Вѣдомствѣ Св. Синода. Это вѣдомство въ отчетѣ за 1868 г. показало 16.287 школъ и 390.049 учащихся обоего пола. Правильныя школы здѣсь не отдѣлены отъ школъ грамоты, — вѣроятно, потому, что отдѣлить ихъ было бы не легко. Несомнѣнно, однако, что на этотъ разъ мы имѣемъ дѣло не только съ регистраціей уже существовавшихъ ранѣе школъ грамоты, а и со

школами, въ большомъ количествѣ вновь открытыми*). «Кто не знаетъ», замѣчаетъ по этому поводу одинъ изъ участниковъ реформы 1864 года, «что открытіе ихъ послѣдовало не добровольно, а вслѣдствіе распоряженій епархіальнаго начальства, и что въ одной епархіи было даже объявлено, что если мѣстные священники не заведутъ немедленно школъ или не будутъ обучать дѣтей, то начальство вышлетъ учителей насчетъ мѣстнаго причта». Какія школы получались этимъ путемъ, видно изъ заявленія другого эксперта той же реформы, В. Куломзина. «Сначала народъ въ эти школы съ радостью посылалъ дѣтей», пишетъ онъ министерству народнаго просвѣщенія, «но вскорѣ онъ разочаровался; священники и церковнослужители, вмѣсто ученія, иногда заставляли дѣтей колоть дрова, возить воду и кормъ скотинѣ, вообще прислуживать по дому; ученіе шло вяло, за дѣтьми присмотра не было никакого; школы опустѣли за весьма немногими исключеніями». Такимъ образомъ, къ приведеннымъ цифрамъ необходимо относиться крайне осторожно. «По всѣмъ отзывамъ и свидѣтельствамъ», говоритъ Н. Н. Мосоловъ, «цифры въ епархіальныхъ отчетахъ значительно преувеличены, и потому *трудно было бы дѣлать изъ нихъ какіе-либо выводы;* достаточно сказать, что по нѣкоторымъ губерніямъ число школъ и учащихся, въ вѣдѣніи *одного* духовенства, показано въ нихъ больше, нежели по отчетамъ училищныхъ совѣтовъ, обнимающимъ начальныя училища *всѣхъ* вѣдомствъ».

Что же сдѣлало министерство народнаго просвѣщенія при такой конкуренціи вѣдомствъ? Обсужденіе реформы начальныхъ училищъ въ 1864 г. шло въ томъ же порядкѣ, какъ и обсужденіе устава среднеучебныхъ заведеній. Одновременно съ ученымъ комите-

---

*) Въ какой степени темпъ открытія церковно-приходскихъ школъ былъ форсированъ въ 60-хъ годахъ, видно изъ слѣдующихъ оффиціальныхъ цифръ:

1839 —	2.000	школъ	19.000	учащихся
1841 —	2.700	»	25.000	»
1851 —	4.713	»	93.000	»
1860 —	7.907	»	133.660	»
1865 —	21.420	»	413.524	»
1881 —	4.404	»	104.781	»

Очевидно, что цифра 1865 г. искусственна: уже 1868 г. показываетъ паденіе (см. въ текстѣ).

томъ министерства нар. просвѣщенія, обсуждавшимъ уставъ, работалъ еще особый комитетъ изъ членовъ всѣхъ вѣдомствъ, въ которыхъ были народныя училища, включая синодъ, на разсмотрѣніе котораго Александръ II приказалъ даже передать составленный этимъ комитетомъ проектъ. Оба комитета выработали два совершенно противоположные проекта организаціи начальнаго образованія. Тотъ и другой согласны были лишь въ сохраненіи старой традиціи, что народная школа не должна ложиться на государственный бюджетъ, ибо «дѣло народнаго образованія есть дѣло самого народа и, слѣдовательно, объ учрежденіи и содержаніи народныхъ училищъ должны заботиться городскія и сельскія общества». Но это не помѣшало особому комитету предложить — сдѣлать учрежденіе народныхъ училищъ *обязательнымъ* — для городскихъ и сельскихъ обществъ. На каждую тысячу душъ должно было быть основано одно училище, на содержаніе котораго назначался поголовный сборъ по 44 к. съ души въ городахъ и по 27½ к. — въ селахъ и деревняхъ. Напротивъ, ученый комитетъ предоставлялъ открытіе училищъ свободной иниціативѣ самихъ обществъ, обѣщая только, въ случаѣ нужды, помогать имъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ уплатой жалованья учителю.

Мнѣнія лицъ, обсуждавшихъ эти проекты, раздѣлились. Часть ихъ стояла за обязательность начальнаго обученія. Ниже мы увидимъ, что требованіе обязательности вытекало изъ отрицательнаго отношенія населенія къ новой школѣ въ 60-хъ годахъ. Нѣкоторымъ даже казались недостаточными мѣры понужденія, проектированныя для этой цѣли въ уставѣ, и они предлагали — болѣе сильныя, вродѣ штрафовъ, недопущенія къ причастію, къ общественнымъ должностямъ и т. п. Другіе предпочитали мѣры поощренія, напр., освобожденіе грамотныхъ отъ тѣлесныхъ наказаній. Многіе изъ сторонниковъ обязательнаго обученія считали необходимымъ, чтобы правительство прямо приняло и устройство и содержаніе училищъ на счетъ казны. Въ то время еще не понимали, какихъ огромныхъ расходовъ это будетъ стоить; не принимали въ разсчетъ и того, что обязательности обученія должна предшествовать его *всеобщая доступность*, а для открытія необходимаго количества школъ не было на-лицо ни контингента обученныхъ учителей, ни готовыхъ помѣщеній. Для противниковъ обязательнаго обученія вопросъ рѣшался тѣмъ, что само общество въ значительномъ большинствѣ было тогда настроено *противъ* всякой правительственной иниціативы въ дѣлѣ народнаго образованія. Народъ могъ и долженъ былъ сдѣлать все самъ. Кто возражалъ на это, что масса глубоко невѣ-

жественна и невозможно заставить ее учиться добровольно, тому указывали на оживленіе въ народѣ интереса къ образованію въ послѣдніе годы. Кто опасался, что при добровольномъ устройствѣ школъ дѣло надолго затянется, тому отвѣчали, что и при принудительномъ заведеніи школъ можно достигнуть только такихъ же скороспѣлыхъ, но непрочныхъ успѣховъ, какіе получались въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ и духовномъ. На утвержденія, что народъ не захочетъ тратиться на школу, отвѣчали ссылками на вольныхъ учителей, солдатъ и дьячковъ, получавшихъ плату, а также и на то, какъ туго платятъ казенные крестьяне обязательный школьный налогъ. Словомъ, всѣ доказательства въ пользу обязательнаго обученія считались безусловно опровергнутыми; значительное либеральное большинство стояло за проектъ министерства народнаго просвѣщенія, т. е. за свободу общественной инціативы.

Но въ этомъ направленіи оно шло гораздо дальше ученаго комитета и находило его проектъ непослѣдовательнымъ. «Признавая вездѣ въ теоріи, говорилъ, напр., педагогическій совѣтъ кіевской второй гимназіи, — что образованіе народа лежитъ прежде всего на его собственной отвѣтственности, что вмѣшательство правительства, самое легкое, парализуетъ частную дѣятельность, — проектъ на практикѣ боится принять эти начала искренно и постоянно колеблется между свободой и стѣсненіемъ правительственнымъ... Отъ этой двойственности параграфы будущаго проекта носятъ какой-то характеръ нерѣшительныхъ полумѣръ». Находя, что «дѣло правительства въ этомъ случаѣ только помогать, содѣйствовать, устранять препятствія», критики требовали, чтобы была «допущена полнѣйшая свобода частнаго обученія, безъ всякаго участія правительства». Злоупотребленій бояться нечего: «не легче ли будетъ слѣдить тогда, когда всѣ злоупотребленія будутъ происходить открыто и на свободѣ; тогда всякое дѣйствительное злоупотребленіе, принявшее серьезные размѣры, можетъ преслѣдоваться судомъ и обыкновеннымъ уголовнымъ порядкомъ». Всѣ эти замѣчанія до нѣкоторой степени были приняты во вниманіе при дальнѣйшемъ обсужденіи проекта. Объяснительная записка къ новой редакціи проекта соглашалась, что невозможно и безцѣльно слѣдить за политической благонадежностью доморощенныхъ учителей вольной народной школы и что слѣдуетъ отказаться отъ регламентаціи преподаванія въ этой школѣ. Принимая принципъ добровольности народнаго образованія, ученый комитетъ тѣмъ самымъ признавалъ значеніе школы грамотности и долженъ былъ облегчить ея существованіе. Онъ снялъ съ нея обязанность отчетности и дозволилъ разрѣшать ея существова-

ніе въ ближайшей учебной инстанціи: въ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ. Это былъ первый шагъ къ полному оффиціальному признанію доморощенной, до сихъ поръ укрывавшейся отъ всякой регламентаціи народной школы. Но относительно «нормальной народной школы» предложенія критиковъ, большею частью, не были приняты.

Одинаково не согласилось ни правительство, ни критики съ предложеніемъ, сдѣланнымъ нѣкоторыми лицами духовнаго вѣдомства — о передачѣ всего начальнаго образованія въ руки приходскаго духовенства. Синодъ настаивалъ на томъ, что «духовенству должно предоставить въ начальной школѣ *естественное законное первенство*». Противъ этого предложенія замѣчено было, что, прежде всего, сельскіе священники и причтъ сами не хотятъ и не могутъ фактически удѣлять своего времени школѣ; что если бы они хотѣли и могли, то ихъ не можетъ хватить на всѣ школы, такъ какъ въ Россіи 305.000 селеній и только 36.000 приходовъ, считая городскіе. Но если бы даже ихъ и хватило, то, во-первыхъ, они совершенно не подготовлены къ педагогической дѣятельности. Если «желаютъ вести народное образованіе на началахъ раціональныхъ», то надо согласиться и на то, что въ «званіи преподавателя долженъ быть спеціалистъ своего дѣла». Затѣмъ, «образованіе въ государствѣ, для собственныхъ его выгодъ, должно находиться въ вѣдѣніи одного управленія, а предоставивъ народныя школы духовенству, такая цѣль не достигается». Съ другой стороны, вмѣстѣ съ правительственнымъ контролемъ уничтожается и общественный, безъ котораго, какъ показываетъ опытъ, «учебныя заведенія разумно существовать и развиваться не могутъ». Все же, синоду была сдѣлана уступка: школы духовнаго вѣдомства были изъяты изъ вѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія (указъ 18 января 1862 г.).

Подобно уставамъ средней и низшей школы, проектъ «Положенія о народныхъ училищахъ» до представленія его въ государственный совѣтъ былъ разсмотрѣнъ въ особомъ совѣщаніи. Здѣсь уничтожено было то правило проекта, по которому преподаваніе должно было вестись на языкѣ края, въ которомъ находилась школа (т. е. напр., въ Малороссіи на малороссійскомъ). Затѣмъ, министръ Головинъ предложилъ здѣсь организовать постоянное управленіе народными училищами изъ представителей всѣхъ заинтересованныхъ вѣдомствъ: народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ, духовнаго и, наконецъ, вѣдомствъ, которыя содержатъ школы. Въ государственномъ совѣтѣ противъ этого предложенія выступилъ бар. Корфъ, поддержанный бывшимъ министромъ Е. П. Ковалевскимъ. Оба они присоединились къ мнѣнію нижегородскаго и с.-петербург-

скаго дворянскихъ собраній, полагавшихъ, что управленіе школами должно быть всецѣло передано нарождавшемуся тогда земству. Государственный совѣтъ избралъ средній путь: онъ удержалъ предложенные министромъ «училищные совѣты» въ уѣздѣ и губерніи, но въ составъ ихъ ввелъ двухъ представителей отъ земства. Это не мѣшало, конечно, нисколько всѣмъ вѣдомствамъ заботиться о дальнѣйшемъ развитіи народнаго образованія. Но такъ какъ только на земство забота о начальныхъ школахъ была возложена *закономъ* и такъ какъ расходоваться на содержаніе школъ никто не былъ *обязанъ*, даже и земство, то естественно было ожидать, что всѣ другія вѣдомства сложатъ всѣ попеченія о народной школѣ именно на земство. Лучше всего обставлены были раньше школы вѣдомства государственныхъ имуществъ, содержавшіяся изъ спеціальнаго сбора; но казенные крестьяне только и ждали случая, чтобы отказаться и отъ этого сбора, и отъ школъ, которымъ они предпочитали свои школы грамоты. Случай представился, когда закономъ 1867 года школы государственныхъ крестьянъ были переданы земству. За отказами сельскихъ обществъ, большая часть этихъ школъ осталась на рукахъ у земства, — и это въ самое трудное время, когда приходилось кое-какъ налаживать выполненіе *обязательныхъ* расходовъ бюджета. У бывшихъ же помѣщичьихъ крестьянъ нужно было почти все начинать съ начала. Церковно-приходскія школы нисколько не помогали. Изъ 22-хъ епархій поступили въ 1863 — 64 гг. донесенія въ высочайше утв. присутствіе по дѣламъ православнаго духовенства, что крестьяне равнодушны къ грамотности. Большинство епархій настаивало, какъ и многія земства, на немедленномъ введеніи обязательнаго обученія грамотѣ. Мѣстные священнослужители могли еще прежде жертвовать своимъ трудомъ и помѣщеніемъ, чтобы исполнить приказаніе своего начальства, но теперь не было уже никакой надобности трудиться даромъ — для земства. Естественно, что должны были исчезнуть скоро и тѣ церковно-приходскія школы, которыя существовали не на одной бумагѣ. «Такъ какъ училище уже устроится *не на время, а навсегда,* — простодушно, заявляютъ напр., священнослужители одного рязанскаго села въ 1866 году, — то можемъ ли мы, какъ люди смертные, подверженные болѣзнямъ и смерти, обязать безмездно навсегда другихъ въ томъ, въ чемъ наши намѣстники будущіе не обязаны отвѣчать, когда насъ не станетъ на свѣтѣ... По опытамъ другихъ видимъ, что безмездный трудъ часто охлаждаетъ ревность въ самыхъ сильныхъ дѣятеляхъ, а въ слабыхъ онъ можетъ подорвать всю охоту къ ученію?».

Дальнѣйшій ходъ дѣла зависѣлъ исключительно отъ того, какъ само земство посмотритъ на дѣло народнаго образованія.

Нельзя сказать, чтобы «Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ», утвержденное 14 іюля 1864 г. облегчало земству его задачу. Къ его роли, которая была вся въ будущемъ (стр. 839), оно заранѣе отнеслось съ недовѣріемъ. Цѣль начальной школы была указана узко и тенденціозно: «утверждать въ народѣ религіозныя и нравственныя понятія и распространять первоначальныя полезныя знанія». Узка была и программа: Законъ Божій, чтеніе русское и *церковно - славянское,* письмо, четыре ариѳметическихъ дѣйствія и, гдѣ возможно, *пѣніе.* О продолжительности обученія ничего не говорилось. Вопросъ о платѣ за ученіе и о ея размѣрахъ предоставлялся на усмотрѣніе вѣдомствъ, содержащихъ школы. Приниматься могли дѣти безъ различія сословій и вѣроисповѣданій. Завѣдовали училищами уѣздные училищные совѣты въ упомянутомъ выше составѣ: два члена земскаго собранія представляли въ нихъ меньшинство. Отъ уѣзднаго совѣта зависѣло открытіе новыхъ училищъ и закрытіе признанныхъ вредными, увольненіе учителей вслѣдствіе политической неблагонадежности («доносить» объ этомъ былъ обязанъ приходскій священникъ — онъ же и законоучитель), забота объ улучшеніи школъ и о снабженіи ихъ пособіями. Надъ уѣзднымъ совѣтомъ, стоялъ еще губернскій, подъ предсѣдательствомъ архіерея и при участіи губернатора; правда, это учрежденіе оказалось нежизненнымъ.

Послѣ замѣны либеральнаго министра Головина реакціонеромъ гр. Д. А. Толстымъ, контроль надъ начальной школой былъ еще усиленъ созданіемъ, въ 1869 г., новой должности «инспектора народныхъ училищъ» въ каждой земской губерніи. Число инспекторовъ въ 1874 г. было увеличено съ 34 до 102 (т. е. по трое на губернію), въ 1876 г. до 176, а къ 1900 г. дошло до 350. Полицейскій характеръ этой должности былъ подчеркнутъ въ 1876 г. заявленіемъ министра, что «въ виду обнаруженнаго въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имперіи стремленія къ преступной политической и нравственной пропагандѣ» въ народной школѣ «необходимо, для предотвращенія... привлекать... инспекторовъ, какъ лицъ, имѣющихъ болѣе возможности услѣдить за посягательствами названной пропаганды». Въ книгѣ Е. А. Звягинцева объ «Инспекціи народныхъ училищъ» (1914) было констатировано, на основаніи многочисленныхъ примѣровъ, что «втянутые въ политическую борьбу инспектора забываютъ объ учебномъ дѣлѣ:... то открывается походъ противъ учебныхъ книжекъ, недостаточно одобренныхъ сверху, то преслѣ-

дуется малороссійскій языкъ; тамъ выслѣживается тайная школа, а здѣсь подмѣчается на экзаменѣ вредное направленіе мыслей у дѣтей; въ одномъ мѣстѣ надзоръ слѣдитъ за тѣмъ, говѣютъ-ли ежегодно учащіе съ своими учениками и т. д.».

На основаніи собраннаго этими инспекторами матеріала гр. Толстой приступилъ къ пересмотру «Положеній» 1864 г. въ охранительномъ духѣ. Въ новомъ «Положеніи», утвержденномъ 25 мая 1874 г., предсѣдателями училищныхъ совѣтовъ сдѣланы были предводители дворянства; завѣдываніе учебной частью передано дирекціи и инспекціи училищъ, а за совѣтами оставлена одна административная и хозяйственная часть; инспекторъ и еще одинъ членъ министерства введены въ составъ совѣта, какъ и представитель мин. внутр. дѣлъ (обыкновенно, исправникъ) и одинъ членъ духовнаго вѣдомства по назначенію архіерея, т. е. пять членовъ совѣта являлись представителями правительства.

Заданіе, которое получило земство, было, какъ видимъ, не изъ пріятныхъ и не изъ легкихъ. Немудрено, что, на первыхъ порахъ, въ отношеніи земства къ школѣ обнаружились значительныя колебанія. Въ 1868 г. болѣе трети уѣздныхъ земствъ (109 изъ 324) еще ничего не ассигновали на народное образованіе; 40 уѣздныхъ земствъ ассигновали ничтожныя суммы. Воздержавшіяся отъ расходовъ на школу земства разсуждали, какъ михайловское: «предоставимъ все это грядущему будущему, съ упованіемъ, что Провидѣніе, ведущее человѣчество прогрессивно къ своимъ цѣлямъ, дастъ способы нашему народу почувствовать потребность къ образованію и тѣмъ расположитъ его къ нему». И, на самомъ дѣлѣ, освобожденное крестьянство вначалѣ перенесло на земскую школу то же недовѣріе и отрицательное отношеніе, какое государственные и крѣпостные крестьяне питали къ казенной и помѣщичьей школѣ. Напр., по свидѣтельству Владимірской управы (1868) крестьяне проявили «рѣшительное нежеланіе отдавать дѣтей въ школы». Въ Воронежской губ. въ 60-хъ гг. «населеніе высказывало полный индифферентизмъ къ грамотѣ, учителямъ и училищамъ». Въ Вологодскомъ земскомъ собраніи гласный отъ крестьянъ заявлялъ, что «не надѣется на успѣхъ... безъ употребленія нѣкоторой власти». То же самое подтверждали Московская (1867), Новгородская (1869), Нижегородская (1866), Княгининская (1866) и др. земскія управы. Къ прежнимъ мотивамъ недовѣрія присоединилось тутъ еще непониманіе методовъ обученія, примѣнявшихся новой педагогіей, и ея взглядъ на общеобразовательныя, а не прикладныя задачи школы. Съ другой стороны, и земства на первыхъ порахъ вовсе не считали поддержаніе

начальной школы своей общественной обязанностью. Ихъ помощь школамъ выражалась вначалѣ въ выдачѣ «наградъ» учителямъ; ассигновки были незначительны и часто оставались даже неизрасходованными. Въ это время земства сочувствовали «упрощеннымъ», или «дешевымъ» школамъ грамоты и церковно-приходскимъ, игнорируя ихъ политическую роль (см. ниже). Только съ конца 70-хъ годовъ установился порядокъ, что основное жалованье учителямъ (притомъ повышенное) платитъ земство, а сельскія общества только приплачиваютъ. И только съ 90-хъ годовъ земства стали принимать на свой счетъ все жалованье учителямъ. Съ 80-хъ и особенно съ 90-хъ годовъ они стали снабжать школы и учебными принадлежностями (съ 1902 г. 171 земство изъ 207 обслѣдованныхъ, даже приняло на себя цѣликомъ этотъ расходъ). Т. наз. «хозяйственные расходы» (на помѣщенія школъ, обыкновенно, крайне неудовлетворительныя) лежали до средины 90-хъ гг. цѣликомъ на сельскихъ обществахъ; въ 1902 г. изъ 175 обслѣдованныхъ уѣздныхъ земствъ 80 не принимали въ этомъ никакого участія, а 101 участвовали лишь въ части. Такимъ образомъ, въ 1880 г. на земствѣ лежало 2 милл. рублей расходовъ на начальныя школы, тогда какъ сельскія общества вносили 3 милл. р. Къ концу 90-хъ г. г. это соотношеніе измѣнилось: земство платило 7,5 милл. р., а сельскія общества 1,7. Типъ земской школы былъ установленъ трехгодичный при одномъ классѣ и преподавателѣ. Только съ 90-хъ годовъ земства начали ассигновывать пособія на министерскія двухклассныя училища и ходатайствовать о введеніи высшаго (двухкласснаго) типа въ своихъ школахъ.

Были, конечно, и исключенія. Часть земскихъ дѣятелей съ самаго начала ставила задачу земства такъ, какъ она развернулась впослѣдствіи.

«Призваніе земства въ этомъ дѣлѣ, — говорилъ, напр., рязанскій земецъ, Д. Д. Дашковъ, на собраніи 1872 года, — не волочиться за обществами, а твердою поступью вести ихъ за собою по торной дорогѣ; его дѣло — сосредоточить свои небольшія средства на немногихъ училищахъ, но поставить ихъ такъ, чтобы они горѣли, какъ огни въ темномъ полѣ, маня усталаго путника и обѣщая ему пріютъ и покой и хлѣбъ-соль». Для этой, болѣе широкой постановки прогрессивные земцы нашли поддержку въ работѣ русскихъ педагоговъ, отчасти намъ уже извѣстныхъ. Созданіемъ типа сельской трехгодичной школы при одномъ учителѣ земство обязано, главнымъ образомъ, члену Александровскаго (бывшей Екатеринославской губерніи) училищнаго совѣта Н. А. Корфу, соеди-

нявшему положеніе земца съ горячей защитой началъ русской педагогики 60-хъ годовъ. Въ своихъ книгахъ; «Руководство къ обученію грамоты» разошедшемся въ 70.000 экземплярахъ, и книгѣ для чтенія «Нашъ Другъ», разошедшейся ко времени смерти автора (1883) въ 250.000 экземплярахъ, Корфъ примѣнялъ и развивалъ выработанные этой педагогикой методы. Воспитаніе посредствомъ обученія; подготовка къ практической жизни и наглядное знакомство съ окружающимъ міромъ, но отнюдь не преобразованіе школы къ ремесленное или сельско-хозяйственное училище, — чего уже начали добиваться реакціонеры; ознакомленіе съ естественными науками, «чтобы народъ не думалъ, что земля на китѣ стоитъ, а громъ происходитъ отъ стука колесницы»; повторительныя занятія въ воскресныхъ школахъ (3 года по 20 воскресеній въ учебный сезонъ), чтобы избѣжать рецидива безграмотности, грозящаго при неизбѣжно краткомъ трехлѣтнемъ курсѣ школы; наконецъ, подготовка учителей: вотъ взгляды, которые пропагандировалъ Корфъ, самъ содѣйствовавшій открытію за пять лѣтъ (1867-72) свыше 50 школъ въ двухъ уѣздахъ Екатеринославской губерніи. Надо упомянуть здѣсь и другихъ педагоговъ спеціалистовъ, послужившихъ земской школѣ въ этотъ періодъ: уже извѣстнаго намъ редактора «Учителя», И. Н. Пульсона, автора «Методики грамоты» и ряда книгъ для чтенія въ начальной школѣ, а также перваго арифметическаго руководства по «изученію чиселъ» методомъ Грубе, выдержавшаго многочисленныя изданія; В. Н. Водовозова, составителя «Книги для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ», гдѣ были даны свѣдѣнія по географіи и исторіи Россіи, природовѣдѣнію, физикѣ и т. д.; первая часть этой книги за 20 лѣтъ разошлась въ 70.000 экземплярахъ. Въ особенности яркимъ представителемъ педагоговъ-энтузіастовъ 60-хъ годовъ является Н. Ф. Бунаковъ, спеціализировавшійся на роли лектора на курсахъ и съѣздахъ учителей и руководителя этихъ курсовъ по приглашенію земствъ, а также въ качествѣ организатора перваго народнаго театра въ селѣ Петинѣ (Воронежской губерніи), просуществовавшаго около 14 лѣтъ (1888-1902). Соединенными усиліями этихъ и другихъ педагоговъ по призванію было воспитано нѣсколько поколѣній учителей идеалистовъ, «горѣвшихъ», дѣйствительно, «какъ огни въ темномъ полѣ» и помогшихъ народной школѣ пережить долгіе годы реакціи, которые ее ожидали.

Что касается количества училищъ, созданныхъ въ земскій періодъ начальнаго образованія, число ихъ очень трудно опредѣлить путемъ прямого сравненія съ цифрами, показанными на бумагѣ разными вѣдомствами въ шестидесятыхъ годахъ. Если мы сложимъ

цифры, частью упоминавшіяся выше, то получимъ выводъ, что передъ переходомъ начальной школы въ земскія руки было на лицо:

	Училищъ.	Учащихся. м.	Учащихся. ж.	Всего.
Вѣдомства госуд. имуществъ (1865) 1. Сельскихъ приходскихъ	2.754	121.001	16.579	137.580
Вѣдомства госуд. имуществъ (1865) 2. Школъ грамотности	3.842	71.976	11.152	83.128
Вѣдомства госуд. имуществъ (1865) 3. Инородческихъ и иновѣрческихъ	1.273	38.329	21.289	59.618
Удѣльнаго вѣдомства (1864)	1.831	28.827	8.681	37.508
Духовнаго вѣдомства (1868)	16.287	335.130	54.917	390.047
Итого.....	25.987	595.265	112.618	707.883
Городскихъ приходскихъ (1867)	1.168	—	—	18.555
Всего.....	27.155	—	—	726.438

При передачѣ земству, прежде всего, должно было обнаружиться уже извѣстное намъ обстоятельство (стр. 820), что нѣкоторое количество этихъ школъ существовало только на бумагѣ; другія закрылись въ самомъ процессѣ перехода. Когда въ 1880 году земство произвело первое статистическое разслѣдованіе начальныхъ школъ, то ихъ оказалось въ 60-ти губерніяхъ Европейской Россіи всего 22.770, съ 24.389 учителями и учительницами и 1.140.915 учащимися. Въ этомъ числѣ сохранившихся отъ до-земскаго періода школъ было чрезвычайно мало; а именно:

Отъ дореформеннаго времени уцѣлѣли	4.622 (22 %)
Открыто съ 1861 по 1863	1.984 (9,4%)
Открыто съ 1864 (по учрежденіи земствъ) ..	14.466 (68,6%)

Если мы расчленимъ эти цифры 1880 года между земскими и неземскими губерніями, то роль земства при созданіи новой школы станетъ еще яснѣе:

	въ земскихъ губ.	въ неземскихъ губ.
Сохранилось отъ прежняго времени	14,6%	32 %
Открыто въ 1861-63 г.	6,9%	12,9%
Открыто съ 1864 г.	78,5%	55,1%

Т. е. болѣе трехъ четвертей начальныхъ школъ создано уѣздными земствами въ первые 16 лѣтъ ихъ существованія, при чемъ типъ

школы былъ поднятъ. Въ то же время въ неземскихъ губерніяхъ почти половина школъ сохранилась въ прежнемъ видѣ.

Однако, по мѣрѣ укрѣпленія и численнаго роста земской школы, усиливалось и ревнивое отношеніе къ ней правительства. Упустивъ моментъ, когда оно могло сдѣлать начальную школу такой же государственной школой, какой оно сдѣлало въ 1804 г. гимназіи, а въ 1828 г. уѣздныя училища, правительство скоро поняло, что оно не можетъ угасить духъ общественной иниціативы и либеральной педагогики въ земской школѣ никакимъ инспекторскимъ, или вѣдомственнымъ контролемъ; что этого можно добиться, лишь уничтоживъ самую школу. А такъ какъ противопоставить ей свою собственную школу оно не имѣло возможности, то оно рѣшило воспользоваться для борьбы съ земской школой соперничествомъ съ ней духовенства. Но для этого надо было еще возбудить, подогрѣть, а главное финансировать это соперничество. И мы видимъ съ середины 70-хъ г.г. рядъ мѣръ въ этомъ направленіи, предпринятыхъ гр. Д. А. Толстымъ, къ которому при Александрѣ III присоединяется и глава синода К. П. Побѣдоносцевъ.

Рядъ мѣропріятій противъ земской школы открывается общей директивой высочайшаго рескрипта 25 декабря 1873 г. министру народнаго просвѣщенія, гдѣ ставится крестъ надъ земской школой. При утвердившейся постановкѣ дѣла народнаго просвѣщенія, говорится тутъ, «народныя школы, вмѣсто служенія истинному просвѣщенію молодыхъ поколѣній, могутъ быть обращены въ орудіе растлѣнія народа, къ чему уже и обнаружены попытки». Мы видѣли уже, что эта директива повела, прежде всего, къ передѣлкѣ «Положенія 1864 г.» и къ усиленію мѣръ контроля. Но это были, такъ сказать, палліативы. Болѣе рѣшительно поступила въ 1879 г. комиссія гр. Валуева, которая въ качествѣ одной изъ главныхъ мѣръ противъ непрекращавшейся «крамолы» предложила «предоставить духовенству преобладающее участіе въ завѣдываніи народными школами». И тогда же Д. А. Толстой въ своемъ двойномъ качествѣ министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора синода предложилъ епархіальнымъ архіереямъ побудить духовенство къ открытію школъ, число которыхъ тогда упало до 4.000. Тотчасъ по воцареніи Александра III Побѣдоносцевъ, его воспитатель, обратилъ его вниманіе (въ письмѣ 22 марта 1881 г.) на необходимость создать среднюю школу, гдѣ бы «люди низшаго класса могли получать нехитрое, но солидное образованіе, нужное для жизни, а не для науки», а для этого «искать главной опоры въ духовенствѣ и церкви въ народномъ первоначальномъ образованіи». «Прежнее министерство, ут-

верждалъ онъ, шло едва ли вѣрнымъ путемъ; умножая сѣть школъ и наполняя ихъ учителями, приготовляемыми въ учительскихъ семинаріяхъ, оно не въ силахъ было слѣдить за этими учителями». Тогда же, въ мартѣ 1881 г., комитетъ министровъ нашелъ, что «вліяніе духовенства должно распространяться на *всѣ виды* элементарныхъ училищъ». Въ ожиданіи, пока удастся этого достигнуть, правительство рѣшило поднять церковно-приходскую школу да уровня земской. Для этой цѣли 13-го іюля 1884 г. были высочайше утверждены «Правила о церковно-приходскихъ школахъ», и императоръ «начерталъ» на подлинникѣ: «надѣюсь, что приходское духовенство окажется достойнымъ своего высокаго призванія въ этомъ важномъ дѣлѣ».

Задача церковно-приходскихъ школъ была опредѣлена «Правилами» въ болѣе точныхъ выраженіяхъ, чѣмъ въ «Положеніи» 1864 г. о начальныхъ училищахъ: «утверждать въ народѣ *православное* ученіе вѣры и нравственности *христіанской* и сообщать первоначальныя полезныя знанія». Для этого «вмѣнялось въ обязанность епархіальному начальству располагать и поощрять приходское духовенство къ заведенію и поддержанію при церквахъ училищъ въ видѣ простомъ и приспособленномъ къ народному быту, для обученія дѣтей поселянъ чтенію, письму, молитвамъ и началамъ катехизиса» по руководствамъ «указаннымъ священнымъ синодомъ». Учить должны были «мѣстные священники или другіе члены причта, (въ 1892 г. дьяконовъ принудили къ этому угрозой вычета трети ихъ содержанія), а равно особо назначаемые для того, съ утвержденія епархіальнаго архіерея, учителя и учительницы, подъ наблюденіемъ священника». При церковно-приходскихъ школахъ разрѣшалось открывать дополнительные классы, ежедневные уроки для взрослыхъ, особыя ремесленныя отдѣленія и воскресныя школы. Въ 1891 г. всѣ воскресныя школы, а также и всѣ школы грамоты, циркуляромъ оберъ-прокурора были переданы въ исключительное вѣдѣніе духовенства. 12-го мая 1887 года Государственный Совѣтъ поручилъ оберъ-прокурору и министру народнаго просвѣщенія обсудить вопросъ, «не представляется ли болѣе удобнымъ сосредоточить дѣло первоначальнаго народнаго образованія въ одномъ вѣдомствѣ» (разумѣется, духовномъ). Вопросъ объ этомъ поднимался еще не разъ: въ 1893 г., въ 1895 г., и только въ 1897 г. опасность эта миновала.

У церковно-приходской школы былъ и свой идеологъ и педагогъ, на котораго опирался Побѣдоносцевъ. Это былъ землевладѣлецъ и профессоръ, С. А. Рачинскій. Покинувъ въ 1868 г. Московскій университетъ, гдѣ онъ оказался по тому времени слишкомъ консервативнымъ, Рачинскій провелъ періодъ школьной реакціи, 70-80

годы, въ своемъ Смоленскомъ имѣніи Тачевѣ. Тамъ онъ занимался лично обученіемъ крестьянскихъ дѣтей, «въ нераздѣльной связи съ церковью и приходомъ» и труды его «послужили образованію нѣсколькихъ поколѣній въ духѣ истиннаго просвѣщенія, отвѣчающаго духовнымъ требованіямъ народа», какъ признано въ данномъ на имя Рачинскаго рескриптѣ Николая II-го. Рачинскій считалъ, что «первая изъ практическихъ потребностей русскаго народа... есть общеніе съ Божествомъ»; «не къ театру тянется крестьянинъ въ поискахъ искусства, а къ церкви, не къ газетѣ, а къ Божественной книгѣ». Лучшіе учителя — студенты, окончившіе духовную семинарію и готовящіеся быть священниками; худшіе — крестьяне, окончившіе учительскую семинарію, которая портитъ деревенскаго парня. Конечно, ученіе должно начинаться съ церковно-славянскаго языка, раньше перехода къ русскому чтенію и письму; практиковаться дѣти могутъ, читая псалтырь по покойникамъ. Проза доступна ученикамъ — только «пушкинскаго періода» (въ тѣсномъ смыслѣ); послѣпушкинская литература «для нихъ абсолютно неудобоварима». Не надо сообщать ученикамъ «энциклопедіи реальныхъ свѣдѣній» по природовѣдѣнію, географіи, исторіи, — къ чему стремилась земская школа. Напротивъ, видное мѣсто должно занять въ школѣ церковное пѣніе. Возражая противъ расширенія программы народной школы грамоты, Рачинскій очень привѣтствуетъ упрощенія въ деревенской школѣ грамоты*). Правда, учителя тамъ часто — пьяницы, «но зато всякое опасеніе какой-либо неблагонадежности — политической или религіозной — тутъ невозможно: контроль имѣется полный, ежедневный, дѣйствительный, существующій въ Россіи», (т. е., контроль самого крестьянства).

Къ концу XIX в. церковно-приходская школа дѣйствительно начинала становится опаснымъ конкурентомъ земской, отчасти благодаря тому, что при этомъ соперничествѣ ей пришлось сильно подтянуться, улучшить составъ учителей и замѣнить (въ 90-хъ г.) двухлѣтній курсъ такимъ же трехгодичнымъ, — главнымъ же образомъ, благодаря тому, что правительство не жалѣло ассигнованій на свое любимое дѣтище. Вотъ краснорѣчивыя цифры, свидѣтельствующія объ этомъ:

1885	отпущено	.....	55.000 руб.
1887	»	.....	175.000 руб.
1894	»	.....	525.500 руб.
1895	»	.....	875.500 руб.
1896	»	.....	3.454.645 руб.

*) Въ этомъ онъ сходился съ Л. Н. Толстымъ, на котораго вообще любилъ ссылаться.

Дальше мы можемъ сравнить ассигнованія на церковно-приходскую школу съ ассигнованіями на начальныя школы министерства народнаго просвѣщенія:

	М. Н. П.	Ц.-Прих.
1896	1.569.661	3.454.645
1897	1.812.895	4.954.645
1898	2.012.895	4.954.645
1899	2.512.895	4.954.645
1900	3.012.895	6.813.446
1901	4.012.895	6.826.046
1902	5.012.895	10.338.916

Увеличивается соотвѣтственно и число церковно-приходскихъ школъ. Въ 1887 г. ихъ было 5.517, въ 1889 г. — 17.715, а въ 1905 году 42.696 почти съ 2 милліонами учащихся, (а земскихъ, министерскихъ и др. вѣдомства мин. н. пр. — 48.288, т. е. церковно-приходскія школы составляли 46,5% всего числа начальныхъ школъ).

Съ конца 90-хъ годовъ мѣняется и прежнее полу-равнодушное, полу - сочувственное отношеніе земствъ къ церковно - приходскимъ школамъ на отношеніе боевое. До этого времени земства все еще продолжали поддерживать церковно-приходскую школу и «школу грамоты», какъ «дешевую». Поддержку эту въ 1880 г. давали 28 земствъ, въ 1890 г. 96, въ 1902 г. 158 земствъ. Съ этихъ поръ ихъ число начинаетъ быстро уменьшаться.

Съ переходомъ къ предреволюціоннымъ годамъ (конецъ 1890-хъ г.г. — 1917) вся картина народнаго образованія постепенно измѣняется, доходя до полной противоположности. Бюрократическій строй школы, съ ея религіозно-монархическими тенденціями, уступаетъ мѣсто строю, основанному на все болѣе широкомъ участіи общественной иниціативы, съ тенденціями свѣтскими и демократическими. Характерно что революціонныя настроенія, прежде всего, проявляются именно въ средѣ, связанной со школой. Въ высшей школѣ учащаются студенческія волненія и все чаще переходятъ изъ чисто-академическихъ въ смѣшанныя съ политикой. Профессора, вынуждаемые и поощряемые обострившимися отношеніями къ власти, начинаютъ все болѣе настойчиво добиваться самоуправленія въ высшей школѣ. Со стороны низшей школы въ тоже время постоянно усиливается напоръ прогрессивныхъ элементовъ, земскаго и городского самоуправленія и все лучше организующагося учительства. Правительство ока-

зывается безсильнымъ — и идейно, и морально — противиться этому двойному давленію и постепенно сдаетъ всѣ свои позиціи, теряя, въ концѣ концовъ, всякую возможность вліять на дальнѣйшій ходъ событій, принимающихъ въ области школы, какъ и въ другихъ областяхъ государственной жизни, открыто революціонный характеръ. Съ постепенными этапами этого ускоряющагося процесса намъ и остается познакомиться.

Въ области высшей школы борьба идетъ противъ академическихъ условій, созданныхъ уставомъ 1884 года. Правительство отвѣчаетъ на студенческія волненія, прежде всего, усиленіемъ репрессій. Высшая точка, до которой оно доходитъ въ этомъ направленіи, — это правило 29-го іюля 1899 г. объ отдачѣ въ солдаты участниковъ безпорядковъ. 183 студента кіевскаго университета были, дѣйствительно, отданы въ солдаты въ силу этихъ правилъ. Отвѣтомъ было убійство министра народнаго просвѣщенія Боголѣпова студентомъ (с. р.) Карповичемъ (14 февраля 1901 г.). Тогда совѣтамъ высшихъ учебныхъ завѣденій было предложено высказаться о желательныхъ измѣненіяхъ въ уставахъ. Совѣты потребовали возстановленія автономіи и возвращенія правъ студенческимъ организаціямъ. Пришлось, однако, дожидаться революціи 1905 года, чтобы этимъ пожеланіямъ былъ данъ ходъ, возстановленъ выборный характеръ ректора, декановъ и профессоровъ, ослабленъ надзоръ за студентами и признано за ними право создавать образовательные кружки. Извѣстенъ опытъ этого рода, предпринятый ректоромъ, кн. С. Н. Трубецкимъ въ широкомъ размѣрѣ въ Московскомъ университетѣ, но сорванный дальнѣйшимъ ходомъ революціоннаго движенія, неудержимо прорвавшагося въ стѣны университета, гдѣ оно находило нѣкоторый суррогатъ свободы сходокъ и собраній. Послѣ подавленія революціи 1905 г. уставъ 1884 г. былъ возстановленъ въ полной силѣ, и управленіе реакціоннаго министра Кассо (съ осени 1910 г.) вернулось къ порядку назначенія профессоровъ, разгромивъ либеральную профессуру, и заполнивъ кафедры наскоро сфабрикованными за-границей ставленниками министра, къ усиленію значенія государственныхъ экзаменовъ и т. д. Настроенія военнаго времени, уже передъ самой февральской революціей, въ 1915-16 г.г., вызвали новый поворотъ къ либерализму. Министръ (съ января 1915 г.) гр. П. Н. Игнатьевъ началъ подготовлять возвращеніе къ уставу 1863 г., допустилъ женщинъ на нѣкоторые факультеты; къ открытымъ уже послѣ 1905 г. Саратовскому и Пермскому университетамъ присоединилъ вновь открытый Донской (въ Ростовѣ на Дону) и намѣтилъ открытіе ряда новыхъ факультетовъ, особенно медицинскихъ; разра-

боталъ реформу профессіонально-техническихъ высшихъ школъ, въ добавленіе къ тѣмъ, которыя были открыты въ 1896-1901 г.г. Докончить всего этого старому режиму уже не пришлось.

Въ области средней школы неудовлетворительность гимназіи гр. Д. Н. Толстого была настолько ясна, что уже въ 1890 г. правительству пришлось пойти на кой-какія уступки, выразившіеся, правда, въ небольшомъ уменьшеніи числа часовъ для древнихъ языковъ и такомъ же увеличеніи часовъ русскаго языка. Дальше пошелъ Боголѣповъ, признавшій (1899 г.) отчужденность школы Толстого отъ семьи, ея крайній формализмъ, обремененность учащихся, излишества классицизма и слабость преподаванія русскихъ предметовъ и т. д. Но основныхъ типовъ средней школы онъ мѣнять не хотѣлъ. Созданная имъ комиссія предложила (1900) нѣсколько сблизить гимназію съ реальнымъ училищемъ по программамъ. Рѣшительнѣе поступила комиссія 1901 г., назначенная министромъ Ванновскимъ: она предложила ввести единый типъ школы, приравнявъ первые три класса — полному курсу низшей школы и раздѣливъ учащихся съ 4-го класса на двѣ группы: одну съ дополнительными курсами естествознанія и графическихъ искусствъ, другую — съ тѣми же часами латинскаго языка. Не дожидаясь полной реформы, съ осени 1901 г. прекращено было преподаваніе латыни въ 1 и 2 классѣ и греческаго въ 3 и 4-мъ. Взамѣнъ этого усилено преподаваніе русскаго языка, географіи, введена въ 1-ый классъ русская исторія, отмѣнены переводные экзамены. Въ 1902 г. курсъ первыхъ двухъ классовъ гимназіи и реальныхъ училищъ былъ сдѣланъ общимъ; сохранено лишь нѣсколько классическихъ гимназій. Такъ покончено было съ классической гимназіей гр. Толстого. Однако же, послѣ подавленія революціи 1905 г. тотчасъ же послѣдовали, при министрахъ Кауфманѣ и Шварцѣ (1907-1910) рядъ попытокъ отдѣльными мѣрами возстановить дисциплину, форменную одежду, переводныя испытанія, повысить требованія по латинскому языку, возобновить по нему письменныя испытанія и т. д. Родительскіе комитеты при гимназіяхъ, разрѣшенные либеральнымъ министромъ И. И. Толстымъ (195-6), были сведены на нѣтъ требованіемъ участія въ нихъ двухъ третей всѣхъ живущихъ въ городѣ родителей. Но министерство не могло удержать быстраго роста средней школы послѣ 1906 г., когда дана была возможность открытія частныхъ гимназій съ правами казенныхъ. Съ 236 гимназій къ 1-му января 1906 г. число ихъ къ 1-му января 1912 г. поднялось до 417, причемъ число правительственгимназій увеличилось только на 45,5%, тогда какъ число частныхъ поднялось въ 4½ раза (452,6%). Число учащихся въ гимназіяхъ

и прогимназіяхъ увеличилось съ 1892 г. до 1 января 1906 г. на 40%, дойдя до 101.790 (съ ежегоднымъ приростомъ около 3.000); за промежутокъ 1906-11 г.г. оно поднялось еще на 22,6%, до 124.455 (съ ежегоднымъ приростомъ около 4.700). За это время число дѣтей дворянъ и чиновниковъ продолжало падать до 34,7%, а дѣтей мѣщанъ, цеховыхъ, крестьянъ поднялось до 45%. Во время войны министръ Игнатьевъ разработалъ новый типъ средней школы, въ которой семилѣтній курсъ дѣлился на двѣ ступени: первая, въ 3 года, должна была давать законченное начальное образованіе, одинаковое съ «высшими начальными училищами (см. ниже). Вторая ступень», въ 4 года, проходилась въ двухъ направленіяхъ: гуманитарномъ (развѣтвлявшемся, въ свою очередь, на неогуманитарное и старо-гуманитарное, т. е. классическое) и реальномъ. Допускалось совмѣстное обученіе и снова привлекалась къ дѣлу воспитанія «семья, при посредствѣ родительскихъ комитетовъ и попечительскихъ совѣтовъ». Третья Государственная Дума относилась къ проектамъ гр. Игнатьева съ сочувствіемъ, тѣмъ болѣе, что большинство ея было довольно предположеніемъ — уменьшить многопредметность школы и «придать среднему образованію національный характеръ» — посредствомъ усиленія преподаванія русскаго языка, литературы, географіи и исторіи.

Главнѣйшія перемѣны предреволюціоннаго періода произошли въ области народнаго образованія, какъ начальнаго, такъ и внѣшкольнаго. Именно здѣсь сильнѣе всего чувствуется напоръ новыхъ вѣяній, передъ которыми старая власть оказывается безсильной. Борьба сознательныхъ и организованныхъ общественныхъ силъ здѣсь развертывается на фонѣ стихійнаго роста народнаго сознанія и поэтому тѣми или другими путями, мирнымъ или насильственнымъ, законнымъ или какъ тогда выражались «явочнымъ», ведетъ къ побѣдѣ. Помимо ускореннаго роста начальной школы, наглядными признаками этого стихійнаго процесса служатъ распространеніе въ народной массѣ книги и ростъ ея грамотности. Къ разсмотрѣнію этихъ явленій мы теперь и переходимъ.

Мы видѣли отрицательное отношеніе народной массы къ начальной школѣ въ 60-хъ и 70-хъ г.г. Чрезвычайно важно отмѣтить, что втеченіе 80-хъ г.г. это отношеніе мѣняется — и притомъ, мѣняется въ прямой связи съ разрушеніемъ стараго «сплошного» (см. выше, Глѣбъ Успенскій, стр. 342) крестьянскаго быта и развивающихся на почвѣ отхожихъ промысловъ и общенія съ городомъ товарныхъ и денежныхъ отношеній въ деревнѣ. Дополнительнымъ толчкомъ къ этимъ мотивамъ является, впрочемъ, то обстоятельство, что «Положеніе» 1874 г. дало грамотнымъ и учащимся льготы по воин-

ской повинности. Въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, откуда крестьяне больше ходятъ на заработки, а также среди болѣе состоятельныхъ крестьянъ, перемѣна взгляда на пользу грамотности замѣчается уже въ 60-хъ и 70-хъ г.г. Но къ 1880-мъ годамъ она становится довольно частымъ явленіемъ и регулярно отмѣчается земскими статистиками. Н. М. Бычковъ дѣлаетъ изъ ихъ изслѣдованія по 110 уѣздамъ такой общій выводъ: «промышленность и торговля больше предъявляютъ требованій на знаніе грамоты, чѣмъ земледѣліе»(стат. сборники по Воронежской, Курской, Самарской, Саратовской и Тверской губ.).

И, въ самомъ дѣлѣ, вотъ, для примѣра, что говорятъ сами крестьяне. Изъ Кромскаго уѣзда они свидѣтельствуютъ: «учить стало нужно: у солдаты возьмутъ, облегченье дается; записать что по извозу; деньги получить... Письменный всюду гожъ: приведи къ кущу, въ лавочку, въ шинокъ, его принимаютъ; и дома — расписка какая, и всякое дѣло, — ему виднѣй... По торговлѣ грамота много значитъ... А какъ неграмотный, то и не до всего можетъ дойти, и цѣна ему — другая». То же слышимъ и въ Острогожскомъ уѣздѣ. А вотъ что говорятъ въ Московской губерніи. «Мальчика обязательно надо учить: на чужую сторону пойдетъ — можетъ хорошее мѣсто получить. Кромѣ того, и въ солдатахъ, говорятъ, легче служить. Живетъ на сторонѣ, съ хозяиномъ, — нужно дѣла дѣлать. Въ старосты, можетъ, когда придется идти, — опять нужна грамота... Примѣрно, неграмотный поѣдетъ въ Москву; ничего онъ не запишетъ и все забудетъ, а грамотный все смекаетъ». Этими житейскими соображеніями объясняется и то, что грамотность среди дѣвочекъ продолжаетъ стоять очень низко: до нихъ не дошло еще осложненіе быта. «Зачѣмъ дѣвочекъ учить? Вѣдь имъ не въ лавкѣ сидѣть?» И «не за барина же выходить замужъ», говорятъ крестьяне.

Чрезвычайно интересно сравнить съ этими наблюденіями, которыя относятся къ 80-мъ годамъ, подобныя же наблюденія конца XIX вѣка, собранныя въ Воронежской губерніи. Извѣстный статистикъ Ф. А. Щербина подводитъ такой итогъ совершившимся въ промежуткѣ перемѣнамъ: «въ 1884 году изъ 100 опрошенныхъ крестьянъ, по крайней мѣрѣ, человѣкъ 60 или 70 заявляли, что имъ школа не нужна, что это — дѣло барское и для крестьянина неподходящее... Содержать школу казалось и дорого и тяжело населенію... Съ тѣхъ поръ прошло 15 лѣтъ, и картина сильно и ярко измѣнилась. И сельская школа, и народный учитель, и грамотность, и книга — все это стало насущной необходимостью крестьянской среды... Книга проникла въ деревню и въ убогія лачуги земледѣльца... Знанія

замѣтно увеличились и сельская школа... играла въ этомъ отношеніи если не единственную, то во всякомъ отношеніи преобладающую роль... Внѣшній видъ, несомнѣнное сознаніе собственнаго человѣческаго достоинства замѣтно отличаютъ грамотнаго человѣка между неграмотными сверстниками... Появился и свой кругъ единоличныхъ, но несомнѣнно собственныхъ представителей нарождающейся деревенской интеллигенціи». Этотъ отзывъ могъ бы показаться преувеличеннымъ; но его въ значительной степени подтверждаютъ собранные на мѣстѣ факты. Изъ 976 отзывовъ крестьянъ, 88,4% высказались въ пользу грамотности; въ томъ числѣ было 66% неграмотныхъ. Безразлично отнеслись 8,9%, а противъ высказались 2,7%, но и это были на 90% неграмотные старики, остатокъ стараго поколѣнія. Правда, относительно дѣвочекъ старый взглядъ сохранился крѣпче; по прежнему крестьяне говорили, что «дѣвочекъ обучать не заведено; ихъ дѣло ткать, да прясть, матерямъ помогать». Но и тутъ положеніе улучшилось. Изъ 551 отвѣта на этотъ вопросъ 376 (68,3%) оказалось положительныхъ, 91 (16,5%) безразличныхъ и только 84 (15,2%) отрицательныхъ. Измѣнились нѣсколько и соображенія въ пользу грамотности. Изъ 135 отзывовъ этого рода утилитарныя соображенія продолжали преобладать почти наполовину (48,9%). Но 31% высказались за грамотность, какъ за средство самосовершенствованія. Сюда можно прибавить и 18,3%, приводившихъ, по старинѣ, религіозно-нравственныя соображенія, и, пожалуй, также 6,7 %, говорившихъ о пользѣ не личной и непосредственной, а общей.

Если земская школа сыграла видную роль въ этой смѣнѣ настроеній, то надо признать, что и новыя настроенія крестьянства, въ свою очередь, дали дальнѣйшій толчекъ развитію школы — въ смыслѣ расширенія въ ней общеобразовательныхъ элементовъ. Мы увидимъ далѣе, какъ на этой же почвѣ и средства внѣшкольнаго образованія становились распространеннѣе и общедоступнѣе. Посмотримъ, прежде всего, какъ усилившійся запросъ народа на образованіе повліялъ на земство.

Историкъ земства Б. Веселовскій говоритъ по этому поводу: «земства 90-хъ годовъ (реформированныя гр. Д. Толстымъ, съ преобладаніемъ дворянства) были проникнуты гораздо менѣе сословными тенденціями, чѣмъ «всесословныя» земства 60-хъ годовъ (только что вышедшія изъ крѣпостной эпохи). Измѣнились времена, повыдохлись традиціи крѣпостного права; земскіе дѣятели должны были больше прислушиваться къ общественному мнѣнію»... Мы уже видѣли, какъ эта перемѣна сказалась въ расширеніи рамокъ земской

работы для начальной школы. Характернымъ симптомомъ той же перемѣны было и то, что съ 1900-хъ годовъ, губернскія земства, предоставлявшія до тѣхъ поръ почти всю школьную работу уѣзднымъ, начинаютъ признавать общественное и государственное значеніе школы, ставятъ на очередь вопросы о всеобщности образованія, разрабатываютъ типы школьной сѣти, необходимой, чтобы сдѣлать школу доступной, задумываются надъ вопросомъ о школьномъ возрастѣ, принимаютъ участіе въ школьномъ строительствѣ, идутъ на расширеніе программы и повышеніе типа школы. При самомъ приступѣ къ вопросу о всеобщемъ обученіи выясняется, какъ много еще надо сдѣлать для достиженія этой цѣли. Въ 1898 г. училось въ школахъ менѣе трети дѣтей школьнаго возраста, и изъ нихъ только пятая часть — дѣвочекъ. И уѣздныя земства идутъ на новые расходы, вносятъ новое оживленіе въ работу и ускоряютъ темпъ школьныхъ достиженій, чтобы приблизиться къ завѣтной цѣли. Школьный бюджетъ земства растетъ слѣдующимъ образомъ (въ тысячахъ):

1871	1.600	1895	9.128,6
1876	4.091	1901	16.924
1880	5.200	1903	19.756
1890	7.225,8	1906	25.314

Расходъ однихъ уѣздныхъ земствъ продолжаетъ дальше рости: въ 1906 г. — 21,8 мил.; въ 1909 г. — 36,7 мил.; въ 1910 — 47,4 мил. Соотвѣтственно растетъ и пропорція расходовъ на школу въ земской смѣтѣ. Въ 1877 она составляетъ около 15% смѣты, въ 1890 — около 15-20%, въ 1901 до 20-25% смѣты. На одну душу населенія это составляетъ: въ 1871 г. — 3,5 коп., въ 1880 г. 9,9 к.; въ 1890 г. — 14,4; въ 1900 — 22, въ 1903 г. — 29; въ 1906 г. — 32,9 коп. Количество земскихъ школъ также возрастаетъ, но въ меньшей пропорціи, въ виду повышенія расходовъ на каждую отдѣльную школу, вмѣстѣ съ ея усовершенствованіемъ. Въ 1894 г. земскихъ школъ насчитывается 13.146; въ 1898 г. — 16.411; къ 1 января 1903 г. около 18.700. Оживленіе школьной дѣятельности сказывается также и въ томъ, что съ конца 1890 годовъ земства переходятъ къ состоянію войны съ училищными совѣтами и съ приходскими школами. Наконецъ, они принимаютъ все болѣе энергичное участіе въ организаціи внѣшкольнаго образованія, — для котораго до середины 90 г.г. почти ничего не было сдѣлано отчасти уже потому, что на эту область правительство съ самаго начала наложило свою руку.

Такъ, народныя чтенія начались уже въ 1872, — какъ средство отвлечь рабочихъ отъ революціонной пропаганды. Они были

разрѣшены только въ Петербургѣ, только по брошюрамъ, спеціально для этого отобраннымъ, и только лицамъ, вполнѣ благонадежнымъ политически. Но и тутъ — труденъ былъ лишь первый шагъ. Въ 1876 г. разрѣшено устраивать чтенія въ *губернскихъ* городахъ, — причемъ для того, чтобы прочитать передъ провинціальными слушателями одобренную книгу безъ всякихъ пропусковъ и прибавленій требовалось каждый разъ разрѣшеніе трехъ министровъ: внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и синода! Въ 80-хъ годахъ разрѣшено книжки *религіознаго* содержанія читать и въ уѣздныхъ городахъ и селахъ — священникамъ. Съ начала 90-хъ годовъ начались ходатайства земствъ о разрѣшеніи народныхъ чтеній, какъ единственнаго способа ознакомить крестьянство хотя бы съ элементарными знаніями. Правительство, послѣ ряда отказовъ, наконецъ уступило, но съ условіями, продиктованными въ спеціальныхъ «правилахъ» 15-го мая 1890 г. Чтенія должны были производиться внѣ школъ, съ разрѣшенія губернатора и по особому каталогу, въ который включено было лишь 3½% книгъ, разрѣшенныхъ цензурой и только 17% періодическихъ изданій. Этотъ же каталогъ опредѣлялъ составъ книгъ, допущенныхъ для безплатныхъ народныхъ библіотекъ. Изъ него были исключены произведенія такихъ писателей, какъ Достоевскій, Короленко, Лѣсковъ, Некрасовъ, Салтыковъ, Успенскій, Чеховъ, не говоря уже о Бѣлинскомъ и Добролюбовѣ. Земства все же приступили по побужденію СПБ комитета грамотности, къ устройству, *при школахъ,* «библіотекъ-читаленъ». Въ 1898 г. такихъ библіотекъ-читаленъ было открыто въ 34 губерніяхъ 3.002; въ 1904 году ихъ число дошло до 4.500. Новыя «Правила» 18 января 1904 г. допустили для библіотекъ при школахъ нѣсколько расширенный составъ книгъ(нѣкоторыя были допущены для среднихъ учебныхъ заведеній). И нужно было дожить до революціоннаго 1905 г., чтобы допущено было въ народныя библіотеки все то, что не было вообще запрещено цензурой (ср. стр. 855, 860-861).

Послѣ 1893 г. губернскія и уѣздныя земства приступили къ открытію книжныхъ складовъ и къ организаціи собственной книжной торговли, — съ цѣлью довести книгу до народа. Такихъ складовъ къ 1904 г. было 132 съ 59-ю отдѣленіями, всего 191.

Слѣдуетъ еще упомянуть о мѣрахъ для подготовки учителей. Тутъ правительство было особенно заинтересовано — создать кадръ учителей, пригодныхъ для проведенія его взглядовъ. Въ 1875 г. была утверждена инструкція для правительственныхъ учительскихъ семинарій, полагавшая въ основу подготовки — православіе и народность; учителя должны были проникнуться духомъ преданности

«церкви, царю и отечеству». Вся жизнь воспитанниковъ строилась на началѣ строгой церковности: посты, говѣніе, чтеніе религіозно-назидательныхъ книгъ, духовныя пѣснопѣнія придавали учительскимъ семинаріямъ монастырскій характеръ. Земствамъ послѣ этого стали отказывать въ учрежденіи земскихъ учительскихъ семинарій и всячески стѣсняли тѣ, которыя успѣли открыться. Земство искало замѣны въ устройствѣ періодическихъ курсовъ для учителей. Самый процессъ общенія учителей имѣлъ большое воспитательное значеніе. Но темы курсовъ въ 70-хъ годахъ могли быть *лишь* спеціально *педагогическія.* Въ 80-хъ годахъ въ виду препятствій со стороны правительства, курсовъ почти не удавалось устраивать. Съ начала 90-хъ годовъ занятія на курсахъ получили *техническій* характеръ (по сельскому хозяйству и т. д.). Въ серединѣ 90-хъ годовъ курсы стали снова *педагогическими,* а съ конца 90-хъ годовъ — приняли *общеобразовательный* характеръ.

Таково было положеніе начальнаго образованія передъ революціей 1905 г. Несмотря на ея неудачу, появленіе народнаго представительства дало народному образованію новый и сильный толчекъ. На очередь былъ окончательно поставленъ вопросъ о введеніи всеобщаго обученія, отчасти, какъ мы видѣли, уже подготовленный земствомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ всеобщность и обязательность обученія была, какъ мы знаемъ, отвергнута въ совѣщаніяхъ о реформѣ 1864 г. вопросъ этотъ пережилъ нѣсколько фазисовъ. Припомнимъ, прежде всего, что обязательность обученія въ 1862 году проектировалъ особый комитетъ сановниковъ, выработавшихъ свой «планъ» по Высочайшему повелѣнію. Мы имѣли также случай познакомиться со взглядомъ на этотъ вопросъ гр. Д. А. Толстого (стр. 764, 821-3). Побѣдившее въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія мнѣніе о добровольности образованія было, напротивъ, мнѣніемъ большинства тогдашняго интеллигентнаго общества. Однако же, и тогда не вся интеллигенція одинаково надѣялась на народную инициативу. Въ 1874 г. два губернскихъ и девять уѣздныхъ земскихъ собраній обратились къ правительству съ ходатайствомъ о введеніи обязательнаго начальнаго обученія. Гр. Толстой далъ ходъ ходатайствамъ. Составленная въ министерствѣ записка рѣзко опровергала мнѣніе тѣхъ, кто, подобно А. И. Кошелеву, доказывалъ, что государство не имѣетъ права «навязывать людямъ выгоды подъ страхомъ наказанія». Начальное образованіе дѣтей, правильно возражало министерство, есть общественная обязанность родителей и неотъемлемое право малолѣтнихъ. «Утверждать, что отецъ, не дающій своимъ дѣтямъ никакого образованія, не совершаетъ дѣянія противузаконна-

го, — значило бы отвергать непреложныя основы права естественнаго, защищать, подъ предлогомъ ненарушимости родительскихъ правъ, свободу невѣжества и содѣйствовать общественному злу поддержаніемъ и размноженіемъ невѣжества, порождающаго, главнымъ образомъ, различные общественные недуги. Съ этой точки зрѣнія, правительство, принуждая родителей-невѣждъ исполнять ихъ обязанности, ограждаетъ только право малолѣтнихъ отъ злоупотребленія родительской власти и предупреждаетъ вредныя послѣдствія для общественнаго блага...». Однако, на первыхъ порахъ и само министерство считало возможнымъ ограничиться частичными разрѣшеніями обязательнаго обученія — «не иначе, какъ по ходатайству земскихъ собраній». Съ другой стороны, оно признало, что частичное разрѣшеніе вопроса есть «не болѣе, какъ полумѣра, отъ которой нельзя ожидать сколько-нибудь значительныхъ послѣдствій». «Система настоящаго обязательнаго обученія тогда только можетъ принести свои плоды, — утверждалъ комитетъ, — когда она будетъ введена, какъ общій для всего государства законъ». Только что передъ тѣмъ (1871-1872) министерство отвѣчало земствамъ на подобныя же ходатайства, что «какъ бы ни было желательно введеніе обязательнаго обученія, оно въ настоящее время невозможно». Въ 1875-1876 оно уже отвѣчаетъ, что поставленъ «общій вопросъ о введеніи обязательнаго обученія въ имперіи».

Въ самомъ дѣлѣ, министръ обратился къ директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ, наблюдавшимъ за земскими школами съ 1871 года, за матеріалами для рѣшенія вопроса. Однако, матеріалы, доставленные ему, были неутѣшительны. По расчетамъ училищныхъ властей выходило, что всеобщее обязательное обученіе будетъ стоить страшныхъ денегъ. Къ тому же выводу пришелъ и г. Дубровскій, разработавшій въ центральномъ статистическомъ комитетѣ данныя о сельскихъ училищахъ, собранныя въ 1880 году. Онъ разсчиталъ, что для обученія *всей* молодежи, находившейся въ школьномъ возрастѣ, надо бы было имѣть въ Россіи не 22.000 школъ, а 269.000, т. е. въ 12 слишкомъ разъ больше; и вмѣсто шести милліоновъ, тратившихся на народныя училища въ 1879 году, пришлось бы издерживать 82 милліона. Другими словами, каждый житель государства долженъ бы былъ платить на школу вмѣсто 9 копѣекъ — 1 р. 25 коп. налога. Естественно, передъ перспективой такого огромнаго увеличенія расхода правительство отступило, и вопросъ объ обязательномъ обученіи снова сошелъ со сцены. Вмѣсто него, выдвинулся опять вопросъ о развитіи вольной народной школы, — школы грамотности, — какъ единственнаго *дешеваго* средства приблизиться къ всеобщему обу-

ченію. Восьмидесятые годы были порой преувеличенной идеализаціи школы грамотности и притомъ одновременно въ двухъ совершенно различныхъ направленіяхъ. Оба эти направленія одинаково утверждали, что школа грамотности есть старинная, исконная школа русскаго народа, существовавшая съ незапамятныхъ временъ. Но выводы изъ этого утвержденія дѣлались неодинаковые. Тогда какъ одни видѣли въ старинной русской школѣ грамотности продуктъ самобытнаго народнаго творчества, — другіе считали ее созданіемъ духовенства, воспитывавшаго народъ въ христіанскихъ идеалахъ. Одни, поэтому, смотрѣли на эту школу, какъ на точку приложенія силъ интеллигента-народолюбца, — другіе, какъ на способъ правительственнаго воздѣйствія на народную массу. Различны были и результаты этихъ двухъ взглядовъ. Взглядъ народниковъ привелъ къ цѣлому ряду единичныхъ интеллигентныхъ усилій. А правительственный взглядъ вызвалъ созданіе церковно-приходской школы, о которомъ мы уже говорили (см. выше, стр. 831-834).

Параллельно съ правительствомъ, и общество 80-хъ годовъ начало думать о «дешевой» и общедоступной народной школѣ. С-петербургскій комитетъ грамотности возбуждалъ въ 1884 году вопросъ объ изысканіи дешевыхъ способовъ распространенія грамотности. И здѣсь хотѣли воспользоваться тою же вольной крестьянской школой. На нее настойчиво обращали вниманіе общества публицисты и педагоги. Было признано, что такія школы существуютъ въ большомъ количествѣ и что преподаютъ въ нихъ, въ качествѣ учителей, — люди, вышедшіе изъ народа. Комитетъ циркулярно рекомендовалъ всѣмъ земствамъ школу грамотности, какъ «такой способъ распространенія грамотности въ Россіи, который, кромѣ дешевизны, имѣетъ за собою... то достоинство, что онъ возникъ изъ самой жизни и на опытѣ показалъ свою плодотворность». Но еще за два года до комитета обратилъ вниманіе на школу грамотности и министръ народнаго просвѣщенія бар. Николаи. 14 февраля 1882 г. онъ разъяснилъ, по ходатайству одного уѣзднаго земства, что правила о домашнемъ обученіи въ частныхъ домахъ не относятся къ домашнему обученію грамоты въ селахъ, и что учителю грамоты не нужно имѣть преподавательскихъ правъ. Съ этого циркуляра бар. Николаи начинается оффиціальное существованіе школы грамотности. Земства стали ею интересоваться, статистики собирали о ней свѣдѣнія. Однако, при возобладавшемъ тогда теченіи въ пользу церковно-приходской школы, — и школа грамотности была эксплуатирована въ интересахъ того же направленія. Правительство «правилами 4-го мая 1891 года», подчинило «всѣ школы грамоты, какъ существующія уже, такъ и вновь открываемыя, исключительно вѣдѣнію и наблюде-

нію духовнаго начальства». Въ то же самое время, какъ мы знаемъ, подчинены были духовному вѣдомству и вновь открывавшіяся воскресныя школы.

Съ этого времени интеллигентное русское общество замѣтно охладѣваетъ къ школѣ грамотности. Изслѣдователи народнаго образованія доказываютъ, что и при помощи школы нормальнаго типа — достиженіе всеобщаго обученія вовсе не такъ невозможно, какъ это представлялось послѣ вычисленій Дубровскаго. Въ томъ же году (1884), когда была издана работа послѣдняго, однимъ изъ московскихъ статистиковъ (И. П. Боголѣповымъ), сдѣланъ былъ гораздо болѣе оптимистическій разсчетъ, скоро принятый и другими русскими статистиками, а затѣмъ популяризованный и среди болѣе широкой публики, благодаря статьямъ В. П. Вахтерова. Въ разсчетахъ г. Дубровскаго и его послѣдователей всѣ эти изслѣдователи находили, именно, одну основную ошибку. Г. Дубровскій исходилъ изъ предположенія, что въ Россіи, какъ за границей, надо помѣстить въ начальную школу сразу всѣхъ дѣтей отъ 7 до 14 лѣтъ. Это было бы вѣрно, если бы, дѣйствительно, въ русской школѣ сельская молодежь согласилась сидѣть семь лѣтъ подъ рядъ. Но курсъ начальной сельской школы длился три года, и очевидно, въ случаѣ обязательнаго обученія, надо было имѣть въ школѣ мѣсто только для дѣтей трехъ возрастовъ, напр., отъ 8 до 11. Еще меньше мѣста понадобилось бы, если бы въ деревняхъ сдѣлать школу обязательной только для мальчиковъ. Исходя изъ этихъ соображеній, В. П. Вахтеровъ, въ своемъ рефератѣ, читанномъ въ 1894 г. въ московскомъ комитетѣ грамотности, приходилъ къ выводу, что для всеобщаго обученія нужно было бы прибавить къ существующимъ школамъ всего только 25 тысячъ школъ въ селахъ и 6 тысячъ въ городахъ и что обойдется это всего въ 11 милліоновъ. Такой разсчетъ не безъ основанія казался многимъ уже слишкомъ урѣзаннымъ и скромнымъ. Курсъ начальной школы часто уже въ то время фактически превышалъ три года, приближаясь къ четырехлѣтнему. Устраненіе дѣвочекъ не могло быть оправдано теоретически. Какъ бы то ни было, сокращенные разсчеты, несомнѣнно, произвели свое психологическое дѣйствіе. Обязательное обученіе въ Россіи перестало казаться утопіей, и вопросъ о всеобщемъ обученіи снова поставленъ былъ на ближайшую очередь. Статистики, комитеты грамотности и земства, какъ мы уже говорили, усердно принялись за выработку нормальной сѣти школъ для той или другой мѣстности. Оживленіе общественныхъ настроеній заставило, наконецъ, и правительство вернуться къ этому вопросу.

Однако же, чисто канцелярскій проектъ всеобщаго обученія, выработанный бюрократическимъ путемъ, въ министерствѣ народ-

наго просвѣщенія Фармаковскимъ въ 1903 г., а также и проектъ статсъ-секретаря Куломзина въ 1904 г. не встрѣтилъ сочувствія въ земской средѣ. Въ 1906 г. министерство составило новый проектъ, и 20-го февраля 1907 г. внесло его во вторую Гос. Думу. Но эта Дума была вскорѣ распущена, и вопросъ пришлось рѣшать третьей Гос. Думѣ, въ измѣненномъ новымъ избирательнымъ «положеніемъ» составѣ. Однако, несмотря на преобладаніе въ этой Думѣ правительственнаго большинства, по вопросамъ образованія «октябристскій» центръ ея былъ склоненъ защищать установившіеся въ земствѣ взгляды. Опасаясь усиленія правительственнаго контроля, большинство Думы хотѣло бы достигнуть всеобщаго образованія путемъ снятія преграды къ увеличенію земскаго бюджета (см. выше) и дальнѣйшаго развитія земскихъ расходовъ на школу, скорѣе чѣмъ путемъ увеличенія правительственныхъ ассигнованій. Затѣмъ, Дума хотѣла бы издать общій органическій законъ о народномъ образованіи вмѣсто отдѣльныхъ единовременныхъ мѣръ, которыя вносило министерство. Оппозиціонные члены Гос. Думы внесли съ этой цѣлью въ 1907 г. очень радикальный проектъ «Лиги Образованія». Согласно этому проекту вводилась единая школа, раздѣленная на три ступени. Вмѣшательство государства въ ея внутренніе распорядки сводилось къ минимуму. При разсчетѣ одной школы на районъ съ трехверстнымъ радіусомъ и съ комплектомъ учениковъ отъ 35 до 45 нужно было открыть 154.088 школы первой ступени, чтобы обслужить *всѣхъ* дѣтей школьнаго возраста, принимая этотъ возрастъ отъ 8 до 11 лѣтъ. Школъ второй ступени (12-15 лѣтъ) предполагалось открыть 17.390, въ разсчетѣ удовлетворить 1/5 часть населенія. Наконецъ, школы третьей ступени (16-18 лѣтъ), въ количествѣ 2.114, удовлетворяли 1/20 часть населенія. Издержки и на это количество школъ были исчислены на первый годъ осуществленія всего плана въ 432.763.200 руб., изъ которыхъ на государство приходилось 316.280.000 руб. и на мѣстные источники — 116.483.000 руб. Это, конечно, во много разъ превосходило дѣйствительные расходы и финансовыя возможности того времени. Депутатъ-октябристъ Анрепъ представилъ другой проектъ, растягивавшій введеніе всеобщаго обученія на болѣе продолжительный срокъ (къ 1928 г.) и предполагавшій открыть къ этому сроку 351.546 школьныхъ комплектовъ (по 50 учениковъ въ комплектѣ); расходъ на это былъ высчитанъ въ 276.786.000 руб., изъ которыхъ 168.328.000 приходилось на долю казны. Скомбинированный проектъ, принятый думской комиссіей и Думой въ 1911 году, исходилъ изъ передачи начальнаго образованія въ руки органовъ городского и земскаго самоуправленія, съ измѣненіемъ состава училищныхъ совѣтовъ и ограниченіемъ компетенціи инспектора. При-

ходскія школы передавались въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія. За министерствомъ оставалось лишь общее руководство и оффиціальный контроль. Устанавливался общеобразовательный характеръ школы, и ея программа расширялась введеніемъ географіи и исторіи Россіи, природовѣдѣнія, обществовѣдѣнія, геометріи съ черченіемъ и рисованіемъ. Въ мѣстностяхъ съ не-русскимъ населеніемъ разрѣшались школы съ четырехлѣтнимъ курсомъ на материнскомъ языкѣ. Высшія начальныя училища служили связующимъ звеномъ между низшими школами и школами второй ступени. Сохранялась возможность приспособленія школы къ мѣстнымъ условіямъ и допускалось сотрудничество мѣстныхъ элементовъ со школой.

Государственный Совѣтъ отвергъ всѣ главныя черты думскаго проекта и голосовалъ противъ всего проекта въ цѣломъ. Органическаго закона Думѣ такъ и не удалось провести; ей пришлось пойти на компромиссъ, принимая, и, по возможности, измѣняя отдѣльныя предложенія, вносимыя правительствомъ. Но, все равно, эти предложенія шли въ направленіи всеобщаго образованія. Первый же, проведенный черезъ Думу законъ — 3 мая 1908 г. — вмѣстѣ съ кредитомъ въ 6.900.000 руб., въ прибавку къ ассигнованнымъ раньше правительствомъ 1.400.000 руб., установилъ и условія, на которыхъ эти субсидіи выдавались земствамъ и городамъ. Органы самоуправленія заключали съ министерствомъ договоры, которыми обязывались втеченіе 10 лѣтъ открыть достаточное количество школъ для всѣхъ дѣтей отъ 8-11 лѣтъ, считая и десятилѣтній приростъ населенія и включая въ школьную сѣть трехверстнаго радіуса существующія фабричныя, церковно-приходскія и частныя школы — или замѣняя ихъ, въ случаѣ закрытія, собственными. Программа школъ должна была быть не ниже одноклассныхъ начальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія; учителя — обязательно русскіе подданные христіанскаго исповѣданія — не ниже окончившихъ среднюю школу или получившихъ званіе народнаго учителя (ницы); помѣщенія — соотвѣтствующія требованіямъ школьной гигіены, обезпеченіе квартирой для учителя и снабженіе школьными книгами и пособіями. Министерство, съ своей стороны, обязывалось выдавать на каждый комплектъ учениковъ ежегодно по 360 руб. учительскаго жалованія (съ пятилѣтними прибавками по 60 р. до 600 р.), по 60 руб. законоучителю и единовременно на школьныя пособія по 150 р. на комплектъ. Закономъ 22 іюня 1909 г. былъ созданъ сверхъ того особый школьно-строительный фондъ, изъ котораго выдавались пособія — 1/5 стоимости постройки безвозвратно, и до 4/5 стоимости — ссуды на 40 лѣтъ за 3 % годовыхъ. Съ 1911 по 1916 г. было построено 20.172 школьныхъ помѣщеній.

Законопроектъ, внесенный въ 4-ую Думу П. Н. Игнатьевымъ 27 августа 1916 г. частью повторялъ положенія отвергнутаго Государственнымъ Совѣтомъ проекта 1911 г. Гораздо болѣе умѣренный, онъ уже не былъ разсмотрѣнъ Думой, въ виду февральскаго переворота.

Къ началу міровой войны (на 1 іюля 1915) почти всѣ уѣздныя земства (414 изъ 426) вступили въ договоры съ министерствомъ о введеніи всеобщаго обученія. Ассигновки министерства на начальное образованіе росли съ каждымъ годомъ въ небывалыхъ размѣрахъ. Вотъ сравнительныя цифры — до и послѣ появленія Думы и ея приступа къ осуществленію всеобщаго обученія (въ рубляхъ):

1900	3.084.672	1908	15.884.672
1903	5.784.672	1909	22.884.672
1906	8.286.672	1910	35.884.672

Число училищъ по даннымъ всероссійской школьной переписи 18 января 1911 г. было 100.295 (изъ нихъ церковно-приходскихъ 37.922); къ 1915 году оно еще поднялось до 122.123. Число учителей и учительницъ въ 1911 г. было 154.177 (изъ нихъ церковно-приходскихъ 46.151); число учащихся 6.180.510 (изъ нихъ церковно-приходскихъ 1.793.429); къ 1915 это число дошло до 8.146.637.

Интересно остановиться на составѣ учительскаго корпуса, какъ онъ выяснился по даннымъ переписи народныхъ училищъ 1911 г. Соціальный составъ учителей былъ слѣдующій (въ процентахъ):

	М. п.	жен. п.	всѣхъ
Крестьяне	56,6	19,0	36,2
Духовнаго званія	10,3	28,6	20,2
Мѣщане	16,0	27,1	19,3
Дворяне	3,8	14,6	9,6
Прочіе	13,3	15,7	14,7

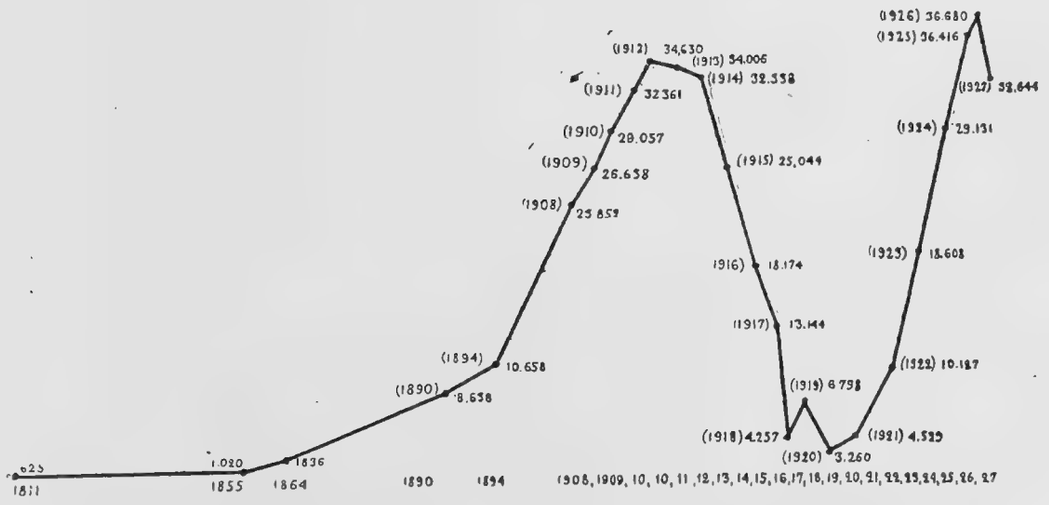
По образовательному цензу составъ учительскаго корпуса въ 1911 г. опредѣлился слѣдующимъ образомъ (въ процентахъ мужского пола, въ скобкахъ — учительницы):

Образованіе:	Зем. и гор. школы	церковныя школы	всѣ школы
Низшее и домашнее	49,6 (31,8)	85,9 (47,7)	61,3 (36,5)
Среднее педагогическое	44,5 (4,3)	6,3 (1,9)	31,9 (3,5)
Среднее духовное	4,4 (20,1)	7,5 (42,1)	5,5 (25,8)
Среднее и высшее свѣтское ...	1,7 (43,8)	0,3 (8,3)	1,3 (34,2)
Нѣтъ свѣдѣній	0,5 (0,6)	0,9 (0,9)	» »

Какъ видимъ, корпусъ учителей къ концу дореволюціоннаго періода былъ весьма демократиченъ по соціальному составу, и образовательный цензъ его былъ невысокъ. Но женскій составъ въ послѣднемъ отношеніи стоялъ значительно выше мужского, особенно въ земской и городской школѣ (64% противъ 6%). Это очевидно стояло въ связи съ болѣе культурнымъ соціальнымъ составомъ: 65% учительницъ происходило изъ дворянъ, мѣщанъ и духовенства противъ 30% мущинъ такого же происхожденія.

Чтобы судить, въ какой степени общія условія культуры народныхъ массъ измѣнились къ началу революціи, мы остановимся еще на двухъ рядахъ фактовъ: на ростѣ издательства и распространенія книгъ и повременной печати и на ростѣ грамотности населенія.

Общая кривая книгоиздательства (по числу названій книгъ) съ начала XIX в. представляется въ слѣдующемъ видѣ (кривая охватываетъ промежутокъ времени отъ 1811 до 1927 года и основана на цифрахъ, сообщенныхъ ниже въ болѣе подробномъ видѣ на стр. 850, 851, 852, 862, 952, 953, 954):



Нелегко представить себѣ, какую длинную повѣсть человѣческихъ усилій — успѣховъ, и неудачъ, и новыхъ достиженій таитъ въ себѣ эта короткая ломаная линія. Она требуетъ хотя бы краткаго комментарія. О книжной продукціи XVIII в. мы говоримъ въ дру-

томъ мѣстѣ (т. III, стр. 268-270 и 396-397). Въ первую четверть XIX в. производство книгъ поднялось съ 150 названій въ годъ (718 за 1801-5) до 575 (въ 1825). Книжная торговля за это время продолжала сохранять тотъ же характеръ, который она получила къ концу XVIII в.: ходко шелъ только популярный товаръ Никольскаго рынка, поставляемый «писателями» типа Матвѣя Комарова. К. Батюшковъ такъ характеризуетъ эту торговлю въ 1810-е годы. «Кто не бывалъ въ Москвѣ, тотъ не знаетъ, что можно торговать книгами точно такъ, какъ рыбой, мѣхами, овощами и проч., безъ всякихъ свѣдѣній о словесности; тотъ не знаетъ, что здѣсь есть фабрика переводовъ, фабрика романовъ, и что книжные торгаши покупаютъ ученый товаръ, т. е. переводы и сочиненія, на вѣсъ, приговаривая бѣднымъ авторамъ: не качество, а количество, не слогъ, а число листовъ»

Это положеніе измѣнилось въ тотъ моментъ, который мы отмѣтили, какъ появленіе писателя-профессіонала въ «большой» литературѣ (см. стр. 323-324). Въ книжной торговлѣ этотъ періодъ — вторая четверть XIX вѣка — отмѣченъ названіемъ: «Смирдинскій періодъ». Смирдинъ явился первымъ покупателемъ произведеній настоящихъ русскихъ писателей (онъ издалъ ихъ болѣе семидесяти); онъ «канонизировалъ» авторскій гонораръ — довольно щедрый не только по тому времени (въ 1839 г. «Сынъ Отечества» платилъ 200 руб. за листъ оригинальныхъ и 75 руб. за листъ переводныхъ произведеній). Правда, онъ и поплатился за это. Никитенко въ 1834 г. уже писалъ: «наши литераторы владѣютъ его карманомъ, какъ арендой; онъ можетъ разориться по ихъ милости». Но его коммерческій разсчетъ былъ правильно построенъ на трехъ данныхъ: пониженіе цѣны книги путемъ увеличенія тиража, появленіе новыхъ покупателей въ столицахъ и организація книжнаго рынка въ провинціи и помѣстьи. Булгаринъ свидѣтельствовалъ въ 1841 г., что «число русскихъ писателей въ послѣдніе 10 лѣтъ возвысилось болѣе, нежели впятеро противъ прежнихъ годовъ». А обозрѣватель торговли Глазуновыхъ за 1830-1840 г.г. писалъ: «стали появляться (въ книжныхъ лавкахъ) аристократы и люди высшей администраціи до того времени въ руки не бравшіе русскихъ книгъ; зимою появились, въ значительномъ числѣ, помѣщики, покупавшіе заразъ на большую сумму книгъ... Всѣ книгопродавцы стали издавать втрое, вчетверо болѣе, чѣмъ прежде». Эта новая читательская среда и поддержала расцвѣтъ русской классической литературы. Но тутъ же на рубежѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ произошелъ и первый кризисъ на книжномъ рынкѣ. «Вдругъ все пало: и книгопечатаніе, и книготор-

говля, и письменность», прибавляетъ Булгаринъ вслѣдъ за приведенными строками. Что же случилось? Обозрѣватель Глазуновской торговли отвѣчаетъ: «уменьшеніе покупателей на книги (повѣсти, романы и проч.) въ началѣ 40-хъ г.г. кромѣ оскудѣнія талантовъ, слѣдуетъ приписать отчасти возникновенію и процвѣтанію въ это время толстыхъ журналовъ, въ которыхъ обильно помѣщалась этого рода литература». «Таланты», конечно, оставались прежніе; но повѣялъ холодный вѣтеръ николаевскаго царствованія. Литература не замерла, однако, а переселилась въ «толстые журналы» — типъ, спеціально-русскій, сохранившійся съ того времени до нашего. Появленіе толстыхъ журналовъ, отмѣченное нами выше (стр. 324), знаменуетъ собой наступленіе новаго періода: организаціи общественнаго мнѣнія начавшеюся съ Бѣлинскаго династіей «учителей жизни».

Съ началомъ царствованія Александра II эта перемѣна и сказывается въ ускоренномъ ростѣ книжнаго производства. Число типографій, доходившее въ 1813 г. (по Сопикову) до 18 въ Петербургѣ, 8 въ Москвѣ и 39 въ провинціи (всего 65), поднялось за 42 года, (къ 1855 г.) до 73 въ СПБ, 22 въ Москвѣ и 55 въ провинціи (всего 150), а за слѣдующіе десять лѣтъ (1855-64) достигло цифры 276-ти. Въ это же десятилѣтіе количество выпускаемыхъ книгъ возросло съ 1.020 названій до 1.864, а всего за 10 лѣтъ было напечатано 16.380 названій (по 1.638 въ годъ). И далѣе этотъ ростъ продолжался, составивъ слѣдующій рядъ:

1855	1.020	1873	2.668
1864	1.864	1877	5.451

Въ годъ это составляло (прибавимъ для сравненія цифры прежняго времени):

1801 — 1805	150
1825	575
1855 — 1864	1.638
1865 — 1869	2.922
1873 — 1877	4.312

Во время реакціоннаго десятилѣтія ростъ книжной продукціи остановился, и для 1888 года мы имѣемъ даже меньшую цифру напечатанныхъ книгъ, чѣмъ для 1877: всего 5.317 названій. Но съ слѣдующаго года и до конца XIX столѣтія производство книги ра-

стетъ и къ концу вѣка по количеству названій удваивается, а по количеству экземпляровъ утраивается:

	названій	экземпляровъ		названій	экземпляровъ
1889	6.420	18.777.891	1895	8.699	35.512.814
1891	6.583	22.918.105	1898	9.526	44.221.864
1893	7.782	27.224.903	1901	10.318	58.529.480

Нужно прибавить, что этотъ значительный ростъ числа книгъ и, въ особенности, ихъ тиража — объясняется, главнымъ образомъ, увеличеніемъ спроса со стороны *народныхъ массъ*. Это доказывается тѣмъ, какой родъ книгъ находитъ наибольшій сбытъ. Такъ, изъ 35½ милліоновъ экземпляровъ 1895 года и 58½ милл. экз. 1901 приходится (въ милліонахъ).

	1895	1901
На духовную литературу	5,4	16,5
Дешевыя народныя, лубочныя изд.	4,7	8,8
Справочныя (на 3/4 календари)	7,0	8,4
	17,1 (48%)	33,7 (57,6%)

Далѣе слѣдуютъ группы, которыя тоже отчасти расходятся въ народѣ, а только отчасти въ культурномъ классѣ:

Учебныя и дѣтскія книги	7,7	9,8
Беллетристика	3,8	2,7
	11,5 (32%)	12,5 (21,4%)

Интересно пропорціональное, а для беллетристики и абсолютное паденіе цифръ этихъ категорій. Падаютъ также абсолютно историческія и юридическія сочиненія. Напротивъ, растутъ медицинскія, сельско-хозяйственныя и техническія — съ 1,7 милл. до 2,6 милл. экземпляровъ. Остальные отдѣлы — всѣ менѣе значительны; и если среди нихъ растутъ пропорціонально очень сильно книги по политическимъ, общественнымъ вопросамъ и политической экономіи, съ одной стороны (съ 103 тыс. экз. до 378 тыс.), и по философіи и изящнымъ искусствамъ, съ другой (съ 230 тыс. экз. до 566 тыс.), то абсолютное ихъ значеніе въ общей продукціи ничтожно (меньше 1-2%). Эти цифры могутъ характеризовать лишь направленіе литературныхъ вкусовъ интеллигенціи. Если народныя книги печатаются въ 30-50 тыс. экземпляровъ, беллетристика въ 10-15 тыс., а учебники, монополизированные авторами, которымъ протежируетъ

министерство, доживаютъ до 20-100 изданій, то научныя книги имѣютъ тиражъ, самое большое, 5-6 тысячъ. «Допущено» ученымъ комитетомъ министерства въ 1899 г. — 285 названій, въ 1900 — 486, въ 1901 — 659.

Помимо книжной продажи, въ культурныхъ странахъ доводятъ книгу до читателя публичныя библіотеки. Но по изслѣдованію Н. А. Рубакина, который самъ является популяризаторомъ, распространившимъ въ народной массѣ болѣе 20 мил. своихъ сочиненій, вліяніе этого способа распространенія книгъ въ описываемый періодъ совершенно ничтожно и далеко не доходитъ до массы. Еще въ 1830 г. сенаторъ Мордвиновъ свидѣтельствуетъ, что «публичныя библіотеки для чтенія заведены только въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ». Къ этимъ городамъ въ 1831 г. присоединяется Смоленскъ и Нижній, въ 1835 — Саратовъ, въ 1834 — Екатеринославъ и Симферополь, въ 1836 г. — Вятка и т. д.; заведеніе библіотеки есть цѣлое событіе. Въ 1842 г. во всей Россіи числится 42 библіотеки и въ нихъ 93.000 томовъ. Въ 1856 г. это число снова доходитъ до 49. Но что это за библіотеки? Въ четырехъ изъ названныхъ городовъ и въ рядѣ другихъ — библіотеки были свалены за ненадобностью на чердакахъ, или въ подвалахъ, оказывались безъ употребленія по 14-ти, по 17-ти лѣтъ, и еще въ 1888 г. Уральскъ отличился сожежніемъ своей библіотеки, которую не зналъ куда дѣвать. Послѣ временнаго оживленія въ 60-хъ г.г. библіотечное дѣло снова падаетъ. Подписчиками состоятъ исключительно чиновники и дворяне; только въ 1890-хъ г.г. появляется «читатель изъ народа». «Почитать» просятъ «что нибудь» и любятъ, по старинѣ, романы съ приключеніями. Къ концу вѣка это положеніе мѣняется.

На оживившіеся запросы народа откликнулась интеллигенція. Кружокъ университетской молодежи, окончившей въ срединѣ 80-хъ годовъ Петербургскій и Варшавскій университеты, образовалъ въ Петербургѣ, въ началѣ 1884 г. «группу для изученія народной литературы». Во главѣ стояли наиболѣе дѣятельные въ этомъ направленіи члены группы, Ф. Ф. Ольденбургъ и Д. Н. Шаховской. Это не были ни революціоперы, ни народники: они хотѣли быть независимы отъ «радикальныхъ шаблоновъ» и занялись въ своемъ «братствѣ» личнымъ самоусовершенствованіемъ. Они искали, по словамъ Гревса, историка кружка, «новыхъ, болѣе глубокихъ и полноцѣнныхъ идеаловъ, и путей, чѣмъ тѣ, къ которымъ звали ходячія прогрессивныя знамена». Другими словами, они отдавали дань извѣстнымъ намъ настроеніямъ 80-хъ годовъ. Но рядомъ съ культомъ личности въ «декларацiи правъ» молодого союза значились «свобода и культура *для всѣхъ* и работа за всѣхъ». И это «реально-жизненное, при

всемъ его идеализмѣ, направленіе — служить прогрессу родины сознательной работой мирныхъ культурныхъ силъ» вывело кружокъ на широкую дорогу. Скоро около центральнаго ядра сгруппировались новые сочлены; кружокъ завязалъ сношенія съ земствомъ, съ А. Алчевской, харьковской дѣятельницей, руководившей составленіемъ обширнаго сборника разборовъ до 5.000 книгъ, пригодныхъ для народнаго чтенія («Что читать народу?», 3 тома, 1884, 1889 и 1906).

Въ 1885-86 г.г. названный здѣсь петербургскій кружокъ, къ которому примкнули Рубакинъ, Фальборкъ и Чарнолусскій, вошелъ въ составъ СПБ комитета грамотности и обновилъ его дѣятельность. Въ эти годы составлены были комитетомъ два каталога лучшихъ народныхъ книгъ. Собственно, комитеты грамотности существовали въ однихъ столицахъ съ средины 40-хъ годовъ и имѣли короткій періодъ расцвѣта въ 60-хъ г.г. Петербургскій комитетъ, по почину учредителя А. С. Маслова, разослалъ въ концѣ 40-хъ г.г. до 30.000 экз. книжекъ по народнымъ библіотекамъ и «грамотнымъ избамъ» для крестьянокъ. Но этотъ починъ замеръ, не найдя благопріятной почвы, также какъ и начинанія 60-хъ г.г. Семидесятые и половина 80-хъ г.г. были періодомъ увяданія СПБ комитета, хотя въ Московскомъ уже начались тогда сношенія съ земствами. Но со второй половины 80-хъ и тамъ, и здѣсь начинается большое оживленіе. Характеръ и причина этой перемѣны очень наглядно отражаются на сношеніяхъ СПБ комитета грамотности. «Въ 60-хъ и началѣ 70-хъ г.г.», говоритъ Д. Д. Протопоповъ, историкъ этого комитета, «на сѣроватой бумагѣ, скверным почеркомъ, неуклюжимъ языкомъ, порой съ ошибками, пишутъ комитету губернаторы, архіереи, предводители дворянства, мировые посредники и помѣщики, благочинные и священники; рѣдко проглянетъ письмо волостного правленія, народнаго учителя или головы государственныхъ крестьянъ, пишутъ и обрусители окраинъ. Въ 70-хъ г.г. дѣло начинаетъ мѣняться: все больше находимъ обращеній крестьянъ, волостныхъ правленій, учителей. Въ 80-хъ г.г. обрусители почти смолкаютъ. Письма... канцелярски-условныя, прошенія унизительно-почтительныя почти исчезаютъ... Пишутъ земскія управы, училищные совѣты, учителя народныхъ школъ, крестьяне, правленія библіотекъ... на хорошей бумагѣ, четкимъ почеркомъ, проникнутые чувствомъ собственнаго достоинства... Часто встрѣчаются требованія *хорошихъ* книгъ: о Бовѣ, Еруслапѣ отзываются съ презрѣніемъ. На комитетъ смотрятъ съ довѣріемъ... просятъ совѣтовъ». И комитеты, кромѣ изданія каталоговъ, принимаются въ 90-хъ г.г. за безплатную разсылку книгъ и цѣлыхъ библіотечекъ, привлекая къ тому частныя средства, а также и за издательство народной литературы, начинаютъ устраивать читальни. Подборъ книгъ,

однако же, чрезвычайно затрудненъ правилами, намъ уже извѣстными. Изъ 75.000 названій русскихъ книгъ зарегистрированныхъ въ каатлогахъ Межова и вновь вышедшихъ въ 1894 г., было допущено въ библіотеки школъ министерства народнаго просвѣщенія только 3.288 учебныхъ книгъ и 2.347 книгъ для чтенія, т. е. меньше 8%; и изъ этихъ 2.347 книгъ надо еще исключить значительное количество, допущенныхъ лишь въ фундаментальныя *учительскія* библіотеки средней школы, а также земскихъ, которыя вышли изъ продажи или устарѣли и появились въ новыхъ изданіяхъ съ *измѣненіями*. «Одобренные» монополисты повышали цѣны на свой товаръ. Новаго «одобренія» приходилось ждать 9-17 лѣтъ. До сотни русскихъ писателей, въ томъ числѣ и самыхъ крупныхъ, совсѣмъ не попали въ оффиціальные каталоги; долго не попадало даже Евангеліе и Псалтырь.

Несмотря на эти препятствія СПБ комитетъ приступилъ еще въ 1862 г. къ печатанію «Списка» одобренныхъ имъ книгъ; за десять лѣтъ вышло 8 изданій этого списка, и число названій въ немъ съ 36 поднялось до 212. Въ 1878 г. «Списокъ» былъ замѣненъ «Систематическимъ Обзоромъ», въ которомъ были помѣщены отзывы о 965 рекомендованныхъ книгахъ. Въ 1882 понадобилось издать «1-ое дополненіе», куда включены отзывы еще о 324 книгахъ, а также примѣрный каталогъ народно-школьной библіотеки для чтенія. Въ 1895 году оба комитета были внезапно закрыты по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія.

Это, однако, не прекратило просвѣтительной дѣятельности интеллигенціи, а лишь направило ее на частные пути. Прежде всего, настойчиво продолжалось изслѣдованіе читательскихъ интересовъ народа, начавшееся почти одновременно въ разныхъ мѣстахъ Россіи, въ Харьковѣ силами кружка Алчевской, въ Московской губерніи (1883) по почину статистика В. Н. Орлова, потомъ также въ Вятской, Орловской, Воронежской. Починъ въ Петербургѣ принадлежалъ Д. Н. Шаховскому, автору первой «программы для собиранія свѣдѣній о томъ, что читаетъ русскій народъ»*). За этимъ послѣдовали доклады А. М. Калмыковой и Н. А. Рубакина на ту же тему въ СПБ комитетѣ грамотности (1888-89), программа Н. А. Рубакина, 1889 г. и два изданія программы А. С. Пругавина (1888-1891), причемъ второе изданіе, уже воспользовавшееся программой Рубакина, свидѣтельствуетъ о многочисленныхъ откликахъ (въ числѣ 200), полученныхъ со всѣхъ концовъ Россіи и вызвавшихъ переработку программы. Въ 1890 появилось изслѣдованіе А. С. Пругавина: «Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспи-

*) «Русскій Начальный Учитель» 1885 г.

танія», значительно дополненное во второмъ изданіи 1895 г. Оно уже используетъ матеріалъ анкеты (также, какъ и цитированные выше «Этюды» Рубакина). Большинство отвѣтовъ на вопросъ, есть ли потребность въ чтеніи, свидѣтельствуетъ о томъ, что она есть по преимуществу среди окончившихъ школу, но не можетъ быть удовлетворена, потому что «нѣтъ книгъ» и «читать нечего». Несомнѣнно, есть уже потребность купить книгу, но предлагается обыкновенно лубочный товаръ. Одни московскіе лубочники торгуютъ на 75.000 р. въ годъ, не считая «никольскихъ» книгопродавцевъ, нѣкоторые изъ которыхъ продаютъ тысячъ на сто и больше. Земскіе книжные склады — тамъ, гдѣ они лучше поставлены, какъ въ Тверской, Харьковской, Саратовской, Нижегородской губ. имѣютъ сбытъ до 20.000 р. Конечно, это уже болѣе культурный матеріалъ. Очень характерно, что въ послѣдніе десять лѣтъ (т. е. со средины 80-хъ г.г.) трактиры стали выписывать газеты для своихъ крестьянскихъ посѣтителей. Крестьяне Московской губ. выписывали въ 1883 г. 218 эк. газетъ, Новгородской въ 1884-5 — 120 экз. Слобода Владимирской губ., получавшая въ 1872 г. 36 экз. изданій, въ 1888 г., получала 122, т. е. больше чѣмъ втрое, — и большая часть читалась крестьянами. Дешевый «Сельскій Вѣстникъ», издававшійся съ 1881 г. при «Правительственномъ Вѣстникѣ», несмотря на сухой оффиціальный тонъ, расходился въ 50.000 экземплярахъ, а газета «Свѣтъ», читавшаяся большей частью крестьянами, имѣла тиражъ въ 60.000. Библіотеки при земскихъ школахъ начали открываться въ 80-хъ г.г., но далеко неравномѣрно. Напримѣръ, въ Московской губ. мы имѣемъ богатый ростъ ихъ: 129 въ 1882-3; 256 — въ 1886-7; 366 въ 1890-91; 371 въ 1891-2, и можно сказать, что къ концу вѣка большинство школъ было обслужено. Въ Харьковской губ. на 426 школъ имѣлось только 233 библіотеки, и изъ нихъ только 73 удовлетворяли своему назначенію. Въ другихъ дѣло обстояло еще хуже. Зато мы имѣемъ длинный списокъ библіотекъ, открытыхъ въ эти годы крестьянами на собственныя средства... Въ шести уѣздахъ Воронежской губ. было записано статистиками 44.285 экземпляровъ книгъ, принадлежавшихъ крестьянамъ. Перечитавъ небогатую школьную библіотеку, крестьяне покупаютъ книжки у разносчиковъ, у коробейниковъ и офеней и мѣняютъ ихъ на домашніе продукты. Неграмотные покупаютъ и даютъ читать грамотнымъ. Часто книги берутся въ ночное, но особенно много читаютъ зимой, и для этого собираются по домамъ, не только члены семьи, но и посторонніе. Старые люди, не побывавшіе въ школѣ, любятъ слушать книги церковной печати, не столько понимаютъ, сколько чувствуютъ: «съ плачемъ слухаемъ, душу намъ отводить», говоритъ такой слушатель. И грамотѣи-начетчики стараго

типа, способные прочесть «божественное», почитаются, какъ «подвижники», хотя въ то же время ихъ и считаютъ «какъ бы за дурачковъ», — по прежнему, «блаженныхъ». Другой типъ читателей — парни, которые любятъ читать въ одиночку или въ компаніи книги «смѣшного или удалого содержанія» — читаютъ съ увлеченіемъ и по нѣскольку разъ. Наконецъ, третій типъ — солиднаго читателя — практика, окончившаго земскую школу и приверженнаго къ популярному чтенію серьезнаго содержанія. Этого считаютъ «пользительнымъ для міра человѣкомъ» и выбираютъ въ должности, хотя иной разъ и побаиваются, какъ «гордеца». Этими разнообразными вкусами опредѣляется и содержаніе пріобрѣтенныхъ книгъ. Изъ 28.728 книгъ, переписанныхъ въ 2½ тыс. дворовъ, оказалось:

1. Духовныхъ (изъ нихъ житія 33,7%)	50,5%
2. Свѣтскихъ (въ томъ числѣ сказки 7,6% изв. авт. 7,3%) ..	26,6
3. Научно-популярныхъ (ист. геогр. 8,9%; ест.-ист. 1,8%) ..	13,8
4. Справочныхъ (календари, сонники, пѣсенники)	6,9
5. Учебныя	2,2

Библія читается рѣдко: «можно разсудка рѣшиться». О «нечисти» и о страшномъ судѣ читать боятся. Житія очень любятъ: тутъ и исторія, и чудесное, и поучительное. «Страсть хорошо» житіе Алексія Божія человѣка: это «каждый пойметъ, хоть не умѣетъ читать». «Сказки» тоже очень нравятся; но про Бову и Еруслана уже такъ «все доподлинно извѣстно», что ищутъ, хоть и «похуже Бовы», но «совсѣмъ новую» — за тѣ же деньги. Тутъ и «богатырь Сидоне», и «семь Семіоновъ», и «Францыль Венеціанъ», нашъ старый знакомый, и «храбрый воинъ Протупей-прапорщикъ», и «Зелимъ царевичъ», и «Громобой витязь новгородскій». Это все — московскій лубокъ. Читаютъ съ большимъ рвеніемъ, съ чувствомъ и выраженіемъ. Но солидные крестьяне называютъ ихъ «болтушками» и конфузятся: то «хлопцы читаютъ». Больше уваженія вызываютъ такія повѣсти, какъ «Милордъ Георгъ», «Битва русскихъ съ кабардинцами», «Анекдоты о Балакиревѣ». Наконецъ, изъ 28,728 книгъ нашлось 2.094 извѣстныхъ русскихъ авторовъ, и изъ нихъ 45% (940 экз.) принадлежитъ Льву Толстому, за которымъ слѣдуетъ Пушкинъ (18,6%) и Григоровичъ (12,5%). Все это, конечно, мелкіе разсказы. Тѣ изъ нихъ, «въ которыхъ описывается все знакомое и близкое крестьянамъ, читаются всегда съ большей охотой, чѣмъ тѣ, въ которыхъ изображаются господа, разныя высокія лица и ихъ жизнь», вродѣ «Пиковой Дамы» и «Выстрѣла». «Ты нашего брата покажи; до князей и графовъ намъ нѣтъ дѣла», говорятъ эти читатели. «Про дере-

венское читать можетъ и не такъ занятно, да для насъ полезнѣе». Интересно отмѣтить, что изъ 83 читателей, о которыхъ имѣются свѣдѣнія, въ школѣ выучилось читать еще только 14,3%; остальные выучились «самоучкой» (33,7%), на военной службѣ (27,7%) или «въ семьѣ и у сосѣда» (21,7%). Мы еще въ самомъ началѣ дѣйствія школы на среду, — и составъ чтенія объ этомъ свидѣтельствуетъ. Въ большей своей части, это — все еще литература XVIII столѣтія.

Этимъ вкусамъ сельскаго читателя отвѣчаютъ и цифры тиражей популярной литературы. Продукты сельскаго чтенія выпускаются въ 20-50-80 тыс. экземплярахъ, а календари 200-600 тыс. экземпляровъ; Сытинъ продаетъ такого товара 8-10 милліоновъ экземпляровъ въ годъ, тогда какъ изданія комитета грамотности расходились въ 35-70 тыс. экземпляровъ. И, все же, А. С. Пругавинъ счелъ возможнымъ вывести изъ всѣхъ этихъ, наводившихъ и на него «грустныя мысли», данныхъ, тотъ выводъ, что «читатель выросъ» количественно, выросъ и качественно. Въ 1887 г. народныя изданія Толстого были выпущены въ количествѣ 397.000 экземпляровъ (а всѣ сочиненія въ 677.600 экземплярахъ). Сочиненія Пушкина въ томъ же году, по миновании права собственности, были изданы не только культурными, но и «лубочными» и «никольскими» издателями, расхватывались моментально и разошлись въ этомъ году въ 1.481.375 экз. Наконецъ, съ 1884 г. начала работать издательская фирма «Посредникъ», впервые попытавшаяся соединить интеллигентское содержаніе съ популярной формой, дешевой цѣной и даже съ внѣшнимъ видомъ издѣлій, расчитанныхъ на народный рынокъ. Въ первые же 9 мѣсяцевъ изданія «Посредника» разошлись въ 400.000 экз. Въ 1885 г. на этотъ же путь вступила редакція «Русскаго Богатства», соединившись съ Сытинымъ, а въ 1888 г. испробовала тотъ же способъ и редакція «Русской Мысли». Начали и лубочники печатать *нѣкоторыя* произведенія русскихъ классиковъ. Это, очевидно, вызывалось тѣмъ, что къ концу столѣтія улучшенныя дешевыя книжки начали забивать лубочную литературу. По разсчетамъ Павленкова, тѣ и другія изданія печатались въ слѣдующемъ количествѣ экземпляровъ:

	лубочн. изданія.		дешев. улучшенныя	
	назв.	экз.	назв.	экз.
1887	190	1.689.400	147	1.360.300
1889	89	719.400	105	636.182
1891	99	947.700	221	1.720.040
1893	202	1.892.350	233	1.572.140
1894	194	2.107.660	326	2.652.215
1895	109	1.578.100	335	3.176.847

Однако же, самъ Л. Толстой, сдѣлавшій больше всѣхъ для успѣха «Посредника», извлекъ изъ своего опыта выводъ: «наша (т. е. интеллигентская) литература не прививается и не привьется народу. Надѣюсь, люди, знающіе народъ и литературу, не усомнятся въ этомъ». Несомнѣнность этого вывода была особенно ясна Н. А. Рубакину, который проводилъ въ народные массы не художественную, а научную литературу, и зналъ, какимъ языкомъ надо писать *спеціально* для народной аудиторіи, чтобы быть понятнымъ и интереснымъ. И Н. А. Рубакинъ, вопреки ходячему народническому взгляду, раздѣлявшемуся и Алчевской, — что все, что годится для культурнаго класса, годится и для народа, поневолѣ пришелъ къ выводу, что писатель долженъ знать своего читателя и что у крестьянскаго читателя *психологія* особая. Къ этому же приблизительно выводу пришелъ и другой изслѣдователь народной литературы С. А. Ан-скій (Раппопортъ). Оба поняли, что до сближенія двухъ культурныхъ уровней — путь еще не близкій.

Это былъ, однако, тотъ путь, по которому шла русская жизнь. «Читатель выросъ» къ концу вѣка — и скоро, какъ мы знаемъ, сталъ выставлять собственныхъ писателей. Располагая до 5.000 отвѣтовъ на свою программу, Рубакинъ зналъ настроеніе выроставшаго писателя. Мы видѣли даже, что подобно Горькому, онъ сдѣлался однимъ изъ литературныхъ крестныхъ отцовъ новыхъ крестьянскихъ и рабочихъ писателей. Онъ насчиталъ ихъ 147. Въ своихъ «Этюдахъ о русской читающей публикѣ» (1895) онъ уже прямо становится на точку зрѣнія французскаго критика Геннекена, что читателей можно раздѣлить на «длинный рядъ интеллектуальныхъ типовъ и, соотвѣтственно этому, на рядъ общественныхъ группъ, свойства которыхъ выражены въ терминахъ научной психологіи». Это — зародышъ его «библіо - психологической» теоріи, съ которой мы еще встрѣтимся въ дальнѣйшемъ. Поддержалъ его и Ан-скій въ своей новой книгѣ «Народъ и книга». Оба автора при этомъ особенно подчеркнули разницу между болѣе отсталымъ жителемъ деревни и болѣе развитымъ горожаниномъ, фабричнымъ, заводскимъ или мѣщаниномъ. Именно въ этой средѣ особенно намѣтилось то явленіе, которое Н. А. Рубакинъ назвалъ «Борьбой народа за свое просвѣщеніе». Докладъ объ этомъ вызвалъ закрытіе съѣзда по профессіональному образованію, гдѣ онъ былъ прочитанъ, а докладчикъ былъ высланъ изъ столицы. Это было уже въ 1904, «наканунѣ революціи», какъ значится въ подзаголовкѣ доклада; но матеріалы, использованные авторомъ взяты изъ отвѣтовъ на упомянутую уже программу. 67% собранныхъ имъ отвѣтовъ принадлежало именно рабочимъ и городскимъ ремесленникамъ и только 22% — крестьянамъ, живущимъ въ деревнѣ.

Это опредѣляетъ настроеніе большинства отвѣчавшихъ. Общее впечатлѣніе, это — растущее раздраженіе противъ тѣхъ, кто насильственно лишаетъ ихъ просвѣщенія — и такая же растущая рѣшимость добыть «самоукомъ» то, что у нихъ отнимаютъ. Мы видѣли до 70-хъ годовъ *равнодушіе* къ образованію, потомъ видѣли проснувшійся *интересъ;* теперь видимъ сознательную *потребность* въ просвѣщеніи, какъ орудіе въ борьбѣ за лучшее будущее. Безработные фабричные ходятъ по городамъ и деревнямъ и за грошовую плату читаютъ вслухъ собравшейся толпѣ: читаютъ и объясняютъ: «по-книжному и по-ученому», вкладывая въ комментарій свою накопившуюся злобу. Это — замѣна недостающей народу газеты, въ которой онъ уже чувствуетъ практическую нужду, ненаходящую удовлетворенія. Далѣе, масса хочетъ сама читать и, въ значительномъ большинствѣ все еще получаетъ грамотность *внѣ школы* — у своихъ учителей. Такъ въ Вяземскомъ уѣздѣ изъ 13½ тысячъ грамотныхъ научились грамотѣ въ школѣ только 46%. «Время теперь не такое», пишетъ Рубакину одинъ изъ такихъ импровизированныхъ учителей: «я сталъ учить товарищей, потому что не могъ вынести ихъ темноты. Темный человѣкъ съ руками и ногами отдаетъ себя на съѣденіе». Вотъ — новый тонъ для учителя доморощенной школы грамотности! Но онъ идетъ и дальше, этотъ учитель. Вотъ онъ на фабрикѣ или въ казармѣ разсказываетъ товарищамъ про то, что самъ знаетъ изъ политической экономіи или исторіи. Онъ имѣетъ свои списки «лучшихъ книгъ», — и такими иногда какъ разъ оказываются... списки книгъ запрещенныхъ; лучшая рекомендація! Въ школѣ вѣдь «о нужномъ часто молчатъ, а ненужнымъ намъ мозги заколачиваютъ». Да вѣдь и спрашивать нельзя: «за такіе вопросы и отвѣты — и учениковъ, и учителя не похвалятъ». «Настоящіе учителя» тѣ, которые «тайны» не скрываютъ, — это «тѣ самые, которыхъ ловятъ сыщики, арестуетъ начальство, ссылаютъ по указу Е. В.». И появляются тысячи «вольныхъ библіотекъ», особенно на фабрикахъ и заводахъ: «нелегальныя книги» играютъ въ нихъ не послѣднюю роль. Тамъ и Дрэперъ, и Дарвинъ, и «Русское Богатство» и «Русскія Вѣдомости», и «Новое Слово». Проф. Коркуновъ говоритъ: «цензурный запретъ служитъ вящей рекламой, обезпечивающей широкое распространеніе книги». Встрѣчаются среди этихъ новыхъ читателей и подписчики московскихъ «программъ домашняго чтенія». Изъ 1473 лицъ, вступившихъ въ переписку съ комиссіей и работавшихъ по ея программамъ въ 1895-99 г.г., 50% живутъ въ уѣздныхъ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ; 56% не кончило средней школы, 48% — женщины-учительницы. Разрѣшенныя книги праваго направленія снабжаются рукописными примѣчаніями или опровергающими ихъ га-

зетными вырѣзками, которыя иногда систематизируются, наклеиваются и составляютъ импровизированную книжку. Повѣрившій въ скрытую тайну читатель ищетъ правды между строкъ, научается понимать «эзоповскій языкъ» и, перескакивая черезъ цензурныя загородки, видитъ въ книгѣ не то, что написано, а то, что ему хочется въ ней видѣть. «Это о насъ, а не о звѣряхъ писано», говоритъ одинъ кочегаръ, прочитавъ въ книжкѣ о зоологіи, какъ пеструшки страдаютъ отъ голода и холода: «вродѣ, какъ въ басняхъ, гдѣ тоже дѣйствуютъ звѣри». Появляется, наконецъ, въ народѣ своя рукописная или домашнимъ способомъ литографированная газета, распространяются гектографированные листки, которымъ принуждена подражать полиція, чтобы распространять въ народѣ черносотенныя прокламаціи... Народъ уже не «проситъ», и не «ходатайствуетъ», а «просто-напросто *претъ,* выдвигая въ первые ряды свою собственную, фабрично-заводскую и деревенскую интеллигенцію». Докладъ Рубакина, изъ котораго мы заимствуемъ приведенныя данныя, кончался фразой: «русская революція наступила».

И вотъ, наконецъ, она приходитъ. Наступаетъ 1905 г., и сразу обнаруживаются плоды всего этого скрытаго движенія умовъ и страстей въ массахъ. Становится ясно, что задержка роста внѣшкольнаго просвѣщенія дѣйствительно шла не только снизу, отъ неподготовленности массоваго читателя, но и сверху, со стороны власти, вгонявшей это просвѣщеніе въ возможно узкіе каналы. Какъ только властью сняты временно и даже кратковременно-искусственые шлюзы, «книжный истокъ превращается въ настоящее книжное наводненіе», говоря словами того же библіографа-библіолога Н. А. Рубакина. Въ его очередной работѣ мы уже находимъ теперь, вмѣсто минорнаго тона «Этюдовъ», новый, повышенный и бодрый тонъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ 17-го октября 1905 г. Россія, по его наблюденіямъ, заняла по числу названій и экземпляровъ книги *первое мѣсто* на всемъ земномъ шарѣ. Тяжелая артиллерія толстой книги разбилась на цѣлую армію мелкихъ брошюрокъ: не менѣе 10-11 тысячъ названій въ 1905-7 годы, а считая въ среднемъ заводъ такой книжки въ 20.000 экземпляровъ, — до 200-220 милліоновъ, т. е. около 70 мил. въ годъ, а, причисляя сюда обычную, «обязательную» литературу (около 60 мил.) до 130-150 мил. книжныхъ выстрѣловъ. Заводъ въ 50.000 сталъ обыкновеннымъ, какъ и случай повторенія его до трехъ разъ въ годъ. Въ четыре мѣсяца подготовки къ выборамъ въ первую Думу (до апрѣля 1906 г.) возникло 93 новыхъ издательства — маленькихъ, ударныхъ, брошюрныхъ; но выросли и большія фирмы; всего зарегистрирована Рубакинымъ 351 фирма. Духовный и беллетристическій отдѣлы уступили первенство политическому и экономиче-

скому. Тотъ же авторъ насчитываетъ, кромѣ 50 мил. изданій общепрогрессивнаго направленія, — не менѣе 24 мил. литературы соціалистовъ-революціонеровъ, не менѣе 26 мил. соціалъ-демократической, не менѣе 8-10 мил. анархической литературы. Брошюра «Хватитъ ли на всѣхъ земли» разошлась въ 51 изданіи, не менѣе полумилліона экземпляровъ. На брошюру «Что нужно дѣлать крестьянамъ въ Гос. Думѣ» получено въ три дня 100.000 заказовъ.

За этимъ «книжнымъ приливомъ», правда, быстро наступилъ книжный отливъ. Съ конца 1906 г. начались конфискаціи книгъ. Списокъ книгъ, подлежащихъ аресту (1908) заключалъ 577 русскихъ названій, но конфискаціи производились безъ разбора. Эфемерныя издательства полопались, книжные магазины закрылись, читатель сталъ спрашивать детективные и порнографическіе романы. И, все же, годы послѣдовавшей за книжнымъ «наводненіемъ» реакціи не могли уже остановить роста книжной продукціи. Она развивается дальше, стихійно, — и останавливаютъ этотъ «приливъ» безъ отлива только годы войны. 1912 годъ оказывается кульминаціоннымъ пунктомъ. Съ 1913-14 цифры падаютъ, и паденіе ихъ особенно усиливается въ 1915-16 г.г. Приводимъ эти характерныя цифры:

	названія	экземпляры		названія	экземпляры
1908	23.852	75.868.320	1913	34.006	118.836.713
1909	26.638	101.466.908	1914	32.338	130.167.102
1910	29.057	109.990.500	1915	26.004	107.908.823
1911	32.361	127.799.440	1916	18.174	109.148.721
1912	34.630	133.561.886			

Распространеніе книги также значительно улучшается и усиливается въ эти послѣдніе годы предреволюціоннаго періода. Уже въ концѣ XIX в. мало по малу стало падать ремесло офеней и начали появляться земскіе книжные склады, съ которыми школьныя и сельскія библіотеки могли входить въ правильныя сношенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы видѣли, удешевляются изданія «хорошей книги», и опережаютъ лубочное производство, принужденное также считаться съ этимъ улучшеніемъ потребительскаго вкуса. Большую роль въ этомъ улучшеніи сыграли идейныя издательства, получившія теперь возможность опереться на новаго массоваго читателя. Мы уже говорили о новомъ направленіи, которое дано было книжной продукціи старымъ знатокомъ книжнаго рынка И. Д. Сытинымъ. Ф. Ѳ. Павленковъ, много пострадавшій за свою прогрессивную издательскую дѣятельность, имѣлъ возможность широко развернуть свое дѣло къ концу жизни († 1900). Къ началу 1878 г. по его возвращеніи изъ

ссылки числилось только 16 однотомныхъ его изданій на сумму 18 тыс. руб. Къ началу 1900 г. онъ довелъ число своихъ изданій до 255, въ 722 томахъ, стоимостью въ 804.628 р. Въ этомъ числѣ были и дешевыя библіотеки — біографическія, научно-популярныя, нашедшія широкій сбытъ въ массѣ. Надо упомянуть здѣсь и о просвѣтительной дѣятельности В. В. Битнера. Его журналъ «Вѣстникъ Знанія», предназначенный для средней интеллигенціи, провелъ въ новые круги читателей, которые онъ отчасти и создалъ, множество популярно-научныхъ свѣдѣній, какъ въ видѣ журнальныхъ статей, такъ и въ видѣ приложеній — переводныхъ произведеній лучшихъ авторовъ, особенно по естествознанію. «Новый Журналъ для Всѣхъ» В. С. Миролюбова собралъ также около себя довольно широкій кругъ читателей, интересы которыхъ шли гораздо дальше простой грамотности или любительства «почитать» книжкѣ на досугѣ. Оба упомянутые журнала сдѣлали интересныя попытки — выяснить кругъ своихъ читателей путемъ анкетъ. Первая изъ нихъ (1909) дала 624 отвѣта, вторая (1910) — 805. Обѣ анкеты выяснили слѣдующій составъ читателей подписчиковъ того и другого журнала:

	«Вѣстникъ Знанія»	«Н. Ж. для всѣхъ»
1. Учителя	159 (25%)	85 (10,6%)
2. Служащіе (госуд., обществ., технич. промышл. служба, письмов. и контор. занятія)	293 (47%)	368)46,0%)
3. Духовенство	20 (3%)	36 (4,5%)
4. Торговцы	22 (3,5%)	47 (5,9%)
5. Свобод. проф. (интел.).	19 (3%)	51 (6,3%)
6. Учащіеся	55 (9%)	?
7. Крестьяне (землед.)	31 (5%)	31 (3,8%)
8. Женщины	*	96 (11,9%)
9. Прочіе	25	29
	624	743

Кругъ читателей «В. З.» нѣсколько выше по культурнымъ запросамъ, чѣмъ «Н. Ж.». Въ ихъ средѣ безусловно преобладаютъ побужденія общественно - идейнаго характера при выборѣ чтенія Но и тамъ, и здѣсь беллетристика стоитъ на первомъ мѣстѣ (50% въ «В. З.»; 61,3% въ «Н. Ж.»). Далѣе идетъ спросъ на естествозна-

*) Показаны вмѣстѣ съ м. п.

ніе въ «В. З.», тогда какъ въ «Н. Ж.» впереди идетъ интересъ къ общественнымъ наукамъ, а затѣмъ уже слѣдуетъ естествознаніе. Надо прибавить, что при тогдашнемъ настроеніи читателя интересъ къ естествознанію отнюдь не имѣетъ прикладного характера, а связанъ съ тѣми же вопросами міровоззрѣнія, къ которымъ съ другой стороны сводятся и общественныя стремленія. Изъ первыхъ 17 авторовъ, которые въ анкетѣ «В. З.» получили больше 50 голосовъ, первые 8 чередуются въ любопытномъ порядкѣ:

Л. Толстой	(205)	Горькій	(93)
Дарвинъ	(152)	Гегель	(91)
Л. Андреевъ	(120)	Тургеневъ	(89)
Бельше	(106)	Бебель	(87)

А дальше идутъ опять три классика (Достоевскій, Чеховъ, Гоголь) и три популяризатора естествовѣдѣнія (самъ Битнеръ, Фламмаріонъ и Бюхнеръ). Марксъ стоитъ на предпослѣднемъ мѣстѣ. Декадентская литература 90-хъ годовъ вовсе не привлекаетъ вниманіе этого читателя. Онъ слѣдуетъ въ своемъ выборѣ, какъ видимъ, традиціи стараго реализма въ творчествѣ и въ наукѣ. Ту же традицію онъ поддерживаетъ и въ общественныхъ вопросахъ. Большинство читателей «В. З.» думаетъ о «стойкой борьбѣ», хочетъ «быть гражданиномъ», «бороться съ невѣжествомъ низшихъ классовъ» и т. д. И Н. А. Рубакинъ, разработавшій анкету «Н. Ж.», отмѣчаетъ «бодрое» настроеніе большинства ея трудовыхъ читателей, въ противоположность минорнымъ настроеніямъ небольшой верховой прослойки. Волостной писарь пишетъ: «не выношу современнаго нытья». «Мы», восклицаетъ другой читатель изъ низовъ, «ни для кого въ угоду жить собачьей жизнью не желаемъ». Третій зоветъ къ «поднятію народнаго духа, къ самозащитѣ», хотя и оговаривается осторожно: «чтобы широко размахнуться, пока нужно терпѣть». Лучшая жизнь «не можетъ не придти», увѣренъ четвертый. «Солнце взойдетъ, больше бодрости», призываетъ крестьянинъ Уфимской губ. Вѣстовой изъ Саратова требуетъ «больше жизнерадостности» и «болѣе бодрой беллетристики». Еще одному волостному писарю больше нравятся съ журналѣ произведенія, «изображающія борьбу, борьбу и еще борьбу». Словомъ, читательскіе вкусы публики, которую принято называть полуинтеллигентной, эволюціонируютъ въ томъ же направленіи, въ какомъ, какъ мы знаемъ, мѣняется и тонъ литературы начала XX вѣка (см. выше, стр. 367, 369, 377-8).

Относительно распространенія грамотности въ дореволюціонной Россіи, свѣдѣнія наши весьма неполны и относятся къ сравнительно

позднему времени. Наиболѣе раннія изъ нихъ основаны на числѣ неграмотныхъ новобранцевъ, призываемыхъ по закону о всеобщей воинской повинности. Но эти цифры касаются только одного мужского населенія — и притомъ призывного возраста, въ которомъ обыкновенно число грамотныхъ наивысшее. Позднѣе, къ даннымъ переписей присоединяются данныя земскихъ статистическихъ изслѣдованій, охватывающія уже *все* населеніе. Но они не даютъ общей картины по всей Россіи. Эту послѣднюю картину мы можемъ лишь получить по даннымъ всероссійской переписи 1897 года.

Однако, и по даннымъ о новобранцахъ можно слѣдить за постепеннымъ ростомъ грамотности и за той ролью, которую сыграла при этомъ земская школа. Въ промежуткѣ между 1874-мъ и 1896 г. число грамотныхъ новобранцевъ увеличилось отъ 21,3% до 40,2%. Выдѣляя земскія губерніи, мы замѣчаемъ, что, тогда какъ въ этихъ губерніяхъ въ десятилѣтіе 1876-86 г. процентъ неграмотныхъ сократился на 9,5%, по всей странѣ онъ сократился только на 6,9%. Во второе десятилѣтіе 1886-96 въ земскихъ губерніяхъ этотъ процентъ уменьшился на 14,5%, а по всей странѣ — на 12,4%. Конечно, помимо школы, тутъ вліяли и другія условія, отчасти указанныя выше. Въ промышленныхъ губерніяхъ съ развитыми отхожими заработками процентъ грамотныхъ выше, въ чисто-земледѣльческихъ — ниже. Не русское населеніе на западѣ Россіи выше русскаго по грамотности, на всемъ юго-востокѣ — значительно ниже. Интересно также отмѣтить спеціально ростъ группы, получившей законченное школьное образованіе, дававшее право на сокращенные сроки военной службы. По всей Россіи такихъ новобранцевъ оказалось въ 1876 г. — 1,3% общаго числа, въ 1886 г. — 4,9%, въ 1896 г. 9,3%. А въ земскихъ губерніяхъ эти цифры, начавшись съ тѣхъ же 1,3% въ 1876 г., въ концѣ второго десятилѣтія (1886) составили 6,3%, а въ концѣ третьяго (1896) уже 12,4% процента: т. е. численность получившихъ право на льготу прогрессивно росла въ части Россіи съ земскимъ школьнымъ образованіемъ.

По земскимъ статистическимъ изслѣдованіяхъ 80-хъ г.г., охватившимъ 20 губерній (114 уѣздовъ съ населеніемъ въ 17 милліоновъ), грамотность крестьянскаго мужского населенія, конечно, оказалась несравненно ниже грамотности призывного возраста. Она равнялась лишь 14,8% вмѣсто 22-30% грамотности новобранцевъ 1880-1889 г.г., т. е. 85,2% крестьянъ были неграмотны. Максимумъ грамотности показало лишь крестьянское населеніе двухъ столичныхъ губерній (Петербургская 27,4%, Московская 31,9%). Еще ниже — менѣе, чѣмъ въ пять разъ — была цифра женской грамотности; всего 2,7%, причемъ въ 12 губерніяхъ эта разница увеличи-

валась до 10-20 разъ. Земскія изслѣдованія доказали также безусловную зависимость грамотности отъ степени благосостоянія различныхъ крестьянскихъ группъ. Изученіе вопроса въ двухъ уѣздахъ Моск. губ. И. П. Боголѣповымъ (1893 г.) показало, что неграмотность дѣтей школьнаго возраста въ 52% случаевъ объясняется бѣдностью и стѣсненностью «семейныхъ обстоятельствъ». Лишь въ 2,8% случаевъ относительно мальчиковъ и въ 15,5% относительно дѣвочекъ (а всего въ 12,6%) нехожденіе дѣтей въ школу объяснялось отрицательнымъ или равнодушнымъ отношеніемъ крестьянъ къ школѣ («у насъ моды нѣтъ», или «у насъ не принято учиться): такъ измѣнилось то враждебное или недовѣрчивое отношеніе, которое намъ пришлось отмѣтить въ 60-хъ годахъ.

Дальнѣйшія данныя конца XIX в. и начала XX в. показываютъ значительное улучшеніе грамотности *всего* населенія. Въ 1894 г. въ Россіи считалось 70,8% неграмотныхъ; въ 1911 г. уже только 61,7%. Перепись 1897 г. установила цифру грамотности всего населенія въ 21,1%, въ томъ числѣ мужского пола 29,3%, женскаго пола 13,1%, съ обычными колебаніями по губерніямъ. Въ трехъ прибалтійскихъ губ. грамотность поднималась до 71-80%, въ столичныхъ губ. — Петербургской 55%, Московской — 40%. Въ центральныхъ она колебалась между 20-27%, въ приволжскихъ — между 20-24% (о распредѣленіи по возрастамъ ср. стр. 946).

Таково было положеніе народнаго образованія къ началу революціи 1917. За короткій «февральскій» періодъ революціи это положеніе успѣло значительно измѣниться. Какъ въ 1905 г., тутъ хлынулъ сдерживавшійся сверху напоръ новыхъ требованій жизни, преломившихся сквозь призму народныхъ педагогическихъ идей, въ значительной степени окрашенныхъ на этотъ разъ политическими тенденціями. Разница съ 1905 г. была та, что эти требованія предстали передъ растерявшейся властью въ болѣе обработанномъ, систематизированномъ видѣ, и были поддержаны гораздо лучше организовавшимся корпусомъ учителей народной, а за нимъ и средней школы.

Собственно, эта борьба съ правительственной школьной политикой ведется на всемъ протяженіи между двумя революціями 1905 и 1917 г.г. при посредствѣ цѣлаго ряда всероссійскихъ съѣздовъ, съ трудомъ разрѣшавшихся правительствомъ и съ еще большимъ трудомъ удерживавшихся въ предѣлахъ «благонамѣренности». Такихъ съѣздовъ, связанныхъ съ вопросами педагогики и народнаго образованія можно насчитать за 1908-13 г. цѣлыхъ двѣнадцать. Наиболѣе значительными между ними были общеземскій съѣздъ по народному образованію 1911 года, всероссійскій съѣздъ по сельскому воспи-

танію (святки 1912-1913 г.г.), собравшій 1253 члена, и самый радикальный изъ всѣхъ первый всероссійскій съѣздъ по вопросамъ народнаго образованія (святки 1913 - 14) на которомъ участвовало 6.507 членовъ, почти сплошь народные учителя. Борьба между умѣренной и радикальной частью педагоговъ происходила уже на земскомъ съѣздѣ 1911 г., исключившемъ изъ своей резолюціи всѣ политическіе элементы и все-таки подведшемъ итогъ полувѣковой работы земской школы. Съѣздъ высказался за всеобщее образовательное обученіе и за общеобразовательный характеръ школы, противъ профессіонализма, за наглядность преподаванія и за сближеніе его съ жизнью, за упрощеніе программъ и за сообразованіе ихъ съ мѣстными условіями; за сокращеніе преподаванія грамматики и за упрощеніе правописанія; за допущеніе въ начальный періодъ родного языка учащихся, при сохраненіи, однако, обученія русскому языку съ самаго начала; за принятіе ряда мѣръ физическаго воспитанія и образованія; наконецъ, за повышеніе образовательнаго ценза и улучшеніе матеріальнаго положенія учителей. Съѣздъ обратилъ также вниманіе на внѣшкольное образованіе и указалъ на рядъ мѣръ для его дальнѣйшаго развитія. При всей умѣренности этихъ рѣшеній, они все же проводили взгляды прогрессивной русской педагогіи.

Съѣздъ по семейному воспитанію пошелъ дальше и уже заговорилъ о «коренной реорганизаціи всѣхъ условій нашей жизни на самыхъ широкихъ демократическихъ началъ». Онъ потребовалъ и «коренной реформы школы на началахъ полной автономіи», подчеркнулъ требованія о преподаваніи на родномъ языкѣ учащихся, о реформѣ правописанія, о введеніи совмѣстнаго обученія; онъ, однако, отказался выдвинуть общественное воспитаніе за счетъ семейнаго и обошелъ молчаніемъ щекотливый вопросъ о религіи въ школѣ. Наконецъ, съѣздъ народныхъ учителей, начавшійся молебствіемъ и всеподданнѣйшей телеграммой, развернулъ радикальную программу школьной реформы до конца. Онъ потребовалъ передачи дѣла начальнаго образованія органамъ земскаго и городского самоуправленія, преобразованнымъ на демократическихъ началахъ, уничтоженія училищныхъ совѣтовъ, протестовалъ противъ безправія учителей и рекомендовалъ имъ объединиться для защиты своихъ правъ въ профессіональный союзъ, рѣзко выдвинулъ вопросъ о «свѣтской школѣ», осудилъ обрусительную политику въ «инородческой» школѣ и «антисемитскія проявленія въ школѣ», потребовалъ отмѣны всѣхъ ограниченій, сословныхъ и національныхъ, и осуществленія правъ народныхъ меньшинствъ на школу, внесъ новое требованіе о «широкомъ примѣненіи трудового начала въ дѣлѣ воспитанія и обученія» и объ организаціи преподаванія «на принципѣ свободной

дисциплины и самостоятельности дѣтей». Нечего и говорить, что этотъ съѣздъ поддерживалъ прогрессивныя требованія предыдущихъ съѣздовъ.

Съ такой подготовкой дѣятели народнаго образованія перешли въ восьмимѣсячный періодъ февральской революціи 1917 г., открывшей для нихъ возможность осуществленія самыхъ радикальныхъ ихъ положеній, въ духѣ тогдашняго «двоевластія». Представители ряда общественныхъ организацій, какъ-то совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, совѣта крестьянскихъ депутатовъ, всероссійскаго учительскаго союза, кооперативныхъ, профессіональныхъ и національныхъ организацій, земскаго и городского союза и т. д. собрались по почину учительскаго союза въ апрѣлѣ на съѣздъ, признавшій дѣятельность министерства февральской революціи неудовлетворительной. Они организовали «явочнымъ порядкомъ» «Государственный комитетъ по народному образованію». Вопросъ объ утвержденіи этого комитета правительствомъ такъ и остался нерѣшеннымъ до самаго октября; одинъ изъ его членовъ, Елесовъ, заявлялъ въ октябрѣ, что комитетъ «живетъ, такъ сказать, на нелегальномъ положеніи». Министръ Мануиловъ принужденъ былъ стать по отношенію къ рѣшеніямъ этого «совѣщательнаго» комитета въ оборонительное положеніе, и комитетъ выразилъ ему недовѣріе. Съ слѣдующимъ министромъ С. Ф. Ольденбургомъ комитетъ работалъ «въ контактѣ». Связанный съ этихъ поръ съ временнымъ правительствомъ извѣстной солидарностью, учительскій совѣтъ сталъ въ оппозицію къ захватившимъ власть большевикамъ и съ декабря 1917 по мартъ 1918 г. велъ противъ нихъ политическую забастовку. Только въ серединѣ марта 1289 учителей изъ 1305 опрошенныхъ высказались за ликвидацію забастовки. 24 декабря 1918 г. учительскій союзъ былъ закрытъ (о дальнѣйшемъ см. стр. 882-885).

Естественно, что, несмотря на борьбу «Государственнаго комитета» съ министерствомъ, большевики оцѣнили его позицію, какъ «соглашательскую» — и объяснили ее «мелкобуржуазной народнической идеологіей большинства его состава (с. р. и народные соціалисты). «Соглашательствомъ» они объяснили и «половинчатость» проектовъ «Государственнаго комитета». При признаніи права каждой національности на культурное самоопредѣленіе, проектъ комитета допускалъ преподаваніе на родномъ языкѣ только для младшихъ группъ начальной школы. Признавая принципъ свѣтской школы, комитетъ не хотѣлъ, однако, изгонять изъ школы Законъ Божій, вводилъ содержаніе законоучителей въ штатъ учебныхъ заведеній, предоставилъ право открывать школы профессіональнымъ организаціямъ. Хотя представители учащихся допускались къ участію въ

педагогическихъ совѣтахъ, но самъ педагогическій совѣтъ опредѣлялъ «кругъ вопросовъ, разбирающихся въ присутствіи учащихся». Провозглашая начало совмѣстнаго воспитанія, комитетъ сохранялъ мужскія и женскія учебныя заведенія. Естественно, что къ дѣятельности министра народнаго просвѣщенія лѣвые относились еще болѣе отрицательно. Надо признать, что дѣйствительно, въ чаду событій этихъ восьми мѣсяцевъ, министерство не успѣло почти ничего сдѣлать для реформы школы. Его вниманіе было больше обращено на высшую и среднюю школу, чѣмъ на начальную. Это выразилось въ открытіи ряда новыхъ учебныхъ заведеній, въ улучшеніи матеріальнаго положенія профессоровъ и учителей, въ смѣнѣ лицъ. Но общая система управленія, съ попечителями, директорами, инспекторами училищъ формально оставалась прежняя, хотя фактически она переставала дѣйствовать. Передача церковно-приходскихъ школъ министерству просвѣщенія натолкнулась на сопротивленіе на мѣстахъ. Несомнѣнный успѣхъ имѣло только введеніе новаго упрощеннаго правописанія. Вообще же говоря, при общемъ распадѣ второй половины 1917 г. и въ области школы царило полнѣйшее самоуправство на мѣстахъ и, какъ слѣдствіе созданныхъ войной разрушеній, далеко пошелъ матеріальный упадокъ школы. Уже передъ самымъ октябрьскимъ переворотомъ (статья напечатана въ ноябрьскомъ номерѣ «Учителя» земскій дѣятель по народному образованію П. Н Казанцевъ писалъ о февральскомъ періодѣ въ жизни школы: «вотъ уже восемь мѣсяцевъ, какъ мечемся, какъ угорѣлые изъ стороны въ сторону, а возъ ни съ мѣста... Мнѣ, работнику народнаго образованія, хочется теперь кричать, плакать, биться головой объ стѣнку, ибо я чувствую грядущее одичаніе страны, которое страшнѣе нѣмца. Нѣтъ учебниковъ, нѣтъ учебныхъ принадлежностей, нѣтъ книгъ; классики — единственное наше культурное наслѣдство, исчезли съ рынка; школы втеченіе трехъ слишкомъ лѣтъ занимаются лазаретами и военнымъ постоемъ; учителя — частью сидятъ въ окопахъ, частью обезумѣли отъ голода; дѣтишки втеченіе войны успѣли окончательно исхулиганиться; въ будущемъ году... кажется, уже окончательно закроютъ школы и всѣ другія правительственныя учрежденія... Вотъ что стоитъ передъ нами, вотъ что ждетъ нашу несчастную страну». Съ такимъ діагнозомъ и прогнозомъ мы вступаемъ въ періодъ совѣтской школы.

Общій обзоръ, болѣе подробный, начиная съ XIX в. см. у проф. Е. Н. Медынскаго. Исторія педагогики въ связи съ экономическимъ развитіемъ общества, т. III, русская педагогика, Раб. просв. 1929. Марксисткая точка зрѣнія легко отдѣлима отъ фактическаго изложенія, основаннаго на Демковѣ, «Очеркахъ» и новой литературѣ, подробно указанной.

Общій очеркъ исторіи высшей школы см. въ статьяхъ **В. С. Иконникова:** «Русскіе университеты въ связи съ ходомъ общественнаго образованія», «Вѣстникъ Европы», №№ 9—11. Пересказъ университетскихъ уставовъ 1804, 1835, 1863 и 1884 г.г. и другихъ правительственныхъ мѣръ см. въ компилятивномъ очеркѣ **П. Ферлюдина.** «Историческій обзоръ мѣръ по высшему образованію въ Россіи», вып. I. Академія Наукъ и университеты. Саратовъ, 1894. (Подлинные тексты въ первомъ и второмъ «Полномъ собраніи законовъ» и «Сборникѣ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія»). См. также статью «Университеты» въ Энциклопед. Словарѣ Брокгауза и Эфрона. Общій очеркъ исторіи средней школы см. въ книгѣ **Е. Шмида,** «Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи», пер. съ нѣм. А. Ѳ. Нейлисова съ дополненіями по указанію автора, Спб., 1876 (печаталось въ приложеніи къ Журн. Мин. Нар. Просв. и отдѣльно); также указанная выше книга **Воронова** и ея вторая часть: «Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа съ 1829 по 1853 годъ». Спб. 1854. См. также архивную работу **И. Алешинцева,** Исторія гимназическаго образованія въ Россіи (XVIII и XIX вѣкъ) Спб. 1912. Для исторіи отдѣльныхъ реформъ см. **М. И. Сухомлинова,** «Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе имп. Александра I въ «Изслѣдованіяхъ и статьяхъ», т. I, Спб. 1889. **Н. Булича** «Изъ первыхъ лѣтъ казанскаго университета» (1805—1819). Разсказы по архивнымъ документамъ, отдѣльно въ двухъ частяхъ, Казань, 1887 и 1891 г.г. и въ «Ученыхъ запискахъ казанскаго унив.», за 1875, 1880, 1886, 1890—1891 годы, **Д. И. Багалѣя.** «Опытъ исторіи харьковскаго университета» (по неизданнымъ матеріаламъ. Т. I, (1802—1815 г.), вып. 1 и 2. Харьковъ 1894, 1896. **В. В. Григорьева,** «Императорскій с.-петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія», историческая записка, составленная по порученію совѣта университета, Спб., 1870, и вызванная этимъ сочиненіемъ статья **В. Д. Спасовича** «Пятидесятилѣтіе с.-петербургскаго университета» въ сборникѣ «За много лѣтъ» и въ Собраніи сочиненій. **Владимірскаго-Буданова.** «Исторія Императорскаго университета св. Владиміра», 1884. *A. Krusenstern,* «Précis du système, des progrès et de l'état de l,Instructiin publique en Russie, d'après des documents officiels. Varsovie», 1837. «Десятилѣтіе министерства народнаго просвѣщенія 1833—1843», записка, представленная Государю гр. Уваровымъ, Спб. 1864. Обсужденіе реформы 1863—1864 г.г. см. въ оффиціальныхъ изданіяхъ: «Замѣчанія на проектъ общаго устава Имп. россійскихъ университетовъ», 2 части, Спб., 1862 и Дополненіе къ замѣчаніямъ etc: Университетскій вопросъ **Н. И. Пирогова.** Спб. 1863. Журналы засѣданій ученаго комитета главнаго правленія училищъ по проекту общаго устава Имп. росс. университетовъ, Спб. 1862 (со «сводами замѣчаній»). Своды замѣчаній на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заве-

деній по устройству гимназій и прогимназій, Спб., 1863, и Журналы ученаго комитета по разсмотрѣнію этого проекта, Спб. 1863, наконецъ, «Замѣчанія иностранныхъ педагоговъ на проекты уставовъ» (университета и гимназій), Спб. 1863. *C. Woldemar*, «Zur Geschichte und Statistik der Gelehrten-und Schulanstalten des K. russ. Min. d. Volkaufklaerung, nach officiellen Quellen. bearbeitet. St. Petersburg. 18»5. Оффиціозное изложеніе послѣдней универ. реформы см. въ книгѣ «Die Reform der russischen Universitaeten nach dem Gesetz von 23 August 1884. Leipzig. 1886. Полемика по поводу реформы устава 1863 г. указана въ статьѣ «Трилогія на трилогію, историческій очеркъ изъ современной жизни русскаго университета» въ «Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей», 1873, I. См. также статьи **В. И. Герье** въ «Вѣстникѣ Европы», 1873, № 4, 1876, №№ 2, 10, 11 и статьи **Н. А. Любимова**, собранныя въ т. I его сборника: «Мой вкладъ», М. 1881. Рѣчи графа Толстого по гимназическому вопросу см. въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1867, № 10; 1875, №№ 10, 11 и 12. Таблица окончившихъ курсъ классической гимназіи перепечатана въ «Русскомъ Календарѣ» Суворина за 1902 годъ. Статистическая таблица составлена по Военно-статистическому сборнику, вып. IV, Россія. Спб., 1871; цитиров. книгѣ *Waldemar'a;* «Статистикѣ производительныхъ силъ Россіи» **Карачунскаго,** Берлинъ, 1878; статьѣ о народномъ образованіи въ изданіи министерства финансовъ: «Производительныя силы Россіи», Спб. 1896; Матеріаламъ для исторіи и статистики нашихъ гимназій въ «Журналѣ Мин. Народнаго Просв.» CXXI. Таблица развитія приходской школы до 1836 г. составлена по **Крузенштерну.** О приходскихъ школахъ по уставамъ 1804 и 1828 г. и о школахъ мин. госуд. имуществъ и удѣловъ см. **Воронова** цит. соч. **Семевскій,** Грамотность въ деревн. госуд. кр. Псковской губ. и **Петровъ,** Очерки по исторіи грамотности въ Россіи, «Новое Слово», октябрь-ноябрь, 1896. Обсужденіе устава 1864 г. см. въ Журналахъ засѣданій ученаго комитета гл. пр. уч. etc., отдѣлъ «объ устройствѣ народныхъ училищъ». Спб., 1863. Статистическія данныя о школахъ земскаго періода взяты изъ военно-статистическаго сборника 1871 г., Статистическихъ свѣдѣній по начальному образованію въ Россійской Имперіи, вып. II, данныя 1898 г. Спб. 1900; Всеподданнѣйшаго отчета оберъ-прокурора Синода за 1898 г. Спб. 1901; «Начальнаго русскаго образованія въ Россіи», изд. Вольно-экономич. общества подъ ред. членовъ бывшаго комитета грамотности **Г. Фальборка** и **В. Чарнолусскаго; ихъ же** очерка «Народное образованіе въ Россіи», въ приложеніи къ соч. **Левассера** (Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ), Спб., 1899 г. и отдѣльно, изданіе «Знанія». Ср. критическую статью **Ѳ. Ольденбурга:** Замѣтки по статистикѣ начальнаго образованія въ Россіи, въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» 1901, № 3. Обсужденіе проекта обязательнаго обученія въ 1874 г. см. въ оффиціальныхъ брошюрахъ: «О введеніи обязательнаго обученія

по ходатайствамъ нѣкоторыхъ земскихъ собраній» и «Выписка изъ журнала соединеннаго засѣданія основного и особаго отдѣловъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія 25-го и 26-го ноября 1874 г. (№ 474)». Ср. также **Н. Карышевъ,** «Земскія ходатайства», Москва, 1900 г. О школахъ грамоты въ 80-хъ годахъ см. въ книгѣ **А. С. Пругавина,** «Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія». Изд. 2-е, Спб. 1895 и у **С. А. Ан—скаго,** «Очерки народной литературы», Спб. 1894. Тамъ же и о литературѣ для народа. О воскресныхъ школахъ см. **В. П. Вахтерова,** «Внѣшкольное образованіе народа», М. 1891. Общій очеркъ внѣшкольнаго образованія въ XIX и началѣ XX в. см. у **Е. Н. Медынскаго,** Внѣшкольное образованіе, 2-е изд. переработ. М. 1916. Работа **А. В. Дубровскаго** издана въ «Статистическомъ временникѣ русской имперіи», серія III, вып. I; «Сельскія училища въ Европ. Россіи и привислянскихъ губерніяхъ», Спб. 1894. Новый разсчетъ относительно всеобщаго обученія впервые былъ сдѣланъ въ «Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній по Москов. губ. Т. IX. Народное образованіе». Глава III. Затѣмъ послѣдовалъ рефератъ **И. П. Боголѣпова.** (автора предъидущаго разсчета) на съѣздѣ земскихъ статистиковъ въ Москвѣ, въ 1886 году, и (его же) статья въ «Русск. Вѣдомостяхъ» 1887 г. (№ 219). **Его же:** Грамотность среди дѣтей школьнаго возраста въ Моск. губ. М. 1894. См. также статью **Я. В. Абрамова** «Земство и народное образованіе», «Русск. Мысль», 1889, III. Рефератъ **В. П. Вахтерова** въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, а также его дальнѣйшая полемика по вопросу, собраны имъ въ книгѣ. Всеобщее образованіе въ Россіи, М. 1908. Проектъ Лиги изложенъ съ комментаріями въ книгѣ Г. А. Фальборка, Всеобщее образованіе въ Россіи, М. 1908. Примѣры изъ времени перехода школъ въ вѣдѣніе земства взяты изъ изслѣдованія **А. Д. Повалишина,** «Рязанское земство въ его прошломъ и настоящемъ», Рязань, 1889. О русской книгѣ: Русская книга отъ начала письменности до 1800 г., подъ ред. **В. А. Адарюкова** и **А. А. Сидорова,** Госизд. 1924-25. **М. И. Куфаевъ.** Исторія русской книги въ XIX вѣкѣ, Лен. 1927. О первыхъ опытахъ изученія читателя и составленія программъ для народнаго чтенія см. статью **И. М. Гревса** о «братствѣ» кружка Ѳ. Ѳ. Ольденбурга въ «Быломъ», № 16, 1921 и статью **А. А. Корнилова въ** «Р. Мысли», 1916, VIII («о юности Ѳ. Ѳ. Ольденбурга»). Исторію СПБ Комитета Грамотности (1861-95) состав. **Д. Д. Протопоповъ.** Статья о «Комитетѣ Грамотности» въ Энцикл. Словарѣ Брокгауза и Эфрона, 30-й полутомъ. Брошюры и книги **Д. И. Шаховского, А. С. Пругавина** и **Н. А. Рубакина** названы въ текстѣ. Результаты изученія читателя см. въ книгахъ **Рубакина,** Этюды о русской читающей публикѣ, СПБ. 1893 и **С. Анскаго,** Очерки народной литературы, СПБ. 1894; **его же,** Народъ и книга, 1914. Докладъ **Рубакина** на съѣздѣ 1904 напечатанъ въ сборникѣ его статей: Чистая публика и интеллигенція изъ народа, СПБ.,

1906. Объ оживленіи книжнаго рынка въ предреволюціонные годы см. **Рубакина** «Книжный потокъ» (факты и цифры изъ исторіи книжнаго дѣла въ Россіи за послѣдніе 15 лѣтъ) въ «Р. Мысли», 1903, III, XII; 1904, IV. **Его же** «Книжный приливъ и книжный отливъ» въ «Совр. Мірѣ», 1909, XII. О распространеніи книги въ деревнѣ: **А. А. Николаевъ.** Книга въ современной русской деревнѣ, въ «Вѣстникѣ Знанія», 1904, № 8. Статистич. Ежегодникъ Полтав. губ. земства на 1903 г. («Домашнія библіотеки сельскаго населенія»). **Вороновъ.** Матеріалы по народному образованію Воронежской губерніи. Данныя анкеты «Вѣстника Знанія», разработаны **А. А. Николаевымъ:** Хлѣба и Свѣта, безпл. прил. къ № 71, 1910 г. Анкета «Новаго Журнала для Всѣхъ» разработана **Н. А. Рубакинымъ** въ октябрьской и ноябрьской книжкахъ этого журнала за 1911 г. Характеристику дѣятельности Павленкова, составленную Рубакинымъ, см. въ дополнит. выпускѣ къ «Сочиненіямъ Д. И. Писарева». О просвѣтительной работѣ «Вѣстника Знанія» см. «Десять лѣтъ культурной работы журнала «В. З.», 1903-1913, СПБ., 1913 (юбилейное изданіе). О грамотности въ дореволюціонной Россіи см. статьи **Н. А. Рубакина.** Грамотность въ 1-мъ и во 2-мъ изданіяхъ Энциклопедическаго словаря Эфрона. **И. П. Боголѣповъ.** Грамотность среди дѣтей школьнаго возраста въ Моск. губ. М. 1894. Исторія школы въ февральскую революцію 1917 изложена по архивнымъ матеріаламъ въ неизданной работѣ **А. Г. Вигдорова,** см. изложеніе въ т. III Исторіи педагогики **Е. Медынскаго.** См. также статьи, помѣщенныя въ The Russian series of the Great War, publ. by Yale univ. for the Carnegie Endowment for International Peace: *D. Odinetz* и *P. Novgorotsev*, Russian Schools and Universities in the World War. 1929.

V.

ШКОЛА НА СЛУЖБѢ ПОЛИТИКИ ВЪ СССР.

Цѣль народнаго образованія по Ленину. — Новая школа. — Иностранные источники марксистской педагогики. — Споры о педагогическомъ правовѣріи, какъ результатъ необходимости компромисса съ «средой». — Партія опредѣляетъ задачи «трудовой» школы и «политихническаго» образованія. — «Опытно-показательная» школа и трудность перехода къ массовой. — Отношеніе учителей къ совѣтской власти. — «Великій поворотъ». — Разрушеніе старой школы. — Первоначальные планы Луначарскаго и неудачи. — Построеніе «единой» школы и разрывъ ея на части. — Борьба съ «профессіонализмомъ» и капитуляція. — Судьба «девятилѣтки». — «Комплексные методы» въ программахъ ГУС'а 1923 г. и въ практическомъ примѣненіи. — Опять «среда». — Растерянность учителя и недовольство массы. — Неудачи «комплексовъ». — «Общественно-полезный» трудъ въ школѣ. — «Дѣтскіе коллективы» и «піонеры». — Насколько дѣти поддаются обработкѣ коммунистовъ? — Уступки ГУС'а въ 1927 г. — Переломъ въ отношеніи населенія къ школѣ. — Ростъ школьнаго бюджета и количества школъ. — Переходъ къ всеобщему обученію. — Его трудности. — Профессіональная школа: новые типы ея. — ФЗУ, профшколы и «рабфаки». — Пятилѣтка и проблема кадровъ. — Рѣшенія ноябрьскаго пленума 1929 г. — Недовѣріе власти къ средней школѣ и попытки остановить «перепроизводство». — Ея составъ. — Боевая политика по отношенію къ высшей школѣ и ея профессіонализація. — Новая постановка образованія въ связи съ пятилѣткой. — Возвращеніе къ «политехнизму» въ ФЗС. и въ школѣ II ступени. — Боевые темпы 1930 года. — Съѣздъ по политехническому образованію. — «Политически-просвѣтительная» дѣятельность внѣ школы.

На первомъ съѣздѣ работниковъ просвѣщенія Ленинъ употребилъ энергичную фразу: «побѣду революціи можетъ закрѣпить только школа». Сидѣвшій возлѣ него, оффиціальный руководитель Наркомпроса, Луначарскій, замѣтилъ ему на это: «ужъ очень вы крѣпко насчетъ школы сказали». Ленинъ пояснилъ: «я хотѣлъ этимъ ска-

зать, что воспитаніемъ будущихъ поколѣній закрѣпляется все, что завоевано революціей».

«Воспитаніе будущихъ поколѣній» есть, конечно, понятіе болѣе широкое, чѣмъ работа учителя въ школѣ. И мы увидимъ, какъ марксистская педагогика замѣнила идею «народнаго образованія» идеей «соціальнаго воспитанія». Но и при такой расширенной постановкѣ, первая роль все же принадлежала народному учителю. И очень часто приводилась другая фраза Ленина: «учитель въ соціалистическомъ государствѣ долженъ стоять на такой высотѣ, на которой онъ никогда не стоялъ въ буржуазномъ государствѣ». Школьное образованіе и «соціальное воспитаніе» — эти два понятія совѣтскимъ педагогамъ никогда не удавалось привести въ полное согласіе. Какъ видно будетъ дальше, конфликтъ между ними неизбѣжно вытекалъ изъ сопротивленія «среды». Но, въ идеѣ, то и другое должно было служить одной цѣли, намѣченной Ленинымъ: созданію новаго поколѣнія людей, отъ дѣятельности которыхъ зависѣла степень быстроты превращенія Россіи въ соціалистическое государство и болѣе или менѣе скорое окончаніе «переходной эпохи».

Естественно, что эта задача была существенно различна отъ той, которую преслѣдовали даже самые радикальные педагоги предшествовавшаго періода, находившіеся, какъ мы знаемъ, въ непрерывномъ конфликтѣ съ правительствомъ стараго режима и съ его попытками опереться на духовное вѣдомство. Тѣ прежніе руководители школы, работавшіе въ союзѣ съ земствомъ, какъ его «третій элементъ», конечно, тоже стремились создать новую школу, построенную на началахъ выработанныхъ современной европейской педагогіей. Но ихъ взгляды опирались также и на традицію прогрессивной русской педагогической школы. Согласно этимъ взглядамъ, школа должна была быть построена на идеѣ общаго и одинаковаго преподаванія для всѣхъ, на развитіи самостоятельности личности и ея природныхъ задатковъ, на новомъ пониманіи школьной дисциплины, на примѣненіи новыхъ методовъ преподаванія, цѣль которыхъ — учить дѣтей не словамъ, а вещамъ,—и тѣмъ будить въ нихъ съ самаго начала самодѣятельность мысли и воли,—наконецъ, на упрощеніи формальной стороны обученія элементарнымъ навыкамъ чтенія, письма и счета. Многое изъ этихъ взглядовъ и привычекъ преподаванія перешло и къ учителямъ совѣтскаго періода. Но, по мѣрѣ того, какъ школьному преподаванію ставилась внѣшняя ему, политическая цѣль, всѣ эти идеи получили лишь служебное значеніе для достиженія главной задачи. И новѣйшимъ педагогамъ большевикамъ пришлось подводить передовыя ученія міровой педагогіи къ извнѣ поставленнымъ задачамъ. Они искали — и нашли — новые авторитеты, дававшіе имъ

основаніе оторвать новую педагогику отъ старой русской традиціи. Но главнѣйшіе изъ этихъ авторитетовъ, — авторитеты обязательные, — это были, все же, Марксъ, Энгельсъ и Ленинъ, — хотя ни тотъ, ни другой, ни третій, не занимались спеціально школьными вопросами. Все равно, — именно изъ ихъ попутныхъ и бѣглыхъ высказываній надо было извлечь начала, способныя превратить новѣйшую европейскую педагогику — въ марксистскую.

«Чѣмъ же питалась теоретическая мысль русскаго педагога», — спрашиваетъ А. И. Пинкевичъ, одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ теоретиковъ-марксистовъ, — и отвѣчаетъ: «педагогическими трудами иностранныхъ авторовъ». У кантіанца Наторпа они взяли одну изъ главныхъ основъ марксистской педагогики, — понятіе «*соціальнаго воспитанія*», разсматривая, какъ «обусловливаемаго жизнью общности и въ свою очередь обусловливающаго ея формы». «Человѣкъ становится человѣкомъ только благодаря человѣческой общности», — эта соціологическая истина, въ формулѣ Наторпа, казалась пригодной, чтобы выразить марксистскій тезисъ о «бытіи, создающемъ сознаніе», конечно, въ мягкой формѣ, подобной той, въ которой Плехановъ выразилъ зависимость высшихъ «надстроекъ» отъ экономики. Но Наторпъ былъ «идеалистомъ»; его идеи были «облечены въ туманную форму высокихъ идеаловъ, безконечнаго идеала человѣчества»; онъ стремился смягчить классовую борьбу, призывалъ къ соціальному міру. Все это для марксистовъ не подходило. Практически, для нихъ оказалось болѣе пригодно другое начало, развивавшееся иностранными педагогами: начало *трудовой школы.* Тотъ же Пинкевичъ расклассифицировалъ всѣ иностранные авторитеты, сообразно степени напряженности, съ которой они проводили въ школѣ трудовое начало, на три категоріи. Первая группа — это тѣ, которые признаютъ трудъ въ школѣ, но «приравниваютъ его другимъ методамъ». Это, какъ разъ, оказались «буржуазные демократы»: Лай (1862 - 1921), провозгласившій, въ противоположность «пассивному» словесному преподаванію въ школѣ, «школу дѣйствія», активизмъ ребенка, выражающійся въ самостоятельной переработкѣ «воспріятія» въ «изображеніе», и педагоги-неоромантики, Генр. Шаррельманъ (р. 1871), цѣликомъ отрицавшій систематическое преподаваніе въ школѣ и замѣнявшій его, отчасти вродѣ Толстого, непринужденнымъ сотрудничествомъ съ дѣтьми, при которомъ «обычные школьные предметы растворяются въ цѣлостномъ преподаваніи», — и его единомышленникъ, Гансбергъ, провозгласившій, наряду съ началомъ свободнаго творчества дѣтей и учителя, также и тотъ принципъ, что въ «нашъ вѣкъ машинъ» «современный человѣкъ долженъ умѣть мыслить технически». Вторая группа сто-

ронниковъ трудовой школы признаетъ, что «трудъ занимаетъ *особое* мѣсто, какъ методъ и какъ предметъ преподаванія». Сюда Пинкевичъ отнесъ другую группу «буржуазно-демократическихъ педагоговъ» и одного «мелко-буржуазнаго псевдо-соціалиста», Зейделя. Первымъ въ ряду демократовъ названъ имѣвшій большой успѣхъ у марксистовъ мюнхенскій педагогъ Кершенштейнеръ, введшій въ свою трудовую школу *для рабочихъ* ручной трудъ въ формѣ разныхъ ремеслъ, домоводства, садовыхъ работъ (но не труда на фабрикѣ). Онъ не только писалъ, но и практически осуществлялъ свои идеи. Отсюда его популярность, — хотя онъ демократизировалъ свою школу «для отвлеченія широкихъ массъ рабочаго класса отъ тлетворнаго вліянія соціалъ-демократіи» — и не думалъ распространять ее на подготовку къ «чисто духовнымъ» профессіямъ. Другіе практики трудовой школы въ Германіи, Эртли, Викингеръ, Пабстъ, также включены въ эту группу. Они, между прочимъ, ввели въ программу трудовой школы общеобразовательныя экскурсіи, въ томъ числѣ и на фабрики. Что касается Роберта Зейделя, единственнаго соціалъ-демократа въ этой средѣ, онъ первый указалъ въ своей малозамѣченной въ свое время (1885) книгѣ марксистскій подходъ къ педагогикѣ, связавъ трудовое образованіе съ новѣйшей стадіей экономическаго развитія человѣчества. Но онъ... провозгласилъ всѣхъ людей «дѣтьми Божьими» и тѣмъ проявилъ свой «мелкобуржуазный» характеръ.

Слѣдуетъ, наконецъ, третья группа иностранныхъ проповѣдниковъ «трудовой школы»: та, согласно которой «вся работа школы базируется на производительномъ трудѣ учениковъ». Сюда Пинкевичъ относитъ, прежде всего, «буржуазнаго демократа» Дюи, извѣстнаго профессора Колумбійскаго университета, недавно посѣтившаго школы совѣтской Россіи. Дюи также исходитъ изъ мысли, что современная шлока отстала отъ жизни. Чтобы сблизиться съ экономическимъ строемъ, оторвавшимъ людей отъ домашняго труда, и вмѣстѣ съ тѣмъ использовать самодѣятельность ребенка, Дюи дѣлаетъ «производительный трудъ» центромъ, около котораго располагаются всѣ научныя занятія въ школѣ. Въ процессѣ работы дѣти получаютъ массу свѣдѣній изъ географіи, естественныхъ наукъ, исторіи и т. д. Четверной инстинктъ ребенка — соціальный, созидательный, изслѣдовательскій и художественный — естественно предъявитъ запросъ на эти свѣдѣнія. «Ребенокъ долженъ стать тѣмъ солнцемъ, около котораго вращаются всѣ образовательныя средства». Однако, и Дюи, со всей своей «школой жизни», все-таки буржуй, преслѣдующій въ школѣ цѣль «спайки воедино разношерстныхъ элементовъ», т. е. примиренія классовыхъ противорѣчій; школа для него—орудіе демо-

крата въ борьбѣ противъ «силъ, дѣлящихъ населеніе на классы». Ближе къ марксизму стоятъ отнесенные къ этой же третьей группѣ «мелкобуржуазные псевдо-соціалисты», Пауль Эстрейхъ, вождь «союза рѣшительныхъ реформаторовъ школы», основаннаго въ 1920 г. и включившаго лѣвыхъ соціалъ-демократовъ, Зигфридъ Каверау, другой членъ Союза, и анархисты — французскій учитель Робэнъ и Кропоткинъ. Эстрейхъ — марксистъ, противникъ классной системы; дѣти должны работать въ саду, въ огородѣ, въ мастерскихъ, и школа должна «самоокупаться». Трудъ въ школѣ есть «общественно-полезный трудъ». И все-таки этого недостаточно: недаромъ «Союзъ» затушевываетъ классовыя противорѣчія, дѣти буржуазіи воспитываются вмѣстѣ съ дѣтьми пролетаріата, и, отвергая религію въ школѣ, Эстрейхъ оставляетъ одинъ свободный день въ недѣлю — для частнаго преподаванія религіи.

Словомъ, русскому марксисту-ленинисту нужна особая педагогика. И Пинкевичъ прибавляетъ къ тремъ иностраннымъ группамъ авторитетовъ, оказавшихъ пользу совѣтскимъ педагогамъ, четвертую, состоящую изъ этихъ педагоговъ. Число ихъ весьма значительно, и созданная ими литература такъ обильна, что обозрѣть ее здѣсь нѣтъ возможности. Отмѣтимъ двѣ характерныя черты этой литературы. Во-первыхъ, педагоги-марксисты далеко не обнаруживаютъ единодушія въ своихъ достиженіяхъ и вступаютъ другъ съ другомъ въ безконечные споры, еще болѣе детальные, чѣмъ то, что мы видѣли въ области литературы. Болѣе ортодоксальные при этомъ неустанно уличаютъ въ «меньшевизмѣ» менѣе ортодоксальныхъ. Такъ, напр., упомянутый выше Пинкевичъ оказывается на положеніи Воронскаго. Онъ слишкомъ любитъ своихъ педагогическихъ «попутчиковъ». И точно такъ же, защитникомъ его является Луначарскій, напоминающій спорящимъ, что есть вещи, въ которыхъ даже и для правовѣрнаго марксиста дважды два — четыре. Это напоминаніе было сдѣлано на диспутѣ, устроенномъ коллегіей Наркомпроса 3 декабря 1928 г. съ участіемъ выдающихся совѣтскихъ педагоговъ. Докладчикомъ былъ защитникъ самой лѣвой позиціи, которая въ то-же время являлась и оффиціальной, Шульгинъ. Онъ особенно настаивалъ на томъ, что воспитаніе создается «неорганизованнымъ» процессомъ воздѣйствія среды, что на эту среду воздѣйствуютъ сами дѣти своимъ участіемъ въ общественно-полезномъ трудѣ, что задача учителя ограничивается «пріобщеніемъ ребенка къ самой настоящей борьбѣ и къ самому настоящему общественному строительству» путемъ «самоорганизаціи», «дѣтскаго движенія», что школа должна «овладѣть индустріальными и сельско-хозяйственными навыками», а не предметами и что вообще школа осуждена на «отмираніе», вмѣстѣ съ «пе-

реходной эпохой». Отношеніе этой точки зрѣнія къ другимъ оказалось таково, что Луначарскій въ заключительномъ словѣ обозвалъ докладъ Шульгина «военнымъ танцемъ ирокезовъ», при чемъ онъ хочетъ кого-то оскальпировать и, такъ какъ неизвѣстно кого, то каждый хватается за собственную голову. Педагогъ-практикъ Шацкій вывелъ изъ этого спора на 11-мъ году существованія совѣтской власти, что споры происходятъ «внѣ времени и пространства», а «работать-то мы какъ разъ не умѣемъ» и «барахтаемся сейчасъ въ нашихъ школахъ, какъ слѣпые щенки». Были и другія указанія на то, что «хлестко бьетъ насъ эта самая среда» и что «въ значительной степени не мы воспитываемъ, а воспитываетъ эта среда», конечно, не въ духѣ Шульгина, а «въ духѣ той среды, откуда выходятъ» дѣти. Говорилъ и проф. Моложавый: «мы выпускаемъ молодежь изъ нашихъ рукъ» и «трагическій вопросъ, измѣняетъ ли эта сумма знаній дѣйствительно поведеніе подрастающихъ поколѣній». Педагогъ Калашниковъ, единственный изъ видныхъ, не принадлежавшій къ коммунистической партіи, попробовалъ было эти самыя замѣчанія облечь въ форму теоріи. Въ своихъ «Очеркахъ марксистской педагогики» онъ рѣшился сказать, что «даже въ эпоху революціи воспитательная надстройка не можетъ быть быстро приспособлена къ цѣлямъ новыхъ классовъ и требуетъ сравнительно медленнаго эволюціоннаго переустройства ея элементовъ»; что «существенное измѣненіе государственнаго строя весьма мало отражается на воспитательныхъ формахъ» и что «нельзя готовить подростающее поколѣніе къ такому общественному строю, который еще ни въ какой мѣрѣ не сложился въ окружающей соціальной средѣ». Конечно, для осужденія этой «либерально-реакціонной» ереси собрался весь синклитъ педагоговъ и на засѣданіи методологической комиссіи московскаго изслѣдовательскаго института научной педагогики 25 декабря 1929 и 1 января 1930 года разбивалъ «вредныя» ученія Калашникова, на этотъ разъ уже не споря между собой.

Въ результатѣ игнорированія этихъ замѣчаній о роли среды, приходится отмѣтить вторую черту совѣтской педагогической теоріи и вытекавшихъ изъ нея практическихъ начинаній: глубокое противорѣчіе между ними и русской дѣйствительностью. Признаки этого противорѣчія мы въ дальнѣйшемъ будемъ встрѣчать на каждомъ шагу.

Основная задача народнаго образованія въ совѣтской республикѣ опредѣлялась, конечно, не теоретическими спорами и идейными построеніями, а постановленіями партіи, исходившими изъ упомянутаго выше тезиса Ленина. Программа партіи (мартъ 1919) формулировала эту задачу слѣдующимъ образомъ: «въ періодъ диктатуры

пролетаріата, т. е. въ періодъ подготовки условій, дѣлающихъ возможнымъ полное осуществленіе коммунизма, школа должна быть не только проводникомъ принциповъ коммунизма вообще, но и проводникомъ идейнаго, организаціоннаго воспитательнаго вліянія пролетаріата на полупролетарскіе слои трудящихся массъ *въ цѣляхъ воспитанія поколѣнія,* способнаго окончательно установить коммунизмъ». Далѣе слѣдовали основныя положенія, вытекавшія изъ всего того, за что боролось радикальное учительство до большевистскаго переворота. Тутъ значилось: «1) проведеніе безплатнаго и обязательнаго общаго и *политехническаго* (знакомящаго въ теоріи и на практикѣ со всѣми главными отраслями производства) образованія для всѣхъ дѣтей обоего пола до 17 лѣтъ; 2) созданіе сѣти дошкольныхъ учрежденій (яслей, садовъ, очаговъ и т. п.) въ цѣляхъ улучшенія общественнаго воспитанія и раскрѣпощенія женщинъ; 3) полное осуществленіе принциповъ трудовой школы, съ преподаваніемъ на родномъ языкѣ, съ совмѣстнымъ обученіемъ дѣтей обоего пола, безусловно свѣтской, т. е. свободной отъ какого бы то ни было религіознаго вліянія, проводящей тѣсную связь обученія съ общественно-производительнымъ трудомъ, подготовляющей *всесторонне развитыхъ* членовъ коммунистическаго общества; 4) снабженіе всѣхъ учащихся пищей, одеждой, обувью и учебными пособіями за счетъ государства... 7) всесторонняя государственная помощь самообразованію и саморазвитію рабочихъ и крестьянъ (созданіе сѣти учрежденій внѣшкольнаго образованія: библіотекъ, школъ для взрослыхъ, народныхъ домовъ и университетовъ, курсовъ, лекцій, кинематографовъ, студій и т. п.); 8) широкое развитіе профессіональнаго образованія для лицъ *отъ 17-лѣтняго* возраста, въ связи съ общими политехническими знаніями; 9) открытіе широкаго доступа въ аудиторіи высшей школы для всѣхъ желающихъ учиться, и въ первую очередь для рабочихъ... матеріальное обезпеченіе учащихся... 10)... сдѣлать доступными для трудящихся всѣ сокровища искусствъ»...

Понятіе «политехническаго» образованія и идея «всесторонняго развитія» были заимствованы въ партійной программѣ непосредственно отъ Маркса и Энгельса, т. е. принадлежали къ «желѣзному фонду» идей, не подлежащихъ измѣненію. Энгельсъ говорилъ: «воспитаніе позволитъ молодымъ людямъ быстро знакомиться со всей системой производства, оно позволитъ имъ *поочередно переходить* отъ одной отрасли производства къ другой въ зависимости отъ потребностей общества или ихъ *собственныхъ склонностей.* Такимъ образомъ воспитаніе освободитъ ихъ отъ той односторонности, къ которой вынуждаетъ въ настоящее время каждаго современное раздѣленіе труда между городомъ и деревней»... Это было, правда, ближе къ

Фурье, чѣмъ къ сторонникамъ сверхъиндустріализаціи. Но Марксъ примирилъ эту основную идею утопистовъ съ машинной индустріей своимъ утвержденіемъ, что «природа крупной промышленности обусловливаетъ перемѣну труда, постоянную смѣну функцій и всестороннюю подвижность рабочаго»... Соціалистическое общество «можетъ пойти гораздо дальше, создавъ поколѣніе всесторонне обученныхъ производителей, понимающихъ научныя основы всего промышленнаго производства и практически изучившихъ отъ начала до конца цѣлый рядъ отраслей производства». Это и есть, по составленной Марксомъ резолюціи 1-го конгресса 1-го Интернаціонала «политехническое воспитаніе».

Въ формѣ, болѣе соотвѣтствовавшей ученіямъ иностранныхъ педагоговъ, эти основы новой школы были формулированы въ «Положеніи объ единой трудовой школѣ», одобренномъ 1 Съѣздомъ по народному образованію 16 октября 1918 г. «Основой школьной жизни долженъ служить производительный трудъ... не только, какъ методъ преподаванія, но именно какъ производительный, общественно-необходимый трудъ. Онъ долженъ быть тѣсно, органически связанъ съ обученіемъ, освѣщающимъ свѣтомъ знанія всю окружающую жизнь... Школа является школьной коммуной, тѣсно и органически связанной по своимъ трудовымъ процессамъ съ окружающей жизнью... Старая форма дисциплины не можетъ имѣть мѣста въ школѣ труда.... Коллективный производительный трудъ и организація всей школьной жизни должны воспитывать будущихъ гражданъ соціалистической республики. Обученіе въ трудовой школѣ носитъ *обще-образовательный политехническій характеръ,* на общихъ ступеняхъ, при чемъ физическому и *эстетическому* (позднѣйшая вставка) образованію отводится видное мѣсто».

Все это было очень хорошо — на бумагѣ. Но даже на Западѣ новыя педагогическія идеи примѣнялись лишь въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ, обыкновенно по частному почину какого-нибудь энтузіаста — создателя какой-нибудь изъ новыхъ системъ, поддержаннаго небольшимъ кружкомъ просвѣщенныхъ родителей, соглашавшихся ввѣрить своихъ дѣтей авторитетному экспериментатору. За-границей эти новыя школы были на перечетъ. Дюи самъ признавалъ, что только 8 школъ на пространствѣ С.-А. С. Штатовъ онъ можетъ считать своими. И въ Россіи также попытки созданія новой школы были, но это тоже были единичные случаи, исключительно въ столицахъ, и имена педагоговъ-иниціаторовъ были всѣмъ извѣстны.

Ничего другого на первыхъ порахъ не могли предпринять и большевики. Ихъ первыя попытки свелись къ устройству, или поддержанію готовыхъ уже «опытно-показательныхъ» школъ. Эти шко-

лы обыкновенно и показывались иностраннымъ педагогамъ, пріѣзжавшимъ въ Россію, въ качествѣ примѣра огромныхъ успѣховъ, достигнутыхъ въ короткое время новой властью. Немало этихъ случайныхъ наблюдателей уѣзжали изъ Россіи въ твердой увѣренности, что были свидѣтелями эксперимента, величайшаго въ мірѣ и единственнаго въ исторіи.

Однако-же, совѣтская власть серьезно думала распространить эти опыты новаго воспитанія на всю Россію. Ея разсчеты сразу же натолкнулись на непреодолимыя препятствія. Первымъ изъ нихъ было отсутствіе корпуса учителей, готовыхъ служить созданію новаго коммунистическаго поколѣнія. Вторымъ была невозможность для этой власти поддержать даже тотъ уровень, какого достигла школа въ до-военный періодъ, въ виду общаго распада, разоренія и величайшей нужды въ годы гражданской войны.

Что касается учителей, мы уже видѣли, что тотчасъ послѣ октябрьскаго переворота всероссійскій учительскій союзъ выступилъ активно противъ большевиковъ и былъ, въ концѣ концовъ, распущенъ. Это положеніе не могло сразу перемѣниться. Во время гражданской войны, пока была надежда свергнуть большевиковъ, учителя продолжали стоять на сторонѣ ихъ противниковъ. Зиновьевъ еще въ 1925 г. напоминалъ учителямъ, что они организовали въ Казани отрядъ помощи «народной арміи» и привѣтствовали приходъ «бѣлогвардейцевъ» чехо-словаковъ. На томъ же съѣздѣ другой ораторъ объяснялъ эту позицію тѣмъ, что «около 50% сельскаго учительства — выходцы изъ духовнаго званія, сынки и дочери поповъ». Ленинъ былъ болѣе снисходителенъ, когда, предвидя необходимость обратиться къ тѣмъ-же учителямъ, извинялъ ихъ тѣмъ, что эти «сотни тысячъ учителей въ деревняхъ» — «забиты, запуганы кулаками, заколочены до полусмерти старыми царскими чиновниками», и потому «не могутъ, не въ состояніи понять принциповъ совѣтской власти». Наконецъ, встрѣчаемъ и идеологическое объясненіе поведенія учителей «наивными увлеченіями народническимъ соціализмомъ, которыя въ прежніе годы усиленно поддерживались въ сельскомъ учительствѣ с.-р'ами» (Ингуловъ). Вліяли, конечно, всѣ эти мотивы: соціальная среда, и инерція подчиненія, и народническая идеологія. Періодъ военнаго коммунизма, бывшій, какъ увидимъ, и періодомъ разгрома до-революціонной школы, конечно, не могъ измѣнить этого настроенія учительства, — тѣмъ болѣе, что до провинціи и не скоро доходили вѣсти о перемѣнахъ, происходившихъ въ центрѣ.

Для отсѣва неблагонадежныхъ учителей Госуд. комиссія постановила — не позже конца іюля 1918 г. произвести во всѣхъ «совѣтахъ народнаго просвѣщенія» перевыборы учителей на основаніи

ихъ заявленій, сопровожденныхъ надлежащими удостовѣреніями, а также и «рекомендаціей политическихъ партій» и «изложеніемъ своихъ педагогическихъ и общественно-политическихъ взглядовъ». Эта чистка должна была опредѣлить физіономію и составъ учителей новой школы.

Переломъ въ политическомъ настроеніи учительской среды наступилъ лишь со времени Нэпа. На первыхъ порахъ онъ выразился въ переходѣ отъ открытой враждебности къ «нейтралитету». Но учительство не составляло одного цѣлаго. Въ его средѣ были немногочисленныя группы, давно настроенныя въ пользу большевиковъ: такими были союзъ учителей-интернаціоналистовъ и союзъ работниковъ просвѣщенія и соціалистической культуры. Изъ этой среды и заговорили отъ имени всего учительскаго состава о примиреніи. Сверху имѣли полный интересъ затушевать различіе между этимъ авангардомъ и остальнымъ корпусомъ, а среди учителей также усилилась склонность не подчеркивать разногласій, когда власть принялась за возстановленіе школы и обезпечила учительству возможность хотя и скуднаго существованія. На почвѣ этихъ обоюдныхъ умолчаній и состоялся худой миръ, замѣнившій добрую ссору.

Новый «всероссійскій союзъ работниковъ просвѣщенія» организовался уже въ 1919 г., какъ профессіональный союзъ. Наученный опытомъ «всероссійскаго коммунистическаго союза учителей», организованнаго въ 1918 г. въ противовѣсъ союзу забастовщиковъ, но потерпѣвшаго неудачу, потому что предъявлялъ каждому члену политическія требованія, — «союзъ работниковъ просвѣщенія» объявилъ, что принимаетъ членовъ «безъ различія политическихъ и религіозныхъ убѣжденій». Въ то же время онъ обѣщалъ сочленамъ экономическую поддуржку. По отношенію къ власти онъ воздержался отъ объявленія себя «нейтральнымъ»; напротивъ, онъ обѣщалъ «принять активное участіе въ строительствѣ рабочаго класса» и помочь своимъ сочленамъ, по слову Ленина, «пройти практически школу коммунизма». По уставу союзъ «воспитывалъ и подготовлялъ своихъ членовъ къ... осуществленію коммунизма черезъ диктатуру пролетаріата». Это было достаточно гибко, чтобы примирить «безразличіе» убѣжденій съ перспективой превращенія учителей въ членовъ коммунистической партіи. Очень скоро явилась возможность показать и выгоды присоединенія учителей къ профессіональному движенію. «Ставка заработной платы городскихъ работниковъ просвѣщенія», сообщалъ А. А. Коростелевъ 1-му всероссійскому учительскому съѣзду, «равнялась 11 руб. 48 коп. Въ 1921 г. эта ставка равнялась 25 руб.: повышеніе за это время въ два съ лишнимъ раза. Сельскіе ра-

ботники въ 1922 г. получали 6 руб. 33 коп. Въ 1924 г. эта ставка была 24 руб. 57 коп.: повышеніе въ 387%»*). Въ результатѣ хлопотъ союза, — утверждалъ тотъ же Коростелевъ — «въ 1922-23 г. на зарплату работниковъ просвѣщенія было отпущено (по общему и мѣстному бюджету) 50 милл. руб.; въ 1924-25 г. — 167 милл.», т. е. болѣе, чѣмъ втрое. Кромѣ того, на пополненіе дефицита въ мѣстномъ бюджетѣ прибавлено въ 1923-24 г. 4½ милл., а въ 1924-25 г. уже 14 милл. р. И притомъ, «эти достиженія, конечно, не окончательны». Далѣе, союзъ улучшилъ правовое положеніе учителей, пріостановилъ практиковавшіяся на мѣстахъ увольненія учителей передъ каникулами, урегулировалъ «переброски» ихъ съ мѣста на мѣсто, даже пытался защитить «вѣрующихъ учителей» отъ исключенія изъ союза «за выполненіе религіозныхъ обрядовъ»**).

Такая постановка дѣла, естественно, привлекала въ ряды «Союза» все большій и большій составъ учителей. «Союзъ учителей-интернаціоналистовъ» 1918 года включилъ почти исключительно активныхъ работниковъ Наркомпроса. Къ концу 1918 г., однако, онъ насчитывалъ уже до 12.000 членовъ, составлявшихъ «революціонный авангардъ» учительства. Въ это время оппозиціонный ВУС, насчитывавшій до 45.000 членовъ въ іюнѣ 1918 г., былъ распущенъ. На учредительномъ съѣздѣ «Союза работниковъ просвѣщенія и *соціалистической культуры*» 28 іюля 1919 г., которымъ «союзъ интернаціоналистовъ» рѣшилъ замѣнить свой, было представлено, благодаря профессіональной позиціи, занятой учредителями, уже 70.000 организованныхъ въ мѣстныя группы и отдѣлы учителей. Наконецъ, въ началѣ 1921 г., послѣ второго всероссійскаго съѣзда, союзъ отбросилъ «соціалистическую культуру» и, принявъ вышеописанный видъ, приступилъ къ массовой работѣ. Тогда же и правительство обратило

*) Въ дальнѣйшемъ жалованіе учителя продолжало возрастать, но все же было значительно ниже жалованья другихъ профессій. «Народный учитель» (1929, № 9) даетъ слѣдующую сравнительную таблицу (въ рубляхъ):

	1925-26	1926-27	1927-28
1. Учитель 1-й ст.	32	39	45
2. Врачъ	„	75	90
3. Участк. агрономъ	73	83	93
4. Лѣсничій	80	80	90
5. Землемѣръ	103	140	140

**) XIII съѣздъ РВП постановилъ въ своей резолюціи о народномъ просвѣщеніи: «лица, посягающія на свободу вѣры и богослуженія для гражданъ всѣхъ вѣроисповѣданій, должны быть подвергаемы строгому взысканію».

на него вниманіе, начавъ ему покровительствовать. Получилось положеніе, которое на одной уѣздной учительской конференціи передъ всесоюзнымъ учительскимъ съѣздомъ 13 января 1925 г., было формулировано такъ: «Мы, партійная организація, находимся какъ бы въ роли жениха, а вы, учительство, какъ бы въ роли невѣсты». «Женихъ», въ лицѣ Зиновьева, встрѣтилъ «невѣсту», т. е. съѣздъ, въ бархатныхъ перчаткахъ и «невѣста» не оказалась черезчуръ «разборчивой». «Отъ имени сотенъ тысячъ («250.060», говоритъ другая декларація) безпартійнаго народнаго учительства, тысячъ волостныхъ собраній и конференцій», делегаты заявили, выслушавъ обращеніе правительства, что учительство «безоговорочно принимаетъ надъ собою руководство со стороны партіи» и «знаетъ, что руководимая коммунистической партіей, совѣтская власть есть подлинная власть трудящихся, власть широчайшихъ народныхъ массъ». Такъ совершился «великій переломъ» въ массѣ сельскаго учительства, окончательно порвавшаго со своими эсъ-эровскими городскими руководителями. Сорокъ пять членовъ принесли индивидуальныя покаянія. «Съѣздъ далъ... не оставляющій никакихъ сомнѣній отвѣтъ: учительство съ нами» — объявило правительство. Въ дальнѣйшемъ число членовъ Союза уже непрерывно росло. Въ 1923 г. ихъ было 382.000, въ 1925 — 551.000, въ 1926 — 710.000, въ 1927 — 754.000 и въ 1928 г. — 798.000 (считая тутъ и служащихъ при школѣ — около 25% и студентовъ педагогическихъ учрежденій — около 8%). Правда, сдѣлать изъ нихъ коммунистовъ не удалось. Еще въ 1927 г. изъ сельскихъ учителей только 4,8% принадлежали къ коммунистической партіи; изъ городскихъ — только 5,6%. Руководство союзомъ, конечно, находилось всецѣло въ рукахъ учителей-коммунистовъ.

Въ 1920 г. было произведено по 32 губерніямъ обслѣдованіе образовательнаго ценза 111.906 учителей первой ступени и 14.105 — второй. Оно дало слѣдующіе результаты (въ скобкахъ проценты):

	Школы 1 ступени	Школы 2 ступени
Среднее свѣтское законченное	46.390 (41,4)	3.441 (24,4)
„ „ незаконченное	11.159 (10,0)	267 (1,9)
„ духовное законченное	15.265 (13,6)	444 (3,1)
„ „ незаконченное	2.067 (1,9)	86 (0,6)
Спеціальное педагогическое ..	15.482 (13,8)	1.668 (12,0)
Высшее законченное	2.197 (1,9)	5.000 (35,3)
Высшее незаконченное	1.390 (1,2)	1.072 (7,6)
Домашнее	2.551 (2,3)	211 (1,6)
Низшее	„ „	963 (6,8)
Неизвѣстно	2.328 (2,0)	953 (6,7)

Съ *этой* стороны, такимъ образомъ, препятствій для организаціи въ странѣ новой школы болѣе не представлялось. Оставалось одолѣть другое препятствіе, заключавшееся въ фактѣ развала *старой* школы, къ которой, надо признать, большевики, въ буряхъ гражданской войны, проявили полное равнодушіе. Это было, впрочемъ, понятно въ виду, прежде всего, экономическихъ затрудненій, которыя переживали большевики въ эпоху «военнаго коммунизма». Даже простое поддержаніе начальной школы на достигнутомъ до революціи уровнѣ требовало продленія весьма значительныхъ денежныхъ ассигнованій, которыми она питалась не только изъ государственной кассы, но и изъ закрывшихся теперь мѣстныхъ и частныхъ источниковъ. А всякое движеніе впередъ отъ этого уровня, въ направленіи всеобщаго образованія, взятомъ до революціи, предполагало дальнѣйшій огромный ростъ бюджета. У совѣтской власти на первыхъ порахъ не было никакого бюджета — и некогда было думать о такомъ второстепенномъ для удержанія власти предметѣ, какъ народное образованіе. Поэтому она просто предоставила существовавшую школу самой себѣ, въ результатѣ чего и получилось ея быстрое разрушеніе. Впослѣдствіи, сами большевики не жалѣли мрачныхъ красокъ для описанія того тяжелаго положенія, въ которомъ эта школа оказалась въ годы гражданской войны, и въ ближайшіе слѣдующіе за ними. Учителя не получали даже того ничтожнаго жалованья, которое имъ полагалось. Они зимой «ходили изъ дома въ домъ, чтобы кормиться», лѣтомъ нанимались въ работники, читали псалтырь по покойникамъ и т. д. Школьныя помѣщенія ветшали или забирались для правительственныхъ нуждъ; школьныхъ пособій — бумаги, учебниковъ, досокъ и т. п. не откуда было достать ни за какую цѣну. Мѣстное населеніе не брало на себя не только той части расходовъ, въ которой отказывало правительство, но не хотѣло платить и своей прежней доли. Оффиціальные «договоры» съ учителемъ не исполнялись или замѣнялись частными, болѣе льготными. Школы не отапливались. Съ 1921 г. было приказано — и формально — отнести содержаніе школъ на «мѣстные фонды». Но таковыхъ еще не было. Отсюда тѣ трагическія картины положенія школъ, которыми полна тогдашняя литература. На XIII съѣздѣ коммунистической партіи, т. е. въ 1924 году, вдова Ленина, Крупская, представила одно изъ такихъ описаній, какъ вполнѣ актуальное. Она основывалась при этомъ на документальныхъ данныхъ: на обслѣдованіяхъ предпринятыхъ Наркомпросомъ въ семи разныхъ губерніяхъ (Псковской, Гомельской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской и двухъ областяхъ — Уральской и Чувашской) и ЦКК черезъ 149 сельсовѣтовъ и 60 волисполкомовъ. Картина получилась «кошмарная, ужасающая». «Передъ нами раз-

валивающіяся зданія, нетопленные классы; окна, заколоченныя досками вмѣсто стеколъ; дѣти, жмущіеся другъ къ другу въ комнатѣ учительницы, одѣтой въ лохмотья. За отсутствіемъ досокъ — учитель пишетъ на стѣнѣ; за отсутствіемъ лавокъ — дѣти сидятъ на полу; нѣтъ ни бумаги, ни чернилъ, ни книгъ. Госиздатъ издаетъ массу учебниковъ... Но до деревни не доходятъ всѣ эти учебники. Она живетъ старыми учебниками, оставшимися отъ до-революціоннаго времени. Вотъ собрали крестьяне 50 пудовъ ржи. Учитель поѣхалъ въ городъ, ткнулся въ госмагазинъ, купить ничего не смогъ — цѣны совершенно неподходящія. Попалъ на базаръ, и на 50 пудовъ купилъ 20 старыхъ учебниковъ... Крестьяне и больше денегъ ни на пособія, ни на учебники не собирали. Карандашъ стоитъ 10 ф. хлѣба, букварь стоитъ 1 пудъ хлѣба»...

«И все это», — докладываетъ Крупская — «не есть исключительный случай». Напротивъ, хорошая школа составляетъ *рѣдкое исключеніе* въ современной Россіи».

Таковы были рессурсы, съ которыми народное просвѣщеніе вступало въ періодъ Нэпа. По признанію Луначарскаго, это былъ самый тяжелый моментъ въ исторіи совѣтской школы. Онъ, конечно, оговаривался, что «было бы неправильно говорить такъ, что Нэпъ принесъ съ собой глубокій кризисъ 21 года», этотъ «черный порогъ». «Нѣтъ, этотъ кризисъ долженъ былъ прійти самъ собою», какъ неизбѣжный результатъ такого положенія, когда «учителя голодали» и разбѣгались, а «новое на мѣстѣ стараго сломаннаго, осуществлялось туго и часто въ уродливыхъ формахъ». Однако, Луначарскій не снимаетъ отвѣтственности «съ политики правительства». «Когда правительство рѣшило начать настоящее скупое, разсчетливое хозяйство», — говоритъ онъ, — «когда оно лишило насъ всякихъ иллюзій и надеждъ (см. выше заявленіе Луначарскаго) и опредѣленно указало, на какія скудныя средства мы должны впредь существовать и работать, то это, конечно, обострило или, вѣрнѣе, выявило и оголило таящійся кризисъ. ... Такъ называемый переходъ на мѣстныя средства былъ, конечно, ужасающей катастрофой. Веревка, на которой висѣло дѣло народнаго образованія, сверху, отъ казны оборвалась, и дѣло это упало въ бездну, въ болото, ибо никакой опоры снизу, изъ мѣстныхъ средствъ, оно получить не могло».

Въ результатѣ, мы присутствуемъ при слѣдующей картинѣ дальнѣйшаго паденія школы. (Число учрежденій безъ Сибири и республикъ; въ скобкахъ — число учащихся):

		Школы 1-й ступени.	Школы 2-й ступени.	Семилѣтки.
1 янв.	1921	76.052 (6,0 милл.)	3.719 (0,41 милл.)	
1 апр.	1922	61.340 (4,9 „)	2.224 (0,33 „)	203 (52 тыс.)

	Школы 1-й ступени.		Школы 2-й ступени.		Семилѣтки.	
1 апр.	1923	50.357 (3,6 „)	1.565 (0,29 „)		498 (119 „)	
1 окт.	1923	43.568 (3,3 „)	979 (0,23 „)		608 (160 „)	
1 іюня	1924	42.783 (3,0 „)	866 (0,21 „)		651 (164 „)	

Подводя итогъ разрушенія школьнаго дѣла за время «военнаго коммунизма», самъ глава вѣдомства, Луначарскій, приходилъ въ совершеннѣйшій ужасъ, какъ видно изъ его рѣчи на X съѣздѣ совѣтовъ. Онъ утверждалъ, что, начиная съ 1921 г. число школъ постоянно уменьшается, при чемъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ уменьшеніе составляетъ до 60%. Число школъ на 22 октября 1922 г. было, по его показанію, 55.000, а учащихся въ нихъ 4.750.000. Сравнивая эти цифры съ довоенными (1915 — 116.234 школы съ 8.039.867 учащимися, — цифры по Мин. Нар. Просв.; но изъ нихъ на послѣвоенной территоріи СССР. осталось только 104.610 школъ съ 7.235.988 учащимися), находимъ, что начальная школа погибла на 41-47%*).

Подойти отъ этого положенія къ построенію новой школы было нелегко. Принципы, на которыхъ она была построена, какъ мы видѣли, были провозглашены партіей и учебнымъ начальствомъ уже въ 1918-19 г. г. (см. стр. 878-879). Но самыя эти деклараціи показывали, что основы новой марксистской школы далеко не выработаны еще самой властью. Луначарскій при вступленіи въ должность Народнаго Комиссара Просвѣщенія еще говорилъ въ своей декларації 11 ноября 1917 года объ «истинной демократической организаціи просвѣщенія» и неосторожно ставилъ ближайшей задачей «добиться *въ кратчайшій срокъ всеобщей грамотности,* всеобщаго обязательнаго и безплатнаго обученія». Онъ подчеркивалъ «идеалъ.. возможно болѣе высокаго образованія для всѣхъ гражданъ» и защищалъ традиціонную позицію русской педагогіи, единую школу съ «естественнымъ переходомъ по всѣмъ ступенямъ, вплоть до университета», «внѣ зависимости отъ степени зажиточности семьи». Онъ подчеркивалъ, что «расходы на народное просвѣщеніе должны стоять высоко» и обѣщалъ «щедрый бюджетъ просвѣщенія». Онъ формально устанавливалъ, наконецъ, свою идейную связь съ «лучшей частью русской интеллигенціи» и звалъ ее «работать вмѣстѣ» (28 ноября

*) По другимъ даннымъ въ 1921-22 и въ 1922-23, т. е. въ голодные года закрылись 27.000 школъ и оставалось на 1923 - 24 годъ 87.559 школъ съ 6.808.157 учащимися. Если цифры Луначарскаго относятся только къ Р. С. Ф. С., то дѣйствительная убыль школъ по всей территоріи СССР должна была составить около 25-15%. Въ 1927-28 насчитывалось уже 116.373 школы съ 10.503.000 учащимися. Но см. ниже, стр. 907.

1917 г.). Созданную за нѣсколько дней до этого воззванія «Государственную Комиссію по просвѣщенію» онъ составилъ по образцу «Государственнаго Комитета» февральской революціи и передалъ туда «цѣлый рядъ цѣнныхъ проектовъ, разработанныхъ этимъ комитетомъ, демократическимъ по своему составу, богатымъ опытными спеціалистами», для пересмотра и «проведенія въ жизнь безъ канцелярской волокиты, въ революціонномъ порядкѣ», «не предрѣшая», при этомъ, «воли Учредительнаго собранія». Управленіе дѣломъ народнаго образованія должно было быть децентрализовано.

Не прошло, однако, и года, какъ управленіе это было централизовано въ «Государственной Комиссіи», съ участіемъ представителей разныхъ организацій; одной изъ задачъ ея становилась выработка «общихъ принциповъ» и соотвѣтственнаго «плана организаціи школьнаго устройства» (декретъ 26 іюня 1918 г.)». Демократическую точку зрѣнія очень скоро смѣнила «классовая». «Мы не можемъ стоять на старой точкѣ зрѣнія аполитическаго просвѣщенія, не можемъ ставить просвѣтительную работу внѣ связи съ политической» ,— заявилъ Ленинъ на совѣщаніи 3 ноября 1920 г. И отдѣлъ «внѣшкольнаго образованія», считавшійся, — по словамъ Крупской, — «самымъ острымъ, самымъ жизненнымъ» тогда, былъ въ этомъ же году (1920) переименованъ въ «политико-просвѣтительную работу». Въ томъ же боевомъ порядкѣ было объявлено (26 декабря 1919 г.), что населеніе отъ 8 до 50 лѣтъ «*обязано* обучиться грамотѣ». Съ другого конца, въ высшей школѣ, тогда-же (2 августа 1918 г.) отмѣненъ всякій цензъ, кромѣ возрастнаго, для поступленія въ высшую школу (см. ниже), 16 октября 1918 г. появилось и общее «Положеніе о единой трудовой школѣ», по которому эта школа дѣлилась на двѣ ступени: пятилѣтку для дѣтей отъ 8 до 13 лѣтъ, и четырехлѣтку — отъ 13 до 17 лѣтъ. Объ основныхъ началахъ этой школы мы упоминали выше (см. стр. 879). Для осуществленія намѣченнаго плана всѣ учебныя заведенія всѣхъ вѣдомствъ переходили въ вѣдѣніе Наркомпроса. Къ 2-хъ и 4-хъ класснымъ начальнымъ училищамъ прибавляли дополнительный годъ для ихъ превращенія въ пятилѣтку» (первая ступень). То-же происходило и съ четырьмя классами гимназій (включая приготовительный). Четыре старшіе класса (4-7) образовали школу второй ступени; 8-ой классъ упразднялся.

Далѣе послѣдовалъ рядъ новыхъ реформъ въ учебномъ дѣлѣ. Прежде всего, перестроена система управленія: общее руководство отдѣлено въ Государственный ученый Совѣтъ (ГУС) отъ финансовъ и администраціи. Затѣмъ, несмотря на всю предыдущую идеологію, со всевозможными оговорками введена была платность обученія. Такъ

какъ «договоры» съ населеніемъ, сохранившіеся отъ дореволюціоннаго времени, теперь «исполнялись туго, и учителя ставились ими въ трудное и унизительное положеніе», то, «учитывая крайне тяжелое матеріальное положеніе республики,, X Съѣздъ Совѣтовъ установилъ, въ видѣ временной мѣры, разсчитанной только на тяжелый переходный періодъ, введеніе платности въ школахъ 1-ой и 2-ой ступени... съ перенесеніемъ тяжести на болѣе обезпеченные слои населенія»*). Въ тоже время, такъ какъ замѣчено было, что особенно охотно содержатъ школу на свой счетъ «кулаки», ЦК РКП предложилъ «не допускать непосредственной связи между школой и обывательскими организаціями». Этого стараго принципа держалась еще власть стараго режими относительно земскихъ школъ: плати, но не вмѣшивайся. Чтобы прекратить путаницу неподготовленнаго учительства въ методахъ «трудовой школы», ГУС, наконецъ, издалъ примѣрныя программы осуществленія этой школы для руководства учителямъ, — хотя и сохранивъ нѣкоторую свободу примѣненія ихъ къ мѣстнымъ условіямъ.

Къ этимъ программамъ мы скоро вернемся; но предварительно остановимся на вопросѣ, какъ была примѣнена на практикѣ главная часть первоначальнаго плана: ученіе о единой общеобразовательной школѣ.

Употребляя выраженія Луначарскаго, и въ этой части «иллюзіи и надежды» идеологовъ новой школы осуществлены не были. Весь планъ пришлось понизить, чтобы сблизить «иллюзіи» съ дѣйствительностью. Уставъ 1918 г. былъ замѣненъ новымъ уставомъ 18 декабря 1923 г., который отказался отъ ряда первоначальныхъ «иллюзій». Въ немъ уже не говорится ни слова ни о всеобщности, ни о безплатности (за исключеніемъ «пролетаріата») обученія, ни о нейтральномъ отношеніи къ религіи, которое замѣнено обязательной пропагандой безбожія, какъ оффиціальной доктрины. Устранена также и полная свобода преподаванія; а единоличное управленіе школой поставлено надъ школьнымъ «совѣтомъ» и надъ автономіей учащихся.

«Единый планъ» школы при этомъ разсыпался на части, очень напоминающія Николаевскую систему 1828 г. (см. стр. 784-785), а обще-образовательный принципъ долженъ былъ значительно потѣсниться, чтобы дать мѣсто профессіональному. При всѣхъ этихъ измѣненіяхъ изъ-за прежней общегуманитарной и «демократической» вывѣски выглянули собственныя практическія цѣли новой власти. Надо прибавить, однако, что самая вывѣска при этомъ снята не бы-

*) На практикѣ платили именно одни «буржуазные» родители. Въ 1925 г. платящихъ было 40.7% всѣхъ учениковъ, въ 1927 это число упало, какъ и составъ «буржуазныхъ» дѣтей, до 27%, Плата была высокая: 160-300 рублей въ годъ.

ла. Такъ же какъ въ вопросѣ о платности, переходъ отъ «единства» къ разорванности и отъ общеобразовательнаго идеала къ профессіонализму былъ, по возможности, затушеванъ. Въ толстыхъ «педагогикахъ» и трактатахъ о «соціальномъ воспитаніи» вы очень часто ничего объ этомъ не найдете — или найдете одни лишь глухіе отклики.

Остановимся, прежде всего, на «единствѣ» школы. Здѣсь большевики сразу отказались отъ проведенія первоначальнаго дѣленія школы на двѣ ступени, пятиклассную *низшую* и четырехклассную *высшую,* — обѣ одинаково «всеобщія» и обязательныя, по уставу 1918 года. Для массовой школы, которую приходилось создавать изъ училищъ, не дотянувшихъ даже до 4-хъ класснаго низшаго типа, пятиклассная начальная школа была слишкомъ высока и громоздка. Даже сниженная, она, какъ увидимъ, была значительно выше предъявлявшихся населеніемъ запросовъ. И пришлось вернуться, въ общихъ чертахъ, къ той организаціи, которая, какъ мы знаемъ, уже проводилась въ жизнь законодательствомъ Гос. Думы. Въ основу было положено *четырехклассное* народное училище, къ которому подтягивались, но далеко еще не подтянулись, предшествовавшіе типы начальной школы — земской, городской, приходской, желѣзнодорожной и т. д.: во многихъ изъ нихъ было только три или даже два класса. За этой «четырехлѣткой» должна была слѣдовать «семилѣтка», въ которой къ первымъ четыремъ годамъ прибавлялись еще три. Эта вторая ступень (или «первый концентръ второй ступени») соотвѣтствовала прежнему «высшему начальному (четырехклассному) училищу», сокращенному, однако, на одинъ классъ. Наконецъ, третьимъ, высшимъ типомъ становилась «девятилѣтка», гдѣ прибавлялись еще два класса: этотъ типъ соотвѣтствовалъ прежнимъ восьмикласснымъ реальнымъ училищамъ и гимназіямъ, но безъ восьмого класса и съ двумя приготовительными.

Другой рядъ уступокъ сдѣланъ былъ началу профессіонализма, болѣе понятному для населенія, чѣмъ туманное понятіе «политехнической», общеобразовательной школы. «Политехнику» по-просту стали понимать, какъ «многоремесленность». Но интересъ населенія, стремившагося возможно скорѣе научиться какому-нибудь ремеслу, совпалъ съ практическими задачами большевиковъ, которымъ нужны были, въ сущности, не ученые, а ремесленники. Первый толчекъ въ этомъ направленіи далъ украинскій Наркомпросъ, по мнѣнію котораго политехнизмъ былъ «утопиченъ и нереаленъ». На Всеукраинскомъ II совѣщаніи по народному просвѣщенію наркомъ Гринько доказывалъ, что очередныя задачи Россіи — это поднятіе промышленности, возстановленіе транспорта и т. д.; что на гибнущій капитализмъ Европы «разсчитывать нельзя» и что необходимо прежде

всего и теперь-же «спѣшно готовить спеціалистовъ разныхъ областей народнаго хозяйства». «Политехнизмъ» — это хорошо въ партійной программѣ, какъ «направляющая звѣзда, путеводный маякъ» для далекаго будущаго; а въ настоящемъ нужна не «единая трудовая», а ограниченная опредѣленнымъ заданіемъ профтехническая школа. Ленинъ созвалъ тогда спеціальное совѣщаніе (31 дек. 1920-4 янв. 1921 г.), на которомъ украинцы доказывали, что лозунгъ трудовой школы нежизненъ и требуетъ пересмотра. Пренія были бурныя и закончились компромиссомъ: большинство совѣщанія согласилось понизить начало профессіональнаго образованія съ 17 лѣтъ, какъ требовала программа партіи, до 15-ти. Этимъ осуждались на гибель два высшіе класса, дѣлавшіе изъ «семилѣтки» — «девятилѣтку». Ленинъ былъ шокированъ этимъ рѣшеніемъ, и напечаталъ въ «Правдѣ» статью, въ которой обвинялъ профессіоналистовъ въ незнаніи программы, а ихъ доводы называлъ «сплошнымъ вздоромъ». Онъ допустилъ, однако, въ концѣ концовъ, сниженіе до 15 лѣтъ, какъ *временную* мѣру, вызванную «нищетой и разореніемъ страны». Луначарскій въ одной статьѣ презрительно замѣтилъ, что «общее образованіе до 15 лѣтъ и выборъ профессіи въ 15 лѣтъ могутъ позволить себѣ только крайне варварскія и бѣдныя страны». Но это брюзжаніе не помогло дѣлу. Украинцы провели у себя свою линію, ограничивъ общее образованіе «семилѣткой». А РСФСР, по признанію Луначарскаго, «пошелъ по этому пути съ осторожностью и сократилъ немного девятилѣтокъ».

Этимъ «немногимъ» профессіоналисты, однако, не ограничились. Былъ поднятъ вопросъ вообще о смыслѣ существованія «девятилѣтки». У Пистрака находимъ *политическую* мотивировку, враждебную этой школѣ. Взглядъ на девятилѣтку, какъ на подготовительную ступень въ университетъ (къ «вузу») есть «вредный предразсудокъ», свойственный «инертному составу учителей бывшихъ гимназій», продолжающихъ держаться «привычныхъ представленій о такъ называемомъ среднемъ образованіи», и соціальному составу этой школы, — «старо-интеллигентскому, буржуазному, мѣщанскому по идеологіи, который традиціонно ищетъ возможности окончить гимназію, чтобы выйти въ люди». На самомъ дѣлѣ, «школа второй ступени не можетъ быть только ступенью къ вузу»: оттуда «весьма малый процентъ окончившихъ поступаетъ въ вузъ..., основная же масса заканчиваетъ II ступенью свое образованіе». Дѣйствительное положеніе дѣла было иное: большинство кончавшихъ девятилѣтку просто *не могли* попасть въ вузы по ограниченности пріема и вслѣдствіе конкурренціи рабфаковъ (см. ниже). Такъ, въ 1926-30 гг. число оканчивавшихъ вторую ступень и девятилѣтку колебалось отъ 57 до 60 тысячъ,

а свободный пріемъ въ вузы былъ ограниченъ 11-13 тысячами, т. е. около 80% кончавшихъ «среднюю школу» просто не могло попасть въ высшую. Не было, очевидно, болѣе и основанія называть ее средней. Бывшая «гимназія» превращалась въ школу съ законченнымъ курсомъ образованія, получала другую «цѣлевую установку» — въ направленіи «практизаціи», къ чему и приспособлялись разные профессіональные «уклоны» ея двухъ послѣднихъ классовъ (16 и 17 годы возраста). Попытки удержать послѣ этого общеобразовательный характеръ этихъ классовъ превращались въ чистое лицемѣріе.

Но, помимо отсѣченія «девятилѣтки» отъ «вуза», и низшія ступени квази-«единой» школы были тоже отсѣчены одна отъ другой. Возможность свободнаго перехода изъ низшаго типа въ высшій становилась и тутъ совершенно фиктивной. Каждый типъ школы становился законченнымъ и замкнутымъ самъ въ себѣ. Уже въ виду переполненности «семилѣтокъ» переходъ туда изъ «четырехлѣтки» былъ возможенъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Лишь для 3-4% кончавшихъ четырехлѣтку могло найтись въ ней мѣсто. Притомъ-же, программа и уровень выучки въ четырехлѣткѣ — особенно деревенской — были значительно ниже соотвѣтственныхъ младшихъ четырехъ классовъ «семилѣтки». Въ свою очередь, и «семилѣтка» обособилась въ отдѣльный типъ школы: программа послѣдняго года въ ней, въ концѣ концовъ, была установлена иная, чѣмъ въ седьмомъ классѣ «девятилѣтки». Свобода выбора образованія была, такимъ образомъ, снова ограничена. Выбирать жизненный путь приходилось съ дѣтства, какъ и въ до-реформенной школѣ.

Разбивъ на куски «единую» школьную нить, «практики» сдѣлали и слѣдующій шагъ. Они сообщили каждому отдѣлившемуся звену роль подготовительной школы къ окончательному выбору профессіи. Прикрывъ доступъ изъ каждаго типа въ высшій, они за-то открыли выходъ въ соотвѣтственныя профессіональныя учрежденія. Изъ «четырехлѣтки» можно было идти въ низшія профессіональныя школы и въ школы «фабрично-заводскаго ученичества» и «крестьянской молодежи». Здѣсь было мѣсто примѣрно для 10% кончавшихъ «четырехлѣтку». «Семилѣтка» давала право поступленія въ «техникумъ» съ трехгодичнымъ курсомъ. Наконецъ, «девятилѣтка» сама, какъ мы видѣли, въ послѣдніе два года («второй концентръ второй ступени») давала, помимо подготовки къ университету, также и профессіональную выучку. Прикладной характеръ всей этой постройки подчеркивался слѣдующей формулой украинскаго оффиціальнаго органа: «намъ нужны въ государственномъ строительствѣ массы квалифицированныхъ сознательныхъ рабочихъ... Это — низшее образованіе. Намъ нужны техники-спеціалисты высшей квалификаціи... Это выс-

шее (среднее) образованіе. Намъ нужны организаторы высшей квалификаціи... Это спеціальное научное образованіе...» Дифференціація функцій здѣсь проводится съ строгостью муравейника или пчелинаго улья.

Сообразно съ этой перемѣной школьной политики, большевики вспомнили и о технической школѣ дореформеннаго періода, о которой забыли въ первые годы увлеченія педагогическими «утопіями». Съ 1888 г. существовала, благодаря Вышнеградскому, цѣлая система техническихъ учебныхъ заведеній. Передъ войной (1914) на территоріи будущаго СССР. числилось 2.877 низшихъ и среднихъ техническихъ школъ съ 266.982 учащимися. Изъ нихъ въ 1918-19 г. оставалось (въ европейской части Р. С. Ф. С. Р.) 1.500 проф. школъ съ 33.259 учащимися. Декретъ 29 января 1920 г. исправилъ признанную Луначарскимъ «ошибку». Было вновь открыто «главное управленіе профессіональнаго образованія» («Главпрофобръ») и введена (20 іюля 1920) упомянутая выше система, сходная съ системой 1888 г.

Въ концѣ концовъ, общеобразовательный характеръ закрѣплялся только въ низшей школѣ, предназначенной для народной массы. Но здѣсь общее образованіе сталкивалось и приходило въ конфликтъ съ другой струей, намъ уже извѣстной: съ задачами «соціальнаго воспитанія». Объединить то и другое, образованіе и воспитаніе, долженъ былъ чудодѣйственный новый методъ «комплекса», вмѣстѣ съ другими, его сопровождающими. Въ послѣднее время совѣтскіе педагоги - теоретики предпочитаютъ, впрочемъ, говорить не о «комплексномъ *методѣ*», а о «комплексной *системѣ*». Они разсчитываютъ, очевидно, что видоизмѣненная терминологія предохранитъ массоваго учителя отъ многочисленныхъ недоразумѣній и извращеній, созданныхъ прежнимъ туманнымъ терминомъ.

Что такое «комплексовый методъ»? Авторъ спеціальной работы о «методахъ комплекснаго преподаванія», дожившей до 6-го изданія (1925), Соколовъ признаетъ, что даже въ совѣтской педагогикѣ этотъ терминъ выплылъ какъ-то неожиданно. «Когда Цектранъ въ 1920 г. обратился въ Центр. Педагогич. Институтъ съ просьбой написать небольшую брошюру по этому вопросу въ 1-2 печатныхъ листа, педагогическая секція Института была поставлена въ большое затрудненіе», разсказываетъ онъ. «Ей пришлось искать матеріалы не въ книгахъ, а въ непосредственной практикѣ опытно-показательныхъ учрежденій». Въ результатѣ этихъ поисковъ у самого автора появился цѣлый рядъ сомнѣній, которыми мы и подѣлимся съ читателемъ. Оговоримъ, что за эти сомнѣнія Соколовъ подвергся осужденію ортодоксальныхъ педагоговъ.

Прежде всего «комплексъ» — въ томъ, что въ немъ есть вѣрнаго, — не новъ. Основная мысль его — «объединить содержаніе школьной работы между преподаваемыми предметами» — «стара, какъ сама педагогика». Въ Россіи еще Ушинскій выдвинулъ идею «концентраціи» преподаванія. Онъ сдѣлалъ такимъ центромъ, вокругъ котораго объединялись другіе предметы, родной языкъ. Причины были понятны: онѣ были и педагогическія, и практическія. Съ педагогической точки зрѣнія, языкъ есть единственный предметъ, знакомый школьнику до поступленія въ школу: на немъ и надо строить. Практическая цѣль (о ней Соколовъ не говоритъ) состояла въ необходимости расширить слишкомъ узкую программу начальной школы стараго режима. Путемъ «объяснительнаго чтенія» можно было передать ребенку любое конкретное знаніе — по литературѣ, морали, естествовѣдѣнію и т. д. Этимъ путемъ и проводилась въ то время въ школу просвѣтительная контрабанда. И самый методъ сообщенія свѣдѣній путемъ свободнаго, непринужденнаго разговора стр. 876, методъ Шаррельмана) былъ привыченъ прежнему учителю, практиковавшему «объяснительное чтеніе». Но «новая школа», какъ мы знаемъ, на этомъ не останавливалась. Она требовала не школьныхъ «сидячихъ» разговоровъ, а выхода школы въ жизнь, — не словесныхъ поясненій учителя къ книгѣ, а накопленія ребенкомъ собственныхъ опытовъ, въ порядкѣ самодѣятельности. Въ такомъ порядкѣ не только естествознаніе, исторія, географія, арифметика, но и самый языкъ переставали быть предметомъ отдѣльнаго преподаванія. Знанія, вмѣсто систематическаго изложенія, сообщались мелкими клочками. Получалась «лоскутность», противъ которой первые возстали естественники. Они потребовали возвращенія къ «концентраціи», но уже не вокругъ родного языка, а вокругъ изученія окружающей природы, въ соединеніи съ дѣятельностью человѣка. Для «трудовой» школы такая постановка была очень удобна: въ такую «концентрацію» можно было легче ввести требуемые «трудовые» процессы въ школѣ. Для работъ среди природы — въ саду, въ огородѣ, въ полѣ было необходимо знаніе ручного труда, столярнаго, слесарнаго ремесла и т. д. Такъ, вмѣсто «лоскутной» системы, занятія по этому способу должны были вестись «пачками» около живыхъ предметовъ: корова, мышенокъ, колодезь, рѣка, стрекоза, рыба. Эти «пачки» и есть «комплексы».

Тутъ, однако, являлись новыя возраженія. Еще вопросъ, можно ли заинтересовать ребенка окружающей обстановкой, хорошо ему извѣстной. Мальчики предпочитаютъ экскурсіямъ на Воробьевы горы путешествія по Альпамъ, а крестьянскія дѣвочки мечтаютъ выйти замужъ за герцога. Тѣ и другіе любятъ сказки и фантастическія

приключенія. Надо умѣть затронуть фантазію и любопытство ребенка. Иначе, новый методъ вызоветъ ту же пассивность и скуку, какъ и старый. Самый же крупный недостатокъ метода тотъ, что при немъ упускается преподаваніе отдѣльныхъ предметовъ и сообщеніе элементарныхъ навыковъ. «Въ результатѣ — обычное явленіе: орфографическая неграмотность, отсутствіе навыковъ въ счетѣ. А географія, литература, исторія, въ угоду методу, почти изгоняются изъ школы». Мы видимъ, какія серьезныя возраженія вызывалъ «комплексный методъ» даже у совѣтскаго спеціалиста. А вводить его приходилось не въ образцовой школѣ при помощи опытнаго, талантливаго педагога, а въ школѣ, которую мы знаемъ по описанію Крупской, и съ извѣстнымъ намъ составомъ сельскихъ учителей.

Не будемъ останавливаться на различныхъ способахъ разрѣшить всѣ эти затрудненія въ «опытныхъ» школахъ, пытавшихся примѣнить къ русской практикѣ методы Лая и Дюи (стр. 876-7), порознь или вмѣстѣ. Рядовой русскій учитель въ годы этихъ колебаній былъ вполнѣ предоставленъ самому себѣ — и совершенно растерялся. Онъ понималъ, что старая школа должна быть замѣнена какой-то новой. Но какой именно, онъ не зналъ; а общія начала марксистской школы примѣнить на практикѣ не умѣлъ. Конецъ этому недоумѣнію хотѣли положить оффиціальныя программы «Государственнаго Ученаго Совѣта» (ГУС'а), обсужденныя спеціалистами и изданныя въ 1923 году. Учителя спорили, слѣдуетъ-ли исходить въ преподаваніи отъ программы или отъ самодѣятельности ребенка. А ГУС рѣшилъ, что надо исходить изъ *цѣли* воспитанія. Цѣль эта намъ извѣстна: въ послѣднемъ счетѣ, это — созданіе новаго коммунистическаго поколѣнія.

Съ педагогической точки зрѣнія, основная цѣль программъ ГУС'а была, конечно, иная. Программы преслѣдовали цѣль — устранить такіе случайные «комплексы» отдѣльныхъ самоучекъ-преподавателей, какъ «колодезь», «кошка» и т. п. Программы ГУС'а привели комплексы въ систему и распредѣлили ихъ въ извѣстномъ порядкѣ между четырьмя годами школы первой ступени. Но основной мыслью этой классификаціи комплексовъ было — сосредоточить все преподаваніе четырехлѣтки около излюбленныхъ положеній марксистской школы. Такихъ положеній было намѣчено три: трудовая дѣятельность человѣка, какъ центръ; изученіе производительныхъ силъ природы, на которыя направлена эта дѣятельность, и тѣхъ общественныхъ отношеній, которыя создаются въ процессѣ трудовой дѣятельности. Это тройное дѣленіе комплексовъ, заимствованное у бельгійскаго педагога Декроли и голландскаго Лигтгарта, было предложено Крупской. Его значеніе для *марксистской* программы — очевидно.

Въ первомъ изданіи 1923-4 г. г. преподаваніе по программамъ ГУС'а должно было вестись по тремъ «колонкамъ»: въ центрѣ «трудъ; по бокамъ — «природа» и «общество». Центральной «комплексной» темой перваго года обученія должна была служить «трудовая жизнь *семьи* въ деревнѣ или городскомъ кварталѣ». По сторонамъ ея: «времена года» и «семья и школа». На второй годъ центральная тема: «Трудовая жизнь въ деревнѣ или городскомъ кварталѣ», а по бокамъ: «воздухъ, вода, почва, культурныя растенія и животныя и уходъ за ними». Въ третьемъ году: «хозяйство мѣстнаго края», а въ боковыхъ колонкахъ плана: «элементарныя наблюденія изъ физики и химіи, общественныя учрежденія губерніи или области, картины изъ прошлаго мѣстнаго края». Наконецъ, на четвертый годъ: «хозяйство РСФСР и другихъ государствъ», а по бокамъ: «географія Россіи и другихъ странъ, жизнь человѣческаго тѣла» и «государственный строй Россіи и другихъ государствъ, картины изъ прошлаго человѣчества». Все это предлагалось внушить ребенку въ возрастѣ отъ 8 до 12 лѣтъ! Въ слѣдующіе три года марксистская подкладка программы становилась уже совершенно откровенной, и вмѣстѣ съ тѣмъ выяснялось, что дѣло идетъ уже не о самодѣятельности ученика, — для чего, собственно, и рекомендовался комплексъ передовой педагогикой, а просто о пассивномъ усвоеніи коммунистическаго міровоззрѣнія. Такъ, на седьмой ступени ученикъ долженъ былъ усвоить, что «совѣтская система — переходъ отъ капитализма къ коммунизму» и т. д.

Естественно, что такая программа вызвала уже не отдѣльныя сомнѣнія, вродѣ соколовскихъ, а общій предварительный вопросъ, который и былъ поставленъ другимъ педагогомъ, Н. Іорданскимъ. «Своевременно-ли въ періодъ только-что изживаемой разрухи и налаживанія мѣстнаго школьнаго бюджета ставить вопросъ о *массовой* трудовой школѣ? Есть ли для нея какія нибудь реальныя возможности? Не проще ли — и не отвѣчаетъ ли больше дѣйствительности — ограничиться поддержкой немногихъ опытныхъ учрежденій... и ждать нѣсколькихъ лѣтъ результатовъ ихъ опыта?» Нарисовавъ извѣстную уже намъ картину недостатковъ существующей школы, Іорданскій указывалъ и на тотъ необходимый минимумъ благоустройства ея, безъ котораго, очевидно, программа ГУС'а была просто невыполнима. Онъ, однако, отдавалъ предпочтеніе «благопріятнымъ симптомамъ». Правда, учительство — «малосознательно, инертно, тяготѣетъ къ прошлому». Дѣти — «еще не дѣти революціи». Населеніе мелко-буржуазно. Но... ничего, — вездѣ имѣются и признаки грядущей перемѣны. «Комплексъ — непримѣнимъ цѣликомъ въ нашихъ школахъ, бѣдныхъ средствами и силами». Но вѣдь онъ не примѣ-

нимъ и «ни въ одной странѣ въ культурномъ мірѣ»! Учитель «не можетъ серьезно и глубоко проработать программу ГУС'а»? Ничего, «помогутъ мѣстная власть, общественность, кооперація». Новая школа «снижаетъ успѣхи учениковъ»? «Зато она даетъ жажду самообразованія». «Гдѣ кабинеты и лабораторіи»? «Первая лабораторія — сама жизнь».

Съ такими настроеніями подходили оффиціальные педагоги къ внесенію трудовой школы экспериментальнаго типа въ массы. На всѣ сомнѣнія педагога-практика педагогъ-теоретикъ (въ данномъ случаѣ проф. М. М. Рубинштейнъ) отвѣчалъ однимъ рѣшающимъ соображеніемъ. «Единственнымъ правдивымъ критеріемъ въ данномъ случаѣ можетъ быть сознаніе, что мы вступили въ новую полосу жизни, когда нуженъ новый человѣкъ, человѣкъ характера, большой самостоятельности, большой волевой и соціальной культуры, борецъ и творецъ и т. д. — однимъ словомъ, сознаніе всего того, что наше время объединило подъ названіемъ трудовой школы... Трудовая школа есть не просто школа данной эпохи... она есть выраженіе огромныхъ историческихъ итоговъ, выраженіе воли къ новому человѣку, къ новой культурѣ и новому содержанію образованія». Во всей книгѣ Рубинштейна нѣтъ ни одного указанія на русскую дѣйствительность. Но за то въ ней очень много указаній на то, что «Гербартъ говоритъ», какъ «Гербартъ правильно отмѣчаетъ» и т. д.

Какъ же реагировала дѣйствительность, намъ уже извѣстная, на всѣ эти педагогическія мудрствованія? Едва прошелъ годъ послѣ введенія «трудовой школы» по первому уставу 16 октября 1918 г. какъ съ мѣстъ стали поступать (конецъ 1919 г.) извѣстія, что тамъ ничего не дѣлается. Изъ Владимирскаго у., напр., мѣстный отдѣлъ сообщалъ, что, «вслѣдствіе отсутствія денегъ на введеніе трудовыхъ процессовъ въ школѣ, преподаваніе происходитъ по-старому». Въ Меленковскомъ у. «преподаваніе ведется по старому. Учительство мало подготовлено къ занятіямъ по-новому; относится пассивно къ проведенію школьной реформы». Муромскій у. «за отсутствіемъ инструкторовъ, остался почти незатронутымъ». Въ этомъ уѣздѣ «нѣтъ подготовленнаго педагогическаго персонала, кредитовъ, приборовъ и матеріаловъ для введенія трудовыхъ процессовъ». Изъ Рязани писали, что «подавляющее большинство учительства второй ступени относится къ школьной реформѣ съ крайнимъ нерасположеніемъ». Изъ Симбирска сообщаютъ: «учительство почти въ полномъ объемѣ не освѣдомлено о принципахъ трудовой школы», и «во всѣхъ школахъ преподаваніе ведется по старымъ, архаическимъ методамъ». Почти повсемѣстно отнеслись отрицательно къ отмѣнѣ религіознаго преподаванія. Изъ Олонецкаго и Вытегорскаго уѣздовъ сообщали,

что въ 40% (133 и 137 случаевъ) ни учительство, ни населеніе не пожелало исполнить декрета. Краткосрочные педагогическіе курсы (лѣтомъ 1919 г. болѣе 200, лѣтомъ 1920 до 300) дѣлу не помогали; иногда сами инструкторы хорошенько не знали, что они должны преподавать. Съ осени 1919 г. всѣ учительскія семинаріи были закрыты и замѣнены трехгодичными курсами для взрослыхъ. Къ 1 января 1921 г. такихъ курсовъ было уже 176, да годичныхъ 89 («высшихъ» было еще 58). Учащихся во всѣхъ нихъ — до 30.000.

Это, однако, немногимъ улучшило положеніе. Оно стало еще труднѣе для учителя, когда начальство приступило систематически къ примѣненію новыхъ методовъ. Имѣется безконечный рядъ указаній на полную неудачу примѣненія комплекснаго метода въ массовой школѣ. «Лишь немногіе», свидѣтельствуетъ защитникъ этого метода Е. И. Перовскій, «да и то робко и неувѣренно, сразу приняли его, почувствовавъ въ немъ одинъ изъ рѣшающихъ элементовъ новой школы... Гораздо больше было отрицающихъ, и ужъ совсѣмъ неисчислима была масса непонимающихъ. А всѣ вмѣстѣ не знали, что дѣлать. По старому учить, какъ будто-бы было нельзя, по новому же, по «комплексному методу», было непонятно и страшно». Въ результатѣ, «принципы новой школы втеченіе первыхъ лѣтъ смогли обосноваться лишь въ лучшихъ опытныхъ школахъ. Массовую же школу эти принципы практически мало тронули. Ихъ прицѣлъ оказался выше матеріальныхъ и, главное, персональныхъ возможностей тогдашней школы... Поэтому, и подъ вывѣской «трудовая» наша школа продолжала работать надъ *навыками* — почти такъ же, какъ она работала надъ ними до Октября». «Программы ГУС-а, прибавляетъ къ этому В. Н. Шульгинъ, «пытаются — и не безъ успѣха — проходить по старому. Съ внѣшней стороны все благополучно, все на своемъ мѣстѣ; есть и «комплексы», и «мѣстный матеріалъ» и діаграммы, и даже, какъ будто-бы, знанія у учащихся. А между тѣмъ все только внѣшность, на самомъ же дѣлѣ, нѣтъ ничего. Нѣтъ самой сути, нѣтъ связи съ практическимъ дѣломъ... Комплексы изучаются по книгамъ, въ классѣ». Признаетъ нашъ педагогъ и то, что, не усвоивши новыхъ принциповъ и «не съумѣвъ стать соціально-трудовой ячейкой», массовая школа перестала давать и элементарные «навыки», какіе давала старая школа. «Что положеніе здѣсь дѣйствительно плохо, это едвали подлежитъ сомнѣнію», говоритъ онъ... «Ученики, кончающіе школу 1 ступени и не умѣющіе дѣлать даже простѣйшихъ операцій съ десятичными дробями, ошибающіеся въ дѣйствіяхъ съ числами до тысячи, ставящіе на каждой страницѣ своего письма по нѣсколько десятковъ ошибокъ, — это горькій фактъ нашихъ дней». Но за то, смѣло утверждаетъ онъ, вмѣсто «формальныхъ навыковъ», языко-

выхъ и математическихъ, новая школа стремится дать другіе, «жизненно - практическіе» навыки: «производственно - техническіе, соціально-организаціонные, оріентировочные», какихъ не имѣлось въ программахъ работъ нашей старой начальной школы». А именно *эти-то* навыки и проводятъ «марксистское міропониманіе» въ школу. «Схема ГУС-а», подтверждаетъ и другой педагогъ, Пистракъ, «есть марксистскій подходъ къ современности»; на ея основѣ «у насъ будетъ выростать система коммунистическаго воспитанія».

Отклики снизу, однако, также показали, что цѣль эта отнюдь не достигается. Когда крестьянинъ видѣлъ, что зачастую на третьемъ году обученія ученикъ не можетъ прочесть объявленія или написать необходимое заявленіе, то «это вызывало естественное раздраженіе и недовѣріе къ новой совѣтской школѣ». «Наиболѣе волнующее и острое», говоритъ педагогическій оффиціозъ, «что затрагивали буквально всѣ крестьяне, бесѣдовавшіе съ нами о школѣ, — это объ умѣніи читать и писать». А вѣдь предполагалось, что на четвертый годъ ученикъ трудовой школы долженъ умѣть написать «самое трудное и сложное письмо, дать отчетъ, вести протоколы митинга, составить пѣтицію, написать докладъ о сдѣланной работѣ, вести книги» и т. д.

Вотъ бесѣда съ деревенскимъ учителемъ, показывающая, къ чему приводило экспериментированіе надъ учениками по новѣйшимъ методамъ — и это при *желаніи* педагога добросовѣстно выполнить приказанія. «Сперва мы ввели методъ *самодѣятельности;* ученики должны были дѣлать сами». А обученіе? «Признаться, никакого обученія не было... Дѣти слишкомъ уставали, чтобы учиться... Потомъ былъ введенъ другой методъ — методъ «*дискуссіи*», замѣненный «методомъ *лабораторнымъ и активнаго труда*», тѣсно связаннымъ съ «*экскурсіоннымъ* методомъ». Затѣмъ наступила очередь «*концентраціоннаго* метода». Впрочемъ, мы не останавливались долго на «*комплексномъ* методѣ» и перешли къ «*дальтоновскому* плану»... Почти примѣнили его на практикѣ, но тутъ вмѣшались крестьяне и потребовали, чтобы учениковъ «дѣйствительно чему-нибудь учили». Теперь я пытаюсь плюрализировать всѣ эти методы: дѣти развиваются, толкуютъ о всякаго рода вещахъ... Но, къ несчастью, со всѣми этими методами они не научаются читать и писать... Но я не смѣю учить ихъ по старому, а изъ новыхъ методовъ ничего не выходитъ. Когда инспекторъ посѣщаетъ нашу школу, онъ видитъ, что въ ней нѣтъ ни книгъ, ни бумаги, ни карандашей. А онъ спрашиваетъ: учите-ли вы по комплексному методу? Организуете-ли вы экскурсіи?»

Не всѣ учителя, однако, были такъ послушны. Многіе пытались спасти школу, не слушаясь начальства. Вотъ свидѣтельство

Луначарскаго. «Большинство школъ перешло на предметный методъ, считая, однако, что они примѣняютъ комплексъ, потому что онъ вкрапленъ въ преподаваніе. Программа у нихъ приблизительно такая: «овца, ариѳметика, письмо и т. д.... «Овца» — это, оказывается, комплексъ; овцу они приносятъ въ жертву этому методу, а потомъ учатъ по старинкѣ»...

Справедливость требуетъ, однако же, признать, что выходъ совѣтской педагогики изъ школьной комнаты на улицу, такъ пагубно отозвавшійся на систематическомъ («сидячемъ») преподаваніи и на пріобрѣтеніи навыковъ письма и счета, имѣлъ и свои положительныя стороны. Первая изъ нихъ, это — то дѣйствіе школы на окружающую среду, которое марксистская педагогика подводитъ подъ понятіе «общественно-полезнаго труда». Безъ сомнѣнія, при отсталости русской деревни, школа не можетъ не явиться тѣмъ «свѣточемъ» среди окружающаго мрака, о которомъ говорили еще земскіе дѣятели (см. выше, стр. 827). Въ совѣтской педагогической литературѣ имѣется нѣсколько классификацій этого рода дѣятельности: классификація Бернштейна — на 27 группъ, Пинкевича — на 9 группъ, Перовскаго — на 5 основныхъ группъ и т. д. Для простоты беремъ послѣднюю, тѣмъ болѣе, что у Перовскаго къ каждому отдѣлу и подъотдѣлу подведены и соотвѣтствующіе факты изъ жизни школы. Мы видимъ здѣсь, что въ области «хозяйственной дѣятельности» были случаи охраны учениками лѣса, луга, улучшеніе содержанія скота, куроводства, борьбы съ вредителями, улучшенія землепользованія, огородничества, садоводства, — даже передѣловъ земли. Въ области «благоустройства» школа начинала съ приведенія въ порядокъ своего собственнаго участка, чинила дороги и т. д. Въ области «санитарно-гигіенической» школа боролась противъ деревенской антисанитаріи, не только пропагандируя соотвѣтственныя знанія и навыки, но и вмѣшиваясь активно въ охрану чистоты питьевой воды, стремясь улучшить домашнюю жизнь ребенка, борясь съ источниками заразы и т. п. Въ области «культурно-просвѣтительной» школа устраивала спектакли и вечера, чтенія, содѣйствовала ликвидаціи безграмотности, создавала ясли и сады для дошкольнаго возраста, наконецъ, защищала свои пріемы отъ возраженій крестьянъ: «занимались бы лучше дѣломъ, читали, писали, задачи считали», а то «нечего вамъ дѣлать въ школѣ: вотъ и ходите по полямъ, да по лугамъ».

Во всемъ этомъ нѣтъ, конечно, ничего специфически-марксистскаго. Но элементъ коммунизма появляется на сцену, когда школу заставляютъ продѣлывать «общественно-политическую работу»: устраивать революціонные праздники, проводить политическія «кампаніи», бороться съ религіей, участвовать въ избирательныхъ кам-

паніяхъ и т. д. Большевики именно для этой послѣдней отрасли работы создали особыя ячейки дѣтей-«піонеровъ» и «коммунистической молодежи» (комсомолъ). И именно здѣсь они встрѣтили сопротивленіе деревенской «среды». Возникъ, конечно, и педагогическій вопросъ: насколько возможно за «общественно - полезной» работой забывать дѣло преподаванія. Болѣе умѣренные педагоги, какъ Пинкевичъ, совѣтуютъ школѣ работать «въ мѣру силъ». Болѣе радикальные готовы пожертвовать школьными «навыками» для «соціальныхъ».

Есть, наконецъ, и другая положительная сторона «новой школы», въ которой полезная сама по себѣ — и не новая — мысль была доведена марксистской педагогіей — до крайностей. Это — организація и дѣятельность самоуправляющагося «дѣтскаго коллектива» въ школѣ. Въ какой степени учитель долженъ открыто или скрыто удерживать въ своихъ рукахъ «бразды правленія» надъ коллективомъ — и въ какой степени онъ можетъ не только предоставить коллективъ самому себѣ, но и допустить его власть надъ самимъ учителемъ? И по этому вопросу велись острые споры. Въ первомъ «утопическомъ» періодѣ декретъ 1918 г. прямо запрещалъ какія бы то ни было наказанія въ школѣ и давалъ дѣтямъ рѣшающій голосъ въ педагогическихъ совѣтахъ. Это, конечно, привело, на первыхъ порахъ, къ полному хаосу. И декретъ 1923 г., какъ вы видѣли, внесъ въ положеніе полную перемѣну, отдавъ всю власть въ школѣ назначенному мѣстной властью главному учителю. Съ этихъ поръ дѣтскому «самоуправленію» старались придать другое направленіе — на работу внѣ учебныхъ часовъ и внѣ школы. Но, какъ только что замѣчено, «общественно-полезная» работа въ этомъ направленіи скоро осложнилась вмѣшательствомъ партійныхъ задачъ, проводимыхъ черезъ упомянутую организацію «піонеровъ». Зародившись въ 1922 г., когда она насчитывала всего 4.000 ребятъ, эта организація уже къ ноябрю 1924 г. имѣла въ своихъ рядахъ болѣе 600 тысячъ, а къ 1928 г. достигла 2 милліоновъ. Устроенная по образцу бой-скаутовъ, эта организація постепенно была направлена всецѣло на выполненіе партійныхъ задачъ. Педагоги, какъ В. Н. Шульгинъ, совѣтовали власти въ этомъ отношеніи не стѣсняться. Надо «безпощадно бороться въ школѣ»; «въ семью, на улицу нашу идеологію должны *нести дѣти* и разбивать, крушить, передѣлывать прошлое». Мы уже знаемъ, какое значеніе хотѣли дать «піонерамъ» въ борьбѣ съ религіей.

Въ *настоящемъ*, во всякомъ случаѣ, по признанію самихъ этихъ педагоговъ, результаты далеко не полны. Такъ, научно-педагогическій институтъ опросилъ 8.000 дѣтей въ возрастѣ отъ 9 до 16 лѣтъ, какъ живутъ СССР съ другими странами, какая разница между красной арміей и другими и зачѣмъ нужно ГПУ. Цѣль во-

просовъ была ясна, и тѣмъ интереснѣе отвѣты. Конечно, *формально,* дѣти отвѣтили въ большинствѣ, какъ требовалось. 77% піонеровъ и непіонеровъ признали «враждебность» международныхъ отношеній, 59-57% признали красную армію «классовой» и 89-86% заявили, что ГПУ «нужно». Но, въ то же время, 47-51% находили, что отношенія СССР съ другими странами *должны* быть мирныя, и только 38-35% оказались милитаристами. Это отразилось и на мотивахъ признанія красной арміи. А по отношенію къ ГПУ 53-45% ограничились объясненіемъ иниціаловъ ГПУ, 7% смѣшали ГПУ съ милиціей и 19-30% дали абсурдные отвѣты («Городской Потребительскій Уѣздъ» или «Главное Пароходное Управленіе» или «это, куда поступаютъ жалобы»). По всѣмъ вопросамъ довольно значительный процентъ уклонился отъ отвѣта: по первому 3-6%, по второму — 7-12% , по третьему — 12-15%. Эти данныя, вмѣстѣ съ тѣми, которыя мы сообщили по вопросу объ атеизмѣ (см. выше, стр. 271-272) очень ярко показываютъ, въ какомъ незаконченномъ видѣ находилось на 12 году существованія СССР состояніе дѣтскаго гипноза. Конечно, надо прибавить, что съ приближеніемъ отъ 9 лѣтъ къ 10-ти дѣтскій «пацифизмъ» падаетъ (съ 63 до 35%), а воинственность поднимается (съ 20 до 55%). И трудно сказать, въ какой степени семья, внѣшкольныя вліянія, собственное здоровое чувство самосохраненія подростающаго поколѣнія смогутъ предохранить его отъ систематическаго напора изъ школы, заставляющаго ребенка дать и выполнить формальное обязательство бороться съ семьей и доносить на старшихъ.

Ознакомившись теперь съ тремя главными сторонами дѣятельности новой совѣтской школы (профессіонализмъ, новые методы, самодѣятельность учениковъ), мы должны признать, что эта дѣятельность не исчерпывается одними неудачами. Мы указали уже на ея положительныя стороны. Что касается отрицательныхъ сторонъ, ярко подчеркнутыхъ практикой, нельзя сказать, что къ этой сторонѣ совѣтская власть осталась совершенно нечувствительной. Въ своихъ собственныхъ интересахъ — и, конечно, не жертвуя ими, — она старалась сдѣлать свою школу наиболѣе эффективной. Съ другой стороны, и учительство постепенно привыкало мирить новые методы съ требованіями житейскаго опыта. Получая со всѣхъ сторонъ свѣдѣнія о неприложимыхъ къ жизни сторонахъ своей системы, Наркомпросъ пошелъ на болѣе или менѣе значительныя уступки. Эти уступки, въ затушеванномъ, по возможности, видѣ, мы находимъ въ новомъ, пересмотрѣнномъ изданіи программъ ГУС-а, появившихся въ 1927 году. Прежде всего, новое изданіе отказалось отъ распредѣленія учебнаго матеріала по упомянутамъ выше тремъ колонкамъ:

природа, трудъ и общество. По вопросу о томъ, какъ соединить «трудовую» дѣятельность школы съ пріобрѣтеніемъ въ ней элементарныхъ навыковъ, программы 1927 г. повели довольно извилистую линію. Съ одной стороны, они признали, что безъ спеціальныхъ упражненій пріобрѣтеніе «навыковъ» невозможно. Допускаются и отдѣльные часы для тренированія въ орфографическихъ и математическихъ навыкахъ. Но допускать эти отступленія можно лишь, какъ пережитокъ, объясняемый неопытностью учителя. Вообще же, надо умѣть «увязывать» формальные навыки съ комплекснымъ матеріаломъ, и выдвигать ихъ на первое мѣсто не слѣдуетъ.

Однако-же даже и такая компромиссная программа вызвала возраженія, которыя въ дальнѣйшемъ (см. стр. 927, 932) привели къ ея новому пересмотру. Извѣстный намъ В. Н. Шульгинъ нашелъ въ программахъ 1927 г. «правый уклонъ». «Выхолостили содержаніе программъ, правильно говорила Крупская», — напоминалъ онъ. «Въ программахъ 1927 года, въ «новомъ», «стабилизованномъ» варіантѣ, было выкинуто самое существенное, самое основное — борьба за міровоззрѣніе. Подъ крики «борьба за навыкъ» выкидывался обществовѣдческій матеріалъ, ослаблялась борьба съ религіей, меньше удѣлялось вниманія колхозу, совхозу, соціалистическимъ формамъ хозяйства въ деревнѣ, совсѣмъ почти было выкинуто интернаціональное воспитаніе и затушевано самое упоминаніе объ идущей классовой борьбѣ въ городѣ и деревнѣ».

Однако, какъ разъ всѣ эти черты обѣщали закрѣпить улучшенныя взаимоотношенія между школой и населеніемъ. «Переломнымъ» моментомъ явилось тутъ, какъ и въ другихъ областяхъ наступленіе нэпа. Отношеніе населенія къ совѣтской школѣ, вначалѣ бывшее неблагопріятнымъ, съ этихъ поръ постепенно измѣнилось. Конечно, эта перемѣна объясняется не столько измѣненіемъ отношенія къ большевикамъ, сколько вообще потребностью населенія въ образованіи, которая тутъ могла проявиться свободнѣе, чѣмъ прежде. По свидѣтельству Луначарскаго, измѣненіе отношенія къ школѣ становится особенно замѣтно съ 1924-25 г. Еще въ предыдущемъ году, 1923-24, даже первыя двѣ группы сельской начальной школы оказались недогруженными. А въ 1924-25 г. населеніе начинаетъ «осаждать» школу. Въ этомъ году сѣть школъ первой ступени выросла съ 46.071 до 51.180, т. е. на 11 %. А количество дѣтей въ нихъ поднялось съ 2.761.255 до 3.811.508, т. е. на 39 %. Одному учителю приходилось заниматься съ 100-120 учащимися. То же самое подтверждаетъ въ своей брошюрѣ Н. К. Замковъ. «Послѣ переломнаго 1923-24 г. деревенскія школы загудѣли», говоритъ онъ, — «наполнились до отказу... Сплошь и рядомъ 8-9 лѣтки сидятъ рядомъ съ 12-14 лѣтками.

За одинъ 1924-25 учебный годъ въ РСФСР въ деревенскихъ школахъ открылось около 15.000 новыхъ школьныхъ группъ, т. е. свыше 17.000 нормальныхъ комплектовъ по 40 чел. Но, несмотря на это, стихійно стали рости не только договорныя, но и своеобразныя «подпольныя» школы, совсѣмъ ускользавшія изъ поля зрѣнія органовъ народнаго образованія. Въ 1925-26 г. открыто около 10.000 школьныхъ комплектовъ; ассигновано около 10 милл. руб. на помощь,.... поровну изъ государственнаго и мѣстнаго бюджетовъ». Но тотъ же авторъ указываетъ и пробѣлы этого интереса населенія, удовлетворявшагося *низшими* классами школы I-ой ступени. «Прошлогоднее статистическое обслѣдованіе», замѣчаетъ онъ, «показало, что еще очень долго четырехкомплектная школа *не будетъ* для деревни нормальнымъ типомъ школы. Даже обычныхъ двухкомплектныхъ въ СССР оказалось всего 31,5 % общаго числа, и обучалось въ нихъ только 37,9 % всѣхъ учащихся. 56,7 % школъ въ деревнѣ — *одно-комплетныя;* въ нихъ обучается 35,1 % всѣхъ учащихся. Учителя тамъ перегружены (больше 40 учениковъ на учителя); пріемъ — черезъ годъ». Отсюда выводъ: введеніе обязательности обученія будетъ возможно лишь при условіи непремѣннаго достиженія нормальнаго 4-хлѣтняго срока обученія». Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что дѣти посѣщали школу, вмѣсто 4-хъ лѣтъ, въ среднемъ, только 2,4 года. Такимъ образомъ, высчитываетъ оффиціозъ, «современная школа даетъ элементарное образованіе лишь четверти (23,6 %) поступающихъ въ нее дѣтей, вся же остальная масса уходитъ изъ нея, вѣроятно, съ навыками простой грамотности, при чемъ значительная часть, около трети (30,3 %), выбывая послѣ перваго года обученія, можетъ стать въ ряды безграмотныхъ». Надо прибавить, что особенно несклонны къ продолжительному ученію оказались дѣти «бѣдняковъ», выходящія изъ школы уже на второмъ году въ количествѣ 69 %. Дѣти крестьянъ «середняковъ» выбываютъ на третьемъ году (63 %) и только дѣти «зажиточныхъ и служащихъ» остаются въ школѣ на четвертый годъ.

Начиная съ 1923-24 г. ростутъ и ассигнованія на народное образованіе и количество школъ. Мы уже знаемъ, что въ тяжелые годы правительство переложило тяжесть расходовъ по народному образованію на мѣстныя средства. Мы видѣли, что изъ этого вышло. При окончательномъ устройствѣ школы нельзя было не вернуться къ распредѣленію расходовъ между государственнымъ и мѣстнымъ бюджетами. При этомъ государство принуждено было взять на себя и долю мѣстнаго расхода по особо интересовавшимъ его статьямъ, какъ увеличеніе платы учителямъ, ликвидація неграмотности, школьное строительство (впервые этотъ «субвенціонный» фондъ внесенъ

въ бюджетъ 1924-25 г. въ суммѣ 17 милліоновъ). Быстрый ростъ бюджета, государственнаго и мѣстнаго, на народное образованіе виденъ будетъ изъ слѣдующихъ цифръ (въ милліонахъ рублей) *):

	Государств.	Мѣстный	Прочіе источ.	Всего
1922-23	45	36	»	81
1923-24	56,6	114,8	»	171,4
1924-25	76,2	168,0	»	244,2
1925-26	96,3	215,0	»	311,3
1926-27	?	?	?	695,3
1927-28	335,0	513,0	181,0	1.029,0
1928-29	379,0	676,0	224,0	1.279,0

Въ государственномъ бюджетѣ эти расходы составляли за послѣдній годъ 3,7 %, а въ мѣстномъ — 30,3 %; въ сводномъ бюджетѣ — 11,7% (въ бюджетѣ 1914 г. было 31,4%). Абсолютная цифра ихъ превысила ассигнованія 1914 года почти въ 2½ раза. Но и эти цифры оффиціальный отчетъ признаетъ «далеко недостаточнымъ подъемомъ и въ абсолютномъ выраженіи, и въ темпѣ». Въ самомъ дѣлѣ, въ докладѣ VI съѣзду завѣдующихъ отдѣлами народнаго образованія о бюджетѣ 1928-29 гг. Ходоровскій заявлялъ, что неудовлетворительность работы «упирается, главнымъ образомъ, въ бѣдность просвѣтительныхъ учрежденій, въ крайнюю слабость ихъ финансовъ — матеріальной базы... Въ смыслѣ финансовой базы», говорилъ онъ, «мы далеко еще не закончили даже возстановительнаго періода». Мы поймемъ эти жалобы, если замѣтимъ, что главный процентъ расхода приходится на плату учителямъ (не менѣе 50 % бюджета), а между тѣмъ, учитель получалъ въ среднемъ въ 1928-29 г. до 58 руб. въ мѣсяцъ. Оффиціальный отчетъ признаетъ это вознагражденіе «явно недостаточнымъ», отмѣтивъ притомъ, что «матеріальное положеніе преподавателей улучшалось крайне медленно»**). Соб-

*) Цифры сопоставлены изъ нѣсколькихъ источниковъ, которые не совсѣмъ сходятся другъ съ другомъ и сами съ собой (Луначарскій, Педаг. Энциклопедія, Нар. Просв. въ СССР за 1928-29). Гансъ и Гессенъ даютъ (стр. 46) совсѣмъ другія цифры, поднимающіяся за 1923-24 до 1927-28 г.г. съ 102,8 милл. р. до 280 милл. р. по государственному бюджету и съ 161,4 милл. до 567 — по мѣстнымъ, а всего съ 264,2 милл. до 848,7. Я сохраняю цифры своей таблицы; если нѣтъ ошибки въ моихъ сопоставленіяхъ, то разногласіе надо отнести на счетъ совѣтской статистики.

**) Въ 1922 г. учитель получалъ всего 4,38 золотыхъ рублей, въ 1926 — 32 черв. рубля, что въ переводѣ на золотую валюту составляло 40-50 %

ственно на учебные расходы оставалась ничтожная доля, и еще меньшая на ремонтъ и строительство. По отдѣльнымъ частямъ школьнаго и внѣшкольнаго образованія расходы двухъ послѣднихъ упомянутыхъ лѣтъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ (въ милліонахъ рублей):

	1927-8	1928-9
1. Общеобразовательная школа (соціальное воспитаніе	587	655
2. Профессіональная («подготовка кадровъ»: вузы, техникумы, ФЗУ и т. д.)	225	340
3. Внѣшкольное образованіе («Политпросвѣтъ»: ликвидація неграмотности и т. д.)	141	185
4. Научныя учрежденія	66	75
5. Кино, радіо, печать	10	16

Исходной точкой для роста количества школъ и учащихся также надо считать переломный 1923 годъ. Въ этомъ году насчитывалось въ РСФСР 45.742 школы соцвоспитанія и въ нихъ 3.993.570 учащихся (въ томъ числѣ школъ I ступени 43.568 съ 3.343.205 учащихся). На 1 января 1924 ихъ было уже 63.406 съ 5.270.000 учащимися. Статистика ЦСУ показывала для всей Россіи въ 1923-24 г. цифру 87.258 учрежденій съ 7.075.810 учащихся. Къ 1925-26 г. эти цифры выросли до 100.748 учрежденій (96 % числа школъ 1914 года) и 9.468.830 учащихся (130 % учащихся 1914 года). Въ 1927-8 г. число учащихся въ единой школѣ разныхъ типовъ дошло до 11.344,9 тыс.; въ 1928-29 — до 11.975,2 тыс. За этотъ послѣдній годъ приведемъ данныя по школамъ и по мѣстностямъ:

	Учрежденій			Учащихся (въ тысячахъ)		
	гор.	село	всего	гор.	село	всего
Школы I ступени	6.498	108.237	114.735	1.142,1	7.671,8	8.813,9
Семилѣтки	2.961	2.746	5.707	1.293,9	775,5	2.071,4
Девятилѣтки	857	89	946	599,7	35,4	635,1
Самостоят. школы II ступени	694	203	897	285,7	43,0	328,7
Всего	11.010	111.275	122.285	3.321,4	8.527,4	11.849,1

Осенью 1928 г. было принято въ начальную школу 2.961,5 тыс. учащихся, а 316.000, т. е. 10-ти % подавшихъ заявленія отказано

довоеннаго содержанія (см. выше, стр. 884). По разсчету 1925 г. ставка учительскаго жалованія составляла 75 % самой низкой ставки промышленныхъ рабочихъ.

за недостаткомъ мѣстъ. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что притокъ въ школу увеличивался быстрѣе открытія школъ. Главнымъ образомъ, этотъ притокъ идетъ изъ деревень. Это сказывается и въ томъ фактѣ, что въ деревнѣ, особенно на Украинѣ, ростъ школъ идетъ быстрѣе, чѣмъ въ городѣ. Главный спросъ, конечно, по прежнему, — на низшую школу. Въ девятилѣткѣ учились въ 1928-9 г. только 9,4 % соотвѣтственнаго возраста въ селахъ и 60,1 % въ городахъ. Но и для того, чтобы удовлетворить этой потребности, въ Украинѣ пришлось съ 1923 г. увеличить количество девятилѣтокъ на 264 %.

Въ прямой связи съ возроставшими требованіями населенія на школу рѣшено было вновь поднять вопросъ о всеобщемъ обученіи. Мы знаемъ, что уже первая декларація Луначарскаго (29 октября 1917 г.) объявила о введеніи этого «истинно-демократическаго начала» «въ кратчайшій срокъ». Но только въ 1923 г. Наркомпросъ вернулся къ этой мысли и вмѣстѣ съ ЦСУ началъ подготовительныя работы. 20 августа 1923 совнаркомъ утвердилъ законъ о всеобщемъ обученіи и установилъ предѣльный срокъ для его веденія — черезъ 10 лѣтъ, въ 1933-34 г. Слѣдующій 1924 г. былъ употребленъ на разработку «оріентировочнаго плана» и на согласованіе его съ Наркомфиномъ и съ Госпланомъ. Послѣ этого совнаркомъ 31 августа 1925 года издалъ декретъ «о введеніи всеобщаго начальнаго обученія», съ котораго и можно вести начало реальнаго осуществленія плана. Въ основу былъ положенъ проектъ Г. Думы: 40 учащихся составляли комплектъ на одного учителя; радіусъ школъ тоже принятъ трехверстный. Проектировался государственный строительный фондъ и развитіе сѣти педагогическихъ техникумовъ для подготовки учителей. Однако, дѣло, повидимому, двигалось медленно, и еще годъ спустя Совнаркомъ счелъ нужнымъ дать ему дальнѣйшій толчокъ. Собранные матеріалы были разсмотрѣны въ засѣданіи 24 сентября 1926 г. и на сессіи ВЦИК XII созыва (5 ноября). Въ результатѣ ВЦИК принялъ 19 ноября 1926 г. постановленіе «о мѣропріятіяхъ по введенію» и т. д. Здѣсь констатировалось, что срокъ введенія всеобщаго обученія, установленный 31 августа 1925 г. находится подъ «угрозой», что темпъ роста школы «отстаетъ отъ все возростающихъ культурныхъ запросовъ населенія», что выразилось и въ послѣднемъ учебномъ году «массовымъ наплывомъ въ начальную школу, который не могъ быть удовлетворенъ». Этотъ наплывъ, очевидно, обезпокоилъ правительство по причинѣ, высказанной тогда же въ оффиціальномъ органѣ наркомпроса. «Потребность крестьянства въ начальномъ образованіи», говорилось тамъ, «настолько велика, что оно, не считаясь съ затратами, *черезъ голову* отдѣловъ народнаго образованія, открываетъ новыя школы. Мы стоимъ передъ *опасностью выпустить*

вожжи изъ своихъ рукъ. Открытіе договорныхъ школъ является для насъ серьезнымъ предупрежденіемъ. Открывая договорныя школы, крестьянство стихійно ускоряетъ темпъ равитія народнаго образованія и *корректируетъ совѣтскую систему*... Часто они (эти школы) становятся орудіемъ антисовѣтской политики въ рукахъ кулацкихъ элементовъ деревни».

Этотъ мотивъ подѣйствовалъ сильнѣе, чѣмъ «истинно-демократическія» «иллюзіи» Луначарскаго. ВЦИК предлагалъ теперь «всѣмъ комиссаріатамъ просвѣщенія поставить въ центрѣ всей просвѣщенческой работы» введеніе всеобщаго обученія «въ намѣченный срокъ». Работа по составленію школьныхъ сѣтей и оперативныхъ плановъ должна была быть закончена къ 1 апрѣля 1927 г., т. е. въ четыре мѣсяца. Наркомфинъ долженъ былъ опредѣлить необходимую цифру расхода государственнаго и мѣстнаго. При этомъ, ставилась еще задача сопроводить количественный ростъ школьной сѣти — качественнымъ. Школа должна была стать *дѣйствительно* доступной для дѣтей «наименѣе обезпеченныхъ слоевъ населенія» — путемъ безплатнаго снабженія ихъ учебниками, обувью, одеждой и, гдѣ необходимо, общежитіями. Недостаткомъ всего этого объяснялся, какъ извѣстно, огромный процентъ «отсѣва» изъ школы дѣтей бѣдноты. Далѣе принимался рядъ мѣръ для обезпеченія школьнаго строительства.

Задача была не легкая. Вспомнили и про работы Думской комиссіи и про проектъ «кадетской» Лиги Образованія. Сообразили, что школьныя зданія, въ сущности, «амортизированы» за ветхостью и, вмѣсто ремонта требуютъ новой постройки и что на одно это, при организаціи 83.000 недостающихъ комплектовъ, пойдетъ не менѣе 1 1/2 милліарда рублей. Окончательный разсчетъ по одной РСФСР (безъ АССР) устанавливалъ общій расходъ въ пятилѣтіе на введеніе всеобщаго обученія въ 1.874.257 тыс. рублей. Въ это число входили:

На 79.231 новый комплектъ (по 381 р.)	30.202	тыс. р.
На 141.241 существующіе комплекты оборудованіе и дооборудованіе (по 170 р.)	24.031	» »
На новое строительство и капитальный ремонтъ (вмѣстѣ съ обществ. иниціативой)	498.873	» »
Фондъ заработной платы учителя выростаетъ съ 133.211 тыс. до	282.000	» »
Учебно-хозяйств. расходы съ 27.104 тыс. до	77.113	» »

И т. д.

Но что этимъ достигалось? Предложеніе школьныхъ мѣстъ въ пять лѣтъ поднимается съ 6.187.200 до 8.890.100. А спросъ въ тотъ же срокъ дойдетъ до 9.482.000. Теперь обезпечены мѣстами 75 % дѣтей школьнаго возраста (99,3 % въ городѣ, 68,8 въ деревнѣ). Тогда будутъ обезпечены 93,8 % (отдѣльно по деревнѣ 89,8 %). Теперь «отсѣвъ» достигаетъ во 2-ой группѣ 19,3 %, въ третьей 28,4 %, въ четвертой — 36,6 %. Тогда, по предположенію авторовъ плана, отсѣвъ снизится до 9,2 %; 14,4 %; 18,9 %. «Бѣднотѣ» будетъ оказана помощь въ размѣрахъ 24 руб. на каждаго изъ 617.000 дѣтей, а всего учится 8,9 мил. При всей оптимистичности разсчетовъ, получается все-таки нехватка. Но это вѣдь только *оффиціальные* разсчеты. Другіе спеціалисты еще менѣе оптимистичны на счетъ введенія всеобщаго обученія. На VI съѣздѣ завѣдующихъ отдѣлами народнаго просвѣщенія по докладу М. С. Эпштейна была принята слѣдующая резолюція: «намѣтившееся уже съ 1926-27 г. бюджетнаго года пониженіе темпа роста сѣти начальныхъ школъ ставитъ страну передъ угрозой *срыва плана* введенія всеобщаго обученія. Это пониженіе темпа тѣмъ болѣе недопустимо, что демографическая перепись 1926 г. выявила значительный ростъ дѣтскихъ контингентовъ школьнаго возраста, которые уже съ 1928-29 гг. будутъ предъявлять увеличенный въ сравненіи съ прошлыми годами спросъ на школьныя мѣста. Такимъ образомъ, мы стоимъ передъ опасностью *роста дѣтской неграмотности,* если только уже съ 1928-29 не будетъ значительно увеличенъ темпъ роста сѣти начальныхъ школъ». Въ согласіи съ этимъ въ концѣ 1928 г. главный начальникъ отдѣла соц. воспитанія писалъ: «если мы будемъ двигаться впередъ тѣмъ же темпомъ, (то) въ 1933 году мы будемъ имѣть больше дѣтской неграмотности, чѣмъ мы имѣли въ 1915-19 гг.».

По мѣрѣ приближенія сроковъ введенія обязательнаго обученія (1930-31 для дѣтей 8-10 лѣтъ, 1931-32 — для 11 лѣтъ) нервность оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ педагоговъ увеличивалась. Мы видѣли, что въ отчетѣ за первый же годъ выполненія пятилѣтняго плана пришлось отмѣтить «недовыполненіе» плана. XVI партійный съѣздъ повторилъ рѣшеніе XV-го — начать «культурную революцію» и сдѣлать «проведеніе всеобщаго обязательнаго первоначальнаго обученія и ликвидацію неграмотности — боевой задачей партіи въ ближайшій періодъ». Но приказать — легче, чѣмъ исполнить. Въ порядкѣ приказанія совнаркомъ РСФСР распорядился въ августѣ 1930 г. для пополненія учительскихъ кадровъ, недостающихъ до числа комплектовъ, подлежащихъ открытію *), откоманди-

*) Въ 1929-30 должно было прибавиться 11,5 милл. дѣтей, въ 1930-31 году — 14 милл., въ 1931-32 г. — 16 милл.; это требовало увеличенія учи-

ровать для работы въ школахъ I-ой ступени втеченіе 2-хъ лѣтъ всѣхъ окончившихъ курсъ повышенныхъ школъ съ педагогическимъ уклономъ, вмѣсто перевода ихъ въ высшія учебныя заведенія. Но, повидимому, именно съ распоряженіями подобнаго рода связано то обстоятельство, что молодежь въ послѣднее время стала уклоняться отъ поступленія въ педагогическія школы. Оффиціозъ «За Комм. Просвѣщеніе» (18 іюня, 1930) «бьетъ тревогу»: «педагогическій институтъ намѣтилъ принять 1.650 чел... завербовано пока 222». То въ томъ, то въ другомъ районѣ обнаруживается нехватка помѣщеній. Преждевременно подводить итоги «соціалистическаго соревнованія», которое имѣетъ цѣлью возбудить эта газетная кампанія. Но очевидно, что срывъ намѣченныхъ плановъ и на второй годъ пятилѣтки — неизбѣженъ.

На начальномъ образованіи совѣтская власть сосредоточила свое главное вниманіе по понятной причинѣ: здѣсь должно было готовиться подрастающее поколѣніе — настоящихъ коммунистовъ. Но съ ней соперничала, по степени удѣленнаго ей вниманія и заботъ, какъ сказано выше, профессіональная школа. Наблюденіе надъ ней сосредоточено въ особомъ центральномъ органѣ, Главпрофобрѣ (Главное управленіе профессіональнаго образованія), который является естественнымъ соперникомъ «Соцвоса» («соціальнаго воспитанія» или общеобразовательной школы), вѣдаемаго «Гус-омъ» и Главсоцвосомъ». Мы видѣли, что въ жертву профессіональнымъ требованіямъ былъ отданъ, волей-неволей, со всякими оговорками о «временности» и о совѣтской «нищетѣ», «второй концентръ второй ступени (VIII и IX классъ девятилѣтки) и предѣлъ общаго образованія положенъ въ 15 лѣтъ, вмѣсто 17-ти. Пришлось, конечно, и тутъ хитрить, утверждая, что профессіональное *завершеніе* не мѣшаетъ неприкосновенности «политехнической» *основы*. Украина открыто построила свою систему профессіональныхъ школъ и техникумовъ прямо на семилѣткѣ. Въ РСФСР сохранилась теоретическая возможность перехода на слѣдующую ступень. Но, фактически, Луначарскій уже въ 1925 году утверждалъ на 1-мъ учительскомъ съѣздѣ: «у насъ нѣтъ общей школы, да ее и *быть не должно*», ибо для «настоящей, полной марксистской школы», связанной съ фабрикой, время не наступило. Чтобы «подтянуть» наличную школу къ марксистской, на всѣхъ ступеняхъ былъ открытъ, какъ мы видѣли, выходъ въ соотвѣтствующую профессіональную школу. Эта тенденція развивалась и дальше, въ направленіи непосредственной связи шко-

---

тельскихъ кадровъ на 62,5 тыс. чел. и денежныхъ ассигновокъ на 400 милл. р. больше, чѣмъ въ 1929-30 г.

лы съ производствомъ. Вслѣдъ за профессіонализированной девятилѣткой явилась спеціальная семилѣтка «для пролетаріата», связанная съ той или другой опредѣленной фабрикой. Другими словами, въ этихъ случаяхъ уже и въ «первомъ концентрѣ» второй ступени (6-й и 7-й классы) начиналась техническая подготовка къ данной спеціальности. Но и это все еще было слишкомъ высоко для удовлетворенія насущной нужды въ квалифицированномъ рабочемъ трудѣ, который былъ особенно нуженъ при возстановленіи фабрикъ — и тѣмъ болѣе понадобился при введеніи «пятилѣтняго плана». И вотъ, созданъ былъ для подготовки *массоваго* квалифицированнаго труда типъ школы рабочихъ подростковъ при каждомъ производствѣ или такъ называемый «фабзавуч» (фабрично - заводское ученичество). Теоретически, эта школа должна была строиться на базѣ семилѣтки, съ «забронировкой» соотвѣтственнаго общеобразовательнаго курса. Но практически, изъ всѣхъ принятыхъ въ 1925 г. въ школы ФЗУ учениковъ 80% имѣли подготовку лишь «не ниже четырехлѣтки», а неполные 20% — даже ниже этого уровня. Въ 1926 г. число учениковъ съ подготовкой «не ниже» составляло около 90%. Въ самой школѣ уже некогда было поднимать этотъ уровень навстрѣчу «настоящей марксистской школѣ». «Практика школъ фабзавуча», говоритъ Плюснинъ-Кронинъ (1926), «показала, что до этого идеала имъ далеко. Непосредственныя задачи даннаго производства нажимали на общеобразовательную часть ихъ, на политехнизмъ, часто замѣняя его узкимъ профессіонализмомъ весьма невысокой квалификаціи. И первый періодъ существованія школъ фабзавуча закончился признаніемъ, что въ нихъ наблюдается сильный перевѣсъ въ сторону простого натаскиванія на группы производственныхъ навыковъ».

Однако, директивные органы ухватились за ФЗУ и провели «хозяйственную» точку зрѣнія, прямо противоположную общеобразовательной. Съ этой точки зрѣнія ФЗУ обвинялись, напротивъ, въ томъ что ихъ четырехлѣтній курсъ слишкомъ длиненъ, стоитъ дорого, выпускаетъ недостаточное количество рабочихъ — и притомъ, преимущественно металлистовъ*); что общественно-образовательныхъ предметовъ въ нихъ слишкомъ много, и поэтому кончающіе, вмѣсто того,

*) Дѣйствительно, по количеству школъ металлургическая индустрія стояла на первомъ мѣстѣ: изъ 927 фабричныхъ школъ съ 88.572 учащимися (1925-26) на металлистовъ приходилось 253 школы съ 28.267 учащимися. Дальше слѣдовали: въ текстильной промышленности 127 ш. и 16.631 уч.; желѣзнодорожной 147 ш. и 13.106 уч. Въ остальныхъ отрасляхъ было значительно меньше и тѣхъ (48-11), и другихъ (3,5-1 тысяча).

чтобы идти въ производство, уходятъ въ секретари комсомольскихъ ячеекъ или въ высшія профессіональныя школы. Съѣздъ отдѣловъ экономики труда лѣтомъ 1926 г. потребовалъ «повышенія производительной цѣнности и сокращенія сроковъ обученія въ ФЗУ», что и было сдѣлано — для металлопромышленности до трехъ лѣтъ, а для текстильной и другихъ — до двухъ.

О быстротѣ, съ которой росли фабричныя школы, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ:

	школы	учащіеся
1921	45	1.825
1923	639	42.597
1924	745	68.819
1927	903	99.122

Не будемъ останавливаться на низшемъ типѣ — на «профшколахъ» для подготовки квалифицированныхъ рабочихъ «для кустарной и средней промышленности», составлявшей 25-30% всей промышленности. На нихъ обращали мало вниманія, содержались онѣ плохо; сѣть ихъ «катастрофически сокращалась». Но какъ разъ въ эти школы, «ненужныя съ точки зрѣнія марксистской школы», обнаружилась, по сообщенію И. И. Ходоровскаго (1927), «громаднѣйшая тяга со стороны широкихъ слоевъ крестьянскаго населенія», искавшаго въ нихъ не общаго образованія, а ремесленныхъ знаній. Появились, благодаря этой тягѣ, и частныя профшколы въ городахъ, надъ которыми «фактически никакого руководства нѣтъ» и которыя «недалеко ушли отъ прежнихъ курсовъ, натаскивавшихъ въ короткій срокъ въ данной узкой спеціальности, безъ всякаго общеобразовательнаго матеріала». Теоретически, «профшколы» были продолженіемъ четырехлѣтки, но практически это далеко не всегда соблюдалось. Правительство заинтересовалось ими лишь тогда, когда ему понадобились люди, способные ремонтировать и управлять тракторами для колхозовъ.

Далѣе, мы увидимъ, что профессіонализація захватила и высшее образованіе, снизивши и его уровень, такъ же, какъ и средняго. Въ этомъ направленіи должны были дѣйствовать «техникумы», параллельные по общеобразовательной программѣ двумъ послѣднимъ классамъ девятилѣтки, но съ трехгодичнымъ курсомъ. Типовъ «техникумовъ» очень много. Есть техникумы текстильные, электротехническіе, химическіе, сельско-хозяйственные, рыбопромышленные, жировой промышленности, нефтяные; есть и педагогическіе и по всѣмъ видамъ искусства. Цѣль ихъ — дать хорошо подготовленнаго работни-

ка средней квалификаціи или подготовить для вступленія въ «втуз» (высшее техническое учебное заведеніе) данной спеціальности. За исключеніемъ «пед(агогическихъ) техникумовъ, общеобразовательная и общественно-политическая часть программы у нихъ «стоитъ на второмъ планѣ: первое мѣсто занимаютъ дисциплины, связанныя съ данной спеціальностью», — и практическія занятія ведутся непосредственно въ соотвѣтствующихъ производствахъ. Одни только «педтехникумы» связаны съ «соцвосомъ», проводятъ программы «ГУС-а» и участвуютъ въ мѣстной работѣ и въ педагогическихъ «ударныхъ» кампаніяхъ. Въ сущности, они сближаются съ девятилѣтками педагогическаго «уклона».

Высшей ступенью *профессіональнаго* же образованія являются ВУЗ-ы (стр. 925). Но по живописному выраженію Луначарскаго, совѣтская власть «пробила стѣну» ихъ и открыла «брешь», черезъ которую «рабочій отъ станка и крестьянинъ отъ плуга» прямо могли прорваться туда, минуя промежуточныя «ступени», — по «лѣстницѣ», которая была спеціально для этого выстроена и получила названіе «рабфака» (рабочаго факультета). На этомъ единственномъ въ своемъ родѣ учрежденіи, мы должны остановиться теперь же.

Происхожденіе «рабфаковъ» само по себѣ очень интересно. Тотъ же Луначарскій охарактеризовалъ его такъ: «мы подставили къ университету пожарную лѣстницу и сказали: ребята, берите на абордажъ». Оно почти такъ буквально и вышло. Раньше чѣмъ правительство санкціонировало (17 сентября 1920 г.) этотъ способъ проникновенія въ стѣны университета, первый «рабфакъ» создался путемъ захвата Коммерческаго института въ Москвѣ рабочими изъ Замоскворѣчья, вторгнувшимися въ аудиторіи въ числѣ 1.000 человѣкъ, и объявившими себя студентами. Это, конечно, было несерьезно. Понимать университетскія лекціи, рабочіе, конечно, не могли. Охоты «грызть гранитъ науки», по мѣткому выраженію Троцкаго, было у нихъ сколько угодно. Но «гранитъ» оставался гранитомъ, и всѣ усилія вели лишь къ тяжелымъ разочарованіямъ. Приходилось создать подготовительные курсы, чтобы дать возможность рабочимъ и крестьянамъ хоть сколько-нибудь сознательно проходить высшую школу. Пріемъ на эти курсы ограниченъ былъ кандидатами отъ 18 лѣтъ, присланными профсоюзами, фабричными комитетами и партійными учрежденіями, а также членами партіи и комсомола, съ опредѣленнымъ стажемъ. Фактически, образовательный цензъ большинства учащихся былъ очень низокъ: школа 1-ой ступени и ниже. Но провѣрки знаній не было; былъ лишь отборъ лучшихъ изъ двойного количества присылаемыхъ кандидатовъ. Программу под-

готовительныхъ курсовъ ввели было сгоряча очень широкую. Но очень скоро обнаружилась полная невозможность ее осилить. Тогда, въ теченіе 1924 - 26 гг. ее стали сокращать. Вмѣсто подробнаго курса русской литературы вернулись къ грамотности. Вмѣсто аналитической геометріи и дифференціальнаго счисленія перешли къ элементарной математикѣ. Механику сократили до отдѣла физики; химію ограничили неорганической химіей, географію и біологію — сильно сократили, изъ обществовѣдѣнія устранили историческій матеріализмъ, всю исторію замѣнили «исторіей классовой борьбы», освободили отъ элементовъ исторіи и политической экономіи политграмоту, расширивъ вмѣсто того ея международный и государственно-правовой отдѣлъ. Наконецъ, съ 1925 г. къ тремъ годамъ курса прибавили четвертый. Поступающихъ стали подвергать пріемнымъ испытаніямъ изъ русскаго языка, арифметики и политграмоты. Съ 1923 г. ввели провѣрку успѣшности на собраніяхъ учащихся и профессоровъ; затѣмъ, въ виду черезчуръ снисходительной оцѣнки, въ 1926 г. введена была выпускная провѣрка знаній для оканчивающихъ. Неуспѣвающихъ оставляли на повторительный курсъ или даже совсѣмъ исключали; недостаточно подготовленныхъ при выпускѣ направляли, вмѣсто вузовъ, въ техникумъ. Всѣ эти мѣры постепенно повысили средній уровень поступающихъ въ вузы изъ рабфаковъ. Но все же сравненіе посѣтителей вечернихъ курсовъ съ дневными дало результатъ не въ пользу послѣднихъ. Оффиціальный отзывъ признаетъ, что «случаи упадочничества, карьеризма, отрыва отъ массъ, потери перспективы, анархизма и уродливости въ быту (пьянство, половая распущенность, безалаберность въ работѣ и въ отдыхѣ) иногда приходится наблюдать въ средѣ рабфаковцевъ-дневниковъ. Такой студентъ, «въ случаѣ неуспѣха въ учебѣ, очень часто приходитъ прямо въ трепетъ при одной мысли, что ему нужно «вернуться обратно», теряетъ всякое равновѣсіе, а часто и всякое достоинство. Начинаются упрашиванія и нажимъ на преподавателя, на апаратъ рабфака; обиваются пороги всѣхъ организацій (чтобы онѣ «заступились»; «куда же мнѣ дѣваться»). Рабфаковецъ-вечерникъ находится въ болѣе благопріятномъ положеніи: онъ не отрывается отъ своей профессіи, что даетъ возможность болѣе «жестокаго» отбора, безъ всякихъ «личныхъ трагедій». Это объясняетъ и болѣе высокій процентъ «отсѣва»: А именно:

	дневные	вечерніе
Изъ 100 % переходятъ на II-й курсъ:	88	70
» » » » » III-й »	78	50
» » » » » IV-й »	70	40

Всего принято рабфаковцевъ въ вузы:		% по отношенію ко всему пріему
1923-4	3.870	11 %
1924-5	6.500	43,3 %
1925-6	7.320	38,5 %
1926-7	5.750	28,3 %
1927-8	5.500	27,9 %
1928-9	6.650	30,8 %

Какъ видимъ, быстрый ростъ въ первые три года смѣнился паденіемъ цифръ, за исключеніемъ послѣдняго года. Это, очевидно, свидѣтельствуетъ объ извѣстномъ разочарованіи въ доступности или выгодности карьеры, открываемой рабфаками. Интересно отмѣтить, что разочарованіе это больше коснулось рабочихъ, чѣмъ крестьянъ. Такъ, процентъ рабочихъ, увеличивавшійся съ 40 % до 67 % въ 1919-25 гг., затѣмъ упалъ до 54-48 %, тогда какъ процентъ крестьянъ, спустившійся въ то же время съ 38 % до 24 %, опять поднялся до 38-36 % Контрабандная рубрика «прочихъ», вслѣдствіе увеличившейся строгости пріема, спустилась съ 28 % до 7 и 6.

Школьная перепись 15 декабря 1927 года установила слѣдующее число учрежденій профессіональнаго образованія и учащихся въ нихъ:

	учрежденія	учащіеся
1. Вузы	129	157.595
2. Рабфаки	122	48.799
3. Техникумы	1.038	190.226
4. Профшколы	1.417	138.481
5. Школы ФЗУ	903	97.789
6. Долгосрочные профтехнич. курсы разнаго типа	1.074	118.028
7. Учебныя мастерскія	320	21.129
8. Краткосрочные курсы рабоч. образ. и проч. профтехн.	1.303	66.921
Всего	6.309	838.968

Вниманіе къ профессіональному образованію особенно усилилось, когда правительство задумало исполнить «пятилѣтній планъ», такъ какъ оказалось, что техническихъ силъ для его выполненія въ Россіи далеко недостаточно. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ что дало сравненіе

наличныхъ силъ и выпускаемыхъ изъ профессіональныхъ школъ спеціалистовъ съ требованіями пятилѣтняго плана (въ тысячахъ):

	Требуется къ 1932-33	Будетъ на-лицо съ учетомъ убыли
Спеціалистовъ высшей квалификаціи	82,4	43,4
» выше средней »	123,6	55,2
» средней »	1.752,3	1.262,3

Эти первоначальные разсчеты скоро оказались слишкомъ низкими. Контрольныя цифры, утвержденныя президіумомъ ВСНХ, опредѣлили потребность квалифицированнаго труда при проведеніи пятилѣтки въ 176 тысячъ инженеровъ и 260 тысячъ техниковъ (сверхъ наличныхъ кадровъ). При сравненіи этихъ цифръ съ возможностями существовавшей сѣти профессіональныхъ школъ, оказалась ужасающая нехватка. Наличные втузы могли дать для промышленности лишь 58 тысячъ, «при максимальномъ напряженіи», и такое же количество работниковъ можно было ждать отъ техникумовъ. Сельскому хозяйству тоже требовалось 90 тысячъ спеціалистовъ высшей квалификаціи и 360 тысячъ средней. А по Р. С. Ф. С. Р. числилось только 14.094 спеціалиста первой группы, включая сюда и землеустроителей, и меліораторовъ, ветеринаровъ, зоотехниковъ и т. д. Для тракторныхъ заводовъ требовалось къ концу пятилѣтки 12 тысячъ инженеровъ и техниковъ. Не было ни одного. Транспорту нужны были къ тому же 1932-33 г. 30 тыс. инженеровъ, 90 тысячъ техниковъ перваго разряда, 30 тысячъ техниковъ второго разряда, а на лицо имѣлось 10,6 тыс. инженеровъ и 43 тысячи техниковъ. Вмѣсто 64.969 врачей медицинскіе вузы могли выпустить только 15.000 и т. д. Естественно, что при такомъ положеніи на первый планъ выдвигалась «проблема кадровъ». И ноябрьскій пленумъ Ц. К. партіи 1929 г. «съ предѣльной четкостью» формулировалъ эту проблему. «Гигантскій размахъ соціалистическаго строительства», говорилось въ его резолюціи, «осуществленіе пятилѣтняго плана, являющагося практическимъ выраженіемъ лозунга партіи «догнать и перегнать» передовыя капиталистическія страны и, наконецъ, обостреніе классовой борьбы въ странѣ, ставятъ передъ партіей во всей широтѣ и остротѣ проблему кадровъ въ реконструктивный періодъ».

Осуществленіе этой задачи требовало такого напряженія всѣхъ силъ государства и такъ глубоко захватывало всѣ стороны жизни, что спеціально для этой цѣли пришлось поставить вопросъ о пересмотрѣ всей системы образованія въ совѣтской Россіи. Въ этой послѣдней главѣ исторіи совѣтской школы все связано одной общей

идеей и намѣченный пересмотръ глубоко видоизмѣнялъ установившуюся было систему. Недаромъ XV съѣздъ, полагая основаніе «пятилѣтнему плану», въ то же время провозгласилъ и «культурную революцію». Поэтому прежде чѣмъ перейти къ этой общей перестройкѣ, необходимо остановиться на другихъ отдѣлахъ совѣтской школьной системы, которыхъ мы до сихъ поръ не касались: средняго и высшаго образованія.

Прежде всего, слѣдуетъ тутъ снова подчеркнуть, что самую эту терминологію уже нельзя примѣнять безъ оговорокъ, — да она и не употребляется больше въ совѣтской Россіи.

При новой организаціи ступеней единой школы и при снижені уровня преподаванія прежняя средняя школа приблизилась къ начальной, а высшая къ средней. Всѣ бывшія среднія заведенія послѣ революціи были разсѣчены на двѣ ступени, причемъ въ составѣ второй ступени остались одни старшіе классы. Затѣмъ, въ 1923 году, когда сталъ создаваться типъ семилѣтки и девятилѣтки, низшіе классы этихъ типовъ соотвѣтствовали прежнимъ приготовительнымъ, а старшіе классы прежнихъ гимназій въ нихъ отсутствовали — въ семилѣткѣ не было высшихъ четырехъ, а въ девятилѣткѣ двухъ классовъ гимназіи. Число среднихъ школъ новаго типа, особенно въ деревнѣ, гдѣ прежняя средняя школа была малодоступна, сгоряча очень выросло: вмѣсто 1.790 школъ съ 564.613 учащимися, числившихся въ 1914-15 г.г., и 1500 среднихъ школъ съ 200.000 учениковъ, въ 1920-21 числилось уже 4.163 школы, правда, съ тѣмъ же числомъ школьниковъ (569.548). Это объясняется тѣмъ, что низшіе классы прежней средней школы были отрѣзаны, а во вновь открытыхъ за 1918-21 г. (954 школы) было по большей части всего одинъ или два класса. Приростъ приходился именно на деревню: изъ 4.163 школъ къ деревенскимъ относятся 2.289, а въ городѣ остались 1.874, т. е. почти прежнее число. Но въ дальнѣйшемъ и тѣ, и другія начали отмирать — и преимущественно сельскія, оказавшіяся для крестьянъ непригодными. А именно (въ скобкахъ число уачщихся):

	1920-21	1921-22	1923-24
Въ городахъ	1.874 (396.337)	1.499 (367.305)	1.459 (462.202)
Въ селахъ	2.289 (173.011)	1.638 (152.948)	1.019 (124.104)

1923-24	1924-25	1925-26
1.527 (604.180)	1.276 (598.811)	1.221 (597.899)
831 (148.546)	538 (115.303)	469 (112.712)

Это паденіе цифръ сельскихъ школъ объясняетъ, почему въ 1925 году, когда поднятъ былъ вопросъ о введеніи всеобщаго обученія,

правительство сдѣлало попытку перенести на него все вниманіе, а среднюю школу остановить на томъ уровнѣ, на какомъ она находилась. Декретъ 31 августа 1925 года (см. стр. 907) гласилъ: «впредь до открытія школъ I-й ступени въ числѣ, достаточномъ для дѣйствительнаго введенія всеобщаго начальнаго обученія, школы II-й ступени и школы семилѣтки могутъ открываться *въ опредѣленныхъ отношеніяхъ* къ числу школъ I-й ступени», а именно, на 40 комплектовъ учащихся первой ступени («четырехлѣтки») могли открываться три комплекта учащихся трехъ группъ (5. 6 и 7) «семилѣтки», а пять группъ «девятилѣтки» могли открываться лишь въ количествѣ одного комплекта на 20 комплектовъ «четырехлѣтки». Это было равносильно пріостановкѣ открытія дальнѣйшихъ среднихъ школъ, въ которыхъ уже было значительно больше комплектовъ высшихъ классовъ, чѣмъ полагалось по этому разсчету. Но какъ разъ въ это время начался приливъ населенія въ школы, и притомъ особенно въ школы высшаго типа. Въ 1926 г. число начальныхъ школъ увеличилось на 6,1 %, и учащихся на 2,6 %, тогда какъ число семилѣтокъ въ томъ же году возросло на 12,9 %, а учащихся на 14 %, и число девятилѣтокъ поднялось на 8,4 %, а учащихся на 13,4 %. Эти цифры показываютъ, что даже и такой ростъ школъ второй ступени отставалъ отъ прилива учащихся въ нихъ. Это и отразилось въ повышеніи «нагрузки» на одного учителя, что «вредно отзывалось на ходѣ занятій» и приводило къ «рѣзкому ухудшенію школьныхъ гигіеническихъ условій» (оффиціальный отзывъ). Интересно, какъ оцѣнилъ этотъ ростъ спроса на школу II-й ступени правительственный статистическій органъ, ЦСУ. (Центральное Статистическое Управленіе). «Поскольку *съ сокращеніемъ* школъ II-й ступени были связаны *надежды на ликвидацію «перепроизводства»* лицъ, получающихъ общее среднее образованіе и не имѣющихъ возможности получить дальнѣйшую *профессіональную* подготовку въ вузахъ, эти надежды надо считать неоправдавшимися, чему причиной, надо полагать, является наличіе непрекращающейся *тяги населенія* къ среднему образованію».

Это объясненіе бросаетъ лучъ свѣта на причины невниманія правительства къ общеобразовательной средней школѣ. Власти имѣли свои основанія не довѣрять этой школѣ. Въ составѣ ея учителей сохранилось наиболѣе старыхъ преподавателей, — а именно эти преподаватели обнаружили въ дни октябрьскаго переворота враждебное отношеніе къ совѣтской власти. Именно подъ вліяніемъ городского учительства пошли и сельскіе учителя на политическую забастовку. И по самому своему составу городскіе учителя принадлежали къ болѣе состоятельнымъ классамъ. Съ другой стороны, и

въ составѣ учениковъ школы второй ступени продолжали преобладать дѣти «классовыхъ враговъ» совѣтской власти. Какъ разъ именно они-то и доходили до высшихъ классовъ и кончали школу, тогда какъ дѣти рабочихъ застрѣвали внизу и «отсѣивались». Докладчикъ на пленумѣ ЦК Комсомола въ 1928 г. сообщилъ по этому поводу слѣдующіе факты: «Если на первомъ году обученія въ девятилѣткѣ рабочее ядро составляетъ 34,4 %, то на восьмомъ году обученія оно снижается до 18,8 %. Во Владимирской школѣ школу окончило 23 человѣка, изъ нихъ рабочій одинъ. Въ Москвѣ 57-ю школу окончило 62 чел., изъ нихъ рабочихъ — два. Въ 33-й школѣ выпускъ — 85 человѣкъ, изъ нихъ дѣтей рабочихъ — 9. Школа № 22 при фабрикѣ «Красная Звѣзда» выпускаетъ 99 чел., изъ нихъ рабочихъ 27. Такая же картина имѣется не только въ Москвѣ, но и во всѣхъ другихъ пролетарскихъ центрахъ». А вотъ таблица, помѣщенная въ оффиціальномъ изданіи и показывающая соціальный составъ учениковъ въ школахъ разныхъ ступеней на 1 января 1925 г.:

	Рабочіе	Крестьяне	Дѣти служ.	Неизвѣст.
Низшія проф. школы	42,7 %	18,6 %	27,6 %	11,1 %
Школы девятилѣтки	28,0 %	14,0 %	36,0 %	22,0 %
Школы II-й ступени	15,0 %	24,0 %	37,0 %	24,0 %
Высшія учебн. завед.	18,0 %	22,0 %	43,3 %	15,8 %

Мы видимъ, что чѣмъ выше типъ, тѣмъ значительнѣе процентъ дѣтей «буржуазныхъ» классовъ (къ нимъ, вѣроятно, надо причислить и большую часть «неизвѣстныхъ»). Дѣти крестьянъ еще удерживаютъ и даже нѣсколько увеличиваютъ свой контингентъ: это мы видѣли и въ дореволюціонной школѣ. Но «пролетаріи» въ тѣсномъ смыслѣ теряютъ свои позиціи*).

*) У Ганса и Гессена приведена (стр. 96) другая таблица изъ отчета Наркомпроса на 1928-29, составленная по другой системѣ и дающая пропорціи классовъ для Р. С. Ф. С. Р. Цифры значительно отклоняются отъ приведенныхъ выше, но выводы изъ нихъ совпадаютъ съ приведенными въ текстѣ:

		Рабочіе	Крестьяне	Служащіе	Остальные
Четырехлѣтки	1924-25	10,5	77,2	5,9	6,4
	1926-27	10,6	78,0	5,7	5,7
Семилѣтки	1924-25	34,2	25,1	26,2	14,5
	1926-27	34,4	27,3	26,8	11,5
Девятилѣтки	1924-25	30,1	11,4	37,5	21,0
	1926-27	28,9	11,0	42,5	19,0
Школы II ступени	1924-25	15,0	25,4	37,2	22,4
	1926-27	17,1	29,4	34,5	19,0

Однако, имѣлись и противоположныя соображенія, заставлявшія правительство обращать вниманіе на школу II-й ступени. Вѣдь именно эта школа сосредоточивалась въ городахъ, на глазахъ у всѣхъ, и именно здѣсь учителя не могли игнорировать новые образовательные методы и учить «по старинкѣ». На этой школѣ сосредоточивалось и то экспериментированіе съ новѣйшими педагогическими пріемами, о которомъ мы говорили выше. Здѣсь же, въ городахъ, находились и спеціальныя «опытно-показательныя» учебныя заведенія, которыя преимущественно показывали иностранцамъ и по которымъ они составляли себѣ представленіе о состояніи образованія въ совѣтской Россіи. Правда, не всѣ эти отзывы были благопріятны. Если Уошборнъ находилъ, что «совѣтская Россія имѣетъ сейчасъ самыя современныя программы и методы сравнительно съ любой другой страной міра», то главный авторитетъ совѣтскихъ педагоговъ, Дюи, побывавшій въ Россіи въ 1928 году и давшій въ общемъ, благопріятный отзывъ, все-таки оговорился осторожно, что эта школьная система «существуетъ скорѣе качественно, чѣмъ количественно».

Мы видѣли дѣйствительные результаты системы. Въ концѣ концовъ, если школа второй ступени «потеряла при системѣ классоваго пріема, значеніе единственной двери въ высшую школу» (мы видѣли другую «брешь»), то, все же, даже и при постановкѣ для нея «другихъ задачъ, независимыхъ отъ задачи подготовки слушателей высшихъ учебныхъ заведеній» (выраженіе «положенія», принятаго Наркомпросомъ 7 іюля 1924 г.), уровень ея достиженій не могъ быть безразличенъ для власти. Между тѣмъ, вотъ что говорилъ объ этомъ Н. Рожковъ въ оффиціальномъ «Народномъ Просвѣщеніи». «Провѣрка пропускаемыхъ въ ВУЗ-ы показала, что *анекдоты* получаются не съ однимъ только обществовѣдѣніемъ. Обнаружилось полное незнаніе основъ математики (арифметики, алгебры, геометріи), физики; слабы познанія и въ другихъ областяхъ программы. Говорить о безграмотности (катастрофической) письма прямо не приходится: она поразительна». То же самое подтверждаютъ и экзаменаторы. «Хотя среди экзаменующихся», говоритъ учитель физики Перельманъ, «преобладали окончившіе не семь, а даже девять классовъ, ихъ подготовка по математикѣ и физикѣ оказалась ниже всякихъ ожиданій. На экзаменахъ предъявлялись лишь самыя минимальныя требованія: пришлось понизить ихъ противъ программы, изъ опасенія провалить чуть не всѣхъ экзаменующихся и не набрать нужнаго контингента». На конкурсномъ экзаменѣ въ Горную Академію провалилось 15.000: двѣ трети всѣхъ экзаменовавшихся.

Такое положеніе заставило, какъ мы знаемъ, постепенно ограничить примѣненіе «комплекснаго» метода и вернуться до извѣстной

степени къ предметному. Сперва было допущено преподавать «внѣ комплекса» математику, физику, естествознаніе. Потомъ освободили отъ комплекса родной языкъ, географію, иностранные языки. Зашла затѣмъ рѣчь о возстановленіи исторіи и исторіи литературы. Наконецъ, учебные планы 1927-28 гг. возстановили отдѣльные предметы и точно распредѣлили между ними количество часовъ на 5-й, 6-й и 7-й годъ обученія (напр., математика, физика, естествознаніе, родной языкъ — наравнѣ съ «обществовѣдѣніемъ» по четыре часа въ недѣлю каждый годъ; иностранный языкъ и трудъ въ мастерской — по три часа, химія, пѣніе и музыка, изобразительныя искусства — по два, географія и физическая культура — по одному). О результатахъ этого возвращенія къ старому пока преждевременно судить.

Высшая школа при совѣтской власти пережила, подобно другимъ областямъ образованія, прежде всего, свой «утопическій» періодъ. Большевикамъ показалось мало автономіи университетовъ, введенной временнымъ правительствомъ. Образованіе должно было быть свободно и открыто для всѣхъ. *Слѣдовательно,* декретомъ 6 августа 1918 г. были отмѣнены всякія испытанія зрѣлости, и всякій гражданинъ, достигшій 16-лѣтняго возраста, могъ вступить въ университетъ. Въ результатѣ, число студентовъ сразу поднялось, напр., въ московскихъ высшихъ школахъ съ 38.440 (1917-18) до 69.645. Но это только нарушило нормальный строй преподаванія. Новоявленные «студенты» скоро сами увидѣли, что не могутъ слушать лекцій, которыхъ не понимали, и еще меньше способны работать въ лабораторіяхъ. Они ушли такъ же быстро, какъ пришли: въ 1919-20 г. около 22.000 покинули высшія московскія школы, и осталось только 47.604. О судьбѣ «рабфаковъ» мы уже говорили.

Легко обошлась новая власть на первыхъ порахъ и съ созданіемъ новыхъ высшихъ школъ. Въ Россіи числилось 69 высшихъ учебныхъ заведеній (11 университетовъ, 22 женскихъ курсовъ, 16 высшихъ техническихъ институтовъ, 20 государственныхъ и частныхъ учрежденій университетскаго типа) съ 90.000 студентами. Большевики прибавили къ этому музыкальныя и художественныя школы, археологическіе институты, ветеринарные институты и др. — и насчитали для того же времени (1914-15) 97 учрежденій высшаго образованія съ 110.000 студентами. Сами они, раздѣливъ университеты на факультеты и открывъ рядъ новыхъ школъ подняли къ 1920 году общее число до 244 съ 207.000 студентами; цифры, которыя тоже оказались непрочными, такъ какъ для 1927-28 они понизились до 129 учрежденій съ 157.595 студентами.

Скоро, какъ и въ другихъ областяхъ образованія, политика со-

вѣтской власти и по отношенію къ высшей школѣ совершенно перемѣнилась — въ духѣ самаго строгаго контроля надъ составомъ учащихся и преподавателей, также какъ и надъ самымъ содержаніемъ преподаванія. Отъ первоначальной «свободы» и здѣсь ничего не осталось. Это было и понятно. Вѣдь съ той же точки зрѣнія, съ которой вызывала недовѣріе прежняя средняя школа, высшая школа и университетъ прямо заслуживали немедленнаго уничтоженія. Это была цитадель старой интеллигенціи. А «намъ нужно», говорилъ Луначарскій на 1-мъ учительскомъ съѣздѣ, «создать на мѣсто старой интеллигенціи, — поскольку она будетъ уходить отъ насъ, просто физически умирая, — новыхъ людей, путемъ завоеванія ВУЗ-овъ. Часто упрекаютъ насъ, что мы на ВУЗ-ы обращали слишкомъ много вниманія. Но... это вытекало изъ прямыхъ директивъ Владимира Ильича».

Какого рода было это «вниманіе», — объ этомъ разсказалъ также самъ Луначарскій. По его сообщенію, дѣятельность наркомпроса въ области высшаго образованія началась съ того, что правительство «вступило въ борьбу съ тенденціями профессуры и студенчества къ автономіи» — за уставъ, «давшій возможность правительству регулировать жизнь высшихъ учебныхъ заведеній». Объясняется это тѣмъ, что здѣсь — еще въ большей степени, чѣмъ въ средней школѣ, «студенчество было переполнено элементами, прямо враждебными, и профессура была въ оппозиціи». Затѣмъ, высшихъ учебныхъ заведеній «расплодилось многое множество», но «лишь немногіе были жизнеспособны». Для борьбы примѣнены были энергическія средства: было «строго провѣрено соціальное происхожденіе и политическая грамотность» студентовъ. Затѣмъ «развита система рабфаковъ» и свободныя мѣста «распредѣлены между партійными, профессіональными и комсомольскими организаціями»*). Такимъ образомъ, создано было «новое студенчество», опираясь на которое, «удалось ускорить и процессъ пріятія совѣтской власти большинствомъ профессуры — по крайней мѣрѣ, въ такой степени, которая

*) Это распредѣленіе часто мѣнялось. Въ 1923 г. рѣшено было принимать безъ испытаній рабфаковцевъ, а остальныя мѣста дѣлить между кандидатами коммунистической партіи (25%), Ц. К. профессіональныхъ союзовъ (35%), крестьянъ и красноармейцевъ-инвалидовъ (10%), провинціальныхъ педаг. учрежденій (2%). На долю платныхъ студентовъ оставалось только 10%. Въ 1925 г. это положеніе было измѣнено. Крестьяне полу̀чали 15% вакансій, рабочая интеллигенція 10%, ученики средней школы 25%. Для партійныхъ и профсоюзныхъ кандидатуръ оставалось только 50%, вмѣсто прежнихъ 78%. Въ 1926 г. внесены новыя по-

давала возможность совмѣстной работы». Удалось подобрать и «удовлетворительный персоналъ ректоровъ» — посредниковъ между вузами и начальствомъ (главпрофобромъ).

Поставивъ задачей сокращеніе числа студентовъ, Наркомпросъ, прежде всего, ограничилъ пріемъ на 1924-25-й годъ 13-тью тыс. человѣкъ, изъ которыхъ 8 тысячъ было рабфаковцевъ. Затѣмъ, «согласно директивѣ, полученной въ партійномъ порядкѣ», онъ произвелъ, «въ чрезвычайно нервной атмосферѣ», «чистку». Уволено было 23.000 студентовъ*); осталось 79.000. Въ слѣдующемъ 1925 г. вычищено еще около 40.000 студентовъ.

Не такъ легко было справиться съ автономіей и съ персоналомъ профессоровъ. Первые два года совѣтская власть терпѣла автономное устройство университетовъ. Но затѣмъ и тутъ послѣдовали перемѣны. Осенью 1920 г. изданы были два декрета, которыми совѣтъ профессоровъ былъ подчиненъ правленію, составъ котораго, вмѣсто прежнихъ выборныхъ ректора, проректора и четырехъ декановъ факультетовъ, назначался правительствомъ: въ Москвѣ, напр., правленіе было составлено изъ представителей правительственныхъ и партійныхъ учрежденій, съ участіемъ только двухъ профессоровъ (изъ 11-ти членовъ). Такъ какъ такой составъ правленія оказался совершенно непригоднымъ, то въ 1924 г. онъ былъ замѣненъ пятичленнымъ составомъ (трехчленнымъ для провинціи), въ которомъ большинство назначалось правительствомъ, а профессора были въ меньшинствѣ. За совѣтомъ профессоровъ оставленъ былъ только совѣщательный голосъ — и притомъ тамъ участвовали въ равномъ числѣ представители студентовъ — конечно, принадлежавшихъ къ коммунистическимъ организаціямъ.

Отмѣна ученыхъ степеней въ 1919 г. облегчила возможность продвинуть на профессорскія мѣста молодыхъ представителей «красной» профессуры». Впрочемъ, и для оставшихся свобода преподаванія была введена въ самые тѣсные предѣлы. Какъ при Николаѣ I, подробная программа лекцій на каждый семестръ должна была полу-

---

правки къ «классовому» отбору. 45% мѣстъ оставлено за учениками средней школы (вмѣсто 25%) — подъ условіемъ конкуррентнаго экзамена. Но и рабфакамъ дано 35%. 8% оставлено для не-русскихъ національностей. Остальные 12% распредѣлены между рабочими (прежніе 10%) и правительственными организаціями, включая армію (2%).

*) Въ этомъ числѣ почти 15.000 служащихъ и ихъ дѣтей, интеллигенціи и ея дѣтей, лицъ, живущихъ нетрудовыми доходами и ихъ дѣтей, — т е. по мотивамъ соціальнымъ. Осталось лицъ этихъ категорій около 35 тысячъ (изъ 79 тысячъ).

чить одобреніе правленія, подъ контролемъ Главпрофобра; студенты провѣряли соотвѣтствіе лекцій духу марксистской доктрины. Измѣненъ былъ, въ этомъ же духѣ и самый составъ факультетовъ. Больше всего при этомъ пострадали, конечно, факультеты юридическій и словесный. Въ 1920 г. они были закрыты, какъ несоотвѣтствующіе новому коммунистическому строю. Словесные факультеты были соединены съ физико-математическими и образовали новые педагогическіе факультеты, спеціальной цѣлью которыхъ была поставлена подготовка учителей для средней школы. Исторія присоединена къ экономическимъ предметамъ закрытыхъ юридическихъ факультетовъ, замѣненныхъ факультетами соціальныхъ наукъ. Кафедры философіи уничтожены; взамѣнъ ихъ появились кафедры марксистской идеологіи. Въ итогѣ получилось новое дѣленіе на факультеты: педагогическій, совѣтскаго права, соціальныхъ наукъ, медицины — и техническіе факультеты.

Такимъ образомъ, ВУЗ-ы были приведены въ надлежащій порядокъ. Сообразно съ этимъ, была поставлена и иная задача, чѣмъ прежняя. Мы уже знаемъ, что эта задача была понята «не столько, какъ изученіе науки, сколько, какъ профессіональная подготовка спеціалистовъ-организаторовъ». Перестроенные факультеты получили «цѣлевое» заданіе, соотвѣтственно обслуживаемымъ ими профессіямъ, и превратились въ практическіе «институты» (названіе, принятое на Украинѣ): институтъ народнаго хозяйства, сельскаго хозяйства, совѣтскаго права, электротехническій и т. д. Скороспѣлые университеты были закрыты. Ограниченъ былъ, какъ мы только что видѣли, доступъ въ высшія учебныя заведенія. Украинскій наркомпросъ прямо и объяснилъ сокращеніе пріема на одну треть въ 1925 г., тѣмъ, что это соотвѣтствовало «заявкамъ» на спеціалистовъ со стороны Совнархоза, Наркомздрава, Наркомпроса, Наркомзема и т. д. Никакого «перепроизводства»! Количество принятыхъ студентовъ въ СССР падало такимъ образомъ:

1924-25	165 тыс.
1925-26	162 »
1926-27	160 »

Конечно, предпочтеніе при сокращенномъ пріемѣ отдается пролетарскимъ элементамъ: поступленіе остальныхъ чрезвычайно затруднено, и поступившіе контрабандой подвергаются періодическимъ чисткамъ. Въ данномъ случаѣ коммунистическіе интересы вступаютъ въ открытый конфликтъ съ современной педагогикой. Одинъ изъ оффиціальныхъ педагоговъ весьма откровенно поясняетъ смыслъ это-

го конфликта. «Отборъ исключительно даровитыхъ и талантливыхъ людей», говоритъ онъ,... «по крайней мѣрѣ, на рядъ лѣтъ непріемлемъ. Онъ означалъ бы закрытіе дверей высшей школы для пролетаріата и крестьянства. Черезъ нѣкоторое, болѣе или менѣе продолжительное время, когда общій уровень развитія и образованія широкихъ массъ пролетаріата и крестьянства значительно повысится, мы, можетъ быть, и сумѣемъ перейти къ системѣ отбора исключительно талантливыхъ и одаренныхъ студентовъ изъ рабочихъ и крестьянъ. Пока же надо ставить ставку на рабочаго и крестьянина нормальнаго развитія, такъ сказать, середняка по подготовкѣ». Это отвѣтъ на вопросъ: «какого инженера должны готовить наши ВТУЗ-ы»?

Конечно, однако же, для отобранной такимъ образомъ части слушателей преподаваніе въ высшей школѣ все же надо было поставить на надлежащую высоту. И большевики возвращаются и здѣсь къ старой системѣ. Въ РСФСР стараются стереть только что углубленную грань между наукой и прикладными знаніями, возстановляютъ (въ 1926 г.) ученую степень доктора, частично возстановляютъ и старые факультеты (юридическій въ 1922 г., въ виду потребности въ юристахъ), разгружаютъ планы преподаванія отъ обязательныхъ политическихъ предметовъ, даже ограничиваютъ только что указанный «классовый принципъ» при пріемѣ. Но конфликтъ и при этомъ оставался въ силѣ — между профессорами до-революціоннаго времени и новоиспеченной «красной профессурой». Періодически и тутъ «вычищались» ученые съ громкими именами въ наукѣ. Въ 1928 г. начата была «кампанія перевыборовъ *всѣхъ* профессоровъ и лѣтомъ 1929 года предпринята общая чистка высшихъ учебныхъ заведеній и перевыборъ преподавателей «коллективами» слушателей и служащихъ. . Составлены были спеціальныя комиссіи изъ ректоровъ деканов и студентовъ-коммунистовъ для провѣрки научной и педагогической пригодности профессоровъ и для выясненія характера ихъ «общественной дѣятельности». Въ результатѣ послѣдовавшей чистки опустѣло немало кафедръ. Въ 1928 г. больше четверти должностей профессоровъ и ассистентовъ остались незанятыми, за отсутствіемъ способныхъ замѣнить ихъ кандидатовъ, хотя требованія и были очень понижены. Высшей точки эта борьба достигла въ разгаръ «соціалистическаго строительства». Весь цивилизованный міръ былъ удивленъ участившимися въ 1930 и 1931 г.г. арестами спеціалистовъ-ученыхъ съ міровыми именами. И не менѣе глубокое нравственное возмущеніе вызвалъ тотъ невѣроятный рабій языкъ, которымъ вынуждены были заговорить на публичныхъ съѣздахъ другіе ученые, отъ которыхъ нельзя было прежде ожидать ничего подобнаго. Молчаніе и нейтралитетъ въ такомъ положеніи, очевидно, уже

считается недостаточнымъ. Кто не другъ, тотъ врагъ: этотъ принципъ приводится съ неумолимой послѣдовательностью.

Чтобы составить себѣ понятіе, кто же идетъ на смѣну «вычищаемымъ» спеціалистамъ, познакомимся съ составомъ научныхъ работниковъ. Всего числилось по статистикѣ на 1 октября 1928 г. около 24 1/2 тысячъ ученыхъ. Изъ нихъ только 5 1/2 тысячъ приходилось на долю прикладныхъ наукъ. Основная масса (62 %) находилась въ возрастѣ 31 - 50 лѣтъ; старше 50 лѣтъ 25 %, ниже 30 - 13 %. По своему стажу большинство изъ 14,805 зарегистрированныхъ принадлежало къ дореволюціонному времени:

До 1918	7.346	(50,8 %)
Въ 1918-22	2.847	(19,7 %)
Въ 1923-27	4.253	(29,5 %)

По качеству ученой работы статистика дѣлитъ научныхъ работниковъ на три группы:

1. Выдающіеся ученые	3,3 %
2. Съ научнымъ стажемъ и самостоятельными работами	34,5 %
3. Прочіе, преимущественно начинающіе	63,2%

Количество коммунистовъ въ составѣ союза научныхъ работниковъ было всего 7-8 %; двѣ трети ихъ сосредоточивались въ области гуманитарныхъ наукъ, около 15 % въ области медицины, а по точнымъ и прикладнымъ наукамъ, было только 9-8 %. Въ научно-техническихъ институтахъ коммунисты составляли всего 6 % (117 изъ 1.915), а въ составѣ руководящаго персонала 9,3 % (53 изъ 670). Изъ этого видно, какъ слабы были результаты совѣтскихъ усилій коммунизировать науку.

Мы возвращаемся теперь къ реформѣ школы, вызванной потребностями «соціалистическаго строительства».

Со времени XV съѣзда стало ясно, что главныя перемѣны должны сосредоточиться около слѣдующихъ четырехъ пунктовъ: 1) ускореніе *темповъ* — примѣры чего мы увидимъ въ «культ-» и «биб-походахъ»; 2) приведеніе *всѣхъ* учрежденій въ непосредственную связь съ «кампаніями» на разныхъ «участкахъ» соціалистическаго строительства; 3) въ виду этого, переустройство программъ и внутренняго строя школъ разныхъ ступеней съ цѣлью не столько педагогической, сколько «производственной» — т. е. для

сближенія ихъ съ дѣйствительными производствами. Ближайшей задачей этого сближенія должна была сдѣлаться подготовка кадровъ квалифицированныхъ спеціалистовъ въ размѣрахъ, сколько-нибудь соотвѣтствующихъ грандіозному размаху «строительства», и, наконецъ, 4) «чистка» всѣхъ просвѣтительныхъ учрежденій отъ «чуждыхъ» элементовъ, такъ какъ при открыто объявленной задачѣ введенія коммунизма, никакія формы нейтралитета или аполитичности уже не могли быть терпимы. Съ другой стороны, и элементы, до сихъ поръ нейтральные и «безпартійные» должны были сами посторониться, — «дифференцироваться и выявить свое отрицательное отношеніе къ начатому эксперименту».

Радикальную перестройку приходилось начать съ самой верхушки, съ головы, такъ какъ было ясно, что прежній руководитель вѣдомства, Луначарскій, для новой «ударной» работы не подходитъ. Послушно выполняя требованія новой политики, онъ, тѣмъ не менѣе, вносилъ въ нихъ поправки, которыя сперва и были приняты, но по мѣрѣ ускоренія «темпа» и усиленія нервности, попали подъ обстрѣлъ. Эта компромиссная позиція Луначарскаго особенно отчетливо обрисовалась въ его докладѣ на VII съѣздѣ союза работниковъ просвѣщенія. Хотите ускорить темпъ, спрашивалъ онъ: прекрасно, я самъ «безпрестанно указывалъ, что у насъ происходитъ отставаніе». Но — давайте «смазочнаго масла»; давайте денегъ; тогда никто не скажетъ, что лозунгъ культурной революціи «мы провозгласили рановато». Нуженъ контактъ учебы съ производствомъ, и общественно-полезной школьной работы съ политическими актуальными кампаніями? Это очень хорошо, *если* въ массахъ «сейчасъ найдется та активность, которой мы тогда (при Ленинѣ) не нашли», и если фабрики, заводы, мѣстные исполкомы, которые «туги» на помощь, «помогутъ въ боевомъ порядкѣ». Необходимъ соотвѣтственный пересмотръ всей системы образованія? Но тутъ Луначарскій отъ скрытаго скепсиса переходитъ къ открытымъ возраженіямъ. Пересмотръ программъ ГУС-а? «Это разорительная вещь — такъ часто мѣнять программу...; но нѣкоторыя отдѣльныя поправки мы, конечно, склонны сдѣлать, *если* эти поправки окажутся нужными. Все же... программы ГУС-а себя оправдали». Надо продлить курсъ школы для лучшей подготовки? Ну, да; иностранцы учатъ 11-14 лѣтъ, и «мы будемъ требовать отъ партсовѣщанія 10-го года обученія въ девятилѣткѣ и согласны превратить ФЗУ (стр. 911-12) въ ФЗС (семилѣтку), подведя подъ фабрично-заводскій профессіонализмъ — улучшенную общеобразовательную школу». Но только, — продолжалъ настаивать Луначарскій, — пусть школа останется общеобразовательной: «здѣсь нами проводится принципъ — и профессіонализа-

ція, и общеобразовательный уклонъ». «Одинаково вредны», подтверждалось въ резолюціи, «и культурническій уклонъ, не принимающій во вниманіе конкретныхъ потребностей промышленности, и меркантильный подходъ, исходящій изъ временныхъ узкихъ соображеній». Отъ себя уже Луначарскій поднималъ вопросъ о дисциплинѣ въ школѣ. «Мы имѣемъ заявленія даже изъ среды учительства: мы безоружны передъ озорствомъ нашихъ дѣтей и учениковъ». И рабочіе говорятъ: «школа слаба» и даже — «мы смотримъ на этихъ дѣтей, какъ на пропащихъ; по крайней мѣрѣ другихъ воспитайте въ большей строгости».

Остается четвертый пунктъ о чисткѣ «чуждыхъ элементовъ»; и здѣсь Луначарскій проявилъ большую осторожность. Въ такой моментъ, когда не хватаетъ ни учителей, ни инженеровъ, нельзя выбрасывать почти кончившаго школу студента за то, что онъ сынъ «лишенца», попа или хотя бы «генерала». Нельзя отказывать ребенку въ пріемѣ, если есть свободныя мѣста, только потому, что его отецъ не красный, а «блѣдно-розовый»; или выгонять учительницу потому, что она не рѣшается сказать, что нѣтъ Бога. Нужно, конечно, увеличивать составъ дѣтей крестьянъ и рабочихъ; нужно помочь имъ матеріально, чтобы уменьшить «отсѣвъ». Другое дѣло, если «на крайнемъ правомъ крылѣ профессуры и представителей науки образуется дальнѣйшій отколъ, происходитъ мобилизація враждебныхъ силъ», или если «учительство дифференцируется» и «нѣкоторое негодное, черносотенное, и кадетское и всякое другое меньшинство старается вредительствовать». Но «основная масса научныхъ работниковъ съ энтузіазмомъ идетъ къ намъ» и «массовое учительство мобилизуется подъ нашими знаменами».

Что съ этой готовностью на компромиссы и съ этимъ оффиціальнымъ оптимизмомъ далеко уйти нельзя было, показали оффиціальныя признанія по поводу неудовлетворительныхъ итоговъ перваго года выполненія педагогической «пятилѣтки». Вотъ эти признанія, какъ они изложены въ предварительномъ отчетѣ Наркомпроса о «Народномъ просвѣщеніи въ СССР за 1928-29 г.».

«Темпъ подъема былъ совершенно недостаточнымъ. Налицо — отставаніе не только отъ требованій жизни, но и отъ проектировокъ культурной пятилѣтки, хотя сама культурная пятилѣтка далеко не являлась пятилѣткой подлинной культурной революціи.... Данныя объ основномъ участкѣ культурнаго строительства, о всеобщемъ обученіи, свидѣтельствуютъ о недовыполненіи проектировокъ пятилѣтки. По всему Союзу ростъ контингентовъ начальной школы не превысилъ роста предыдущаго года, составивъ тѣ же 4 %, что и въ 1927-28 году; по РСФСР контингенты выросли лишь на 5,4 % противъ за-

проектированныхъ 6,9 %. По той же РСФСР (безъ автономій) въ дѣло народнаго образованія вложено было изъ всѣхъ источниковъ 565,3 миліона рублей вмѣсто 628 милл. р., предусмотрѣнныхъ планомъ. То же недовыполненіе плана отмѣчается и по линіи ликвидаціи неграмотности. По всему союзу, вмѣсто запроектированныхъ 2.291 тыс. неграмотныхъ, прошли школу ликбеза только 1.619 тыс. Не менѣе остро обстоитъ дѣло и съ кадрами спеціалистовъ для народнаго хозяйства. Въ сравненіи съ тѣмъ, что можетъ дать сѣть высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, къ концу 1928-29 гг. опредѣлился дефицитъ въ 11 тысячъ индустріальныхъ инженеровъ и въ 18 тыс. агроспеціалистовъ для одного только обобществленнаго сектора хозяйства. Не было рѣзкихъ сдвиговъ и въ направленіи изживанія основныхъ пороковъ нашихъ учебныхъ заведеній: отсѣвовъ, второгодничества, долголѣтняго пребыванія учащихся въ большинствѣ школъ, крайне низкаго процента оканчивающихъ высшую школу. Несмотря на нѣкоторыя достиженія въ качествѣ и эффектности культурной работы,... остро ощущается отставаніе большинства культурно-просвѣтительныхъ учрежденій отъ массовыхъ задачъ соціалистическаго строительства и отъ растущихъ запросовъ широкихъ рабоче-крестьянскихъ массъ. Нерѣдки искривленія и недостаточная четкость классовой линіи въ борьбѣ за укрѣпленіе позицій пролетаріата на культурномъ фронтѣ». Таково было положеніе, при которомъ болѣе рѣшительное направленіе взяло верхъ.

Новая система народнаго образованія была уже подробно разработана и утверждена комиссіей Наркомпроса еще до VII учительскаго съѣзда, въ связи съ XIV съѣздомъ совѣтовъ, 18 мая 1929 г. Здѣсь была сдѣлана попытка связать потребность въ дальнѣйшей профессіонализаціи школы съ возвращеніемъ къ основной партійной идеѣ «политехнической» школы (см. выше, стр. 880). Мирясь «временно» съ преобладаніемъ профессіональнаго элемента надъ «политехническимъ», Наркомпросъ полагалъ смягчить въ будущемъ это противорѣчіе удлиненіемъ срока преподаванія: въ начальной школѣ до пяти лѣтъ вмѣсто четырехъ (какъ мы знаемъ, далеко еще не достигнутаго фактически), въ ФЗУ укрѣпленіемъ семилѣтней базы, въ девятилѣткѣ — доведеніемъ ея до десяти, а съ прибавкой приготовительнаго (ноль-группа») и до 11 лѣтъ. Признавалась необходимость поднять и дошкольное образованіе, совершенно упавшее, и тѣмъ, во-первыхъ, освободить женщину, а, во-вторыхъ, дать начальной школѣ не сырой, а уже нѣсколько обработанный дѣтскій матеріалъ. Цѣль всего этого была — возстановить идею «единой» школы и начать уже на первой ступени выработку «міровоззрѣнія», ибо доказано, что «кончающіе четырехлѣтку не имѣютъ никакого представ-

ленія о соціализмѣ». Все это, однако, при новой постановкѣ «боевыхъ» задачъ школы было слишкомъ тонко и разсчитано на слишкомъ долгіе «темпы». И VII учительскій съѣздъ, передъ которымъ говорилъ Луначарскій, въ своей резолюціи пошелъ по другой линіи — линіи введенія всей культурно-просвѣтительной дѣятельности въ политическую борьбу, — какъ «неотъемлемаго звена», «неразрывной части цѣлаго соціалистическаго переустроительнаго процесса».

Правда, на первыхъ порахъ эта радикальная постановка встрѣтила сопротивленіе и вызвала внутреннюю борьбу въ самомъ союзѣ «работниковъ просвѣщенія», какъ и на VIII съѣздѣ профсоюзовъ. Но руководящая коммунистическая группа передъ этимъ не остановилась. «Оппортюнисты» изъ ЦК союза были удалены, и на II пленумѣ ЦК «цеховыя настроенія отсталой части просвѣщенцевъ», «элементы аполитичности, узкаго дѣлячества и безиниціативности» были окончательно осуждены. «Переходъ на боевые темпы», превращеніе органовъ союза въ «боевые штабы», «мобилизація массъ просвѣщенцевъ на преодолѣніе трудностей строительства» и т. д. были объявлены очередными лозунгами. Вся 800-тысячная армія учителей была приглашена обратиться внизъ, къ массамъ, и ей рекомендованы методы «культпохода» и «соціалистическаго соревнованія». «Самоочищеніе своихъ рядовъ» было указано, какъ способъ борьбы противъ элементовъ, «срывающихъ классовую пролетарскую линію». О педагогическихъ вопросахъ въ собственномъ смыслѣ въ рѣшеніяхъ II пленума нѣтъ ни звука.

Такъ, въ промежуткѣ отъ мая до августа 1929 г. новое направленіе просвѣтительной политики, согласованное съ политикой сверхиндустріализаціи и коллективизаціи, окончательно опредѣлилось, а въ сентябрѣ Луначарскій былъ замѣненъ молодымъ генераломъ А. С. Бубновымъ. Смыслъ этой перемѣны ясенъ изъ всего сказаннаго. Въ октябрьской книжкѣ «Народнаго Учителя» появилась статья Бубнова, въ которой онъ опредѣляетъ позицію учителя, какъ находящуюся «на точкѣ острѣйшаго пересѣченія классовой борьбы новаго со старымъ, активности кулацкой — нэпманской съ соціалистической пролетарской активностью». Такое «острое столкновеніе... требуетъ отъ работниковъ просвѣщенія... связать черновую работу по достиженію элементарнаго культурнаго уровня съ развертывающимся строительствомъ соціализма». Отсюда — выдѣленіе и постановка «на первый планъ» трехъ группъ учительской дѣятельности: 1) обслуживаніе «элементарныхъ потребностей»: всеобщее начальное обученіе и ликвидація неграмотности, 2) ускореніе темпа и повышеніе качества подготовки новыхъ кадровъ спеціалистовъ, чтобы уменьшить громадные недочеты, вытекающіе изъ пятилѣтняго плана и

3) обслуживаніе «опорныхъ базъ соціализма, — фабрично-заводскихъ районовъ, совхозовъ и колхозовъ».

Въ общемъ, этотъ выводъ въ бой «полумилліонной арміи» учителей чрезвычайно осложнилъ положеніе учителя, вызвалъ массу недоумѣній, а у того передового отряда, который проникся коммунистическими задачами, и немало жертвъ — въ результатѣ ряда конфликтовъ съ населеніемъ. Если учитель употреблялъ 70% своей дѣятельности на «общественную» работу и только 30% на школу, это считалось правильнымъ и вызывало одобреніе педагогическаго оффиціоза. Неудивительно, что среди учительства пошли разговоры объ «отмираніи школы». Авангардъ убѣжденныхъ за сезонъ 1928/29 г. (восемь мѣсяцевъ передъ апрѣлемъ) понесъ 153 жертвы убитыми. А въ слѣдующій сезонъ эта цифра учителей и учительницъ, убитыхъ населеніемъ, поднялась до 217. Что касается второй группы Бубнова, подготовки спеціалистовъ, «Работникъ просвѣщенія» въ ноябрѣ 1929 г. подвелъ такой итогъ предшествующей работы: «іюльскій пленумъ ЦК ВКП намѣтилъ основныя вѣхи... Съ тѣхъ поръ прошелъ годъ... Директивы іюльскаго пленума въ большей своей части оказались невыполненными. Главпрофобръ, Главтузъ, Цутранпросъ, хозорганы, профсоюзы — всѣ оказались въ одинаковой степени не на высотѣ поставленныхъ передъ ними задачъ... Руководство учебной и хозяйственной жизнью вузовъ со стороны правленій и деканатовъ по-прежнему является неудовлетворительнымъ. Учебные планы подверглись не коренному, а лишь частичному пересмотру. Программы въ большинствѣ случаевъ еще совсѣмъ не пересмотрѣны... Выпуски окончившихъ крайне незначительны... Постоянной связи высшей школы съ производствомъ не существуетъ». Виновата, конечно, «реакціонная часть профессуры», которая «относится къ этой реформѣ враждебно, саботируетъ ея проведеніе» и у которой «основная масса научныхъ работниковъ плетется въ хвостѣ». Очередной задачей, поэтому является «борьба съ реакціонной профессурой, опираясь на лѣвый секторъ» — правда, «малочисленный и неорганизованный».

Требованіе «вовлеченія всей массы научныхъ работниковъ въ активное соціалистическое строительство» было выдвинуто еще III всесоюзнымъ съѣздомъ научныхъ работниковъ въ 1929 году. Тогда же отъ нихъ потребовали «усиленія рабочаго и бѣдняцко-середняцкаго ядра въ высшей школѣ вообще, а въ индустріально-технической и педагогической школѣ особенно», а также «болѣе быстраго и широкаго выдвиженія и расширенія кадровъ научныхъ работниковъ изъ среды трудящихся массъ». Въ серединѣ 1929 года III пленумъ Ц. Сов. секціи научныхъ работниковъ поставилъ ребромъ вопросъ о

«борьбѣ съ проявленіемъ чуждой намъ буржуазной идеологіи со стороны реакціонной профессуры», ибо «такъ называемое просто — легальное отношеніе къ совѣтской власти... является уже недостаточнымъ» и «необходимо усвоеніе марксистской идеологіи». За этимъ послѣдовала кампанія перевыборовъ профессуры; но, по заявленію К. Островитинова, автора и приведенныхъ выше статей, «борьба за марксистскую идеологію» не была при этомъ развернута, «перевыборныя собранія плохо посѣщались», критиковать другъ друга «считалось не этичнымъ». «Дифференціація» въ научной средѣ, правда, усилилась, но привлеченіе новыхъ кадровъ было проведено слабо. Въ концѣ 1929 г. и былъ заостренъ вопросъ о привлеченіи «аспирантовъ» изъ рабочей и крестьянской среды. При первомъ наборѣ аспирантовъ въ научные работники (1925) оказалось въ ихъ рядахъ 8,8% изъ рабочей среды, 17,8% изъ крестьянской и 11% партійцевъ и комсомольцевъ. Въ октябрѣ-ноябрѣ 1929 г. былъ произведенъ новый наборъ. Онъ далъ 18% изъ рабочей, 33% изъ крестьянской и 47% изъ партійной среды. Но это усиленіе было достигнуто за счетъ пониженія уровня подготовки аспирантовъ. Профессора, не отвѣтственные за плоды работы навязанныхъ имъ учениковъ, даютъ о нихъ формальные отзывы, а иногда подписываютъ ихъ отчеты, не читая. Начальство, посылая ихъ, заботится, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы кандидатъ въ ученые былъ «основательно знакомъ съ марксистской идеологіей», чтобы не «подпасть подъ идеологическое вліяніе руководителей». Если прибавить къ этому «слабую матеріальную обезпеченность» аспирантовъ, то понятно будетъ, почему изъ 800 аспирантовъ пріема 1925 года получили своевременно квалификацію только 89, другимъ 186 дали отсрочку на годъ, 348 сняты со стипендіи, ибо не защитили дипломной работы, а 177 чел. ушли сами. При этомъ, послѣ такого «отсѣва», особенно уменьшился именно процентъ рабоче-крестьянско-партійнаго состава аспирантовъ. Немудрено также, что большой охоты попасть въ аспиранты не обнаруживалось. Въ октябрѣ 1929 г. на 150 мѣстъ по индустріально-техническимъ наукамъ (по Наркомпросу) было подано только 55 заявленій, а по сельско-хозяйственнымъ — на 195 мѣстъ 103 заявленія.

Въ области средней школы новое теченіе повело къ пересмотру программъ ГУС-а 1927 года (см. стр. 903, 927). Мы видѣли, что Луначарскій призналъ необходимымъ внести въ эти программы «нѣкоторыя измѣненія». Во исполненіе этого, Главсоцвос представилъ проектъ редакціонныхъ измѣненій въ комплексныхъ программахъ первыхъ трехъ лѣтъ и новую редакцію программъ четвертаго года. Тутъ были «выполнены всѣ указанія. Расширенъ обществовѣдческій

матеріалъ. Усиленъ антирелигіозный моментъ. Уже не молчатъ о... классовой борьбѣ. Уже чаще возвращаются къ интернаціональнымъ моментамъ, уже не смѣютъ затушевывать политику партіи въ деревнѣ, уже говорятъ о соціалистическомъ секторѣ». Всего этого, однако, все еще недостаточно лѣвому Шульгину. «Надо пропитать ихъ пятилѣткой, бѣшенымъ темпомъ соціалистическаго развитія», восклицаетъ онъ, поддѣлываясь подъ новое настроеніе. Правда, онъ получаетъ отпоръ отъ Пистрака и Эпштейна, напоминающихъ ему, что «производственное окруженіе неблагопріятно для введенія политехническаго образованія, что нѣтъ подготовленныхъ для этого кадровъ педагоговъ, нѣтъ нужнаго оборудованія» и т. д. Говорить «шапками закидаемъ — вреднѣйшее дѣло». Но эти оппоненты Шульгина явно отстали отъ времени. «Шапками закидаемъ», «догонимъ и перегонимъ» — именно и есть лозунгъ момента.

1930-ый годъ весь прошелъ подъ этими лозунгами, при непрерывномъ ростѣ нервной спѣшки и взаимнаго «соревнованія», которое часто обращалось въ простое подсиживаніе. Въ январѣ третій пленумъ Ц.К. учителей уже окончательно прошелъ въ орбитѣ «борьбы за соціалистическое переустройство деревни». И безсмѣнный предсѣдатель А. Аболинъ издалъ свою новую рѣчь подъ этимъ заглавіемъ, перемѣнивъ обложку изъ темной на красную. Въ февралѣ 1930 г. развернулась чистка ряда управленій Наркомпроса, къ которой привлечены были рабочіе и студенты. Въ этомъ же мѣсяцѣ, въ разгаръ «головокруженія отъ успѣховъ» коллективизаціи, «Школа крестьянской молодежи» была превращена въ «школу колхозной молодежи» (5 февраля), и всѣ ликвидаторы безграмотности направлены на посѣвный фронтъ. Въ концѣ марта органъ Цекпроса забилъ въ набатъ: ничего еще не сдѣлано для похода ШКМ въ колхозы. «Наркомпросъ не спѣшитъ». Въ концѣ апрѣля на второмъ всесоюзномъ совѣщаніи по народному образованію объявлено было о прекращеніи давняго спора между «политехнизмомъ» РСФСР и «профессіонализмомъ» Украины. Бубновъ и Скрипникъ сговорились, сдѣлавъ другъ другу уступки. Школа второй ступени по существу превращена была въ техникумъ, чего никакъ не хотѣли «прежніе руководители наркомпроса». Правда, оговорились, что она не будетъ «школой ремесленнической», а будетъ «включать элементы политехнизма и общеобразовательные». Но, въ концѣ концовъ, «это все же должна быть опредѣленная школа, которая даетъ профессіональную подготовку, выходъ къ жизни, къ соціалистическому строительству». Слово «политехническая» школа, какъ никакъ, сохранено, какъ послѣдняя дань лицемѣрія, въ этомъ мудреномъ компромиссѣ. Это будетъ, по Скрипнику, «профессіональный политехнизмъ». Почти од-

новременно публикуется постановленіе, по которому семилѣтка является обязательной для имѣющихъ окончить обязательную четырехлѣтку, и родители, при извѣстныхъ условіяхъ, довольно проблематическихъ, лишаются права брать изъ высшихъ классовъ своихъ дѣтей. Нѣтъ больше «отсѣва», — по крайней мѣрѣ, на бумагѣ.

Замѣтимъ попутно, что оффиціозъ Цекпроса, который служитъ намъ основнымъ матеріаломъ при этомъ бѣгломъ обзорѣ, съ апрѣля 1930 г. превратился изъ сравнительно скромной «Учительской Газеты» въ рекламную «За коммунистическое просвѣщеніе». Газета съ этихъ поръ поднимаетъ тонъ, соотвѣтственно «темпу». Она кричитъ, вопитъ, угрожаетъ, обличаетъ, требуетъ. «Довольно разговоровъ». «Ни одного неграмотнаго пролетарія къ XVI партсъѣзду». «Выкуемъ большевистскіе кадры». «Снять замокъ съ избы-читальни». А потомъ: «Мы второй мѣсяцъ бьемъ въ набатъ»; «съ подготовкой кадровъ по-прежнему плохо», «Прорывъ» тамъ, «преступная небрежность» здѣсь; «директива ЦК не выполняется»; «по чьей винѣ сорванъ слетъ»; и т. д. И минорныя объясненія: «тяжелый грузъ безкультурья», «терроръ отмирающаго класса», и проч. Работа просвѣщенцевъ до такой степени сливается при всей этой спѣшкѣ съ работой хозяйственниковъ, что становится трудно выдѣлять одну отъ другой. И невозможно, среди этихъ оглушающихъ криковъ, отдѣлить дѣйствительные факты отъ воображаемыхъ «преступленій» и «побѣдъ». Но всѣ факторы неудачи, намъ извѣстны, — всѣ они повторяются въ только что приведенныхъ ударныхъ заголовкахъ. Въ срединѣ іюнѣ 1930 г. заголовки начинаютъ невольно рисовать дѣйствительное положеніе просвѣщенцевъ въ кампаніи. «Категорически прекратить», требуютъ оффиціальные органы; «прекратить незаконныя увольненія и перемѣщенія» (учителей), неправильное «раскулачиваніе» и лишеніе избирательныхъ правъ, перебои въ снабженіи и выдачѣ заработной платы, использованіе просвѣщенцевъ на технической работѣ» и т. д. Въ началѣ іюля собирается XVI партійный съѣздъ — и почти въ тѣхъ же, какъ и прежде, выраженіяхъ повторяетъ старыя рѣшенія. Докладчикъ Каганович свидѣтельствуетъ, что развертываніе кадровъ натолкнулось на «бюрократическое перерожденіе и вредительство»; вредителей онъ насчитываетъ цѣлыхъ 292: «бывшихъ собственниковъ 161, бывшихъ купцовъ 8, дворянъ 123». «Выгнать негодныхъ, разстрѣлять, выслать въ Соловки», — вотъ языкъ сотрудника Сталина. Но кѣмъ ихъ замѣнить? «Темпы учобы», заявляетъ тотъ же докладчикъ, «у насъ были обломовскіе: 6-7% выпуска изъ нашихъ вузовъ... Мы добиваемся, чтобы у насъ былъ выпускъ въ 20-25% и чтобы не было второгодничества... Мы установили въ вузахъ единоначаліе». «У насъ вузы будутъ прикрѣ-

плены къ опредѣленнымъ производствамъ... Непосредственнымъ руководителемъ... является ВСНХ, объединенія и тресты, транспортъ, наркоматы, которые будутъ этихъ людей использовать у себя. Мы перевели втузы на непрерывную производственную практику... Мы начали строить своеобразныя новыя формы учебы — заводы — втузы». Въ концѣ концовъ, Кагановичъ обѣщаетъ «уже въ ближайшіе годы значительно повысить процентъ рабочихъ и коммунистовъ въ составѣ спеціалистовъ и тѣмъ самымъ измѣнить лицо техническихъ кадровъ».

Среди всего этого шума и гама производится та коренная перестройка учебной системы, о которой говорено выше. При этомъ все болѣе отчетливо — и довольно неожиданно выдвигаются заброшенные на практикѣ принципы «единой» и «политехнической» школы. Вызывается это возвращеніе къ 1918 году отнюдь не однѣми идейными соображеніями, а, главнымъ образомъ, тѣмъ, что при узкомъ практицизмѣ и профессіонализмѣ невозможно достигнуть того повышенія квалификаціи, той степени сознательности въ работѣ, того пониманія задачъ «соціализаціи», котораго требуетъ пятилѣтка. Подобное же возвращеніе къ идеологіи — съ тѣмъ, конечно, чтобы это была идеологія оффиціальная, мы видѣли и въ литературѣ, и въ театрѣ, и въ искусствѣ (стр. 432, 446, 597, 681). По отношенію къ производству новая принципіальность окончательно устанавливается постановленіями партійнаго пленума ноября 1929 г. — и развивается въ цѣлую сѣть практическихъ мѣропріятій, соединенныхъ декларацією о средней школѣ «коллегіи» Наркомпроса, Ц. К. Комсомола и Ц. К. союза работниковъ просвѣщенія (Цек. Прос.). Эта коллегія, въ прямой связи съ необходимостью «увязки всей системы народнаго образованіу съ соціалистически-строящейся экономикой страны», объявляетъ, «что въ отношеніи всѣхъ отдѣльныхъ, въ значительной своей части изолированныхъ другъ отъ друга типовъ среднихъ общеполитехническихъ школъ (ШКМ., ФЗС, семилѣтка, девятилѣтка, вторые концентры II ступени съ разнообразными профуклонами и ФЗУ) должно быть подчеркнуто, какъ важнѣйшая и первоочередная задача, превращеніе ихъ въ единую политехническую школу. Въ *единую,* т. е. имѣющую единую соціальную установку — воспитаніе сознательныхъ и умѣлыхъ строителей соціализма — обезпечивающую *преемственность* между всѣми звеньями совѣтской трудовой школы и не допускающую, съ одной стороны, школъ-тупиковъ, а съ другой — привилегированныхъ учебныхъ заведеній; въ *политехническую,* т. е. дающую пониманіе единаго хозяйственнаго плана, связи и взаимозависимости между различными отраслями хозяйства, общую трудовую культуру и вооружающую учащихся умѣніемъ при-

мѣнить техническія и агрономическія знанія въ самыхъ разнообразныхъ практическихъ областяхъ». Эта точка зрѣнія исключаетъ двѣ противоположныя тенденціи, съ которыми коллегія «считаетъ необходимымъ объявить рѣшительную борьбу»: съ одной стороны, «тенденціи къ сокращенію сроковъ обученія, къ ранней спеціализаціи и къ узкому ремесленничеству», съ другой, «тенденціи къ подмѣнѣ политехническаго образованія словесно-начетнической школой, оторванной отъ труда и производства». Это идетъ уже дальше — по крайней мѣрѣ, въ теоріи, «профессіональнаго политехнизма» Скрипника.

Окончательно признается теперь, что «такая подготовка можетъ быть обезпечена лишь на базѣ *семилѣтняго* образованія», и «семилѣтка выдвигается во всей системѣ общаго средняго образованія, какъ рѣшающее на ближайшемъ этапѣ соціалистическаго строительства звено». Поэтому коллегія постановляетъ ввести *принудительное* обученіе до этого уровня и для этого 1) установить для всѣхъ, кончающихъ въ 1930 г. начальную школу въ городахъ и фабрично-заводскихъ поселкахъ, въ возрастѣ не старше 15 лѣтъ, продолженіе своего образованія въ семилѣткѣ (въ 5-хъ группахъ) въ обязательномъ порядкѣ, 2) запретить забирать безъ уважительныхъ причинъ изъ семилѣтки до окончанія ея курса обучающихся уже въ ней моложе 16 лѣтъ (тутъ, правда, прибавлено: «по мѣрѣ полной отмѣны платности обученія, обезпеченія школы стипендіальными фондами, а также безплатнымъ снабженіемъ бѣднѣйшихъ учащихся учебными пособіями, одеждой, обувью и даровымъ проѣздомъ»: это — возвращеніе къ «утопическому» идеалу 1918 года) и 3) для тѣхъ контингентовъ *переростковъ* изъ рабочихъ, батрацкихъ и бѣдняцкихъ дѣтей, которые, имѣя начальное образованіе, нынѣ не учатся въ семилѣткахъ, развернуть при послѣднихъ, въ первую очередь при ШКМ(олодежи) и ФЗС(семилѣткѣ) широкую сѣть *вечернихъ* семилѣтокъ и семилѣтокъ съ *ускореннымъ* курсомъ (т. е., значитъ, не «семилѣтокъ? П. М.)». Ставя эти задачи «наравнѣ съ такими задачами, какъ индустріализація страны и коллективизація сельскаго хозяйства», колегія требуетъ, съ одной стороны «ускорить развитіе и укрѣпленіе ФЗС, съ тѣмъ, чтобы съ 1930-31 г. сдѣлать ее *массовой школой* въ фабрично-заводскихъ районахъ», а съ другой, «реорганизовать на протяженіи оставшихся лѣтъ первой пятилѣтки всѣ вторые концентры (т. е. школу II ступени) въ школу типа политехникума, дающую квалификацію въ опредѣленной отрасли труда». Понятіе «политехнизма» при этихъ практическихъ перемѣнахъ, надо сказать, значительно расплывается. «Политехнизмъ не долженъ превращаться въ чисто школьную учобу и тренировку»: это понятно. «Онъ долженъ вооружить умѣніемъ примѣнять техническія и агрономическія зна-

нія для преобразованія всей нашей хозяйственной жизни на соціалистическихъ началахъ; онъ долженъ дать направленіе общественно-полезной работѣ школы, способствуя превращенію ея въ культурно-производственную ассоціацію»: это уже менѣе понятно, труднѣе достижимо и болѣе растяжимо.

Во всякомъ случаѣ, одно ясно: къ такой работѣ уже нельзя привлекать человѣка, «соціалистическимъ началамъ» не сочувствующаго. «Дифференціація» между своими и чужими, которая до сихъ поръ происходила фактически, должна быть проведена уже формально. Прежде всего, долженъ быть измѣненъ составъ школы. Коллегія Наркомпроса установила на 1930-31 учебный годъ обязательные «соціальныя нормы» пріема въ вузы. «Во втузахъ рабочіе и ихъ дѣти должны составлять не меньше 70% общаго контингента пріема. Въ сельско-хозяйственныхъ вузахъ рабочіе, батраки, бѣдняки, середняки и колхозники — не меньше 75%; въ соціально-экономическіе вузы должно быть принято не меньше 60%, въ художественные — не меньше 50% и въ педагогическіе — не меньше 40% рабочихъ и 20% крестьянъ. Авторъ, показаніями котораго мы пользуемся (Бронтманъ), увѣренъ, что эта директивы будутъ выполнены, такъ какъ были выполнены соотвѣтственныя указанія прошлаго (1929-30) учебнаго сезона. А именно, «Въ вузы РСФСР. принято 53,2% рабочихъ (въ 1928-9 г. 42,3%) и 22,1% крестьянъ. Члены партіи и комсомола среди принятыхъ составляютъ (1929-30) 66,4%, что даетъ увеличеніе по сравненію съ прошлымъ (1928-29) годомъ на 11,2%. Служащихъ въ вузы принято 18,5% и дѣтей спеціалистовъ — 5,5 (мы видѣли, что въ 1925 г. дѣти служащихъ составляли отъ 27,6% до 43,3%, начиная съ низшихъ школъ и кончая высшими, см. стр. 919). Сравненіе съ цифрами 1923-24 г. г., когда «по всѣмъ видамъ образованія дѣти рабочихъ составляли только 15,3%, а крестьяне 23,5%», когда «члены партіи среди студентовъ всѣхъ вузовъ составляли только 6,9%, комсомольцы — 6%», преисполняетъ автора оптимизмомъ. Онъ констатируетъ, что «въ 1928-29 г. мы уже имѣемъ 21,2% членовъ партіи и 22,9% комсомольцевъ», причемъ, «наибольшій ростъ партійно-комсомольской группы даютъ соціально-экономическіе вузы (69,4%), сельско-хозяйственные — 41,2%, индустріально-техническіе (38,1%); наименьшій художественные (13,2% и медицинскіе (31,8%)». Авторъ безпокоится только относительно женщинъ, число которыхъ въ вузахъ не увеличивается, а уменьшается (въ 1923-24 — 37,8%, въ 1928-29 — 33,4; особенно быстро идетъ сниженіе какъ разъ въ индустріально-техническихъ (съ 19,9% до 9,3%) и въ соціально-экономическихъ (съ 38,1% до 18,2%).

Изъ сравненія всѣхъ этихъ цифръ можно было бы сдѣлать и иной выводъ: о насильственности, съ которой подбирается составъ учащихся, начиная съ 1928-29 года*). Скачки цифръ вверхъ за послѣдніе три года все же слишкомъ велики, чтобы объясняться естественнымъ ходомъ вещей. Можно сдѣлать и другой выводъ: это искусственное повышеніе состава учащихся въ пользу партіи и комсомола не можетъ обойтись безъ дальнѣйшаго пониженія образовательнаго уровня, тогда какъ новая реформа исходитъ изъ сознанія необходимости повысить его. Въ очевидной связи съ этимъ вновь сталъ на очередь вопросъ о пріемныхъ экзаменахъ. Эти экзамены давали и въ 1930 г. столь же неудовлетворительные результаты, какъ тѣ, о которыхъ приходилось говорить выше (стр. 921). «Главсоцвозъ указывалъ, что свѣдѣнія, полученныя изъ ряда техникумовъ, показываютъ, что ни съ количественной, ни съ качественной сторонъ знанія поступающихъ не соотвѣтствуютъ тѣмъ минимальнымъ требованіямъ, которыя къ нимъ предъявляются. Сплошь и рядомъ, наблюдается отсутствіе навыковъ въ обращеніи съ простыми и десятичными дробями, въ преобразованіи алгебраическихъ формулъ, въ составленіи уравненій и рѣшеніи геометрическихъ задачъ и т. д., причемъ всѣ отзывы сходятся на томъ, что окончившіе семилѣтку, даже при наличіи формальныхъ знаній, не въ состояніи приложить ихъ къ практическимъ заданіямъ. То же отчасти и въ отзывахъ о подготовкѣ по физикѣ и химіи. По русскому языку отмѣчается значительная неграмотность, выражающаяся въ большомъ количествѣ орфографическихъ и стилистическихъ ошибокъ, а въ особенности въ недостаточномъ умѣніи владѣть письменной и устной рѣчью. По обществовѣдѣнію отмѣчается слабая увязка окончившими историческихъ вопросовъ политической и экономической жизни съ современностью». Все это говорилось о той самой школѣ-семилѣткѣ, которую теперь рѣшено положить въ основу реформированной системы.

Что же было тутъ дѣлать? На помощь пришла, прежде всего, психологическая лабораторія Академіи коммунистическаго воспитанія, которая (въ спеціальной книгѣ: «Экзаменъ и психика») доказала вполнѣ научно, что «экзаменъ создаетъ у школьника, студента, да и у вполнѣ взрослаго отвѣтственнаго человѣка явленія, полностью соотвѣтствующія симптомамъ остраго травматическаго психоневро-

*) Брокманъ устанавливаетъ, что «осенью 1928 г. въ втузы была послана первая тысяча коммунистовъ, принятая «реакціонной профессурой», а кое-гдѣ и самими студентами буквально въ штыки. Затѣмъ послѣдовали рабочія «тысячи», въ которыя вошли исключительно рабочіе отъ станка».

за». Иначе, конечно, и не могло быть у категоріи учащихся, принужденныхъ безъисходно «грызть гранитъ науки». Отсюда былъ сдѣланъ выводъ, что надо отмѣнить экзамены. И съ 1930 г. были отмѣнены вступительные экзамены при пріемѣ въ техникумы лицъ, окончившихъ школы семилѣтки (ФЗС., городскую и сельскую семилѣтку и ШКМ) и, тѣмъ болѣе, для окончившихъ девятилѣтку въ 1929 г. Такъ какъ можно было предвидѣть, что изъ этого выйдетъ, то рѣшено было «срочно организовать цѣлый рядъ дополнительныхъ мѣропріятій», чтобы подтянуть недоучившихся «къ концу учебнаго года» — притомъ еще «за весь семилѣтній курсъ». Въ то же время вводилась «въ вузахъ и втузахъ самая жестокая учебная дисциплина». Учебный часъ увеличивался до 50 минутъ; учебный день — до 6 часовъ, срокъ обученія во втузахъ сокращался до 4 лѣтъ, во втузахъ новаго типа до 3-хъ лѣтъ, причемъ въ годъ должно было проходиться два курса, каждый по 140-150 дней, и ученіе должно продолжаться круглый годъ, съ двумя перерывами въ 10 и двумя въ 30 дней. Непосѣщеніе семинарій, лабораторій и др. практическихъ занятій могло вести за собой исключеніе; условные переводы отмѣнялись; оставленіе на второй годъ допускалось лишь въ случаѣ полугодовой (и болѣе) болѣзни. Отмѣнялись «дипломныя работы»*).

Какъ видимъ, практическія мѣры по необходимости шли болѣе или менѣе вразрѣзъ съ идеологической «установкой». Это заранѣе обрекало идеологію на провалъ, — какъ и прежде. Но, при той настойчивости, съ которой во что бы то ни стало проводилась сталинская система, идеологія должна была торжествовать, хотя бы формально. Интересную картину борьбы между идеологіей и дѣйствительностью развертываетъ передъ нами «Первый всероссійскій съѣздъ по политехническому образованію», состоявшійся 12 августа 1930 г. Съѣздъ этотъ былъ созванъ спѣшно, по настоянію все тѣхъ же «нажимателей», и самъ Бубновъ тщетно хлопоталъ о его отсрочкѣ, чтобы лучше его подготовить. Подготовка состояла въ томъ, что, помимо наркомпроса, въ съѣздѣ должны были принять участіе учрежденія, которыя до сихъ поръ очень вяло занимались школьнымъ вопросомъ. Въ центральномъ управленіи профессіоналныхъ союзовъ пришлось даже, вслѣдъ за самимъ наркомпросомъ, перемѣнить руководителей, чтобы заставить его повернуться «лицомъ» къ очереднымъ лозунгамъ. Высшее управленіе народнымъ хозяйствомъ также было втя-

*) «Въ среднемъ, студентъ обучался во втузѣ, вмѣсто 4-4,5 лѣтъ — 7, 8 и 9 лѣтъ. На выполненіе одной дипломной работы уходило отъ полутора до двухъ лѣтъ. Въ 1927-8 г. количество второгодниковъ составляло по втузамъ 55,2% общаго состава студентовъ» (Бронтманъ).

нуто въ подготовку съѣзда и разработало соотвѣтственные «тезисы». Конечно, сюда же былъ притянутъ и союзъ работниковъ просвѣщенія. Всѣ эти учрежденія выставили докладчиковъ и во главѣ ихъ профигурировала Н. К. Крупская, — такъ какъ рѣчь вѣдь шла о возстановленіи наслѣдія Ленина, который въ 1921 году требовалъ для «политехникума» и для семилѣтки того центральнаго положенія, которое собирались дать имъ въ 1931 году. Въ рѣчахъ докладчиковъ, конечно, были выдвинуты всѣ намѣченныя требованія. Докладчикъ ВСНХ. очень убѣдительно говорилъ, по Струмилину и Хуверу, что «одинъ годъ школьнаго образованія даетъ въ два съ половиной раза большую прибавку квалификаціи для рабочаго, чѣмъ годъ заводскаго стажа», и что въ Америкѣ «приспособленіе обученнаго рабочаго къ производству обходится въ 50 долларовъ, а подученнаго въ 150 долларовъ». Отсюда былъ прямой выводъ, что надо сперва хорошенько обучить рабочаго въ Ф. З. семилѣткѣ и только потомъ передавать его для практики въ ФЗавучъ. И докладчикъ ВУСПС даже убѣдительно говорилъ объ огромномъ значеніи идеи «политехнизма». Но въ этихъ же рѣчахъ обнаружена была и та необработанная почва, на которой предполагалось воздвигнуть грандіозное зданіе «политехнической школы». Самая идея «политехнизма» не только не была усвоена «широкими массами», но «даже въ руководящемъ активѣ и среди части руководителей союзныхъ организацій нѣтъ яснаго представленія того, что практически можно и должно дѣлать въ борьбѣ за политехнизмъ». А провинція прямо отмахивалась: «намъ пока не до политехнизма», или недоумѣнно спрашивала: «а что такое ФЗС»? «Хозяйственные органы молчали», несмотря на всю «зубодробительную критику» «нажимателей». Наркомпросъ разсчитывалъ принять въ два сезона въ ФЗУ не менѣе 600 тыс. человѣкъ, и больше 100.000 въ техникумъ. А по даннымъ Наркомпроса ФЗУ охватывалъ только 150.000, и «январьскій наборъ въ ФЗУ далъ подростковъ на базѣ первой ступени 44%, 5-я и 6-я группа дали 38%, а семилѣтка — всего 17%». Такое «отставаніе отъ типовъ подготовки» было признано «угрожающимъ». Фабрики и заводы вовсе не склонны были допускать вмѣшательство въ свое производство приставленныхъ къ нимъ школъ. Оборудованія «въ большинствѣ школъ ФЗС. совсѣмъ нѣтъ». И учителей достать трудно, а тѣ, которые есть, совсѣмъ не знаютъ «производствъ», и ихъ надо предварительно «переподготовлять», — конечно, обычнымъ путемъ, посредствомъ «краткосрочныхъ курсовъ» или — новый методъ — «заочнаго обученія». Надо прибавить, что при сложившемся положеніи, самая профессія педагога стала настолько непривлекательной, что учителя бѣгутъ изъ нея, куда только могутъ, — хотя бы въ бухгалтеры при колхозахъ. «Соціально-политическая неустойчивость, ней-

тральность и даже враждебность извѣстной части наличныхъ кадровъ педагоговъ» — эти извѣстныя намъ черты продолжаютъ существовать и въ 1930 г. (Фридманъ). Въ 1927 году «безпартійныхъ» педагоговъ все еще числилось, по различнымъ типамъ школъ, отъ 79,5% до 92,2%. «Переподготовка» за 1922-29 годы давала ежегодно переученныхъ до 9-12% общаго количества въ начальной школѣ и до 4,6%-5,7% въ школѣ повышеннаго типа. Конечно, при вновь предъявленныхъ требованіяхъ отъ педагоговъ «реконструктивнаго» періода, эта старая «переподготовка» уже не годилась. Теперь надо было обладать, по рѣшенію ноябрьскаго пленума 1929 г., «достаточно глубокими спеціально-техническими и экономическими знаніями, широкимъ общественно - политическимъ кругозоромъ и *качествами,* необходимыми для организаторовъ производственной активности широкихъ массъ трудящихся». Они же должны готовить «соціалистическіе кадры», «воспитывать новаго человѣка». Требованія «колоссальныя» (Фридманъ). Какъ ихъ удовлетворить? Цитируемый авторъ отвѣчаетъ: «превратить каждое просвѣтительное учрежденіе изъ школы учебы въ школу, организующую участіе обучающихся въ соціалистическомъ строительствѣ». Кто же будетъ это дѣлать? Отвѣтъ: «это возможно осуществить только тогда, когда сами педагоги съумѣютъ себя перестроить». Т. е., мы возвращаемся къ исходному пункту.

Эти наблюденія приводятъ насъ къ общему заключенію, что въ области школы и воспитанія, вслѣдствіе искусственнаго ускоренія «темповъ» для достиженія недостижимыхъ результатовъ, сложилось, какъ и въ другихъ областяхъ, крайне-неустойчивое, положеніе, которое можетъ быть только временнымъ и не можетъ стать длительнымъ. Мы останавливаемъ наши наблюденія въ моментъ, когда сдѣлать болѣе конкретные выводы о возможныхъ въ ближайшее время результатахъ совершенно невозможно. Нельзя сказать, къ чему приведетъ рядъ намѣченныхъ, но пока еще не выполненныхъ, а по характеру цѣлей — крайне рѣшительныхъ мѣръ, требующихъ общаго «колоссальнаго» напряженія силъ. Такого напряженія въ нормальное время не бываетъ и возможно оно лишь въ порывѣ «революціоннаго энтузіазма», напоминающаго религіозный.

Лучшій общій обзоръ школьнаго дѣла въ Россіи и подробную библіографію см. въ книгѣ *N. Hans and S. Hessen,* Educational Policy in Soviet Russia, London, P. S. King, 1930. Очеркъ этотъ основанъ на спеціальныхъ работахъ, частью опубликованныхъ въ журналѣ «Русская школа за рубежомъ, Прага. См. тамъ **С. Гессена и Н. Новожилова:** «Десять лѣтъ совѣтской школы», № 28 (1928). Тамъ же **Н. Новожилова,** Всеобщее обу-

ченіе въ Россіи, №№ 21-22, 23 и подробная библіографія вопроса въ № 26. Въ томъ же № 26 см. статью **С. Сирополко.** Внѣшкольное образованіе въ Р. С. Ф. С. Р. Тамъ же, № 31 (1929) статья **С. Гессена:** «Иностранцы-очевидцы о совѣтской школѣ». Въ № 32-мъ статья **И. Новожилова,** «Отъ комплекса назадъ къ предмету». Въ № 17 статья **Б. Никольскаго:** «Профессіональное образованіе въ сов. Россіи». Въ № 8 (1924) статья **М. Новикова,** «Правовой строй русской высшей школы». Въ № 5-6 **его-же:** «Судьба русскихъ университетовъ». Въ №№ 19-20 (1926) **его же** «Современное состояніе высшей школы въ Россіи. Въ № 18 того же журнала статья **А. Маркова,** «Бюджетъ народнаго образованія въ совѣтской Россіи». См. также интересную работу *Samuel Harper,* Civil training in Soviet Russia, 1929. Очень неудовлетворительна книжка *Lucy Wilson,* The new schools of New Russia, въ Vanguard Press, New-York, 1928. Совѣтская литература по вопросамъ школы и образованія огромна. Въ дальнѣйшемъ названы только тѣ сочиненія, которыя использованы авторомъ для настоящаго очерка. О совѣтской педагогикѣ и ея иностранныхъ источникахъ см. **Е. Н. Медынскаго,** Исторія педагогики, т. II-й, изданіе 2-е, 1929 и т. III, русская педагогика, М. 1929. **А. П. Пинкевичъ,** совѣтская педагогика за десять лѣтъ (1917-1927), изд. 2-е безъ перемѣнъ, М. 1927. **Его же:** Педагогика, т. II-й: Трудовая школа, 3-е изд., переработанное и дополненное, М. 1928. Спорные вопросы марксистской педагогики, стенограмма расширеннаго засѣданія Коллегіи Наркомпроса 3/12, 1928. **В. Шульгинъ,** Марксъ и Энгельсъ въ ихъ педагогическихъ высказываніяхъ, 5-е дополн. изданіе, М. 1925. Завѣты Ленина въ области нар. просвѣщенія, составила **Н. К. Крупская,** 7-е изд. М. 1925. **Ея же:** На третьемъ фронтѣ. Статьи и рѣчи, двѣ части, М. 1927. **Б. А. Плюснинъ-Кронинъ,** Система народнаго образованія въ Р. С. Ф. С. Р. Проблемы марксистско-ленинской педагогики. Вып. II. Противъ ревизіи марксизма въ педагогикѣ, М. 1930. (Разборъ книги **А. Г. Калашникова:** «Очерки марксистской педагогики»). Проф. **Б. Б. Комаровскій** «Діалектика развитія научно-педагогической мысли», М. 1929. Марксистская педагогика здѣсь строится на синтезѣ «идеалистической» и «позивистической».

Объ объединеніи учителей см. «Профессіональный союзъ Работниковъ Просвѣщенія СССР. въ 1922-24. Отчетъ Ц. К. союза V всесоюзному съѣзду, М. 1925 и **С. Дулинъ,** Союзъ Работниковъ Просвѣщенія СССР. въ резолюціяхъ его съѣздовъ и конференцій, М. 1925. **Г. Зиновьевъ.** Учительство и диктатура пролетаріата (Рѣчь на всесоюзномъ учительскомъ съѣздѣ, 13 января 1925. М. 1925). **А. А. Коростелевъ,** Учитель и профдвиженіе. Докладъ на 1 всесоюзномъ учит. съѣздѣ. М. 1925. **Интуловъ,** Р. К. П. и учительство, М. 1924. «Учитель и революція», сборникъ статей и матеріаловъ подъ ред. **А. А. Коростелева, А. В. Луначарскаго, С. И. Сырцова,** М. 1925 (Исторія школы съ 1918-21 г. **Стрекалова,** Исторія учительскаго

движенія. **Цвѣткова,** Народное просвѣщеніе при Нэп-ѣ **Луначарскаго). В. Дроботъ,** «Великій переломъ», съ предисл. М. Н. Покровскаго, М. 1925. О «трудовой» школѣ послѣ 1923 г. см. **М. Пистракъ.** Насущныя проблемы комплекснаго преподаванія, изд. 6-е, М. 1925. Проф. **М. М. Рубинштейнъ.** Жизненные комплексы въ трудовой школѣ. Критическое обоснованіе комплекснаго преподаванія, изд. 2-е, М. 1925. **Н. Іорданскій,** Массовая трудовая школа и программа ГУС'а. М. 1925. **И. Г. Автуховъ** и **И. Д. Мартыненко,** Программы ГУС' и массовая школа, изд. 5-е. М. 1928. **Е. И. Перовскій,** Совѣтская трудовая школа. Программы ГУС'а. Общественно-полезный трудъ. Навыки. М. 1928. **В. Н. Шульгинъ.** Общественная работа школы и программы ГУС'а. **М. С. Бернштейнъ,** Что дѣлаетъ школа для населенія, 2-е изд. 1927. **В. Вейкшанъ** и **С. Доброхотовъ.** Теорія и практика трудовой школы. Программы и заданія для педтехниковъ и учителей. 1928. **Н. А. Челюсткинъ,** Что можетъ дать въ общественно полезномъ дѣлѣ трудовая школа, М. 1929. «Организація и методы просвѣтительной работы», подъ ред. **И. Векслера,** Я. Гайлиса, И. Переля, М. Эпштейна, вып. I-й. Соціальное всопитаніе, М. 1926 (статья Луначарскаго). О піонерахъ см. **К. Львовъ** и **В. Сироткинъ,** Самоорганизація школьниковъ, М. 1926. **А. М. Гельмонтъ.** Наши дѣти передъ лицомъ военной и контръ-революціонной опасности. М. 1930. Полемика В. Шульгина съ Пистракомъ и Эпштейномъ см. въ №№ 19 и 20, 1929 «Работника Просвѣщенія». О «рабфакахъ» см. «10 лѣтъ строительства рабфаковъ», Госизд. 1929; «Первый рабфакъ, къ десятилѣтію рабфака имени Артема, Госизд. 1929. **А. Луначарскій,** Просвѣщеніе и революція, сборникъ статей, М. 1926. **Его же,** Проблемы народнаго образованія, сборникъ статей, 2-е изд. М. 1925. **А. В. Луначарскій** и **Н. А. Скрипникъ,** Народное образованіе въ СССР. въ связи съ реконструкціей народнаго хозяйства (доклады на VII съѣздѣ союза раб. просвѣщенія). **В. Н. Чарнолусскій,** Школьное законодательство въ РСФСР. М. 1927. Директивы ВКП. по вопросамъ просвѣщенія, Гос. Изд. 1929. Народное просвѣщеніе въ СССР. за 1928-29 г. (отчетъ аНркомпроса), Гос. Изд. 1930. Контрольные цифры пятилѣтняго перспективнаго плана 1928-29 — 1932-33 по народному просвѣщенію Р. С. Ф. С. Р. (безъ А. С. С. Р.). Наркомпросъ, 1929. **Н. К. Замковъ.** Всеобщее обученіе и совѣтскій учитель, М. 1926. О новѣйшей перестройкѣ школы см. **А. Бубновъ,** Всеобщее начальное обученіе и культурная революція (три рѣчи, іюнь-августъ 1930 г.), Гос. Изд. 1930. **Л. К. Бронтманъ,** подъ ред. **А. И. Абиндера,** Отъ школы второй ступени до вуза, Гос. Изд. 1930. Серія докладовъ на 1-мъ всероссійскомъ съѣздѣ по политехническому образованію, 12 авг. 1930 г. Я пользовался докладами **П. Н. Панкратова** отъ ВСНХ: Роль ФЗС въ подготовкѣ промкадровъ и задачи хозорганов и **Д. Д. Кучинскаго** отъ ВЦСПС: Профсоюзы въ борьбѣ за политехническую школу Библіотека II пленума Ц. К проса, 1929 г. На новыхъ путяхъ (докладъ **А. К. Аболина,** пренія и резолюціи). **А. Аболинъ,** На борьбу за соціали-

стическое переустройство деревни, Библ. III пленума Цекпроса, 1930. Резолюція III съѣзда секціи научныхъ работниковъ см. «Научный работникъ», 1929, № 4, апрѣль; также №№ 7-8 и 9. Объ аспирантахъ статья **Б. М. Броннера,** тамъ же, декабрь. Статистика научныхъ работниковъ, тамъ-же № 11 (ноябрь).Комплекты «Учительской Газеты» и «За коммунистическое просвѣщеніе». **С. Фридманъ,** Какіе нужны педагоги и какъ ихъ готовить, въ серіи: Совр. проблемы культурнаго строительства. М. 1930.

VI

ПРОСВѢЩЕНІЕ НА СЛУЖБѢ ПОЛИТИКИ ВЪ СССР.

«Политпросвѣтительная» дѣятельность правительства и населенія — Статистика грамотности взрослаго населенія. — Борьба съ неграмотностью. — «Культпоходъ». — Предѣлы достиженій въ этой области. — Книжное производство при совѣтской власти. — Его колебанія. — Составъ книгъ по отдѣламъ. — Ростъ и распространеніе газеты въ первые годы. — Остановка при Непѣ и новый усиленный ростъ. — Дифференціація органовъ печати. — Переходъ отъ поученія къ обслуживанію мѣстныхъ интересовъ. — «Рабкоры» и «селькоры». — Положеніе журналиста. — Печать переходитъ къ руководству взглядами и дѣятельностью населенія. — Газетный гипнозъ. — Другіе отдѣлы «политпросвѣта». — Кино. — Изученіе вліянія книги на читателя. — «Библіо-психологія» Н. А. Рубакина. — Изученіе вопросовъ журнализма. — Что читаютъ въ городѣ и въ деревнѣ? — Неподготовленность читателя. — Непонятныя слова. — Библіотеки и избы-читальни. — Новыя требованія отъ печати и другихъ просвѣтительныхъ учрежденій. — Сталинъ и... Петръ Великій.

Мы переходимъ въ этомъ отдѣлѣ къ обширной области внѣшкольнаго просвѣщенія. Эта область, не менѣе, чѣмъ область школьнаго преподаванія, подверглась непосредственному и постоянно усиливавшемуся вліянію совѣтской политики. Служебная роль совѣтской просвѣтительной работы сказалась даже въ самомъ названіи: совѣты не просто «просвѣщаютъ» народъ; они занимаются «политпросвѣщеніемъ». Нѣтъ сомнѣнія, что въ значительной степени — даже помимо ихъ воли, и особенно въ первые годы — «политпросвѣтительная» дѣятельность сливается вообще съ просвѣтительной и приноситъ соотвѣтственную пользу народнымъ массамъ. Мы знаемъ, что большевики не являются иниціаторами въ этой области. Мы видѣли ту большую роль, которую съиграла тутъ уже при старомъ режимѣ русская общественность. Но мы видѣли также, что ея работа всячески парализовалась тогдашней властью. Теперь власть какъ

будто дѣлала видъ, что пойдетъ съ общественностью въ осуществленіи самыхъ крайнихъ ея лозунговъ. Мы сейчасъ увидимъ, что скоро отъ этой иллюзіи ничего не осталось.

Совѣтская власть унаслѣдовала отъ предыдущаго режима (см. выше стр. 866) неграмотность населенія, доходившую въ 1911 г. до 61,7 %. Перепись 1920 г. дала увеличенную цифру безграмотныхъ 68,1% (м. п. 59,1%, ж. п. 75,6%). Это, очевидно, объясняется вліяніемъ годовъ войны и революціи. По переписи 17 декабря 1926 г., предпринятой спеціально въ виду введенія всеобщаго обученія, показанія были благопріятнѣе: 49,2 % безграмотныхъ мужчинъ и 70,8 % женщинъ, а въ цѣломъ 60,4 %. Это почти то же, что до войны. Въ частности, въ школьномъ возрастѣ (группы 10 - 17 лѣтъ) процентъ неграмотности падалъ ниже средней цифры (до 42,8 - 27,1 % м. п., 47,6 - 46,7 % ж. п. въ соотв. группахъ). Среди молодежи, окончившей до развала школы (18-24 лѣтъ) неграмотность спускалась еще ниже (до 26,8 - 19 % м. п. и все же 46,3 - 47 % ж. п.). Но затѣмъ, начиная съ 25 лѣтняго возраста до 44-лѣтняго процентъ неграмотныхъ обоихъ половъ быстро началъ увеличиваться (съ 22,8 до 34,1% м. п. и съ 56,3 до 76,8% ж. п.). Ростъ неграмотности продолжался затѣмъ неуклонно среди поколѣнія, родившагося при Александрѣ II (съ 40,5 до 65,4 % м. п.; съ 80,7 до 90,3 % ж. п.) и особенно среди остатка родившихся при Николаѣ I (съ 72,4 до 93,1 м. п.; съ 92,9 до 97,9 ж. п.). Мы имѣемъ здѣсь, ретроспективно, въ сокращеніи, всю исторію уменьшенія неграмотности за цѣлое столѣтіе.

Совѣтская власть рѣшила во что бы то ни стало покончить съ неграмотностью среди взрослыхъ. Вопросъ объ этомъ былъ поставленъ еще Ленинымъ, который ставилъ въ зависимость отъ грамотности всѣ остальные успѣхи революціи. «Въ странѣ безграмотной построить коммунистическое общество нельзя», твердилъ онъ. «Безграмотный человѣкъ стоитъ внѣ политики». Декретъ 26 декабря 1919 года, подписанный, безъ предварительной подготовки, Ленинымъ, требовалъ принудительнаго обученія. 19 іюня 1920 г. учреждена была ВЧК по ликвидаціи неграмотности. Неграмотныхъ было тогда насчитано 22 милліона. Заготовлено до 150.000 ликвидаторовъ. Первый порывъ далъ въ 1920-21 гг. сразу 40.967 лик-пунктовъ съ 1.157 тыс. обучавшихся. Но затѣмъ, въ виду нэпа, работа была снята съ госснабженія, и дѣло начало быстро падать:

	1920-21	1921-22	1922-23
Число лик.-пунктовъ	40.967	17.987	3.535
Число обучавшихся (въ тыс.) ...	1.157,6	455,8	110,8

Новый толчокъ былъ опять данъ Ленинымъ, предложившимъ ликвидировать неграмотность къ 10-лѣтнему юбилею революціи. 14 августа 1923 ВЦИК и совнаркомъ напомнили, что ликвидація безграмотности есть «наиболѣе важная и ударная задача народнаго просвѣщенія». Число неграмотныхъ было теперь опредѣлено въ 17 милліоновъ. Расходы были отнесены на мѣстныя средства, Цифры показали ростъ ликвидаціи, но непрочный: съ 1926-27 г. началось опять сниженіе:

	1923-24	1924-25	1925-26	1926-27	1927-28
Число лик-пунктовъ	17.363	44.375	50.925	46.826	42.177
Число обучавшихся (въ тыс.)	534,6	1.396,0	1.639,3	1.516,9	1.318

Какъ видимъ, усердіе ликвидаторовъ стало опять ослабѣвать. Въ чемъ же дѣло? Въ 1927 году Д. Бондаревъ приводитъ рядъ «жизненныхъ фактовъ», указывающихъ на причины равнодушія. Такъ, одинъ предсѣдатель окружного исполкома, у котораго работа поставлена хорошо, по этому пункту говорилъ автору: «что вы пустяками занимаетесь — ничего у васъ не выйдетъ. Рецидивъ большой, и вообще — дѣло не стоящее». Профсоюзный работникъ въ Ярославлѣ былъ не менѣе рѣшителенъ. «Ликвидація неграмотности есть не больше, не меньше, какъ ликвидація народныхъ денегъ». Дѣйствительно, ликвидація обходилась дорого (6 руб. 17 коп. на неграмотнаго въ сравненіи съ 15 руб. на школьника); привлечь на пункты желающихъ было трудно, посѣщаемость спускалась отъ 75 до 50 %. Обучишь милліонъ, — но этимъ грамотность не увеличишь, ибо въ Россіи каждый годъ около новаго милліона «переростковъ» остается внѣ школы. А затѣмъ, и школьники, и «ликвидированные» снова въ большомъ количествѣ теряютъ грамотность: въ три мѣсяца прочно грамотѣ не научишь. По разслѣдованію, произведенному въ Ленинградѣ, оказалось, что послѣ трехмѣсячнаго обученія 20% теряютъ грамотность. Послѣ 6 мѣсяцевъ число рецидивистовъ неграмотности понижалось до 5%. Школы «малограмотныхъ», которыя могли бы помочь въ этомъ случаѣ, составляли не больше 5-6% числа лик-пунктовъ. Н. К. Крупская правильно назвала это положеніе не ликвидаціей, а «стабилизаціей» неграмотности.

Въ виду всѣхъ этихъ неудачъ, пришлось отодвинуть срокъ полной ликвидаціи неграмотности, вмѣсто десятилѣтняго юбилея октябрьской революціи, до 1933-34 г. Тогда разсчитывали, что, если взять возрасты 11-35 лѣтъ, то число неграмотныхъ опредѣлится въ 11,5 — 13 милліоновъ, и что за эти годы (1926-7 — 1933-4) можно будетъ употребить на эту цѣль изъ бюджета Наркомпросса до 85,7 милл. р., изъ которыхъ 38% возьметъ на себя государство, а

62% — мѣстный бюджетъ. На этомъ разсчетѣ, приводимомъ Болдыревымъ, однако, не удержались. Пятилѣтній планъ ограничился возрастами 16-34 года; въ этихъ предѣлахъ насчитывалось неграмотныхъ 9,6 милл. ч. По плану Наркомпроса изъ этого числа къ 1932-33 г. должно быть обучено, за вычетомъ рецидива и отсѣва, 6,6 милл. Было разсчитано, что неграмотныхъ останется тогда только 2 милліона, — въ предположеніи, что «отсѣвъ» уменьшится съ 34% до 19%.

По мѣрѣ наступленія сроковъ, и тутъ разсчеты оказались преждевременными. Снова проявились нехватки и усиленная нервность. 24 мая 1929 г. ЦК ВКП распорядился *удвоить* намѣченное на слѣдующій годъ число ликвидирующихъ неграмотность (4 милл. вмѣсто 1,5 мил.) 9 сентября 1929 г. планъ былъ переработанъ въ смыслѣ сокращенія срока полной ликвидаціи съ пяти до 4-хъ лѣтъ. Опредѣлены были ближайшіе сроки ликвидаціи для разныхъ категорій: рабочіе въ первую очередь — въ годъ, колхозники — въ два года. Возрастъ поднятъ до 50 лѣтъ. 9 ноября 1929 новая перемѣна: колхозникамъ тоже срокъ ликвидаціи неграмотности сокращенъ до одного года. Этотъ планъ велѣно выполнить во что бы то ни стало. По иниціативѣ комсомола объявлена была кампанія извѣстная подъ названіемъ «Культпохода». Этотъ «походъ» охватилъ не только ликвидацію неграмотности, но и другіе методы политпросвѣтительной работы. Культпоходники пошли еще дальше Наркомпроса — и въ 1929-30 г. вмѣсто 4 мил. втянули въ ликвидацію 10 мил. неграмотныхъ.

Въ походѣ этомъ было проявлено много энтузіазма и мѣстной, часто личной иниціативы. Жажда просвѣщенія въ массахъ сказалась и тутъ, совершенно независимо отъ партійныхъ задачъ ликвидаціонной кампаніи. Въ какой обстановкѣ происходила ликвидація и къ чему она приводила, видно будетъ изъ нѣсколькихъ примѣровъ, приводимыхъ въ агитаціонной брошюркѣ (Л. Римскаго). Вотъ письмо деревенской ликвидаторши Богачевой (Московскаго округа, Ленинскаго района) инспектору политпросвѣта. «Работаю на ликпунктѣ скоро три мѣсяца, но насчетъ литературы очень скверно. Дали всего только по одной тетради, а сейчасъ не на чемъ заниматься... За квартиру ни копейки не платили... Мнѣ тоже не платятъ за мою работу. Ходить мнѣ къ ученикамъ — не близко, за 4 километра въ одинъ конецъ. Въ Прокоповѣ ходятъ 14 человѣкъ, да у насъ, въ Дудшевѣ, 5 человѣкъ ходятъ ко мнѣ на домъ. Въ недѣлю приходится заниматься 4 раза. Ученики писать и читать стали очень хорошо. Задачи рѣшаютъ. Букварь проходимъ, нужны другія книги». Но вотъ работа кончена съ успѣхомъ, «шесть человѣкъ хотятъ учиться даль-

ше», и Богачева «думаетъ продвигать ихъ дальше навстрѣчу совѣтской власти». Тутъ, однако, для нея самой возникаетъ вопросъ совѣсти, и она «желаетъ сказать свою откровенность инспектору». Мѣстныя власти «предлагаютъ взойти въ партію, но я что-то страшусь... Много еще во мнѣ стараго быта. Читать книжки приходится не слишкомъ много. Иногда сидишь цѣлый вечеръ и задумаешься: къ какой нибудь одной сторонѣ надо присоединиться, а то ни туда, ни сюда. Въ деревнѣ (самъ знаешь) очень разбиваютъ; если бы въ городѣ, тогда дѣло другое. Посовѣтоваться не съ кѣмъ. Конечно, мать моя и отецъ противъ, а съ дѣвчатами поговорить, онѣ только смѣются: «сами на собранія не ходимъ и въ комсомолъ не хотимъ». Прошу, по моей просьбѣ, объясни мнѣ все подронбо (книжекъ научныхъ, какихъ *жизненныхъ* нѣтъ ли?). Но въ защиту партійцевъ я цѣликомъ отдаюсь». Результатъ нетрудно угадать. Богачева вступила въ партію.

Вотъ другой примѣръ. Солдатъ Бубликовъ, бралъ Львовъ, сражался съ Деникинымъ, теперь избранъ въ правленіе колхоза, открылъ у себя въ хатѣ ликпунктъ, безъ всякаго школьнаго обзаведеніянія: нѣтъ классной доски, мало тетрадей, нѣтъ карандашей. Ученики, 12-20 л. приходятъ со своими табуретками. Учитель, по букварю «Красный пахарь», диктуетъ, «отрубая слова»: «пишить, ребята: «идеть, течеть по улицѣ народная толпа, кругомъ знамена красныя, какъ маковы цвѣты». «Какъ говорю, такъ и пишить... Какъ начинаю писать, пишить всегда съ большой буквы, а потомъ уже идутъ маленькія». И въ своемъ дневникѣ учитель-солдатъ отмѣчаетъ: «проруботано въ школѣ изъ 16 декабря 1929: проруботано по арихметики писаніе простыхъ и названіе цихвръ отъ первого и до 30»... «Въ январѣ съ 4 по 14-е» такой то не посѣщалъ занятій, потому что «былъ уѣхамши въ Харьковъ». А «двѣ замужнихъ бабы не учились и утопали во тьмѣ»...

Третій примѣръ. Казачья станица Васютинская, на Кубани. Мѣстная ячейка общества Долой Неграмотность (ОДН) на всероссійскомъ смотрѣ получила «за выдающуюся дѣятельность на фронтѣ массоваго просвѣщенія первую премію — кинопередвижку». Ячейка работала съ 1924 г. и въ 1927 г. закончила работу по ликбезу, обучивъ 1030 неграмотныхъ изъ 1230. Въ ея школѣ малограмотныхъ кончили 260 человѣкъ; кое кто прошелъ и школу взрослыхъ повышеннаго типа и дошелъ до вузовъ. Политпросвѣтительный итогъ — слѣдующій. «5 человѣкъ вступило въ партію, 16 — въ комсомолъ; 5 человѣкъ выбрано въ станичный совѣтъ, въ женделегатки прошло 73 женщины, въ добровольныя общества вступило 115 человѣкъ; подписчиками библіотеки состоятъ 72 человѣка. Это своего рода рекордъ.

Общій итогъ движенія, конечно, ниже рекордныхъ достиженій. Въ немъ особенно отчетливо выявляются препятствія, мѣшающія осуществленію широкаго обхвата «культпоходнаго» движенія: «слабое участіе кооперації и профсоюзовъ», недостатокъ учебниковъ, «стихійный» характеръ движенія и «слабый охватъ колхозниковъ и промышленныхъ рабочихъ», какъ разъ поставленныхъ на очередь текущаго года. Въ районы коллективизаціи посланы въ спѣшномъ порядкѣ особыя «культубригады». Что вышло изъ всей этой лихорадки, сказать трудно. Но сами участники движенія утверждали, что безъ помощи другихъ пріемовъ политпросвѣта, распространенія книги, библіотекъ, курсовъ и рабочихъ университетовъ для взрослыхъ, избъ-читаленъ, крестьянскихъ красныхъ уголковъ, спектаклей, кино, клубовъ — обойтись въ «культурномъ походѣ» невозможно.

Прежде, чѣмъ перейти къ сѣти всѣхъ этихъ политпросвѣтительныхъ учрежденій, мы остановимся на основномъ и главномъ: на продукціи книги и газеты въ совѣтской Россіи. Мы знаемъ, что и въ этой области совѣтская власть получила большое наслѣдство отъ предыдущаго періода исторіи. Судьба этого наслѣдства была приблизительно такая же, какъ и наслѣдства школы, литературы и т. д. Сперва болѣе или менѣе пассивная рецепція, потомъ разрушеніе и, наконецъ, реставрація, стремящаяся поставить дѣло на новыя основанія, но въ концѣ концовъ, принужденная считаться съ прошлымъ.

Переходъ отъ этого прошлаго къ книжной и газетной продукціи совѣтскаго періода ознаменовался, прежде всего, конфискаціей печатныхъ средствъ и запасовъ стараго режима. Въ первую голову были націонализированы типографіи и бумага, необходимыя для изданія совѣтскихъ газетъ. Газета была гибкимъ и могущественнымъ орудіемъ совѣтской пропаганды; въ ея значеніи большевики должны были убѣдиться еще во время подготовки переворота. Но еще важнѣе были «агитки», плакаты, листовки, мелкія брошюры, объяснявшіе массѣ цѣли совершившихся событій и боровшіеся съ врагами коммунистической власти и идеологіи. ВЦИК и петроградскій совѣтъ выпустили за 1918 и 1919 г. до 150 названій всего этого матеріала, тиражъ которыхъ иногда доходилъ до 200.000 экземпляровъ. Военный комиссаріатъ бросалъ на фронты гражданской войны и въ красную армію тоже массу «взрывчатой» литературы. Наркомпросъ монополизировалъ болѣе 50-ти русскихъ классиковъ и издалъ до дюжины ихъ по старымъ конфискованнымъ матрицамъ, издалъ массу брошюръ и сочиненій по новой педагогикѣ. Новыя партійныя издательства «Прибой» и «Коммунистъ» печатали — первое агитаціонныя брошюры, второе — тяжелую артиллерію сочине-

ній Маркса, Ленина, Бухарина, Каутскаго и т. д. Въ октябрѣ 1918 г. Москва «муниципализировала» 152 книжныхъ склада и магазиновъ — больше 10 мил. экземпляровъ, по огульной оцѣнкѣ на 5-6 мил. рублей. Крупные склады, какъ Сытинъ, Думновъ были прямо переданы «Центропечати» по оцѣнкѣ въ 4-5 мил. Наконецъ, декретомъ 20 апрѣля 1920 были національзированы всѣ книжные запасы въ странѣ. Петербургскіе запасы были не меньше московскихъ, и провинція дала запасъ на 3 мил. руб., такъ что общая стоимость конфискованнаго книжнаго товара составляла не меньше 25 милл. довоенныхъ рублей. Частныя газеты и издательства прекратили существованіе уже къ концу 1918 г. ВЦИК утвердилъ 19 мая 1919 г. существованіе «Государственнаго Издательства», какъ центральнаго регулирующаго органа, занявшаго среди совѣтскихъ издательствъ первое мѣсто. Въ первый же годъ «Госиздатъ» напечаталъ 250 названій не менѣе, чѣмъ въ 10 мил. экз. (нѣкоторыя изданія въ 100, 200, 400 тыс. экз.); въ 1920 г. — уже 623, въ 1921 г. — 777 названій.

Однако же, общая цифра книжной продукціи въ эти годы «военнаго коммунизма» непрерывно падала. Мы знаемъ (см. стр. 848, 862), что это паденіе началось еще въ 1913 г. и кривая продукціи круто спускалась въ годы міровой войны. Теперь это паденіе продолжалось и достигло своей низшей точки въ 1920 г. (3.260 названій). Надо сказать, что за эти годы книга не считалась предметомъ торговли и почти не имѣла цѣны. Потоки печатной бумаги текли и распредѣлялись въ населеніи почти безденежно; совѣтскія изданія работали за счетъ бюджета. Въ 1920 г. книжная торговля и вовсе прекратилась.

Рѣшительную перемѣну во всѣхъ этихъ отношеніяхъ принесло введеніе «нэпа». Какъ и въ другихъ областяхъ производства, книжное дѣло было переведено на «хозяйственный разсчетъ». Декретъ 28 ноября 1921 г. установилъ гонораръ за печатныя произведенія; декретъ 12 декабря разрѣшилъ частное книгоиздательство и торговлю. Однако же, еще 16 августа 1921 г. исключительное право печатанія учебниковъ было сохранено за Госиздатомъ. Въ ближайшіе же мѣсяцы открылось въ одной Москвѣ 58 частныхъ издательствъ, черезъ годъ въ СССР числилось 500 книжныхъ предпріятій, въ 1923 — 752, къ 1924 — 1.127 и къ 1925 — 2.056. Но это были, по большей части, очень маленькія издательства и лавки, частью даже фиктивныя. Ихъ доля въ общемъ книжномъ сбытѣ падала съ 10-12% въ 1923 г. до 6-4%, въ 1925, а въ издательствѣ съ 20% (1922) до 7% (1925). Правительственныя предпріятія составляли къ 1924 г. 61% общаго числа, а къ 1925 г. уже 80%.

Книжное производство съ этого времени стало быстро расти вверхъ, почти удваиваясь каждый годъ по количеству экземпляровъ:

	названій	экземпляровъ
1922.....	7.843	33 милл.
1923.....	10.810	67 »
1924.....	13.126	110 »
1925.....	23.267	242 »

Однако же, этотъ лихорадочный ростъ, какъ скоро оказалось, такъ же быстро привелъ къ кризису сбыта книги. Появилась «затоваренность», какъ результатъ «перепроизводства». Въ чемъ же было дѣло? По порученію Бюро издательствъ Г. Н. Поршневъ произвелъ спеціальное разслѣдованіе причинъ кризиса. Эти причины, по его заключенію, прежде всего, сводятся къ «измѣненію соціальной основы владѣнія предпріятіями, оставившему за частникомъ не болѣе 6-10% производства». Въ результатѣ этой перемѣны, получилось «преобладаніе политическихъ и культурно-хозяйственныхъ задачъ вмѣсто частнаго коммерческаго интереса». Другими словами, производство книги соображалось не съ потребностями читателя, а съ намѣреніемъ власти внушить читателю свою собственную идеологію. Здѣсь, какъ и въ школѣ, попытки воздѣйствія сверху столкнулись съ сопротивленіемъ среды, — большей частью пассивнымъ, но иногда и активнымъ. Прежде всего, какъ мы видѣли, въ массу шли до революціи книги религіозныя. Этотъ отдѣлъ былъ совершенно исключенъ изъ новой продукціи. Затѣмъ, — учебники. Монополизированные правительствомъ, они и теперь остались на первыхъ мѣстахъ. Но въ виду частыхъ перемѣнъ въ программахъ школъ старые учебники остались на рукахъ у правительства. По свидѣтельству Поршнева, «въ неликвидныхъ запасахъ преобладаютъ учебники 1923 года, забракованные программой Гус-а 1924 г.». Затѣмъ «затоваренность» объясняется «перепроизводствомъ книгъ по отдѣламъ общественныхъ наукъ, ленинизму, массовой литературѣ, искусству и вѣдомственныхъ изданій». Послѣднія, неподлежавшія продажѣ, засоряли книжную продукцію въ очень большой мѣрѣ. По вычисленіямъ Комитета по дѣламъ печати въ 1927 г. только 54% этихъ изданій входило въ «товарную часть продукціи»; остальные 46% служили надобностямъ административнаго аппарата. Далѣе, совсѣмъ не принимались массой усилія коммунистовъ внѣдрить оффиціальную идеологію. «Кризисъ 1925 г.», свидѣтельствуетъ Поршневъ, «наиболѣе всего сказался на соціально-экономической литературѣ, ленинской, крестьянской и на политграмотахъ». Помимо прямой непригодности это-

го товара для массъ, тутъ сказалась также «слабо развитая книготорговая сѣть», и, какъ результатъ ея, «несвоевременная подача продукціи». Эта несвоевременность была особенно чувствительна въ виду «ударнаго» характера агитаціонной литературы и, вслѣдствіе этого, «высокаго процента устарѣваемости книгъ». Положеніе ухудшалось еще тѣмъ, что именно этого рода книги выпускались въ немногихъ названіяхъ, но высокими тиражими, тогда какъ книжный рынокъ требовалъ большаго разнообразія и меньшаго количества. Именно поэтому «затоварились» «научно-популярныя книги, въ изобиліи выпущенныя нѣсколькими издательствами», — очевидно, въ ошибочномъ разсчетѣ на широкій сбытъ. Затѣмъ залежалось «искусство», какъ запоздалый откликъ на увлеченія 1922 г., художественная литература (въ томъ числѣ «Всемірная литература» и классики Наркомпроса)». Если партійная агитація и пропаганда шла *мимо* головъ массы, то, очевидно, научная и художественная литература шла *поверхъ* головъ потребителя. Цивилизаторскія усилія Луначарскаго и Горькаго на этотъ разъ не привились.

Нѣкоторый урокъ изъ кризиса 1924-25 г.г., несомнѣнно, былъ извлеченъ. Сталъ разнообразнѣе «ассортиментъ» книгъ, уменьшились излишніе тиражи. Въ 1926 г. «производство было понижено почти на 30%, а продажа пошла почти съ нормальнымъ, стабилизировавшимся повышеніемъ. Въ 1927 г. всѣ линіи (кривыхъ, — т. е. линіи продукціи и ея реализаціи) почти сошлись въ одинъ узелъ. Это говоритъ о несомнѣнномъ оздоровленіи рынка», утверждаетъ Поршневъ. Согласно съ нимъ, и А. Халатовъ въ своемъ докладѣ на XIV съѣздѣ совѣтовъ (15 мая 1929) отмѣчаетъ: «уже въ истекшемъ, 1928 г. мы вошли въ такую полосу развитія, когда выпускаемая нами книжная продукція расходится въ болѣе короткіе сроки, чѣмъ мы предполагали; милліонные тиражи отдѣльныхъ брошюръ распространяются безъ остатка втеченіе самаго краткаго промежутка времени» и даже «наступаетъ періодъ недостатка книжной продукціи». Соотвѣтственно этому, послѣ «нѣкоторой тиражной паники 1926 и отчасти 1927 г.», уже во второй половинѣ 1927 г. «Гизу» пришлось «значительно усилить свою производственную работу, дабы восполнить огромный недостатокъ продукціи, созданный чрезмѣрной тиражной осторожностью». Это дало возможность нѣсколько понизить и цѣны (Вольфсонъ). Общій ростъ названій по СССР, такимъ образомъ, продолжалъ подниматься непрерывно (1925 — 26.320; 1926 — 28.400; 1927 — 32.664; 1928-29 — 37.000), а тиражъ, послѣ пониженія въ 1926 г. (206 мил. экз. сравнительно съ 278 въ 1925 году), возросталъ въ еще большей прогрессіи (221 милл. въ 1927 г.; 320 мил. въ 1929 г.).

Конечно, вся эта масса печатной бумаги искала — и въ значительной степени находила себѣ иного читателя, чѣмъ прежде. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, прежде всего, перемѣна въ распредѣленіи издававшихся книгъ по отдѣламъ. Вотъ попытка сравненія этихъ измѣненій по совѣтскимъ матеріаламъ (въ процентахъ):

	XVIII столѣтіе	1890-94	1927-26
Богословіе	10,96	13,13	»
Учебники	4,63	10,14	24
Обществовѣдѣніе	20,48	15,24	24
Географія	6,85	1,34	?
Научная техника, естеств., матем., ...	10,68	17,28	2,8
Литература худож. и языкознаніе	38,84	14,75	5
Изданія для народа	»	5,22	12,8
Прочіе	7,56	21,90	31,4

Какъ видимъ, въ совѣтской Россіи сильно ростутъ отдѣлы учебниковъ и изданій для народа. Поднимается въ числѣ, — но, какъ мы видѣли, искусственно, — и отдѣлъ обществовѣдѣнія. Огромный ростъ смѣшанной рубрики «прочихъ», вѣроятно, объясняется включеніемъ сюда оффиціальныхъ правительственныхъ изданій, составляющихъ тоже пассивный матеріалъ. Падаютъ въ численности изданія научнаго и художественнаго содержанія, предназначенныя для верхняго культурнаго слоя, теперь подвергшагося разгрому. И, наконецъ, совершенно исчезаетъ отдѣлъ религіозныхъ изданій.

Переходимъ теперь къ газетамъ и журналамъ, занимающимъ особое — и чрезвычайно важное — мѣсто въ издательствѣ СССР. Именно въ этомъ отдѣлѣ особенно отчетливо проявляется служебная роль совѣтскаго просвѣтительства. «Путь нашей печати — путь нашей партіи»; «они неотдѣлимы: наша печать и наша партія... На различныхъ этапахъ борьбы большевизма... имена газетъ были синонимами партіи; «сама партія начала строиться вокругъ органовъ печати». Этими заявленіями начинается интересная книга С. Ингулова «Партія и печать». Собственно, цифры конца гражданской войны сравнительно съ довоеннымъ распредѣленіемъ газеты не даютъ точнаго представленія о совершившейся перемѣнѣ (въ скобкахъ — тиражъ):

	Губернскихъ газетъ	Уѣздныхъ	Всего
1914	316 (2.502.000)	151 (226.500)	462 (2.728.500)
1921	313 (2.557.400)	490 (268.800)	803 (2.836.200)

Но подъ этими сходными въ итогахъ цифрами скрывается полная перемѣна состава и производителей газеты и ея потребителей. Обращаетъ на себя вниманіе огромный ростъ провинціальныхъ изданій при ничтожномъ ростѣ ихъ общаго тиража (на каждую газету въ среднемъ 547 экз.). Объясняется это распыленіемъ газетной сѣти. «Газеты издавались почти въ каждомъ городѣ, гдѣ былъ печатный станокъ. Стоило появиться такому станку въ волости, газета начинала выходить и въ волости. Революція родила совершенно новый типъ газеты — походной, передвигающейся вмѣстѣ съ красноармейскими частями». Конечно, тиражъ такой газеты былъ совершенно ничтоженъ. Еще въ 1926 г. изъ 790 газетъ 268 т. е. 34% имѣли тиражъ меньше 1.000 экземпляровъ (изъ нихъ 196 или 24,9% меньше 500). За то они проникали вглубь страны и находили своего читателя. До 35% экземпл. газетъ этого времени (1921) поглощались совѣтскими учрежденіями. Изъ 65% остальныхъ, по разсчету Ингулова, до 20% (вѣроятно, больше) «пропадало на складахъ различныхъ губпечатей, на станціяхъ ж. д., застрѣвало въ разныхъ канцеляріяхъ и раскуривалось не прочитанными». Но за то 35% расклеивалось на стѣнахъ («у насъ почти не было иной газеты, какъ только стѣнная») и прочитывалось, по (можетъ быть, тоже преувеличенному) разсчету того же автора, 30-ю человѣками на каждый экземпляръ, что давало 29,8 милл. читателей. Прибавляя сюда 10% тиража газетъ, попадавшихъ въ клубы и читальни, и 35% количества ихъ, посылавшагося въ учрежденія и отдѣльнымъ работникамъ, и разсчитывая читаемость первыхъ газетъ въ 10 чел. на экземпляръ, а вторыхъ въ 3 человѣка, авторъ получаетъ нѣсколько приблематическую цифру 37 милл. читателей. Эту цифру онъ сравниваетъ съ 8½ милл. довоенныхъ читателей, считая для того времени по 3 читателя на экземпляръ и прибавляя ½ милліона на читальни и клубы. Въ итогѣ получается 6% читателей изъ довоеннаго населенія Россіи (135 милл.) сравнительно съ почти третью всего населенія, ставшей читателями въ 1921 году. Несомнѣнно, первая цифра преуменьшена, а вторая преувеличена. Но такъ же несомнѣнно, что періодъ гражданской войны все же долженъ былъ ознаменоваться очень значительнымъ ростомъ читателей, пришедшихъ на смѣну прежнимъ читателямъ изъ народной среды.

Переходъ къ нэпу сопровождался быстрымъ паденіемъ временно-напряженнаго интереса новой читательской массы къ газетѣ. Паденію содѣйствовало и то, что теперь возстановлялась и въ этой области платность. Читатель долженъ былъ превратиться въ покупателя или подписчика. Число газетъ за первые два мѣсяца 1922 г. поэтому сразу упало съ 830 до 382, а на 1-е іюня 1922 г. до 330.

Конечно, преимущественно закрывались эфемерныя провинціальныя изданія (съ 490 они упали до 166, тогда какъ губернскія съ 313 только до 164). Тиражъ къ серединѣ 1922 г. упалъ ниже одного милліона экземпляровъ. XI-й съѣздъ партіи (апрѣль 1922) констатировалъ «слабую связь съ массами», «недостаточную выдержанность газетъ въ партійно-политическомъ отношеніи» и «полную неналаженность аппарата распространенія, въ особенности среди рабочихъ и крестьянскихъ массъ».

Съ этого момента, однако же, начинается переломъ въ положеніи совѣтской печати. XII-й съѣздъ партіи черезъ годъ (апрѣль 1923) уже отмѣчаетъ «замѣтный ростъ тиража» и признаетъ, что «почти всѣ газеты установили тѣсную связь съ рабочими массами, причемъ заслуга... принадлежитъ рабочимъ корреспондентамъ» (см. ниже). Въ апрѣлѣ 1926 г. количество газетъ дошло до 622, а тиражъ до 8.295.201 экз. Однако же, упомянутый выше кризисъ продукціи отразился и въ газетномъ дѣлѣ. Закрыты были матеріально необезпеченныя крестьянскія газеты, нѣкоторыя вѣдомственныя; отъ обязательной («коллективной») подписки потребовалось перейти къ индивидуальной. Это привело, въ концѣ 1926 г., къ паденію числа газетъ до 569, а тиража на цѣлый милліонъ (до 7.295.600). Но въ дальнѣйшемъ, ростъ періодической печати продолжался: въ 1928-29 г.г. выходило снова 606 газетъ, и разовый тиражъ ихъ повысился до 13,5 милл. экз. Совершенно исключительно началъ расти тиражъ газетъ во время кампаній послѣднихъ 2½ лѣтъ:

1 іюня 1929 г.	12.635.000 экз.
1 октября 1929 г.	15—16 милл.
1 марта 1930 г.	21—22 милл.

Спеціальный номеръ «Бѣдноты», посвященный вопросамъ коллективизаціи, разошелся въ количествѣ 2½ милліоновъ экземпляровъ, а «Крестьянская Газета», вообще имѣвшая къ 1930 г. тиражъ въ 2 милліона, распространила свой номеръ, посвященный весенней посѣвной кампаніи въ 15 милл. экземпляровъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще спеціальныя газеты, фабрично-заводскія и колхозныя. Фабрика вернулась къ стѣнной газетѣ. А для кампаній въ деревнѣ создавались ad hoc цѣлыя десятки спеціальныхъ газетъ. Такъ, для весенней посѣвной кампаніи, по призыву «Правды», московскія пролетарскія организаціи въ 3-4 недѣли создали цѣлыхъ 53 районныхъ колхозныхъ газетъ, снабдивъ ихъ редакторами, наборщиками и типографскими машинами. Эти 53 «бригады» съ 53 редакторами и 159 наборщиками были немедленно разосланы во

всѣ концы Россіи: по семи газетъ, въ среднемъ, въ Центр. Черноземную область, въ среднее и нижнее Поволжье, на сѣверный Кавказъ, отъ одной до трехъ въ другія области и окраины. По примѣру Москвы съорганизованы были выѣздныя редакціи и въ другихъ республикахъ СССР.

Общее число спеціальныхъ изданій дошло до 1.000, а тиражъ до 1½ милл.*). «Центральный Комитетъ повернулъ печать къ конкретнымъ и кореннымъ вопросамъ промышленности и сельскаго хозяйства», т. е. къ сверхиндустріализаціи и коллективизаціи, — докладывалъ Каганович, приводя эти цифры XVI-му съѣзду партіи въ началѣ іюля 1930 г. Только бумажный кризисъ остановилъ ростъ этого гигантскаго потока печатной бумаги, обрушивавшагося на страну, какъ средство пріобрѣсти поддержку политикѣ Сталина.

Вся эта печать дифференцировалась соотвѣтственно слоямъ населенія, которое она была призвана обслуживать. Ингуловъ подводитъ довольно внушительный итогъ этого расчлененія. «Мы имѣемъ», говоритъ онъ, «группу руководящихъ партійныхъ газетъ. Мы имѣемъ руководящія совѣтскія газеты, которыя направляютъ всю работу въ области государственнаго строительства. Мы имѣемъ группу массовыхъ рабочихъ газетъ, читатели которыхъ — не партійные активисты, не квалифицированные совѣтскіе рабочіе, а рядовые, въ большинствѣ безпартійные рабочіе. Мы имѣемъ сейчасъ значительную сѣть массовыхъ крестьянскихъ газетъ. Въ ихъ составѣ есть своя внутренняя дифференціація: газеты съ оріентаціей на сельскаго передовика, волисполкомщика, сельсовѣтчика, сельскаго интеллигента («Бѣднота») и газеты для рядового среднеграмотнаго крестьянина («Крестьянская газета»). Мы имѣемъ довольно значительную и все возрастающую сѣть газетъ, которыя облуживаютъ крестьянъ и рабочихъ, говорящихъ не на русскомъ, а на другихъ языкахъ (число ихъ поднялось сравнительно съ дореволюціоннымъ періодомъ съ 24-хъ до 58-ми). Мы имѣемъ также красноармейскія газеты... Мы имѣемъ юношескія газеты,... имѣемъ изданія, которыя адресуются къ женской половинѣ рабочихъ и крестьянъ, а также... профессіональную печать, кооперативную печать и т. п. Всѣ эти газеты и журналы, говоря разнымъ языкомъ и аргументируя разными фактами и доводами, являются только разными родами оружія, выполняющими одни и тѣ же боевыя задачи: укрѣпленіе диктатуры пролетаріата и воспитаніе широкихъ массъ въ духѣ коммунизма».

Соціологическое значеніе совѣтской печати, въ ея положительныхъ и отрицательныхъ сторонахъ, опредѣлено здѣсь очень точно.

*) Журналовъ было 1.700 (сравнительно съ 1.108 въ 1926 г.) и ихъ тиражъ составлялъ 320 тыс. (сравнительно съ 147,7 тысячъ 1926 г.).

Но одни эти цитаты далеко еще не даютъ представленія о томъ реальномъ процессѣ, который привелъ къ отмѣченному здѣсь, — дѣйствительно, единственному въ исторіи по своей грандіозности результату. Какъ въ исторіи совѣтской школы, такъ и въ исторіи совѣтской газеты можно отмѣтить переходъ отъ первоначальной утопической идеологіи къ узко-практической постановкѣ, все болѣе исключающей всѣ элементы идеализма. Началось и здѣсь съ того, что въ первый годъ борьбы за власть борющаяся группа предоставила своимъ идеологамъ объявить самые широкіе, самые радикальные лозунги, идейно связанные съ дореволюціонной теоретической разработкой. Въ первые полгода, до второй половины 1918 г., ласть даже терпѣла существованіе, наряду съ своими, буржуазныхъ и соціалистическихъ газетъ. Главный органъ партіи, носившій старое боевое имя «Правды», продолжалъ разрабатывать тонкости догмы, вызывавшія безконечные споры въ періодъ эмигрантскихъ досуговъ. Но когда эти «дискуссіи», вызвавшія уже въ эмиграціи расколъ партіи на «большевиковъ» и «меньшевиковъ», продолжали вестись въ органѣ, ставшемъ правительственнымъ оффиціозомъ, — это было уже дѣло другое. И послѣ перваго опыта такой широкой «дискуссіи», вызвавшаго появленіе новой «фракціи» Троцкаго (осень, 1923), была сознана практическая опасность дискредитаціи ачальства. Тонкости пришлось отбросить въ сторону. Этому повороту одинаково содѣйствовалъ и испугъ, вызванный смертью Ленина (январь, 1924), и появленіе на его мѣстѣ гораздо менѣе культурнаго Сталина. Было, къ тому же, замѣчено, что теоретическими спорами не привлечешь читателя. И годы Нэпа вызвали новую постановку: вмѣсто того, чтобы дѣйствовать на умъ читающей (точнѣе, не желающей читать) массы, рѣшено было обратиться къ ея *чувству* и *интересу*. Тогда, именно, съ 1923-24 года были созданы всѣ тѣ разнообразныя формы обращенія не къ читателю вообще, а къ читателю опредѣленнаго типа, опредѣленной степени образованія, опредѣленнаго направленія интересовъ, о которыхъ говоритъ Ингуловъ. Если читатель не шелъ къ газетѣ, нужно было устроить, чтобы газета шла къ читателю, чтобы она стала для него интересна и чтобы онъ почувствовалъ отъ нея непосредственную пользу. Тогда же былъ широко развернутъ и аппаратъ добровольныхъ корреспондентовъ съ мѣстъ, черезъ которыхъ массы могли приносить свои жалобы и доводить до свѣдѣнія центра о своихъ нуждахъ. «Рабочіе» и «сельскіе» корреспонденты («рабкоры» и «селькоры») должны были исполнять эту функцію коллективнаго Гарунъ-аль-Рашида. А редакціямъ журналовъ было приказано заняться всѣмъ этимъ матеріаломъ, разсортировать его, направить къ исполненію и донести центральному комитету о послѣдствіяхъ.

Послѣдствія эти были, отчасти, именно тѣ, которыхъ власть желала. Институтъ корреспондентовъ быстро развился. Ц. К. партіи сообщилъ объ этомъ слѣдующія статистическія данныя:

	Августъ 1925	Августъ 1926
Рабкоры	74.298	115.607
Селькоры	115.710	192.888

Къ XVI съѣзду число рабкоровъ увеличилось до 532 тысячъ.

«Крестьянская газета» произвела анкету, которая показала, что съ 1924 г. по 1928 г. число полученныхъ редакціей писемъ возросло съ 243.000 до 720.000, а число корреспонденцій изъ деревни поднялось со скромной цифры 400 до 15.200. Въ то же время и тиражъ газеты выросъ съ 300.000 до 1.020.000. Что касается этого письменнаго наводненія, «Крестьянская газета» сообщила, что за 1927 г. по письмамъ съ мѣстъ состоялось 461 увольненіе, 522 преслѣдованія судебнымъ порядкомъ, 63 случая исключеній изъ партіи и 54 дисциплинарныхъ взысканія. Естественно, что газета выиграла въ популярности.

Но это — только одна сторона. Обнаружилась и другая. Жалобы съ мѣстъ навлекли на жалобщиковъ ненависть населенія, считавшаго ихъ доносчиками и агентами власти. Масса реагировала нападеніями на «селькоровъ» и убійствами. Изъ года въ годъ случаи покушеній и убійствъ становились все болѣе многочисленными. Ихъ было 32 въ 1924 г., 115 въ 1925, 282 въ 1926 г. Съ другой стороны, и правительство обезпокоилось даже и той скромной долей права критики, которую пришлось предоставить «корреспондентамъ». Въ самомъ дѣлѣ, какъ соединить нѣкоторую свободу критики съ выполненіемъ правительственныхъ предначертаній? Рабочіе и особенно сельскіе корреспонденты попали въ чрезвычайно тяжелое положеніе между населеніемъ и властью. Населеніе ихъ убивало, какъ правительственныхъ шпіоновъ; власти карали за непониманіе предѣловъ дозволенной критики. ЦК ВКП отмѣтилъ въ постановленіи 28-го августа 1926 года, что съ «притокомъ въ рабкоровскіе ряды новыхъ слоевъ, пришедшихъ изъ деревни рабочихъ», наблюдается «случаи отхода низовыхъ рабселькоровскихъ организацій отъ партійнаго руководства», «проникновеніе въ селькоровскую среду кулацкихъ антисовѣтскихъ вліяній; значительный процентъ служащихъ, какъ слѣдствіе роста активности въ слояхъ интеллигенціи». Конечно, ЦК осудилъ все это и рекомендовалъ «усиленіе партійнаго руководства рабселькоровскимъ движеніемъ». Еще бы: вѣдь случилось же, что журналъ «Селькоръ» напечаталъ приглашеніе селько-

ровскому кружку «намѣтить и обсудить кандидатовъ въ сельсовѣты», т. е. выставить свой списокъ, вмѣсто партійнаго.

Естественно, что на поднятый сторонниками литераторской «независимости» вопросъ о «*свободѣ* критики», представители партійнаго «руководства» отвѣтили постановкой вопроса о ея «*предѣлахъ*». Предѣлы эти были поставлены тамъ же, гдѣ они проходили и для «обличителей» стараго режима: критикуй, но не дискредитируй власти и не возбуждай «недовольства существующимъ порядкомъ». «Триста тысячъ паръ селькоровскихъ глазъ» должны не разрушать, а «беречь совѣтскій строй», представляя «положительную» критику съ цѣлью «не ослабленія, а усиленія пролетарской диктатуры». Тутъ и «пролегаютъ границы нашей критики» (Ингуловъ).

Каково же положеніе журналиста при такой постановкѣ дѣла? Въ 1924 г. редакторъ журнала «Новая Россія» (закрытаго въ 1926 г.) помѣстилъ статью, въ которой доказывалъ, что въ совѣтской Россіи нѣтъ и не можетъ быть журналистовъ, а есть только «мастера, подмастерья, подручные и подподручные газетнаго промысла». «Журналистъ — это звучитъ гордо». Ленинъ, Бухаринъ — не журналисты. Журналистъ — это Максиміліанъ Гарденъ»...

Трудо представить болѣе сильную критику совѣтской печати. Идея независимости журналиста и свободы печати, ея «безпартійности», ея нейтралитета даже — не ко двору въ совѣтской Россіи.,

Здѣсь мы переходимъ къ третьей стадіи развитія газетной функціи. Не *учитъ* партійнымъ тонкостямъ и даже не *привлекать* служеніемъ интересамъ массы, а *руководитъ* ею для достиженія правительственныхъ цѣлей, — таковъ лозунгъ, выдвинутый новой политикой коллективизаціи, къ которой перешелъ Сталинъ послѣ 1927 года. Аппаратъ для руководства былъ теперь готовъ. «Генеральная линія» партіи стабилизрована окончательно. «Правда» — ея Коранъ. Автентическія толкованія «Правдой» единой дозволенной истины должны быть извѣстны всѣмъ (тиражъ «Правды» поднялся съ 126.000 экземпляровъ въ 1924 г. до 645.000 въ 1929 г.). Редакторы газетъ назначаются властью — и могутъ быть въ любую минуту отставлены. Важнѣйшія статьи циркулярно сообщаются провинціи изъ центра. Единая воля управляетъ, какъ на полѣ сраженія, всѣми движеніями газетной массы. Приказы изъ центра сопровождаются немедленнымъ исполненіемъ. Милліоны газетныхъ выстрѣловъ бьютъ по намѣченной цѣли, повторяясь изо дня въ день. Куда они мѣтятъ? Это указываетъ очередная директива. Чуть не каждый день открывается новый «фронтъ» (самая терминологія отнынѣ воспроизводитъ военную). Сегодня это «фронтъ ликвидаціи безграмотности», завтра — фронтъ пониженія цѣнъ, потомъ — фронтъ про-

тивъ «кулаковъ», за «генеральную линію», за организацію новыхъ колхозовъ, фронтъ весенняго сѣва, хлѣбной закупки и т. д. Довольно рѣдко печать торжествуетъ на этихъ «фронтахъ». Она предпочитаетъ даже преувеличивать пораженія, — чтобы бить тревогу. То на томъ, то на другомъ «фронтѣ» — «прорывъ»! Печать призываетъ къ «соревнованію», убѣждаетъ, настаиваетъ, грозитъ. Образуйте «ударныя бригады»! Пусть «комсомолъ» проявитъ иниціативу! Опаснѣе — искать причинъ неудачъ. Главной причины — неосуществимости самихъ заданій — нельзя и опасно касаться. За-то можно смѣло указывать на такую-то фабрику, такую-то деревню, — такія-то опредѣленныя лица. Всего удобнѣе, конечно, обличить въ «саботажѣ» классовыхъ враговъ. Это они — инженеры, ученые, интеллигенты — «вредители» и виновники неудачъ. Они хотятъ остановить совѣтскій «поѣздъ». Но имъ не удастся. Колхозы возьмутъ «штурмомъ». «Фундаментъ» соціализма будетъ достроенъ. Главная опасность — не тутъ, она за-границей! Капиталисты и милитаристы всѣхъ странъ строятъ заговоры противъ «отечества трудящихся»: разные Пуанкаре и Бріаны! Но совѣтская дипломатія «сорветъ маски» съ французскаго генеральнаго штаба, который прикармливаетъ займами хищныхъ птицъ Польши и Румыніи... За дипломатами стоятъ банкиры, дрожащіе за свои капиталы... Все это сопровождается ловко составленными каррикатурами (я здѣсь привелъ маленькую коллекцію ихъ); спеціальныя газетки разсѣиваютъ эту пропаганду на фабрикѣ, въ деревнѣ, въ арміи, среди молодежи, женщинъ и т. д. Общій припѣвъ послѣднихъ лѣтъ: намъ грозитъ война; будемъ вооружаться; поспѣшимъ закончить пятилѣтку въ четыре года; сдѣлаемъ необходимое усиліе, чего бы это ни стоило населенію?*).

, Въ какой степени вся эта настойчивая работа достигаетъ цѣли? Можно заранѣе сказать, что границы создаваемаго ею гипноза опредѣлены, какъ противорѣчіемъ интересамъ массы, такъ и ея способностью воспринимать печатную проповѣдь, т. е. читать газету и

---

*) Между прочимъ, подъ давленіемъ этого психоза совершается въ послѣднее время «военизація» — не только школы, но вообще молодого поколѣнія. Въ основѣ тутъ лежатъ школьные кружки «физкультуры», «физупражненія» піонерскихъ отрядовъ, подростковые кружки «физкультуры» при профессіональныхъ клубахъ, при жилищныхъ товариществахъ, при кружкахъ «Оссавіохима» и т. д. Но «гимнастическія» упражненія во всѣхъ этихъ кружкахъ постепенно замѣняются обученіемъ военному строю: въ старшихъ возрастахъ вводится и единообразная команда, принятая послѣднимъ уставомъ Красной арміи, учащаются демонстративные смотры и процессіи молодежи и т. д.

книгу. Чтобы дать себѣ отчетъ, какъ совѣтская пропаганда дѣйствуетъ, перейдемъ къ болѣе широкому вопросу о постановкѣ всего дѣла «политпросвѣщенія». Обхватъ внѣшкольнаго просвѣщенія, разные темпы и методы его, ихъ ростъ, а также темпъ этого роста будутъ видны изъ слѣдующей таблицы. Нужно только оговорить, что именно эта часть статистики просвѣщенія страдаетъ наибольшей неполнотой и непостоянствомъ. Очевидно, это вызывалось тѣмъ, что и самый этотъ отдѣлъ наиболѣе зависѣлъ отъ личныхъ усилій, наиболѣе ускользалъ отъ контроля и больше другихъ подвергался измѣненіямъ, связаннымъ съ перемѣнами очередныхъ настроеній, лозунговъ и «кампаній». Ближе всего къ истинѣ, конечно, цифры декабрьской переписи 1927 года (въ скобкахъ число лицъ въ тысячахъ):

	1 окт. 1921	1 окт. 1922	1 апр. 1923	1 окт. 1923	перепись 1927	
1 Пункты лик. безграм.	38.186	1.012	3.472	3.870	42.177	(1 318)
2. Избы - читальни	33.012	3.400	6.253	6.060	21.876	
3. Библіотеки:						
а) постоянныя	13.250	5.955	6.702	5.737	22.892	(5.095)
б) передвижныя	5.970	1.453	3.595	4.613	»	
4. Клубы	3.319	1.353	2.209	2.240	6.117	(1.139)
5. Школы для взрос.	4.509	94	228	206	1.457	(122)
6. Красные уголки	»	»	»	»	44.590	
7. Народные дома	3.132	1.289	2.007	1.445	1.126	
8. Театры	1.889	1.657	1.031	647	1.319	
9. Оркестры и хоры	1.131	284	666	386	?	
10. Кино	716	378	618	334	3.567	
11. Музеи и выставки	474	266	391	404	798	
12. Муз. и драм. дружки	6.459	?	4.491	3.153	?	

Изъ всего этого разнообразія способовъ воздѣйствія власти на населеніе остановимся еще отдѣльно на «кино». Самъ Ленинъ когда-то сказалъ, предусматривая грядущій размахъ это метода вліянія: «синема — самое великое изъ всѣхъ искусствъ» (онъ еще не предвидѣлъ значенія радіо). Въ синема привлекала его легкость троякой централизаціи: централизаціи продукціи, централизаціи идеологіи и централизаціи метода. Уже 27 августа 1919 съ централизаторскими цѣлями синема была національзована. А съ 1923 г. «Гос-кино» окончательно дѣлаетъ продукцію кино государственной монополіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, упорядочивается и «идеологія» и «методъ». Вотъ какъ поясняетъ централизацію идеологіи въ «кино» одинъ изъ главныхъ его корифеевъ, Эйзенштейнъ, адресуясь къ американцамъ. «Синема предназначена не только для развлеченія, но и для общихъ культурныхъ и соціальныхъ цѣлей: для общаго *политическаго*

просвѣщенія, — пропаганды совѣтскаго государства и его идеологіи въ народѣ... Страна совѣтовъ окружена врагами... Искусство для насъ... одно изъ орудій на боевомъ фронтѣ классовой борьбы, —такъ же, какъ, напр., металлургическая промышленность... Сейсмографъ партійнаго аппарата сигнализируетъ шатаніе въ той или другой сторонѣ совѣтской жизни: Тотчасъ же... во всей странѣ печать, литература, искусство мобилизуются для отраженія опасности... «Лицомъ къ деревнѣ» или «Защита совѣтскаго союза»... Совѣтская фильма съ трудомъ поспѣваетъ за новыми соціальными заказами, объявляемыми ежедненво... Тутъ некогда думать объ объективномъ художественномъ изображеніи. Это — *соревнованіе* по пятамъ между кино и газетой (напримѣръ, для кампаніи посѣва)».

Конечно, здѣсь изображено положеніе, сложившееся въ концѣ извѣстнаго намъ уже процесса. Въ первое время (1917-21) совѣтское кино еще не было приспособлено къ исполненію намѣченной Ленинымъ роли. При плохой техникѣ (слѣдствіе иностранной «блокады») оно иллюстрировало послѣднія событія, поставило до сотни «агитокъ». Со времени Нэпа положеніе улучшилось, и кино поставило себѣ задачи, аналогичныя съ литературой и искусствомъ. «Совѣтская фильма», — такъ формулируетъ это направленіе Эйзенштейнъ, «имѣетъ дѣло съ *реальной* жизнью», слѣдовательно, она должна быть «вѣрна жизни». Надо брать сюжеты «изъ живыхъ источниковъ» и обращаться къ спеціалистамъ при осуществленіи каждой темы. Совѣтская фильма не нуждается въ декораціяхъ, и статисты для нея готовы въ любомъ количествѣ. Рессурсы государства — въ ея распоряженіи. Ставитъ-ли она заводъ или Зимній дворецъ, «Потемкина», Конницу, Забастовку — «Бурю въ Азіи» или «Турксибъ», — реальный матеріалъ, бутафорія и инсценировка къ ея услугамъ. Съ 1924 г., при этихъ условіяхъ, «Госкино» выпускаетъ постановки, поднимающія репутацію совѣтской фильмы за предѣлами Россіи. Выборъ темъ, конечно, опредѣляется упомянутыми соціальными задачами. Исторія революціи, эпизоды гражданской войны, романы русскихъ классиковъ, новые «пролетарскіе» романы, какъ «Цементъ», «Недѣля» Лебединскаго, «Города и Годы» Федина, «Аэлита» Толстого младшаго... Но Эйзенштейнъ отмѣчаетъ также, что за этимъ «первымъ періодомъ» расцвѣта, слѣдуетъ второй, когда кино обязывается брать темы «изъ современной жизни», — и обязывается «поспѣвать» за «ежедневно» мѣняющимися «соціальными заказами». Соціальная философія кино, очевидно, относится главнымъ образомъ, къ этому послѣднему періоду. «Вѣрность жизни» тутъ уже не есть основное требованіе. Такъ, «Деревня грѣха», произведшая за-границей большое впечатлѣніе своимъ художе-

ственнымъ реализмомъ, въ Россіи, по сообщенію того же Эйзенштейна, подверглась жестокой критикѣ. Находили, что тутъ представлено «исключеніе», а не «правило». Очевидно, «отрицательныя» явленія реальности должны были, какъ и въ литературѣ, уступить «положительнымъ». Синема изображала теперь «Старое и Новое»: «пять ступеней экономическаго развитія по Ленину». Вѣдь «мы строимъ сразу во всѣхъ пяти эпохахъ!».

По даннымъ, приводимымъ Эйзенштейномъ, въ 1928 г. насчитывалось въ сов. Россіи 8.500 кинематографовъ (вмѣсто дореволюціонныхъ 3.500). Но изъ этого числа больше трети были кино въ рабочихъ клубахъ, 29% передвижныхъ и 14% — въ крестьянскихъ театрахъ. Только 21% (т. е. 1.700) помѣщались въ «городскихъ коммерческихъ театрахъ».

Таблица стр. 963 свидѣтельствуетъ, что и другія формы «политпросвѣта» прошли черезъ тѣ же, уже извѣстныя намъ стадіи процесса. Первоначальный грандіозный размахъ, потомъ быстрый упадокъ, медленный ростъ и новый скачекъ вверхъ въ послѣдніе годы: все это намъ уже извѣстно и изъ другихъ областей жизни и школы въ совѣтской Россіи. Успѣхъ вначалѣ вызванъ отчасти неподдѣльнымъ энтузіазмомъ побѣды, отчасти принудительнымъ «соціальнымъ заказомъ», подкрѣпленнымъ матеріальной поддержкой сверху. Упадокъ объясняется отказомъ въ этой поддержкѣ и переводомъ на «мѣстныя средства» въ началѣ нэпа, — а также и наступившимъ разочарованіемъ послѣ преувеличенныхъ надеждъ. Наконецъ, новое движеніе впередъ есть несомнѣнный знакъ дѣйствительнаго роста, а его лихорадочный темпъ въ послѣдніе годы — плодъ новаго искусственнаго толчка, — «кампаній культурной революціи», связанной съ другими областями «соціалистическаго строительства». При всей эфемерности этого послѣдняго успѣха, необходимо признать, что внѣшкольное образованіе приняло небывалые до сихъ поръ размѣры и что полученные результаты въ той или другой мѣрѣ сохранятся, какова бы ни была судьба напряженной правительственной политики, которая ведется съ 1927-8 года.

Исходной точкой новыхъ усилій въ области культуры надо признать резолюцію XIII съѣзда партіи (лѣто 1924 г.), который констатировалъ, по докладу Крупской, что «культурный уровень деревни очень низокъ, обычная агитація и пропаганда почти не задѣваютъ ее въ силу того, что газета, книжка не попадаетъ въ деревню, не оріентируется на деревню и крестьянамъ мало понятна». «Опорнымъ пунктомъ, центромъ всей политпросвѣтительной работы въ деревнѣ послѣдніе партійные съѣзды признали волостную избу - читальню». Изба - читальня явилась дополненіемъ къ городской библіотекѣ. Что-

бы выяснить значеніе этой новой стадіи въ исторіи русскаго просвѣщенія, остановимся на роли книги, газеты, библіотеки, читателя въ развитіи культурнаго процесса. Не случайно, конечно, эти вопросы, поднятые уже, какъ мы знаемъ, въ дореволюціонное время (см. стр. 853-8) обратили на себя усиленное вниманіе въ совѣт. Россіи именно въ послѣдніе годы. Здѣсь, какъ въ области литературной критики или педагогической методики — теоретическое обсужденіе опережаетъ жизненныя явленія, къ которымъ относится. Но оно, несомнѣнно, ускоряетъ ихъ появленіе и стремится направить ихъ въ опредѣленную сторону.

Книга есть своего рода «надстройка» надъ языкомъ, а газета — надстройка надъ книгой въ процессѣ развитія соціальнаго общенія между людьми. Если языкъ, слово — дали впервые возможность человѣку обобщать, мыслить абстрактно и сознательно руководить потокомъ жизни, то переходъ отъ устной передачи мысли къ записи звучащаго слова графическими знаками впервые позволилъ укрѣпить и расширить соціальную память человѣческаго общества путемъ точнаго регистрированія фактовъ. А ихъ накопленіе впервые положило основу научнымъ и практическимъ обобщеніямъ, расширило власть надъ природой и создало возможность соціальнаго предвидѣнія, лежащаго въ основѣ политики, какъ системы управленія жизнью. Ближайшей задачей стало теперь распространеніе пріобрѣтеннаго знанія на болѣе широкіе круги, съ цѣлью пріобщить и ихъ къ *организованному* управленію жизнью. Мы слѣдили за предшествовавшими ступенями этого постепеннаго расширенія въ русскомъ культурномъ процессѣ. Послѣднюю ступень, о которой мы говоримъ теперь, никакъ нельзя оторвать отъ предыдущихъ. Внѣшкольное образованіе именно и преслѣдуетъ эту цѣль — сдѣлать книгу, — продуктъ индивидуальной культуры — также и дѣйственнымъ факторомъ культуры массъ, выравнять, по возможности, неизбѣжную разницу уровней культуры между писателемъ и читателемъ. Латинское изреченіе: «книги имѣютъ свою судьбу» — habent sua fata libelli — хорошо выразило соціальную роль книги. Разъ пущенная авторомъ въ среду соціальнаго общенія, книга, дѣйствительно, живетъ своей жизнью, имѣетъ свою біографію, которая создается отношеніемъ къ книгѣ читателя. Книги, какъ люди, живутъ и умираютъ; у нихъ есть своя молодость, расцвѣтъ и старость. Въ этомъ смыслѣ, исторія книги есть исторія ея читателя. Недаромъ историки литературы въ послѣднее время принуждены были включить въ свой разсказъ не только исторію созданія литературнаго произведенія геніемъ автора, но и исторію его взаимодѣйствія со средой современниковъ и потомства.

Кто же, кромѣ книгопродавца, является ближайшимъ свидѣтелемъ и участникомъ дальнѣйшей судьбы книги? Очевидно, тѣ, кто беретъ на себя ближайшую слѣдующую задачу *послѣ* первоначальнаго распространенія книги. Вѣдь книгу недостаточно приблизить къ читателю. Надо читателя приблизить къ книгѣ. Вотъ задача — библіотекъ, постоянныхъ и подвижныхъ, избъ-читаленъ, клубовъ, школъ для взрослыхъ, а въ болѣе общемъ смыслѣ — кино и театровъ. Характерно для настоящаго момента именно это живое отношеніе къ книгѣ.

Но, чтобы приблизить читателя къ книгѣ, надо знать и читателя и книгу. Надо изучать «интересъ» одного и способы удовлетворенія этого интереса другою. Естественно, что изученіе этихъ взаимоотношеній, при новой роли книги въ «соціалистическомъ строительствѣ», получило сильный толчокъ и болѣе широкій размахъ. Старые методы изученія читателя уже оказались недостаточными. Всего проще было — подсчитать случаи спроса на книгу въ библіотекахъ и распредѣлить эти случаи по категоріямъ книгъ и по порядку читаемости разныхъ авторовъ. Этотъ способъ устанавливалъ факты, но не могъ объяснить ихъ причины. О причинахъ выбора и о впечатлѣніи, произведенномъ книгой, нужно было спросить самого читателя. Но трудность и субъективность такого опроса уже выяснилась на примѣрѣ Алчевской. Закрѣпить результаты опроса письменными показаніями читателей было вѣрнѣе, но и труднѣе. Закрѣпить непосредственный словесный откликъ стенографической записью — еще вѣрнѣе, но практически — почти неосуществимо. А кромѣ того, возникалъ вопросъ о методахъ разработки полученнаго матеріала. Несомнѣннымъ шагомъ впередъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ явилась новая теорія Н. А. Рубакина, положившая начало особой книжной дисциплинѣ: «библіо-психологіи». Здѣсь не мѣсто излагать эту довольно сложную и все еще находящуюся въ процессѣ разработки систему. Достаточно сказать, что она ставитъ разслѣдованіе читательскихъ реакцій на производимыя книгой «раздраженія» на почву научнаго эксперимента, однообразно обставленнаго, возможно упрощеннаго и дающаго возможность суммировать въ цифрахъ наблюденія надъ индивидомъ и надъ читательскими массами. Примѣненіе метода Рубакина состоитъ въ томъ, что, зарегистрировавъ рядъ впечатлѣній, произведенныхъ данной книгой на даннаго читателя, онъ опредѣляетъ, какъ характеръ читателя, такъ и типъ книги, способной произвести на даннаго читателя наиболѣе сильное дѣйствіе. Такимъ образомъ, наилучше используется наличная литература, а писатель получаетъ указанія, какъ сдѣлать свою дальнѣйшую продукцію наиболѣе эффективой.

Появленіе «библіо-психологіи» обратившей уже на себя вниманіе заграничныхъ книговѣдовъ*), совпало въ Россіи, гдѣ знали автора и уважали его за предыдущую дѣятельность, съ отмѣченной выше потребностью — приблизить книгу къ читателю. «Фактъ огромнаго наплыва въ библіотеку новаго низового читателя», говорятъ, напр., авторы книги объ «Изученіи читателя» (1928), «поставилъ вопросъ объ изученія читателя во весь ростъ». «Въ послѣднее время», подтверждаетъ И. Гуровъ, «изученіе читателя стало злобой дня, — объ этомъ много говорятъ и пишутъ, создаются комиссіи по изученію читателя и т. д.». Это изученіе «пріобрѣтаетъ характеръ изученія вліянія книги на читателя, взаимодѣйствія между книгой и читателемъ»... «фиксаціи тѣхъ факторовъ, зависимость отъ которыхъ собираются устанавливать». Этимъ вопросамъ посвящены работы «Бюро Заочнаго обученія при педагогическомъ факультетѣ 2 МГУ», причемъ изслѣдованіе ведется именно на почвѣ психологіи. Конечно, марксистская литература считаетъ долгомъ отгородиться отъ почина Рубакина, выставляя противъ него обычныя обвиненія въ «идеализмѣ» и обвиняя его въ самоограниченіи «психологіей» и изученіи типовъ *индивидуальнаго* читателя, вмѣсто того, чтобы расширить область изученія на соціологію и на вліяніе среды и классового начала. Обвиненія легко опровергнуть фактическими справками, и фактъ вліянія Рубакина остается безспорнымъ.

Изученіе читателя распространилось, вслѣдъ за книгой, какъ можно было ожидать, и на газету. Газета — эта «секундная стрѣлка исторіи» по выраженію Шопенгауэра, является, въ вѣкъ телеграфа и радіо, ускоренной формой пріобщенія массы къ актуальности и выработкѣ организованной коллективной реакціи этой массы на событія и лозунги дня. Пріучить населеніе читать регулярно газету — значитъ не только безмѣрно расширить его кругозоръ, но и пріобрѣсти могущественное орудіе воздѣйствія на его волю. Конечно, и тутъ марксистская точка зрѣнія, какъ мы уже видѣли, стремится побить демократическую. Изученіе вопросовъ журнализма, подобно библіотечному дѣлу, ставится на очередь дня; но при этомъ своеобразно толкуются обѣ главныя задачи газеты: и информація, и инструкція. Информація должна получить спеціальную обработку для достиженія опредѣленной цѣли: все, противорѣчащее ей должно быть безъ снисхожденія исключено. Инструкціонный, руководящій элементъ газеты долженъ формировать не «общественное», а классовое мнѣніе — въ области очередной боевой задачи, заказанной сверху «кампаніи». Мы видѣли, какъ трактуется при этомъ «демократизмъ»

*) См. библіографію.

и «свобода слова». Однако же, изученіе газетнаго читателя и тутъ приводитъ къ признанію необходимости болѣе осторожнаго подхода. Ни руководство, ни информація не должны быть поддѣланы такъ грубо, чтобы производить впечатлѣніе, обратное желаемому. Не надо, чтобы «вмѣсто приподнятаго настроенія у читателя появлялась холодная сдержанность, критичесоке недовѣріе или даже скептическая иронія». Недовѣріе къ казенной печати, видимо, широко распространено въ Россіи. Оно начинаетъ учитываться, какъ видимъ, если не практиками, то теоретиками. Они пытаются заблаговременно предупредить возобновленіе того «чтенія между строкъ», которое широко распространилось при старомъ режимѣ (см. стр. 860-861). Вотъ гдѣ предѣлъ создаваемаго совѣтской печатью гипноза (стр. 962).

Переходя отъ идеологіи къ практикѣ политпросвѣщенія, приходится отмѣтить, что тутъ нажимъ политическаго руководства особенно силенъ — и доходитъ до крайнихъ предѣловъ въ послѣдніе годы. Именно партійными соображеніями объясняется самое усиленіе вниманія къ политпросвѣтительной работѣ, которую раньше «запускали». Работники просвѣщенія, какъ и дѣятели литературы, мобилизуются для непосредственной цѣли «соціалистическаго строительства». Отчасти этотъ новый приливъ вниманія объясняется и неудовлетворительнымъ результатомъ, полученнымъ отъ изученія подлинныхъ интересовъ читателя. Выяснено было, прежде всего, путемъ анкетъ, что «исключительнымъ вниманіемъ со стороны читателей всѣхъ видовъ библіотекъ пользуется не политическая, а художественная литература. Читаемость беллетристики въ деревнѣ колеблется между 35 и 45%; въ городскихъ библіотекахъ выдача ея рабочей группѣ читателей достигаетъ 60-75% учащимся — 60-80%; служащимъ и трудовой интеллигенціи — 85-90%; домашнимъ хозяйкамъ — 82-98%». При томъ, читаютъ эту литературу «лишь для отдыха и развлеченія». «Соціальный заказъ читателя библіотекарю сплошь да рядомъ такой: выберите по своему усмотрѣнію что-нибудь полегче и поинтереснѣе. «Дайте, чтобы побольше было приключеній и чтобы нельзя было оторваться отъ книги». «Дайте про любовь и чтобы не было убійства». «Хочу переводный романъ — наша литература надоѣла». «Дайте что-нибудь изъ классиковъ, — нынѣшніе русскіе писатели пишутъ скучно и непонятно». Рѣшительно, совѣтскій читатель не хочетъ понять, что художественная литература «выполняетъ серьезную соціальную функцію». (Л. Р. Коганъ въ сборникѣ Заровняднаго).

А что же онъ читаетъ? На первомъ мѣстѣ почти вездѣ стоитъ Толстой, потому что «пишетъ правду» и «открываетъ глаза темному народу». Очень близки къ нему Пушкинъ и Гоголь, которые «пи-

шутъ ясно». Пониже стоятъ Горькій и Некрасовъ, еще пониже Тургеневъ; а Демьянъ Бѣдный, Марксъ и Ленинъ примѣшиваются лишь на десятыхъ мѣстахъ, и чѣмъ интеллигентнѣе и выше образованіе читателя, тѣмъ меньше ихъ читаютъ. За беллетристикой идетъ требованіе конкретныхъ, практическихъ знаній: для крестьянина по сельскому хозяйству, для горожанина — по мастерству. Къ «общественно-политической литературѣ» крестьянинъ «подходитъ исключительно съ точки зрѣнія практики и требуетъ, чтобы она была связана съ конкретной дѣйствительностью». Если подъ прикрытіемъ аграрнаго вопроса читатель наталкивается на агитацію, то онъ считаетъ такую книжку «несерьезной, не дѣловой». «Невѣрно писалъ, деревни и не нюхалъ». «Разсчитана на сиволапыхъ мужиковъ». «Писать то все можно, а на практикѣ совсѣмъ другое». (Смушкова).

Интересный матеріалъ о чтеніи книгъ въ деревнѣ, подтверждающій сказанное, собралъ М. Слуховскій, работавшій два года (1925-26) въ издательствѣ «Крестьянской Газеты» и собравшій до 3½ тысячъ крестьянскихъ писемъ со всѣхъ концовъ Россіи, преимущественно изъ промышленнаго и черноземнаго центра (28,5%) и изъ югозападнаго и западнаго района (23,1%). Его выводъ: «утилитаризмъ опредѣляетъ подходъ крестьянина къ книгѣ. Дѣйствительно, 20% запросовъ касаются книгъ по сельскому хозяйству, 17,3% — по промысламъ и ремесламъ; сюда, вѣроятно, надо прибавить и большую часть «комбинированныхъ» запросовъ (16%). На остальное приходится меньше половины, и въ томъ числѣ только 11,2% на «общественно-политическія темы». Беллетристика фигурируетъ въ анкетѣ Слуховскаго только въ 5,7% (ср. стр. 969). Но онъ замѣчаетъ, что послѣ его анкеты (авг.-дек. 1925 г.), «намѣчается рѣзкій переломъ въ спросѣ: беллетристика нынѣ круто идетъ вверхъ». О жаждѣ проснувшейся деревни къ интересному чтенію свидѣтельствуетъ одинъ «избачъ» изъ Одесщины: «нужно имѣть тысячи экземпляровъ, чтобы удовлетворить хотя-бы наполовину литературный голодъ. Читаютъ группами, читаютъ въ одиночку, читаютъ запоемъ, передаютъ изъ руки въ руку, такъ что, когда попадаетъ эта книжка обратно въ библіотеку, то уже автора прочесть не представляется возможнымъ, ибо это есть лоскутики грязной бумаги, на которой ничего нельзя разобрать». Относительно того, что именно читается, и эта анкета отвѣчаетъ лишь, что читаютъ, «что кому по вкусу», не всегда давая себѣ отчетъ, почему «по вкусу». Слуховскій резюмируетъ такъ: «тутъ и тяготѣніе къ знанію, и осторожное любопытство, и своего рода завистливая робость къ незнакомому, и глухое преклоненіе безграмотнаго передъ чужою тайной — все слитно образуетъ бережно-почтительную атмосферу, и она ставитъ книгу нѣсколь-

ко внѣ обычныхъ житейскихъ отношеній». Общій отзывъ при самомъ разнообразномъ отношеніи къ сюжету книгъ: книгъ мало, достать ихъ негдѣ и какія именно книги нужны, неизвѣстно, но какія попадутъ подъ руку, всѣ прочитываются съ жадностью, ибо «хотимъ все знать». Одинъ изъ такихъ читателей-самоучекъ, набившій себѣ руку на чтеніи, пишетъ: «я читалъ съ одинаковымъ увлеченіемъ и запоемъ и «Бову-королевича», и политическую экономію, про Николая угодика и «Исторію культуры», Фейербаха, Ивана Кронштадтскаго и Кнута Гамсуна, «Вѣстникъ палестинскаго общества», Льва Толстого, лубочную литературу и Камилла Фламмаріона, царскіе манифесты и поповскія проповѣди, программы и прокламаціи политическихъ партій и тѣ дѣ». Есть, однако, категоріи книгъ, которыхъ и этотъ плохо опредѣлившійся вкусъ не пріемлетъ. Слуховскій формулируетъ эти отталкиванія такъ. «Основной упрекъ, выдвигаемый деревней, сводится къ непомѣрному изобилію прямолинейной, назойливой агитаціи». Одинъ корреспондентъ неуважительно отзывается: «это — тѣ же портки, которые съ трибуны преподносили намъ въ семнадцатый и двадцатый годы, только гашникомъ назадъ». Включается въ эту категорію и антирелигіозная литература. «Наши матеріалы съ несомнѣнностью устанавливаютъ», пишетъ Слуховскій, «что деревню и понынѣ (1925) въ общемъ не удовлетворяетъ выпускаемая антирелигіозная литература, ея «явный иконораскалывательскій подходъ», «оскорбляющій чувства» крестьянина и вызывающій его «ненависть». Другая категорія книгъ — не столько отвергаемыхъ, сколько встрѣчаемыхъ равнодушіемъ въ деревнѣ, — это тенденціозная беллетристика съ поддѣлкой подъ народный языкъ или на дѣланномъ языкѣ литературныхъ новѣйшихъ — «измовъ». «Мужикъ любитъ правду и простоту», записываетъ одинъ корреспондентъ, — и потому цѣнитъ художественный реализмъ русскихъ классиковъ. Ему нужны «живые люди, а не деревянныя куклы». И его чутье обмануть трудно. «Крестьянинъ совершенно несогласенъ съ нашей квалификаціей «признанныхъ». Онъ не одобряетъ ни ихъ подхода къ темѣ, ни языка, ни трактовки матеріала, онъ чуждается ихъ стилистическихъ изысковъ, а деревни, изображаемой ими, не понимаетъ никакъ, абсолютно». «Нельзя продвигать въ деревню, — они только отталкиваютъ отъ чтенія, такихъ книгъ, какъ «Бронепоѣздъ» Иванова, «Рѣки огненные» Артема Веселаго, «Маяковская галлерея» и т. д. Пильняка и Сейфулину тоже ожесточенно критикуютъ. Писатели, вышедшіе изъ деревни, «кажутся уже получужими»; деревня «какъ бы даже сторонится ихъ». Крестьянинъ требуетъ, чтобы такой писатель не терялъ «органической связи» съ деревней, писалъ бы «безъ прикраски», и не о прошломъ, а о текущемъ моментѣ (ср. стр. 401, 444, 856-858, 969).

По поводу чтенія газетъ при библіотекахъ А. Кухарскій говоритъ: «И здѣсь у насъ неблагополучно. Читатель газеты проглядываетъ фельетоны, интересуется происшествіями, судебной хроникой, просматриваетъ картинки «Нивы», «Прожектора», «Бегемота »и т. д. или читаетъ разсказы. Большинство смутно представляетъ государственный строй тѣхъ или другихъ государствъ, экономику, военную мощь, борьбу партій и т. п. Лишь очень немногіе прорабатываютъ газетный матеріалъ». Обычны отзывы, что газеты рѣдко доходятъ; на вопросъ о выборѣ часты уклончивые отвѣты или прямыя заявленія, что «читаютъ любую газету, какая придется». Мѣшаетъ, конечно, и мудреный языкъ газеты. Вопросъ объ упрощеніи языка становится все болѣе настоятельнымъ. Шафиръ, нашелъ, по опросу въ Воронежской губерніи, что изъ 29 учениковъ агрономическаго училища четверо не знали, что такое СССР, изъ 36 рабочихъ, изъ коихъ 20 были «рабкорами», 9 не понимало слова «экспонатъ», а одинъ — «показательнаго хозяйства». Изъ 64 красноармейцевъ, для большинства (47-46) тоже камнемъ преткновенія оказались «экспонаты» и «репараціи». Но они не понимали также ни «интриги» (42), ни «попустительства» (33), ни «проекта» (29), ни «ультиматума» (23), ни «продфонда» (17), ни «сельмаша» (16), ни «фонда» (15), ни даже СССР (8) и «губпредкома» (4). «Рекламу» они довольно удачно, но отнюдь не къ удовольствію спрашивающаго, объясняли, какъ «прокламацію» газету, вродѣ Правды, — «неправильное писаніе»; «авторитетъ», какъ «кампанію, ни нашимъ, ни вашимъ, — мое дѣло сторона», «оккупацію», какъ народную закупку; «объектъ обложенія» не безъ яда объяснили «богатымъ человѣкомъ», а «совнаркомъ» поняли, какъ «учрежденіе какое-то, сельское хозяйство». Можно себѣ представить, какой благодарный здѣсь матеріалъ для «чтенія между строкъ»...

Въ совѣтской печати имѣются безконечные списки непонятныхъ словъ и небрежныхъ оборотовъ, которыми испещренъ языкъ краснаго журналиста. Особые учебники указываютъ, какъ замѣнить канцелярскую, запутанную, отвлеченную, безцвѣтную, полную неологизмовъ, провинціализмовъ и варваризмовъ газетную рѣчь — конкретнымъ, живымъ, сжатымъ и «художественнымъ» стилемъ. Предложены длинные списки русскихъ словъ, чтобы замѣнить иностранные. Но мы видѣли, что и русскія слова такъ же непонятны, какъ иностранныя. И, конечно, замѣтить болѣзнь — много легче, чѣмъ уврачевать ее. Во всякомъ случаѣ, понятно послѣ этихъ разъясненій, почему, какъ заявилъ Молотовъ на XV съѣздѣ партіи (1928), количество крестьянскихъ газетъ сократилось на 25%, а тиражъ ихъ на 11% съ тѣхъ поръ, какъ газеты стали платными (1925).

На такой-то, слабо подготовленной почвѣ и при такомъ сравнительно скромномъ распространеніи сѣти политпросвѣтительныхъ учрежденій совѣтская власть, въ своей погонѣ за «соціалистическимъ строительствомъ», рѣшила замѣнить ихъ культурную работу — политической и употребить ихъ, какъ орудіе коллективизаціи деревни.

3 ноября 1927 г. ЦК коммунистической партіи «призналъ состояніе библіотечнаго дѣла неудовлетворительнымъ, рѣзко отстающимъ отъ культурнаго роста массъ рабочихъ и крестьянъ и отъ задачъ соціалистической реконструкціи народнаго хозяйства». Это заключеніе было объективно правильно. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли было признать удовлетворительнымъ такое положеніе, при которомъ одна сельская библіотека приходилась на 6 тысячъ квад. километровъ, на 148 населенныхъ пунктовъ и на 6.243 населенія? Можно ли было удовлетвориться тѣмъ, что на одного читателя приходилось полкниги, а въ деревнѣ одна пятая книги, и что изъ 100 жителей читали книги только пять человѣкъ? Притомъ изъ 1.000 книгъ (средній составъ сельской библіотеки) на обществовѣдѣніе приходилось только 207 и на сельское хозяйство только 190. Сѣть библіотекъ не росла, а сокращалась: въ 1925-6 было 15.176 библіотекъ, а въ 1927-8 — 14.507. Рабочихъ и крестьянъ было только 38% всего числа подписчиковъ. При недостаткѣ книгъ даже ликвидировавшимъ безграмотность предстоялъ скорый рецидивъ ея.

Каковъ же выводъ изъ всѣхъ этихъ данныхъ, оффиціально констатированныхъ? Московская конференція при Главполитпросвѣтѣ въ маѣ 1929 г. формулировала его такъ: «мыслимъ ли соціалистическій подъемъ при томъ уровнѣ знаній, который имѣется у рабочихъ массъ? *Конечно, нѣтъ*». А только что приведенное рѣшеніе партійнаго ЦК, 3 ноября 1927 г. постановило: «превратить библіотеки въ культурные центры, активно содѣйствующіе мобилизаціи массъ на выполненіе пятилѣтняго плана соціалистическаго строительства». При этомъ еще рѣшено: «очистить книжный составъ всѣхъ библіотекъ отъ идеологически-вредной, устарѣвшей и неподходящей къ данному типу библіотеки литературы». Эти «литературу» потомъ рѣшено было отослать на бумажныя фабрики. Наркомпросъ, во исполненіе этихъ рѣшеній ЦК, объявилъ, параллельно «культъ-походу» для ликвидаціи неграмотности, — особый «биб-походъ» для «превращенія библіотеки въ активнаго участника соціальнаго строительства». Библіотеки должны были пропагандировать «машинизацію сельскаго хозяйства, поднятіе урожайности, кооперированіе и коллективизацію». «Биб-походъ» начинался съ тѣмъ же настроеніемъ нервности, возроставшимъ по мѣрѣ сознанія собственнаго безсилія, какъ и «культ-походъ». Неожиданнымъ результатомъ изъятія «устарѣлой

и вредной литературы» было то, что «продолжала распространяться въ населеніи... контръ-революціонная литература!».

«Избы-читальни» — совсѣмъ новое и недавнее явленіе совѣтскаго періода. Онѣ, однако, обслуживаютъ населеніе въ еще меньшей степени, чѣмъ библіотеки. Притомъ, сѣть ихъ сокращалась: вмѣсто 16.371 избы-читальни въ РСФСР осталось въ 1928-9 г. только 12.957. Одна изба-читальня приходилась на 16.572 ч. населенія и на 6-7 сельсовѣтовъ — на пространствѣ, опредѣляемомъ радіусомъ въ 28,7 килом. «Красныхъ уголковъ» было больше, такъ какъ содержанія они не получали и работали въ порядкѣ «добровольной нагрузки». Въ 1927 г. было учтено 51.724 кружка всякаго рода при «избахъ-читальняхъ». Весь этотъ, довольно скудный аппаратъ, ЦК также рѣшилъ мобилизовать для «похода». Постановленіемъ 11 ноября 1929 г. было велѣно на помощь старымъ «избачамъ», которые оказались недостаточно дѣятельными или негодными для новой работы, избрать въ каждой избѣ Совѣтъ «культуполномоченныхъ» отъ всѣхъ населенныхъ пунктовъ ихъ района. Миссіей «избъ» и «уголковъ» должно было сдѣлаться тоже — прямое участіе «въ колхозномъ строительствѣ». «Каждая изба, каждый уголокъ» въ весеннюю кампанію 1930 г. обязаны были «организовать крупный колхозъ». Если они не съумѣютъ этого сдѣлать, — «значитъ такой избѣ-читальнѣ грошъ цѣна». Мало того, это будетъ сочтено за «проявленіе праваго уклона».

Приступъ къ осуществленію пятилѣтки вообще потребовалъ, ускоренія всяческихъ «темповъ» (стр. 926 сл.). Это отразилось и на повышеніи требованій совѣтской власти къ политпросвѣтительной сѣти. Услуги печати, какъ они ни были велики, теперь уже тоже кажутся недостаточными. 3 января 1930 г. Ц. К. партіи, «сигнализируя» недовыполненіе промышленнаго плана пятилѣтки за первый кварталъ (отчетный годъ начинается съ октября), обращается «ко всѣмъ партійнымъ, профессіональнымъ, комсомольскимъ и хозяйственнымъ организаціямъ» съ новыми внушеніями. «Ц. К. констатируетъ, что печать, какъ центральная, такъ и мѣстная, являющаяся сильнѣйшимъ оружіемъ въ рукахъ пролетарскаго государства, не выполняетъ задачи *конкретнаго* освѣщенія достиженій и недостатковъ промышленности, сельскаго хозяйства, транспорта, госторговли и кооперации, не выполняетъ задачи мобилизаціи усилій партіи и пролетаріата на ликвидацію недостатковъ въ работѣ хозяйственныхъ, профессіональныхъ и партійныхъ организацій». Въ чемъ же дѣло? Печать уже изобрѣла и пустила въ оборотъ двѣ новыя формы воздѣйствія сверху: «ударничество» и «соціалистическое соревнованіе». Но, оказывается, давъ толчокъ, она недостаточно слѣдила за выпол-

неніемъ данныхъ формально тѣмъ или другимъ предпріятіемъ, той или другой группой или даже отдѣльными лицами обязательствъ и заключенныхъ ими «договоровъ» на ускореніе темпа. Теперь требуется слѣдить изо дня въ день, стоять надъ душой у исполнителей. Недостаточной оказывается и прежняя система «рабкоровъ» и «селькоровъ». Они все еще придерживаются старыхъ темъ и устраняются отъ «разрѣшенія практическихъ задачъ сегодняшняго дня». Ни они, ни «низовыя газеты» не поспѣваютъ за очередными вопросами, за «поворотомъ профсоюзовъ лицомъ къ производству», за «шефствомъ предпріятій надъ совппаратомъ», чтобы выловить въ немъ «бюрократовъ», найти и искоренить «правый уклонъ». Прежнихъ обличеній для этого недостаточно: теперь примѣняется новая система «бригадъ» и «налетовъ». «Налеты» на редакціи газетъ; «налеты» на библіотеки и читальни; «налеты» на школы и фабрики: налеты повсюду, гдѣ можно обличить, подтянуть, «вычистить». И такъ — сверху до низу. Наверху комсомолъ «беретъ на буксиръ» профсоюзы и «организуетъ гнѣвъ рабочихъ противъ профсоюзныхъ бюрократовъ. Внизу грамотный беретъ «шефство» надъ неграмотнымъ, и крестьянинъ пишетъ «договоръ» объ «обученіи своей совершенно неграмотной жены втеченіе пяти мѣсяцевъ до 1 мая 1930 года». Для мобилизаціи книги съ библіотечной полки въ читательскую среду псковичи изобрѣтаютъ новую форму «самохода» книги, и новый пріемъ немедленно рекламируется для общаго пользованія. Но невозможно перечислить всѣхъ новыхъ способовъ добраться до самаго дна народной жизни, все взбудоражить, надо всѣмъ поставить надзоръ и контроль, — все это подъ постояннымъ прожекторомъ сверху, подъ непрерывными ударами центральнаго кнута, подъ угрозой отвѣта за недодѣланное и упущенное.

Нѣтъ надобности говорить, какую атмосферу создаетъ въ странѣ эта лихорадочная, безумная спѣшка. Переживаемыя въ Россіи времена иногда сравниваютъ съ Петровской реформой, а Сталина уподобляютъ Петру Великому. Конечно, пріемы тутъ одни и тѣ же: поскольку рѣчь идетъ о *пріемахъ* разница лишь въ силѣ и организованности государственнаго воздѣйствія тогда и теперь. Существенное различіе лишь въ томъ, какой цѣли эти пріемы служатъ. И тутъ, конечно, можно утверждать, что цѣль не можетъ быть признана негодной лишь потому, что она поставлена слишкомъ далеко и можетъ быть осуществлена въ данный моментъ только отчасти. Мы видѣли, что и въ петровской реформѣ далеко не все привилось сразу. Съ другой стороны, и въ достиженіяхъ совѣтской «культурной революціи» не все погибнетъ. Ростъ національнаго сознанія несомнѣненъ среди всей затѣянной кутюрьмы; безспорно и значеніе культурнаго

толчка, проникшаго въ такіе народные слои, куда до конца прошлаго столѣтія почти не заглядывалъ лучъ свѣта. Все это вѣрно. Но очевидна также и непропорціональность предпринятаго усилія съ непосредственно поставленной задачей. «Европеизацію» Петра иные склонны теперь считать такой же утопіей, какъ и «соціализацію» Сталина. Но едва-ли внѣ тѣснаго круга непосредственныхъ участниковъ и заинтересованныхъ можно спорить, что утопія «соціализаціи» въ данномъ случаѣ придвинута слишкомъ близко, и что *только* этой жаждой *немедленныхъ* достиженій — лицомъ къ лицу съ быстро возрастающимъ рискомъ неудачи — можетъ объясняться нервность, съ какой проводятся въ жизнь, — и пытаются сломать жизнь — «революціонные темпы». Мы во всякомъ случаѣ можемъ лишь повторить по поводу «политпросвѣтительной» дѣятельности совѣтской власти то же, что сказали выше относительно ея экспериментированія надъ школой. Создавшееся въ результатѣ безпримѣрнаго нажима сверху неустойчивое положеніе можетъ быть только временнымъ и не можетъ стать длительнымъ. Отпадетъ *случайное* въ историческомъ процессѣ; *неслучайное* останется.

О борьбѣ съ неграмотностью см. «Долой неграмотность», сборникъ статей, воспоминаній и матеріаловъ подъ общей редакціей **А. С. Курской** и **П. А. Сычева,** 1925. Пять лѣтъ борьбы съ неграмотностью (Всеросс. Чр. Комм. по ликвидаціи безграмотности). **Д. А. Бондаревъ,** Ликвидація безграмотности Гос. изд. 1929. **А. Ширяевъ,** На передовыхъ позиціяхъ культурной революціи, Госизд. 1930. Данныя переписей — населенія 17 дек. 1926 и школьной, 15 дек. 1927 см. въ Педагогической Энциклопедіи, подъ ред. А. Калашникова, при участіи **М. С. Эпштейна** М. 1929, томъ III-й. **Л. Римскій,** Люди культпохода («Библіотечка культармейца») Госизд. 1930.

О книжномъ производствѣ въ СССР. см. общій обзоръ *Georg Porschnew*, Das Buchwesen in der U. d. S. S. R., ein kurzer Abriss Госизд. 1927. **М. А. Вольфсонъ,** Пути совѣтской книги, Гос. Изд. 1929. **А. Луначарскій** и **А. Халатовъ,** Вопросы культурнаго строительства Р. С. Ф. С. Р., 1929. **Н. Ф. Яницкій,** Печатная продукція Р. С. Ф. С. Р. въ 192» г. и его другіе обзоры: «Печать Р. С. Ф. С. Р. въ 1922 г.», «Книга въ 1924 г. въ СССР.». Книжная продукція СССР. въ 1927 г. (Книжная Палата, 1930). Книжная торговля, пособіе для работниковъ книжнаго дѣла, подъ ред. **М. В. Муратова** и **Н. Н. Накорякова,** Гос. Изд. 1925 (особенно статьи Муратова и Поршнева). **Г. И. Поршнева,** Кризисы и затоваренность въ книжномъ дѣлѣ (IV-й выпускъ «Книгоиздательство и книготорговое дѣло» СССР. М. 1929. **И. Ингуловъ,** Партія и печать, Раб. просв. 1929. Лучшій общій обзоръ газетной дѣятельности въ СССР принадлежитъ *Justi*, Die Presse in

Soviet-Russland, 1930 (здѣсь затронута, очень объективно, и политическая сторона дѣла). **М. Браз** и **М. Гус,** Статья и фельетонъ, Опытъ пособія по газетной публицистикѣ, Раб. Пр. М. 1928. Вопросы культуры и просвѣщенія на XV съѣздѣ ВКП. Составилъ **А. Прут,** М. 1928.

Вопросъ объ изученіи отношеній между читателемъ и книгой имѣетъ длинную исторію. Піонеромъ этого дѣла слѣдуетъ признать **Н. А. Рубакина.** Главные труды Рубакина по теоріи библіологической психологіи: «Психологія читателя и книги. Краткое введеніе въ библіологическую психологію». Изд. 1929. *N. Roubakine,* Introduction à la jsychologie bibliologique (La psychologie de la création des livres, de leur distribution et circulation, de leur utilisation par les lecteurs, les écoles, les bibliottéques, les librairies etc. Théorie et pratique. Paris, Pavolotzky, 1922. 2 volumes. По прикладной библіологической психологіи: **Н. Рубакинъ,** Среди книгъ. Опытъ обзора русскихъ книжныхъ богатствъ въ связи съ исторіей научно-философскихъ и литературно-общественныхъ идей. Изд. 2-е, т. I. М. Изд. Наука 1911. **Его-же.** Практика самообразованія. Система самообразовательнаго чтенія примѣнительно къ личнымъ особенностямъ читателя. М. Изд. Наука, 2-е изд. 1922. **Его же.** Письма къ читателямъ о самообразованіи. Изд. 3-е, Группы русскихъ читателей. Нью-Іоркъ, 1928. «Библіо-психологія» представляетъ новое слово и для иностранцевъ. Допуская (подъ строгимъ контролемъ «экстраспекціи») «интроспекцію», библіо-психологическій методъ Рубакина отдѣляетъ себя и отъ «рефлексологіи» и отъ «бехевіоризма». Но онъ все же ищетъ объективной базы для эксперимента, и въ этомъ смыслѣ совпадаетъ съ тенденціями современно психологіи. L'Institut International de Psychologie bibliologique, гдѣ производится работа по принципамъ Рубакина, былъ открытъ въ 1916 году, въ Кларанѣ (теперь Лозаннѣ), какъ отдѣленіе: Institut J. J. Rousseau въ Женевѣ и Institut International de bibliographie въ Брюсселѣ. Изъ отчетовъ въ иностранной печати отмѣчу наиболѣе обстоятельные: проф. Ad. Ferrière въ Archives de Psychologie décembre 1916, tome XVI, N° 62 и *L. Turin* въ Psyche, avril, 1929, гдѣ излагается теорія Р. въ ея позднѣйшемъ видѣ. Популярныя книги Р. до сихъ поръ наиболѣе читаются въ той средѣ, для которой написаны. См., напр., отчетъ **Е. Виноградовой** въ «Красномъ Библіотекарѣ», 1925, № 4. Въ пяти предпріятіяхъ, пользовавшихся передвижными библіотеками, 50 книгъ Рубакина спрашивались въ отчетномъ году 610 разъ, тогда какъ даже Горькій, при такомъ же количествѣ книгъ, спрашивался 422 раза, Толстой при 40 книгахъ 305 разъ, Тургеневъ при 30-ти — 152, Достоевскій при 18-ти — 132, а Ленинъ при 25-ти — 146, Бухаринъ («Азбука Коммунизма») при 8-ми — 94, Демьянъ Бѣдный при 8-ми — 49). **Е. И. Хлѣбцевичъ,** Изученіе читательскихъ интересовъ, 2-е изд. Новая переработка, Госизд. 1927. **П. А. Павскій,** Новѣйшая психологія и библіотечная работа. М. 1924. Проф. **М. И. Куфаевъ,** Проблемы философіи книги,

Лен. 1924. **Его же.** Книга въ процессѣ общенія, 1927. Массовый читатель и книга, подъ ред. **Н. Д. Хлѣбникова,** М. 1925. **М. Смушковъ,** Первые итоги изученія читателя, Госизд. 1927. **Я. Шафиръ,** Очерки психологіи читателя, Госизд. 1927 и **его же,** Вопросы газетной культуры. Госизд. 1927. **Н. Фридьева** и **Д. Балина,** Изученіе читателя (опытъ методики). Главполитпросвѣт. «Долой Неграмотность», 1928. **Н. Заровнядный,** Библіотека и самообразованіе (сборникъ статей), Госизд. 1929. **Г. И. Поршневъ,** Этюды по книжному дѣлу, Госизд. 1929. Рядъ работъ по психологіи читателя изданы Бюро Заочнаго обученія при педагогическомъ факультетѣ 2 МГУ. Въ частности, годъ I, выпускъ V: «Элементы дифференціальной психологіи». М. 1929. Вып. VII-й. «Прикладная психологія» (М. 1929); вып. IX, «Элементы соціальной психологіи» (М. 1930). Всѣ подъ редакціей **К. Корнилова,** и сборникъ статей его «Психологія интереса въ связи съ вопросами книжно-библіотечной работы» 1931. «Въ походъ за библіотеку. Укрѣпимъ библіотечное дѣло». Сборникъ директивныхъ матеріаловъ. Госизд. 1929. **М. И. Слуховскій,** Газета въ библіотекѣ. Госизд. М. 1930. Культотдѣлъ ВЦСПС. Заочные курсы по переподготовкѣ библіотечныхъ работниковъ профсоюзныхъ библіотекъ. М. 1929. Изъ этой серіи отмѣчу: «Урокъ девятый. Культурно-просвѣтительная работа проф. союзовъ, ея задачи и содержаніе», сост. **И. Г. Лобовъ** и «Урокъ двѣнадцатый. Комплектованіе общественно-политическаго отдѣла въ библіотекахъ», сост. **А. Никуленко-Середа** и **С. А. Левинъ,** подъ ред. **А. А. Субботина.** Рядъ указаній темъ для агитаціи, съ библіографіей и провѣрочными вопросами. Разработка анкеты о чтеніи въ деревнѣ, см. у **М. Слуховскаго,** Книга въ деревнѣ, съ тщательно составленной «библіографіей изученія читателя и книги» (съ 1917 г.). Госизд. 1928. О новѣйшихъ методахъ и темпахъ политпросвѣтительной дѣятельности, см. **М. С. Голубевъ,** Политпросвѣтработа въ районахъ сплошной коллективизаціи и машинно-тракторныхъ станцій. Изба-читальня, Красный уголокъ и комсомольская ячейка въ весенней с. х. кампаніи. 1930. **В. Глазовъ,** Книга-Самоходъ въ деревнѣ, Раб. просв. 1930. **М. Вишневичъ** и **Д. Масляненко,** Печать на стройкѣ новой деревни, Прибой, 1930. **С. Володинъ,** Печать на новомъ этапѣ, Гос. Изд. 1930. **В. Арцишевскій, К. Благушинъ,** Военный строй въ школѣ, Раб. Просв. М. 1930.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Абсолютное пониманіе «духовнаго» начала и опредѣленіе «народной души» остаются внѣ задачи «Очерковъ». — Они не противополагаютъ также «культуры» — «цивилизаціи». — Они не соединяютъ «цивилизаціи» съ «упадкомъ». — Они не отдѣляютъ «интеллигенціи» качественно отъ народа. — Происхожденіе «разрыва» въ области вѣры. — Русская особенность «разрыва» — въ ограниченности вліянія церкви на культуру. — Послѣдствія этого въ творчествѣ. — Перспективы вліянія религіи. — Національное развитіе секуляризованной русской культуры въ высшемъ классѣ. — Процессъ демократизаціи культуры. — Перерывъ или продолженіе на границѣ XX вѣка? — Перерывъ или продолженіе въ СССР?

Второй томъ «Очерковъ» посвященъ развитію «духовной» стороны русской культуры. Это, однако, не значитъ, что мы даемъ понятію «духовнаго» тотъ смыслъ, который придаетъ ему значеніе абсолютнаго начала, выводящаго изслѣдователя за предѣлы познаваемаго міра. Мы остаемся и здѣсь въ рамкахъ доступнаго изслѣдователю эмпирическаго изученія. Защитники абсолютнаго значенія «духовнаго» могутъ помириться на томъ, что и въ ихъ пониманіи абсолютное и неизмѣняемое начало имѣетъ обращенную къ міру явленій сторону, въ которой его проявленіе допускаетъ примѣненіе понятій условности и эволюціи. Изучая, далѣе, «духовную» сторону развитія культуры *русскаго народа,* мы не имѣемъ претензіи опредѣлять сущность русской «народной души». Какъ и въ другихъ томахъ «Очерковъ», мы описываемъ здѣсь явленія, въ которыхъ общечеловѣческое и типически-русское очень тѣсно связано. Всѣ попытки раздѣлить ихъ до сихъ поръ кончались неудачей, ибо, прежде всего, не опирались на строго научный методъ, до сихъ поръ еще и не найденный для такого рода изслѣдованія. Мы охотно признаемъ, что и намъ эта задача была бы не подъ силу. Наконецъ, мы должны сдѣлать еще одну оговорку относительно смысла самаго процесса эволюціи, здѣсь описаннаго. Различныя *стадіи* этого про-

цесса — также какъ и единство процесса — получали разное освѣщеніе, смотря по философско-исторической или даже политической точкѣ зрѣнія изслѣдователя. Мы различаемъ въ процессѣ эволюціи стадію «органическую» и стадію «критическую» или, въ еще болѣе условномъ смыслѣ, стадію «стихійнаго» и стадію «сознательнаго» развитія. Но этимъ различеніемъ мы вовсе не думаемъ разрывать процесса на періоды, *качественно* различные, — и тѣмъ менѣе склонны основывать на немъ или связывать съ нимъ понятія мореально-этическія, какъ «прогрессъ» и «упадокъ», или понятіе философско-историческое — стадій фатальнаго круговорота исторіи. Между тѣмъ, самая терминологія «культуры» и «цивилизаціи» часто приспособлялась именно къ такого рода толкованіямъ. «Культура» есть, по преимуществу, германскій терминъ, близкій понятіямъ національнаго быта и національнаго духа. Въ романскихъ языкахъ употреблялся не совсѣмъ однозначный терминъ «цивилизація», подчеркивавшій элементъ динамическій въ процессѣ того же культурнаго развитія. Но несовпаденіемъ содержанія этихъ двухъ терминовъ воспользовались, чтобы *противоположить* ихъ другъ другу. «Культура» въ этомъ противоположеніи стала означать основную стихію, а «цивилизація» — конечный результатъ процесса. Затѣмъ, основа стала мыслиться, какъ нѣчто природное, конкретное, а результатъ процесса, какъ нѣчто искусственное и абстрактное. Наши славянофилы первые противоположили, затѣмъ, природное искусственному, какъ нѣчто положительное чему то отрицательному. Положительное, въ ихъ терминологіи, было «просвѣщеніе» народа (съ обычнымъ эпитетомъ «истинное»), а отрицательное — это была «образованность», въ смыслѣ пріобрѣтенія голыхъ знаній однимъ только *разсудочнымъ* процессомъ, въ противоположность *эмоціональной* природѣ основной стихіи. Ученіе Бергсона явилось желанной поддержкой для эпигоновъ славянофильства, а германскіе націоналисты, какъ Шпенглеръ, окончательно закрѣпили указанное противоположеніе, употребляя «культуру» въ смыслѣ эмоціональной основы народной жизни, а «цивилизацію» въ смыслѣ позднѣйшей искусственной, чисто разсудочной, нивеллирующей и вносящей начало увяданія и смерти надстройки. Для противниковъ современной «цивилизаціи» ея осужденіе во имя старой, исконной національной «культуры» и «быта» явилось чрезвычайно желательнымъ пріобрѣтеніемъ, и среди поколѣній интеллигенціи XX вѣка эта терминологія получила извѣстное распространеніе.

Эта исторія терминовъ и связанныхъ съ ними понятій заставляетъ насъ подчеркнуть, что противоположеніе «культуры» и «цивилизаціи» остается чуждо автору «очерковъ». Точнѣе говоря, мы при-

нимаемъ заключающійся въ немъ оттѣнокъ различія только, какъ соотвѣтствіе употреблявшемуся нами различенію «органической» и «критической» стадіи культурнаго развитія. Ничего уничижительнаго или отрицательнаго въ предполагаемой смѣнѣ коренной «культуры» позднѣйшей «цивилизаціей» мы не усматриваемъ и самую смѣну считаемъ закономѣрнымъ и необходимымъ плодомъ *всякаго* національнаго культурнаго развитія. Правда, такъ на него смотрѣли и нѣкоторые изъ противниковъ «цивилизаціи» (начиная съ Константина Леонтьева). Но изъ этой закономѣрности, которую они не могли отвергнуть, они лишь дѣлали выводъ о неизбѣжномъ упадкѣ каждаго народа, какъ только онъ достигнетъ стадіи «цивилизаціи». Этотъ упадокъ вытекалъ самъ собой изъ понятія *потери* цивилизованными народами ихъ культурной бытовой основы, выражавшей ихъ національный духъ и характеръ. Потеря эта связывалась и съ фактомъ внѣшнихъ культурныхъ вліяній, подражаній и заимствованій у чужихъ «культуръ». Въ итогѣ заимствованія должна была получаться нивеллировка и обезличеніе національнаго типа.

Читатель замѣтитъ, какъ эта терминологія помогала обновить — и рѣшить въ опредѣленномъ смыслѣ — старый русскій споръ о роли «интеллигенціи» и «заимствованія» въ нашей исторіи. Наша «культура» (и «бытъ») — это была культура допетровской Россіи. А наша «цивилизація» — это то наносное, изчужа заимствованное, что характеризуетъ петровскую интеллигенцію и знаменуетъ отрывъ ея отъ народной «культуры» или отъ народнаго «духа». Отъ старыхъ славянофиловъ до новѣйшихъ «евразійцевъ» въ этомъ отрывѣ усматривалось отклоненіе русской исторіи съ пути, который признавался «правильнымъ»; отсюда же вытекало и практическое требованіе — вернуться на этотъ путь, какъ единственный, на которомъ возможно общеніе интеллигенціи съ народомъ.

Наше пониманіе русскаго культурно-историческаго процесса существенно различно отъ вышеописаннаго. Не противополагая «культуры» «цивилизаціи», мы слѣдимъ въ этомъ процессѣ общій переходъ всего народнаго организма отъ стихійной или полусознательной стадіи существованія къ стадіи сознательнаго «культурнаго» или «цивилизованнаго» существованія. Фактъ «отрыва» на этомъ пути отъ некультурной массы культурнаго авангарда «интеллигенціи» есть, съ нашей точки зрѣнія, неизбѣжная переходная стадія процесса цивилизаціи, — стадія, вовсе не свойственная одной только Россіи. Въ Россіи только этотъ «отрывъ» получилъ особый характеръ, — и выяснить этотъ характеръ есть задача историка *русской* культуры. Но, принимаясь за это выясненіе, мы ни минуты не должны забывать, что рѣчь идетъ о національной особенности *общече-*

ловѣческаго процесса, а вовсе не о чемъ-то *исключительномъ и специфическомъ,* составляющемъ какое-то умаленіе нашего національнаго процесса передъ другими «цивилизованными» народами. Признать русскій народъ способнымъ къ «культурѣ» — и значитъ признать его способнымъ къ «цивилизаціи». Изученіе культурно-цивилизаціоннаго процесса русскаго народа въ его позднѣйшихъ стадіяхъ въ особенности способно излечить поклонниковъ «цивилизаціи» отъ излишняго самоуничиженія, а сторонниковъ «культуры» отъ излишняго превознесенія своего народа передъ другими. Первые найдутъ въ этой исторіи доказательства, что онъ не хуже, а вторые, что онъ и не лучше другихъ.

Что же даетъ второй томъ «Очерковъ русской культуры», для характеристики *особенностей* русскаго культурно-цивилизаціоннаго процесса?

Прежде всего, онъ констатируетъ, что у насъ въ Россіи культурный разрывъ между передовымъ отрядомъ интеллигенціи и народной массой произошелъ не въ области внѣшнихъ формъ жизни — и даже не въ области новыхъ критическихъ идей, принесенныхъ **изъ** заграницы, а ранѣе всего въ области вѣры. Отсюда онъ уже распространился на другія области духовной жизни. Снова оговоримся, что, констатируя этотъ фактъ, мы нисколько не думаемъ въ *немъ* именно находить какую нибудь спеціально-русскую особенность. Напротивъ, именно этимъ наблюденіемъ мы ставимъ русскій культурно-историческій процессъ въ параллель съ другими процессами и получаемъ возможность дѣлать между ними сопоставленія. Пока разрывъ русской интеллигенціи съ народомъ объяснялся изъ внѣшней необходимости догнать культурныя страны Европы или изъ правительственныхъ мѣропріятій геніальнаго царя - реформатора, до тѣхъ поръ этотъ разрывъ, дѣйствительно, могъ представляться какою то своеобразной и исключительной потребностью и особенностью русской жизни для «западниковъ» — и «предательствомъ» народа для «славянофиловъ». На дѣлѣ, вездѣ въ Европѣ тотъ же разрывъ міровоззрѣній имѣлъ мѣсто въ большей или меньшей степени, и повсюду онъ былъ вызванъ, и съ интеллектуальной, и съ эмоціональной стороны, перемѣнами въ состояніи вѣрованій. Сравненіе этого — *одного и того* же въ Европѣ и Россіи — процесса измѣненія вѣрованій можетъ дать болѣе надежную основу для того, чтобы выяснить индивидуальную физіономію, которую принялъ этотъ процессъ въ русской культурно-исторической обстановкѣ. Въ результатѣ такого сравненія мы, можетъ быть, найдемъ еще болѣе глубокое своеобразіе въ ходѣ нашего русскаго процесса, чѣмъ то, на которое, обыкновенно, указывали прежде. Это и немудрено, такъ какъ на этотъ разъ сво-

еобразіе явится продуктомъ не одной только случайной личной воли и не одного, навязаннаго судьбою, географическаго сосѣдства, а также, — и прежде всего, — продуктомъ тѣхъ внутреннихъ условій, матеріальныхъ и духовныхъ, въ которыхъ совершалось развитіе русской культуры.

Итакъ, то обстоятельство, *что* разрывъ совершился въ Россіи въ области вѣрованій, не составляетъ еще какого либо отличія ея отъ другихъ странъ. Отличіе заключается въ томъ, *какъ* разрывъ у насъ совершился.

Западно-европейская церковь съ первыхъ шаговъ своего существованія рѣшительно взяла въ свои руки духовно-нравственную реформу варварскаго общества, въ которомъ пришлось ей дѣйствовать. Реформу эту ей удалось провести такъ успѣшно, что къ исходу среднихъ вѣковъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ глухихъ угловъ, въ Европѣ не осталось и слѣдовъ стараго языческаго міровоззрѣнія. Правда, церковь и сама пострадала и загрязнилась во время этой черной работы; правда и то, что въ результатѣ ея дѣятельности получилось не чистое христіанство первыхъ вѣковъ, а какая то амальгама старыхъ и новыхъ вѣрованій. Но церковь сама шла на это; она предпочитала пустить въ оборотъ ввѣренныя ей идеи, съ рискомъ подвергнуть ихъ искаженіямъ, чѣмъ хранить ихъ неприкосновенными подъ крѣпкимъ запоромъ. Въ результатѣ, она вызвала въ обществѣ активное отношеніе къ теоретическимъ и нравственнымъ истинамъ вѣры. Въ итогѣ этой совмѣстной работы и получился новый продуктъ, не похожій ни на одинъ изъ своихъ ингредіентовъ. Не отдѣляя ученія отъ жизни, церковь, конечно, рисковала — какъ вѣрно замѣтили славянофилы — упустить изъ рукъ руководство жизнью. Вѣра становилась личнымъ дѣломъ и заботой каждаго. *Религія* выигрывала отъ этого въ той же степени, въ какой проигрывала *церковь*. Дальше — развитіе вѣрованій пошло различно, смотря по тому, какъ церковь отнеслась къ этой перемѣнѣ своего положенія. Въ романскихъ странахъ ей снова удалось овладѣть положеніемъ; въ германскихъ — она была унесена общимъ потокомъ. Въ обоихъ случаяхъ разрывъ со старыми вѣрованіями совершился безповоротно. Но, въ зависимости отъ отношенія церкви, тамъ и здѣсь этотъ разрывъ принялъ различный характеръ. Два главные типа европейской мысли и жизни — типъ англійскій и типъ французскій — нагляднѣе всего покажутъ намъ, какова могла быть дальнѣйшая роль церкви въ этомъ разрывѣ. Англичанинъ, національное чувство котораго всегда возмущалось противъ авторитета единой средневѣковой церкви, сбросилъ съ себя этотъ авторитетъ безъ большого сопротивленія со стороны англійскаго духовенства. Какъ только ему начало стано-

виться тѣсно и неловко въ старомъ церковномъ мундирѣ, онъ, по свойственной ему непривычкѣ стѣсняться, понатужился, и облекавшее его католическое одѣяніе расползлось по всѣмъ швамъ. Онъ не спѣшилъ, однако, скинуть этого одѣянія совершенно, довольствуясь тѣмъ, что имѣлъ теперь своего собственнаго національнаго Бога, къ которому мѣстныя власти могли обращаться непосредственно, безъ непрошеннаго вмѣшательства святѣйшаго отца въ Римѣ. Но новыми созданными имъ формами вѣры англичанинъ еще менѣе склоненъ былъ стѣсняться, чѣмъ прежними. Отказавшись отъ папы, онъ скоро повернулъ спину и королю, какъ главѣ церкви, и рѣшился самолично заняться собственнымъ спасеніемъ. При всякомъ поворотѣ собственной мысли въ сторону, при всякомъ движеніи ея впередъ, онъ добросовѣстно передѣлывалъ по новой мѣркѣ и тотъ церковный футляръ, въ которомъ должна была умѣщаться новая религіозная идея. При такой гибкости религіозныхъ формъ, при такой ихъ податливости, къ чему ему было ссориться съ религіей или выбрасывать ее за бортъ? Вотъ почему, десятки разъ перемѣнившись въ своихъ внѣшнихъ очертаніяхъ и въ своемъ внутреннемъ содержаніи, религія до сихъ поръ сохранила свою власть надъ представителями британской націи, и Англія представляетъ удивительный примѣръ страны, въ которой — нельзя сказать, чтобы вовсе не было разрыва духовной традиціи, — но разрывъ этотъ совершался съ методической постепенностью и, въ огромномъ большинствѣ, не вышелъ еще изъ рамокъ вѣроисповѣдныхъ споровъ. По этой причинѣ англичанинъ до сихъ поръ ухитряется мирить самыя новѣйшія пріобрѣтенія мысли и знанія съ своимъ религіознымъ міросозерцаніемъ и всегда готовъ воспользоваться самыми антирелигіозными воззрѣніями для проясненія и дальнѣйшаго развитія своей личной вѣры.

Совсѣмъ иное встрѣчаемъ въ религіозной исторіи Франціи. Старый религіозный костюмъ оказался здѣсь сшитымъ изъ крѣпкой матеріи, и когда новому европейскому духу стало въ немъ тѣсно, всѣ усилія освободиться отъ этого костюма оказались тщетными. Церковь отказалась здѣсь слѣдовать за ростомъ человѣческаго духа. Поэтому, свободная свѣтская мысль принуждена была прикрываться старыми рамками въ своей новой работѣ: ей не было дано возможности облечь новаго содержанія въ новыя формы съ той положительностью и добросовѣстностью, съ какою могъ это сдѣлать британскій геній. Одно это условіе должно было пріучить французскую мысль къ обходамъ и увертками, отклонить ее отъ положительной, творческой работы къ отрицательной, критической и отравить ея отношенія къ старому міровоззрѣнію дней ея юности. Вотъ почему, когда долго копившееся раздраженіе прорвалось, наконецъ, наружу, когда на-

ступилъ моментъ рѣшительнаго разрыва, философская и публицистическая мысль Франціи сразу покончила съ прошлымъ и могла относиться къ нему только съ ненавистью и насмѣшкой. Времена Вольтера, конечно, давно прошли, но и въ наше время часто французскій школьникъ съ удивленіемъ смотритъ на своего товарища, идущаго въ церковь, и отмѣчаетъ эти рѣдкіе экземпляры насмѣшливымъ прозвищемъ. Господство стараго міровоззрѣнія надъ образованнымъ обществомъ составляетъ уже такое отдаленное и неясное преданіе, что интеллигентные снобы могутъ свободно идеализировать это міровоззрѣніе и безнаказанно мечтать о его реставраціи.

Не трудно понять послѣ всего этого, почему образованный англичанинъ до сихъ поръ любитъ свою религію, и почему образованный французъ иногда до сихъ поръ ее ненавидитъ, а иногда, — что еще хуже, потому что еще дальше отодвигаетъ ее въ прошлое, — мечтаетъ о ней, какъ о своего рода потерянномъ раѣ. Всякому извѣстно, что образованный русскій, въ большинствѣ случаевъ, относится къ своей вѣрѣ совершенно безразлично. За это его очень часто и сильно бранятъ. Но вина и на этотъ разъ, если нужно искать виновнаго, лежитъ не на немъ, а на исторіи. Намъ говорятъ, что онъ измѣнилъ своей исторіи и потому сталъ индифферентистомъ. Мы находимъ, напротивъ, что въ этомъ отношеніи онъ остался совершенно вѣренъ всему ходу русской исторіи.

Мы показали въ первой части этого тома, что русская церковь въ первые вѣка своего существованія была слишкомъ слаба по составу своихъ представителей, чтобы принять на себя задачу, которую западная церковь выполнила относительно средневѣкового общества. Вліяніе церкви на немногихъ представителей высшаго класса, отмѣченное лѣтописями, не опровергаетъ этого общаго заключенія. Послѣдствіемъ слабаго воздѣйствія на общество было то, что языческая русская старина надолго осталась неприкосновенною и втеченіе вѣковъ мирно уживалась рядомъ съ оффиціальными *формами* новой вѣры. Продолжительность этого періода *двоевѣрія,* несомнѣнно, составляетъ одну изъ особенностей русской культурной исторіи. Представители церкви были, конечно, тутъ ни въ чемъ не виноваты; они сами были членами того общества, на которое должны были дѣйствовать. Но, какъ бы то ни было, и у насъ, наконецъ, новая вѣра начала производить свое дѣйствіе на общество, — прежде всего, естественно, на болѣе подготовленную часть его, — на тогдашнюю «интеллигенцію». Произошло это довольно поздно, — не раньше конца XV столѣтія. Дѣйствіе вѣры, при этомъ, только и могло быть такимъ, какою стала сама вѣра въ русской средѣ. Въ обществѣ, которое должно было еще пріучиться хотя бы къ соблюденію

внѣшнихъ формъ религіозности, вѣра должна была пріобрѣсти характеръ обрядоваго формализма, ритуализма. Въ этомъ направленіи и начала работать интеллигентная русская мысль XVI вѣка. Результаты ея работы были, несомнѣнно, оригинальны, но скоро оказались неправильны. Представители русской церкви, съ помощью своихъ иностранныхъ (греческихъ) руководителей, скоро открыли, что эти результаты есть плодъ *своей,* мѣстной русской работы. Они нашли, что національная работа религіозной мысли стоитъ въ явномъ противорѣчіи съ вселенскимъ преданіемъ. Въ результатѣ, *этого рода* работа была осуждена и должна была немедленно прекратиться. А къ другого рода дѣятельности въ области религіи тогдашнее общество было еще неспособно, — да и вообще *дѣятельному* отношенію къ дѣламъ вѣры сама власть поставила очень узкіе предѣлы. Такимъ образомъ, церковь лишила общественную мысль ея кровнаго достоянія, которое она только что привыкла считать единственно вѣрнымъ и спасительнымъ, — и ничего доступнаго для массы не давала взамѣнъ.

Но работу національной мысли остановить было нельзя. Отвергнутая церковью, она продолжалась внѣ церковной ограды; лишенная свѣта, она велась во тьмѣ; преслѣдуемая, она производилась тайно. Въ XVII вѣкѣ плоды этой религіозной работы перешли изъ тогдашнихъ культурныхъ слоевъ къ народу — и вызвали въ народной массѣ такое оживленіе религіознаго чувства, подобнаго которому до тѣхъ поръ на Руси не было. Это былъ всегдашній естественный путь, какимъ культурныя завоеванія интеллигенціи переходятъ къ массамъ. Но для передовой интеллигенціи и церкви XVII в. этотъ запасъ «культурнаго» религіознаго одушевленія пропалъ даромъ. Церковь уже опередила массы въ культурномъ процессѣ. Наученная опытомъ, она крѣпко берегла свое добро. Это было ей теперь и нетрудно, такъ какъ никто на него больше не посягалъ. Большинство паствы, заинтересованной въ живой работѣ религіозной мысли, ушло теперь совсѣмъ изъ церковной ограды. Изъ оставшихся не всѣ, конечно, были равнодушны къ духовнымъ запросамъ. Но религія въ числѣ этихъ запросовъ уже не занимала у нихъ перваго мѣста. Къ началу XVIII в. этотъ процессъ перваго національнаго «разрыва» уже приходилъ къ концу, и активная роль въ немъ скорѣе принадлежала низамъ, чѣмъ верхамъ общества. *Формально,* побѣждала «культура», при содѣйствіи «цивилизовавшейся» власти. *Фактически,* побѣда оставалась за успѣвшей сложиться духовной *традиціей.*

Измѣнившіяся такимъ образомъ условія должны были отозваться и на положеніи самой церкви. Разорвавшая съ своимъ недавнимъ прошлымъ и покинутая массами, она лишила себя въ

настоящемъ своей внутренней силы. Оставленная съ своими притязаніями лицомъ къ лицу съ могущественной государственной властью и находившая лишь слабую поддержку со стороны паствы, русская церковь должна была подчиниться требованіямъ власти и вошла въ рамки другихъ государственныхъ учрежденій. Тогдашніе вожди церкви приняли эту перемѣну не только добровольно, но и охотно: она обезпечивала имъ сохраненіе исключительно охранительнаго характера церкви и освобождала отъ непосильной для нихъ обязанности руководить духовной жизнью страны. Жизнь эта развивалась своимъ чередомъ — такъ же самостоятельно, какъ началась въ XVI-XVII вѣкѣ. Со ступени на ступень, народная вѣра прошла въ слѣдующіе два вѣка цѣлый рядъ фазисовъ развитія, тѣхъ же, что повсюду. Мы слѣдили за этимъ развитіемъ въ исторіи русскаго сектантства. Мы видѣли, какъ въ процессѣ эволюціи сектъ народная мысль искала одухотворенія вѣры, а народное чувство успокаивалось на примитивныхъ формахъ мистицизма. Но власть мало интересовалась этимъ процессомъ развитія народной вѣры и немного о немъ знала; а церковь, не проникшаяся духомъ прозелитизма, дѣйствовала по отношенію къ народной вѣрѣ только, какъ органъ правительственнаго надзора. Этому состоянію церкви вполнѣ соотвѣтствовалъ низкій умственный и нравственный уровень пастырей, превращенныхъ въ чиновниковъ духовнаго вѣдомства, и стаціонарное состояніе ученія вѣры, запертаго въ стѣны духовной школы и довольствовавшагося пережевываніемъ полемическихъ аргументовъ западнаго богословія. Мы видѣли, какъ медленно измѣнялись эти условія внутренней жизни господствующей церкви отъ XV до конца XVIII столѣтія; мы видѣли и ихъ пережитки въ XIX столѣтіи.

Судьба русской вѣры опредѣлила собой и судьбу русскаго творчества. На Западѣ церковь, всколыхнувши народное чувство, заставила работать народную фантазію въ новомъ направленіи. Христіанская поэзія вскорѣ вытѣснила языческую и создала свои собственные шедевры; христіанская архитектура смѣло принялась за рѣшеніе новыхъ задачъ; христіанская живопись и скульптура вложили въ свои произведенія богатство и силу чувства, совершенно неизвѣстныя античному искусству; наконецъ, и христіанская музыка принялась искать новыхъ путей для выраженія религіознаго настроенія. Перемѣны въ вѣрованіяхъ вызвали и перемѣну взглядовъ на задачи искусства; здѣсь, какъ вездѣ, эволюція шла въ направленіи секуляризаціи искусства. Но и съ измѣнившимися взглядами искусство долго продолжало служить цѣлямъ старой религіи, заставляя и *новаго* человѣка *въ ней* по прежнему искать удовлетворенія своихъ душевныхъ стремленій. Когда, наконецъ, искусство окончательно

вышло изъ-подъ опеки церкви, ему уже не было надобности мѣняться: оно уже давно стало свѣтскимъ. Только идеалъ религіозный замѣнился идеаломъ этическимъ, — не вполнѣ чуждымъ прежнему. У насъ, какъ показали «Очерки», первые значительные успѣхи вѣры въ XVI столѣтіи тоже сопровождались творческой работой фантазіи. Христіанская легенда впервые начала конкуррировать съ продуктами стараго народнаго творчества. Архитектура, оставивъ простое подражаніе, пробовала по-своему разрабатывать чисто-національныя формы. Въ иконографіи появились ранніе признаки стремленія къ «живству». Но все это національное творчество, какъ и національныя формы вѣры, были оставлены позади «оторвавшейся» отъ нихъ въ процессѣ *своего* культурнаго развитія церковью. Она подвергла плоды національнаго творчества строгому осужденію. Самостоятельное національное развитіе творчества было остановлено въ самомъ зародышѣ. Такимъ образомъ, церковь не только не дѣйствовала у насъ поощряющимъ образомъ на работу религіознаго творчества, но, напротивъ, отнеслась къ первымъ плодамъ этой работы подозрительно, какъ къ чему то или черезчуръ примитивному, или чужому, — во всякомъ случаѣ, чему то искажающему чистоту ея собственнаго ученія. Дальнѣйшее развитіе творчества *на религіозной почвѣ,* какъ и развитіе національной вѣры, совершалось только контрабандой, — преимущественно среди оппозиціонныхъ, мало-интеллигентныхъ теченій народной религіозной мысли. Христіанская поэзія превратилась въ раскольничій стихъ и на этомъ остановилась. Въ архитектурѣ и иконописи фантазія художника ограничена была самыми тѣсными предѣлами. Въ лучшемъ случаѣ она должна была довольствоваться компромиссомъ между новыми влеченіями и преданіями старины — греческой, а не русской. Искусство потеряло свою публику, какъ церковь — паству; втеченіе всего XVIII столѣтія оно продолжало работать только для условныхъ потребностей комфорта, какъ церковь — для условныхъ потребностей школы. *Особенности* русской жизни и мысли ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ долго не находили возможности обнаружиться. Естественно, что и тогда, когда, послѣ долгаго промежутка, самостоятельное русское искусство возникло вновь, оно не могло опереться ни на какую историческую традицію. Смѣло и рѣшительно оно пошло навстрѣчу новымъ требованіямъ русской интеллигенціи. Начавши свое развитіе опять съ начала, съ перехода отъ слѣпого подражанія къ примитиву, оно удивило постороннихъ наблюдателей варварской силой и свѣжестью своихъ впечатлѣній. Но это произошло уже послѣ новаго историческаго «отрыва»: отрыва ушедшаго впередъ культурнаго общества отъ испугавшейся и пытавшейся опереться на утерянную національную традицію власти.

Наконецъ, въ самой тѣсной зависимости — хотя чисто отрицательной — отъ исторіи русской вѣры стоитъ и исторія дореформенной русской школы. Принявшись за христіанское воспитаніе общества, западная церковь прежде всего употребила для этого школу, какъ самое сильное средство общественнаго образованія. Много столѣтій западная школа находилась исключительно въ духовныхъ рукахъ. Когда, наконецъ, западное государство включило въ число своихъ задачъ народное просвѣщеніе, оно нашло поле дѣйствія уже занятымъ. Употребивъ всѣ усилія на борьбу съ клерикальной школой, оно и до сихъ поръ еще не достигло въ полной мѣрѣ цѣли, которую себѣ поставило. Эта традиціонная независимость школы отъ государства имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что государство поневолѣ научилось цѣнить самостоятельность школы. Разъ установившись, это отношеніе пережило періодъ господства церкви надъ школой: оно превратилось изъ уваженія къ самостоятельности церкви въ уваженіе къ независимости науки.

У насъ, какъ мы знаемъ, церковь, въ періодъ своего преобладанія въ духовной жизни страны, оказалась не въ состояніи устроить школу — не только для распространенія знаній въ обществѣ, но даже и для поддержанія знаній въ своей собственной средѣ. Въ результатѣ, знанія проникали въ общество помимо школы. На первый разъ, въ XVI вѣкѣ, это были знанія, одобренныя церковью и почерпнутыя изъ благонадежнаго византійскаго источника. Но такими знаніями, восходившими къ IV-X вѣку нашей эры, общество не могло удовлетвориться. Еще въ томъ же XVI вѣкѣ стали проникать на Русь обрывки средневѣковой науки XI-XIII столѣтія. Послѣ тщетнаго и безсильнаго сопротивленія сами представители церкви подчинились понемногу вліянію этой, тогда уже устарѣвшей на Западѣ, науки. Ученѣйшіе изъ нихъ принялись хлопотать объ устройствѣ въ Россіи школы по средневѣковому образцу. Мы прослѣдили судьбу этихъ безплодныхъ хлопотъ, мы видѣли упорную борьбу московскаго большинства противъ включенія въ школу «свободныхъ искусствъ», а потомъ и противъ ея преподавателей, хотя и прошедшихъ черезъ двойную цензуру греческаго патріарха и московскаго школьнаго устава.

Критикуя и не предлагая ничего положительнаго со своей стороны, господствующая партія дождалась, наконецъ, того времени, когда школа понадобилась государству. Приступивъ къ устройству *своей* школы, государство уже не встрѣтило конкуррента въ лицѣ церкви. Напротивъ, по его же настоянію и церковная администрація завела первыя свои духовныя школы. На первыхъ порахъ государственная власть готова была передать въ духовное вѣдомство и свѣтскія школы. Но церковь, какъ и общество, смотрѣла на школу, какъ

на государственную повинность. При этихъ условіяхъ, школа съ самаго начала своего существованія стала у насъ вдвойнѣ правительственной: по своему происхожденію и по своему назначенію. Школа готовила или для школы же, или для службы. Дворяне до освобожденія отъ обязательной службы, т. е. до второй половины XVIII вѣка, духовенство и крестьяне до крестьянской эманципаціи 1861 года — привлекались къ посѣщенію школы насильно. Для своихъ собственныхъ цѣлей тѣ и другіе предпочитали пользоваться услугами частныхъ учителей и посылать своихъ дѣтей въ частную школу. Правительство съ конца XVIII в. вступило въ борьбу съ частной школой, подчинило ее къ серединѣ XIX в. своей регламентаціи и, въ концѣ концовъ, заставило, въ выгодахъ службы, предпочесть казенную школу частной. Такимъ образомъ, общественное образованіе сосредоточилось вполнѣ въ рукахъ государственной власти. Но здѣсь она натолкнулась на *активное* отношеніе самого общества къ школѣ и, вмѣсто содѣйствія обществу въ просвѣщеніи Россіи, вступила съ нимъ въ продолжительную и постепенно обострявшуюся борьбу. Частыя реформы школы въ XIX столѣтіи показали намъ, что результаты школьнаго преподаванія, вопреки всѣмъ стѣснительнымъ мѣрамъ, все таки оказались подозрительны и совсѣмъ не соотвѣтствовали намѣреніямъ государственной власти. Но при этомъ государству приходилось бороться не съ клерикализмомъ. Оно, напротивъ, совершенно основательно находило, что воспитательное вліяніе церкви входитъ слишкомъ слабымъ элементомъ въ составъ нашего общественнаго воспитанія. Къ большому удивленію иностранцевъ, правительство усердно старалось у насъ создать государственными средствами клерикальную школу, которой не создала наша прошлая исторія. Но, пока продолжали существовать извѣстныя намъ причины ея неуспѣха въ прошломъ, нельзя было ожидать успѣха этой школы и въ настоящемъ. Русская жизнь и *въ прошломъ* была не слишкомъ много, а слишкомъ *мало* проникнута началами вѣры. Но прошлаго не воротишь. Чаадаевъ совѣтовалъ когда то попробовать на Россіи средство, оказавшееся плодотворнымъ въ Европѣ — культурное вліяніе католицизма и для этого начать сначала всю нашу исторію. Совѣтъ, разумѣется, совершенно непримѣнимый. Если бы русское сектантство развивалось не внѣ, а внутри церковной ограды, то религія въ *этой* формѣ могла бы имѣть то же воспитательное дѣйствіе на массы, какое имѣлъ на Западѣ протестантизмъ. *Этого рода* вліяніе религіи у насъ еще возможно. Но пока нѣтъ серьезныхъ основаній быть увѣреннымъ, что религіозное развитіе всей массы пойдетъ именно этимъ путемъ. По крайней мѣрѣ мы видѣли, что тотъ послѣдній періодъ, когда господствующая религія *могла* использовать полученную

ею свободу для самостоятельнаго развитія, остался неиспользованнымъ. А затѣмъ небывалое насиліе надъ религіозными вѣрованіями народа вызвало реакцію, неблагопріятную для развитія свободныхъ формъ вѣры.

Сдѣланный нами обзоръ процессовъ медленной, но неизбѣжной русской секуляризаціи приводитъ насъ къ высказанному выше заключенію, что разница въ характерѣ разрыва русскаго и европейскаго общества съ ихъ прошлымъ болѣе всего объясняется различіемъ въ культурной роли ихъ вѣры. Повторимъ еще разъ: британская религія возростила и воспитала британскую мысль и сама вмѣстѣ съ ней выросла: вотъ секретъ господства религіозныхъ идей надъ умомъ даже современнаго британца. Французская религія, напротивъ сдѣлала всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать развитію современнаго научнаго и философскаго духа; отсюда враждебное отношеніе къ ней француза. Что касается русской религіи, она не имѣла возможности сдѣлать ни того, ни другого. Она не возбуждала мысли къ дѣятельности и — съ XVIII вѣка, когда критическая мысль пробудилась у насъ — уже не преслѣдовала ее инквизиціонными трибуналами. Вотъ почему отношеніе интеллигентнаго русскаго къ религіи до послѣдняго времени, за отмѣченными въ текстѣ исключеніями, которыя пока далеко не стали правиломъ, осталось такимъ, какимъ создала это отношеніе исторія, — безразличнымъ.

Есть, правда, какъ мы видѣли, теченіе внутри самого православія, которое полагаетъ, что религіозное ученіе этой формы церкви вполнѣ совмѣстимо съ началами свободы. Этотъ взглядъ, однако, противорѣчитъ всей прошлой исторіи. Если бы въ будущемъ онъ оказался вѣрнымъ, то это означало бы только, что самое православіе получило новый видъ, неизвѣстный въ прошломъ, т. е. сдѣлалось бы изъ ритуальной религіи религіей духовной. Естественно, что всѣ попытки этого рода (мы видѣли примѣръ тому въ собесѣдованіяхъ Мережковскихъ) неизбѣжно наталкивались на сопротивленіе оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ защитниковъ церковной традиціи. Въ послѣднемъ счетѣ, сопротивленіе такому превращенію было бы оказано не столько высшимъ авторитетомъ православной церкви, который даже и послѣ возстановленія патріаршества не получилъ характера возведенной въ догму непогрѣшимости, — и не столько авторитетомъ государства, которое, надо думать, не вернется больше къ дореволюціонному покровительству церкви и религіи, какъ орудію собственной политики, — сколько, больше всего, неподготовленностью и косностью народной массы. Можно предвидѣть, конечно, поднятіе ея культурнаго уровня, — и болѣе, чѣмъ вѣроятно, что мы присутствуемъ при развитіи этого процесса, начавшагося еще до революціи.

Но въ настоящее время дѣлать опредѣленныя предсказанія на случай, если эта предпосылка станетъ совершившимся фактомъ, было бы преждевременно. Всѣ построенія, основанныя на предположеніи развитія свободныхъ формъ вѣры въ предѣлахъ православнаго ученія, какъ мы видѣли, принадлежатъ интеллигентамъ, собственное отношеніе которыхъ къ церковной традиціи, по меньшей мѣрѣ, остается невыясненнымъ, а для оффиціальныхъ представителей церкви — подозрительнымъ.

Предыдущія изданія второго тома «Очерковъ» дѣлали своимъ центромъ тяжести именно изученіе вліянія церкви на разныя стороны національной русской культуры. *Секуляризація* была, такъ сказать, пограничной чертой этой стадіи культурнаго процесса. То, что произошло *послѣ* достиженія этой черты, излагалось сравнительно кратко. Это распредѣленіе матеріала давало возможность показать внутреннюю неизбѣжность постепенной европеизаціи русской культуры. Нашъ основной тезисъ, что европеизація лежитъ въ существѣ саморазвивающагося процесса, а не противорѣчитъ ему, былъ, такимъ образомъ, достаточно иллюстрированъ. Но оставалась неразвитой другая половина тезиса: роль иностранныхъ заимствованій въ созданіи національной культуры. Въ тѣ годы, когда закладывались основы славянофильства, національную культуру еще можно было отожествлять съ допетровской народной культурой, или отрицать вовсе, поскольку рѣчь шла о высшемъ, образованномъ классѣ, подвергшемся иностранному культурному вліянію. Но уже въ то время, въ поколѣніи Пушкина и Глинки, національное творчество, прерванное реформой Петра, достигло разультатовъ, несомнѣнно національно-своеобразныхъ и въ то же время шедшихъ въ уровень съ культурными достиженіями Европы. Тезисъ о мертвенности и механичности заимствованія, о его ядовитомъ дыханіи, убивающемъ національную культуру, получилъ фактическое опроверженіе и становился анахронизмомъ. Тѣмъ болѣе яркимъ опроверженіемъ должно было служить послѣдующее, уже вполнѣ самостоятельное развитіе русскаго духовнаго творчества. Съ другой стороны, новыя изслѣдованія показали, что и въ предшествовавшемъ періодѣ XVIII вѣка, который считался чисто-подражательнымъ, уже пробивались ростки самостоятельнаго національнаго творчества.

Тѣ и другія явленія должны были быть приняты во вниманіе историкомъ русской культуры. Настоящее изданіе «Очерковъ» отводитъ имъ надлежащее мѣсто. Періодъ «инкубаціи» новой русской культуры, хотя и ограниченной дворомъ и ближайшими къ нему кругами въ XVIII в., такъ же какъ и періодъ полнаго расцвѣта самостоятельной національной культуры, который мы имѣли право назвать

«классическимъ» періодомъ и длительность котораго измѣряется шестью-семью десятилѣтіями XIX вѣка (1820-1890), изложенъ здѣсь гораздо подробнѣе, чѣмъ въ прежнихъ изданіяхъ. Мы отмѣтили также, что національное творчество классическаго періода развивается въ обстановкѣ сравнительной изоляціи отъ новыхъ европейскихъ вліяній, чѣмъ уже формально подчеркивается его самостоятельность. Мы указали также, что, когда, на рубежѣ новаго столѣтія, эта изолящія прекратилась, русское творчество вступило въ общеніе съ міромъ, какъ равноправное, и уже смогло само оказать вліяніе на чужія культуры.

Оставалась другая сторона стараго тезиса: оторванность этой культуры отъ народа, какъ бы подтверждавшая ея искусственность и тепличность. Уже по теоретическимъ соображеніямъ нельзя было раздѣлять и этого мнѣнія. Высшая культурность привилегированнаго класса есть общее явленіе для всѣхъ способныхъ къ культурѣ народовъ, и нельзя отрицать за культурнымъ творчествомъ въ предѣлахъ этого класса значеніе *національнаго* творчества. Но дѣло въ томъ, что и фактически привилегированный классъ есть лишь временный творецъ и хранитель національной культуры, передающій плоды своего творчества слѣдующимъ за нимъ соціальнымъ слоямъ. Съ этой точки чрезвычайно важно было освѣтить, насколько позволяютъ источники, самый процессъ этой передачи. Это также сдѣлано въ настоящемъ изданіи.

Передача культурныхъ пріобрѣтеній отъ интеллигенціи народу, сверху внизъ становится тѣмъ возможнѣе и легче, чѣмъ быстрѣе поднимается культурный уровень массъ. Главнымъ орудіемъ этого подъема является школа. Однако, мы уже видѣли, при какихъ неблагопріятныхъ условіяхъ развивалось въ Россіи вліяніе школы*). Сперва оно навязывалось неподготовленной массѣ сверху, для практическихъ цѣлей правительства и для нуждъ государства. А когда сами массы почувствовали потребность въ школѣ для цѣлей собственнаго просвѣщенія, потребность эта вызвала сверху борьбу противъ ея удовлетворенія. Съ этой борьбой настоящее изданіе также подробнѣе знакомитъ читателя, чѣмъ предыдущія. Но, главное, что является новостью этого изданія, — это выясненіе тѣхъ путей, которыми ли-

*) При теперешнемъ распредѣленіи матеріала «Очерковъ» — очеркъ седьмой — о школѣ — долженъ бы былъ стоять впереди очерка, посвященнаго литературѣ и искусству. Такой порядокъ изложенія болѣе соотвѣтствовалъ бы перенесенію центра тяжести «Очерковъ» на періодъ развитія секуляризованной культуры. Читатель, который ознакомится съ «Заключеніемъ» ранѣе прочтенія всего тома, лучше всего сдѣлаетъ, если будетъ читать его въ этомъ порядкѣ.

шенныя школы массы добивались своей цѣли. Пути внѣшкольнаго просвѣщенія, постепенный подъемъ культурнаго уровня массы, расширеніе круга потребителей творчества высшаго класса, появленіе собственнаго творчества, удовлетворявшаго вкусамъ массы, наконецъ, выдѣленіе изъ массъ собственной интеллигенціи — всѣ эти явленія *демократизаціи культуры* получили свое освѣщеніе въ настоящемъ изданіи.

Наряду съ выходомъ культуры изъ тѣсныхъ рамокъ прежняго культурнаго класса, нужно было указать также и на явленія распаденія этого класса. Это заставило насъ подробнѣе остановиться на періодѣ послѣ крестьянскаго освобожденія, когда уже формально были раздвинуты рамки русской культуры. Появленіе разночинца въ литературѣ, прогрессивныхъ тенденцій въ созданной впервые народной (земской) школѣ, быстрый ростъ внѣшкольнаго чтенія — въ результатѣ просвѣтительной дѣятельности разночинной интеллигенціи, всѣ эти явленія первостепенной важности должны быть по праву введены въ исторію русской культуры.

На самомъ рубежѣ XIX и XX столѣтія мы присутствуемъ, однако, при явленіи, повидимому, регрессивнаго характера. На верхахъ культурнаго класса, успѣвшаго къ этому времени измѣнить свой соціальный составъ, появляются кружки, непосредственно связанныя съ современными европейскими теченіями, культивирующіе утонченныя формы творчества. По самому существу этихъ теченій «конца вѣка» они ведутъ къ новому отрыву отъ пониманія широкихъ массъ и замыкаются въ тѣсные салоны посвященныхъ. Мы указали на непродолжительность и непрочность этого исторически неизбѣжнаго эпизода въ общемъ культурномъ процессѣ. Самый процессъ, въ своемъ цѣломъ, не измѣнилъ своей основной линіи — или къ ней вернулся. Слѣдуетъ указать, конечно, и на положительную сторону этого явленія. Можно найти ее въ расширеніи предметовъ и темъ національнаго творчества, въ нѣкоторыхъ попыткахъ обновить языкъ — не только манерностью символизма, но и непосредственнымъ контактомъ съ массовой рѣчью, наконецъ, въ новыхъ религіозныхъ стремленіяхъ, пытавшихся сомкнуться съ формами народной вѣры и найти выходъ изъ неподвижности ортодоксальнаго догматизма и церковничества. Попытки эти, правда, не засыпали пропасти ни между интеллигенціей и церковью, ни между интеллигенціей и народомъ. Но какъ первый рѣшительный шагъ въ томъ направленіи, по которому должна пойти дальнѣйшая національная европеизація (читатель «Очерковъ» пойметъ сопоставленіе этихъ терминовъ, считавшихся противорѣчивыми), эти попытки заслуживали быть внесенными въ историческій инвентарь русской культуры.

О значеніи внесенныхъ въ «Очерки» отдѣловъ, рисующихъ судьбу русской культуры въ совѣтской Россіи, было сказано въ предисловіи къ первой части второго тома. Подчеркну лишь, что, при всей враждебности власти къ демократизаціи культуры, она не только не могла положить препятствія этой демократизаціи, но, напротивъ, невольно открыла для нея пути, невѣдомыя старому режиму. Независимо отъ желаній этой власти, процессъ пріобщенія массъ къ культурѣ — не въ смыслѣ временныхъ хозяевъ Россіи, а въ смыслѣ продолженія описаннаго въ «Очеркахъ» вѣкового процесса, развивается дальше, а плоды его скажутся, когда будутъ сняты связывающіе національную жизнь внѣшніе путы. Въ моментъ выхода въ свѣтъ настоящаго изданія «Очерковъ» давленіе власти на направленіе національнаго творчества достигло своей высшей точки и грозитъ полной стерилизаціей этого творчества. Но самая напряженность этого давленія сверху, отмѣченная во всѣхъ отдѣлахъ «Очерковъ», показываетъ, что его дѣйствіе можетъ быть только временнымъ.

Эти послѣднія замѣчанія заключаютъ въ себѣ и отвѣтъ на вопросъ, создалъ-ли большевистскій періодъ русской революціи какіе-либо совершенно новые элементы русской культуры. Мы прослѣдили въ этомъ періодѣ продолженіе культурныхъ процессовъ, начавшихся ранѣе, но не видѣли возникновенія новыхъ. Притомъ, продолженіе это сводилось болѣе къ *распространенію* въ массахъ готовыхъ элементовъ культуры, чѣмъ къ созданію новыхъ. Въ этомъ отношеніи мы отмѣтили отталкиваніе отъ утонченныхъ, недоступныхъ массамъ формъ культуры «конца» XIX в. и начала XX-го — и возвращеніе къ реализму и просвѣтительной работѣ предыдущаго времени., Это возвращеніе было, несомнѣнно, облегчено и ускорено фактическимъ выбытіемъ изъ строя многихъ руководителей и вождей поколѣнія 90-хъ годовъ и перемѣнами въ настроеніи другихъ. Преемственность историческаго процесса этимъ обстоятельствомъ отнюдь не ослаблена, а усилена.

Намъ остается упомянуть, что обновленіе содержанія второго тома «Очерковъ» всѣмъ вышеуказаннымъ матеріаломъ, увеличило болѣе, чѣмъ вдвое его прежній размѣръ. Вмѣсто 402 страницъ послѣдняго изданія, этотъ томъ заключаетъ болѣе 1.000 страницъ. Авторъ позволяетъ себѣ думать, что поступательное движеніе *секуляризированной* русской культуры и самостоятельные плоды *національнаго* творчества въ «критическій» періодъ русской исторіи получили въ этомъ изданіи «Очерковъ» достаточно полную оцѣнку.

ОГЛАВЛЕНІЕ

второй части второго тома*)

II. Секуляризація искусства и его самостоятельное развитіе: архитектура и живопись ..... 462 — 602

Церковь и искусство на Западѣ 462 — 463. — Упадокъ и возрожденіе реализма 463 — 464. — Состояніе христіанскаго искусства на Востокѣ къ моменту воспріятія его Россіей 465 — 466. — Эволюція византійскаго искусства 466 — 467. — Особое положеніе архитектуры 467 — 468. — Архитектура Новгорода, Пскова, Суздаля, Москвы 468 — 469. — Національные элементы русскаго покрытія церкви: куполъ и «луковица» 469 — 471. — «Бочка» и «шатеръ» 473 — 476. — Національный стиль средины XVI в. 474. — Сопротивленіе церкви 477. — Ярославскія церкви; упадокъ національнаго стиля 477 — 478. — Источники подражанія Петровской эпохи 478. — Роль Петербурга 479 — 480. — Проникновеніе въ Россію «барокко» въ концѣ XVII в. 480 — 481. — Трезини и смѣшанные стили Петра 482. — Растрелли и рококо Елизаветы 482 — 483. — Русскіе строители и Академія 483 — 484. — Переходъ Екатерины II къ классическому стилю 484. — Русскіе архитектора Екатерины 484 — 485. — Камеронъ и Кваренги 486. — Переходъ къ чистому классицизму «Имперіи» 486 — 487. — Строительство Александра I: Воронихинъ, Томонъ, Росси, Монферранъ 487 — 489. — Демократизація и націонализація строительства при Николаѣ I 489 — 490. — Попытки возрожденія національнаго стиля 490. — Эволюція орнамента 491. — Слабость скульптуры 491. — Научные пріемы изученія иконописи 492. — Національный элементъ древнѣйшей иконописи 492 — 493. — Споры о моментѣ созданія русскаго стиля

*) Оглавленіе первой части второго тома помѣщено въ началѣ книги. Это оглавленіе помѣщается въ концѣ, чтобы, при переплетеніи обѣихъ частей въ одинъ томъ, не прерывать изложенія.

493 — 494. — Новые источники иностранныхъ вліяній въ XIV — XV в.в. 494 — 495. — Роль Венеціи 495 — 496. — Росписи Феофана Грека 496. — Русскій иконостасъ 496 — 497. — Развитіе самостоятельности русскаго стиля — 497 — 498. — Андрей Рублевъ 498. — Традиція Діонисія 499. — Итальянщина Благовѣщенскаго собора и нововведенія псковичей 499 — 500. — Источники новой иконографіи 500 — 502. — Реакція соборовъ 1554 и 1561 г.г. 501 — 502. — Предѣлы свободы иконописца по «Подлиннику» 502 — 503. — Эклектизмъ Москвы и централизація иконописанія въ «Царской школѣ» — 503 — 504. — Защита «свѣтовиднаго» письма 507 — 508. — Новаторства конца XVII в. 508. — Библія Пискатора и эволюція «палатнаго» письма 509 — 510. — Критическій «Подлинникъ» конца вѣка 511. — Запоздалость религіознаго возрожденія 511 — 512. — Условность и реализмъ въ періодѣ петровскихъ заимствованій 512 — 513. — Пейзажъ, гравюра и портретъ 514 — 516. — Развитіе жанра 516 — 517. — Венеціановъ — первый пленеристъ 517 — 518. — Академическій романтизмъ Брюллова 518 — 519. — Связанность таланта А. Иванова 519 — 520. — Росцвѣтъ жанра: Ѳедотовъ 520 — 521. — «Обличительная» литература и живопись 522 — 523. — Подготовка протеста противъ академизма 522 — 523. — Бунтъ «передвижниковъ» 1863 г. 523. — Реализмъ въ живописи 60-хъ — 70-хъ г.г. 523 — 524. — Перовъ и Рѣпинъ 524. — Бунтъ новаго поколѣнія 90-хъ г. противъ «передвижниковъ» подъ знаменемъ космополитизма 525. — «Возрожденіе академизма» у передвижниковъ 525 — 526. — Критика Бенуа и «Міра Искусства» 526 — 527. — Отъ злобы дня къ XVIII столѣтію 528. — Выходъ въ историческую живопись: Суриковъ 529. — Новое въ пейзажной живописи: Куинджи, Левитанъ 529 — 530. — «Первый импрессіонистъ» Коровинъ 530 — 531. — Уходъ въ археологію: Рерихъ 531. — Новое въ портретной живописи: Сѣровъ 531 — 532. Выходъ въ сказку и религіозную легенду: Васнецовъ, Нестеровъ 532 — 533. — Одиночка — Врубель 533. — Эклектизмъ «міроискусниковъ» 533 — 534. — Ихъ отрицаніе европейскихъ крайностей и экспортъ національнаго стиля 535. — Разногласія съ молодымъ поколѣніемъ 536. — Новые иностранные источники творчества этого поколѣнія 537. — Этапы эволюціи западной живописи 537 — 538. — «Импрессіонизмъ» во Франціи 538 — 539. — «Нео-импрессіонизмъ» 539 — 540. — «Постъ-импрессіонизмъ» Ванъ-Гога, Гогена и

Сезанна 540. «Экспрессіонизмъ» 541 — 542. — «Кубизмъ», какъ реакція противъ «экспрессіонизма» 542 — 544. «Футуризмъ» — послѣднее звено эволюціи 544 — 545. Возвращеніе къ прошлому и къ примитиву 545 — 546. — Самостоятельность русской національной школы 546. — Вліяніе импрессіонизма 547. — Сближеніе съ новѣйшими теченіями 547 — 548. — Экспрессіонизмъ Борисова-Мусатова 549 — 550. — Отъ «Міра Искусства» къ выставкѣ «Голубой Розы» (1907) 551 — 552. — Эволюція Ларіонова и Гончаровой 553 — 554. — Лихорадка заимствованій 554 — 555. — «Бубновый Валетъ», «Ослиный хвостъ», «Мишень», «№ 4» 555 — 556. — Внутренняя полемика 556 — 557. — Въ тупикѣ «футуризма» и «лучизма» 557 — 558. — Поиски народнаго русскаго примитива 558 — 559. — Роль Дягилева 559 — 560. — Націонализмъ и экзотизмъ «Русскаго Балета» 560 — 561. — Впечатлѣніе перваго періода «Р. Б.» на иностранцевъ 561. — Европеизація «Р. Б.» во второмъ періодѣ 562 — 563. — Иностранный итогъ 563. — Сближеніе противниковъ и возвратъ къ прошлому 564 — 565. — Попытки синтеза реализма и стилизаціи: Григорьевъ 565 — 566. — Шагалъ 566 — 567. — «Послѣдніе крики» и идеологія «коллективнаго человѣка» при совѣтскомъ режимѣ 567 — 569. — Попытка «монументальнаго» творчества 569 — 570. — «Производственное» направленіе искусства 570 — 571. — Выходъ дореволюціонныхъ направленій изъ подполья при Нэп'ѣ 571. — «Героическій реализмъ» и «бытовизмъ» «ахровцевъ» 571 — 572. — Новыя теченія «Маковца» и «Бытія» 572 — 573. — Попытка компромисса у «ОСТ'а» 573 — 574. — Новыя требованія «классового» искусства при Сталинѣ 574 — 575. — Декларація АХХР 1928 г. 575. — Ультра-лѣвые потуги и реакція противъ нихъ 575 — 576. — Возвращеніе къ прошлому 576 — 577. — Искусство «вещей» 577 — 578. — Революціонная графика 579. — Плакатъ 579 — 580. — Конструктивный стиль архитектуры 581. — Архитектурныя утопіи Татлина 582. — Борьба съ «эстетизмомъ» 583 — 584. — Дореволюціонный театръ 584 — 585. — Реализмъ «Художественнаго театра» 585. — Новыя попытки 585 — 586. — Символизмъ и «Студія» Мейерхольда 586 — 587. — Стилизація актера 588. — Театръ Комиссаржевской 588 — 589. — Эволюція Мейерхольда 589. — «Камерный театръ» Таирова 590. — Революціонная «театрализація жизни» 591 — 592. — Пролеткультъ и «академическіе» театры 592. — «Театральный Октябрь» Мейерхольда 593. — Революціонныя постановки 593 — 594. — Театръ на

службѣ «соціалистическаго строительства» 595 — 596. — Реакція публики 596 — 597. — Требованіе идейнаго театра 597 — 598. — Итогъ 598. — Библіографія 598 — 602.

III. Секуляризаця искусства и его самостоятельное развитіе: музыка ..... 603 — 687

Сходство и различіе съ Западомъ 603 — 605 — Судьба византійской нотаціи въ Россіи 605 — 606. — Первыя попытки самостоятельности 607. — Реформы Шайдурова и Мезенца 607 — 608. — «Демественное» пѣніе 608. — «Знаменное» (многоголосное) пѣніе 609. — Заимствованіе «партеснаго» пѣнія съ Запада 609 — 610. — Гармонизація «по-польски» и «Грамматика мусикійская» Дулецкаго 610 — 611. — Появленіе свѣтской музыки 611. — Итальянскіе композиторы и опера въ Россіи 612. — Русскіе диллетанты 612. — Первые русскіе композиторы 613 — 615. — Протестъ противъ секуляризаціи церковной музыки 615. — Роль придворной Капеллы 616 — 617. — Распространеніе интереса къ музыкѣ 617. — Глинка и Пушкинъ 618. — Національный элементъ музыки Глинки 618 — 619. — Отношеніе публики къ операмъ Глинки 619 — 620. — Даргомыжскій вводитъ начало драматизма 620 — 621. — Сѣровъ расширяетъ музыкальный кругозоръ 621 — 622. «Космополитизмъ» А. Рубинштейна 622 — 623. — Національное значеніе Чайковскаго 623 — 624. — Національный протестъ «дилеттантовъ» «Кучки» 624. — «Правда» противъ «красоты» у Мусоргскаго 624 — 625. — Его декларація цѣлей искусства и его обхватъ 625. — Реализмъ въ «Борисѣ Годуновѣ» и «Хованщинѣ» 626. — Историческій и народный элементъ 626 — 627. — Неудача при жизни, посмертный апоѳеозъ 627. — Бородинъ 628. — Эволюція Римскаго-Корсакова 628 — 629. — Римскій-Корсаковъ и Вагнеръ 630. — Отличіе въ использованіи народной легенды 630 — 631. — Запозданіе протеста молодого поколѣнія 631 — 632. — Одиночество Скрябина 632 — 633. — Пути эволюціи новѣйшей музыки XX вѣка: «раздѣваніе» музыки 634. — Постепенность «одѣванія» музыки въ прошломъ: примитивный ритмъ въ основѣ 634. — Эволюція мелодіи 634 — 635. — Послѣдняя стадія: эволюція гармоніи; ея предпосылки 635. — Періодъ контрапункта и полифонизма 635 — 636. — Установленіе четырехъ типовъ голосовъ и музыкальныхъ инструментовъ 636 — 637. — Протестъ противъ эксцессовъ контрапунктизма во имя свободы мелодіи (1600 — 1750) 637. — Стабилизація

инструментовъ и оркестроваго состава 637 — 638. — Высшая точка «одѣванія» музыки: классическій періодъ 638 — 639. — Равновѣсіе гармоніи, мелодіи и ритма: его основная черта; организованная форма — ея главное выраженіе 639. — Новый оркестръ 640. — Переходъ отъ полифоніи къ разработкѣ «темы» 640 — 641. — Языкъ музыки Бетховена 641 — 642. — Многозначность понятія «романтизма» въ музыкѣ 642. — Односторонне-гармоническій характеръ музыки XIX вѣка 642 — 643. — Консонансы и диссонансы въ ученіи Гельмгольца 643. — Гармонія оттѣсняетъ мелодію и ритмъ 643 — 644. — Протестъ противъ Вагнеровской «наркотики» 644. — Параллелизмъ новѣйшей эволюціи въ живописи и въ музыкѣ 645. — Стадія импрессіонизма 645 — 646. — Стадія «экспрессіонизма» 646. — Манифестъ Бузони 646 — 647. — А. Шенбергъ 648. — «Абсолютная» мелодія, ритмъ, гармонія 648 — 650. — Смыслъ исканія 651. — Протестъ противъ «экспрессіонизма»; соціологія противъ эстетизма 652 — 653. — Провинціализмъ Глинки 653 — 654. — Изолированность его преемниковъ 654 — 655. — Противникъ провинціализма Сѣровъ 655 — 656. — Кругозоръ «кучки» 656 — 657. — Ея распаденіе 657. — Новаторство Мусоргскаго 658 — 659. — Его посмертное вліяніе на Европу 659 — 660. — Европа знакомится съ русской музыкой 660 — 661. — Первый русскій «декадентъ» Ребиковъ 661. — Реакція Москвы противъ новаторства: Танѣевъ, Рахманиновъ, Медтнеръ 662 — 663. — Сближеніе съ Европой 663. — Петербургскій періодъ Стравинскаго 664. — Стравинскій и Шенбергъ 665 — 666. — Новаторство «Весны Священной» 667. — Переходъ къ мелодическому линейному письму 668. — Европеизація и экспериментированіе Стравинскаго 669. — Возвращеніе къ классицизму 670. — Возвращеніе къ оркестру красокъ 671. — Молодость Прокофьева 672. — Возвращеніе къ «рисунку» 673. —Параллель съ «кубо-футуризмомъ» 674 — 675. — Молодые послѣдователи Стравинскаго и Прокофьева 675. — Музыка въ совѣтской Россіи 675 — 676. — Новый «соціальный заказъ» 676 — 677. — «Дескрябинизація» музыки 677 — 678. — Мрачность Мясковскаго 678. — Визіонерство Фейнберга 678 — 679. — Академизмъ Александрова 679. — Еврейскіе композиторы 679 — 680. — Радикализмъ Рославца 681. — Доктрина Яворскаго 682. — Попытки компромисса 682 — 683. — Серьезная музыка въ массахъ 683. — Борьба новаторовъ и классиковъ за «благонадежность» 683 — 684. — Библіографія 685 — 687.

ОЧЕРКЪ СЕДЬМОЙ. ШКОЛА И ПРОСВѢЩЕНІЕ.

I. Православная школа древней Руси 687 — 705. — Споры о степени образованности древней Руси 687 — 688. — Безграмотность духовенства: совѣты Геннадія и рѣшенія Стоглаваго собора 688 — 689. — Въ XVII в. то же самое 690. — Споръ о пользѣ грамматики 691. — Средневѣковая программа школы въ Юго-Западной Россіи 691 — 692. — Протестъ православныхъ (Вишенскій) 692. — Кіевская Академія и ея воспитанники въ Москвѣ 693. — Московскіе противники и защитники школы 693 — 694. — Потребность въ изученіи богословія 694. — Греческая и латинская школа въ Москвѣ 1640-хъ - 50-хъ г.г. 694 — 695. — Расколъ и увѣщанія грековъ 695 — 696. — Школа Симеона Полоцкаго (60-е годы) 696 — 697. — Борьба за латинскій или греческій типъ школы (70-е годы) 697. — Школы обоихъ типовъ въ 80-хъ г.г. 697 — 698. — Компромиссъ въ борьбѣ съ крайнимъ теченіемъ 699. — «Славяно-греко-латинская академія» 699 — 700. — Старомосковская партія побѣждаетъ 700 — 701. — «Академія» — «цитадель» борьбы противъ иновѣрія 701 — 702. — Судьба Лихудовъ 702 — 703. — Запустѣніе «Академіи» — символъ безсилія Москвы создать среднюю и высшую школу 703 — 704. — Библіографія 704.

II. Состояніе знаній до Петра 705 — 731. — Состояніе математическихъ знаній: счисленіе 705 — 706. — Сложеніе и вычитаніе; дроби 707. — «Золотая строка»; старѣйшій учебникъ XVII в. 706 — 707. — «Геометрія» (землемѣріе): примѣрное вычисленіе площадей 707 — 708. — Порча текстовъ 708. — Прикладная часть астрономіи 708 — 709. — Византійская космографія 709. — Смѣна ея средневѣковой 710. — Протестъ противъ астрологіи въ XVI в. 710 — 711. — Воспріятіе астрологическихъ ученій въ XVII вѣкѣ 711. — Первые календари 712. — Естественно-историческія знанія: византійскій «Физіологъ» 712 — 714. — Замѣна его средневѣковымъ «Бестіаріемъ» 714. — Собираніе «монстровъ» и «раритетовъ» Петромъ 715. — Антропологическія познанія: ученіе о темпераментахъ 715 — 716. — Медицина въ Россіи 717. — «Цвѣтникъ» и «Прохладный Вертоградъ» 718 — 719. — Народная космогонія 719. — Книжный элементъ народной фармакопеи 719 — 720. — Гуманитарныя знанія: исторія 720. — Судьба византійскаго «Лѣтописца» 720 — 721. — Его замѣна «Хронографомъ» 721. — Русскія передѣлки «Хронографа» 1512 и 1617 г.г. 721

— 723. — Первые шаги русской исторіографіи: «Синопсисъ» 723 — 724. — Теологическая исторіософія И. Тимофеева 724 — 725. — Свѣтское толкованіе событій у кн. Куракина 725 — 726. — Словесныя знанія: буквари 726. — Статистика изданій учебныхъ книгъ 726. — Грамматика 727. — Діалектика и риторика 727. — Отношеніе къ философіи 727 — 728. — Допетровскія энциклопедіи: «Азбуковникъ» 728 — 729. — Его эволюція въ XVII вѣкѣ 729. — Необходимость секуляризаціи 730. — Библіографія 730 — 731.

III. Свѣтская школа Петра и императрицъ 732 — 767. — Практическія задачи секуляризованной школы 732 — 733. — Ея профессіональный характеръ 733 — — Первая сѣть духовныхъ и свѣтскихъ школъ 733 — 734. — Статистика «цифирной» школы 734. — Ея разгромъ 735. — «Гарнизонныя» школы 735 — 736. — Созданіе «епархіальной» школы 736 — 737. — Ея статистика 737. — Превращеніе въ «семинаріи» 737 — 738. — Роль духовной школы въ XVIII в. 738. — Неудача созданія начальной народной школы 738 — 739. — Отсутствіе педагогической точки зрѣнія въ петровской школѣ 739 — 740. — Она становится повинностью служилаго класса 741 — 742. — Гражданская служба въ пренебреженіи 742. — Духовная школа лишь постепенно становится сословной 742 — 743. — Населеніе ищетъ лишь элементарнаго образованія 743. — Первая попытка создать общеобразовательную и безсословную школу: академія и университетъ 744 — 745. — Академическая гимназія 745 — Результаты этой попытки 745 — 746. — Двойное назначеніе Московскаго университета 747. — Планы Шувалова и совѣты Фишера 748. — Составъ профессоровъ и студентовъ 748 — 749. — Причины неудачи 749 — 750. — Отрицательное отношеніе дворянства 750. — Педагогическія идеи Екатерины II 750 — 751. — Ея цѣль — созданіе «новой породы людей» 752. — Закрытая школа; начало женскаго образованія 752 — 753. — Теорія и практика Смольнаго института 753 — 754. — Охлажденіе Екатерины къ воспитательнымъ задачамъ школы 755. — Новая общеобразовательная и безсословная школа 1780-хъ годовъ 755 — 756. — Австрійская система преподаванія 756 — 758. — Новые учебники 758. — Подготовка учителей 758 — 759. — Осуществленіе системы на практикѣ 759 — 760. — Неудача «малыхъ училищъ» 760 — 761. — Тяжелое положеніе учителя 761 — 762. — Что сдѣлано? 762 — 763. — Статистика 763 — 764. — Вопросъ о начальной народной школѣ 764 — 765. — Библіографія 766 — 767.

IV. Борьба за школу и просвѣщеніе при старомъ режимѣ 768 — 873. — Политическій характеръ учебныхъ реформъ XIX в.: пять перемѣнъ 769. — Систематическая реформа 1804 г.: ея отношеніе къ екатерининской реформѣ 770 — 771. — Сложная программа гимназіи 1804 г. 771 — 772. — Мѣры понужденія населенія 772 — 773. — Степень осуществленія плана 773. — Необходимость подготовки учителей 773. — Университеты — педагогическіе институты въ Петербургѣ, Казани и Харьковѣ 774 — 775. — Автономный уставъ университетовъ и его иллюзорность 776. — Гоненіе на университеты 777 — 778. — Численность студентовъ въ университетѣ и дворянскихъ школахъ 778 — 779. — Слабость подготовки 779 — 780. — Непрактичность иностраннаго преподаванія 780. — Первые опыты подготовки русскихъ профессоровъ за границей 780 — 781. — Отрицательное отношеніе населенія къ гимназіи 781 — 782. — Уваровъ приспособляетъ гимназію для подготовки къ университету (1811—1817) 782 — 783. — Возстаніе декабристовъ ставитъ на очередь политическія задачи впереди образовательныхъ 784. — Реформа 1828 г. стремится вернуться къ сословной школѣ и взять воспитаніе юношества въ руки государства 784 — 786. — Уѣздныя училища 786. — Споры о классической или реальной гимназіи 786 — 788. — Бифуркація гимназіи 788. — «Благородные пансіоны» для дворянъ 788 — 789. — Правительственный контроль за частнымъ обученіемъ 789. — Соціальный составъ школы средины XIX в. 789 — 790. — Университетскій уставъ 1835 г. 790 — 791. — Формула Уварова 791 — 792. — Новый духъ преподаванія 792. — Новый составъ аудиторіи 793. — Ограничительныя мѣры Уварова и Ширинскаго-Шихматова 793 — 794. — Уклоненіе молодежи отъ государственной службы 794 — 795. — Новыя охранительныя мѣры 795. — Начало реальной школы 796. — Перемѣны въ университетскомъ уставѣ 796 — 797. — Контроль надъ профессорами 797 — 798. — Упадокъ университетовъ 798. — Переломъ при Александрѣ II 799. — Автономный университетскій уставъ 1863 г. 799 — 800. — «Свобода преподаванія и ученія» 800 — 801. — Университетъ — «барометръ общества» 801 — 804. — Споръ о классической или реальной гимназіи 804 — 806. — Компромиссное рѣшеніе реформы 1864 г. 806 — 807. — Новая реакція 807 — 808. — Реформы гр. Д. А. Толстого 808 — 810. — Результаты классицизма Толстого 810 — 812. — Непримѣнимость университетскаго устава 1884 г. 812 — 813. — Цифровые итоги

813 — 814. — Измѣненія соціальнаго состава учащихся къ концу XIX в. 814 — 815. — Неудача начальной школы по уставу 1804 г. 815. — Сельская школа 30-40-хъ г.г. 816 — 817. — Русская педагогія 60-хъ г.г. 818 — 819. Вольныя школы грамотности 820 — 821. — Споры объ обязательности обученія 821 — 822. — Общественность за добровольное обученіе 822 — 823. — Претензіи Синода 824. — «Положеніе» 1864 г. 824 — 825. — Правительственный контроль надъ начальной школой 825 — 827. — Колебанія Земства 827 — 828. — Работа прогрессивныхъ педагоговъ 828 — 829. — Цифровые итоги земской школы 829 — 831. — Усиленіе надзора 831 — 832. — Созданіе церковно-приходской школы 832. — Ея идеологъ — Рачинскій 832 — 833. — Ростъ ассигновокъ на ц.-пр. школу 833 — 834. — Перемѣна настроеній въ 90-хъ г.г. 834 — 835. — Борьба противъ университетскаго устава 1884 г. 835 — 836. — Перемѣны въ гимназическомъ преподаваніи 836 — 837. — Перемѣна отношенія крестьянства къ начальной школѣ 837 — 839. — Оживленіе школьной и внѣшкольной работы земствъ 839 — 840. — Народныя чтенія 840 — 841. — Учительскія семинаріи 841 — 842. — Колебанія въ вопросѣ о всеобщемъ обученіи 842 — 843. — Первые разсчеты возможности введенія всеобщаго обученія 843 — 845. — Разсчеты и рѣшенія Гос. Думы 846 — 847. — Осуществленіе думскаго плана 847 — 848. — Цифровые итоги 848. — Составъ учителей 848 849. — Ростъ книгоиздательства 849 — 850. — «Смирдинскій» періодъ 850 — 851. — Ускореніе роста со второй половины XIX в. 851 — 852. — Усиленіе народнаго спроса на книгу 852 — 853. — Медленность роста публичныхъ библіотекъ 853. — Роль университетской молодежи и комитетовъ грамотности въ организаціи народнаго чтенія 853 — 855. — Проникновеніе книги въ деревню 856. — Типы народныхъ читателей и характеръ чтенія 856 — 858. — Ростъ издательства для народа 859. — Изученіе народнаго читателя 859 — 861. — «Книжный потокъ» времени революціи 1905 г. 861 — 862. — «Отливъ» 862. — Ростъ книжной продукціи 862. — Идейныя издательства и читатели 862 — 864. — Боевое настроеніе читателей 864. — Грамотность до конца XIX в. 864 — 866. — Радикализмъ учительскихъ съѣздовъ 1908 - 13 г.г. 866 — 868. — «Государственный комитетъ» февральской революціи 868. — Недостаточность практическихъ мѣръ 868 — 869. — Начало развала школы 869. — Библіографія 870 — 873.

V. Школа на службѣ политики въ СССР 874 — 945. — Взглядъ Ленина 874 — 875. — Заимствованія у русскихъ и иностранныхъ педагоговъ 875 — 878. — Педагоги-марксисты 878 — 879. — «Трудовая школа» въ партійной программѣ 879 — 880. — «Политехническая» школа Маркса и Энгельса 880 — 881. — Непригодность для Россіи 881 — 882. — Настроенія школьныхъ учителей 882. — Коммунистическое руководство ими 882 — 884. — «Великій переломъ» 884 — 885. — Образовательный цензъ учителей 885 — Развалъ дореволюціонной школы 886 — 887. — Отвѣтственность сов. власти за дальнѣйшій упадокъ 887 — 888. — Первоначальныя «иллюзіи» 888 — 889. — «Положеніе» 1918 г. 889 — 890. — Крушеніе плана «единой» школы 890 — 891. — Уступки профессіонализму 891 — 892. — Обособленіе типовъ школъ 892 — 893. — Выходъ изъ каждой въ профессію 893 — 894. — «Соціальное воспитаніе» въ низшей школѣ 894. — Споры о «комплексномъ» методѣ 894 — 896. Приспособленіе программъ ГУС'а къ марксизму 896 — 897. — Споры объ осуществимости такой школы 897 — 898. — Пассивное сопротивленіе среды 898 — 899. — Компромиссы на практикѣ 899 — 900. — Недовольство крестьянства и учителей 900 — 901. — Выходъ школы на улицу 901. — «Самоуправленіе» и внесеніе политики въ школу 901 — 902. — Политическая провѣрка 902 — 903. — Попытки приспособленія школы къ жизни 903 — 904. — Перемѣна отношенія населенія 904 — 905. — Ростъ школьнаго бюджета 905 — 907. — Ростъ количества школъ 907. — Проекты всеобщаго обученія 908 — 909. — Трудность осуществленія 909 — 911. — Усиленіе профессіонализаціи школы 911 — 912. — Фабричныя школы 912 — 913. — «Техникумы» 913 — 914. — «Рабфаки» 914 — 915. — Ихъ неудачи 915 — 916. — Статистика проф. школъ 916. — Нехватка спеціалистовъ для «пятилѣтки» 917 — 918. — Положеніе средней школы 918. — Отношеніе къ ней власти 919. — «Отсѣвъ» дѣтей рабочихъ 920. — Лицо и изнанка средней школы 920 — 921. — Возвращеніе къ старому 921 — 922. — Утопическій періодъ высшей школы 922. — «Вниманіе» къ ней начальства 923 — 924. — Контроль состава студентовъ 924. — Надзоръ за профессорами 924 — 925. — Профессіонализація 925 — 926. — Чистка профессоровъ 926 — 927. — Составъ научныхъ работниковъ 927. — Цѣли новой общей реформы 927 — 928. — Луначарскій упирается 928 — 929. — Итогъ недочетовъ 929 — 930. — Попытка компромисса Наркомпроса и

побѣда новаго направленія 930 — 931. — Новый наркомъ Бубновъ 931. — Положеніе учителей 932. — Борьба съ «реакціонной» профессурой 932 — 933. — Новые «аспиранты» 933. — Пересмотръ программъ ГУС'а 933 — 934. — Борьба за «темпы» 934 — 935. — Поиски причинъ неудачи 935 — 936. — Требованіе принципіальности и возвращеніе къ «единой» и «политехнической» школѣ 936. — Принудительная семилѣтка 937. — Обязательныя «соціальныя нормы» пріема 938. — Вопросъ объ экзаменахъ 939 — 940. — Требованія «политехническаго съѣзда 1930 г. 940 — 941. — Сопротивленіе среды 941 — 942.

VI. Просвѣщеніе на службѣ политики въ СССР 946 — 977. — «Полит-просвѣщеніе» 946. — Состояніе грамотности 947. — Мѣры ликвидаціи неграмотности 947 — 948. — Неудача ихъ 948 — 949. — «Культ-походники» 949 — 951. — Націонализація печатнаго дѣла 951 — 952. — Перемѣна при Нэпѣ 952. — Ростъ книжнаго производства 953. — Причины «затоваренности» 1924-1925 г.г. 953 — 954. — Перемѣны въ составѣ книгъ 955. Газета на службѣ партіи 955 — 956. — Остановка при Нэпѣ 956 — 957. — Дальнѣйшій ростъ 957 — 958. — Дифференціація типовъ 958. — Отказъ отъ свободы печати 959. — Попытки обслуживать **интересы** читателей: «раб» и «селькоры» 959 — 960. — Предѣлы свободы критики 960 — 961. — Переходъ къ **руководству** населеніемъ 961 — 962. — Газетный гипнозъ 962. — Статистика «политпросвѣтительныхъ» учрежденій 963. — Эволюція совѣтскаго «кино» 963 — 965. — Эволюція другихъ методовъ «политпросвѣтительства» 965. Значеніе распространенія книги 966. — Изученіе читателя 967. — Методъ Н. А. Рубакина и его послѣдователей 967 — 968. — Изученіе журнализма 968 — 969. — Что читаетъ публика? 969 — 970. — Анкета «Крестьянской Газеты» 970 — 971. — Чего не хотятъ читать крестьяне? 971. — Вопросъ объ упрощеніи языка 972. — Неудовлетворительность библіотечнаго дѣла 973. — «Биб-походъ» 973. — «Избы-читальни» 974. — Повышеніе требованій 973 — 974. — Новые пріемы 975. — Сталинъ — Петръ Великій? 975 — 976. — Библіографія 976 — 978.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Итоги второго тома 979 — 995. — Пониманіе «духовнаго» начала въ абсолютномъ смыслѣ и попытки опредѣленія «народной души» не составляютъ задачи

«Очерковъ» 979. — «Очерки» чужды злоупотребленія терминами «культуры» и «цивилизаціи» 980. — Они не связываютъ «цивилизаціи» съ «упадкомъ 891. — «Отрывъ» интеллигенціи отъ народа — неизбѣжная стадія перехода отъ стихійныхъ процессовъ къ сознательнымъ 891 — 982. — Разрывъ вездѣ происходитъ въ области вѣры 982 — 983. — Роль религіи на Западѣ 983 — 985. — Послѣдствія слабаго вліянія религіи въ Россіи 985 — 986. — Стерилизація національно-культурной самодѣятельности 986. — Отходъ народной массы отъ оффиціальной церкви 986. — Подчиненіе церкви государству 987.. — Остановка національнаго творчества 987 — 988. — Отсутствіе школы и отсталость науки 989. — Школа создается для государственныхъ нуждъ 990. — Перспективы культурнаго вліянія религіи 990 — 991. — Проблематичность перемѣнъ 991 — 992. — Плоды секуляризаціи — задача новаго изданія II тома 992. — Роль заимствованія въ созданіи національной культуры 992 — 993. — Передаточная роль высшаго класса 993 — 994. — Эстетизмъ конца XIX вѣка 994. — Демократизація культуры продолжается въ СССР 995.

Оглавленіе второй части II тома ..... 996 — 1007

Важнѣйшія исправленія въ ч.ч. I и II тома 1008 — 1012.

ВАЖНѢЙШІЯ ИСПРАВЛЕНІЯ*)

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
9	1 снизу	1905	1903
17	2 снизу	Н. Н. Трубецкой	Н. С. Трубецкой
23	8 снизу	десятинной	Десятинной
36	18 сверху	стр. 97-98	стр. 107-108
95	17 снизу	стр. 75	стр. 80
97	13 сверху	стр. 75	стр. 80
105	16 сверху	и въ	и во всемъ
106	7 снизу	стр. 31, 33	стр. 35, 36
107	1 снизу	стр. 32-33	стр. 35-36
115	13 сверху	стр. 67-70	стр. 74-76
116	7 сверху	стр. 51, 69	стр. 54, 75
121	15 сверху	стр. 125-130	стр. 135-138
129	12 сверху	стр. 123	стр. 133
129	14 сверху	136	147
138	1 снизу	стр. 139	стр. 146, 151
143	8 сверху	това	тома
157	20 сверху	концу	къ концу
157	25 сверху	стр. 146	стр. 144
193	4 снизу	признаемъ	признаетъ
210	2 сверху	100.00 ч. жителей православнаго исповѣданія	100.000 жителей православнаго исповѣданія въ % (надпись относится къ послѣднимъ тремъ столбцамъ таблицы).

*) Я долженъ просить снисхожденія читателей по поводу многочисленныхъ погрѣшностей текста II тома, оказавшихся неизбѣжными въ условіяхъ печатанія книги за-границей. Полный списокъ этихъ погрѣшностей доставленъ мнѣ Б. И. Элькинымъ, которому приношу искреннюю благодарность. Я, однако, оставилъ безъ исправленія рядъ опечатокъ буквеннаго характера и не менѣе значительный списокъ ошибокъ по согласованію, знакамъ препинанія и ковычекъ, а также переносу словъ, сохранивъ лишь тѣ, которыя мѣшаютъ пониманію текста. Исправленныя здѣсь ошибочныя ссылки объясняются тѣмъ, что дѣлались, по недосмотру, на страницы прежняго изданія. Есть, наконецъ, нѣсколько фактическихъ ошибокъ: замѣченныя изъ нихъ вошли въ число сдѣланныхъ здѣсь исправленій. Вѣроятно, друзья «Очерковъ» сообщатъ мнѣ и незамѣченные мной погрѣшности, за что заранѣе ихъ благодарю.

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
230	1 снизу	«Петроградскій Вѣст - никъ»	«Петроградскій Церк. Епарх. Вѣстникъ»
233	16 снизу	стр. 218	стр. 219
238	14 сверху	стр. 228	стр. 229
248	13 сверху	стр. 237	стр. 238
253	1 снизу	стр. 230	стр. 231
260	20-21 сверху	объединеніе	объединеній
260	21 сверху	пица	лица
260	14 снизу	встрѣтить	встрѣтитъ
266	22 сверху	стр. 264	стр. 263
275	10 снизу	въ т.	въ т. числѣ
326	8 снизу	Тургеневъ	Тургеневъ, Толстой
339	1 снизу	Пѣшехонская	Пошехонская
349	15 снизу	«Кіевской	Кіевской «
352	18 снизу	перешло къ намъ	перешло къ намъ, конечно, далеко не всегда изъ первоисточника
354	8 сверху	А. З. Гиппіусъ	А З. И. Гиппіусъ
357	2 сверху	Д. С. Мережковскій	Минскій
367	15 снизу	Мережковскіе поки - нули Россію и провели	Мережковскіе покинули Россію на 2½ года и потомъ проводили
367	14 снизу	почти все десятилѣтіе	мѣсяца по два ежегодно, почти все десятилѣтіе
388	2 снизу	Л., б. д.	Ленинградъ, безъ даты
405	8 снизу	Т. А. Гофмана,	Э. Т. А. Гофмана
409	16 снизу	М. Пришвинъ ( )	М. Пришвинъ (1873)
422	20 сверху	ассоціацій	ассоціаціи
433	12 сверху	исписанія	описанія
445	6 сверху	стр. 000	стр. 378
448	10 сверху	1827	1927
480	5 снизу	пятиглавнаго	пятиглаваго
516	8 снизу	обусѣвшій	обрусѣвшій
517	21-20 снизу	Венеціанову, опредѣ - ливъ	Венеціанову опредѣлить
532	13 снизу	градіозное	грандіозное.
548	16 сверху	Мантепьей	Мантенья
550	18 снизу	призраки, идутъ,	призраки идутъ
557	3 снизу	построеніе	построенія
559	17 сверху	Гончарова	Гончарову
562	11 снизу	въ «Правдѣ»	въ «Парадѣ»
610	6 снизу	пизкій	низкій
625	3 снизу	музыкальной	музыкальныя
626	2 сверху	Ссылка на «піонерст- во» Рѣпина	Ссылка на «піонерство» Рѣпина (см. стр. 658)
630	11 снизу	считающихся	считающихся

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
633	3 снизу	1821	1871
636	12 сверху	привела	привело
637	15 снизу	усовершенствовавшихъ	совершествовавшихъ
643	11 сверху	т. д.	т. е.
643	17 сверху	четвертой	третьей
647	18 снизу	выступитъ	выступить
648	13 снизу	сексуальный	сенсуальный
653	7 сверху	seneritas	serenitas
658	6 снизу	шлакбаума	шлагбаума
661	1 сверху	отвернутая	отвергнутая
661	13 снизу	умѣемъ	имѣемъ
674	4 сверху	культурнаго	модернаго
691	11 снизу	ихъ ариѳметикѣ	изъ ариѳметики
700	11 сверху	челядницевъ	челядинцевъ
729	16 снизу	«Азбуковники»	«Азбуковникѣ»
744	9 и 14 снизу	perpetium	perpetuum
747	3 снизу	трехлѣтникъ	трехлѣтнихъ
749	4 сверху	момента	моменты
765	3 снизу	Кантерева	Каптерева
766	8 снизу	186	1806
773	14 снизу	обезпеченныхъ	обезпеченнымъ
780	20 снизу	флософскимъ	философскимъ
829	20 сверху	Пульсона	Паульсона
829	18 снизу	В. Н. Водовоза	В. И. Водовозова
833	15 снизу	дѣйствительный	единственно дѣйствительный
833	12 снизу	становится	становиться
836	5 сверху	Д. Н. Толстого	Д. А. Толстого
836	8 снизу	(195-6)	(1905-6)
848	6 сверху	Къ началу	Въ началѣ
853	10 снизу	Д. Н. Шаховской	Д. И. Шаховской
855	12 снизу	В. Н. Орлова	В. И. Орлова
855	10 снизу	Д. Н. Шаховскому	Д. И. Шаховскому
863	14 сверху	книжкѣ	книжку
867	20 снизу	началъ	началахъ
870	3 сверху	«Вѣстникъ Европы»	«Вѣстникъ Европы» 1876 г.
870	9 сверху	статью	мою статью
871	6 сверху	18»5	1865
876	13 сверху	разсматривая	разсматривая его
877	13 снизу	шлока	школа
883	14 снизу	поддуржку	поддержку
884	4 снизу	РВК.	РКП.
885	8 сверху	«250.060»	«250.000»
890	11 сверху	стараго	самаго
905	16 сверху	комплетныя	комплектныя

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
938	19 сверху	эта	эти
939	5 снизу	Брокманъ	Бронтманъ
939	12 сверху	Главсоцвозъ	Главсоцвос
943	11 снизу	«позивистической»	«позитивистической»
944	16 снизу	В. Н. Чарнолусскій	В. И. Чарнолусскій
947	15 сверху	молодежи	поколѣнія молодежи
951	8 сверху	«культубригады»	«культбригады»
959	12 сверху	ласть	власть
959	15 сверху	эмигрантскихъ	былыхъ эмигрантскихъ
960	7 снизу	наблюдается	наблюдаются
961	14 снизу	стабилизрована	стабилизирована
963	8 сверху	оъ	отъ
963	12 снизу	это	этого
971	12 сверху	и тѣ дѣ	и т. д.
972	20 снизу	прокламацію» газету	прокламацію»; газету
973	10 снизу	Эти	Эту
976	9 снизу	192»	1926
976	8 снизу	обзоры:	обзоры: Книжная статистика сов. Россіи 1918-1923 (Гос. Изд. 1924).
980	9 сверху	реально	рально

Помимо этихъ поправокъ, авторъ обращаетъ вниманіе читателей на примѣчаніе въ заключительной главѣ, гдѣ даются указанія относительно порядка чтенія второго тома.

IMPRIMERIE «PASCAL». 13, RUE PASCAL. PARIS.

92-7
867-22